

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 0130-3864

В НОМЕРЕ:

РОССИЯ КАК ФРОНТИР ЕВРОПЫ В БРИТАНСКИХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИГРАХ ЭПОХИ ГЕОРГОВ

«ДВУЛИКИЙ ЯНУС»: СОСТОЯЛ ЛИ КАНЦЛЕР
А.П. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН НА СЛУЖБЕ У АНГЛИЧАН?

РОДСТВЕННИКИ ПЕТРА III ПРИ ПЕТЕРБУРГСКОМ ДВОРЕ

ЕГИПЕТСКИЙ ПОХОД БОНАПАРТА И БЛИЖНИЙ ВОСТОК

«РЕСПУБЛИКА ГОСПОДИНА ТЪЕРА» В ОЦЕНКАХ РУССКИХ
ДИПЛОМАТОВ (август 1871 – октябрь 1872 года)

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ VS ПОЛИТИКА: ОБРАЗ ЖАННЫ Д'АРК
В КИНЕМАТОГРАФЕ XX века

«ГЕРМАНИЯ И БАЛКАНСКАЯ РАСПРЯ»:
ОЦЕНКА РОССИЙСКОЙ ПРЕССОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ
В ПЕРИОД ДВУХ БАЛКАНСКИХ ВОЙН, 1912–1913 годы

БОРЬБА С КЕМАЛИСТСКИМ ГОСУДАРСТВОМ:
ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС И НИЗОВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ
АКТИВНОСТЬ В ТУРЦИИ В 1920–1930-е годы

ВЗГЛЯДЫ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ЮКИО ХАТОЯМЫ
НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ЯПОНИИ В КОНТЕКСТЕ
ПОИСКА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

3
2024

УДК 94(100)"15/21"(082)
ББК 63.3(0)5я43+63.3(0)6я43

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

НОВАЯ " " НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

№ 3
МАЙ–ИЮНЬ

2024

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛИ:
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ
ИСТОРИИ РАН

Главный редактор **В.С. Мирзеханов**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Одд Арне Вестаг (США), А.Б. Давидсон (Россия), Штефан Карнер (Австрия),
Николаус Катцер (Германия), Доминик Ливен (Великобритания), Г.Ф. Матвеев (Россия),
В.С. Мясников (Россия), В.В. Наумкин (Россия),
Рольф Тоштендаль (Швеция), А.О. Чубарьян (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Йорг Баберовски (Германия), Л.С. Белоусов (Россия), Д.М. Бондаренко (Россия),
В.И. Журавлева (Россия), Владислав Зубок (Великобритания), Суви Кансикас (Финляндия),
С.Я. Карп (Россия), М.А. Липкин (Россия), Леонид Люкс (Германия),
А.Г. Матвеева, зам. главного редактора (Россия),
В.С. Мирзеханов, главный редактор (Россия), Мари-Пьер Рей (Франция),
Дональд Рейли (США), Л.П. Репина (Россия), И.М. Савельева (Россия),
Е.Ю. Сергеев (Россия), В.В. Согрин (Россия), Грегори Фриз (США), Б.Л. Хавкин (Россия),
П.П. Черкасов (Россия), Франтишек Штелльнер (Чехия)

Ответственный секретарь **И.А. Фадеев**

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32А
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

№ 3
MAY–JUNE
2024

ESTABLISHED IN MAY, 1957
PUBLISHED SIX TIMES A YEAR

ESTABLISHED BY
THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES

Editor-in-Chief **Velikhan Mirzekhanov**

EDITORIAL OF EDITORS

Aleksander Chubaryan (Russia), **Apollon Davidson** (Russia), **Stefan Karner** (Austria),
Nikolaus Katzer (Germany), **Dominic Lieven** (United Kingdom),
Gennadiy Matveev (Russia), **Vladimir Myasnikov** (Russia), **Vitaliy Naumkin** (Russia),
Rolf Torstendahl (Sweden), **Odd Arne Westad** (USA)

EDITORIAL BOARD

Jörg Baberowski (Germany), **Lev Belousov** (Russia), **Dmitriy Bondarenko** (Russia),
Petr Cherkasov (Russia), **Gregory Freeze** (USA), **Suvi Kansikas** (Finland), **Sergey Karp** (Russia),
Boris Khavkin (Russia), **Michail Lipkin** (Russia), **Leonid Luks** (Germany),
Anna Matveeva, Deputy Editor-in-Chief (Russia), **Velikhan Mirzekhanov**, Editor-in-Chief (Russia),
Donald Raleigh (USA), **Lorina Repina** (Russia), **Marie-Pierre Rey** (France), **Irina Saveleva** (Russia),
Yevgeny Sergeyev (Russia), **Vladimir Sogrin** (Russia), **František Stellner** (Czech Republic),
Victoria Zhuravleva (Russia), **Vladislav Zubok** (United Kingdom)

Secretary **Ivan Fadeyev**

Editorial Office Address: 119334, Moscow, Leninskiy Prospekt, 32A

Web-site: <http://nni.jes.su>

e-mail: novistor57@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Воробьева О.В. Экистика в творчестве А.Дж. Тойнби 5

НОВОЕ ВРЕМЯ

Шпак Г.В. Россия как фронтир Европы в британских образовательных играх эпохи Георгов .. 15
 Лабутина Т.Л. «Двуликий Янус»: состоял ли канцлер А.П. Бестужев-Рюмин на службе у англичан? 28
 Штеллнер Ф. (Чехия). Родственники Петра III при петербургском дворе 41
 Староскольская Д.С. Америка геральдическая..... 53
 Чудинов А.В. Египетский поход Бонапарта и Ближний Восток 61
 Черкасов П.П. «Республика господина Тьера» в оценках русских дипломатов (август 1871 – октябрь 1872 года) 78

XX ВЕК

Тогоева О.И. Повседневность vs политика: образ Жанны д'Арк в кинематографе XX века 95
 Котов Б.С. «Германия и балканская распря»: оценка российской прессой политики Германии в период двух Балканских войн, 1912–1913 годы 107
 Шлыков П.В. Борьба с кемалистским государством: земельный вопрос и низовая гражданская активность в Турции в 1920–1930-е годы 127
 Манухин А.А. Висенте Ломбардо Толедано и подход СССР к левым силам Мексики после Второй мировой войны 142
 Садаков Д.А. Проблема «двух Корей» в политике США в 1974–1980 годах 158
 Чагадаева О.А. К вопросу о размывании социального слоя инженерно-технических работников в годы социально-экономического транзита (1987–1999) 171
 Живанович М. (Сербия). Образ Союзной Республики Югославия в российской прессе в период санкционного давления на страну (1992–1995) 184

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ

Филиппов Д.А. Взгляды премьер-министра Юкио Хатоямы на внешнюю политику Японии в контексте поиска дипломатической стратегии 199

ПУБЛИКАЦИИ

Тихомиров Н.В. «Мы одни здесь, как сиротинушки»: деревенская практика ленинградских студентов в начальный период коллективизации 209
 Замулин В.Н. Почему наступление германских войск на Курск не состоялось в мае 1943 года. Новые документы 228

РЕЦЕНЗИИ

Малкин С.Г. Россия и Западный мир: грани конфликтного взаимодействия (Запад и Россия: история противостояния / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2023) 239
 Третьякова М.Ч. Депортация евреев из Македонии, Фракии и Пирот – темная страница истории Болгарии (Базичното антисемитско законодатство на Бугарија: сборник документи / сост. С. Асани, В. Поповски, Н. Маличи. Скопје, 2020) 244
 Михель Д.В. Глобальная история для университетов (Т.Л. Шестова. Глобальная История. Учебное пособие. М., 2022) 248

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Мягков М.Ю. 100 лет выдающемуся российскому военному историку Олегу Александровичу Ржешевскому 251

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF HISTORY

Vorobieva O.V. Ekistics in Arnold J. Toynbee Works	5
---	---

MODERN HISTORY

Shpak G.V. Russia as a Frontier of Europe in the British Educational Games of the Georgian Age	15
Labutina T.L. “Two-Faced Janus”: Was Chancellor Alexey Bestuzhev-Ryumin in the Service of the British?.....	28
Stellner F. (<i>Czech Republic</i>). Peter III’s Relatives at Petersburg Court.....	41
Staroskolskaya D.S. Heraldic America	53
Tchoudinov A.V. The Egyptian Campaign and the Middle East	61
Cherkasov P.P. “Mr. Thiers’ Republic” in the Assessments of Russian Diplomats, August 1871 – October 1872	78

TWENTIETH CENTURY

Togoeva O.I. Everyday Life vs. Politics: the Image of Joan of Arc in the Cinema of the Twentieth Century.....	95
Kotov B.S. “Germany and the Balkan Feud”: The Russian Press Assessment of German Policy During the Two Balkan Wars of 1912–1913	107
Shlykov P.V. Contesting the Kemalist State: The Land Question and the Grass Root Civic Activity in the 1920–1930s Turkey	127
Manukhin A.A. Vicente Lombardo Toledano and the Soviet Approach to the Mexican Left After the Second World War	142
Sadakov D.A. The “Two Koreas” Problem in U.S. Policy, 1974–1980	158
Chagadaeva O.A. On the Issue of the Erosion of the Social Stratum of Engineering and Technical Workers During the Years of Socio-Economic Transition (1987–1999)	171
Zhivanovic M. (<i>Serbia</i>). The Image of Federal Republic of Yugoslavia in the Russian Press During the Sanction Pressure on the Country, 1992–1995.....	184

CONTEMPORARY HISTORY

Filippov D.A. The Views of Prime Minister Hatoyama Yukio (2009–2010) on Japan’s Foreign Policy Within the Context of the Search for a New Grand Strategy	199
---	-----

ANALYSING ORIGINAL DOCUMENTS

Tikhomirov N.V. “We Are Alone Here Like Orphans”: Leningrad Students’ Rural Practice in the Initial Period of Collectivisation	209
Zamulin V.N. Why Did the German Offensive on Kursk Not Take Place in May 1943? New Documents.....	228

REVIEWS

Malkin S.G. Russia and the Western World: the Facets of Conflict Interaction (The West and Russia: the History of Confrontation / ed. T.L. Labutin. Saint-Petersburg, 2023)	239
Tretjakova M.Ch. Deportation of Jews From Macedonia, Thrace and Piro: a Dark Page in the History of Bulgaria (Basic Anti-semitic Legislation of the Kingdom of Bulgaria / comp. S. Asani, N. Malici, V. Popovski. Skopje, 2020).....	244
Mikhel D.V. Global History for Universities (T.L. Shestova. Global History. A Manual. Moscow, 2022) 248	

ACADEMIC LIFE

Myagkov M.Yu. Centenary of the Outstanding Russian Military Historian Oleg Alexandrovich Rzheshhevsky.....	251
---	-----

DOI: 10.31857/S0130386424030015

© 2024 г. **О.В. ВОРОБЬЕВА**

ЭКИСТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ А.ДЖ. ТОЙНБИ

Воробьева Ольга Владимировна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).
E-mail: vorobushek1@yandex.ru
Scopus Author ID: 57219143646; ORCID: 0000-0002-0643-210; Researcher ID: R8790-2016

Аннотация. В статье рассматриваются зарождение и развитие исследовательского интереса британского историка А. Дж. Тойнби (1889—1975) к экистике — науке о формировании и эволюции человеческих поселений. В работе излагаются обстоятельства его знакомства и сотрудничества с родоначальником этой науки — греческим архитектором К. Доксиадисом (1914—1975). Предметом анализа являются три книги Тойнби, написанные в рамках этого сотрудничества и ранее не привлекавшие внимания исследователей. В них британский ученый попытался соединить предлагаемый экистикой взгляд на город со своими собственными историческими представлениями и с интересом к гуманитарной географии. Для Тойнби город является частью общего цивилизационного процесса, общеисторическим феноменом — как горизонтальным, так и вертикальным, — и именно такой взгляд на город является наименее разработанным аспектом мировой урбанистики. Тойнби делает ряд интересных наблюдений, стремясь показать, как сложившиеся в древности паттерны городской жизни, с одной стороны, передаются во времени и пространстве, встречаясь в разных ареалах земного шара, с другой — частично трансформируются под влиянием мировых процессов, особенно колониализма и глобализации. Автор статьи приходит к выводу, что определенный потенциал для будущих исследований в области урбанистики могут иметь наблюдения Тойнби о взаимосвязи между традицией, модернизацией и колонизацией в устройстве городов, о специфике имперских городов, об особенностях создания городской среды в пространстве современного мегаполиса и Экуменополиса, под которым понимается модель всемирного города.

Ключевые слова: А. Дж. Тойнби, К. Доксиадис, экистика, историческая урбанистика.

O.V. Vorobieva

Ekistics in Arnold J. Toynbee Works

Olga Vorobieva, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).
E-mail: vorobushek1@yandex.ru
Scopus Author ID: 57219143646; ORCID: 0000-0002-0643-1210; Researcher ID: R8790-2016

Abstract. In the article the author examines the origin and development of the research interest of the British historian Arnold Joseph Toynbee (1889—1975) in ekistics, the science of the formation and evolution of human settlements. It describes the circumstances of his meeting and cooperation with the Greek architect Constantinos Doxiadis, the originator of this science, and analyses three of Toynbee's books written in the course of this collaboration, which have not yet attracted much scholarly attention so far. Toynbee tried to combine the view of the city offered by ekistics with his own historical ideas and his interest in human geography. The author demonstrates that for Toynbee the city is part of the general civilizing process, a general historical phenomenon — both horizontal and vertical — and it is this view of the city that is the least developed aspect of world urbanism. Toynbee makes a number of interesting observations, showing how patterns of urban life developed in antiquity, have been transmitted in time and space, appearing in different areas of the globe, and have been partially transformed under the influence

of world processes, especially colonialism and globalization. The author concludes that Toynbee's observations on the relationship between tradition, modernization, and colonization in the structure of cities, on the specificity of imperial cities, on the peculiarities of creating an urban environment in the space of the modern megacity and Ecumenopolis may have a certain potential for future urban studies.

Keywords: Arnold Joseph Toynbee, Constantinos Apostolou Doxiadis, ekistics, historical urbanism.

Британский историк А. Дж. Тойнби не нуждается в представлении. Его имя прочно ассоциируется и с фундаментальным трудом «Постижение истории», и с целым рядом книг по мировой истории, и с циклом «Обзоров международных событий», выпускавшихся на протяжении нескольких десятилетий. Проблемы урбанистики явно не входят в этот ряд. Тем удивительнее оказалась находка в архиве Тойнби, хранящемся в Бодлеанской библиотеке в Оксфорде, рукописей серии изданий¹, посвященных этой проблематике и сегодня практически забытых. Попытка найти разбор и критику этих книг оказалась безуспешной — существуют лишь «обязательные» короткие рецензии², появляющиеся на все выходящие в Британии издания. Между тем автор одной из них очень высоко оценивает очередную книгу Тойнби, полагая, что она обязательно «должна быть включена в библиографию по урбанистике»³. Задача восполнить эту лаку и подтолкнула к проведению исследования, положенного в основу данной статьи.

Его отправной точкой стала информация из автобиографической книги Тойнби «Пережитое». В ней он, в частности, характеризует три греческих образования, которые привели его к сравнительному изучению цивилизаций⁴. Последнее, по его словам, началось в 1960 г. во время посещения им пакистанского города Карачи. Изменения в городской жизни, подмеченные Тойнби в этой поездке по сравнению с его визитом в город в 1929 г. (палаточные городки, трущобы, мигранты), поразили его. «Жалкие трущобы вокруг города исчезли. Их вытеснили просто добротно построенные и умело спланированные новостройки. ... Градостроительная политика здесь [была] хорошо продумана и социально ориентирована. Новые микрорайоны спланированы так, что дети могут за пять-десять минут дойти от дома до школы, а домохозяйки до магазинов или бани. ... И очевидно, что усилия архитекторов по созданию условий для возникновения новой жизни ... достигают задуманного психологического и социального результата»⁵. Желание узнать, «кто он, этот гений», столь умело вписывающий поселки и города в природный ландшафт, проектирующий в глобальных масштабах «на столетие вперед», чей «временной диапазон не уступает диапазону пространственному»⁶, привели его к знакомству с греческим архитектором-градостроителем Константиносом Доксиадисом (1914–1975), получившим известность в качестве ведущего архитектора таких городов, как Исламабад, Карачи, Хомса, Филадельфия, и консультанта властей Детройта, Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу и других. Но больше всего он известен как основатель экистики.

Как следует из общедоступной информации о нем⁷, карьера Доксиадиса развивалась стремительно и успешно. Практически сразу после окончания университета (1935) он был назначен Главой службы городского планирования Больших Афин (1937), а после войны — заместителем

¹ *Toynbee A.J. Cities of Destiny. New York, 1967; Idem. Cities on the Move. London, 1970; Idem. Ecistical Studies of the Hellenic City State. Athens Technological Organization. Athens, 1971.*

² *Kirk W. Rev. on: Cities on the Move: by Arnold Toynbee. London, 1970 // Urban Studies. 1971. Vol. 8. Iss. 1. P. 73–75; Morton W.L. Rev. on: Cities on the Move: by Arnold Toynbee. London, 1970 // The Canadian Historical Review. Toronto, 1972. P. 70–71; Fooker T.W. Rev. on: Cities on the Move. By Arnold Toynbee. London, 1970 // New Zealand Geographer. 1972. Vol. 8. Iss. 2. P. 209–210.*

³ *Fooker T.W. Op. cit. P. 209.*

⁴ Своим первым греческим образованием Тойнби считал обучение в школе-интернате в Уинчестере (1902–1907) и Оксфорде (1907–1911), вторым — годичное путешествие по Греции (1911–1912). См.: *Тойнби А. Дж. Пережитое. Мои встречи. М., 2003. С. 16–48.*

⁵ Там же. С. 45.

⁶ Там же. С. 45–46.

⁷ Доксиадис Константинос // URL: https://old.bigenc.ru/fine_art/text/1963595 (дата обращения: 22.03.2024).

министра Греции по реконструкции. Блестяще проявив себя на этом посту, в 1950-х годах он сумел получить большие подряды на строительство жилья в десятках стран. Кстати, в должности замминистра в 1947 г. именно он возглавил греческую делегацию на конференции ООН по градостроительству и развитию. В 1951 г. Доксиадис основывает фирму консультантов-инженеров *Doxiadis Associates*⁸, которая вскоре открыла офисы на пяти континентах и получила проекты в 40 странах мира. В 1963 г. он запускает ежегодный Делосский симпозиум по проблемам градостроительства⁹ и в последующие годы публикует книги, статьи и доклады¹⁰, обозначив в них задачи и контуры новой науки — экистики.

Экистика — наука о формировании и эволюции человеческих поселений с точки зрения планировочной архитектуры. Основным стимулом для ее возникновения и развития стало появление крупных и сложно устроенных населенных пунктов, с тенденцией к региональным агломерациям и даже к всемирному городу (который Доксиадис назвал «Экуменополисом»). Однако целью экистики, опирающейся на археологические и исторические знания, являлся учет всех масштабов человеческого жилья, причем не только в городах, но и других видах поселений. Поэтому, помимо истории, в рамках экистики уделялось внимание географии, экологии, человеческой психологии, антропологии, культуре, политике и эстетике. В качестве научного метода исследования экистика опиралась на статистику и описание, организованное в пять экистических элементов, или принципов устройства поселений: природа, антропос, общество, оболочки и сети¹¹. На практике же все было направлено на достижение гармонии между жителями городов и их природной и социально-культурной средой¹² — задачи, поставленной в 1920-е годы отцом современного градостроительства Патриком Геддесом¹³, влияние которого на себя в полной мере испытал Доксиадис.

Личное знакомство Тойнби с Доксиадисом произошло в 1962 г. во время одной из лекций в Афинах, которые Тойнби читал по линии Британского Совета¹⁴. Доксиадис сам подошел к нему и после этого пригласил в круиз по Эгейскому морю и к участию в Делосском симпозиуме. Кстати, в том круизе принимало участие много известных людей, обсуждавших проблемы мировых городов и подготовивших несколько деклараций¹⁵. Особенно активно дискутировались вопросы, связанные с будущим Экуменополисом, для которого нужно было создать совсем иную городскую среду и форму жизни. Тойнби же, к тому времени уже довольно долго выступавший за создание мирового правительства для решения ряда человеческих проблем и потрясенный видом трущоб в странах третьего мира, воспринял эти идеи близко к сердцу. Поэтому, когда Доксиадис пригласил его принять участие в деятельности созданного им Института экистики для изучения урбанистических паттернов прошлого и поиска ответа на вопрос, каким образом люди в городах организовывали взаимодействие со средой обитания, он воспринял это предложение с огромным энтузиазмом. В частности, Тойнби стал консультантом одного из проектов Института экистики, ставившего своей целью сбор полной информации о планировке

⁸ В 1963 г. компания изменила свое название на *DA International Co. Ltd. Consultants on Development and Ekistics* // URL: <https://www.doxiadis.com/page.php?id=1> (дата обращения: 22.03.2024).

⁹ *Delos Symposium, 1963–1975.*

¹⁰ *Doxiadis C.A. Ekistics: An Introduction to the Science of Human Settlements. New York, 1968; Anthropopolis: City for Human Development. New York, 1974; Idem. Ecumenopolis: The Inevitable City of the Future. With J.G. Papaioannou. Athens, 1974; Idem. Building Entopia. Athens, 1975; Idem. Action for Human Settlements. New York, 1976, и др.*

¹¹ *Doxiadis C. Ekistics: An Introduction... P. 21–43.*

¹² *Pyla P. Ekistics, Architecture and Environmental Politics, 1945–1976: A Prehistory of Sustainable Development: Diss. Ph.D. Cambridge (MA), 2002. P. 75–128.*

¹³ *Ibid. P. 85–88.*

¹⁴ *Тойнби А.Дж. Указ. соч. С. 47.*

¹⁵ О Делийском симпозиуме, участниках и подготовленных в его рамках документах см.: *Pyla P. Op. cit. P. 114–121.*

древнегреческих городов-государств¹⁶. Попутно отмечу, что Тойнби и в дальнейшем будет принимать участие в Делосских симпозиумах вплоть до того момента, когда, пораженный болезнью, уже не сможет выходить из дома. И до конца дней будет восторгаться Доксиадисом, называя его «интеллектуальным пионером, который попытался объединить науку о городах в интеллигентное целое»¹⁷. Результатом знакомства этих двух людей и стала серия упомянутых выше книг Тойнби, в которых он попытался придать учению Доксиадиса историческую ретроспективу.

Справедливости ради, следует отметить, что это была не первая попытка Тойнби подступиться к городской проблематике. Задолго до описываемых событий, в 1929 г. он предпринял длительное путешествие по азиатскому континенту из Турции до Восточной Азии, в ходе которого посетил множество городов: Стамбул, Дамаск, Анкара, Багдад, Басра, Бомбей, Коломбо, Пинанг, Сингапур, Гонконг, Шанхай, Кобе. После этого он заново объехал Японию, Корею, Маньчжурию и Китай и вернулся домой поездом Сибирской железной дороги. Итогом упомянутого вояжа стала книга «Путешествие по Китаю» (1931)¹⁸, в которой особое внимание он уделил китайским и японским городам. Учитывая, что в это время Тойнби уже приступил к написанию «Постижения истории» и его концепция цивилизаций в основных своих чертах сложилась, во всем, на что бы он ни смотрел, в том числе на города мира, его взгляд был направлен на выявление паттернов и их сравнение друг с другом. Подчеркивая, что в основе слова «цивилизация» как в английском, так и во французском языке лежит слово «город», они заинтересовали его как воплощение этих цивилизаций и в то же время в компаративном ключе.

Основной вопрос, который он решал в этой книге, — взаимосвязь между традицией, модернизацией и колонизацией в устройстве этих городов. Большинство японских городов, которые он видел, превращались, с его точки зрения, в современные города в процессе спонтанной модернизации, но все же сильно смешанной с традицией. В Киото это выражалось в многочисленных храмах, соседствующих с современной архитектурой, в то время как центром городского планирования в Токио стал императорский дворец. Города в Китае и Маньчжурии показались ему более дифференцированными. Например, Пекин и Нанкин, по его мнению, больше напоминали японские города¹⁹. Формирование же Шэньяна находилось под влиянием колонизации, и в то же время с самого начала он быстро рос за счет китайских иммигрантов, что наложило неизгладимый отпечаток на устройство и атмосферу города²⁰. Другие города, такие как Шанхай, Далянь и Порт-Артур, сразу развивались как современные, потому что их строительство осуществлялось либо по инициативе европейских стран, либо силами колониальных администраций. В любом случае современный элемент в них явно превалировал над традицией²¹.

Однако попытки Тойнби осуществить компаративный анализ устройства японских и китайских городов выглядят как поверхностные — возможно потому, что у него не было удобного случая глубоко познакомиться с этими городами, возможно, в силу недостаточной погруженности в предмет. Однако уже в этой книге мы видим зарождение его интереса к характеру урбанизации, ее закономерностям, важные наблюдения о роли государственной политики и внешних воздействий на этот процесс, а также проблемам Экуменополиса: «Когда, наконец, мой

¹⁶ Как следует из предисловия к книге Тойнби, которая вышла по итогам этого проекта, Доксиадис пригласил Тойнби в этот проект для выработки методологии изучения древнегреческих городов-государств. *Toynbee A.J. Ecistical Studies...* P. iii. Вторая книга проекта — работа К. Доксиадиса: *The Method for the Study of the Ancient Greek Settlement. Ancient Greek Cities 2. Athens, 1972.* См. об этом также: *Zarmakoupi M. Balancing Acts between Ancient and Modern Cities: The Ancient Greek Cities Project of C.A. Doxiadis // Architectural Histories. 2015. 3 (1). P. 5.*

¹⁷ См. об этом: *Constantinos A. Doxiadis. Architect & Urban Planner. The Man and his Work // URL: <https://www.doxiadis.org/ViewArticle.aspx?ArticleId=15084> (дата обращения: 23.03.2024).*

¹⁸ *Toynbee A.J. A Journey to China or Things Where are Seen. London, 1931.*

¹⁹ *Ibid. P. 168, 173, 200–201, 212–214, 246–247.*

²⁰ Тойнби сравнивает китайскую иммиграцию в Маньчжурии с завоеванием американского Запада в XIX в. — в обоих случаях у аборигенов не было никаких шансов выстоять. *Ibid. P. 163.*

²¹ *Ibid. P. 201–202.* Например, о Шанхае он писал: «Прцветание международного поселения и рост Шанхая, торгового порта, произошли исключительно благодаря жизнеспособности англо-американского капитализма и рациональному управлению городскими властями». *Ibid. P. 163.*

неторопливый поезд тронулся со станции Кобе, я больше не жалел, что не еду в экспрессе при дневном свете. Вся страна была освещена электричеством. Кобе растворился в Осаке, Осака превратилась в Киото, а галактика огней даже не думала прерываться»²². Большой потенциал для будущих городских исследований имели также его рассуждения о соотношении модернизации и колонизации в развитии городов. При дальнейшей разработке темы напрашивались вопросы о специфике имперских городов — как тех, что стали центрами империи, так и тех, которые создавались в качестве арены для глобального имперского строительства. Так, например, тот же Пекин явно был политическим центром синтоистского мира, потому что туда именно вели дипломатические и торговые связи, но настоящими воротами Китая в глобальный мир стали все-таки другие города, например Кантон. Другими словами, и в имперский период, и в условиях глобализации города могут использоваться по-разному, и в этом есть хороший задел для размышлений на стыке глобальной и городской историй²³.

Совсем иное дело — результаты его сотрудничества с Доксиадисом. Его итогом стали три книги, в которых Тойнби попытался соединить предлагаемый экистикой взгляд на город со своими собственными историческими представлениями и с интересом к гуманитарной географии, который он пронес через всю свою жизнь, пытаясь найти интеллигибельный порядок между историей и географией: *Cities of Destiny* (1967), *Cities on the Move* (1970) и *Ecistical Studies of the Hellenic City State* (1971). Это три сходных издания, каждое из которых очень хорошо иллюстрировано. Последняя книга посвящена чисто греческим городам с акцентом на социальные, психологические и политические факторы, которые влияли на устройство городов в Греции. И такой подход был многообещающим: напомним, книги увидели свет в середине 1960-х годов, когда современная урбанистика только формируется, а Тойнби уже формулирует новаторскую проблематику. Его интересуют не только экономические или социальные аспекты городской жизни, но и политические моменты, среда, городское сознание. И Тойнби не был бы самим собой, если бы не попытался взглянуть на города в широкой перспективе, панорамно и компаративно, как он сам говорил — во времени и пространстве, сделав немало интересных наблюдений о городских поселениях. «Рассмотреть сегодняшний урбанистический взрыв в свете предшествующей истории городов, потому что современные проблемы могут быть лучше осознаны в контексте истории человеческих поселений и истории цивилизации»²⁴, — так он формулирует цель своих исследований, и именно таковыми являются книги *Города в движении* и *Города судьбы*, автором и редактором которых стал Тойнби.

Прежде всего Тойнби обращает внимание на то, что весь процесс цивилизации можно рассматривать как постепенное покорение городом пространства земного шара²⁵. Важно, что для Тойнби город является общен историческим феноменом, т.е. не только горизонтальным, но и вертикальным, поэтому его интересует анализ эволюции города на протяжении всей истории, включая разные эпохи по вертикали. В обеих книгах он рассматривает знаковые города в истории человеческой цивилизации, в том числе Афины V в. до н.э., Александрию периода Птолемеев, Рим II в. до н.э., Чанъань VII–X вв., исламскую Кордову и христианский Константинополь, средневековые Париж, Венецию и Флоренцию XV в., Мехико — Тиночтитлан XVI в., Исфахан и Дели XVII в., Санкт-Петербург и Веймар XVIII в., Вену XIX в., викторианский и эдвардианский Лондон, а также Нью-Йорк середины XX в.²⁶. Каждая статья написана по просьбе Тойнби узким специалистом, сам же он во введении дает обзор исследуемой проблематики: обсуждается возникновение, конституционная и политическая структура городов, социально-экономические

²² Ibid. P. 173.

²³ Совершенно не случайным в этом отношении видится разговор по этому вопросу, состоявшийся 5 октября 2022 г. в Toynbee Prize Foundation и опубликованный в виде статьи: *On Empires and Global Cities: A Conversation with Anne-Isabelle Richard, Catia Antunes, and Cyrus Schayegh* // URL: <https://toynbeeprize.org/posts/on-empires-and-global-cities-a-conversation-with-anne-isabelle-richard-catia-antunes-and-cyrus-schayegh/> (дата обращения: 23.03.2024).

²⁴ *Toynbee A. Cities of Destiny*. P. 13.

²⁵ *Toynbee A. Cities on the Move*. P. 8; *Idem. Cities in History*. P. 1.

²⁶ *Toynbee A. Cities in History*. P. 1.

паттерны городской жизни, городские удобства, деятельность в сфере предпринимательства и искусства. Следует отметить, что вертикальный и панорамный взгляд на город — это наименее разработанный аспект мировой урбанистики — город как исторический феномен и одновременно часть общего цивилизационного процесса. К сожалению, он менее всего привлекает внимание историков.

В этой связи Тойнби задается вопросом об особости города как феномена, его сущностных характеристиках и естественности процесса урбанизации. «При упоминании слова “город” в воображении возникает большой массив зданий, стоящих близко друг к другу, скученность людей, невозможность выращивать пищу в пределах города и потому необходимость производить товары и услуги в обмен на продукты питания»²⁷. Для Тойнби невозможность города кормить себя является одной из его фундаментальных характеристик, заставлявшей развивать разнообразные отношения с окружающей его территорией, начиная от небольших городских поселений до мегаполисов. «Город — это человеческое поселение, жители которого не могут производить в пределах города все продукты питания, необходимые им для поддержания жизни. Эта особенность присуща городам всех видов»²⁸. В значительной мере благодаря ей обеспечивался и постоянный рост городов, и их распространение по земному шару. «Но города никогда не были просто чем-то, где толпа производит [что-то] в обмен на продукты. Скученность тоже не показатель до тех пор, пока жители не имеют и не ощущают корпоративную социальную жизнь и не ведут свой образ жизни со своим бытом, формами общежития, культурой и пр.». Это ощущение коллективной жизни создается, по мнению Тойнби, наличием публичных зданий, городских стен с башнями и бойницами, мест общественной жизни для осуществления коммерческих операций и политических действий, хотя бы одного храма, а также офиса для администрации, если она достигла соответствующей степени организации. Если принять эти критерии, то доколумбовы поселения майя тоже являлись городами, даже если в них проживали только правители и жрецы. С другой стороны, он задается вопросом о том, а можно ли в соответствии с этим критерием считать городами некоторые современные сельскохозяйственные агрегации, в которых проживают 30–40 тысяч рабочих (в Италии, например, это местечко Минервино), места массового проживания индустриальных рабочих (как, например, окрестности Гари, штат Индиана) или такие поселения, обитатели которых в большинстве своем живут как рантье (Лос-Анджелес или Майами). Майами физически приближается по размеру к субконтиненту, но благодаря тропическому изобилию никогда не станет городом в понимании Тойнби. Вообще его очень интересуют принципы мышления и поведения в городах, городская культура, а не только экономические или социальные аспекты городской жизни.

Анализируя особость городской жизни, Тойнби отмечает, что изначально греческий «полис» переводился как «цитадель» и практически все древние города имели стены. Но эти стены выполняли не только функцию защиты, они отгораживали пространство этой особой жизни (как тут не вспомнить знаменитое «городской воздух делает человека свободным»). Кстати, еще в Китае XX в. города были окружены стенами, закрывавшимися в ночное время. Париж был рефортифицирован в 1830-е годы, а крепостные валы существовали до Первой мировой войны. Название улицы Уолл-стрит в Нью-Йорке говорит об этом же. Сегодня этих стен почти нигде нет, но исчезла ли отгороженность? Отнюдь. Парадокс, по мнению Тойнби, заключается в том, что сегодня отгораживается не город, а парки и зеленые насаждения в надежде защитить их от растущих домов и улиц. И именно это зеленое пространство способно подарить человеку чувство свободы от давящей атмосферы быстро растущего города. И сегодня самые незащищенные места на земле — это не сохраняющиеся джунгли и пустыни с дикими зверями, которые теперь заключены в клетки зоопарков; это городские трущобы со всеми сопутствующими им социальными проблемами, размышляет историк²⁹. Тем не менее он не поддерживает модную для своего времени дезурбанистическую концепцию (сельское возрождение на фоне гибели

²⁷ *Toynbee A. Cities on the Move. P. 8.*

²⁸ *Toynbee A. Cities in History. P. 13.*

²⁹ *Toynbee A. Cities in History. P. 14–15; Тойнби А.Дж. Указ. соч. С. 46.*

городов), указывая на безальтернативность процесса урбанизации в ближайшей исторической перспективе.

Что касается планировки городов, то теперь Тойнби обращает внимание не столько на соотношение традиций и новаций, сколько на разные обстоятельства их возникновения, функции и другие факторы. Например, Тимгад в современном Алжире был основан римлянами в 100 г. н.э. и потому воплощает в себе типическую имперскую смесь рационально спроектированных улиц, триумфальных арок и арен для игр; город Бат – пример английского пристрастия к террасам, полумесяцам и кругам в гармоничном дизайне; Париж на схеме города XIX в. барона Османа – город с радиальными бульварными, длинными перспективами и широкими главными улицами, предназначенными для парадов и крупных событий³⁰.

Рассматривая города как трансисторический феномен, Тойнби делает ряд интересных наблюдений, показывая, с одной стороны, как сложившиеся в древности паттерны городской жизни, передаются во времени и пространстве, встречаясь в разных ареалах земного шара, с другой – частично трансформируются под влиянием мировых процессов, особенно колониализма и глобализации. Один из таких паттернов Тойнби условно называет шумерским (около 3000 лет до н.э.). Каждый шумерский город имел сходное строение – физическое ядро и административный центр окружающей территории, обеспечивающей их продуктами; общая культура, но главное – суверенность и независимость в том числе в плане ведения войны, которая впоследствии была утеряна в ходе войн друг с другом и в процессе превращения городов-государств в национальные государства и империи³¹.

Паттерн шумерской цивилизации стал стандартом во многих частях земного шара, за исключением египетской цивилизации, появившейся чуть позже шумерской. Египет тоже начинал как констелляция локальных сообществ, но очень быстро оказался объединен в то, что Тойнби называет world-state³². В Египте городская цивилизация и политическая унификация возникли параллельно. В результате египетские города никогда не развивались как самосознающие себя сообщества в той мере, как это было у шумеров, греко-римлян, в землях Ханаанского полумесяца и средневековой Европе. Они становились политическими и административными центрами, но не городами-государствами. Аналогичный паттерн, считает Тойнби, частично проявил себя в Китае.

Египетский паттерн, где не оставалось места городу-государству, заставляет Тойнби обратить внимание на роль политического фактора в возникновении и развитии городов и особенно на столицы как место стягивания и распространения политической власти. Удобство и стратегия рассматриваются им как основные факторы формирования и движения столиц. В частности, Тойнби показывает, что движения египетской столицы происходило с юга во внутреннем Египте (где возникли первые централизаторские тенденции) на север (по мере борьбы с непокорным югом): из Иераконполя в Мемфис, где Нил начинает вливаться в дельту, затем опять в Фивы; и с востока на запад по мере появления угрозы сначала из Азии (Палестина), а потом из Греции и Рима (Танис – Александрия). Таким образом, в политической истории Египта он фиксирует как бы перетягивание каната между «городами на марше», находящимися на передовой позиции, связанной с внешним врагом, и внутренними местечками. Тот же образец движения столицы прослеживается Тойнби в истории Китая. Аньян – столица Шанской империи – лежала во внутреннем китайском мире в среднем бассейне реки Хуанхэ. Но Китай был объединен Чжоу и затем Цинь с долины реки Вэй в северо-западных областях против варваров, которые постоянно угрожали с этого направления. И столица всегда кочевала между рекой Вэй и серединой реки Хуанхэ. По мере того как китайский мир расширялся в бассейн Янцзы и дальше к южному побережью на востоке, главный центр китайского мира смещался от линии восток – запад на линию север – юг, но «перетягивание каната» между внутренними городами и быстро развивающимися внешними оставалось неизменным. От Сианя до Лояна

³⁰ *Toynbee A. Cities in History. P. 17–18.*

³¹ *Ibid. P. 15.*

³² *Ibidem.*

по линии запад — восток до Пекина и Нанкина по линии север — юг. Есть и другие черты сходства с паттернами Египта. Пекин, как и Александрия, сначала был столицей иноземного режима, установленного монгольскими завоевателями, и только потом стал столицей династии Мин. Пример Шанхая схож с примером Александрии — Шанхай стал воротами для иноземных вторжений — японских и западных³³.

Еще один аспект городской жизни, на который Тойнби обращает внимание в связи с распространением города по земному шару, связан с размерами городов и разными инструментами колонизации. Так, например, демографический рост в Греции привел к расширению ее территорий до Индийского бассейна, поэтому для греков были прежде всего важны земли, пригодные для ведения сельского хозяйства, тогда как торговля и ремесло долго оставались на заднем плане. Обратная ситуация наблюдается, с его точки зрения, у финикийцев — их было очень мало, и основной их задачей являлось создание городов как новых торговых точек и центров добычи минералов. Их города были крошечными, часто на островах или на мысах, при этом дома строили в несколько этажей³⁴.

Важно, что во всех своих книгах Тойнби анализирует антропологическую и физическую реальность пяти видов выделенных им городов — города-государства, разного рода столицы, религиозные городские центры, индустриальные города и грядущий Экуменополис. В центре внимания Тойнби оказывается то, ради чего и задумывались все эти книги, — качество городской жизни, появление и накопление социальных и демографических изменений.

Отправной точкой для размышлений Тойнби является появление крупных и сложных населенных пунктов, с тенденцией к региональным агломерациям и затем к всемирному городу, за пределами которого со временем останутся лишь небольшие участки для производства продуктов питания и неплодородные и «негостеприимные» районы, такие как великие пустыни или Канадский щит. В своей прекрасной статье о Лондоне XIX в. английский историк изображает этот процесс как «шествие кирпичей и раствора», иллюстрируя свой тезис карикатурой Джорджа Круикшенка «Лондон уходит из города», которая появилась в доме его отца и была одним из первых проявлений тревоги по поводу нарастающей урбанизации³⁵. Принимая во внимание безусловно позитивные последствия урбанизации, Тойнби задумывается о качестве городской жизни в постоянно растущих городах, отмечая, что если раньше городские стены создавались для защиты от внешних врагов, то в условиях Экуменополиса враги в городе чаще оказываются внутренними, а опасности — социальными, демографическими и психологическими: растет число сердечно-сосудистых заболеваний, аллергий, психических расстройств, стресса у жителей, равно как трущобы с обитающими в них криминальными элементами³⁶.

Проблема защиты от Мегалополиса, по Тойнби, — это проблема гармонизация и регуманизация жизни в созданном человеком безразличии людей, зданий и улиц. Планирование городов должно помочь преодолению давления физического окружения. Это приспособленные для людей кварталы, где можно жить, вступая в коммуникацию с ограниченным числом людей, ходить пешком к объектам социальной инфраструктуры, в том числе на работу, и выпускать детей на прогулку без смертельной для них угрозы на высокоскоростных дорогах и перекрестках. Но главное — здесь должны быть духовные пространства для внутренней жизни, чувств, идей, идеалов и намерений. Этому же должны способствовать городские символы, визуальные маркеры, помогающие внутренней жизни, в том числе великие строения прошлого. В качестве отрицательного Тойнби приводит пример Акрополя в Афинах. Сегодня склоны, ведущие к нему, и долина хаотично застраиваются, как в Лос-Анджелесе, и Афины превращаются в Калифорнию. В результате Акрополь утрачивает свое символическое значение³⁷. «Не удивлюсь, если в последующее мое посещение я увижу его заключенным в какой-нибудь стеклянный куб

³³ Ibid. P. 16.

³⁴ Ibid. P. 24–25.

³⁵ George Cruikshank “London Going Out of Town”. См.: *Toynbee A. Cities of the Move*. Frontispiece.

³⁶ *Toynbee A. Cities in History*. P. 26–27.

³⁷ Ibid. P. 19–20.

и превращенным в музей»³⁸. Некоторые знаменитые монументы Италии и Индии ждет та же судьба. Как выжить Тадж-Махалу, если Агра объединяется с Нью-Дели? Или как выжить кафедральному собору во Флоренции, если рядом строится скоростная трасса на Милан и Болонью? Таким образом, общая организация пространства должна быть такой, чтобы позволяла городу развиваться, не разрушая при этом городскую «ткань» и не теряя соотносимые с человеком масштабы и содержание³⁹.

Тойнби показывает главные черты урбанизации через обсуждение самых разных ее аспектов: технологических успехов в производстве пищи, очистки питьевой воды, способов хождения на работу, низших слоев городского населения и мест их обитания, усовершенствования транспорта. В итоге он приходит к выводу о необходимости выработки соответствующей системы управления мегаполисами, создания разных уровней муниципальной администрации, а также реформы транспорта — поселения в городе разбиваются на ячейки по численности населения от минимальной до максимальной, и каждый тип предполагает свой вид транспортной инфраструктуры, одновременно связанной с городом в целом. И даже утверждает, что иногда для эффективного и экономичного расширения населенных пунктов необходима реорганизация самого способа формирования деревень, поселков, городов, мегаполисов⁴⁰.

На страницах своих книг Тойнби рассматривает множество императивов окружающей среды и развития с точки зрения архитектуры и планирования. Их невозможно рассмотреть в рамках одной статьи. Но все они выходят далеко за пределы чисто технических моментов организации городов — эта книга историка, который рассматривает городскую жизнь как интегральную часть истории в целом, как важнейший фактор исторического процесса. Такой взгляд на город сформировался относительно недавно, уже в XX в., под влиянием бурного развития социальных наук, попытавшихся вписать историю городов в более широкую историческую перспективу и наметить концептуальные основы для изучения их эволюции. В том числе исследователей начала интересовала проблема расселения внутри городских агломераций, в частности в 1930-е годы была предложена теория центральных мест В. Кристаллера, сформулировавшего закон пространственного размещения населенных пунктов вокруг крупного центра. Однако настоящий бум в развитии исторической урбанистики начался в 1960-е годы, выразившись в целом ряде дискуссий по вопросам методологии изучения городов и построении моделей урбанистического развития. Именно тогда это направление социально-гуманитарных исследований начинает рассматриваться как пространство междисциплинарных взаимодействий историков, социологов, экономистов, географов. И тогда же на первый план выходят социальные и демографические процессы городов, демонстрирующие изнанку «общества благосостояния».

Эта проблема чутко улавливается как американскими⁴¹, так и европейскими исследователями, в том числе Константином Доксиадисом, обратившимся к этой проблематике еще в 1930-е годы, в рамках работы над своей докторской диссертацией⁴², и развившим ее в 1960–1970-е годы. Для Тойнби стремление Доксиадиса объединить городской и социальный анализы во всеобъемлющей исследовательской модели оказалось, с одной стороны, родственным его собственным исследовательским интересам, с другой — определенным вызовом. В первом случае оно откликнулось на его собственное восприятие истории в широком пространственно-временном диапазоне и увлеченность тем, что сам он в автобиографии назвал «современной повесткой дня». Именно в этот период Тойнби пишет свои книги «Выживание в будущем (1971) и «Человечество

³⁸ Ibid. P. 27–28.

³⁹ Концепция соотносимого с человеком масштаба — одна из сильных сторон экистики Доксиадиса, равно как и концепция тотального антропоса (человека) как системы, центр которой определяется телом, чувствами и разумом человека. *Doxiadis C.A. Anthropopolis: City for Human Development. Athens, 1974. P. 51–54.*

⁴⁰ *Toynbee A. Cities in History. P. 27–28.*

⁴¹ *Warner S.B. Streetcar Suburbs: The Process of Growth in Boston, 1870–1900. Cambridge (MA), 1978; Thernstrom S. Poverty and Progress: Social Mobility in a Nineteenth Century City. New York, 1964; Idem. Poverty, planning, and politics in the new Boston: the origins of ABCD. New York, 1969.*

⁴² *Doxiadis C.A. Architectural Space in Ancient Greece [1936]. Cambridge (MA), 1972.*

и Матерь Земля» (1976), насыщенные широкой социальной проблематикой. Во втором случае его увлекала попытка найти взаимосвязь различных черт города и проблем урбанизации в исторической и культурной ретроспективе. Экистика — это наука, даже если в наше время она обычно считается технологией и искусством. «Это ошибка, за которую мы очень дорого платим»⁴³, — настаивал Доксиадис. Но если это наука, продолжал его мысль Тойнби, то к ее изучению «надо подходить, принимая во внимание временной фактор — т.е. подходить исторически»⁴⁴, и тем самым существенно углублял проект Доксиадиса. Как бы то ни было, после Тойнби и Доксиадиса состоялось много крупномасштабных исследовательских проектов по изучению древнегреческих городов, но ни в одном из них не предпринималась попытка наряду с социально-экономическими факторами рассмотреть и экологические, лежавшие в основе их создания, развития и функционирования. Но для этих двух исследователей природные и рукотворные территории были взаимосвязаны и нуждались в концептуализации как единое целое, предвосхищая те современные междисциплинарные исследования, которые позволяют решать проблемы более высокого уровня.

Библиография / References

- Тойнби А.Дж.* Пережитое. Мои встречи. М., 2003.
- Toynbee A.O.* Perezhitoe. Moi vstrechi [The experience. My meetings]. Moskva, 2003. (In Russ.)
- Constantinos A. Doxiadis.* Architect & Urban Planner. The Man and his Work // URL: <https://www.doxiadis.org/ViewArticle.aspx?ArticleId-15084> (access date: 23.03.2024).
- Doxiadis C.A.* Action for Human Settlements. New York, 1976.
- Doxiadis C.A.* Anthropopolis: City for Human Development. New York, 1974.
- Doxiadis C.A.* Architectural Space in Ancient Greece [1936] / transl. and ed. J. Tyrwhitt. Cambridge (MA), 1972.
- Doxiadis C.A.* Building Entopia. Athens, 1975.
- Doxiadis C.A.* Ecumopolis: The Inevitable City of the Future / with J.G. Papaioannou. Athens, 1974.
- Doxiadis C.A.* Ekistics, the Science of Human Settlements // Science. 1970. Vol. 170. № 3956. P. 393–404.
- Doxiadis C.A.* Ekistics: An Introduction to the Science of Human Settlements. New York, 1968.
- Doxiadis C.A.* The Method for the Study of the Ancient Greek Settlement. Ancient Greek Cities 2. Athens, 1972.
- Fooker T.W.* Rev. on: Cities on the Move. By Arnold Toynbee. London, 1970 // New Zealand Geographer. 1972. Vol. 8. Iss. 2. P. 209–210.
- Kirk W.* Rev. on: Cities on the Move: by Arnold Toynbee. London, 1970 // Urban Studies. 1971. Vol. 8. Iss. 1. P. 73–75.
- Morton W.L.* Rev. on: Cities on the Move: by Arnold Toynbee. London, 1970 // The Canadian Historical Review. Toronto, 1972. P. 70–71.
- On Empires and Global Cities: A Conversation with Anne-Isabelle Richard, Catia Antunes, and Cyrus Schayegh // URL: <https://toynbeeprize.org/posts/on-empires-and-global-cities-a-conversation-with-anne-isabelle-richard-catia-antunes-and-cyrus-schayegh/> (access date: 23.03.2024).
- Pyla P.* Ekistics, Architecture and Environmental Politics, 1945–1976: A Prehistory of Sustainable Development: Diss. Ph.D. Cambridge (MA), 2002.
- Thernstrom S.* Poverty and Progress: Social Mobility in a Nineteenth Century City. New York, 1964.
- Thernstrom S.* Poverty, Planning, and Politics in the New Boston: the origins of ABCD. New York, 1969.
- Toynbee A.J.* A Journey to China or Things Where are Seen. London, 1931.
- Toynbee A.J.* Cities of Destiny. New York, 1967.
- Toynbee A.J.* Cities on the Move. London, 1970.
- Toynbee A.J.* Ecistical Studies of the Hellenic City State. Athens Technological Organization. Athens, 1971.
- Warner S.B.* Streetcar Suburbs: The Process of Growth in Boston, 1870–1900. Cambridge, 1978.
- Zarmakoupi M.* Balancing Acts Between Ancient and Modern Cities: The Ancient Greek Cities Project of C.A. Doxiadis // Architectural Histories. 2015. 3 (1). P. 1–22.

⁴³ *Doxiadis C.A.* Ekistics, the Science of Human Settlements // Science. 1970. Vol. 170. № 3956. P. 393–404.

⁴⁴ *Тойнби А.Дж.* Указ. соч. С. 47.

DOI: 10.31857/S0130386424030023

© 2024 г. Г.В. ШПАК

РОССИЯ КАК ФРОНТИР ЕВРОПЫ В БРИТАНСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИГРАХ ЭПОХИ ГЕОРГОВ

Шпак Георгий Владимирович – старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия).

E-mail: geo.shpak@gmail.com

Scopus Author ID: 57194869515

Аннотация. На протяжении XVIII в. в Англии формируется индустрия, призванная обеспечить растущее население средствами проведения досуга. К ним относятся и образовательные игры – игральные карты, пазлы, настольные игры. Образовательный аспект подразумевал, что игра является не только способом развлечения, но и средством воспитания и обучения. В статье рассматривается образ Российской империи, представленный в британских играх XVIII – начала XIX в. Особое внимание уделено проблеме взаимодействия игрока и игровой реальности, проанализированы имплицитные свойства географических пространств, когда в зависимости от характеристик «места» игроку предлагалось выполнить определенное действие. Автор разделяет игры рассматриваемого периода на три типа – карточные игры, настольные игры в виде переработанной географической карты и настольные игры с индивидуальным игровым полем и буклетом. Сделан вывод, что вне зависимости от игрового формата традиционное для раннего Нового времени деление России на азиатскую и европейскую части отразилось на ее образе во всех рассматриваемых играх. Европейская часть России, как правило, описывалась в тех же категориях, что и другие регионы Европы. Азиатская же Россия могла наделяться самыми разнообразными характеристиками. В одних играх она могла описываться как населенная невежественными кочевыми племенами Тартария, в других – как морозная и безлюдная Сибирь. Иногда эти характеристики совмещались, но ясно, что фрагментация на «европейский» и «азиатский» мир, презентуемая в британских образовательных играх, оказывала существенное влияние на формирование идентификационной модели у британского юношества эпохи Георгов.

Ключевые слова: игры, Великобритания, образ страны, Россия, образование, географические представления, досуг.

G.V. Shpak

Russia as a Frontier of Europe in the British Educational Games of the Georgian Age

George Shpak, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: geo.shpak@gmail.com

Scopus Author ID: 57194869515

Abstract. In the eighteenth century, an entertainment industry grew in England, including educational games such as playing cards, puzzles, and board games. The educational aspect implied that the game was not only a way of entertainment, but also a source of knowledge. The author examines the image of the Russian Empire shaped by British games of the eighteenth and early nineteenth centuries. He gives special attention to the problem of the player's interaction with the

game reality, analyses the implicit properties of geographical spaces, which manifest themselves when, depending on the characteristics of the “place”, the player is asked to perform a certain action. The author divides the games of the period under review into three types, namely card games, board games designed as geographical maps, and board games with an individual playing field and booklet. He concludes that, regardless of the game format, the traditional early modern division of Russia into Asian and European parts was reflected in its image in all the games under consideration. The European part of Russia, as a rule, was described in the same tones as other regions of Europe. Asian Russia could be endowed with a variety of qualities. In some games it could be described as inhabited by ignorant nomadic tribes of Tartaria, in others – as frosty and deserted Siberia. Sometimes these characteristics were combined, but it is clear that the fragmentation into the “European” and “Asian” worlds presented in British educational games influenced significantly the formation of identification patterns among British youth of the Georgian era.

Keywords: games, Great Britain, the image of the country, Russia, education, geographical representations, leisure.

На протяжении XVIII в. в Великобритании происходит так называемая «финансовая революция», начало которой ознаменовалось открытием первого английского банка в 1694 г. Увеличение зарплат вело к росту численности среднего сословия, а рост населения в Англии (с 5,5 млн в начале XVIII в. до 9 млн к началу XIX в.)¹ способствовал формированию новой индустрии развлечений и трансформации досуговых практик. К началу XIX в. издатели разработали игры на самые разные темы – географические, исторические, моральные и пр.

Анализируются образовательные игры (игральные карты, пазлы, настольные игры и пр.) преимущественно в англоязычных исследованиях. Среди работ, где затрагиваются непосредственно географические образовательные игры, стоит выделить монографию «Играя с картами. Картографические игры в западной культуре»², а также работы, где рассматриваются географические игры в контексте более широкого круга образовательных игр, – диссертация «Правь, Британия. Настольные игры, Британия и мир, ок. 1759–1860»³ и монография «Культурное наследие игры в гуся: 400 лет печатных настольных игр», принадлежащие перу А. Севильи⁴. Имеется также немало статей, в которых проанализированы отдельные географические игры. Например, статья «Географическая настольная игра: популяризация туризма и путешествий в Англии и Уэльсе эпохи Георгов»⁵ и «Зверь в коробке: игра с империей в Британии начала девятнадцатого века»⁶. Однако в отечественной историографии вопрос о генерировании образа России в британских настольных играх не поднимался. В данной статье будет предпринята попытка рассмотреть, какие идеологические компоненты включали в себя игры, повествующие об устройстве Российской империи.

Географические карты всегда служили источником разнообразной информации о регионах, включая, помимо топографических сведений, данные о населении, ресурсах, политических объединениях и пр. Однако в XVII–XVIII вв. представления о «Московских землях» в Англии зачастую основывались отнюдь не на достоверных фактах⁷. Картография XVII–XVIII вв. разделяла Россию на европейскую Московию (как иногда все еще называли Россию)

¹ «Культура Духа» vs «Культура Разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в XVII–XVIII веках / под общ. ред. Л.П. Репиной. М., 2022. С. 13.

² *Playing with Maps: Cartographic Games in Western Culture*. 2023 // URL: <https://brill.com/display/title/64720> (дата обращения: 15.12.2023).

³ *Davies G. Rules Britannia: Board Games, Britain, and the World, c. 1759–1860*. Exeter, 2023.

⁴ *Seville A. The Cultural Legacy of the Royal Game of the Goose: 400 years of Printed Board Games*. Amsterdam, 2019.

⁵ *Dove J. Geographical board game: promoting tourism and travel in Georgian England and Wales // Journal of Tourism History*. 2016. № 8 (1). P. 1–18.

⁶ *Ray R. The Beast in a Box: Playing with Empire in Early Nineteenth-century Britain // Visual Resources*. 2006. № 22 (1). P. 7–31.

⁷ *Фоменко И.К. Скифия, Тартария, Московия, Россия – взгляд из Европы: Россия на старинных картах*. М., 2010.

и азиатскую Тартарию, что видно по картам и описаниям многих европейских авторов. Например, в 1716 г. в книге Дж. Перри «Состояние России при нынешнем царе» была опубликована карта, составленная знаменитым картографом Германом Моллем⁸. В ней территория Русского царства разделена на европейскую часть, Великую Тартарию и Восточную или Китайскую Тартарию. Граница Европы и Азии, которая играет важнейшую роль для понимания восприятия России, обозначалась по линиям рек Дон, Тобол, Иртыш, Обь. Но уже в XVII в. географы начали применять игровые практики для распространения географических сведений и знаний о физическом устройстве мира.

По уровню географического охвата британские географические игры можно разделить на три группы — игры, в которых изображены Англия и Уэльс; игры, в которых изображена Европа, и те, где изображен весь мир. Нас интересуют две последние группы, поскольку именно они демонстрируют образ Московии и Российской империи, конструируемый в британском обществе.

Хотя первые игральные карты с изображением британских графств датированы 1590 г., только в последней трети XVII в. будут опубликованы карты с описанием регионов мира. Британский издатель Генри Бром издал свою версию географической игры в 1676 г., взяв за основу работу французского картографа Пьера Дюваля «Географические таблицы, представленные в виде карточной игры»⁹. Как и у Дюваля, червовая масть обозначала Европу, пиковая — Африку, бубновая — Азию и трефовая — Америку. Одно из отличий было в том, что во французской версии «Московия, или Великая и Белая Россия» представлена валетом, а в британской — тройкой червей. Конечно, «стоимость» карты не всегда отражала восприятие региона, но традиция изображения регионов с определенным «номиналом» была довольно устойчивой.

Как и на географических картах, территория России в карточной игре Брома дробится из-за разделения на европейскую часть — «Московию» и азиатскую — «Тартарию» (Tartary). Во французской версии Тартария (бубновая пятерка) включала в себя пять регионов (*grandes regions*), в том числе Казань и Астрахань без указания их принадлежности Русскому царству. В английской версии Генри Брома Московия включает три «королевства» (*kingdoms*) — Казань, Астрахань и Булгарию; пять «герцогств» (*duchies*) — Московию, Владимир, Двину, Плесков (Псков), Смоленск; и Орду, помеченную как «общность татар» (*comonalties of tartars*). Пятерка бубен у Брома, как и у Дюваля, обозначает «Азиатскую часть или Великую Тартарию», включающую племена самоедов, ногайских татар, страну Китай и пр¹⁰.

Помимо Генри Брома, географическими описаниями Дюваля вдохновлялись Джон Селлер (1632–1697) и Джозеф Лентхолл (1683 – ок. 1762). Описание Московии у Селлера идентично версии Брома. Однако оно содержит дополнительный туз с изображением географической карты каждого региона и кратким его описанием. Московия изображена на карте Европы, известной «плодородными почвами, развитой торговлей, науками и искусствами». На карте с Азией изображена Тартария как самостоятельный регион. Про Азию сказано, что она «всегда будет известна сотворением человека и прославляема за рождение спасителя» и что «именно в Азии расположен райский сад Эдем»¹¹.

Колода Дж. Лентхолла практически идентична колоде Брома, но из числа «царств» на карте с Московией (тройка червей) исчезает Булгария. Также дается пояснение: устройство карт «настолько простое и понятное, что их можно использовать во всех английских карточных

⁸ *Perry J.* The State of Russia, under the present Czar. London, 1716; *Seville A., Depaulis Th., Bekkering G.H.* Playing with Maps: Cartographic Games in Western Culture. Leiden, 2023.

⁹ *Duval P.* Les Tables de Géographie réduites en vu Jeu de Cartes. Paris, 1669.

¹⁰ *Brome H.* Geographical cards made and sold for Henry Brome at ye Gun in St. Pauls Church-yard. London, 1676.

¹¹ *Seller J.* A Book of Geography, shewing [sic] all the Empires, Monarchies, Kingdoms, Regions, Dominions, Principalities, and Countries in the whole World, c. 1675–97 // URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1877-0310-1-91 (дата обращения: 15.12.2023).

играх» и что масти присвоены четырем регионам «не без некоторого смысла или аналогии»¹². Какая именно аналогия имеется в виду, остается без пояснения, так как соотнесение червовой масти (heart – сердце) и Европы, бубновой (diamond – алмаз) и Азии, трефовой (club – дубинка) и Америки, пиковой (spade – лопата) и Африки кажется автору очевидным.

В коллекции «Достопочтенной компании производителей игральные карты» представлена еще одна колода, опубликованная Дж. Лентхоллом в 1714–1715 гг.¹³ Это переиздание колоды Генри Уинстенли 1675–1676 гг. Любопытно количество географических сведений, представленных на каждой карте, а также наличие иллюстраций с изображением местных жителей на фоне столичных городов. Есть здесь и карта «Московиты» (Moscovities) – тройка червей, географические сведения на которой аналогичны представленным на карте Московии Брома. Однако здесь имеется изображение правителя (в короне, воротнике-горгере и меховой мантии) и ряд дополнений. Перевод текста с игровой карты выглядит так: «Московия (Moscovy) – это провинция в центре Российской империи (the Empire of Russia), настолько значительная, что практически дает название всему государству, которое управляет царствами (the kingdoms) – Казанским, Астраханским, Болгарским и герцогствами (the Duchies) – Владимирским, Плесковским (Plaskow), Смоленским и Двинским, названия главных городов которых имеют аналогичные названия, кроме Двинского, где находится Архангельск – знаменитый морской порт на Белом море (the Mer Blanche) или заливе Св. Николая (Gulf of St. Nicolas), основной и практически единственный, где впервые побывали англичане. Принц называет себя Императором, но его обычно именуют Великим Герцогом (the Great Duke). Он свободно (absolute) распоряжается жизнями и судьбами своих подданных, всегда имея охрану из 23 000 человек вокруг своего дворца. Его доминионы – это самые северные части Европы, простирающиеся до Азии, занимающие большую площадь, но бесплодные и безлюдные. Города построены из дерева плохо и не имеют укреплений. Везде, кроме приграничных регионов (frontiers), их религия – греческая схизма (Scismatick Greeks). Их патриарх заседает в Москве, а архиепископы – в Ростове, Суздале, Новгороде. Также у них много епископов-суффраганов. Они отвергают образы (images), но признают изображения (Pictures). Являются противниками Римской церкви»¹⁴.

В этот набор включена и отдельная карта с описанием татар «Tartars» – тройка бубен. Сказано, что Тартария состоит из пяти частей – Катай (Cathay), Древняя Тартария (ancien Tartary), Туркестан, Татарская пустыня и Загатай (Zagathay), из которых Древняя Тартария находится на самом севере и в нее входит гора Алтай, «известная местом захоронения многих царей»¹⁵.

Весьма любопытна колода, напечатанная ок. 1790 г. и содержащая обширные географические сведения, которые помещены по всей площади игральные карты. Игра называется «Систематический сборник по географии», но содержит также и исторические сведения. Например, на четверке червей приведена история Англии с 1045 г. до правления Георга III¹⁶.

Россия отнесена в игре к Европе в виде восьмерки червей, при этом сказано, что она по размерам равна остальной Европе, а также занимает часть Азии. Азиатские «королевства» помещены на короле пик, но отмечено, что «две части Тартарии подчинены России и Китаю, одна независима, а четвертая подчинена Великим Моголам»¹⁷. Таким образом, и здесь присутствует разделение на европейскую Россию и необъятную азиатскую Тартарию. Любопытные сведения приведены и на самой игровой карте России. После перечисления граничащих с ней стран и информации о расстоянии от Лондона, религии (греческая церковь)

¹² Lenthall J. Geographical Cards, с. 1745–54 // URL: <https://card-collection.makersofplayingcards.org/Cardhtml/W0222.html> (дата обращения: 15.12.2023).

¹³ Lenthall J. Winstanley Geographical, с. 1715 // URL: <https://card-collection.makersofplayingcards.org/Cardhtml/W0223.html> (дата обращения: 15.12.2023).

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ A Systematic Compendium of Geography, 1790 // URL: <https://card-collection.makersofplayingcards.org/Cardhtml/W0228.html> (дата обращения: 18.12.2023).

¹⁷ Ibidem.

и форме власти (абсолютная монархия) автор сообщает о производимых товарах и состоянии экономики: «Здесь имеется все, что характерно для равнинного, плодородного, обильного влагой северного климата. Волга (Walgа) течет и изгибается на протяжении ок. 3000 миль, не считая других крупных рек. Все народы обращаются к ним за пенькой (cornhemp), льном, смолой, дегтем, свинцом, железом и вооружением, бомбами, мортирами, якорями, огнестрельным оружием. В собственной промышленности (in domestic manufactures) они не превосходят других. Их экспорт составляет 3 миллиона в год. Торговый баланс в их пользу 225 000 ф[унтов] стерлингов»¹⁸.

Автор отмечает, что благодаря реформам Петра I Россия вошла в число цивилизованных наций (polite nations), и сообщает, что Петербург – крупный торговый город, в котором зимой «три тысячи саней постоянно развозят пассажиров». Как и в карты других стран, в описание России включен абзац под заголовком «Любопытно» (Curiosi), где кратко перечислены примечательные факты: «Во время похорон священник произносит молитву, затем вкладывает между пальцами умершего бумагу, подписанную епископом (bishop), и говорит: “Это ваш пропуск в рай”. Колокол 64 фута в окружности. Каналы внутреннего судоходства в 1000 миль»¹⁹.

Данные о самой Тартарии приведены на двойке пик. Сказано, что ее территория простирается от Северного океана до Китая и от Московии до Тихого океана. Каждая из частей Тартарии подчиняется своему императору за исключением независимых княжеств. Любопытно сравнение с индейцами: «Местные жители очень похожи на коренных жителей Америки. Уход за своими прядями (tending their locks), охота и конная езда являются их основными занятиями»²⁰. В качестве примера их городов приводятся Тобольск и Астрахань: «Их образование и промышленность незначительны, а об их городах мы знаем только то, что в Тобольске проживает 15 000 жителей, а в Астрахани – 70 000, и что они ведут торговлю с Персией, которая включает красную кожу, шерстяные и льняные ткани, а также некоторые европейские изделия»²¹.

Авторы игр продолжали использовать образ Тартарии для обозначения совокупности народов, проживавших на территории Российской империи, сообщая, что к ним относятся «магометане, ложные христиане (adulterated Christian) и язычники»²².

Чуть более поздней карточной игрой, на которой запечатлена Россия, является колода «Географические игральные карты» Чарлза Ходжеса (ок. 1827 г.). На игровых картах изображены фрагменты географической карты мира. Россия по-прежнему разделена на две части – «Россия в Европе» (червовая девятка) и «Сибирь» (бубновая семерка), также имеется отдельная карта – «Тартария» (бубновая четверка), ограниченная с четырех сторон Каспийским морем, Китайской империей, Сибирью и Персией. Россия упоминается и на картах Европы (червовый туз) и Азии (бубновый туз), а также предстает в образе Екатерины Второй, изображающей королеву червей²³.

В XVIII в. в Англии разрабатываются не только игры для взрослых, но и образовательные игры для детей. Развитие «средств эксплуатации детского досуга» привело к становлению жанра настольных игр, происходящего от итальянской «Игры в гуся», в которой игроки бросали кости и перемещали фигурки по игровому полю. Главным отличием игр для юношества стала замена игральными костями на специальный волчок – титотум. В основу первых образовательных игр, где игрокам приходилось вращать волчок, легли географические карты. Издателям не составляло труда переработать их, представив в виде настольной игры, где от города, в котором оказывался игрок, зависели его последующие действия.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibidem.

²¹ Ibidem.

²² Ibidem.

²³ Hodges C. The Geographical cards, c. 1827–1830 // URL: <https://www.wopc.co.uk/uk/hodges/> (дата обращения: 20.12.2023).

Первая подобная игра в Англии была представлена географом Джоном Джеффрисом и опубликована издателем Карингтоном Боулзом в 1759 г. «Путешествие по Европе, или Игра в географию», как сказано в правилах, выгравированных на самой игре, «играется также, как и Игры в Гуся»²⁴. Она представляла собой карту Европы с 77 остановками. Некоторые из «остановок» сопровождалась пояснением, имевшим образовательный и идеологический подтекст. Например, попадая в места, где «проживает король», игрок получал возможность удвоить число, выпавшее на волчке. Так происходило, когда игрок попадал в Санкт-Петербург, где правит «царица московская» (Czarina of Moscow). Проходя через территорию «России или Московии», игрок посещал «Ревель» (9), «Ригу» (10), «Санкт-Петербург» (11), «Архангельск» (12), «Сибирь» (13), «Москву» (14), «Воронеж» (15), «Белгород» (16), «Азов» (17), «Киев» (18). При этом восточнее Сибирь ограничивалась горами, подписанными «Гиперборея, или Рифейские горы»²⁵.

К некоторым из «остановок» относились выгравированные на полях карты комментарии. Попадая в Ревель, игрок пропускал ход, «чтобы увидеть русские боевые корабли (Men of War), направляющиеся в Черное море»; оказавшись в Архангельске, пропускал ход дважды, чтобы «загрузить судно товарами для Англии». В «Сибири» игрок пропускал ход, чтобы «навестить политических заключенных (state prisoners), ссылаемых сюда», а в Воронеже пропускал ход, чтобы увидеть строительство боевых кораблей²⁶. Россия воспринимается в данной игре, как воинственное и не самое дружелюбное место, где в любой точке, кроме Санкт-Петербурга, игроку приходилось пропускать ход.

Количество подобных географических игр в Англии достигало к концу XIX в. уже трех десятков²⁷. Игры служили не только для «географического развлечения», но и формировали определенный образ мира, встраивая в него Великобританию как ведущую мировую силу и ясно очерчивая границы «европейской цивилизации».

В 1768 г. Томас Джеффрис публикует игру «Королевское географическое развлечение; или тур по всей Европе». Так же, как и в игре Джона Джеффриса, игрок перемещает свою фигуру по карте с отмеченными на ней остановками, число которых становится больше и достигает 103. К примеру, добавлены Иерусалим, Каир и Алеппо. Из остановок на территории России игрок посещает «Архангельск» («путешественник должен пропустить ход, чтобы закупить древесину для Англии»), «Петербург» («столица России, заложная и основанная царем Петром Первым»), «Москву» («второй и в прошлом главный город России»), «Воронеж» («путешественник пропускает ход, чтобы осмотреть основанные Петром Первым верфи»), «Азов» («пограничный город России, расположенный на границе Азии»), «Полтаву» («путешественник пропускает ход, чтобы осмотреть поле битвы, где Петр Первый одержал полную победу над Карлом XII»)²⁸. Территория России остается разделенной в игре на европейскую и азиатскую части, создавая ощущение отделенности Сибири от остальной России.

В игре Томаса Джеффриса «Королевское географическое развлечение, представляющее полный тур по всему миру» 1770 г. Российская империя разделена цветом на две части – «Россия в Европе» и «Сибирь». Игра представляет собой карту мира с выгравированными на полях комментариями. На территории Российской империи путешественник посещает: «Астрахань» («Единственный порт русских на Каспийском море. Англичанин капитан Илтон строит здесь суда для торговли с Персией шелком-сырцом»); «Тобольск» («столица и резиденция губернатора Сибири, куда русские ссылают преступников»); «Селингинский» («крайний город Сибири, где караванам из Москвы в Китай приходится ждать разрешения императора Китая на доступ в свои владения»). На пути из Японии путешественник посещает

²⁴ Jefferys J. A Journey Through Europe or the Play of Geography. Carrington Bowles Map & Printseller, 1759 // URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=1210> (дата обращения: 15.12.2023).

²⁵ Ibidem.

²⁶ Ibidem.

²⁷ Whitehouse F.R.B. Table Games of Georgian and Victorian Days. Hertfordshire, 1971.

²⁸ Jefferys T. The Royal Geographical Pastime or the complete Tour of Europe, London, 1768 // URL: [giochidelloca.it/scheda.php?id=1310](http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=1310) (дата обращения: 20.12.2023).

«Камчатку», где пропускает ход, чтобы увидеть «строительство русскими кораблей, предназначенных для исследования Америки»²⁹.

В 1787 г. издательство Р. Соьера переиздало игру 1774 г. «Королевское географическое развлечение для безопасного и быстрого путешествия по всем частям Европы по морю и по суше». Горы, отделяющие «Московию, или Россию» от Азии, названы *Cameno Roayas*. Путешественнику в России предстояло посетить «Москву» («второй город России, где можно увидеть самый большой в мире колокол»); «Санкт-Петербург» («Метрополия Российской империи. Пропусти ход, чтобы оценить конную статую Петра Первого и выразить почтение императрице»); «Архангельск» («порт России на Белом море»)³⁰.

В 1794 г. Дж. Уоллис издал игру «Путешествие по Европе Дж. Уоллиса. Новое географическое развлечение». Игра имеет тот же формат, что и предыдущие – правила напечатаны на поле. Сибирь от России отделена Уральскими горами. Пунктами в России, которые посещает путешественник являются: «Архангельск» («город в России на Белом море»); «Санкт-Петербург» («столица России»); «Москва» («город в России. Игрок должен пропустить ход, чтобы осмотреть канал, ведущий в Санкт-Петербург»); «Воронеж» («город в России на реке Дон, знаменитый своими верфями»); «Азов» («город в устье Дона на границе России с Турцией»); «Полтава (Postawa) в Польше»³¹. Пропусти один ход, чтобы посмотреть место, где король Швеции Карл XII был разгромлен царем Петром, и почти вся его армия была перебита или взята в плен»); «Херсон» («город в России на реке Днепр»)³².

Вскоре им будет опубликована еще одна игра, получившая название «Кругосветное путешествие Уоллиса»³³. В некоторых копиях Российская империя выделена одним цветом без разделения на европейскую и азиатскую части. Игрок, путешествуя по России, посещает «Петербург» («столица Российской империи, где игрок должен пропустить ход, чтобы осмотреть дорогу, ведущую на Москву, протяженностью в 355 миль и усаженную по обеим сторонам рядами деревьев»); «Астрахань» («татарский город в Азии, столица одноименного королевства. Так как это единственный русский порт на Каспийском море, путешественник пропускает ход, чтобы увидеть пристань, где они нагружают следующие в Персию корабли»); «Тобольск» («столица Сибири в Российской империи. Сюда русские отправляют своих политических преступников»); «Камчатка» («большой полуостров, крайняя оконечность Российской империи»). С юга к территории России подступают «Независимые татары» и «Китайские татары»³⁴.

Почти в то же время географические игры издает К. Боулз, который, как и Дж. Уоллис, публиковал отчеты о путешествиях по Англии, Европе и миру. В игре «Европейское географическое развлечение Боулза» игрок, путешествуя по «Московии, или России» посещает «Москву» («второй город в России»); «Санкт-Петербург» («Столица России. Пропусти ход, чтобы осмотреть город, основанный Петром Первым») и «Архангельск» («порт России на Белом море»)³⁵. Во «Всемирной географической игре Боулза» игрок на территории Российской империи, как и во многих других играх разделенной цветом на европейскую и азиатскую части, посещает «Санкт-Петербург» («столица Российской империи»); «Астрахань», («порт России на Каспийском море»); «Камчатку» («немедленно вернись на Борнео, чтобы

²⁹ Jefferys T. *The Royal Geographical Pastime: Exhibiting A Complete Tour Round the World in which are delineated the North East and North West Passages in the South Sea and other modern Discoveries*. London, 1770 // URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=2348> (дата обращения: 19.12.2023).

³⁰ Sayer R. *Royal Geographical Amusement or the Safe and Expeditious Traveller through all the Parts of Europe by Sea and by Land, 1787* // URL: www.giochidelloca.it/scheda.php?id=1345 (дата обращения: 18.12.2023).

³¹ Очевидная ошибка Уоллиса.

³² Wallis J. *Wallis's Tour of Europe, A New Geographical Pastime, 1794* // URL: <https://www.vandaimages.com/2006AA7482-Wallis-Tour-of-Europe-A-New-Geographical-Pastime.html> (дата обращения: 22.12.2023).

³³ Wallis J. *Wallis's Complete Voyage Round the World, 1796* // URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=1560> (дата обращения: 15.12.2023).

³⁴ Ibidem.

³⁵ Bowles C. *Bowles's European geographical amusement, or, Game of geography*. London, 1795 // URL: <https://collections.library.yale.edu/catalog/2034870> (дата обращения: 10.12.2023).

не простудиться от столь внезапной и резкой перемены климата»); «Якутск» («столица области в Сибири»); «Самоедию» («Самый северный край России. Разведи огонь и пропусти два хода, чтобы обогреться»); «Тобольск» («столица Сибири, или России в Азии») ³⁶.

Очевидно, что самим составителям игр было не до конца ясно, как изображать восточную часть Российской империи, традиционно выносившуюся за пределы Европы и наделявшуюся соответствующими характеристиками. Основное, что ребенок узнавал из большинства игр, — там обитают кочевые племена, там очень холодно и туда ссылают политических преступников.

В начале XIX в. издатели начали отходить от стандартного изображения игры в виде географической карты. Во многом это было связано с необходимостью привлечь покупателей новизной и оригинальностью. Авторы разработали новую форму игрового поля, а сведения о посещаемых местах перенесли в буклет, формат которого давал возможность сообщить гораздо больше информации, чем позволяли сведения на полях игры. К тому же отход от формата географической карты позволил представить визуальные образы различных стран и регионов. Издатель Джон Харрис в рекламе игры 1809 г. «Географические развлечения, или Путешествие вокруг Земного шара» сообщает: «Эта игра, содержащая 116 миниатюрных изображений самых интересных географических объектов, предназначена для ознакомления молодежи с названиями и относительным положением мест, а также с нравами, обычаями и костюмами различных народов Земного шара. И так как любопытство естественным образом возбуждается изображенными сценами и возможными открытиями, предполагается, что эти сцены с отсылкой на приведенную справку окажутся постоянным источником развлечения для молодых людей обоих полов и дадут объем географических знаний, который может оказаться одинаково полезным при чтении и разговоре» ³⁷.

В заголовке игры отмечалось, что игроку предстоит знакомство с манерами, традициями и нарядами различных народов Европы, Азии, Африки и Америки и хотя поле и представляло собой карту, каждая его четверть соответствовала определенному региону. Клетки с 1-й по 29-ю относились к Европе. Туда же были включены и изображения, связанные с Россией. Отличие от предыдущих игр состояло в том, что игроки не просто перемещали свои фигуры, но в зависимости от ситуации выплачивали штрафы, пополняя пул, или получали игровые деньги.

Буклет начинался с объяснения правил, за которыми располагался список изображений и описание связанных с ними действий: «Зимняя одежда джентльмена и простого человека (воог) в России (№ 6)»; «Способ путешествия по снегу в ночи в России. Перейди на № 8 (№ 7)»; «Зимнее развлечение в столице России Санкт-Петербурге — скатывание на санках с ледяной горки. Заплати один, чтобы прокатиться (№ 8)»; «Татарский подданный России. Заплати один для № 7 (№ 9)». Один регион России будет представлен в Азии: «Метод путешествия по Камчатке зимой — сани, запряженные собаками (№ 31)» ³⁸.

После описания изображений и действий буклет предлагал ознакомиться с кратким географическим описанием регионов. Про Россию сказано: «Это самая большая империя в мире, ее длина превышает 9000 миль, а ширина — 2500. Она частично расположена в Европе, а частично — в Азии и ограничена Ледовитым океаном на севере, Азиатской Россией (Asiatic Russia) на востоке, Татарией и Турцией на юге и Швецией, Австрией и Пруссией на западе. Ее население оценивается в 33 млн человек. Русские — крепкий и воинственный народ, живущий при абсолютной монархии. Главные статьи их экспорта — лен, железо, животный жир, масло и лес, а главные города — Петербург, Москва и Астрахань» ³⁹.

³⁶ Bowles C. Bowles's Geographical Game of the World, c. 1803 // URL: <https://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metadc1705382/> (дата обращения: 15.12.2023).

³⁷ Goodfellow C. G. The Development of the English Board Game, 1770–1850 // Board Games Studies. International Journal for the Study of Board Games. 1998. № 1. P. 74.

³⁸ Harris J. Rules and Directions for Playing Geographical Recreation; or a voyage round the Habitable world, 1809 // URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id-1335> (дата обращения: 15.12.2023).

³⁹ Ibid. P. 14.

Отдельно в буклете представлены описания «татарских племен, подчиненных России», «России в Азии» и «Камчатки». О татарских племенах, обитающих в России, мы узнаем, что к ним относятся: «башкиры, братски (Bratskis), чувашаи, калмыки, казаки, ингрии, ижоры (Ischortis), якуты, мордвинаы, остяки, теленцы (Thelentis), чувашаи, чулимзяне (Tschulimzians), вогулы, самоеды и пр.»⁴⁰. То есть татары – это собирательное название для кочевых племен, обитающих преимущественно в Азии. В буклете сказано далее, что они – «язычники и магометане, кочующие с места на место и лишь немногие имеют какое-либо постоянное жилище». При этом автор описывает единый вид одежды для всех племен, нивелируя различия между ними: «Представители обоих полов обычно носят рубашку, широкие панталоны, тапочки, плащи из кожи или других материалов и матерчатую шапку, украшенную мехом». Управляются же эти племена, по его мнению, с помощью избираемых ими вождей. В заметке «Россия в Азии» мы узнаем, чем ограничена это «огромная часть обитаемого мира», а также о ее главных городах, к которым относится: «Астрахань, в устье Волги; Азов, на азиатской стороне Дона; Тобольск, столица Сибири; Колывань, известная серебряными рудниками; Иркутск, разделяющий Россию и Китай». Также мы узнаем, что «эта часть равна Европе, хотя здесь проживает не более трех миллионов человек»⁴¹. Отдельно приведена заметка про Камчатку. Дано краткое описание населяющих ее племен: «Туземцы, разделенные на камчадалов, косяков (Koseki) и курилов, насчитывают не более пяти тысяч человек. Они редко имеют какое-либо постоянное местожительство, но кочуют с места на место со своими стадами оленей, живя в хижинах, покрытых оленьими шкурами. Оседлые же живут в ямах, вырытых в земле, у рек или на берегу моря, питаюсь рыбой и морскими обитателями. Это добродетельный и гостеприимный народ»⁴². Таким образом, и здесь Россия в глазах игрока дробится на несколько самостоятельных локаций. Помимо Русской Европы и Азии, существуют подчиненные России племена татар и загадочная Камчатка.

Но еще более ярко идея британского превосходства отражена в игре 1822 г. Уильяма Дартона «Благородная игра в слона и замок, или Путешествие в Азию». Как и в игре Дж. Харриса, игровое поле состоит из изображений отдельных регионов. Игра состоит из игрового поля в 25 клеток в виде слона и буклета, подробно описывающего все, с чем предстоит столкнуться путешественнику. Буклет начинается с обращения к Генри Расселу и содержит любопытное утверждение, что игра будет полезна сыновьям для прославления своего имени и продвижения по службе: «При такой поддержке зарождающиеся способности их сына, несомненно, созреют к радости и чести его любезных родителей; и тот, кто теперь получает удовольствие от настоящего произведения, может оказаться ярким и добродетельным украшением имени, которое его предки сделали поистине благородным»⁴³.

Вслед за правилами приведено краткое стихотворное обращение к игрокам, в котором автор призывает быть благовоспитанными и справедливыми друг к другу и постараться научиться в игре чему-то новому: «Хотя мы и называем это игрой, нам не составит труда понять, что развлечение только в названии, а у самой игры есть чему поучиться» (Besides, though we call this a Game, / We cannot but quickly discern / It's only a sport as to name – / In the Play, there is something to learn). Большая часть сюжетов игры рассказывает о любопытных явлениях и удивительных фактах об Индии, Китае, Тибете, Японии и Ближнем Востоке. Игрок узнает, как охотятся в Индии на тигров, как заваривают чай в Китае, как в Индии вдовы сжигают себя на погребальных кострах своих мужей, как совершают харакири в Японии, о таинственных явлениях и поразительных обрядах и т.д. Сказочный и впечатляющий мир Азии открывается англичанину, готовому совершить путешествие, осмыслить этот мир и тем самым покорить открывающиеся перед ним горизонты.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Ibid. P. 21–22.

⁴² Ibid. P. 22.

⁴³ *Darton W.* An explanation of, or a key to The Noble Game of the Elephant and Castle or Travelling in Asia. London, 1822 // URL: www.giochidelloca.it/scheda.php?id=1278 (дата обращения: 15.12.2023).

Вход в этот загадочный мир расположен на границе Европы и Азии, а именно в России, откуда и начинается путешествие. В буклете приведены сведения, подробно разъясняющие изображенное на картинках. Подпись к первому рисунку гласит: «Скелет мамонта и самоеды». Это, очевидно, скелет животного, но оно явно было огромных размеров; и по одежде человека, стоящего перед ним, мы ясно понимаем, что находимся далеко от Англии»⁴⁴. Путешествие началось. Игрок покинул привычный мир европейской цивилизации, и теперь все перед ним предстает преображенным и не имеющим привычных аналогов. «Это скелет огромного существа, называемого мамонтом, который был обнаружен несколько лет назад на краю Ледовитого океана. Он был совершеннее всех найденных ранее и значительно превосходил слона по размерам». Автор замечает, что кости этого зверя вполне могли сохраниться здесь со времен всемирного потопа, добавляя к описанию этой земли библейские коннотации. Он пишет, что несмотря на то что долгое время легенда о существовании мамонта подвергалась сомнению, у игрока есть возможность увидеть его собственными глазами: «Говорят, что “увидеть значит поверить”, и мы сами являемся подтверждением этой поговорки: у нас есть свободное время и возможность внимательно изучить эту диковинку, и мы сможем увезти с собой в свою страну все подробности наших наблюдений»⁴⁵. Зрение выступает не только как инструмент верификации, но и как орудие присвоения. Захваченные зрением объекты можно привезти в свою страну, в некотором роде подчинив их.

Описание фигуры человека, стоящего перед скелетом, говорит многое об отношении автора к иноземцам. Пояснив, что мы видим самоеда, происходящего «из татарской расы» и некогда проживавшего в могущественной стране, он сообщает: «Его большая голова, плоское лицо, маленькие глаза, широкий рот, желтый цвет лица и прямые черные волосы совсем не похожи на приятное европейское лицо; однако мы можем показаться им столь же неотесанными, поэтому нам следует быть осторожными в порицании их красоты, чтобы они не ответили нам тем же»⁴⁶.

Здесь одновременно слышна идея европейского превосходства и необходимость дипломатической хитрости для обеспечения собственной безопасности. Англичанин, посетивший этот край, должен оставаться англичанином — брать лучшее и сохранять его за собой. В случае же, если получение выгод от территории не представляется возможным, следует двигаться дальше: «Мы узнали достаточно об этом народе, чтобы быть уверенными: они не созданы для того, чтобы улучшить нас; и так как мы еще не закончили свое путешествие, не будем долее оставаться в этой бесплодной стране, а продолжим поиски чего-нибудь более соответствующего нашему вкусу, чем скелеты мамонтов и невежественные самоеды».

Следующим пунктом путешествия становится изображение с подписью «Путешествия камчадалов». Герой попадает на Камчатку и узнает о ее удаленном местоположении и неблагоприятном климате. Главной диковинкой для автора является способ передвижения местных жителей на собачьих упряжках: «Это не путешествие в английском стиле — здесь нет ни кареты, ни лошадей! Это, конечно, уникальный способ передвижения, но надо помнить, что здесь нет и английских дорог». И снова слышится нотка превосходства над технологически отсталым населением Камчатки, которому приходится строить жилища под землей, спасаясь от морозов.

Автор с некоторым удивлением пишет, что местные жители одеваются по праздникам в нарядные костюмы: «Едва ли мы могли бы ожидать такой красивой одежды в столь отдаленном и мрачном месте, но тут распространена торговля мехами, а они считают себя торговым народом».

Упомянув китовый промысел и конструкцию местных жилищ, автор сообщает о местных развлечениях, которые не производят на него никакого впечатления: «Что касается развлечений, то нас позабавят пением и танцами, однако, надо признать, последние не выдают

⁴⁴ Ibid. P. 3.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ibid. P. 4.

мастерства танцмейстера, поскольку их неуклюжие движения и жесты внушают уверенность, что их обучали медведи, чьим трюкам и позам они, несомненно, подражают»⁴⁷.

Автор с одобрением замечает, что миссионеры из России распространяют в этих местах христианство, и, пожелав дальнейшего улучшения жизни этим народам, предлагает отправиться дальше. Следующее изображение знакомит игрока с татарским способом заарканивания лошадей. Из буклета мы узнаем, что, хотя англичане и могут похвастаться искусством верховой езды, у изображенного татарина будут все шансы их превзойти. Про Тартарию (Tartary) сказано практически то же самое, что и в предшествующих настольных играх. Указывается, что это «страна с плохо обрабатываемой территорией огромной протяженности, простирающаяся от Китая до России», жители которой — «дикая, нецивилизованная раса, разделенная на племена и живущая кочевой, неоседлой жизнью, за исключением жителей Крымского полуострова и Бессарабской губернии, которые имеют постоянные поселения в своих деревнях и, следовательно, более гуманные и кроткие в своих повадках». При этом большинство татар «невежественны в отношении удобств и жизненных потребностей». Также автор сообщает, что в некоторых частях Тартарии может вымываться золото, которые татары используют для изготовления статуэток, «в которых приносят подношения своим богам»⁴⁸.

После ознакомления с суровыми нравами Тартарии герою предлагается отправиться в еще более неприглядные края и узнать о мрачной стороне Сибири — о политической ссылке. Описание местоположения Сибири может вызвать вопросы, так как частично совпадает с положением Тартарии, ведь, по словам автора, Сибирь занимает огромную территорию Российской империи между Ледовитым океаном и Китаем. Но, похоже, разграничение Тартарии и Сибири не являлось для автора существенной проблемой. Несмотря на то что Сибирь в первую очередь ассоциируется с суровым климатом, автор замечает, что «и здесь природа в нужное время проявляет свои прелести, и суровая и долгая зима внезапно меняется на теплую весну, когда мгновенно все расцветает и воцаряется красота», но даже «эта временная роскошь не может возместить лишений, которые терпит изгнанник»⁴⁹.

Основное, что игрок узнает о Сибири, — это то, что она служит местом политической ссылки. Описав суровость деспотического правительства России, изгоняющего провинившихся дворян, зачастую не давая проститься с семьями, автор риторически замечает: «Насколько лучше жить вдаль от придворных интриг, наслаждаясь благами нашего скромного дома, не опасаясь быть переселенным в далекую область по воле капризного монарха или его коварных придворных!»⁵⁰. Автор демонстрирует этим преимущества жизни в Англии по сравнению с туманными перспективами успеха в далекой монархии.

Эффект от описания ссылки усиливается как иллюстрацией, так и приведенной сказкой о дочери ссыльного, которой пришлось идти пешком из Сибири в Москву, чтобы вымолить прощение для своего больного родителя: «Теперь, мои юные друзья, вы должны знать, что от Сибири до знаменитого города Москвы многие сотни миль⁵¹, и эта страна менее всех в мире приспособлена для путешествий». Но ее испытание заканчивается успешно — тронутый ее преданностью монарх милует изгнанника и возвращает ему изъятое имущество. Эта история позволяет автору показать Англию в выгодном свете и заодно отлично подходит для воспитательных целей: «В Англии нет таких произвольных наказаний, но мы надеемся, что таких послушных детей немало»⁵².

Одна из ключевых тем игры выражена в финальном стихотворении, где сказано, что путешественник обошедший весь мир, должен понять, что нет места более близкого сердцу, чем родной дом⁵³.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Ibid. P. 5.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ В действительности же, конечно, тысячи.

⁵² Darton W. Op. cit. P. 6.

⁵³ Ibidem.

Образ России в британских образовательных играх за весь XVIII в. практически не претерпевает изменений. Европейская Россия представлена, как правило, тремя-четырьмя основными городами – Санкт-Петербургом, Астраханью, Архангельском и Москвой. Иногда в качестве портовых городов упоминаются Воронеж и Азов. Во всех играх Россия разделена на европейскую Московию и азиатскую Тартарию, которую населяют невежественные племена, впечатляющие путешественников своими необычными нравами и обрядами. Таким образом, Московия в географических образовательных играх выступала фронтиром Европы, за границей которого игрок попадал в область, где и в XIX в. могли происходить самые невероятные и опасные события. Но чаще всего эти явления описывались только для того, чтобы продемонстрировать превосходство Англии над народами, населяющими мир, расположенный за пределами европейской цивилизации.

Библиография / References

«Культура Духа» vs «Культура Разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в XVII–XVIII веках / под общ. ред. Л.П. Репиной. М., 2022.

Фоменко И.К. Скифия, Тартария, Московия, Россия –взгляд из Европы: Россия на старинных картах. М., 2010.

“Kultura Dukha” vs “Kul’tura Razuma”: Intellektualy i vlast’ v Britanii i Rossii v XVII–XVIII vekakh [“Culture of the Spirit” vs “Culture of the Mind”: Intellectuals and Power in Britain and Russia in the 17th–18th centuries] / red. L.P. Repina. Moskva, 2022. (In Russ.)

Fomenko I.K. Skifiia, Tartariia, Moskoviiia, Rossiia – vzgliad iz Evropy: Rossiia na starinnykh kartakh [Scythia, Tartary, Muscovy, Russia – a view from Europe: Russia on ancient maps]. Moskva, 2010. (In Russ.) A Systematic Compendium of Geography, 1790 // URL: <https://card-collection.makersofplayingcards.org/Cardhtml/W0228.html> (access date: 18.12.2023).

Bowles C. Bowles’s European geographical amusement, or, Game of geography, 1795 // URL: <https://collections.library.yale.edu/catalog/2034870> (access date: 10.12.2023).

Bowles C. Bowles’s Geographical Game of the World, c. 1803 // URL: <https://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metadc1705382/> (access date: 15.12.2023).

Brome H. Geographical cards made and sold for Henry Brome at ye Gun in St. Pauls Church-yard. London, 1676.

Darton W. An explanation of, or a key to The Noble Game of the Elephant and Castle or Travelling in Asia, 1822 // URL: www.giochidelloca.it/scheda.php?id=1278 (access date: 15.12.2023).

Davies G. Rules Britannia: Board Games, Britain, and the World, c. 1759–1860. Exeter, 2023.

Dove J. Geographical board game: promoting tourism and travel in Georgian England and Wales // Journal of Tourism History. 2016. № 8 (1). P. 1–18.

Duval P. Les Tables de Geographie reduites en vu Jeu de Cartes. Paris, 1669.

Goodfellow C.G. The Development of the English Board Game, 1770–1850 // Board Games Studies. International Journal for the Study of Board Games. 1998. № 1. P. 70–80.

Harris J. Rules and Directions for Playing Geographical Recreation; or a voyage round the Habitable world, 1809 // URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=1335> (access date: 15.12.2023).

Hodges C. The Geographical cards, c. 1827–1830 // URL: <https://www.wopc.co.uk/uk/hodges/> (access date: 20.12.2023).

Jefferys J. A Journey Through Europe or the Play of Geography. Carrington Bowles Map & Printseller, 1759 // URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=1210> (access date: 15.12.2023).

Jefferys T. The Royal Geographical Pastime: Exhibiting A Complete Tour Round the World in which are delineated the North East and North West Passages in the South Sea and other modern Discoveries, 1770 // URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=2348> (access date: 19.12.2023).

Jefferys T. The Royal Geographical Pastime or the complete Tour of Europe, 1768 // URL: [giochidelloca.it/scheda.php?id=1310](http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=1310) (access date: 20.12.2023).

Lenthall J. Geographical Cards, c. 1745–54 // URL: <https://card-collection.makersofplayingcards.org/Cardhtml/W0222.html> (access date: 15.12.2023).

Lenthall J. Winstanley Geographical, c. 1715 // URL: <https://card-collection.makersofplayingcards.org/Cardhtml/W0223.html> (access date: 15.12.2023).

Perry J. The State of Russia, under the present Czar. Printed for Benjamin Tooke, 1716.

Ray R. The Beast in a Box: Playing with Empire in Early Nineteenth-century Britain // Visual Resources. 2006. № 22 (1). P. 7–31.

Sayer R. Royal Geographical Amusement or the Safe and Expeditious Traveller through all the Parts of Europe by Sea and by Land, 1787 // URL: [giochidelloca.it/scheda.php?id=1345](http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=1345) (access date: 18.12.2023).

Seller J. A Book of Geography, shewing [sic] all the Empires, Monarchies, Kingdoms, Regions, Dominions, Principalities, and Countries in the whole World, c. 1675–97 // URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1877-0310-1-91 (access date: 15.12.2023).

Seville A. The Cultural Legacy of the Royal Game of the Goose: 400 years of Printed Board Games. Amsterdam, 2019.

Seville A., Depaulis Th., Bekkering G.H. Playing with Maps: Cartographic Games in Western Culture. Leiden, 2023.

Wallis J. Wallis's Complete Voyage Round the World, 1796 // URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=1560> (access date: 15.12.2023).

Wallis J. Wallis's Tour of Europe, A New Geographical Pastime, 1794 // URL: <https://www.vandaimages.com/2006AA7482-Wallis-Tour-of-Europe-A-New-Geographical-Pastime.html> (access date: 22.12.2023).

Whitehouse F.R.B. Table Games of Georgian and Victorian Days. Hertfordshire, 1971.

© 2024 г. Т.Л. ЛАБУТИНА

«ДВУЛИКИЙ ЯНУС»: СОСТОЯЛ ЛИ КАНЦЛЕР А.П. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН НА СЛУЖБЕ У АНГЛИЧАН?

Лабутина Татьяна Леонидовна — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: tlabutina2007@yandex.ru

Scopus Author ID: 54883697400; ORCID: 0000-0003-2609-4175

Аннотация. Обращаясь к политике, проводимой видным государственным деятелем, главой внешнеполитического ведомства России в правление императрицы Елизаветы Петровны канцлером А.П. Бестужевым-Рюминым, автор оценивает его взаимоотношения с британскими послами в 1746–1756 гг. иначе, чем другие историки. Великобритания, активно участвуя в войне за Австрийское наследство (1740–1748) и готовясь к Семилетней войне (1756–1763), вела переговоры об аренде российского вспомогательного военного корпуса в обмен на выплату денежных субсидий. Активную роль в переговорах играл А.П. Бестужев-Рюмин. Но чьи интересы он при этом отстаивал, и была ли его служба на высоком государственном посту бескорыстной? Опираясь на анализ дипломатической переписки британских послов с государственным секретарем, автор отмечает, что А.П. Бестужев-Рюмин чаще всего поддерживал англичан, поскольку состоял на секретной службе у британского правительства. Подтверждением тому служат действия канцлера, направленные в интересах Великобритании на ускорение переговоров о субсидиях, стремление уменьшить их размер, поддержка привилегий английского купечества в ущерб интересам России, а также снабжение послов секретной информацией о вооруженных силах страны. Биография канцлера, содержащая ряд сомнительных фактов (сфальсифицированные документы, представленные его отцом для приписывания своего рода к английским предкам, необычное знакомство с будущим королем Великобритании Георгом I и служба у него), получение от англичан постоянного пенсионного и дорогостоящих подарков — все это позволяет предположить, что А.П. Бестужев-Рюмин был завербован англичанами, находясь на службе у короля Георга I, а потому часто действовал в интересах Великобритании.

Ключевые слова: Великобритания, Россия, внешняя политика, канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, Дж. Кармайл, Гай Диккенс, Ч. Уильямс, дипломатические переговоры, вооруженные силы, российский вспомогательный корпус, субсидные конвенции, разведка.

T.L. Labutina

“Two-Faced Janus”: Was Chancellor Alexey Bestuzhev-Ryumin in the Service of the British?

Tatiana Labutina, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: tlabutina2007@yandex.ru

Scopus Author ID: 54883697400; ORCID: 0000-0003-2609-4175

Abstract. Reviewing the policy pursued by a prominent Russian statesman, head of the foreign policy department during the reign of Empress Elizaveta Petrovna, Chancellor Alexey Bestuzhev-Ryumin, the author assesses his relations with the British ambassadors in the period between 1746 and 1756 somewhat differently compared to other historians. Great Britain, which was actively participating at that time in the War of the Austrian Succession (1740–1748), and then, preparing for the Seven Years' War (1756–1763), negotiated the lease of the Russian auxiliary military corps in exchange for the payment of cash subsidies. Alexey Bestuzhev-Ryumin played an active role in the negotiation process. However, whose interests was he protecting and was his service in a high public office entirely selfless? From the analysis of diplomatic correspondence between British ambassadors and the Secretary of State, the author concludes that Alexey Bestuzhev-Ryumin supported the British more often than not, as he was in the secret service of the British government. This is confirmed by the actions of the Chancellor, aimed at accelerating negotiations on subsidies in the interests of Great Britain, seeking to reduce their size, supporting the privileges of English merchants to the detriment of Russian interests, as well as supplying ambassadors with secret information about the armed forces of the country. The biography of the Chancellor, containing a number of dubious facts, such as documents forged by his father to prove the English ancestry of his family, an unusual acquaintance with the future King George I of Great Britain and service under him, receiving a permanent pension and expensive gifts from the British, suggests that Alexey Bestuzhev-Ryumin was recruited by the British while in the service of King George I, and therefore frequently acted in the interests of Great Britain.

Keywords: Great Britain, Russia, foreign policy, Alexey Bestuzhev-Ryumin, John Carmichael, Guy Dickens, Charles Williams, diplomatic negotiations, armed forces, Russian auxiliary corps, subsidy conventions, intelligence.

Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693–1766) – видный государственный и политический деятель, талантливый дипломат, незаурядная личность в окружении императрицы Елизаветы Петровны. Его деятельность на постах вице-канцлера и канцлера не раз становилась предметом исследований российских историков¹. И все ученые отмечали, наряду с профессиональными достижениями А.П. Бестужева-Рюмина, противоречивый характер его поступков на высоком государственном посту. О его влиянии на управление страной писали многие. Исследователи Л.В. Антонова и Т.А. Просвинова подчеркивали, что А.П. Бестужев на протяжении 16 лет практически правил Россией, причем делал это «продуманно и четко». Его «уважали, боялись, временами ненавидели, признавали несомненный талант дипломата, отвагу и трудолюбие, но вместе с тем не отрицали и мстительность, коварство, честолюбие, скупость, что не мешало Бестужеву-Рюмину совершенно искренне и честно

¹ Шапкина А.Н. Новые ориентиры. Канцлер А.П. Бестужев-Рюмин и союз с Австрией // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 48–65; Яковлев Н.Н. Великий канцлер // Яковлев Н.Н. Британия и Европа. М., 2000. С. 163–168; Анисимов М.Ю. Российский дипломат А.П. Бестужев-Рюмин (1693–1766) // Новая и новейшая история. 2005. № 6. С. 175–192; Емелина М.А. Алексей Петрович Бестужев-Рюмин // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 29–45; Мусский И.А. Алексей Петрович Бестужев-Рюмин // Мусский И.А. 100 великих дипломатов. М., 2009. С. 169–175; Бантыш-Каменский Д.Н. Биография российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 2011; Григорьев Б.Н. Бестужев-Рюмин. Великий канцлер России. М., 2014.

служить России»². Ценили деятельность российского канцлера и за рубежом. Как отмечал Н.Н. Яковлев, его расположения в разные годы добивались такие европейские монархи, как Георг II, Мария Терезия, Фридрих II, Людовик XV³.

В конце 1746 г. Англия, активно участвующая в войне за Австрийское наследство (1740–1748), начала переговоры с российским правительством о предоставлении в ее распоряжение вспомогательного военного корпуса в обмен на денежную субсидию⁴. Поскольку англичане, как отмечал британский историк К.У. Элдон, предпочитали использовать иностранные войска для защиты королевства во время войн на континенте, чем привлекать для этой цели своих солдат⁵, неудивительно, что они обратились с подобной просьбой к российской императрице. Субсидные конвенции сделались по сути дела камнем преткновения в переговорном процессе двух держав, в котором активную роль довелось сыграть канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину. Какую позицию он при этом занимал? Чьи интересы отстаивал? И была ли его служба отечеству бескорыстной? Ответы на эти вопросы и попытался дать автор в предлагаемой статье. В то время как историки обычно обращаются к изучению внешнеполитической деятельности А.П. Бестужева-Рюмина, нас интересовали, главным образом, взаимоотношения канцлера с британскими послами в период войны за Австрийское наследство и в преддверии Семилетней войны (1756–1763), которые нашли отражение в их дипломатической переписке с госсекретарем.

Изучая биографию и деятельность канцлера, мы обратили внимание на то, что в новейших работах о нем неясным остается вопрос о происхождении рода Бестужевых-Рюминых. Так, М.Ю. Анисимов отмечал, что будущий канцлер родился в семье московского дворянина Петра Михайловича Бестужева, род которого по легенде происходил от выехавшего в Россию в 1403 г. англичанина Гавриила Беста. В действительности, считал историк, будущий канцлер являлся потомком новгородцев, которых Иван III вывез в Москву после упразднения независимости Новгорода. Отец Алексея Петровича служил воеводой в Симбирске, при Петре I выполнял дипломатические поручения в Вене и Берлине, а в 1712 г. стал обер-гофмейстером у герцогини курляндской Анны Иоанновны. От Елизаветы Петровны в 1742 г. он получил графский титул⁶.

По утверждению М.А. Емелиной, Бестужевы-Рюмины происходили из младшей ветви рода Плещеевых, являлись выходцами из новгородских земель и занимали незначительные посты. В 1680-е годы и повторно в 1699 г. отец будущего канцлера передал в Разрядный приказ документы, по которым его род будто бы вел свое происхождение от Бестовых из английского графства Кент. Однако, как позже выяснилось, эти бумаги оказались сфальсифицированными. В 1701 г. старший Бестужев – Петр Михайлович – получил разрешение для себя и своих родственников носить двойную фамилию Бестужевых-Рюминых, чтобы отличаться от других поколений рода Бестужевых⁷.

Автор единственной монографии, посвященной А.П. Бестужеву-Рюмину, Б.Н. Григорьев признавал, что на дипломатическую деятельность отца Алексея Петровича указывали лишь «косвенные признаки». Он также сомневался в достоверности сведений об английском происхождении рода. «То ли тщеславие, то ли мода на все европейское, начавшая проявляться в России при Петре I, а скорее все вместе взятое заставили его искать свое происхождение за пределами России, – писал Б.Н. Григорьев. – Через посредничество главы Посольского приказа Ф.А. Головина... для него в 1698 году из Англии была прислана

² Антонова Л.В., Просвинова Т.А. История дипломатии России. М., 2010. С. 149.

³ Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 26.

⁴ Подробнее о субсидиях 1747 г. см.: Лабутина Т.Л. Россия в войне за чужие интересы: переговоры британских и российских дипломатов о субсидных конвенциях 1747 года // Новая и новейшая история. 2023. № 3. С. 54–66. DOI: 10.31857/S013038640025910–9

⁵ Eldon C.W. England's Subsidy policy towards the Continent during the Seven Years' War. Philadelphia, 1938. P. III.

⁶ Анисимов М.Ю. Указ. соч. С. 175.

⁷ Емелина М.А. Указ. соч. С. 30.

грамота, в которой сообщалось, что его предком был англичанин Гавриил Бест... будто бы выехавший из Англии в 1403 году»⁸.

Суммируя приведенные высказывания, можно сделать вывод, что сведения о происхождении Бестужевых-Рюминых⁹ продолжают оставаться до конца не выясненными и что предки великого канцлера стремились любыми путями приобщиться к английскому роду. Кто знает, быть может, именно последнее обстоятельство (мнимая или действительная близость к английским предкам) сыграло свою роль в занятой Алексеем Петровичем позиции в переговорах с британцами.

Алексей Петрович Бестужев-Рюмин был прекрасно образован. Вначале он вместе со старшим братом Михаилом учился дома, а затем продолжил обучение в известной московской гимназии пастора Э. Глюка. В 1708 г. по настоянию Петра I братьев отправили для дальнейшего обучения в Копенгаген, а спустя два года — в Берлин. Алексей учился старательно, освоил немецкий, французский языки, а также латынь. После обучения он путешествовал по Европе. В 1712 г., когда ему исполнилось 19 лет, Алексей получил первое дипломатическое поручение и отправился на Утрехтский конгресс, где обсуждались условия заключения мира по итогам войны за Испанское наследство (1700—1713). Любопытно, что по пути в Утрехт Алексей Бестужев каким-то образом «имел случай стать известным ганноверскому курфюрсту Георгу-Людвигу, будущему королю Великобритании Георгу I, и даже получил предложение поступить к нему на службу»¹⁰. Как и почему могло произойти подобное знакомство молодого, еще неопытного и малоизвестного российского дипломата с английским принцем, остается только догадываться. Еще более удивительным представляется его приглашение поступить к курфюрсту на службу.

В 1713 г. Алексей Петрович по приказу царя получает чин полковника, а затем становится камер-юнкером у курфюрста Георга Ганноверского. Примечательно, что в это же время старший брат Михаил служил камер-юнкером при дочери того же курфюрста. После вступления курфюрста на английский престол в 1714 г. Алексей Бестужев оставался при его дворе еще три года. Как отмечал Б.Н. Григорьев, «это был, пожалуй, беспрецедентный до тех пор случай в истории русской дипломатической службы, когда русского дипломата звали на службу к иностранному монарху». Не меньшее удивление исследователя вызвало также решение короля направить Бестужева в качестве своего чрезвычайного посланника в Петербург, чтобы сообщить Петру I о своем вступлении на престол. «Такого в дипломатической практике России (и, возможно, Англии) тоже еще никогда не было», — констатировал Б.Н. Григорьев¹¹. Возвратившись в Лондон с поздравительной грамотой от царя, Алексей Петрович остался в Англии в должности российского посланника. Он пробыл на английской службе около четырех лет, и все, чему он там научился, на взгляд Григорьева, пригодилось и подготовило к будущей политической карьере на родине. «Пребывание и служба в Англии, если и не сделали из него стопроцентного англофила, — отмечал исследователь, — но наложили несомненный отпечаток на его пристрастия и склонности. Англия будет долго занимать в его внешнеполитической программе наипервейшее место»¹². И с подобным утверждением трудно не согласиться, если проследить за взаимоотношениями Бестужева-Рюмина с британскими посланцами.

В 1717 г. Петр I отозвал молодого дипломата из Англии, а спустя год направил обер-камер-юнкером ко двору Анны Иоанновны в Митаву, где в то время служил его отец. В 1720 г. Алексея Петровича назначили резидентом в Данию. Здесь он отличился тем, что устроил пышный прием для иностранных дипломатов и первых лиц датского королевства по случаю заключения в 1721 г. Ништадтского мира. На приеме он раздал гостям памятную медаль с портретом Петра I, которую отчеканил за свой счет. Царь, узнав об этом, лично написал

⁸ Григорьев Б.Н. Указ. соч. С. 9—10.

⁹ В литературе используются как полная, так и сокращенная фамилия А.П. Бестужева-Рюмина.

¹⁰ Григорьев Б.Н. Указ. соч. С. 54.

¹¹ Там же. С. 54—55.

¹² Там же. С. 56.

благодарственное письмо Бестужеву, а в 1723 г. наградил его своим портретом, украшенным бриллиантами. В те времена это была очень высокая награда¹³. В 1724 г. император произвел Бестужева-Рюмина в действительные камергеры.

В последующие годы Алексей Петрович представлял интересы России при Копенгагенском дворе, в Гамбурге, Нижнем Саксонском округе. Благодаря покровительству регента Э.И. Бирона в 1731 г. он получил должность чрезвычайного посланника, а в 1740 г. занял пост кабинет-министра. После падения Бирона Бестужев-Рюмин за связи с регентом был арестован, приговорен к четвертованию, но казнь ему заменили ссылкой. Правительница Анна Леопольдовна решила вернуть его после недолгой ссылки ко двору, поручив заведовать внутренней политикой государства. Активное участие Бестужев-Рюмин принял также в дворцовом перевороте 1741 г. Елизавета Петровна по достоинству оценила его заслуги и по протекции лейб-медика И.Г. Лестока и посла Франции маркиза И.-Ж. де ла Шетарди пожаловала Алексею Петровичу орден Св. Андрея Первозванного, звание сенатора, а также должность вице-канцлера и директора почтового ведомства. В 1744 г. А.П. Бестужев-Рюмин становится канцлером Российской империи. В 1758 г. он будет отстранен от должности и сослан. Екатерина II, взойдя на престол, вернула его из ссылки и произвела в звание генерал-фельдмаршала. Таков был жизненный путь великого канцлера.

Английские послы, по всей вероятности, учитывали тот факт, что в молодости Алексей Петрович состоял на службе у Георга I, а потому полагали, что можно заслужить его расположение и даже использовать канцлера в своих интересах. При этом они старались не афишировать свои «особые» отношения с Бестужевым. «Мы обещали все свои сношения держать в тайне перед кем бы то ни было, кроме наших государей», — сообщал госсекретарю прибывший в Россию в 1746 г. посол Дж. Гиндфорд¹⁴. Убедившись, что Бестужев находился «в большой милости» у императрицы, Гиндфорд начал прощупывать почву на предмет возможного его привлечения на свою сторону. С этой целью он предложил госсекретарю «оказать *нашему другу* (выделено нами. — *Т.Л.*) особые знаки благоволения, послав, кроме обычного подарка деньгами, портрет Его Величества, табакерку, шпагу или какую-либо другую вещь»¹⁵. О каком друге шла речь? Оказалось, что это был канцлер Бестужев. Британскому дипломату явно не хотелось, чтобы о подобном предложении канцлеру стало известно при дворе императрицы, и потому просил госсекретаря в дипломатической переписке не упоминать его имени и «никогда, даже в шифре, не называть его иначе, как нашим другом». В том же донесении Гиндфорд упоминал о денежной просьбе «друга». Выяснилось, что еще в сентябре 1746 г. Бестужев обратился через посредничество посла к королю с просьбой о беспроцентном займе в 10 тыс. ф. ст. сроком на 10 лет. Как писал Гиндфорд, в своем ходатайстве Бестужев напоминал, что он «*всегда был верным другом и слугой короля и британской нации*» (выделено нами. — *Т.Л.*), рискуя своей жизнью и состоянием, всегда отклонял выгоднейшие предложения со стороны врагов его королевского величества», а также никогда не принимал никаких подарков, которые ему предлагали. Но теперь канцлер надеется, что король окажет ему поддержку. Дело в том, что императрица пожаловала Бестужеву поместья, прежде принадлежавшие вице-канцлеру графу А.И. Остерману, а также его большой, но плохо сохранившийся дом. Желая угодить императрице, канцлер перестроил и роскошно отдал здание, что ввело его, уже и без того обремененного долгами, в еще большие траты. Поэтому он пребывает в полном отчаянье, если король не придет «милостиво к нему на помощь». Подобные заявления российского канцлера вызывают, мягко говоря, удивление: почему с подобной просьбой Бестужев решил обратиться к монарху иностранной державы? А если учесть, что на троне находился уже не тот король, у которого он служил

¹³ Анисимов М.Ю. Указ. соч. С. 176.

¹⁴ Донесения, инструкции и письма и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе за 1744—1745 гг. // Сборник императорского русского исторического общества (далее — СИРИО). Т. 101. СПб., 1898. С. 182.

¹⁵ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // СИРИО. Т. 102. СПб., 1898. С. 315.

в свое время, а его сын — Георг II Ганновер, то тем более подобная просьба к британскому монарху выглядит по меньшей мере странной.

Описывая ситуацию с займом, Гиндфорд, хотя и подтверждал достоверность «денежных затруднений» канцлера, считал выполнение его ходатайства в то время, как послы короля несколько лет не получают жалованья, невозможным. Однако вскоре послу пришлось изменить свое мнение. Когда в конце 1746 г. начались переговоры о предоставлении англичанам корпуса российских войск, они вспомнили о Бестужеве и его просьбе. «Так как вы в этом деле... будете вести переговоры главным образом... с канцлером, — инструктировал госсекретарь Гиндфорда, — то было бы уместно, если бы вы сказали ему, что просьба его о займе ...должена королю, и ...вижу, что король весьма расположен к канцлеру. Вы можете дать Бестужеву понять, что лучший способ побудить короля оказать ему это особое проявление королевской милости... — расположить императрицу к заключению договора (о вспомогательном корпусе и субсидии за его аренду. — *Т.Л.*) на разумных основаниях»¹⁶. Гиндфорд стал активно поддерживать ходатайство канцлера о его «скромной просьбе», поскольку Бестужев мог оказать ему содействие в переговорах. И действительно, судя по депешам посла в Лондон, канцлер предпринимал определенные шаги, чтобы уговорить царицу «понизить свои требования» в части размеров субсидии. Примечательно, что при этом он всякий раз напоминал послу о своей просьбе, а также требовал сохранять переговоры в секрете от императрицы и других министров¹⁷.

Гиндфорд писал госсекретарю лорду Честерфилду, что необходимо заручиться таким «могущественным другом», как Бестужев, поскольку тот пользуется уважением императрицы и обладает такой властью, какой никогда не имел ни один из русских министров. Однако король не спешил удовлетворить просьбу. В депеше от 7 апреля 1747 г. лорд Честерфилд отвечал Гиндфорду: «По отношению к просьбе канцлера я сообщаю вам, что Его Величество весьма хорошо расположен к этому министру ...но ... при настоящем положении дел ...Его Величеству ...невозможно теперь же удовлетворить Бестужева в том, в чем тот его просит»¹⁸. Гиндфорд, продолжая убеждать госсекретаря в необходимости помочь канцлеру, приводил в качестве аргумента тот факт, что Бестужев «мог бы иметь вдвое более от других держав», но желает обратиться лишь к милости короля Великобритании. Но добиться желаемой цели послу не удавалось. Наконец, Честерфилд в секретной депеше сообщал, что король готов выделить канцлеру 5 тыс. ф. ст. после подписания конвенции о субсидии. Однако Гиндфорд опасался, что подобное предложение вряд ли устроит канцлера и он откажется оказывать англичанам содействие в переговорах. «Если мне придется сказать канцлеру, что в настоящее время король не в состоянии удовлетворить его просьбу, — писал посол Честерфилду 2 мая 1747 г., — то он примет это за отказ и попытается получить эту сумму где-либо в другом месте, и тогда мы уже навсегда потеряем его»¹⁹. Чтобы этого не допустить, Гиндфорд даже предлагал госсекретарю скрыть от Бестужева получение неблагоприятного для канцлера ответа из Лондона, а пока обсудить вопрос о выдаче ему хотя бы половины денег, о которых просил Бестужев. Посол снова и снова просил удовлетворить просьбу канцлера, подчеркивая, что тот может либо оказать королю большую услугу, либо навредить его делам. «Я прекрасно вижу, что он замедляет выдачу ответов по разным нашим делам... пока его просьба не будет удовлетворена», — свидетельствовал Гиндфорд. В ответ король советовал послу «заставить этого министра немного подождать», а пока выделить Бестужеву 5 тыс. ф. ст.

Однако Бестужев отказался принять данную сумму. В беседе с Гиндфордом он заявил, что «услуги, оказанные им ...нашему двору (выделено нами. — *Т.Л.*)», вселяли в него надежду ожидать благоприятного ответа на его первую и единственную просьбу, а потому он был

¹⁶ Там же. С. 121.

¹⁷ Там же. С. 189.

¹⁸ Там же. С. 255–256.

¹⁹ Там же. С. 331–332.

весьма огорчен, встретив подобные затруднения. Бестужев уверял посла в своей преданности королю и королевской семье, которым он служил вначале как слуга, а затем как полномочный министр ганноверского двора от императора Петра I. Он перечислял разнообразные услуги, которые когда-либо оказывал британскому двору, обещая сделать все, что в его силах, чтобы возместить все убытки англичан в коммерческих операциях и восстановить их торговлю через Россию с Персией. Взамен он просил только о беспроцентном займе в 10 тыс. ф. ст., а не о подарке, «ибо хочет иметь свои руки и совесть всегда чистыми». Посол советовал госсекретарю прислушаться к просьбе канцлера, полагая, что король «может потерять *единственного друга, которого имеет при этом дворе* (выделено нами. — Т.Л.)», и тогда дела англичан вместо того, чтобы продвигаться вперед, «обратятся вспять»²⁰.

Эпопея с займом завершилась в ноябре 1747 г., о чем Гиндфорд не преминул известить лорда Честерфилда. В секретной депеше посол сообщал, что Бестужев вынужден был занять 50 тыс. руб. под залог своего дома. К письму он приложил «как диковину» закладную и обязательство канцлера выплатить заем. В России принято на каждую закладную в тысячу рублей представить одного свидетеля, пояснял Гиндфорд, поэтому канцлер пригласил 50 своих «главных врагов» при дворе, которые должны были как свидетели подписаться под документом. При этом, высказывая предположение дипломат, канцлер руководствовался стремлением не допустить подозрений, что получил эти деньги в качестве подарка и продемонстрировать своим врагам, что он очень беден²¹. Хотя Бестужев самостоятельно нашел выход из сложившейся ситуации, посол заключал: «Я весьма доволен, что Его Величеству благоугодно было помочь канцлеру... и я думаю, что *он окажется весьма полезным для королевской службы* (выделено нами. — Т.Л.)»²². Судя по словам Гиндфорда, финансовая помощь Бестужеву со стороны короля была все-таки оказана.

Анализируя факты, связанные с просьбами Бестужева о займе, невольно задаешься вопросом, а чем канцлер предполагал расплатиться за них? Осуществлял ли он какие-либо действия в интересах британцев? В депешах Гиндфорд не раз упоминал, что Бестужев оказывал английской стороне определенные услуги. Так, посол заверял английское правительство, что Бестужев по его просьбе сумел убедить императрицу, чтобы суммы субсидии за вспомогательный корпус были «сильно уменьшены». В депеше от 3 января 1747 г. Гиндфорд сообщал, что если бы не расположенный к англичанам Бестужев, то ему вообще никогда не удалось бы убедить царицу предоставить требуемый русский корпус²³. Посол полагал, что «этот джентльмен» и в будущем сможет доказать свою благодарность королю, «сделав все, что в его силах, для удовлетворения Его Величества»²⁴. И действительно, Бестужев не только поддерживал требования англичан о субсидных конвенциях, но и убеждал императрицу согласиться на включение в субсидный договор сепаратной и секретной статьи, согласно которой Россия должна напасть на Пруссию в случае, если та предпримет агрессивные действия против Великобритании. Этим действием, писал Гиндфорд, король обязан исключительно Бестужеву, который «с каждым днем *все ближе принимает к сердцу служение интересам Его Величества ... что ... является и его долгом* (выделено нами. — Т.Л.)»²⁵.

Вопрос об очередном субсидном договоре возник вновь на переговорах между странами накануне Семилетней войны. Российская сторона требовала выплату субсидии в размере 150 тыс. ф. ст. в год за корпус в 30 тыс. человек, обещая к тому же защиту королевских владений в Ганновере. Встретив оппозицию в парламенте, который счел сумму субсидии слишком завышенной, герцог Ньюкасл, сменивший на посту госсекретаря Честерфилда, стал добиваться изменения условий договора. Однако российское правительство настаивало на своих требованиях, в результате переговоры застопорились. Госсекретарь направил новому

²⁰ Там же. С. 374–375.

²¹ Там же. С. 453.

²² Там же. С. 453–454.

²³ Там же. С. 164, 173, 188.

²⁴ Там же. С. 420.

²⁵ Там же. С. 469.

послу в России Гаю Диккенсу депешу с пометой «совершенно секретно», в которой сообщал, что король вознаградит Бестужева, если тот сможет убедить императрицу согласиться на предложенный им план, в соответствии с которым российские войска, расположенные в Ливонии, придут в движение, если король Пруссии нападет на владения Его Величества. «В таком случае, но никак не иначе, — продолжал инструктировать госсекретарь посла, — вы предоставите канцлеру сумму в две с половиной тысячи фунтов; а затем выплатите ему еще такую же сумму, как только русские войска начнут движение... Вы можете также обещать ему дальнейшую благодарность, если он будет помогать вам в вопросе о субсидии, чтобы ее сумма была по возможности умеренной; и чем меньше будет субсидия, тем больше будет размер его компенсации за нее»²⁶.

Обращает на себя внимание тот факт, что канцлер пытался вести переговоры с англичанами единолично, не посвящая в их детали ни вице-канцлера М.И. Воронцова, ни посла в Великобритании графа П.Г. Чернышева. Бестужев говорил Гаю Диккенсу, что не доверяет Чернышеву и не хотел, чтобы с ним вели деловые беседы. Как отмечала советский историк И.И. Любименко, Петр Григорьевич Чернышев «не пользовался доверием у Бестужева, старавшегося вести в основном англо-русские отношения помимо него»²⁷. Он даже предлагал заменить графа другим послом, которому бы полностью доверял английский двор²⁸.

Как бы англичане ни старались сохранить авторитет своего «друга» и его устойчивые позиции при дворе, Бестужев, по словам С.М. Горяинова, «был сам себе враг и давал повод своим недоброжелателям распространять худую молву про него. Он любил роскошь, любил строить и вел большую игру, так что был кругом в долгу. Для удовлетворения своих потребностей он не останавливался перед растратой денег, принадлежавших казне»²⁹. В октябре 1752 г. Бестужев обратился к императрице со следующим посланием: «Всемило-стивейшая государыня! Я такой тягости долгов подпал, что ...прибавить уже невозможно. Кредиту тем лишаюсь, никакого уже заимодавца, кто бы меня ссудил, не нахожу... Все заложено, что... заложить можно было». Бестужев объяснял, что его долги отчасти объясняются недостатком жалованья (12 тыс. руб.), положенного ему как канцлеру. Между тем его должность «повелевает» нести большие издержки, в том числе расходы на поездки в Москву и «разные великие торжества». Он напоминал, что пожалованный ему дом пришлось отстраивать, на что потребовалось 50 тыс. руб., которые он взял в долг на 10 лет. Однако он не мог отказаться от этого дома, поскольку его статус требует, чтобы под старость он «не бедничал» и чтобы иностранцы не удивлялись его «бедности». Это обстоятельство, заключал канцлер, принуждают просить императрицу пожаловать ему из субсидных денег 50 тыс. руб. на 10 лет»³⁰.

Поскольку ответа на подобную просьбу от императрицы не последовало, Бестужев решил обратиться к послам российских союзников — Англии, Австрии и Саксонии — с просьбой его выручить. С.М. Горяинов назвал подобный шаг канцлера «безнравственным деянием», повлекшим за собой «еще более чувствительное нарушение ...обязанностей, связанных с его служебным положением»³¹. О том, что последовало за этим обращением, Гай Диккенс в подробностях информировал свой двор. В секретной депеше от 28 ноября 1752 г. он сообщал герцогу Ньюкаслу, что канцлер оказался в затруднительном положении из-за больших долгов, что грозит ему серьезными неприятностями. Он не может оплатить расходы по содержанию и ремонту дома, а главное, он растратил деньги из казны, которые

²⁶ Дипломатическая переписка английских представителей при дворе императрицы Елисаветы Петровны. 1750—1753 // СИРИО. Т. 148. Пг., 1916. С. 414.

²⁷ Любименко И.И. Россия и Англия в первой половине XVIII века (1698—1756). Л., 195.. // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 276. Оп. 2. Д. 138. С. 797.

²⁸ Дипломатическая переписка английских представителей... С. 10, 61.

²⁹ Горяинов С.М. Введение // Там же. С. IV.

³⁰ Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XII. История России с древнейших времен. Т. 23—24. М., 1993. С. 116—118.

³¹ Горяинов С.М. Указ. соч. С. V.

выделялись на расходы министерства иностранных дел и почтового ведомства. Так, из 15 тыс. руб., которые было положено ассигновать на секретную службу, он взял 12 тыс. и 16 тыс. из почтовых денег, что в общей сумме составляло 28 тыс. руб. Чтобы избежать разорения и унижения, канцлер и решил обратиться к иностранным министрам.

Во время одной из бесед с канцлером Гай Диккенс сообщил ему, что король советовал сделать все возможное, чтобы его поддержать. «Канцлер был так растроган заботой короля, — продолжал посол, — что даже слезы выступили на его глазах, и он какое-то время не мог произнести ни слова». А затем он заявил, что переговоры о субсидии за войско будут продолжены без промедления и средства могут быть «легко найдены». В завершение Бестужев заверил посла, что учтет интересы Великобритании³².

В марте 1753 г. денежная помощь для Бестужева была собрана, хотя и не в том объеме, как он того желал. Помимо англичан, саксонский двор выслал ему 8 тыс. рейхталеров и австрийское правительство — 30 тыс. флоринов. Таким образом, денежная сумма, по расчетам Гая Диккенса, была достаточной для пополнения растраты³³. Однако Бестужев был иного мнения. При встрече с послом он заявил, что полученные средства лишь отчасти поправят его положение. Между тем, спустя два дня, едва получив 10 тыс. дукатов, он успел проиграть из этой суммы 1200 дукатов. «Я ожидаю, что через некоторое время канцлер опять окажется в долгах», — заключал Гай Диккенс³⁴. Примечательно, что все сношения по вопросу о финансовых поступлениях от иностранных держав Бестужев, как и прежде, предпочитал держать от своих соотечественников, прежде всего от самой императрицы, в секрете³⁵.

Финансовую расточительность Бестужева британская дипломатия успешно использовала для достижения своих целей. Обещания короля, озвученные послом, выделить деньги после подписания договора о конвенции, явно не устраивали Бестужева. Деньги ему были нужны, что называется, здесь и сейчас. Поэтому, поблагодарив короля, канцлер поинтересовался, не сможет ли английский резидент барон Вольф одолжить ему или выдать 25 тыс. руб. в счет закладной. Однако тот ответил отказом, поскольку канцлер уже занял 62 тыс. руб. исключительно под свое слово.

Последующие депеши из Лондона, отправленные в августе 1753 г., свидетельствовали, что английская сторона не оставляла попыток оказания давления на Бестужева. Угроза нападения Пруссии на владения английского короля в Ганновере продолжала сохраняться. К тому же в середине 1750-х годов обострился конфликт между Англией и Францией. В результате, по утверждению британского историка Д.Б. Хорна, переговоры с Россией об очередной субсидии сделались «вопросом жизни или смерти для Британии» и англичане вновь решили «купить помощь России»³⁶. Единственным эффективным средством защиты Ганновера, по мнению английского правительства, могла быть мощная диверсия России на слабой восточной границе Пруссии, что отвлекло бы Пруссию от нападения на Ганновер. «Необходимо внушить русским, — заявлял госсекретарь, — что они так и останутся державой азиатской, если не выйдут из своего бездействия и позволят королю прусскому исполнить его амбициозные и опасные планы... расширения Пруссии»³⁷.

Для достижения своих целей очередной посол, прибывший ко двору Елизаветы Петровны, Ч. Уильямс обратился к излюбленному англичанами методу — подкупу сановников. Главной целью посла по-прежнему был канцлер, который, по утверждению Д.Б. Хорна, «долго являлся оплотом британских интересов при русском дворе»³⁸. Для начала Уильямс выяснил у приближенных к Бестужеву лиц, на какую наименьшую сумму тот даст согласие поддержать англичан в переговорах. Получив аудиенцию у самого канцлера, он озвучил

³² Дипломатическая переписка английских представителей... С. 394–396.

³³ Там же. С. 418.

³⁴ Там же. С. 464.

³⁵ Горяинов С.М. Указ. соч. С. VI.

³⁶ Horn D.B. Sir Charles Hanbury Williams and European Diplomacy (1747–58). London, 1929. P. 200–201.

³⁷ Цит. по: Тургенев А.И. Российский двор в XVIII в. СПб., 2005. С. 151.

³⁸ Horn D.B. Op. cit. P. 205.

данное предложение, которое, однако, было отвергнуто Бестужевым без колебаний. Тогда Уильямс выдвинул ультиматум, который был им принят. Тот факт, что Бестужев принял ультиматум Уильямса, по признанию Хорна, объяснялся главным образом увеличением взятки, предложенной ему англичанами. Гай Диккенс в свое время предлагал канцлеру 5 тыс. ф. ст.; Уильямс — вначале 8 тыс. ф. ст., но, не добившись результата, увеличил сумму до 10 тыс. ф. ст. Уильямс с удовольствием докладывал в Лондон: эта сумма была принята Бестужевым тотчас же «с улыбкой на устах, и он заверил, что поддержит все, что я предложу»³⁹.

И действительно, когда застопорился вопрос с ратификацией конвенции, тут же, как отмечал Ф.Ф. Мартенс, «опять нашла Англия энергического защитника ее интересов в русском государственном канцлере графе Бестужеве-Рюмине»⁴⁰. 19 января 1756 г. он подал императрице подробную записку по этому делу. Канцлер пригрозил даже, что подаст в отставку, если конвенция с Англией не будет ратифицирована. Записка канцлера возымела должное действие: Елизавета Петровна повелела немедленно обменяться ратификациями договора.

Надо отметить, что проанглийскую политику, проводимую канцлером, И.И. Любименко пыталась оправдать не подкупом со стороны англичан, но его собственной «политической линией». «Подкупить его готова была не одна Англия, — отмечала историк. — Французы, пруссаки искали его расположения теми же путями, но ничего не добились. Если он и брал деньги у английского правительства под залог своего дома, то они являлись платой за услуги, а не стимулом для оказания их. Такого рода платы были тогда в обычае при всех дворах. При безумной роскоши, продолжавшей царить при русском дворе, даже крупные сановники постоянно нуждались в деньгах»⁴¹.

О том, что Бестужева часто обвиняли во взяточничестве и он охотно принимал крупные денежные суммы от иностранных держав, писал М.Ю. Анисимов. Он также оправдывал подобные поступки канцлера тем, что это «по тем временам не считалось чем-то из ряда вон выходящим». При этом Анисимов подчеркивал, что «факты взяток не афишировались». Оправданием взяточничества Бестужева-Рюмина, на взгляд Анисимова, служило также то, что он брал взятки от тех, кого считал союзниками России. Канцлер брал деньги, а «иногда даже вымогал у английских, австрийских и польско-саксонских представителей в Петербурге, — продолжал историк. — Но никогда не принимал денег от пруссаков и французов»⁴². Трудно согласиться с утверждением автора, что привлечь деньгами Бестужева на свою сторону для англичан было невозможно. История с субсидными конвенциями убеждает в обратном. Да и брать деньги от других иностранных послов канцлер тоже не всегда отказывался. К примеру, когда в августе 1745 г. прусские войска вступили в Богемию, посол Фридриха II А. Мардефельд вручил Бестужеву 50 тыс. руб., которые тот охотно принял⁴³.

Финансовые проблемы делали канцлера зависимым от иностранных субсидий, признавала М.А. Емелина. Но и она, подобно другим российским историкам, оправдывала взяточничество Бестужева «обычной практикой» дипломатов XVIII в., что свидетельствовало о «признании заслуг министра, поддержкой которого стремились заручиться»⁴⁴. М.А. Емелина приводила сведения о материальном положении канцлера. Его официальный статус требовал содержания богатого дома, в котором можно было принять императрицу и иностранных послов, и на это расходовались немалые средства. В начале 1745 г. Бестужев-Рюмин получил от Елизаветы Петровны 60 тыс. руб. и поместье в Лифляндии, приносящее ежегодный доход в 30 тыс. руб. Ежегодный английский пенсион, продолжала

³⁹ Ibid. P. 207.

⁴⁰ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. IX (X). Трактаты с Англией. 1710—1801. СПб., 1892. С. 185.

⁴¹ Любименко И.И. Указ. соч. С. 675—676.

⁴² Анисимов М.Ю. Указ. соч. С. 184.

⁴³ Емелина М.А. Указ. соч. С. 34.

⁴⁴ Там же.

историк, составлял 60 тыс. руб., в 1756 г. эту сумму увеличили до 2,5 тыс. ф. ст.⁴⁵ Ежегодное жалование Бестужева из казны составляло по разным оценкам от 7 до 16 тыс. руб.⁴⁶, такая же сумма выдавалась на почтовое ведомство. Но всех этих денег все равно катастрофически не хватало. Недосток в финансах, который постоянно испытывал Бестужев, Емелина объясняла также его игрой в карты и неумеренными возлияниями⁴⁷. Современники свидетельствовали, что в его доме часто устраивались застолья и допоздна продолжалась карточная игра. Посол Гай Диккенс в одной из депеш сообщал госсекретарю, что несколько раз видел, как Бестужев появлялся при дворе, когда уже пора было идти в постель (о чем императрицу извещали его недруги), и встречался с иностранными министрами. «После того, как он большую часть ночи проводил за картами и выпивкой, голова его была недостаточно ясной, чтобы говорить о делах, когда он появлялся утром при дворе, — продолжал посол. — Подобное поведение было необычным для других министров»⁴⁸.

Французская исследовательница Ф.Д. Лиштенан обращала внимание на то, что не только англичане, но представители других государств также пытались подкупить чиновников. Однако особенно преуспели в этом деле англичане. Представители Георга II «сумели извлечь пользу из бедственного экономического положения России. Они не скупилась на взятки, дарили погрязшим в долгах русским министрам мелкие денежные подарки»⁴⁹. Английский консул Вольф вел дела Бестужева, от его имени вкладывал деньги в банковские спекуляции.

Получая от англичан значительные денежные суммы, как в виде пенсионов, так и разовых выплат, Бестужев фактически находился на их содержании. Но каким образом канцлер за это расплачивался? Мы уже убедились, что он оказывал поддержку англичанам в переговорах о заключении субсидных конвенций (в части уменьшения требуемой императрицей за корпус денежной суммы, а также в ускорении прохождения документов для ратификации). Важным оказалось посредничество Бестужева и в коммерческих делах.

Торговля в отношениях Англии и России играла на протяжении веков важную роль. Англичане, получавшие большие дивиденды от торговли в России, сумели добиться заключения выгодного для себя договора при Анне Иоанновне в 1734 г. Однако, поскольку срок его действия истекал, британская дипломатия стала добиваться пролонгации договора. Особенно это было актуальным в связи с тем, что и конкуренты англичан (Голландия, Франция) предпринимали попытки заключить аналогичные договоры с Россией. Георг II приказал воспользоваться «недавней щедротой, оказанной графу Бестужеву», и настоять на том, чтобы торговый договор был «немедленно восстановлен в своей первоначальной силе»⁵⁰. Посол Гиндфорд ответил, что примет все необходимые меры, чтобы торговый договор начал действовать в полном объеме. Однако этого в силу ряда причин не произошло⁵¹, хотя Бестужев всячески тому содействовал. Торговый договор 1734 г. был пролонгирован лишь в правление Екатерины II в 1766 г.⁵²

Обращает на себя внимание то, что канцлер поставлял англичанам также информацию о вооруженных силах России. Поскольку дипломаты нередко встречались с Бестужевым не только на официальных приемах, но и в приватной обстановке у него дома либо приглашали его в гости к себе, это давало им возможность получать секретную информацию о состоянии армии и флота, что называется, из первых рук от самого главы внешнеполитического

⁴⁵ Там же. С. 34, 39.

⁴⁶ *Лиштенан Ф.Д.* Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство. 1740—1750. М., 2000. С. 164.

⁴⁷ *Емелина М.А.* Указ. соч. С. 35.

⁴⁸ Дипломатическая переписка английских представителей... С. 140.

⁴⁹ *Лиштенан Ф.Д.* Указ. соч. С. 73—75.

⁵⁰ Донесения, инструкции и письма... С. 322—323, 353, 382.

⁵¹ Подробнее см.: *Медведев Ю.С.* Русско-английские отношения в середине XVIII века (1748—1763): дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 124—133.

⁵² Подробнее см.: *Лабутина Т.Л.* Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019. С. 73—110.

ведомства. Так, Бестужев обещал Гиндфорду представить точные сведения о корпусе в 30 тыс. человек с указанием полков, а также пограничных пунктов, где они расквартированы⁵³. Канцлер проявлял также активное участие в обсуждении кандидатур командного состава вспомогательного корпуса, отдавая приоритет выбору англичан. Любопытно, что англичане советовались с Бестужевым даже по поводу назначения нового посла в Россию после отъезда лорда Гиндфорда. На прощальной аудиенции канцлер поинтересовался, кто его заменит, и просил намекнуть государственному секретарю, что назначение полковника Гая Диккенса было бы ему весьма приятно, ибо «этот господин не только знает немецкий язык, но в совершенстве знаком с дворами шведским и прусским»⁵⁴. Пожелание канцлера английской стороной было услышано, и в июле 1749 г. на смену Гиндфорду прибыл полковник Гай Диккенс.

Неудивительно, что англичане очень дорожили своим «другом». Они беспокоились, когда у Бестужева возникали сложности, которые могли повлиять на его положение при дворе либо чем-то его скомпрометировать. Так, в июле 1750 г. в семействе Бестужева разразился скандал из-за сына. Единственный наследник канцлера Андрей «жил на широкую ногу, тратил деньги на кутежи и увеселения, совершенно не интересовался делами и ничем не проявил себя ни на дипломатическом поприще, ни на придворной службе»⁵⁵. Поведение сына не могло оставить равнодушным Алексея Петровича, пытавшегося его вразумить. В то же время супруга канцлера была на стороне сына. На этой почве в семье Бестужевых часто возникали скандалы. После одного из них его супруга и сын попытались пожаловаться императрице. Понимая, что Елизавета Петровна может принять сторону обиженной жены Бестужева (императрица выказывала женскому полу большое сочувствие и, если супруги начинали тяжбу, всегда была на стороне жены)⁵⁶ и объединиться с его врагами, «друзья» канцлера, чтобы восстановить мир и порядок в семье, предложили Андрею Алексеевичу отправиться в зарубежное путешествие, выделив для этой цели ежегодное содержание в 800 ф. ст. Предложение семейством Бестужевых-Рюминых было охотно принято⁵⁷.

Итак, как мы могли убедиться, деятельность канцлера А.М. Бестужева-Рюмина при дворе Елизаветы Петровны была неоднозначной и противоречивой. С одной стороны, он защищал интересы отечества, когда проводил внешнюю политику, направленную на усиление могущества России на международной арене. С другой стороны, как показал анализ переписки британских дипломатов, Бестужев нередко поддерживал англичан. Особенно наглядно это видно из его действий, направленных на ускорение переговоров о субсидиях, и стремлений уменьшить их размер. Английское правительство активно использовало канцлера в переговорах с российским двором, добиваясь своих целей, которые нередко шли вразрез с интересами России. Великий канцлер, находясь на высоком государственном посту, по сути дела, предавал свое отечество. Анализ деятельности Бестужева в переговорном процессе с англичанами, а также его биография (сфальсифицированные документы, представленные его отцом для приписывания своего рода к английским предкам, необычное знакомство с будущим королем Великобритании и служба у него), выплата постоянного пенсионера и дорогостоящих подарков и ссуды — все это, как бы это ни казалось странным, дает основание для предположения, что А.П. Бестужев-Рюмин был завербован англичанами, находясь в бытность свою на службе у Георга I. А если вспомнить, что Петр I охотно согласился на его назначение послом в Лондон, то можно предположить, что Бестужев-Рюмин являлся двойным агентом, поставляя секретные сведения также в Петербург. Во всяком

⁵³ Донесения, инструкции и письма... С. 329–330.

⁵⁴ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 7 мая 1748 года по 9 февраля 1749–50 гг. // СИРИО. Т. 110. СПб., 1901. С. 394.

⁵⁵ Емелина М.А. Указ. соч. С. 39.

⁵⁶ Лиштенан Ф.Д. Указ. соч. С. 152.

⁵⁷ Дипломатическая переписка английских представителей... С. 76.

случае с уверенностью можно утверждать о двойственной позиции, занимаемой канцлером в отношениях с англичанами, а потому его вполне можно назвать «двуликим Янусом»⁵⁸.

Библиография

- Анисимов М.Ю.* Российский дипломат А.П. Бестужев-Рюмин (1693–1766) // Новая и новейшая история. 2005. № 6. С. 175–192.
- Григорьев Б.Н.* Бестужев-Рюмин. Великий канцлер России. М., 2014.
- Емелина М.А.* Алексей Петрович Бестужев-Рюмин // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 29–45.
- Лабутина Т.Л.* Россия в войне за чужие интересы: переговоры британских и российских дипломатов о субсидных конвенциях 1747 года // Новая и новейшая история. 2023. № 3. С. 54–66. DOI: 10.31857/S013038640025910-9
- Ляштенан Ф.Д.* Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство. 1740–1750. М., 2000.
- Любименко И.И.* Россия и Англия в первой половине XVIII века (1698–1756). Л., 195.. // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 276. Оп.2. Д. 138.
- Сборник императорского русского исторического общества. Т. 101, 102. СПб., 1898; Т. 110. СПб., 1901; Т. 148. Пг., 1916.
- Яковлев Н.Н.* Великий канцлер // Яковлев Н.Н. Британия и Европа М., 2000. С. 163–168.
- Eldon C.W.* England's Subsidy policy towards the Continent during the Seven Years' War. Philadelphia, 1938.
- Horn D.B.* Sir Charles Hanbury Williams and European Diplomacy (1747–58). London, 1929.

References

- Anisimov M. Yu.* Rossiyskiy diplomat A.P. Bestuzhev-Ryumin [Russian diplomat A.P. Bestuzhev-Ryumin] (1693–1766) // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2005. № 6. S. 175–192. (In Russ.)
- Grigor'yev B. N.* Bestuzhev-Ryumin. Velikiy kantsler Rossii [Bestuzhev-Ryumin. Great Chancellor of Russia]. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Labutina T.L.* Rossiya v voyne za chuzhiye interesy: Peregovory britanskikh i rossiyskikh diplomatov o subsideykh konventsiyakh 1747 goda [Russia in the war for foreign interests: Negotiations between British and Russian diplomats on the subsidy conventions of 1747] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2023. № 3. S. 54–66. DOI: 10.31857/S013038640025910-9 (In Russ.)
- Lishtenan F.D.* Rossiya vkhodit v Yevropu. Imperatritsa Yelizaveta Petrovna i vojna za Avstriyskoye nasledstvo [Russia enters Europe. Empress Elizaveta Petrovna and the War of the Austrian Succession]. 1740–1750. Moskva, 2000. (In Russ.)
- Lyubimenko I.I.* Rossiya i Angliya v pervoy polovine XVIII veka [Russia and England in the first half of the 18th century] (1698–1756). Leningrad, 195.. // Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN [Archive Saint Petersburg Institute of history Russian Academy of Sciences]. F. 276. Op. 2. D. 138. (In Russ.)
- Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. T. 101, 102. Sankt-Peterburg, 1898; T. 110. Sankt-Peterburg, 1901; T. 148. Petrograd, 1916. (In Russ.)
- Yakovlev N.N.* Velikiy kantsler [Great Chancellor] // Yakovlev N.N. Britaniya i Yevropa [Britain and Europe]. Moskva, 2000. S. 163–168. (In Russ.)
- Yemelina M.A.* Aleksey Petrovich Bestuzhev-Ryumin [Alexey Petrovich Bestuzhev-Ryumin] // Voprosy istorii [Questions of history]. 2007. № 7. S. 29–45. (In Russ.)
- Eldon C.W.* England's Subsidy policy towards the Continent during the Seven Years' War. Philadelphia, 1938.
- Horn D.B.* Sir Charles Hanbury Williams and European Diplomacy (1747–58). 1929.

⁵⁸ Янус – в римской мифологии двуликий Бог, который изображался с двумя лицами, смотрящими в противоположные стороны. В современном значении фразеологизм «двуликий Янус» ассоциируется с такими человеческими качествами, как лесть и притворство, которые оборачиваются лозью и предательством.

DOI: 10.31857/S0130386424030046

© 2024 г. **Ф. ШТЕЛЛНЕР**

РОДСТВЕННИКИ ПЕТРА III ПРИ ПЕТЕРБУРГСКОМ ДВОРЕ

***Франтишек Штеллнер** — доктор философии, профессор всеобщей и всемирной истории факультета искусств Университета им. Яна Евангелисты Пуркине (Усти-над-Лабем, Чешская Республика).*

E-mail: frantisek.stellner@ujep.cz

Scopus Author ID: 56962704300; ORCID: 0000-0002-8519-8401; Researcher ID: K-6463-2015

Статья была подготовлена при поддержке Фонда институциональных исследований факультета искусств Университета им. Яна Евангелисты Пуркине в Усти-над-Лабем в 2024 г. Перевод выполнен Ливи Штеллнер.

Аннотация. Во второй половине XVIII в. представители младшей ветви герцогского рода Ольденбургов — Гольштейн-Готторпы, связанные кровными узами с династией Романовых, начинают приобретать все большую известность в Российской империи. Тема взаимоотношений Петра III и выходцев из этого рода представляет особую актуальность как в контексте изучения внутренней политики императора, так и при рассмотрении проблематики «немецкого засилья» при петербургском дворе в указанный период. В рамках настоящего исследования на основе анализа неопубликованных источников (главным образом, из государственных архивов Австрии и РФ), многие из которых впервые вводятся в научный оборот, дается новая интерпретация этих отношений. В задачи автора входит выяснение следующих вопросов: какую роль играли «немецкие родичи» Петра III в политической и административной системе государства; как повлияло выдвижение представителей одной из линий Ольденбургской династии при петербургском дворе на традиционное отношение к иностранцам в России в рассматриваемый период; отличалась ли кадровая политика императора, отдававшего предпочтение при назначении на ключевые должности в госаппарате «голштинцам», от предыдущей практики российских монархов? Детальный анализ источников позволяет прийти к следующим выводам: немецкие родственники Петра III оказывали значительное влияние на политику петербургского двора, занимая ключевые позиции в военно-политическом истеблишменте Российской империи в начале 1760-х годов, при этом большинство из них не владело русским языком и не пытались адаптироваться к новой для себя культурной среде; поведение некоторых «голштинцев», как и предоставление им преференций за счет членов царской семьи и петербургских вельмож, вызывало крайне негативную реакцию в российском обществе, способствуя росту ненависти к немцам; решение Петра III окружить себя родственниками из Центральной Европы напоминало практику, получившую распространение в период правления императрицы Анны Ивановны (1730—1740), ближайшие доверенные лица которой являлись выходцами из разных германских государств Священной Римской империи.

Ключевые слова: Пётр III Федорович, Гольштейн-Готторпы, российский императорский двор, государственная администрация и армия.

F. Stellner**Peter III's Relatives at Petersbourg Court**

František Stellner, PhD, Professor of General and World History at the Faculty of Arts, Jan Evangelista University (Ústí nad Labem, Czech Republic).

E-mail: frantisek.stellner@ujep.cz

Scopus Author ID: 56962704300; ORCID: 0000-0002-8519-8401; Researcher ID: K-6463-2015

The article was carried out with the support of the Institutional Research Fund of the Faculty of Arts of the Jan Evangelista Purkyně University in Ústí nad Labem in 2024. Translated by Livi Stellner.

Abstract. The author examines the political history of the eighteenth-century Russian Empire and its relations with members of the royal family from the Holy Roman Empire. Based on the study of unpublished sources, mainly in Austrian and Russian archives, as well as published Russian, British, and French sources, he presents a new interpretation of Peter III's relations with members of the House of Holstein. The research aims to answer the following questions: What role did Peter III's "German kinsmen" play at the St. Petersburg court and in the administrative system of the state? What impact did their actions have on the Russian elite's perception of the Tsar's rule? Did Peter III's personnel policy, which favoured the Holstein dynasty members for key positions in the state apparatus, differ from the previous practice of Russian monarchs? A detailed analysis of the sources leads to the following conclusions: Peter III's Holstein relatives exerted considerable influence on the policy of the St. Petersburg court, occupying key positions in the military and political establishment of the Russian Empire in the early 1760s. At the same time, most of them did not speak Russian and did not try to adapt to their new cultural environment. The behaviour of some "Holsteinites", as well as the preferential treatment they received at the expense of members of the royal family and St. Petersburg nobles, caused an extremely negative reaction in Russian society, contributing to the growth of hatred towards the Germans. Peter III's decision to surround himself with relatives from Central Europe was reminiscent of the reign of Anna Ivanovna, whose closest confidants were of non-Russian origin. On the other hand, Anna Ivanovna's cronies came from different parts of the Holy Roman Empire.

Keywords: Peter III Fyodorovich, Holstein-Gottorp, Russian Imperial Court, state administration and army.

Peter III's accession to the throne¹ in 1762 was seamless, for as the grandson of Peter the Great, he based his claim to the throne on the designations of the previous monarch, Elizabeth Petrovna, and on heredity. The Russian elite respected the late Tsarina's choice of heir and made no effort to change it. On the contrary, many Russians looked forward to the fact that after the reign of women, a man, the grandson of the founder of the power and glory of the Empire, would finally ascend the throne.

Soon, however, the Russian elite became concerned about the preference of Holstein-Gottorp dynastic politics over Russian state interests. At the end of the Seven Years' War, for example, the Tsar saved Prussia from a crushing defeat by forming an alliance with it and intending to fight alongside it to regain his ancestral lands in Schleswig². It was also manifested in his summoning and favoring of relatives of the Holstein dynasty, called Holsteins, to the court. The research questions are related to this:

¹ См. Мильников А. С. «Он не похож был на государя...». Петр III. Повествование в документах и версиях. М., 2002; Leonard C. S. Reform and Regicide: The Reign of Peter III of Russia. Bloomington, 1993.

² Анисимов М. Ю. Российская дипломатия и Семилетняя война. М., 2021.

Did the Russian dynasty differ from other European dynasties in the very small number of its members? Was the informal incorporation of Holstein relatives into the tsarist family motivated by a desire to increase the number of members of the dynasty and thus enable the conduct of effective dynastic policy?

Were the Holsteins genealogically equivalent to the three members of the Tsarist family and other ruling dynasties in Europe and were Holsteins also descended from Russian rulers?

What positions were the Holsteins entrusted with? Is it true that they dominated the most important administrative bodies?

Did Peter III's practice of favoring Holstein relatives differ from the previous practice of Russian monarchs?

PETER III

In 1762, Elizabeth Petrovna died, and Peter III became the first emperor to ascend the Russian throne while simultaneously ruling a foreign principality, Holstein-Gottorp. The fact that he came from one of the many dynasties of the Romano-Germanic Empire did not make much of a difference, since Ivan VI and Anna Leopoldovna were also of German descent. A number of descriptions and characterizations of Peter III have survived, but the most tendentious, extensive and used by historians was left by his wife in her memoirs. She wrote of him as an alcoholic, almost faithless, infantile dreamer, and uncritical admirer of Frederick the Great³.

But Peter III was not a mentally ill man, an immature fool or an illiterate "corporal"; rather, he can be described as a mediocre, withdrawn and emotionally suffering neurotic man on whose shoulders fate had placed more than he could bear. Physically, he resembled his great-uncle, King Charles XII of Sweden, while from his grandfather, Peter the Great, he inherited simple tastes, a penchant for drinking, boundless intimacy, and, like him, "no great lover of ceremony"⁴. With his father, Charles Frederick, he shared an implacable hatred of Denmark and an almost morbid love of soldiering. He received a normal education for his time and condition, had an excellent memory, but could not concentrate for long. He read and spoke Russian and French, although in his immediate "Holstein" environment he preferred German, feeling a direct aversion to Russian customs and culture. One courtier pointed out that the Tsar "loved music, painting and fireworks". Another said of him: "This monarch was naturally eager, energetic, prompt and indefatigable, angry, violent and indomitable"⁵.

HOLSTEINS

The Tsar did not have to provide for his Russian relatives, as he had none except his wife and son⁶. However, as the Duke of Holstein, he had many impoverished relatives in his extended family. Among his closest male relatives from the Holstein-Gottorp family was the aforementioned member of the Holstein party from the 1840s, a cousin of the Tsar's father, Prince Frederick Augustus of Holstein-Gottorp (1711–1785). Together with his son Peter Frederick William (1754–1823), he refused to return to St. Petersburg and devoted himself to the administration of his principality of Lübeck.

On the other hand, Frederick Augustus' younger brother, also a cousin of the Tsar's father, Prince George Ludwig (1719–1763), sought the Tsar's favor himself, as he had no sufficient income after his

³ *Воеhme E.* Katharina II. in ihren Memoiren. Leipzig, 1916. S. 36–38.

⁴ *Дашкова Е.Р.* Записки княгини Дашковой / пер. с франц. по изд., сделанному с подлинной рукописи; под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 32; *Штеллер Ф.* Династическая политика в начале правления Елизаветы Петровны // Россия в XVIII столетии / отв. ред. Е.Е. Рычаловский. Вып. 4. М., 2013. С. 90–105.

⁵ *Миших Б.-Х.* Очерк управления Российской империи // Перевоороты и войны / сост. А.А. Либерман, пер. В.П. Наумов. М., 1997. С. 315.

⁶ Peter III treated the descendants of Catherine I's siblings, who came from an uncouth background, very favorably. See: *Искюль С.Н.* Год 1762 // Роковые годы России. Документальная хроника: в 4-х кн. Кн. 2. СПб., 2001. С. 54.

forced departure from the Prussian army and, as a younger member of the dynasty, had no chance of taking over the government anywhere. Knowing the critical state of Elizabeth Petrovna's health and the Tsarevich's imminent accession to the throne, the prince settled in Königsberg. Here, too, after the accession of Peter III, he was met by his aide-de-camp with an invitation to come to the Russian capital⁷. He left immediately. He was followed by his wife, Sophie Charlotte, née Princess of Schleswig-Holstein-Sonderburg-Beck (1722–1763), and two sons, William August (1753–1774) and Peter Frederick Ludwig (1755–1829).

George Ludwig served as a mediocre commander in the Prussian army until 1761. The tsar is said to have had no illusions about his abilities, telling him, “Uncle, you are not the best general; after all, the [Prussian – F.S.] king banished you!” But his love for his own family was more important⁸. The Prince was described by the historian Herrmann as “insignificant”, and his personal contact with the King of Prussia was a determining factor in why he became the Tsar's favorite relative⁹.

The Tsar granted the prince a substantial income of 48,000 rubles and gave him a palace in the capital, which he had previously bought for 150,000 rubles¹⁰ (for comparison, a doctor at this time had a salary of 300–400 rubles and a governor 2500–6000 rubles).

He also gave him the title of Royal Highness and officially called him his uncle. He also gave him the highest military rank of field marshal, made him commander of the Guards Cavalry Regiment, commander of the Holstein troops in Russia, and a sort of viceroy, ordering the diplomatic corps to report to the prince for an audience before receiving him¹¹. In the spring, he appointed him commander of the forces that were to attack Denmark and sent him to take command of the army on its way to Denmark. Before the prince could leave, he was arrested by supporters of Catherine II in a coup d'état in St. Petersburg¹².

The Tsar wanted to make George Ludwig Duke of Courland, despite the election of Charles of Saxony in 1758, who had won the recognition of both the King of Poland and the Empress Elizabeth Petrovna. Peter III ignored the complaints of the Saxon envoy and deliberately treated him with great disrespect¹³. At the same time, the Tsar summoned the former regent and Duke of Courland, Ernst Johann von Biron, from exile. According to Bilbasov, Biron returned to St. Petersburg, whereupon he was not allowed to go to Courland, and the Tsar proposed that he surrender his rule to George Ludwig in exchange for the return of his personal property and income. In this spirit, the Tsar instructed the envoy in Courland and ordered one of his closest associates to go to the

⁷ F.-C., Graf Mercy-Argenteau an W.A., Graf von Kaunitz, 29.1.1762 // Haus-, Hof- und Staatsarchiv (hereinafter: HHStA). Staatskanzlei, Diplomatische Korrespondenz. Russland. II. Karton 45. 1761–1762. Fol. 114; *Бантыш-Каменский Д. М.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов: в 4-х кн. Кн. 1. СПб., 1840. С. 312–313; *Von Alten F.K.* Georg Ludwig, Herzog von Schleswig-Holstein-Gottorp. Oldenburg, 1867. S. 193–194; *Fleischhacker H.* Porträt Peters III // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1957. H. 1–2. S. 172.

⁸ *De Rulhière C.-C.* Geschichte der russischen Revolution im Jahr 1762: Mit dem Bildniße der Kayserin Catharine II. Germanien, 1797. S. 57; *Masson Ch.F. Ph.* Major Masson's geheime Denkwürdigkeiten über Rußland. Belle-Vue, 1844. S. 58.

⁹ *Herrmann E.* Geschichte des russischen Staats, V. Von der Thronbesteigung der Kaiserin Elisabeth bis zur Feier des Friedens von Kainardsche (1742–1775). Hamburg, 1853. S. 252.

¹⁰ *Соловьев Б. И.* Генерал-фельдмаршалы России. Ростов-на-Дону, 2000. С. 125.

¹¹ While the French and Austrian envoys refused to grant the audience, the Prussian did so immediately. See: Отчет В. Б. фон дер Гольца, 25.2/8.3. 1762 // *Щебальский П. К.* Политическая система Петра III. М., 1870. С. 42–43; F.-C., Graf Mercy-Argenteau an W.A., Graf von Kaunitz, 15.3.1762 // Сборник Императорского русского исторического общества (hereinafter: СИРИО): в 148 т. Т. 18. № 46. СПб., 1876. С. 211–235; F.-C., Graf Mercy-Argenteau an R.J. Graf von Colloredo-Waldsee, 15.3.1762 // HHStA, Staatskanzlei, Diplomatische Korrespondenz. Russland. I. Karton 38. 1761–1763. Fol. 112–113; Bericht an F.C., Graf Mercy-Argenteau, 23.3.1762 // Ibid. Karton 168. 1762. Fol. 17–21; F.-C., Graf Mercy-Argenteau an W.A., Graf von Kaunitz, 14.4.1762 // Ibid. II. Karton 46. 1762. Fol. 31–34.

¹² *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: в 3-х т. Т. 2. 1760–1771. Москва, 1993. С. 152; *Миних Б.-Х.* Указ. соч. С. 316.

¹³ *Щебальский П. К.* Вопрос о Курляндском герцогстве при Петре III // *Русский Архив*. 1866. № 3. С. 284–304; *Von Rauch G.* Zur baltischen Frage im 18. Jahrhundert // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. 1957. Bd. 5. H. 4. S. 474.

Courland's capital and prepare a new election¹⁴. He also wrote to the chief representative of the opposition to Duke Charles, Eberhard Christoph von Mirbach, asking for his help in persuading his fellow citizens and Polish and Lithuanian friends that the government should pass into the hands of the able uncle so dear to the Tsar¹⁵. In preparation for this change, George Ludwig attended mass on Maundy Thursday in the evangelical St. Peter's Church in St. Petersburg, so that the Courland nobles present in the Russian capital could see that, unlike the Catholic Charles, he was a devout Lutheran¹⁶. The Tsar also managed to incorporate the change on the Courland's throne into the treaty of the Russo-Prussian defensive alliance of 8/19 June, which Russian historians interpreted as a serious threat to Russian positions in the Baltic at the expense of Prussia¹⁷.

Of the thirteen members of the Holstein-Gottorp family, not counting the six members of the Swedish royal house, seven, or more than half, were at the court of Peter III. There were also members of other lines of the Danish royal house of Oldenburg at the court of Peter III, namely the Schleswig-Holstein-Sonderburg-Beck line, from which Prince George Louis's wife, Sophie Charlotte, descended. Her uncle, the mentally and physically decrepit fifty-six-year-old Duke Peter August (1697–1775), had, unlike Prince George Louis, served in Russia since the 1730s during the reign of Anna Ivanovna¹⁸. His superior at the time said of him that he was fair, but not very talented, and since he did not speak Russian, he was difficult to command¹⁹. After his participation in the war with the Swedes, Elizabeth Petrovna promoted him, gave him a high position in the War College, appointed him Governor of Estonia, and awarded him the Order of St. Andrew. In January Peter III appointed him field marshal, commander of all regiments in St. Petersburg, Finland, Revel, Narva and Estonia, and governor general of St. Petersburg and Revel.

Peter August became related to the new Russian nobility when he married in 1742 the granddaughter of the first Russian chancellor, Natalya Nikolaevna Golovina (1724–1767). In the first month of his reign, Peter III ordered that Natalya Nikolaevna's estates be taken from her and given to her husband because she had mismanaged their only child, Princess Catherine (1750–1811). The Tsar then placed Catherine in the new Winter Palace and saw to her education²⁰. Peter August was also accompanied by his daughter-in-law, Frederika, née Countess Dohna-Schlobitten-Leistenu (1738–1786), who received an annual pension of 10,000 rubles and estates in Estonia from the Tsar and was also accommodated in the new Winter Palace²¹.

Peter August's older brother, the seventy-one-year-old Catholic Charles Louis (1690–1774), head of the Schleswig-Holstein-Sonderburg-Beck line and general of Brandenburg, was also promoted to field marshal and invited to St. Petersburg. However, he refused, citing his advanced age. Even his only son, Charles Frederick (1732–1772), did not go to Russia. The members of this family were to receive a year's allowance from the Tsar, but before the fall of the Tsar the matter had not been settled.

¹⁴ *Билбасов В.А.* Присоединение Курляндии // Исторические монографии: в 5 т. Т. 2. СПб., 1901. С. 207–211.

¹⁵ Schreiben Kaysers Peter des Dritten an den Geheimenrath von Mirbach, Starosten von Polangen, Rittern des St. Alexander-Newsky. Ordens, betreffend das kaysersliche Vorhaben, den Herzog Georg Ludewig von Holstein zum Herzog von Curland und Semgallen zu machen // Magazin für die neue Historie und Geographie. 1773. Bd. 7. № 4. S. 243–244.

¹⁶ *Von Alten F.K.* Op. cit. S. 207.

¹⁷ Полное собрание законов Российской империи (hereinafter: ПСЗ): в 33 т. Т. 15. СПб., 1895. С. 1034–1039. № 11566. But there's nothing in it about Courland, because they didn't print the secret supplement. Bilbasov published it. See: *Билбасов В.А.* Указ. соч. С. 209–210; *Щебальский П.К.* Вопрос о Курляндском герцогстве... С. 284–304; *Его же.* Политическая система Петра III. С. 184.

¹⁸ E. Finch-Hatton to W. Stanhope, Baron of Harrington, 8/19.12.1741 // СИРИО. Т. 91. № 85. СПб., 1894. С. 359; E. Finch-Hatton to W. Stanhope, Baron of Harrington, 9/20.1.1742 // Там же. № 96. С. 412–413; Именной, данный Сенату. 28.1/8.2.1762 // ПСЗ. С. 984. № 11419; *Бантыш-Каменский Д.М.* Указ. соч. С. 309–311; *Herrmann E.* Op. cit. S. 268; *Le Donne J.P.* Frontier Governors General 1772–1825. I. The Western Frontier // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 1999. Bd. 47. H. 1. S. 60.

¹⁹ *Бантыш-Каменский Д.М.* Указ. соч. С. 311.

²⁰ Именной, данный Сенату. 28.1/8.2.1762 // ПСЗ. С. 984. № 11419.

²¹ Her husband and cousin Prince Karl Anton August (1727–1759) fell in 1759. She was probably accompanied by her only son, Prince Frederick (1757–1816).

Peter III considered all Holsteins at the Russian court to be members of his family. Since he was both Tsar and Duke of Holstein-Gottorp, the Holsteins were considered members of the Russian royal family, although they did not officially become Grand Princes and Imperial Highnesses. We can say, however, that the tsarist family unofficially grew from three to twelve members, the monarch, the sovereign, Tsarevich Paul, and nine Holstein princes and princesses: George Louis, Sophia Charlotte, William Augustus, Peter Frederick Louis, Peter Augustus, Natalia Nikolayevna, Catherine and Frederica. For the sake of comparison, let us list the number of members of other dynasties (living at the respective court) in 1762. The Habsburg-Lorraine dynasty had 16, the French 22, the British-Hanoverian 12, the Prussian 13, the Saxon-Polish 17, the Spanish 10, the Danish 9, the Portuguese 9, the Sardinian 24.

During Peter III's reign, there was speculation at court that the Tsar intended to take advantage of Peter the Great's 1722 law, which allowed each monarch to name his own successor. In fact, in his first manifesto, he made no mention of his wife or son. He wrote only of loyalty to the emperor and of a successor chosen and appointed according to the supreme will. Instead of clearly declaring the son the heir and thus consolidating the position of the dynasty, he left room for a series of speculations and fictions²². One of these was that he intended to name one of the Holstein princes as successor, the most frequently mentioned being the sons of Prince George Ludwig²³. On the other hand, many documents issued by the Tsar referred to Paul as the tsarevich and heir.

Was the informal extension of the tsarist family through the Holstein princes and princesses genealogically justified? Peter III was a maternal descendant of Peter I and had Romanov blood in his veins. Thanks to his grandmother, a Swedish princess, he was a descendant of the Swedish Palatine dynasty. Of his four grandparents, two were Russian rulers and one was a royal Swedish princess.

But none of the Tsar's relatives had Romanov blood. However, both George Ludwig and Peter August had Rurik blood, as they were 13th-generation descendants of Grand Prince Alexander Mikhailovich of Vladimir of the Tver Rurik line, and 13th-generation descendants of the Halych-Volhynia and Polesie Ruriks. Furthermore, both were descendants in the 20th-generation of the Kiev Grand Prince Vladimir II Monomakh and in the 21st-generation Grand Duke Svatopluk II Izyaslavich.

The family of George Ludwig was more noble than the line of Peter Augustus in the 17th – 18th centuries, because the Gottorp line was older than the Beck line, and because it was more concerned with equal marriage. George Ludwig was descended from the Danish kings in the seventh generation on his father's side and in the fourth generation on his mother's side, and in the sixth generation he was descended from King Charles IX of Sweden. But George Ludwig and Peter August were both descendants of medieval Polish, Bohemian, Hungarian, Roman, Anglo-Saxon, Norse, Castilian, Navarrese and Leonese kings. In their veins flowed the blood of the imperial families of the Habsburgs, Luxemburgs, Wittelsbachs, Supplinburgs, Saxons, Ottons and the Byzantine Macedonian dynasty.

HOLSTEINS IN THE ARMY AND ADMINISTRATIONS

Peter III was particularly interested in the military, and it was in the military that he wanted to rely on loyal relatives at the highest level. He appointed five new field marshals, three of whom were his relatives, Duke Peter August, Prince George Ludwig, and Duke Charles Ludwig²⁴. Charles Ludwig remained only a titular field marshal, as he never entered Russian service. At the end of January, the Tsar appointed a special eleven-member commission on conscripts, five of whom (two of them

²² Манифестъ, 25.12.1761/5.1.1762 // ПСЗ. С. 875. № 11390; F.-C., Graf Mercy-Argenteau an R.J., Graf von Colloredo-Waldsee, 10.1.1762 // HHStA, Staatskanzlei, Diplomatische Korrespondenz. Russland. I. Karton 38. 1761–1763. Fasc. 16. Fol. 12–13; F.-C., Graf Mercy-Argenteau an W.A., Graf von Kaunitz, 14.4.1762 // Ibid. II. Karton 46. 1762. Fol. 5–20; *Ransel D.* The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. New Haven, 1975. P. 58–59; *Мильников А. С.* Искушение чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991. С. 65.

²³ *Herrmann E.* Op. cit. S. 253.

²⁴ F.-C., Graf Mercy-Argenteau an R.J., Graf von Colloredo-Waldsee, 1.2.1762 // HHStA. Staatskanzlei, Diplomatische Korrespondenz. Russland. I. Karton 38. 1761–1763. Fol. 55 (annex).

Holsteins) were of foreign origin²⁵. The Tsar also appointed a four-man naval commission, with one commander of foreign origin²⁶. The Russian army was directed at the highest level by the monarch, Prince Nikita Yurievich Trubetskoy at the head of the military college, and two Holstein princes. Of the remaining surviving field marshals, Count Pyotr Semyonovich Saltykov was entrusted with nothing, Count Aleksander Borisovich Buturlin was sent to Moscow as a governor, the Ukrainian hetman, Count Alexei Grigorievich Razumovsky, courtier and former favorite, was only a titular field marshal, and the influence of the Shuvalov brothers decreased greatly.

The Tsar's decision to abolish the most elite detachment of the Guard, the Personal Centenary, which had helped Elizabeth Petrovna seize the throne in 1741, was undoubtedly meritorious for the sake of consolidating discipline²⁷. But in its place he installed a Holstein army that was by no means exemplary. In fact, until 1762, the elite of the officers did not report to Peter's service, because it was not known how long he would wait for the throne. And suddenly, corps led by inferior officers of mostly German origin were favored as the elite. He gave them privileges and honors, which inevitably aroused envy and resentment²⁸.

Peter III also reorganized the supreme civil authorities, abolishing the existing key government body, the Conference at the Supreme Court, and creating a new key government body, the Council, which was composed of four foreigners and five Russians. The first two places in the decree were occupied by Holstein princes²⁹, who influenced the monarch in matters of the armed forces and foreign policy. This is evidenced, for example, by Chancellor Vorontsov's advice to the Austrian envoy that he preferred to maintain relations with the Holsteins and described his influence on the formation of foreign policy as minimal³⁰. But the influence of the Holsteins on the Russian administration was limited, as it was dominated by Russian politicians³¹. Among them was the educated and capable Dimitri Vasilievich Volkov. Empress Catherine II wrote of him: "At the time he was thought to be extremely clever, but as it turned out later, he was quick and eloquent, but unusually reckless"³². An adjutant of the King of Prussia sent to the Tsar reported that the Tsar daily discussed affairs of state with Volkov³³. He was assisted by General Alexei Petrovich Melgunov, who benefited from his knowledge of German and considerable cunning³⁴. The field marshal, Count Burkhard Christoph von Münnich expressed similar sentiments: "The opinions of Melgunov, Gudovich,

²⁵ Именной, данный Сенату. 6/17.3.1762 // ПСЗ. С. 934–935. № 11461 (listed seven members, four of whom were of non-Russian descent).

²⁶ Именной, данный Сенату. 16.2/27.2.1762 // Там же. С. 910–911. № 11442; F.-C., Graf Mercy-Argenteau an W.A., Graf von Kaunitz, 13.3.1762 // HHStA. Staatskanzlei, Diplomatische Korrespondenz. Russland. II. Karton 45. 1761–1762. Fol. 339–344; Материалы для истории русского флота: в 17 т. Т. 10. Документы царствования имп. Елисаветы Петровны с 1741–1761 г. (Продолжение). СПб., 1883. С. 673.

²⁷ Именной, данный Военной Коллегии. 21.3/1.4.1762 // ПСЗ. С. 945–948. № 11480.

²⁸ Рапорты бригадира Карла фон Дельвига о состоянии Русско-голландского полка, май 1762 года // Российский государственный архив древних актов (hereinafter: РГАДА). Ф. 203. Кабинет Петра III. № 23 (без страниц); F.-C., Graf Mercy-Argenteau an W.A., Graf von Kaunitz, 25.6.1762 // HHStA. Staatskanzlei, Diplomatische Korrespondenz. Russland. II. Karton 46. 1762. Fol. 199–200.

²⁹ Именной, данный Сенату. 28.1/8.2.1762 // ПСЗ. С. 893–894. № 11418; *Dassow J. Friedrich II. von Preussen und Peter III. von Russland. Inaug. Diss. Berlin, 1908. S. 26; Amburger E. Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966. S. 64–65.*

³⁰ F.-C., Graf Mercy-Argenteau an W.A., Graf von Kaunitz, 26.2.1762 // СИРИО. Т. 18. № 35. С. 139–140; F.-C., Graf Mercy-Argenteau an R.J., Graf von Colloredo-Waldsee, 26.2.1762 // HHStA. Staatskanzlei, Diplomatische Korrespondenz. Russland. I. Karton 38. 1761–1763. Fol. 100–105.

³¹ F.-C., Graf Mercy-Argenteau an R.J., Graf von Colloredo-Waldsee, 1.2.1762 // HHStA. Staatskanzlei, Diplomatische Korrespondenz. Russland. I. Karton 38. 1761–1763. Fol. 55 (annex); *Дашкова Е.П. Указ. соч. С. 30.*

³² F.-C., Graf Mercy-Argenteau, 25.1.1762 // HHStA. Staatskanzlei, Diplomatische Korrespondenz. Russland. II. Karton 168. 1762. Fol. 86; *Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen: 42 Bde. Bd. 21. Berlin, 1894. S. 389; Boehme E. Op. cit. S. 420.*

³³ Bericht von W.F.K. von Schwerin, 10.4.1762 // HHStA. Staatskanzlei, Diplomatische Korrespondenz. Russland. II. Karton 168. 1762. Fol. 86.

³⁴ *Herrmann E. Op. cit. S. 262; Boehme E. Op. cit. S. 415.*

and especially Volkov, who held the post of secretary, controlled the monarch's pen, and was his closest adviser, were, however, far superior to those of the other members of the commission"³⁵.

The Tsar entrusted the administration of the Duchy of Holstein-Gottorp to members of the Holstein Court Party. One of its most important representatives was the Tsar's long-time confidant, Lieutenant General Christian August von Brockdorff. He had become so discredited by embezzlement, debt, and intrigue that he had to be dismissed from his Holstein post during the Tsar's reign. This pleased the Tsarina Catherine, who had long hated him, derisively called him a "pelican" and tried to remove him from her husband's entourage³⁶. Georg Christian von Wolff was appointed head of the Holstein office³⁷. Another favourite of the Tsar was Peter von Bredahl³⁸. According to one French diplomat, he was "a gifted and learned man, and the only one of the Holstein courtiers who had learned more than military niceties"³⁹. Caspar von Saldern, a Holstein landowner who came to St. Petersburg in 1761 to seek justice from the Duke in a dispute with his neighbor, became the party's main representative. He allegedly tried to win Peter over to a peace settlement with Denmark. The Copenhagen government bribed him and obtained from him, for example, a copy of the plan for preparing Russian troops for war⁴⁰. The inter-war German historian O. Brandt said of him: "It was a kind of Holstein patriotism that made this son of a Gottorp official... an advocate of peace: the unconditional certainty that only then would his many and sorely tried homeland be blessed with peace"⁴¹.

RESTITUTION OF SCHLEWSIG

During the reign of Elizabeth Petrovna, Peter III did not hide his disapproval of the anti-Prussian course. As soon as he became a monarch, he changed his foreign policy. He decided to demand from Denmark the return of Schleswig, or "that inch of land", as one courtier mockingly wrote. There was no ally in the war with Denmark other than Berlin⁴². King Frederick II of Prussia immediately accepted the offer, as improving relations with Russia was a political and military necessity at a time when he seemed to be succumbing to the Seven Years' War⁴³. The Tsar also officially declared a suspension of military operations against Prussia, recalled the commander in Pomerania, and ordered his successor to sign an armistice and then peace⁴⁴. Peter would have preferred to attack

³⁵ Брикнер А.Г. Император Петр III (по депешам графа Мерси) // Древняя и новая Россия. 1878. Т. 3. № 11. С. 182; Миних Б.-Х. Указ. соч. С. 316–317. Наумов В.П. К вопросу о роли Д.В. Волкова в государственной политике Петра III // Забытый император. Материалы научной конференции, 11 ноября 2002 г. Серия: «Ораниенбаумские чтения». Вып. 3. СПб., 2002. С. 92–100.

³⁶ F.-C., Graf Mercy-Argenteau an R.J., Graf von Colloredo-Waldsee, 1.2.1762 // HHStA. Staatskanzlei, Diplomatische Korrespondenz. Russland. I. Karton 38. 1761–1763. Fol. 55 (annex).

³⁷ Bericht von Brockdorff, 1/12.6.1762 // РГАДА. Ф. 203. Кабинет Петра III. № 11 (без страниц).

³⁸ Штелин Я.Я. Записки Штелина о Петре III, императоре всероссийском // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских: в 218 т. Т. 5. Кн. 4. М., 1866. С. 104.

³⁹ Фавье Ж.-Л. Записки секретаря французского посольства в С.-Петербурге // Исторический вестник. 1887. Т. 29. С. 402.

⁴⁰ Politische Correspondenz... S. 82, 306–307; Hübner E. Staatspolitik und Familieninteresse. Die gottorfische Frage in der russischen Aussenpolitik 1741–1773. Neumünster, 1984. S. 179–180.

⁴¹ Brandt O. Das Problem der "Ruhe des Nordens" im 18. Jahrhundert // Historische Zeitschrift. 1929. Bd. 140. H. 3. S. 558.

⁴² Hübner E. Op. cit. S. 176–178; Pommerin R. Bündnispolitik und Mächtesystem. Österreich und der Aufstieg Rußlands im 18. Jahrhundert // Expansion und Gleichgewicht. Studien zur europäischen Mächtepolitik des ancien régime / ed. J. Kunisch. Berlin, 1986. S. 152–153.

⁴³ Stellner F. Zu den Ergebnissen des Siebenjährigen Kriegs in Europa // Prague Papers on History of International Relations. 2000. Bd. 4. S. 85–98.

⁴⁴ Bericht an F.-C., Graf Mercy-Argenteau, 26.1.1762 // HHStA. Staatskanzlei, Diplomatische Korrespondenz. Russland. II. Karton 168. 1762. Fol. 82; F.-C., Graf Mercy-Argenteau an R.J., Graf von Colloredo-Waldsee, 10.2.1762 // Ibid. I. Karton 38. 1761–1763. Fol. 64–72; Bericht an F.-C., Graf Mercy-Argenteau, 12.2.1762 // Ibid. Fol. 39; F.-C., Graf Mercy-Argenteau an W.A., Graf von Kaunitz, 15.2.1762 // Ibid. Karton 45. 1761–1762. Fol. 206–207; Декларация, 12.2.1762 // СИРИО. Т. 18. № 27. С. 99–100; F.-C., Graf Mercy-Argenteau an W.A., Graf von Kaunitz, 26.2.1762 // Там же. № 39. С. 185–187; Трактатъ. 24.4.1762 // ПСЗ. С. 987–991. № 11516.

Denmark immediately, and he officially spoke of doing so in March, but he had to negotiate Prussian, British, and Swedish aid or neutrality⁴⁵. An alliance with Berlin was concluded in June, the Prussians recognized the Tsar's "legitimate and indisputable" claims in Schleswig and promised to help enforce them⁴⁶.

The peace treaties, the evacuation of East Prussia⁴⁷ and Pomerania, brought neither territorial gains nor the desired weakening of Prussia. Russian officers were irritated by the insensitive introduction of Prussian customs and preparations for war with Denmark. Some of the St. Petersburg court and diplomatic corps tried to talk the Tsar out of war. Among this group were Prince George Ludwig, Chancellor Mikhail Illarionovich Count Vorontsov, members of the Foreign College, Caspar von Saldern, who feared opposition from Russian grandees and a palace revolution that would affect their position⁴⁸.

Peter III ignored the advice of those around him and intended to join the troops in Mecklenburg⁴⁹. But he did not have time to do so, as his wife staged a coup d'état in early July without much difficulty⁵⁰. The Tsar gave up and resigned. A diplomat rightly remarked: "This strange revolution, contrary to expectations, has cost little or no blood; all is quiet and orderly, as if nothing had happened"⁵¹. One of the envoys expatiated on the causes of Peter III's downfall: "The greatest causes of this lord's misfortune are the little respect he has for religion and the clergy, also the order to the guards to join the army, also the preference he gives in all things to the Holsteins over the Russians, and the great influence this house has in all imperial affairs, which, besides the great expense and the expected long campaign ... causes great discontent and murmurs"⁵².

* * *

Peter III's decision to surround himself with relatives from Central Europe was reminiscent of the reign of Anna Ivanovna, whose closest confidants were of non-Russian origin. On the other hand, Anna's coterie came from various parts of the Holy Roman Empire, while Peter III's were members of the Holstein dynasty and politicians and courtiers from the Holstein lands. Unlike the Ancien Régime, there was no favorite monarch, and foreigners did not predominate in leading positions. But Anna Ivanovna, as empress, did not put the interests of Courland above those of Russia, while Peter III acted first and primarily as the ruler of a politically insignificant duchy, not as a European power. He did not hesitate to undo the achievements of the previous monarch (the

⁴⁵ George III to Peter III, 23.3.1762 // The National Archives. London, Kew. Secretaries of State: State Papers Foreign. SP 78/253. Fol. 55–56. Recording from 30.4.1762; The Devonshire Diary. William Cavendish, Fourth Duke of Devonshire. Memoranda on State of Affairs. 1759–1762 / eds P.D. Brown, K.W. Schweizer. London, 1982. P. 170.

⁴⁶ F.-C., Graf Mercy-Argenteau an R.J., Graf von Colloredo-Waldsee, 25.6.1762 // HHStA. Staatskanzlei, Diplomatiscche Korrespondenz. Russland. I. Karton 38. 1761–1763. Fol. 215–216; F.-C., Graf Mercy-Argenteau an W.A., Graf von Kaunitz, 28.5.1762 // Ibid. II. Karton 46. 1762. Fol. 153–156; *Häusser L.* Zur Geschichte Friedrichs II. und Peter III // Forschungen zur deutschen Geschichte. 1864. Bd. 4. S. 7; *Leonard C.S.* Op. cit. P. 134–137.

⁴⁷ Рапорт Панина о сдаче Восточной Пруссии, июнь 1762 г. // РГАДА. Ф. 203. Кабинет Петра III. № 55 (без страниц).

⁴⁸ F.-C., Graf Mercy-Argenteau an W.A., Graf von Kaunitz, 15.3.1762 // СИРИО. Т. 18. № 46. С. 211–235; F.-C., Graf Mercy-Argenteau an W.A., Graf von Kaunitz, 30.3.1762 // Там же. № 52. С. 250–264; F.-C., Graf Mercy-Argenteau an R.J. Graf von Colloredo-Waldsee, 26.2. and 30.3.1762 // HHStA. Staatskanzlei, Diplomatiscche Korrespondenz. Russland. I. Karton 38. 1761–1763. Fol. 100–105, 132–133; Отчет о датской армии, 8/19 мая 1762 г. // РГАДА. Ф. 203. Кабинет Петра III. № 76 (без страниц).

⁴⁹ F.-C., Graf Mercy-Argenteau an W.A., Graf von Kaunitz, 6.7.1762 // HHStA. Staatskanzlei, Diplomatiscche Korrespondenz. Russland. II. Karton 46. 1762. Fol. 205–206.

⁵⁰ Дудченко Ю.Д. Эпоха дворцовых переворотов // Наука и молодежь: проблемы, поиски, решения. Труды Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / под ред. С.В. Коновалова. Новокузнецк, 2022. С. 104–108.

⁵¹ Екатерина II сенаторам, 28.6/9.7.1762 // РГАДА. Ф. 10. Кабинет Екатерины II. № 556 (без страниц); *Kleinschmidt A.* Vom Tode Peter's III bis zum Tode Iwans VI. Gesandtschaftsberichte aus dem Haager Reichsarchive // Russische Revue. 1883. Bd. 23. S. 535.

⁵² *Kleinschmidt A.* Op. cit. S. 539.

annexation of East Prussia) without achieving his own victories and territorial gains. The desire to fight Denmark for the small northern German territory lost more than half a century earlier seemed misplaced. Of course, it could be argued that the Tsar had to consider his honor and authority as a Holstein monarch, and that an insult to the Duke of Holstein-Gottorp was also an insult to the autocratic Tsar. Similarly, British politicians in the Seven Years' War had to take into account Hanover, where the British king ruled as an elector. But Holstein could not be compared to Hanover, for the loss of Schleswig had befallen the Holstein dukes long before they ascended the Russian throne.

Peter III acted in some ways like Catherine I, who summoned her relatives from Livonia to the court, or like the regent Anna Leopoldovna, who appointed her husband, Duke Anton Ulrich of Brunswick-Lüneburg, as generalissimo and had her brother-in-law, Ludwig Ernest of Brunswick-Lüneburg-Bevern, elected duke of Courland. While Catherine I's relatives were not in a position to occupy more prominent positions, Peter III followed Anne Leopold's example in promoting relatives. For both, kinship was more important than actual talent and experience. In the promotion of George Ludwig, on the other hand, can be seen as an attempt to make use of his military experience and close contacts at the Prussian court and in the Prussian generalship.

Holstein relatives, soldiers, politicians, and courtiers had considerable influence under Peter III and held key positions in the Russian court, administration, and army. Most of them did not speak Russian, nor did they try to adapt to their new environment. Some of them contributed by their behavior to the growing hatred of the Germans. Understandably, they (with the exception of Peter August and his family) could hardly have had more tact and understanding of Russian customs if they had never lived in the country. The Russians would not have objected to paying the Holstein princes out of the duchy's funds and granting them honorary positions at the Kiel court, but their presence in St. Petersburg and their preferential treatment at the expense of members of the tsarist dynasty and Russian grandees aroused very negative reactions. One of the court ladies called them "Holstein parasites"⁵³. A Dutch diplomat said of the reaction to their occupation: "In general, the nation is very dissatisfied, both because of the great favoritism shown to the Holstein dynasty and their interference in all affairs of state, and because of the great expense caused by the Holsteins"⁵⁴. The assertion that "all his favorites were stupid or traitors"⁵⁵, is not true, for the Holsteins and Marshal Münnich remained loyal to the end. The Tsar's efforts to rely on loyal relatives bore fruit, but the moment the energetic and unusually capable Catherine II allied herself with key Russian grandees and masterfully exploited anti-Chinese resentments, the Holsteins had no chance of preventing the coup. Catherine II did not repeat her husband's mistake of summoning relatives to the Tsar's court. She solved the Holstein question by forcing her son, the Tsarevich and Duke Paul, to give up the estate. Russia thus bound Denmark, created a satellite in Oldenburg, and focused on expansion at the expense of the Polish-Lithuanian and Ottoman Empires.

The House of Holstein undoubtedly benefited the most of the Central European dynasties from their cooperation with Russia, since at the beginning of the 18th century they ruled only in Holstein-Gottorp, while at the end of the century they ruled in Russia, Sweden and Oldenburg. And the descendants of Peter August now rule in the male line in Norway and Great Britain.

Библиография / References

- Анисимов М.Ю.* Российская дипломатия и Семилетняя война. М., 2021.
Бантыш-Каменский Д.М. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов: в 4-х кн. Кн. 1. СПб., 1840.
Бильбасов В.А. Присоединение Курляндии // Исторические монографии: в 5 т. Т. 2. СПб., 1901. С. 205–264.
Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: в 3-х т. Т. 2. 1760–1771. М., 1993.

⁵³ *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 24.

⁵⁴ *Kleinschmidt A.* Op. cit. S. 534.

⁵⁵ *Фон дер Ассбург А.Ф.* Записка о воцарении Екатерины Второй // Русский архив. 1879. Кн. 1. Вып. 3. С. 364.

- Брикнер А.Г.* Император Петр III (по депешам графа Мерси) // Древняя и новая Россия. 1878. Т. 3. № 11. С. 177–200.
- Дашкова Е.Р.* Записки княгини Дашковой / пер. с франц. по изд., сделанному с подлинной рукописи; под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907.
- Дудченко Ю.Д.* Эпоха дворцовых переворотов // Наука и молодежь: проблемы, поиски, решения. Труды Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / под ред. С.В. Коновалова. Новокузнецк, 2022. С. 104–108.
- Искюль С.Н.* Год 1762 // Роковые годы России. Документальная хроника: в 4-х кн. Кн. 2. СПб., 2001.
- Материалы для истории русского флота: в 17 т. Т. 10. Документы царствования имп. Елизаветы Петровны с 1741–1761 г. (Продолжение). СПб., 1883.*
- Миних Б.-Х.* Очерк управления Российской империи // Перевороты и войны / сост. А.А. Либерман, пер. В.П. Наумов. М., 1997. С. 273–318.
- Мыльников А.С.* «Он не похож был на государя...». Петр III. Повествование в документах и версиях. М., 2002.
- Мыльников А.С.* Искушение чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991.
- Наумов В.П.* К вопросу о роли Д.В. Волкова в государственной политике Петра III // Забытый император. Материалы научной конференции, 11 ноября 2002 г. Серия: «Ораниенбаумские чтения». Вып. 3. СПб., 2002. С. 92–100.
- Полное собрание законов Российской империи: в 33 т. Т. 15. СПб., 1895.
- Сборник Императорского русского исторического общества: в 148 т. Т. 18, 91. СПб., 1876; 1894.
- Соловьев Б.И.* Генерал-фельдмаршалы России. Ростов-на-Дону, 2000.
- Фавье Ж.-Л.* Записки секретаря французского посольства в С.-Петербурге // Исторический вестник. 1887. Т. 29. С. 384–405.
- Фон дер Ассебург А.Ф.* Записка о воцарении Екатерины Второй // Русский архив. 1879. Кн. 1. Вып. 3. С. 362–369.
- Штелин Я.Я.* Записки Штелина о Петре III, императоре всероссийском // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских: в 218 т. Т. 5. Кн. 4. М., 1866. С. 67–118.
- Штеллер Ф.* Династическая политика в начале правления Елизаветы Петровны // Россия в XVIII столетии / отв. ред. Е.Е. Рычаловский. Вып. 4. М., 2013. С. 90–105.
- Щебальский П.К.* Вопрос о Курляндском герцогстве при Петре III // Русский Архив. 1866. № 3. С. 284–304.
- Щебальский П.К.* Политическая система Петра III. М., 1870.
- Anisimov M. Iu.* Rossiiskaia diplomatiia i Semiletniaia voina [The Russian Diplomacy and the Seven Year's War]. Moskva, 2021. (In Russ.)
- Bantysh-Kamenskii D.M.* Biografii rossiiskikh generalissimov i general-fel'dmarshalov [Biographies of Russian Generalissimos and General-field Marshals]: v 4-kh kn. Kn. 1. Sankt-Peterburg, 1840. (In Russ.)
- Bil'basov V.A.* Prisoedinenie Kurliandii [Annexation of Courland] // Istoricheskie monografii [The Historical Monographs]: v 5 t. T. 2. Sankt-Peterburg, 1901. S. 205–264. (In Russ.)
- Bolotov A. T.* Zhizn' i priklucheniia Andreia Bolotova, opisannye samim im dlia svoikh potomkov [The life and adventures of Andrei Bolotov described by himself for his descendants]: v 3-kh t. T. 2. 1760–1771. Moskva, 1993. (In Russ.)
- Brikner A. G.* Imperator Petr III (po depesham grafa Mersi) [Brickner A.G. Emperor Peter III (According to Dispatches from Count Mercy)] // Drevniaia i novaia Rossiia [Ancient and New Russia]. 1878. Т. 3. № 11. С. 177–200. (In Russ.)
- Dashkova E. R.* Zapiski kniagini Dashkovoii [Notes of Princess Dashkova] / per. s frants. po izd., sdelannomu s podlinnoi rukopisi; pod red. N.D. Chechulina. Sankt-Peterburg, 1907. (In Russ.)
- Dudchenko Iu. D.* Epokha dvortsovykh perevorotov [The Era of Palace Coups] // Nauka i molodezh': problemy, poiski, resheniia. Trudy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh [Science and Youth: Problems, Searches, Solutions. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference of Students, Post-graduate Students and Young Scientists] / pod red. S.V. Konovalova. Novokuznetsk, 2022. S. 104–108. (In Russ.)
- Fav'e Zh.-L.* Zapiski sekretaria frantsuzskogo posol'stva v S.-Peterburge [The Notes of the Ambassador of France in St. Petersburg] // Istoricheskii vestnik [The Historical Bulletin]. 1887. Т. 29. С. 384–405. (In Russ.)
- Fon der Asseburg A.F.* Zapiska o votsarenii Ekateriny Vtoroi [Note On the Accession of Catherine II] // Russkii arkhiv [Russian Archive]. 1879. Кн. 1. Vyp. 3. С. 362–369.
- Iskiul' S.N.* God 1762 [Year 1762] // Rokovye gody Rossii. Dokumental'naia khronika [Fatal years of Russia. Documentary chronicle]: v 4-kh kn. Kn. 2. Sankt-Peterburg, 2001. (In Russ.)
- Materialy dlia istorii russkogo flota: v 17 t. Т. 10. Dokumenty tsarstvovaniia imp. Elisavety Petrovny s 1741–1761 g. (prodolzhenie) [Materials for the History of the Russian Fleet: in 17 vol. V. 10. Documents of the reign of the emperor. Elisaveta Petrovna from 1741–1761 (continued)]. Sankt-Peterburg, 1883. (In Russ.)

- Minikh B.-Kh.* Oчерк upravleniia Rossiiskoi imperii [Essay on the Government of the Russian Empire] // *Pe-rovoty i voiny [Coups and wars]* / sost. A.A. Liberman, per. V.P. Naumov. Moskva, 1997. S. 273–318. (In Russ.)
- Myl'nikov A.S.* “On ne pokhozyl na gosudaria...”. Petr III. Povestvovanie v dokumentakh i versiiakh [“He Was Not Like a Sovereign...”: Peter III. Narration in Documents and Versions]. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Myl'nikov A.S.* Iskushenie chudom: “Russkii prints”, ego prototypy i dvoyniki-samozvantsy [Temptation by a Miracle: “The Russian prince”, his prototypes and impostor doubles]. Leningrad, 1991. (In Russ.)
- Naumov V.P.* K voprosu o roli D.V. Volkova v gosudarstvennoi politike Petra III [On the Question of the Role of D.V. Volkov in the State Policy of Peter III] // *Zabytyi imperator. Materialy nauchnoi konferentsii*, 11 noiabria 2002 g. Seriya: “Oranienbaumskie chteniia” [Forgotten Emperor. Proceedings of the scientific conference, November 11, 2002. Series: “Oranienbaum Readings”]. Vyp. 3. Sankt-Peterburg, 2002. S. 92–100. (In Russ.)
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoj imperii [The Digest of Laws of the Russian Empire]: v 33 t. T. 15. Sankt-Peterburg, 1895. (In Russ.)
- Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]: v 148 t. T. 18, 91. Sankt-Peterburg, 1876; 1894. (In Russ.)
- Shehebal'skii P.K.* Politicheskaja sistema Petra III [The Political System of Peter III]. Moskva, 1870.
- Shehebal'skii P.K.* Vopros o Kurliandskom gertsogstve pri Petre III [Question about the Duchy of Courland during the Reign of Peter III] // *Russkii Arkhiv* [Russian Archive]. 1866. № 3. S. 284–304. (In Russ.)
- Shtelin Ia.Ia.* Zapiski Shtelina o Petre III, imperatore vs Rossiiskom [Shtelin's notes about Peter III, Emperor of All Russia] // *Chteniia v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnosti rossiiskikh* [Reading at the Imperial Society of History and Russian Antiquities]: v 218 t. T. 5. Kn. 4. Moskva, 1866. S. 67–118. (In Russ.)
- Shtelner F.* Dinasticheskaia politika v nachale pravleniia Elizavety Petrovny [Dynastic Politics at the Beginning of the Reign of Elizabeth Petrovna] // *Rossia v XVIII stoletii* [Russia in the 18th century] / otv. red. E.E. Rychalovskii. Vyp. 4. Moskva, 2013. S. 90–105. (In Russ.)
- Solov'ev B.I.* General-fel'dmarshaly Rossii [General-Field Marshals of Russia]. Rostov-na-Donu, 2000. (In Russ.)
- Amburger E.* Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966.
- Boehme E.* Katharina II. in ihren Memoiren. Leipzig, 1916.
- Brandt O.* Das Problem der “Ruhe des Nordens” im 18. Jahrhundert // *Historische Zeitschrift*. 1929. Bd. 140. H. 3. S. 550–564.
- Dassow J.* Friedrich II. von Preussen und Peter III. von Russland. Inaug. Diss. Berlin, 1908.
- De Rulhière C.-C.* Geschichte der russischen Revolution im Jahr 1762: Mit dem Bildniße der Kayserin Catharine II. Germanien, 1797.
- Fleischhacker H.* Porträt Peters III // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1957. H. 1–2. S. 127–189.
- Häusser L.* Zur Geschichte Friedrichs II. und Peter III // *Forschungen zur deutschen Geschichte*. 1864. Bd. 4. S. 1–11.
- Herrmann E.* Geschichte des russischen Staats, V. Von der Thronbesteigung der Kaiserin Elisabeth bis zur Feier des Friedens von Kainardsche (1742–1775). Hamburg, 1853.
- Hübner E.* Staatspolitik und Familieninteresse. Die gottorfische Frage in der russischen Aussenpolitik 1741–1773. Neumünster, 1984.
- Kleinschmidt A.* Vom Tode Peter's III bis zum Tode Iwans VI. Gesandtschaftsberichte aus dem Haager Reichsarchive // *Russische Revue*. 1883. Bd. 23. S. 534–559.
- Le Donne J.P.* Frontier Governors General 1772–1825. I. The Western Frontier // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1999. Bd. 47. H. 1. S. 56–88.
- Leonard C.S.* Reform and regicide. The reign of Peter III of Russia. Bloomington, 1993.
- Masson Ch.F. Ph.* Major Masson's geheime Denkwürdigkeiten über Rußland. Belle-Vue, 1844.
- Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen: 42 Bde. Bd. 21. Berlin, 1894.
- Pommerin R.* Bündnispolitik und Mächtesystem. Österreich und der Aufstieg Rußlands im 18. Jahrhundert // *Expansion und Gleichgewicht. Studien zur europäischen Mächtepolitik des ancien régime* / ed. J. Kunisch. Berlin, 1986. S. 113–164.
- Ransel D.* The Politics of Catherinian Russia. The Panin Party. New Haven, 1975.
- Schreiben Kayzers Peter des Dritten an den Geheimenrath von Mirbach, Starosten von Polangen, Rittern des St. Alexander-Newsky. Ordens, betreffend das kaiserliche Vorhaben, den Herzog Georg Ludewig von Holstein zum Herzog von Curland und Semgallen zu machen // *Magazin für die neue Historie und Geographie*. 1773. Bd. 7. № 4. S. 241–244.
- Stellner F.* Zu den Ergebnissen des Siebenjährigen Kriegs in Europa // *Prague Papers on History of International Relations*. 2000. Bd. 4. S. 85–98.
- The Devonshire Diary. William Cavendish, Fourth Duke of Devonshire. Memoranda on State of Affairs. 1759–1762 / eds P.D. Brown, K.W. Schweizer. London, 1982.
- Von Alten F.K.* Georg Ludwig, Herzog von Schleswig-Holstein-Gottorp. Oldenburg, 1867.
- Von Rauch G.* Zur baltischen Frage im 18. Jahrhundert // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. 1957. Bd. 5. H. 4. S. 441–487.

DOI: 10.31857/S0130386424030059

© 2024 г. Д.С. СТАРОСКОЛЬСКАЯ

АМЕРИКА ГЕРАЛЬДИЧЕСКАЯ

Староскольская Дарья Сергеевна – научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: dar.ryzhova.iv@yandex.ru

Researcher ID: AАН-8424-2019

Аннотация. Статья посвящена вопросам становления и развития геральдики в Америке. Ее целью является не только опровержение распространенного среди обывателей заблуждения, что геральдики в США не существует, но и попытка выявить национальные особенности американских геральдических эмблем. Обзор источников, хоть и не настолько многочисленных, как в странах Старого Света, позволил установить, что, вопреки значительному противодействию со стороны республиканских скептиков, геральдика в Америке все же получила широкое распространение как в виде государственных эмблем, так и частных гербов. Несмотря на то что официального геральдического органа в США так и не появилось, различные частные некоммерческие организации активно занимаются практической и теоретической деятельностью в области геральдики и успешно взаимодействуют с иностранными геральдическими органами, а внутри государственных подразделений появляются специализированные отделы, призванные удовлетворить потребность в официальных знаках. Хотя американская историография геральдики также не столь уж обширна ввиду широкого распространения и доступности английских трудов и пособий, все же отражает самобытный американский взгляд на феномен гербов. В статье также рассматриваются вопросы массового восприятия геральдики в Соединенных Штатах: ее историческая рецепция, отношение к ней различных слоев общества, современное положение гербов в Америке и возрастающий интерес к ним как к части исторического наследия. В статье делается вывод, что геральдика в Америке не только существует, но и представляет собой самобытное и уникальное культурное явление, которое заслуживает изучения наряду с другими «национальными» геральдическими системами.

Ключевые слова: геральдика США, геральдическая коллегия, частная геральдика, государственная геральдика.

D.S. Staroskolskaya

Heraldic America

Dariya Staroskolskaya, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: dar.ryzhova.iv@yandex.ru

Researcher ID: AАН-8424-2019

Abstract. The title of the article refers to Edgar de V. Vermont's first American heraldic treatise for a reason. There are no seminal studies on US heraldry in the Russian language. Accordingly, the general public assumes that it does not exist at all. Thus, the purpose of the article, which presents a broad overview of American heraldic entities, is to prove the opposite. Despite considerable

opposition on the part of Republican sceptics, heraldry in America is widely used by both individuals and institutions, public as well as private. Although no official heraldic body has ever been established in the United States, various private non-profit organisations are active in theoretical research and applied heraldic art, and specialised departments have been set up within government structures to meet the nation's armorial needs. All of them maintain successful and fruitful co-operation with overseas heraldic institutes. The American historiography of heraldry, though meagre compared to that of the Old World, is still highly representative of the national American perspective on the phenomenon of coats of arms. The author touches on the themes of mass perception of heraldry among Americans: its historical reception, how it is used and interpreted by members of different social strata, contemporary trends, and the growing interest in it as part of historical heritage. She concludes that American heraldry is a distinctive and unique cultural phenomenon that deserves to be examined along with other "national" heraldic systems.

Keywords: US history, US heraldry, College of Heraldry, private heraldry, civic heraldry.

Особый исторический путь развития США во многом определил и отношение американцев к эмблематике как к своей собственной, так и к той, наследниками которой они стали. Основы геральдики Соединенных Штатов были заложены, конечно, переселенцами из Европы, для которых она являлась неотъемлемой частью привычного быта. Однако она очень быстро трансформировалась и превратилась в совершенно уникальное культурное явление. Причиной этого послужило как национальное разнообразие переселенцев, так и начавшиеся практически сразу споры о социальной природе геральдики. Многие выходцы из Англии, Шотландии, Ирландии, Уэльса, Германии, Голландии и других стран продолжали пользоваться своими гербами, как и их предки. Однако среди переселенцев были и те, кто бежал от власти монархии и представителей знати и, наоборот, считали, что геральдика – пережиток старого мира и не соответствует «республиканским» традициям. Участники Великой французской революции заявляли, что гербы – эмблемы знати, т. е. не что иное, как знаки превосходства одного класса над другим, и потому должны не просто прекратить использоваться, но и быть уничтожены физически¹. Сторонники свободы, равенства и братства активно привносили в государственную символику США трехцветные кокарды, майские деревья², колпаки и прочие негеральдические знаки репрезентации, а вместе с ними и классовую ненависть к гербам³.

В то же время ничто так не важно для американского гражданина, как его семья и предки, его «историческое наследие». И в данном случае герб выступает уже не как проявление «большого тщеславия», а как знак семейного достоинства, «незапятнанной чести»⁴. Практически все, кто стоял у истоков государства, воевал за его независимость, являлись обладателями гербов и активно пользовались ими (преимущественно в печатях).

Сам Джордж Вашингтон придерживался такой позиции: «Я совершенно не разделяю мнения, что геральдика, гербы и тому подобное не смогут найти у нас общественного или частного применения, не говоря уже о том, что они могут иметь какую-либо направленность,

¹ Митрофанов А.А. Уничтожение геральдики в период французской революции (1789–1794) // *Signum* / отв. ред. А.П. Черных. Вып. 11. М., 2016. 177–196.

² См.: Филимонова М.А. От «майского дерева» к «древу свободы»: из истории символики Американской революции // *Новая и новейшая история*. 2020. № 4. С. 180–183, 189–193.

³ В действительности, как любезно указал мне А.А. Митрофанов, многие из «символов свободы» попали в революционную Францию из борющихся за независимость американских штатов. А те, в свою очередь, восприняли их от метрополии, использовавшей их, вероятно, во время Славной революции 1688 г. Вопрос появления, рецепции и распространения таких символов, как колпак свободы, древо свободы, кокарды и пр., сложен и требует отдельного исследования. В случае же Франции и США процесс был взаимен. И «возвращение» переосмысленной после Французской революции символики свободы в Америку очевидно. См.: Митрофанов А.А. «Война кокард». Эмблема и народное воображение революционной Франции // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории*. 2018. Т. 13. С. 208–222.

⁴ *Vermont E. V. de, Rykers H. America Heraldica: a compilation of coats of arms, crests and mottoes of prominent American families settled in this country before 1800*. New York, 1887. P. V.

недружественную чистейшему духу республиканизма. Напротив, практика Конгресса и Штатов показывает, что все они восприняли некоторые геральдические знаки для аутентификации своих официальных действий»⁵.

Будучи сами обладателями гербов, отцы-основатели Американской республики даже рассматривали организацию собственного официального геральдического органа (Геральдической коллегии). Однако эту идею отвергли как не соответствующую идеалам нового правительства. Гербами, правда, пользоваться не перестали, просто теперь они были предоставлены самим себе, и связанные с ними геральдические вопросы никакому регулированию не подлежали.

Эта полемика о необходимости и уместности использования гербов в Соединенных Штатах разделила американцев на два лагеря, не вполне пришедших к согласию, видимо, по сей день. Не случайно Э. Вермонт начал свою *America Heraldica*, фактически первое геральдическое издание США, с того, что в современном мире назвали бы «дисclaimerом». Автор, как будто оправдываясь за занятия такой темой, указывал, что не собирается обсуждать «антидемократический характер гербов» и в работе его ни в коем случае не навязывается социальное неравенство, он лишь пытается восстановить генеалогию «людей, создававших американские свободы»⁶.

Автор же монументального труда, вышедшего в 1895 г. и до сих пор остающегося одной из основных работ по американской геральдике, Ю. Зибер, наоборот, посвятил вопросу целесообразности использования гербов немало повествования и рьяно встал на защиту личных гербов как части национальных и семейных традиций, которые так важны для американцев. «В этой стране иногда придираются к обладателям гербов, — писал он, — однако нет никаких причин, почему американцам под давлением критики со стороны невежд и злопыхателей не следует сохранить для себя и своих детей геральдические знаки, которые носили их предки, даже если они не признаются официально в стране, в которой они живут, и не регистрируются соответствующим органом. Тот факт, что гербы носили на этой земле в колониальные времена, делает их американскими, и это достаточное основание для того, чтобы потомки старых семей продолжили их носить. Это исторический факт, что ранние переселенцы не собирались рвать семейных уз и забывать свои национальные традиции»⁷. Однако энергия, с которой Зибер выступил в защиту частной геральдики, свидетельствовала о том, что общественное порицание было значительным.

Надо отметить, что в отсутствие официального геральдического органа не сложилось и крупной исследовательской школы, что удивительно для американской исторической науки, интересующейся практически любой тематикой⁸. Однако отсутствие геральдического центра, будь то государственный орган или научное учреждение, в итоге привело к появлению множества частных публичных организаций, участники которых занимаются вопросами генеалогии и геральдики, помогая американцам, желающим прояснить, кем были их предки, и стать достойными продолжателями их семейной истории.

Так, например, уже в 1864 г. была создана Геральдическая комиссия Генеалогического общества Новой Англии — старейшая в США. Ее целью стал «сбор и сохранение информации относящейся к геральдике». При этом Комиссия не ограничивается Новой Англией и занимается гербами со всей территории США. С 1914 г. Комиссия составляет и публикует Гербовник американских колонистов и иммигрантов, однако туда попадают только «официальные гербы», т.е. гербы переселенцев и их потомков, зарегистрированные в геральдических органах Старого Света и принятые до 1900 г. В 2022 г. вышел уже 11-й том⁹.

⁵ *Schroeder D.D. Maxims of Washington, Political, Social, Moral, and Religious. New York, 1859. P. 22.*

⁶ *Vermont E.V. de, Rykers H. Op. cit. P. V.*

⁷ *Zieber E. Heraldry in America. Philadelphia, 1895. P. 33.*

⁸ *Вольфсон С. Американская историография геральдики // Signum / отв. ред. А.П. Черных. Вып. 6. М., 2011. С. 232.*

⁹ Официальный сайт Геральдической комиссии Новой Англии // URL: <https://www.americanancestors.org/committee-heraldry> (дата обращения: 27.07.2023).

Тем не менее частная геральдика в США не ограничивается только старыми гербами, но и активно пополняется новыми. Регистр таких гербов ведет Американская геральдическая коллегия, основанная в Луизиане в 1972 г. Несмотря на название, созвучное с наименованием государственного геральдического органа Великобритании, Коллегия является частной некоммерческой организацией, существующей на спонсорские пожертвования и членские взносы. Основная цель организации – «помощь в изучении и увековечивании геральдики Соединенных Штатов и других стран». Американская геральдическая коллегия объединяет интересующихся геральдикой, прививает правильное представление о геральдике как о науке; его члены проводят собственные геральдические исследования, которые, наряду с репринтами статей от иностранных исследователей, публикуются в ежеквартальном электронном издании *The Armiger's News*¹⁰.

В деятельность Коллегии также входит генеалогическая экспертиза с целью установления права на имеющийся герб и помощь в создании и регистрации (в их внутренних реестрах) гербов всех желающих. Так, все проходящие через них гербы собираются в гербовник, который также публикуется в Интернете.

Таким образом, частная геральдика отлично укоренилась и без единого официального регистра. Несколько сложнее обстоит дело с геральдикой государственной. Несмотря на то, что традиция пользоваться гербами в государственных целях сложилась еще в колониальную эпоху и сам Дж. Вашингтон приводил необходимость государственной символики в качестве основного аргумента в пользу гербов, все же в качестве официальной государственной эмблемы была выбрана печать. Именно этот тип знака, как казалось учредителям, обладал истинно республиканским духом. Здесь стоит отметить, что и революционная Франция, решительно отказавшаяся от гербов, избрала своей эмблемой печать. Она как знак свободы и равенства была призвана заменить не только герб, но и сам образ короля¹¹.

Тем не менее и тут не обошлось без геральдики. 4 июля 1776 г., после того как Декларацию независимости зачитали на Континентальном конгрессе, было решено, что д-р Франклин, м-р Адамс и м-р Джефферсон войдут в состав комиссии по подготовке государственной печати Соединенных Штатов Северной Америки.

10 августа того же года комиссия предложила проект печати, на одной стороне которой должен был помещаться государственный герб США, а на другой – изображение фараона в колеснице, преследующего израильтян. Герб, пусть и для заполнения поля печати, все же пришлось разрабатывать, и первая комиссия предложила эскиз Пьера Юджина дю Симитье.

Щит состоял из шести полей, каждое из которых представляло «страны, из которых прибыли первые переселенцы», с геральдическими знаками Англии, Шотландии, Ирландии, Франции, Германии и Голландии, окруженных инициалами всех 13 штатов. В качестве щитодержателей выступали две фигуры: Свобода, держащая якорь надежды и копье, увенчанное колпаком свободы, и американский солдат с ружьем и томагавком¹². Венчало гербовый щит Око Провидения в сияющем треугольнике, слава которого простиралась над щитом. Латинский девиз в ленте гласил: *E Pluribus Unum* («Из многих единое»).

Однако проект печати и герба вместе с ним не встретил должного энтузиазма и был отложен до лучших времен, как и в целом идея разработки государственной символики, работа над которой возобновилась только в 1780 г.¹³ После долгой полемики печать и герб Соединенных Штатов Северной Америки были наконец-то приняты Конгрессом 20 июня 1782 г.¹⁴

Борьба двух геральдических подходов отразилась во многом и на внешнем виде гербов, ставших в итоге официальными эмблемами Штатов. Отсутствие единой позиции

¹⁰ Официальный сайт Американской геральдической коллегии // URL: <http://www.americancollegeofheraldry.org/> (дата обращения: 27.07.2023).

¹¹ *Harden J. D.* Liberty caps and liberty trees // *Past & Present.* 1995. № 146. P. 66.

¹² Другой вариант предлагал в качестве второго щитодержателя богиню Правосудия с мечом и весами.

¹³ *Zieber E.* Op. cit. P. 95–96.

¹⁴ *Journals of Congress: containing their proceedings from January 1, 1781 to November 2, 1782.* Philadelphia, 1800. P. 301.

относительно статуса геральдики в США давало знать о себе и в том, что только у 18 штатов из 50 есть свои официально принятые гербы, Техас и Гавайи когда-то имели таковые, но в итоге отказались от них. Остальные же штаты пользуются печатями, флагами и другими знаками. Национальное разнообразие первых американцев, стремившихся сохранять свои традиции (как про-, так и контрагеральдические) сформировало визуально-репрезентативное пространство Соединенных Штатов.

Разнообразие государственных эмблем легко можно увидеть, пролистав альбом Генри Митчелла *State Arms of the Union* – «Государственные гербы Союза (американских штатов)», 1876 г.¹⁵ В нем соседствуют щиты, созданные по всем законам геральдики (например, герб Мэриленда, представлявший собой родовой герб Балтиморов); фигуры держащие аверс и реверс печати штата; абстрактные символические конструкции, хоть и помещенные в щит, но негеральдические по своему содержанию и очень красивые, но далекие от геральдики эмблемы штатов. Вермонт, истинный ценитель геральдического искусства, сетовал на то, что «гербы» разрабатывались в первую очередь для печатей, а потому в них исчезло геральдическое начало и они стали выглядеть слишком «живописно» (*unheraldic and somewhat too picturesque*)¹⁶. Тем не менее альбом Митчелла стал поистине эмблематической визуализацией принципа американской свободы – каждый штат выбрал себе понравившуюся эмблему.

Интересен и тот факт, что ок. 1873–1874 гг. была предпринята попытка заменить герб Мэриленда с привычного герба Балтимора на «ничего не значащего орла» (*unmeaning eagle*), как прокомментировал в 1880 г. это событие У.Г. Браун из университета Джона Хопкинса в Балтиморе¹⁷. Через несколько лет изначальный герб был восстановлен. Геральдические споры в американском обществе не утихали.

Невероятный рост интереса к геральдике в США в последней четверти XIX в. очевиден. Именно в это время вышли все вышеперечисленные труды, которые до сих пор остаются классикой американской геральдической литературы. Помимо альбома Митчелла, было собрано и издано несколько гербовников. Снова активизировались споры за и против геральдических знаков. С чем это связано, еще предстоит выяснить.

Наверное, единственную попытку ввести хоть какое-то государственное регулирование эмблем и знаков предприняло Министерство обороны США, в котором после окончания Второй мировой войны решили навести порядок в военной эмблематике. В 1960 г. был создан Институт геральдики Армии США¹⁸. В его задачи входит регулирование знаков различия в составе военной формы военнослужащих США, знамен и эмблем подразделений. Подразумевается, что в ведении Института находятся и эмблемы государственных учреждений, но все же их деятельность больше ограничивается военными нуждами. 10 января 2023 г. на сайте Министерства обороны США появилась статья, где доходчиво объясняется, что такое геральдика, зачем нужен Институт, а заодно звучит призыв не называть гербы логотипами¹⁹.

В остальных же случаях отсутствие геральдических правил и какого-либо регулирования со стороны государственных органов позволяет организациям и гражданам США свободно выбирать себе гербы. Как остроумно заметил Зибер, «это делает ее похожей на геральдику XI в., когда каждый мог выбрать себе знак по своему вкусу»²⁰. Тем не менее, в средневековой Европе с ростом количества гербов, когда они начали повторяться и совпадать, это привело

¹⁵ *Mitchell H.* State arms of the Union. Boston, 1876.

¹⁶ *Vermont E. V. de, Rykers H.* Op. cit. P. VI.

¹⁷ *Zieber E.* Op. cit. P. 21.

¹⁸ Официальный сайт Института геральдики Армии США // URL: <https://tioh.army.mil/> (дата обращения: 28.07.2023).

¹⁹ Don't Call It a Logo: The Heraldry Behind U.S. Military, Government Insignia // Официальный сайт Министерства обороны США. URL: <https://www.defense.gov/News/Feature-Stories/Story/Article/3263697/dont-call-it-a-logo-the-heraldry-behind-us-military-government-insignia/> (дата обращения: 28.07.2023).

²⁰ *Zieber E.* Op. cit. P. 77. Здесь стоит, однако, упомянуть, что современная геральдическая наука датирует этот процесс XII в.

к естественному развитию геральдических правил. В Америке же этого не произошло до сих пор и уже, по-видимому, не произойдет. Существующие правила они игнорируют.

Американцы, особенно те, кто возвращается к семейной геральдике, а не сохранял ее в течение многих поколений, воспринимают гербовую композицию²¹ как единое неделимое изображение, обладающее всеми характеристиками собственности. Так, например, женщины в семье носят герб целиком со шлемом и нашлемной фигурой, что противоречит «классическим» правилам геральдики. Американские гербы также не подвержены каденции²². Зибер объясняет это тем, что в Англии старший сын – наследник отцовского имущества, надежда семьи, поэтому его выделяют среди остальных, и только когда он становится главой семейства, получает право носить герб в его первоначальном виде. В Америке же все сыновья равны и имеют одинаковое право на фамильный герб. Знаки каденции, которые попали в США на гербах своих владельцев, оказались навсегда впечатаны в них. По этой же причине «неделимости» герба, его статичности как изображения, в Америке не используются четверчастные гербы, как это делается в Англии для обозначения родовых союзов²³, а награды и ордена, наоборот, становятся достоянием всего семейства.

Прагматичность как известная национальная черта американцев в полной мере сформировала их представление о геральдике. Они воспринимают герб как собственность, как предмет, приобретаемый и отчуждаемый, подчиненный исключительно воле своего хозяина, а отсутствие геральдической регуляции только подкрепляет такое отношение. В этом аспекте показателен казус, происшедший с гербом 45-го президента США, впрочем, еще до того, как он стал таковым. Герб Дональда Трампа – в щите три усеченных льва и два стропила, над ним рука в перчатке, держащая стрелу, девиз на ленте «Трамп» – украшает его резиденцию и постоянное место жительства поместье «Мар-а-Лаго», приобретенное им в 1985 г., а также используется в качестве официальной эмблемы гольф-клуба, расположенного там же. Герб активно размещается на рекламной продукции и в декоративных целях.

Сам особняк был построен в 1924–1927 гг. для Марджори Пост, предпринимательницы, светской львицы, которая в 1973 г. завещала поместье для размещения зимней резиденции президентов США. Однако содержание особняка и обеспечение его безопасности в прямой близости от международного аэропорта требовали слишком больших затрат, и здание практически не использовалось, пока не стало собственностью Д. Трампа.

Как выяснилось позднее, декоративные элементы в виде герба со львами и стропилами украшали дом задолго до появления в нем семейства Трампов. Это обнаружилось, когда внук Джозефа Дэвиса, третьего мужа Марджори Пост, посетил поместье и признал в гербе Трампа свой собственный, лишь с измененным девизом. Герб был дарован именно Джозефу Дэвису и зарегистрирован Геральдической коллегией Великобритании в 1939 г. и был использован для украшения дома его женой. Трамп же, приобретя поместье в собственность заключил, что и эмблема теперь принадлежит ему.

С трудностями с применением эмблемы Трамп встречался и раньше, он пытался использовать ее на двух своих гольф-курортах в Шотландии, однако местные геральдические власти запретили ему это, ссылаясь на то, что герб принадлежит другой семье. «Чисто английская проблема», как сострил репортер *New York Times*, освещавший новость в газете²⁴.

²¹ Современный герб, как правило, состоит из многих составных частей: сам гербовый щит с фигурами в нем, нашлемная фигура и намет, щитодержатели, орденские ленты и награды и т. п. Некоторые из этих элементов должны оставаться неизменяемыми, некоторые меняются в процессе жизни носителя или даже всей семьи, какие-то исключительно индивидуальны.

²² Знаки каденции – специальные дополнения к гербу, обозначающие порядок наследования, убираются или меняются по мере изменения статуса или очереди.

²³ Zieber E. Op. cit. P. 80.

²⁴ A Coat of Arms Said “Integrity”. Now It Says “Trump” // *New York, New York edition*. 29.V.2017. Section B. P. 1.

В регистрации этого изображения в качестве торговой марки ему также было отказано. Для шотландских гольф-клубов пришлось использовать другую эмблему — двуглавого орла, призванного обозначить двойственную природу и национальность Трампа, как имеющего шотландские и немецкие корни. Такая эмблема тоже, надо признать, не отличается оригинальностью, а учитывая имперскую семантику этой фигуры, может выглядеть даже не вполне политкорректно. Тем не менее с точки зрения современной геральдики нарушения правил здесь нет.

А вот в США Трампу удалось зарегистрировать герб Дэвисов в качестве торговой марки, и он продолжает использоваться на сувенирной продукции курортов. Поскольку слово Геральдической коллегии Великобритании в США не имеет практически никакого веса, от суда наследник герба отказался, аргументировав это влиятельностью Трампа.

Интересно, что подобные случаи узурпации гербов были известны и ранее. О них упоминает и Зибер²⁵. Он утверждает, что многие американские семьи присваивают себе гербы просто по совпадению имени, не подтверждая при этом родства, что с точки зрения закона Великобритании недопустимо, но никак не регламентируется законом американским. Нынешний президент Американской геральдической коллегии Д. Вутен также сетует на то, что многие просто «берут Бёрка»²⁶, находят там свою фамилию, например «Смит», и несколько вариантов гербов, а потом просто выбирают, какой понравился им больше всего»²⁷. Американцы, конечно, проще относятся к гербам, но справедливости ради стоит отметить, что такой подход к делу процветает и в Старом свете, а случаи присвоения себе герба однофамильца известны в Англии еще с XVI в.

В то же время, по мнению того же Д. Вутена, к концу XX в. интерес американцев к геральдике значительно вырос. Об этом свидетельствует и появление самой Коллегии. Многие американцы воспринимают герб как часть своего наследия, связи с предками. И все чаще проводят генеалогические исследования с целью воссоздать историю своих предков и найти их герб, если у них таковой был, и если нет — создать новый, согласно всем правилам современной геральдики²⁸.

Распространенное мнение, что геральдики в США не существует, нельзя признать верным. Конечно, это явление, так хорошо знакомое Старому Свету, претерпело значительные изменения как в своей визуальной, так и семантической составляющей. Однако, как и применительно ко многим другим аспектам американской культуры, нельзя забывать основные факторы той удивительной самобытности, присущей США. Большая часть культурного наследия этой молодой страны складывалась из верований и традиций представителей множества национальностей. Многие социальные явления, такие как фольклор, народные песни и верования и т.д., формировались не столетиями, а появлялись и бурно развивались за короткое время. Так и геральдика США появилась во время, когда Старый Свет уже начал от нее отказываться: кто-то просто оставлял ее без внимания за ненужностью, кто-то избавлялся от нее как от символа старого порядка. Во многом геральдика Америки подражательна, и в этом и заключается ее самобытность. Американские гербы, старые и новые, государственные и частные строятся по принципу визуального повторения, часто без глубокой рефлексии по поводу значения элементов или их происхождения, но при этом они наполняются их создателями новыми идеями и смыслами, характерными лишь только для этой страны. Несмотря на вековые противоречия, гербы все же стали неотъемлемой частью общества США, еще раз доказав, что геральдика — это метаязык истории, маркирующей все культурные и социальные изменения общества. Так и геральдика

²⁵ Zieber E. Op. cit. P. 75.

²⁶ Имеется в виду гербовник, изданный сэром Бернардом Бёрком в 1884 г., получивший широкое распространение в США: *Burk B. The General Armory of England, Scotland, Ireland, and Wales; Comprising a Registry of Armorial Bearings from the Earliest to the Present Time.* London, 1884.

²⁷ *Wooten D.R. Why Would Americans Want Armorial Bearings? // The Armiger's News. The American College of Heraldry, October 2006 (без пагинации).*

²⁸ Ibidem.

США ровно настолько же отличается от геральдики Старого Света, насколько сама культура и мировоззрение Америки отличны от европейской.

Библиография / References

- Вольфсон С.* Американская историография геральдики // *Signum* / отв. редактор А.П. Черных. Вып. 6. М., 2011. С. 231–238.
- Митрофанов А.А.* Уничтожение геральдики в период французской революции (1789–1794) // *Signum* / отв. редактор А.П. Черных. Вып. 11. М., 2016. С. 177–196.
- Митрофанов А.А.* «Война кокард». Эмблема и народное воображение революционной Франции // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории.* 2018. Т. 13. С. 208–222.
- Филимонова М.А.* От «майского дерева» к «дреvu свободы»: из истории символики Американской революции // *Новая и новейшая история.* 2020. № 4. С. 179–198.
- Filimonova M.A.* От “mayskogo dereva” k “drevu svobody”: iz istorii simboliki Amerikanskoj revolyutsii [From the “Maypole” to the “Tree of Liberty”: from the History of the Symbolics of the American Revolution] // *Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History].* 2020. № 4. S. 179–198. (In Russ.)
- Mitrofanov A.A.* “Voyna kokard”. Emblema i narodnoye voobrazheniye revolyutsionnoy Frantsii [“The War of the Cockades”. The emblem and public imagination of revolutionary France] // *Kazus. Individual’noye i unikal’noye v istorii [An incident. Individual and unique in history].* 2018. T. 13. S. 208–22. (In Russ.)
- Mitrofanov A.A.* Unichtozheniye geraldiki v period frantsuzskoy revolyutsii (1789–1794) [Destruction of heraldry during the French Revolution (1789–1794)] // *Signum* / отв. редактор А.П. Черных. Вып. 11. Moskva, 2016. S. 177–196. (In Russ.)
- Volfson S.* Amerikanskaya istoriografiya geraldiki [American historiography of heraldry] // *Signum* / отв. ред. А.П. Черных. Вып. 6. Moskva, 2011. S. 231–238. (In Russ.)
- Burk B.* The General Armory of England, Scotland, Ireland, and Wales; Comprising a Registry of Armorial Bearings from the Earliest to the Present Time. London, 1884.
- Harden J.D.* Liberty caps and liberty trees // *Past & Present.* 1995. № 146. P. 66–102.
- Journals of Congress: containing their proceedings from January 1, 1781 to November 2, 1782.* Philadelphia, 1800.
- Mitchell H.* State arms of the Union. Boston, 1876.
- Schroeder D.D.* Maxims of Washington, Political, Social, Moral, and Religious. New York, 1859.
- Vermont E.V. de, Rykers H.* America heraldica: a compilation of coats of arms, crests and mottoes of prominent American families settled in this country before 1800. New York, 1887.
- Wooten D.R.* Why Would Americans Want Armorial Bearings? // *The Armiger’s News.* The American College of Heraldry, October 2006.
- Zieber E.* Heraldry in America. Philadelphia, 1895.

DOI: 10.31857/S0130386424030067

© 2024 г. А.В. ЧУДИНОВ

ЕГИПЕТСКИЙ ПОХОД БОНАПАРТА И БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Чудинов Александр Викторович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: tchoudin@mail.ru

Scopus Author ID: 26034936800; ORCID: 0000-0003-2522-453X; Researcher ID: B-9655-2017

Аннотация. Автор в очерке* рассказывает об основных вехах более чем 200-летней историографии Египетского похода 1798–1801 гг., предпринятого французскими сухопутными силами и флотом под общим командованием Наполеона Бонапарта, выявляет предпосылки, сделавшие возможным столь дерзкое военное предприятие, освещает перипетии Египетской и Сирийской кампаний Восточной армии Бонапарта, анализирует мотивы решительного неприятия местным населением ценностей Французской революции, насаждавшихся оккупационной администрацией, и устанавливает причины конечного катастрофического исхода данной экспедиции. История Египетского похода рассматривается автором в общем контексте эволюции международных отношений, вызванной Французской революцией и активной экспансией революционной Франции. По его мнению, Египетский поход Бонапарта, имевший своей главной целью подрвать позиции Великобритании на Ближнем Востоке и в Азии, привел к прямо противоположному результату, чем тот, на который рассчитывали его инициаторы: британцам удалось не просто удержаться в данном регионе, но приобрести там доминирующее влияние, тогда как Франция, затратив на эту авантюру большие человеческие и материальные ресурсы, оказалась оттуда на некоторое время практически полностью вытесненной.

Ключевые слова: Наполеон Бонапарт, Франция, Наполеоновские войны, Египетский поход, Французская революция, Великобритания, Ближний Восток, международные отношения, историография.

A.V. Tchoudinov

The Egyptian Campaign and the Middle East

Alexander Tchoudinov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: tchoudin@mail.ru

Scopus Author ID: 26034936800; ORCID: 0000-0003-2522-453X; Researcher ID: B-9655-2017

Abstract. The author of the essay* tells about the main milestones of more than two hundred years old historiography of the Egyptian campaign of 1798–1801, undertaken by the French land forces and navy under the general command of Napoleon Bonaparte, identifies the prerequisites that

* Настоящая статья представляет собой авторскую редакцию главы, написанной для фундаментального научного издания «Кембриджская история Наполеоновских войн» (2023).

* This article is the author's revision of a chapter written for the seminal scholarly publication *The Cambridge History of the Napoleonic Wars* (2023).

made such an audacious military enterprise possible, highlights the vicissitudes of the Egyptian and Syrian campaigns of Bonaparte's Oriental Army, analyzes the motives of the decisive rejection by the local population of the values of the French Revolution, planted by the occupation administration, and establishes the reasons for the final catastrophic outcome of this expedition. The history of the Egyptian campaign is considered by the author in the general context of the evolution of international relations caused by the French Revolution and by the active expansion of revolutionary France. In his opinion, Bonaparte's Egyptian campaign, which had as its main goal to undermine Britain's position in the Middle East and Asia, led to exactly the opposite result than the one its initiators had hoped for: the British managed not only to stay in this region, but to gain dominant influence there, whereas France, having spent on this adventure large human and material resources, turned out to be almost completely displaced from there for some time.

Keywords: Napoleon Bonaparte, France, the Napoleonic Wars, the Egyptian Campaign, the French Revolution, Great Britain, the Middle East, international relations, historiography.

Литература о Египетском походе 1798–1801 гг. включает десятки научных трудов, опубликованных в разных странах на протяжении последних двух столетий, а потому обобщим здесь лишь наиболее заметные ее вехи.

Первыми историками Египетского похода стали его участники, а первые обобщающие работы о нем увидели свет еще до завершения самой экспедиции. Уже в 1800 г. бывший начальник штаба Восточной армии генерал А.Л. Бертье, будущий маршал Империи, покинувший Египет в 1799 г. вместе с Бонапартом, опубликовал в Париже подробный отчет о первом годе похода¹. Несмотря на определенную пристрастность автора, который оценивал исключительно в превосходной степени действия своего командующего, в тот момент уже возглавившего Францию в качестве Первого консула, сочинение Бертье содержало немало ценных сведений о военной стороне похода и в дальнейшем неоднократно переиздавалось.

В том же 1800 г., но уже в Каире, в типографии французской оккупационной администрации вышел в свет почти столь же детальный отчет о событиях, произошедших в Египте после отъезда Бонапарта, а именно – с момента заключения Эль-Аришского соглашения и до гибели нового командующего армией генерала Ж.-Б. Клебера². Первая половина отчета была написана самим Клебером, вторая – начальником его штаба генералом Ф.Э. Дама. Хотя этот текст тоже отмечен известной долей субъективизма, в дальнейшем он стал своего рода матрицей для многих историков, которые почти дословно воспроизводили изложенную в нем трактовку событий весенней кампании 1800 г.

И, наконец, история третьего года экспедиции, когда армию после смерти Ж.-Б. Клебера возглавил генерал Ж.А. Мену, вышла в свет сразу же после завершения похода, в 1802 г., и была написана генералом Ж.Л.Э. Рейнье³. Несмотря на обвинительный тон автора в отношении Мену, работа представляет несомненный интерес, поскольку подробно рассказывает о положении армии накануне кампании 1801 г. и о событиях этой кампании до 14 мая, когда Мену выслал Рейнье из Египта.

В том же 1802 г. появилась первая обобщающая английская работа о военных действиях 1801 г. в Египте⁴. Ее автором был участник этой кампании подполковник Р.Т. Вильсон, в будущем генерал и видный историк Наполеоновских войн.

Однако наиболее известной из всех обобщающих историй Египетского похода, созданных его отдельными участниками, стала та, которую сам Наполеон продиктовал на острове

¹ *Berthier L.A.* Relation des campagnes des campagnes du général Bonaparte en Egypte et en Syrie. Paris, an VIII [1800].

² *Rapport fait au Gouvernement français des évènements qui se sont passés en Egypte, depuis la conclusion du traité d'El-A'rych, jusqu'à la fin de prairial an VIII.* Kaire, [1800].

³ *Reynier J.L.E.* De l'Égypte après la bataille d'Héliopolis, et considérations générales sur l'organisation physique et politique de ce pays. Paris, 1802.

⁴ *Wilson R.T.* History of the British expedition to Egypt, to which is subjoined a sketch of the present state of that country and its means of defense. London, 1802.

Святой Елены генералу А. Г. Бертрону. Впервые опубликованная в 1847 г.,⁵ она в дальнейшем выдержала множество переизданий в разных странах мира и оказала немалое влияние на изучение данной темы⁶.

Впрочем, еще до выхода в свет сочинения Бонапарта историография Египетского похода совершила качественный скачок, поднявшись на новую высоту после публикации коллективного 10-томного труда «Научная и военная история французской экспедиции в Египет»⁷. Это фундаментальное исследование посвящалось не только событиям похода, но также его предистории и его последствиям для Египта. Оно строилось на основе широчайшего круга источников, многие из которых использовались впервые. Из 30 авторов труда 21 лично участвовал в этой экспедиции. Последнее обстоятельство, впрочем, привнесло также известную долю субъективизма в освещение отдельных аспектов кампании.

В годы Июльской монархии и Второй империи были опубликованы новые мемуары участников Египетского похода и новые архивные документы⁸. Результатом комплексного изучения существенно расширившейся на протяжении XIX в. базы источников по теме стал обобщающий труд французского военного историка майора П. Гитри, посвященный прежде всего военным аспектам первого года экспедиции — до отъезда Бонапарта во Францию⁹. Подобная диспропорция в освещении Египетского похода, когда основное внимание историков привлекала лишь первая его треть — период командования Бонапартом, в последующей историографии только усиливалась.

Подготовленная на рубеже XIX—XX вв. французским военным историком К. де Ла Жонкьером пятитомная фундаментальная публикация источников по истории Египетского похода, представляющая собою комментированную и систематизированную выборку фрагментов многочисленных мемуаров и официальных документов, также охватывает лишь первый год экспедиции¹⁰.

В дальнейшем подобная тенденция сохранилась. Британец Д. Дж. Чандлер, предложивший в XX в. наиболее подробный анализ военных аспектов кампании¹¹, и американец Х. Коул, автор интереснейшего социокультурного исследования о взаимоотношениях французов и египтян как конфликте цивилизаций¹², и канадец П. Сир, опубликовавший первую в XXI в. обобщающую историю экспедиции¹³, ограничились рассмотрением лишь первого ее года — «года Бонапарта».

Наиболее подробное и комплексное из современных исследований данной темы принадлежит французскому историку А. Лорансу. Оно вышло к 200-летию Египетского похода и было посвящено преимущественно его политическим и культурным аспектам¹⁴. В последние годы к изучению истории французской оккупации Египта активно подключились и российские историки, о чем свидетельствует недавняя публикация у нас в стране двух монографий по данной проблематике¹⁵.

⁵ Campagne d'Égypte et de Syrie: mémoires pour servir à l'histoire de Napoléon, dictés par lui-même en Sainte-Hélène et publiés par le général Bertrand: in 2 vols. Paris, 1847.

⁶ Русский перевод см.: *Наполеон*. Кампании в Египте и Сирии (1798–1799 гг.) // Наполеон. Избранные произведения. М., 1956. С. 388–750.

⁷ Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte: in 10 vols. Paris, 1830–1836.

⁸ См.: *Meulenaere Ph., de*. Bibliographie raisonnée des témoignages oculaires imprimés de l'expédition d'Égypte: 1798–1801. Paris, 1993.

⁹ *Guitry P.* L'armée de Bonaparte en Égypte, 1798–1799. Paris, 1898.

¹⁰ *La Jonquière Cl., de*. L'Expédition d'Égypte, 1798–1801: in 5 vols. Paris, 1899–1907.

¹¹ *Chandler D.G.* The Campaigns of Napoleon. New York, 1966.

¹² *Cole J.* Napoleon's Egypt. Invading the Middle East. Cairo, 2008.

¹³ *Cyr P.* Égypte, la guerre de Bonaparte. Paris, 2015.

¹⁴ *Laurence H.* L'expédition de Égypte 1798–1801. Paris, 1998.

¹⁵ *Прусская Е. А.* Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М., 2016; *Чудинов А. В.* Забытая армия. Французы в Египте после Бонапарта. 1799–1800. М., 2019.

17 апреля 1797 г. генерал Наполеон Бонапарт от имени Французской Республики подписал с австрийцами прелиминарный мир в Леобене. 15 мая по надуманному предлогу французские войска оккупировали Венецию, а в июле захватили принадлежавшие ей Ионические острова, получив важный плацдарм для экспансии в Восточное Средиземноморье. 16 августа Бонапарт написал министру иностранных дел Франции Талейрану: «Обладание Корфу и Занте делает нас хозяевами Адриатики и Леванта». В тот же день он сообщил Директории: «Недалек тот день, когда мы признаем, что захват Египта необходим нам для того, чтобы действительно уничтожить Англию». 23 августа Талейран ответил, что Директория одобряет действия Бонапарта и что Египет «может стать для нас очень полезным»¹⁶.

Когда переговоры с австрийцами о мире близились к завершению, Бонапарт в письме Талейрану от 13 сентября набросал контуры будущего Египетского похода: «Если согласно мирному договору с Англией нам придется уступить мыс Доброй Надежды, то нам тогда будет необходимо захватить Египет. ...Можно отправиться отсюда с двадцатью пятью тысячами человек в сопровождении 8–10 линейных кораблей или венецианских фрегатов и захватить его. Египет не принадлежит Султану». 23 сентября Талейран ответил: «Что касается Египта, то ваши идеи в отношении него великолепны: надо признать его полезность»¹⁷.

Однако Директория предпочла иное стратегическое направление. Получив 26 октября текст мирного договора с Австрией, Директория распорядилась начать формирование армии под командованием Бонапарта для высадки на Британские острова. 5 декабря Бонапарт прибыл в Париж и приступил к подготовке будущей экспедиции. 12 января 1798 г. Директория своим постановлением определила точную численность английской армии и ее командный состав. 10 февраля Бонапарт отправился из Парижа в Па-де-Кале, чтобы на месте изучить возможность будущего десанта в Англию. Подчиненные ему генералы Л. Ш. А. Дезе, Ж.-Б. Клебер и другие также инспектировали порты на северном побережье Франции и в Голландии. После возвращения в Париж 21 февраля Бонапарт ознакомился с их мнением и 23 февраля доложил Директории, что при текущем состоянии портов и флота экспедиция в Англию может состояться не раньше следующего года и то, если будут предприняты перечисленные им организационные меры и выделены на подготовку 4,5 млн фр. Если эти условия, предупреждал Бонапарт, не будут выполнены, то лучше вообще отказаться от высадки в Англии и вместо нее предпринять экспедицию в Левант, откуда можно угрожать британской торговле с Индией. Директории пришлось менять планы.

К тому времени на столе у директоров уже две недели находился детальный проект завоевания Египта, предложенный 14 февраля Талейраном. Легитимация автором подобного действия была до предела проста: «Египет был провинцией Римской империи, а потому он должен стать провинцией Французской Республики»¹⁸. Перечислив экономические выгоды от захвата Египта, Талейран заключил, что для этого потребуется армия в 20–25 тыс. человек при поддержке эскадры в 5 линейных кораблей и 6 фрегатов. Если предполагается дальнейшее распространение военных операций на Индостан, то армия должна быть увеличена до 35 тыс. Этого, считал автор проекта, будет более чем достаточно. Спротивления можно ожидать только от правящих в Египте мамлюков, силы которых не превышают 7–8 тыс. хорошо вооруженной, но слабо организованной кавалерии¹⁹. Других противников, полагал Талейран, у французов не предвидится. Народ Египта, страдающий от притеснений мамлюков, будет лишь благодарен тем, кто его от них освободит. Османская империя, частью которой является Египет, не осмелится на войну с Францией, учитывая близость к ее владениям захваченных французами Ионических островов. Россия угрозы для Франции не представляет. Австрия слишком занята в Германии, чтобы реагировать на захват Египта. Англичане, опасаясь французского десанта на Британские острова, не станут

¹⁶ *La Jonquière Cl., de.* Op. cit. Т. 1. P. 29–30.

¹⁷ *Ibid.* P. 32, 36.

¹⁸ *Ibid.* P. 154.

¹⁹ Подробнее о мамлюках см.: *The Mamluks in Egyptian Politics and Society* / eds Th. Philipp, U. Haarmann. Cambridge, 1998.

ослаблять оборону метрополии для того, чтобы воспрепятствовать планам Франции в Средиземноморье. А если французы решат осуществить вторжение в Индию, то там они могут рассчитывать на поддержку со стороны Типу-Сахиба, султана Майсура.

В результате именно этот проект и был положен в основу плана завоевания Египта. Однако практически все содержавшиеся в нем прогнозы оказались ошибочными, что и обусловило конечную неудачу экспедиции. Население Египта развернуло против оккупантов народную войну. Османская империя начала против Франции широкомасштабные военные действия, получив поддержку со стороны своего бывшего соперника — России. Австрия, опять же при русской поддержке, атаковала французские позиции в Италии, а британский флот, уничтожив французскую эскадру, обеспечил союзникам абсолютное господство на Средиземном море. Для Типу-Сахиба появление французов в Египте и вовсе имело роковые последствия, спровоцировав Четвертую англо-майсурскую войну и его гибель.

5 марта 1798 г. Директория постановила отправить экспедицию на завоевание Египта под руководством дивизионного генерала Бонапарта. Подготовка прошла в рекордно короткий срок — два с половиной месяца. В состав Восточной армии вошла часть сил, ранее предназначенных для высадки в Англию — 38 тыс. человек при 171 артиллерийском орудии. Доставку войск по морю обеспечивала эскадра вице-адмирала Ф. П. Брюэйса в составе 13 линейных кораблей, 6 фрегатов, 36 других военных и более 300 транспортных судов. Всего вместе с экипажами кораблей в Египет отправилось 54 тыс. человек.

19 мая 1798 г. эскадра Брюэйса с ядром Восточной армии на борту покинула Тулон и взяла курс на Корсику. По пути к ним присоединились корабли с французскими войсками из Генуи, затем — из Аяччо. Далее флот направился к Мальте, возле которой его догнал конвой с войсками — из Чивитавекки. 9 июня французские корабли бросили якоря у побережья Мальты, принадлежавшей с 1530 г. Ордену госпитальеров²⁰.

Бонапарт потребовал у Великого магистра ордена разрешения войти французскому флоту в гавань Ла Валетты для пополнения запасов пресной воды и продовольствия. Магистр согласился впускать не более четырех кораблей одновременно. Это ограничение дало Бонапарту предлог для нападения. Великому магистру объявили: «Генерал Бонапарт намерен силой обеспечить себе то, что ему должны были предоставить в соответствии с основополагающими для вашего ордена принципами гостеприимства»²¹. 10 июня французские войска высадились на берег и начали штурм Ла Валетты. 11 июня орден капитулировал²². Мальта была объявлена французским владением и занята гарнизоном в 3 тыс. человек. За неделю пребывания на острове Бонапарт установил там республиканскую форму правления, назначил новую администрацию, захватил сокровища госпитальеров и освободил принадлежавших ордену рабов-мусульман. Молодых рыцарей включили в состав французской армии, старым дали пенсию и позволили уехать в Европу. 18 июня французский флот направился к берегам Египта.

Вопреки предположению Талейрана, британское адмиралтейство сумело выделить для действий в Средиземном море эскадру в 14 линейных кораблей под командованием адмирала Г. Нельсона. В мае — июне она крейсировала близ Гибралтара, чтобы перехватить французов, если те двинутся к Британским островам. Не дождавшись там неприятеля, Нельсон направился к Сицилии, где 20 июня узнал о захвате Бонапартом Мальты. Поняв, что путь французов лежит на восток, Нельсон ринулся следом. В ночь с 22 на 23 июня он догнал французский флот, движение которого задерживали медлительные транспортные суда. Однако в темноте англичане не заметили неприятеля и промчались вперед. 28 июня они прибыли в Александрию. Не найдя неприятеля и там, Нельсон день спустя ушел к Кипру, откуда вновь взял курс обратно на Сицилию.

²⁰ Подробнее см.: *Desmond G. Malta, Britain and the European Powers, 1793–1815.* London, 1996. P. 21–47.

²¹ Послание Бонапарта Великому магистру от 10 июня 1798 г. // *Correspondance de Napoleon.* Т. 4. Paris, 1860. P. 180.

²² См.: Соглашение о капитуляции от 12 июня 1798 г. // *Ibid.* P. 184–186.

Французский флот приближался к берегам Египта. Бонапарт 30 июня отправил на разведку в Александрию фрегат «Юнона». Тот вернулся с известием, что днем ранее в этом порту побывала эскадра Нельсона. Близость неприятеля заставила Бонапарта отказаться от запланированного им одновременного захвата Александрии, Розетты и Дамьетты с последующим наступлением на Каир вдоль Нила. Решено было срочно, пока не вернулись англичане, высадить всю армию в 12 км западнее Александрии в бухте Марабу, куда французский флот вошел 1 июля.

В ночь на 2 июля часть армии была переправлена с кораблей на берег. Ни артиллерии, ни лошадей высадить не удалось. Под личным командованием Бонапарта дивизии Клебера, Мену и Бона, общей численностью до 5 тыс. человек, вышли утром к Александрии и в 10 часов начали ее штурм. Жители города отчаянно сопротивлялись, встречая французов беспорядочным огнем и градом камней. Но солдаты Бонапарта сумели вскарабкаться на стены и после семи часов уличных боев овладели городом. В Александрии Бонапарт опубликовал прокламацию на арабском языке, где говорилось, что французы воюют лишь с мамлюками, но не с египтянами²³.

Пока в последующие несколько дней Бонапарт обустроивал управление захваченным городом, дивизия Дезе выступила к Даманхуру вдоль канала Александрии, сухого в это время года. Дивизия генерала Ш. Дюга, заменившего раненого Ж.-Б. Клебера, направилась к Розетте.

Получив известия о начале французского вторжения, лидеры мамлюков и фактические правители Египта Ибрагим-бей и Мурад-бей созвали в Каире наиболее влиятельных мамлюкских беев, шейхов и улемов, чтобы обсудить с ними сложившуюся ситуацию. Собрание решило обратиться к султану за помощью, а Мурад-бея направить с мамлюкской конницей против французов²⁴.

6–7 июля основные силы Восточной армии с Бонапартом во главе двинулись по следам Дезе к Даманхуру, откуда после привала армия направилась к расположенному на Ниле городу Рахмания, куда прибыла 10 июля. Марш по пустыне выдался очень тяжелым из-за жары и нехватки питьевой воды. На переходе от Даманхура к Рахмании французы впервые были атакованы конными мамлюками (1–1,5 тыс.), но успешно отразили нападение, использовав легкую артиллерию. 11 июля к Рахмании из Розетты подошли также дивизия Ш. Дюга и созданная там речная флотилия под командованием Ж.-Б. Перре.

Узнав, что с юга к Рахмании приближается войско Мурад-бея, Бонапарт двинулся навстречу и 13 июля атаковал мамлюков у деревни Шубрахит. Сражение развернулось одновременно на суше и на Ниле, где сошлись в бою две флотилии. На воде преимущество изначально было на стороне служивших Мурад-бею греческих моряков: они при поддержке береговой артиллерии мамлюков метким огнем вынудили французов бросить три из имевшихся у них пяти кораблей. Однако в поле все атаки мамлюкской конницы были отбиты французской пехотой, построенной в пять дивизионных каре, внутри которых укрывались обозы и немногочисленная кавалерия. Перейдя затем в наступление, войска Бонапарта захватили артиллерию неприятеля, чем облегчили положение своей флотилии. Шебека Перре удачным залпом накрыла египетский флагман, у которого взорвался пороховой погреб, после чего мамлюки отступили и на воде, и на суше.

В последующие дни французские войска, жестоко страдая от жары, дизентерии и недостатка продовольствия, продолжили движение к Каиру по левому берегу Нила. Нехватка лошадей не позволяла кавалерии организовать полноценную разведку, и Бонапарт вел армию, не зная, где именно находится неприятель и какими силами располагает.

Тем временем Ибрагим-бей и Мурад-бей мобилизовали ополчение из горожан и крестьян-феллахов, которое вместе с конницей мамлюков должно было встретить врага на

²³ Ibid. P. 62–64.

²⁴ Al-Jabarti's Chronicle of the First Seven Months of the French Occupation of Egypt. Leiden, 1975. P. 37–38.

подступах к Каиру. Получив ошибочную информацию, что французы движутся по обоим берегам Нила, мамлюки разделили свои силы примерно пополам: Ибрагим-бей занял позицию на правом берегу возле каирского пригорода Булак, Мурад-бей – на левом, возле деревни Имбаба.

20 июля Бонапарт, дойдя до Омм-Динара, узнал о нахождении неприятеля у деревни Имбаба. 21 июля в 2 часа ночи французская армия выступила в этом направлении и к 4 часам пополудни вышла на дистанцию атаки. Правый фланг Мурад-бея опирался на деревню Имбаба, укрепленную ретраншементами. Ее обороняли турецкая пехота (аранавты) и местные ополченцы при поддержке 40 орудий. На левом фланге египтян располагалось ополчение, а также основные силы мамлюкской конницы – до 6 тыс. сабель. Общая численность сил Мурад-бея не известна, но она, считается, была сопоставима с численностью французской армии, в которой было примерно 25 тыс. человек. Правда, по своему вооружению и боевым качествам египетские ополченцы бесконечно уступали французской пехоте. К тому же французы имели более дальнобойные пушки и ружья, чем их противники.

Французская армия наступала пятью дивизионными каре: на правом фланге – дивизии Дезе и Рейнье, в центре – дивизия Дюга, на левом фланге – дивизии Виалья и Бона. Кавалерия мамлюков атаковала правый фланг французов, но не смогла прорвать каре и была с потерями отброшена ружейным огнем. На левом фланге дивизии Виалья и Бона штурмом взяли укрепления Имбабы, вынудив их защитников спасаться вплавь через Нил, где многие утонули. Войска Ибрагим-бея с другого берега могли лишь наблюдать за разгромом Мурад-бея, не имея возможности переправиться. «Битва при Пирамидах», как Бонапарт назвал происшедшее в письме Директории, открыла ему доступ в Каир. 22 июля город сдался без боя. Мурад-бей со своими мамлюками ушел в Верхний Египет, а Ибрагим-бей со своими – в Бельбейс, северо-восточнее Каира.

Выставив южнее Каира заслон против Мурад-бея, Бонапарт двинул основные свои силы на завоевание Дельты. Дивизия Виалья 26 июля выступила на север по правому берегу Нила. 4 августа она заняла Мансуру, а 6 августа – Дамьетту. Против Ибрагим-бея были направлены три французские дивизии. 9 августа они без боя заняли Бельбейс, но уже 11 августа Ибрагим-бей атаковал их при Салихии и в кавалерийском бою нанес чувствительные потери. Тем не менее ему все же пришлось уйти со своими мамлюками в Сирию перед лицом превосходящих сил неприятеля. Завоевание Нижнего Египта французами успешно завершилось. Однако уже 13 августа Бонапарт узнал о морском сражении при Абукире, радикально изменившем стратегическое положение его армии.

После высадки в Египте Бонапарт не разрешил эскадре Брюэйса уйти обратно во Францию или на Ионические острова, и она встала на якорь в Абукирском заливе. 28 июля Нельсон в греческом городе Корон узнал, что французы высадились в Египте, и направился к его берегам с 14 линейными кораблями. Вечером 1 августа 1798 г. вытянувшийся вдоль берега французский флот (13 линейных кораблей и 4 фрегата) был атакован англичанами. 3 тыс. человек из французских экипажей находилось на берегу, из-за чего Брюэйс не мог вывести эскадру в море и вынужден был вести бой на рейде. Корабли Нельсона, идя двумя параллельными линиями, взяли в «клещи» голову и центр французской эскадры. Подойдя на максимально близкую дистанцию, наиболее эффективную для использования каронад, в которых они имели значительный перевес, английские корабли встали на якоря и с двух сторон начали обстрел линии неприятеля. Французы из-за нехватки людей не могли в полную силу вести огонь с обоих бортов. В ночном бою, длившемся 18 часов, англичане уничтожили 2 французских линейных корабля и 2 фрегата, а 9 линейных кораблей захватили. Французы потеряли 1700 человек убитыми, включая адмирала Брюэйса, и 1500 ранеными, англичане – чуть более 200 человек убитыми и около 700 ранеными²⁵.

²⁵ См.: Warner O. The battle of the Nile. London, 1960; Lavery B. Nelson and the Nile: the naval war against Bonaparte, 1798. London, 1998.

В результате сражения при Абукире, названного в Британии «Битвой на Ниле», английский флот установил полное господство на Средиземном море, перерезав сообщение армии Бонапарта с Францией. После трех месяцев славы для Восточной армии наступили три года страданий.

Бонапарт заверял население Египта, что французы воюют только против мамлюков, но не против султана или египтян, но местные жители отнеслись к незванным пришельцам весьма враждебно. Не помогло и распространение французами листовок на арабском языке о глубоких симпатиях к исламу. Мусульмане им не верили. Современник тех событий шейх ал-Джабарты записал в своей хронике: «Эти люди — враги и христиан, и мусульман, они не исповедуют никакой религии. Это — материалисты, отрицающие все свойства Бога»²⁶.

Сопrotивление захватчикам началось с первых же дней их пребывания в Египте. Уже во время марша Восточной армии из Александрии в Каир за ней следовали всадники-бедуины, которые убивали отставших солдат или уводили в плен, где подвергали сексуальному насилию. Но если для кочевых племен война была привычным образом жизни, то крестьяне-феллахи обычно брались за оружие в исключительных случаях — для защиты своей жизни и собственности. Тем не менее уже в июле — августе 1798 г. феллахи, часто вместе с бедуинами, стали совершать массовые нападения на французские войска, как, например, 17 июля под Даманхуром или 10 августа под Мансурой. 17 сентября в окрестностях Дамьетты вспыхнуло большое восстание местных жителей под руководством влиятельного шейха Хасана Тубара, которое удалось подавить лишь к началу октября²⁷.

Необходимость ведения боевых действий против многочисленных отрядов повстанцев на труднопроходимой местности и в населенных пунктах, где различие между вооруженным противником и гражданским населением было достаточно условным, заставила французов в Египте вспомнить Вандею и использовать полученный там опыт. В борьбе против египетских повстанцев Восточная армия часто прибегала к террору против целых деревень, возлагая на их жителей коллективную ответственность за случившиеся поблизости нападения на французских военнослужащих. Участник экспедиции художник Д.В. Денон свидетельствует: «Мы ежедневно и почти неизбежно творили несправедливости. Из-за того, что отличать врагов по форме и ее цвету было сложно, мы вынуждены были каждый день убивать невинных крестьян»²⁸. Широко использовалась ранее применявшаяся в Вандее тактика мобильных колонн. Наиболее крупной из них стала дивизия Дезе (3 тыс.), направленная 25 августа с военной флотилией в Верхний Египет для преследования Мурад-бея.

Осенью 1798 г. стратегическая ситуация и для Восточной армии, и для всей Франции резко осложнилась. Когда в Константинополе узнали о высадке французов в Египте, Порта начала 1 августа переговоры о военном союзе с Великобританией. 2 сентября против французов восстало население Мальты, на помощь которому прибыли португальская и английская эскадры. 4 сентября для защиты султана от французов в Босфор вошла русская эскадра адмирала Ф.Ф. Ушакова (6 линейных кораблей и 6 фрегатов). Начались переговоры о русско-турецком военном союзе.

Получив поддержку от других держав, султан 9 сентября объявил Франции священную войну — джихад и призвал всех мусульман принять в ней участие. В Египте об этом узнали от прибывших из Сирии агентов Ибрагим-бея, и сопротивление оккупантам приобрело еще больший размах. Прежние противоречия между различными категориями мусульманского населения — турецкими военными, мамлюками, феллахами, бедуинами — отошли на второй план перед необходимостью объединить силы против неверных. Борьба с оккупантами развернулась по всей территории страны в форме герильи. В октябре 1798 г. вспыхнули и были жестоко подавлены французами массовые восстания в городах Танта и Бельбейс.

²⁶ Al-Jabarti's Chronicle... P. 47.

²⁷ Подробнее см.: *La Jonquière Cl., de.* Op. cit. T. 3. P. 75–192; *Cole J.* Op. cit. P. 161–167.

²⁸ *Vivant Denon D. Voyage dans la Basse et la Haute Égypte, pendant les campagnes du général Bonaparte.* Paris, 1802. P. 158.

Возле Александрии, Розетты и Дамьетты поддержку повстанцам оказывал британский флот, блокировавший эти порты.

В Файюмском оазисе при Седимане дивизию Дезе 7 октября атаковало примерно 10 тыс. мамлюков, бедуинов и феллахов под командованием Мурад-бея. Французская пехота привычно построилась в три каре, но мамлюкской коннице удалось прорвать одно из них и нанести французам значительные потери. Впрочем, Дезе сумел исправить положение и в конечном счете одержал победу²⁹.

21 октября в 10 часов утра началось восстание в Каире. Вооруженная чем попало городская чернь, подстрекаемая низшим духовенством, атаковала французов и местных христиан. Комендант Каира генерал П.Л. Дюпюи был убит толпой. Утром 22 октября к городу подошли отряды бедуинов, но французская кавалерия их отогнала. В полдень артиллерия французов начала массированную бомбардировку жилых кварталов Каира. К вечеру повстанцы сдались. 23 октября французы вернули себе контроль над всем городом. Руководители восстания были казнены³⁰.

В ноябре – декабре 1798 г. тысячи добровольцев из Хиджаза прибыли в Верхний Египет для участия в джихаде. 22 января 1799 г. дивизия Дезе при Самануде встретила армию Мурад-бея, состоящую из мамлюков, бедуинов и хиджасских добровольцев. На этот раз три французских каре успешно отразили нападение восточной конницы, а контратака французской кавалерии довершила разгром неприятеля.

Однако герилья против французов не утихала.

В декабре 1798 г. из перехваченного письма Юсуф-паши, великого визиря Османской империи, Ибрагим-бею и Мурад-бею французское командование узнало о подготовке комбинированного наступления турецкой армии на Египет – по суше со стороны Сирии в сочетании с высадкой десанта на средиземноморском побережье. Бонапарт принял решение разбить неприятеля по частям, разгромив турок в Сирии и вернувшись в Египет до того, как наступит благоприятное для высадки десанта время года. Январь 1799 г. ушел на ускоренную подготовку экспедиции. Для нее был выделен корпус в 13 тыс. человек, который возглавил сам Бонапарт. Из-за нехватки времени создать достаточные запасы провианта и фуража не удалось, а потому армия была вынуждена снабжаться тем, что захватит у неприятеля. Это ставило успех предприятия в зависимость от случая и придавало ему в некоторой степени авантюристический характер³¹.

Кампания началась 6 февраля, когда дивизия Рейнье выступила из Катии в направлении форта Эль-Ариш. Приблизившись к нему 8 февраля, французы обнаружили превосходившие их силы турок и мамлюков, которые держали оборону не только в форте, но и в примыкавшей к нему хорошо укрепленной деревне. 9 февраля дивизия Рейнье штурмом взяла деревню, понеся, однако, чувствительные потери. Основные силы неприятеля отступили, встав лагерем на дороге к Газе. Гарнизон же форта, числом до 1 тыс. человек, продолжил сопротивление. 13 февраля к Эль-Аришу подошла дивизия Клебера, которая блокировала форт и освободила войска Рейнье для наступления на Газу. В ночь на 15 февраля части Рейнье обошли с тыла вражеский лагерь на дороге в Газу и стремительной атакой разгромили турок и мамлюков, захватив столь необходимые французам запасы провианта и фуража. «Если бы не сухари, захваченные у противника, наши солдаты со вчерашнего дня не имели бы вообще никакого провианта», – докладывал Клебер Бонапарту. После прибытия 17 февраля к Эль-Аришу Бонапарта с основными силами армии началась регулярная осада форта, завершившаяся 20 февраля капитуляцией гарнизона.

21 февраля французские войска возобновили продвижение к Газе, заняв ее 24 февраля. Захваченные там обильные запасы провианта и фуража позволили Бонапарту продолжить

²⁹ *La Jonquière Cl., de. Op. cit. Т. 3. P. 193–228.*

³⁰ Подробнее см.: Al-Jabarti's Chronicle... P. 93–103; *La Jonquière Cl., de. Op. cit. Т. 3. P. 271–342; Cole J. Op. cit. P. 203–221.*

³¹ Подробное описание Сирийской кампании см.: *La Jonquière Cl., de. Op. cit. Т. 4; Schur N. Napoleon in the Holy Land. London, 1999.*

поход на север. 3 марта французы осадили крепость Яффа, которую оборонял гарнизон в 5 тыс. человек. Утром 7 марта начался штурм. В 14 часов войска сквозь брешь в стене ворвались в крепость и к 17 часам полностью овладели ею, подвергнув город жесточайшему разграблению. Остатки гарнизона сложили оружие после обещания Е. Богарне и Ф. Круазье, адъютантов Бонапарта, сохранить пленным жизнь. Однако Бонапарт дезавуировал их обещание и приказал перебить сдавшихся в плен. Было убито до 2,5 тыс. военнопленных. Французы захватили в Яффе большие запасы провизии и боеприпасов. Но там же среди французских военных были зафиксированы и многочисленные случаи заболевания чумой. Чтобы избежать паники, Бонапарт приказал врачам держать этот диагноз в секрете и лично навещал больных в госпитале. 14 марта армия продолжила движение на север.

19 марта французы подошли к крепости Акра, где находилась резиденция Ахмад-паши, правителя эялетов Сидона и Дамаска, имевшего прозвище аль-Джезар (Мясник). Прикрывшись со стороны Галилеи кавалерийской дивизией И. Мюрата, армия приступила к осаде Акры. Одновременно Бонапарт попытался привлечь на свою сторону противников аль-Джезара из числа местного населения: шиитов, друзов, маронитов, палестинских арабов. Они действительно стали поставлять продовольствие французам, но военной помощи, которой ожидал от них Бонапарт, не оказали.

Осада затруднялась отсутствием у французов тяжелой артиллерии. Осадные орудия, отправленные по морю на транспортных судах, были перехвачены британской эскадрой командора С. Смита и усилили оборону Акры. Английские корабли постоянно бомбардировали французские позиции, а английские военные помогли защищать крепость. На два неудачных штурма, предпринятых французами 28 марта и 1 апреля, осажденные под командованием английских офицеров ответили двумя мощными вылазками 30 марта и 7 апреля.

Тем временем в Галилее ширилась герилья местных жителей против французов. На поддержку Мюрата туда 9 апреля отправилась дивизия Клебера. 13 апреля Клебер доложил Бонапарту об идущих из Дамаска войсках неприятеля, а утром 15 апреля сообщил, что собирается их атаковать. Получив его донесение, Бонапарт повел ему на помощь дивизию генерала Бона. Клебер хотел ночью 16 апреля атаковать неприятельский лагерь у горы Фавор, но из-за долгого марша вышел на рубеж атаки лишь с восходом солнца и был обнаружен дозорными противника. Его дивизия (около 2 тыс.) оказалась окружена 35-тысячной турецкой армией. Построившись в каре, французы в течение 11 часов отражали атаки неприятеля. Когда боеприпасы у них уже были на исходе, к месту сражения подошел Бонапарт с дивизией Бона (2 тыс.) и атаковал турок с тыла. Оказавшись меж двух огней, те побежали. Победа французов при горе Фавор побудила население Галилеи отказаться от герильи.

Хотя аль-Джезар лишился надежды на помощь со стороны Галилеи и Дамаска, гарнизон Акры продолжал отчаянно сопротивляться. Штурмы 24 апреля и 1 мая были отбиты с большими потерями для нападавших. Получив осадную артиллерию из Египта, французы все же сумели пробить большую брешь в стене крепости и 8 мая предприняли новый штурм. Они прорвались сквозь пролом, но оборонявшиеся их выбили. Руководивший штурмом генерал Ж. Ланн был тяжело ранен.

10 мая состоялся последний штурм Акры, и вновь французов отбросили, нанеся им большой урон. Смертельное ранение получил генерал Л.А. Бон. Вечером того же дня Бонапарт решил снять осаду и начать подготовку к отступлению.

Чтобы избавиться от лишних боеприпасов, город в течение последующих дней подвергался интенсивной бомбардировке. В ночь на 21 мая французская армия, бросив большую часть своей артиллерии и оставляя по пути заболевших чумой, двинулась в обратный путь. Стремясь затруднить неприятелю преследование, Бонапарт приказал применять тактику выжженной земли на всем пути прохождения армии. Но аль-Джезар не стал преследовать французов, и Бонапарт практически беспрепятственно увел свои войска в Египет, оставив все ранее захваченные им крепости, кроме Эль-Ариша.

Уход большей части Восточной армии в Сирию существенно ограничил возможности оставшихся в Египте французских войск контролировать ситуацию. Вооруженное

сопротивление оккупантам нарастало. В западной части Дельты французы вынуждены были отражать вторжения бедуинов из пустыни, в восточной — бороться с локальными восстаниями феллахов.

В Верхнем Египте войска Дезе по-прежнему подвергались нападениям мамлюков Мурад-бея, местных крестьян и продолжавших прибывать из Хиджаза добровольцев. 3 марта 1799 г. французская флотилия на Ниле, отстав от сухопутных войск, подверглась неожиданной атаке с берега и понесла тяжелые потери в личном составе. Флагманский корабль «Италия» был сожжен неприятелем.

В апреле 1799 г. в Западной Дельте началось восстание под руководством некоего марокканца, который объявил себя Махди, пророком последних времен. В ночь с 24 на 25 апреля Махди с отрядом крестьян уничтожил французский гарнизон в Даманхуре. Прибывшая из Александрии мобильная колонна генерала П. Ланюса совершила 9 мая акцию возмездия, истребив население Даманхура и разрушив сам город. «Даманхура больше нет; от 1200 до 1500 его обитателей сожжены или расстреляны», — доложил Ланюс³². 4 июня он нанес решающее поражение сторонникам Махди и рассеял их.

С возвращением в июне 1799 г. из Сирии Бонапарта с основными силами Восточной армии крупные восстания прекратились, но герилья продолжалась. 23 июня жертвой одного из нападений партизан стал командующий артиллерией армии генерал Э.О. Доммартен.

Стратегическая ситуация в регионе для французов также ухудшалась. 20 февраля 1799 г. русско-турецкая эскадра адмирала Ушакова вынудила капитулировать французский гарнизон острова Корфу, освободив от французов Ионические острова. 4 мая 1799 г. английские войска взяли штурмом Серингапатам, столицу Майсура. Султан Типу-Сахиб, который, согласно плану Талейрана, должен был стать главным союзником французов в Индии, погиб. В апреле-июне русская армия А.В. Суворова разбила французов в Северной Италии. 21 июня неаполитанские повстанцы при поддержке русских моряков заняли Неаполь. С утратой прежних позиций в Средиземноморье возможности Французской Республики оказать помощь Восточной армии быстро таяли.

14 июля 1799 г. английская эскадра высадила на полуострове Абукир турецкую армию Мустафы-паши (15–18 тыс.). Французский гарнизон форта Абукир был перебит. Подходы к полуострову турки перекрыли тремя линиями укреплений. Бонапарт собрал все имевшиеся у него под рукой войска (10–12 тыс., в том числе 1 тыс. кавалерии) и выступил с ними из Каира против неприятеля. Утром 25 июля французы атаковали турецкие позиции под Абукиром. Около полудня атака кавалерии под командованием Мюрата принесла перелом в сражении. Турецкая оборона была прорвана, армия Мустафы-паши разбита, сам он взят в плен. Несколько тысяч турецких солдат утонуло, пытаясь добраться до кораблей вплавь. Турецкий гарнизон форта Абукир (2 тыс.) продолжал сопротивляться до 2 августа, но затем капитулировал из-за нехватки припасов.

В ходе переговоров относительно обмена пленными Бонапарт получил от командора Смита газеты с известиями об ухудшении военной ситуации Французской Республики, после чего начал тайно готовиться к возвращению на родину. 22 августа он со своим ближайшим окружением скрытно отплыл из Египта, оставив генералу Мену письмо, в котором сообщал, что назначает Клебера новым командующим Восточной армией.

Уезжая во Францию, Бонапарт велел Клеберу удерживать Египет до последней возможности. Только в самом крайнем случае — если к маю 1800 г. из Франции не будет ни вестей, ни подкреплений и если за это время чума унесет 1,5 тыс. жизней французских солдат — Бонапарт разрешал своему преемнику заключить с турками соглашение об эвакуации Восточной армии из Египта³³.

³² *La Jonquière Cl., de. Op. cit. T. 5. P. 87.*

³³ Инструкции Бонапарта Клеберу см.: *La Jonquière Cl., de. Op. cit. T. 5. P. 593–606.*

Получив письмо Бонапарта 24 августа, Клебер вынужден был принять командование армией³⁴. Ознакомившись с состоянием дел, он 26 сентября 1799 г. написал подробный отчет Директории о том плачевном положении, в котором Бонапарт оставил войска: огромная убыль личного состава от военных действий и болезней, дефицит боеприпасов и снаряжения, гигантский долг, в том числе по жалованию солдатам³⁵. Свой отчет Клебер завершил выводом: у него нет иного выхода, как вступить в переговоры с великим визирем и как можно скорее урегулировать конфликт Франции с Османской империей³⁶.

Одновременно Клебер отправил послание великому визирю Юсуф-паше с предложением о мирных переговорах, но тот ответил, что согласен обсуждать лишь вопрос об эвакуации французской армии из Египта, обещав, что турецкий флот доставит ее на родину со всем вооружением. 10–11 октября армия Юсуф-паши выступила из Дамаска к Яффе.

1 ноября 1799 г. турки в окрестностях Дамьетты начали высадку с кораблей 7-тысячного корпуса янычар. Первая волна десанта состояла из 3 тыс. человек. Под прикрытием корабельной артиллерии они выгрузились со шлюпок и уже начали окапываться, когда подверглись стремительной атаке французской пехоты и кавалерии общей численностью до 1 тыс. человек. Не сделав ни единого выстрела и действуя исключительно штыками и саблями, французы под командованием генерала Ж.-А. Вердые сломили сопротивление неприятеля и опрокинули его в море³⁷.

Но уже 23 ноября те же самые части гарнизона Дамьетты, которые отличились в этом сражении, взбунтовались и отказались подчиняться командирам, требуя выплатить долги по жалованию. Лишь два дня спустя, получив часть требуемой суммы и убедившись, что выступление не поддержано гарнизонами других городов, бунтовщики согласились повиноваться.

Великий визирь, узнав о гибели десанта под Дамьеттой, решил начать переговоры о взаимоприемлемых условиях эвакуации французской армии из Египта и поручил их ведение командору Смиуту. Однако Клебер затягивал начало переговоров, рассчитывая на то, что продолжительное пребывание турецких войск в Палестине, которую французы при отступлении от Акры превратили в выжженную землю, создаст туркам трудности со снабжением и ослабит армию Юсуф-паши. 2 декабря 1799 г. на совещании у визиря в Яффе с участием представителей Англии и России было принято решение захватить форт Эль-Ариш, чтобы поторопить французского командующего³⁸. 5–7 декабря турецкая армия перешла из Яффы в Газу. Находившиеся при ней английские офицеры и французские эмигранты-роялисты приступили к целенаправленному распространению среди личного состава гарнизона Эль-Ариша пораженческих настроений. В гарнизоне находились многие участники недавнего бунта в Дамьетте, а потому инсинуации противника быстро нашли у них отклик.

Переговоры командора Смиута и французских уполномоченных – генерала Л.Ш.А. Дезе и администратора финансов армии Ж.-Б. Э. Пусьельга – на корабле «Тигр» начались 22 декабря. В тот же день турецкая армия осадилась Эль-Ариш. В течение нескольких дней гарнизон успешно оборонялся. Но уже 26 декабря часть военнослужащих потребовала у коменданта сдать форт противнику. Комендант сумел удержать ситуацию, но 29 декабря с началом штурма форта турками заговорщики подняли мятеж и впустили неприятеля внутрь стен. Ворвавшиеся в форт турки принялись резать всех подряд без разбора, включая тех,

³⁴ Подробнее о событиях того периода, когда во главе Восточной армии стоял Клебер см.: *Rousseau F. Kléber et Menou en Égypte depuis le départ de Bonaparte*. Paris, 1900; *Чудинов А.В.* Указ. соч.

³⁵ *Kléber en Égypte 1798–1800*. Т. 2. Paris, 1988. P. 515–532.

³⁶ Клебер – Великому визирю, 21 сентября 1799 г. // *Kléber en Égypte 1798–1800*. Т. 3. Paris, 1995. P. 83–89.

³⁷ Рапорт генерала Вердые от 2 ноября 1799 г. // *Ibid.* P. 313–315.

³⁸ Конференция командора Смиута с Великим визирем 2 декабря 1799 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 89/8. Оп. 8. Д. 906. Л. 50–52.

кто только что им помог. А после того, как в общей сумятице взорвался пороховой погреб форта, погубив немало турецких солдат, уцелевшие перебили в ярости часть пленных³⁹.

Узнав об обстоятельствах падения Эль-Ариша и о произошедшем в те же дни бунте гарнизона Александрии, Клебер вынужденно форсировал соглашение с великим визирем об эвакуации французов из Египта. 23 января 1800 г. в Эль-Арише был подписан соответствующий документ⁴⁰. Французы должны были в течение трех месяцев очистить Египет и отправиться с оружием и вещами на турецких кораблях во Францию. На время подготовки к эвакуации объявлялось перемирие. Стороны согласовали график передачи туркам всех укрепленных пунктов по пути следования армии великого визиря от Эль-Ариша до Каира.

19 февраля войска Юсуф-паши (60–80 тыс.) вступили в Бельбейс. Французы тем временем перевозили из Каира в Александрию тяжелую артиллерию и снаряжение. Предполагалось сдать Каир туркам после прибытия из Верхнего Египта дивизии генерала Л. Фриана, принявшего командование ею от Л.Ш.А. Дезе, который, пользуясь перемирием, уехал во Францию.

10 марта Ж.-Б. Клебер узнал от командора С. Смита, что командующий английским флотом в Средиземном море адмирал Дж. Кейт до получения соответствующих инструкций из Лондона готов выпустить французов из Египта только в качестве пленных. Клебер предложил великому визирю отвести турецкую армию от Каира до урегулирования вопроса. Юсуф-паша отказался, предложив следовать Эль-Аришскому соглашению. 12 марта основные силы великого визиря приблизились к Каиру на расстояние 4-часового перехода и встали лагерем в Эль-Ханка. Турецкий авангард под командованием Насуф-паши и мамлюки Ибрагим-бея заняли деревню Матария в двух часа пути от города. Клебер, затягивая переговоры, дождался подхода своих войск из Верхнего Египта и возвращения тяжелой артиллерии из Александрии, заключил с подошедшим к Каиру Мурад-беем соглашение о нейтралитете и 19 марта известил великого визиря о разрыве перемирия.

В ночь на 20 марта французская армия (13 тыс. при 40 орудиях) выступила из Каира к Матарии, расположенной близ руин древнего Гелиополиса, по имени которого и было названо это сражение. На левом фланге шла дивизия Рейнье, построенная в два бригадных каре, на правом – дивизия Фриана, построенная таким же образом. Центр занимала кавалерия. Приблизившись к Матарии, дивизия Рейнье изготавилась к фронтальной атаке, а дивизия Фриана начала обходить позиции турецкого авангарда справа, чтобы выйти ему в тыл и отрезать пути отступления. Обходной маневр еще не был завершен, когда паша прислал к Клеберу парламентаря, предложив обсудить отход турецкой армии от Каира. Клебер остановил движение дивизии Фриана и отправил курьера к Рейнье с приказом воздержаться от атаки на время переговоров. Однако солдаты Рейнье уже пошли на штурм турецких позиций. Отряды Насуф-паши и Ибрагим-бея были опрокинуты, но, поскольку дивизия Фриана не перекрыла им пути отхода, бежали в Каир. С их приходом там вспыхнуло антифранцузское восстание.

Взяв деревню Матария, французская армия двинулась к Эль-Ханке. На полпути она столкнулась с основными силами Юсуф-паши. Атаки турецкой конницы были отбиты залпами картечи. Понеся значительные потери, турки стали отступать. Французы их преследовали и к концу дня заняли лагерь неприятеля⁴¹.

21 марта Клебер продолжил наступление. В Бельбейсе французы окружили и вынудили сдать вражеский арьергард. 23 марта они нанесли поражение неприятелю у Кораима, а 24-го вступили в Салихию. Остатки армии великого визиря бежали в пустыню, где стали жертвой голода, жажды и бедуинов.

³⁹ См.: La chute d'El-Arich (Décembre 1799) / preface et annoté par G. Wiet. Cairo, 1945.

⁴⁰ Текст Эль-Аришского соглашения см.: Kléber en Égypte 1798–1800. T. 4. Paris, 1995. P. 541–547.

⁴¹ Tchoudinov A. La bataille d'Héliopolis, ou la victoire oubliée // Napoleonica. La Revue. 2015. № 3 (24). P. 5–47.

Несмотря на победу при Гелиополисе, положение французов оставалось сложным: из крупных городов под их контролем оставались только Александрия и Розетта. Клеберу предстояло завоевать Египет вторично.

Отправив бригаду генерала О.Д. Бельера в Дамьетту, ранее сданную неприятелю по Эль-Аришскому соглашению, Ж.-Б. Клебер повел основные силы своей армии на помощь французскому гарнизону Каира, который с 20 марта вел неравную борьбу против турок, мамлюков и всего мусульманского населения города.

27 марта Клебер лично возглавил осаду мятежной столицы. Убедившись, что находящихся в его распоряжении сил недостаточно для подавления восстания силой, он прибег к дипломатии, используя противоречия между арабской верхушкой города, турками и мамлюками. Чтобы ослабить волю лидеров восстания к сопротивлению, Клебер применял метод кнута и пряника. Пример Мурад-бея, который за согласие подчиниться французам был назначен ими правителем Верхнего Египта, наглядно показывал выгоды сотрудничества с оккупантами. Судьба же каирского пригорода Булак, который 15 апреля был взят штурмом и разгромлен с крайней жестокостью, продемонстрировала, что ожидает непокорных. О том же напоминала круглосуточная артиллерийская бомбардировка жилых кварталов города.

Решающим аргументом Клебера стал начатый в ночь с 18 на 19 апреля генеральный штурм Каира. Хотя ни одна из семи французских штурмовых колонн не выполнила поставленную перед ней задачу и все их атаки были отбиты с большими потерями для нападающих, демонстрация решительного настроя французского главнокомандующего заставила предводителей восстания дрогнуть и 21 апреля подписать капитуляцию⁴².

Египет был вторично завоеван. Однако 14 июня 1800 г. прибывший из Алеппо шахид заколол Клебера кинжалом⁴³.

Успешная весенняя кампания 1800 г. обеспечила преемнику Клебера, генералу Мену, мирную передышку на протяжении целого года. За это время военно-политическое положение Франции заметно улучшилось. Из-за конфликта с Англией о принадлежности Мальты Вторую коалицию покинула Россия. Поражения от французов при Маренго и Гогенлиндене вынудили Австрию подписать сепаратный мир. Возвращение французов в Италию усилило их позиции в Средиземноморье и приблизило базы их флота к Египту. Сообщение между метрополией и Восточной армией стало более регулярным. Удалось даже перебросить небольшое подкрепление из Франции в 1 тыс. человек.

Однако Мену не только не сумел использовать благоприятную конъюнктуру для улучшения положения армии, но своими действиями даже усугубил его. Опытный администратор, он не имел в послужном списке значимых военных побед и не пользовался уважением в войсках. Его брак с мусульманкой и переход в ислам также не добавили ему симпатий подчиненных. Провозглашенный же им курс на колонизацию Египта и подчеркнута негативное отношение к политике предшественника, пытавшегося обеспечить эвакуацию армии на почетных условиях, серьезно деморализовали французских солдат и офицеров, мечтавших о скорейшем возвращении на родину. И, наконец, авторитарная манера принятия решений без консультации с военным советом поссорила Мену с верхушкой генералитета. Летом-осенью 1800 г. конфликты главнокомандующего с дивизионными генералами происходили практически непрерывно.

В феврале 1801 г. правитель Верхнего Египта Мурад-бей передал Мену сведения, полученные из Сирии от Ибрагим-бея, о скором комбинированном наступлении англичан и турок: английские войска из Европы должны были высадиться на средиземноморском побережье Египта, английские войска из Индии — на побережье Красного моря в районе Суэца, а турецкая армия из Сирии под командованием великого визиря — вторгнуться

⁴² Rapport fait au Gouvernement français...

⁴³ См.: Recueil des pièces relatives à la procédure et au jugement de Soleyman El-Haleby, assassin de général en chef Kléber. Cairo, 1800.

через Синай. Но Мену не поверил Мурад-бею и не принял необходимых мер для подготовки к отражению врага.

1 мая 1801 г. в Абукирский залив вошла английская эскадра с экспедиционным корпусом (15 тыс.) генерала Р. Аберкромби на борту⁴⁴. Плохая погода целую неделю не позволяла начать десантирование, но Мену не воспользовался этой паузой для концентрации войск, а напротив, отправил несколько частей в Дамьетту, чтобы прикрыть Восточную Дельту от вторжения с Синая.

8 марта англичане приступили к десантированию. Комендант Александрии генерал Фриан с 2 тыс. пехоты попытался помешать высадке, но был отброшен превосходящими силами противника. Блокировав частью сил французский форт Абукир, англичане стали осторожно продвигаться к Александрии по узкому перешейку между Средиземным морем и озером Абукир. 12 марта они наткнулись на французскую дивизию генерала Ланюса (до 5 тыс.), прибывшую из Каира и занявшую позиции при выходе с перешейка у старинной башни Мандора. 13 марта войска Аберкромби двинулись в наступление, пытаясь обойти левый открытый фланг неприятеля. Французская кавалерия атаковала их, но была отброшена ружейным огнем. Продолжив движение, английская пехота ворвалась на французские позиции. Ланюсу пришлось отступить. Англичане закрепились на бывших французских позициях и после капитуляции форта Абукир увеличили свои силы за счет освободившихся от осады войск.

18 марта в Александрию прибыл Мену с основными силами Восточной армии. Но и после этого французы (около 10 тыс.) почти в полтора раза уступали по численности неприятелю. Однако Мену не мог ждать, пока англичане начнут наступление: он знал, что к границам Египта приближается армия великого визиря, и решил атаковать сам. Согласно составленному им плану, правый фланг французской армии под командованием Рейнье должен был имитировать наступление вдоль берега озера, оттянув на себя резервы англичан. После этого войска левого фланга под командованием генерала Ланюса должны были нанести решающий удар вдоль моря и прорвать позиции неприятеля. Через этот прорыв в тыл англичанам прошла бы более многочисленная, чем у них, французская кавалерия генерала С.А. Руаза, чтобы довершить разгром неприятеля.

Сражение, известное как битва при Александрии или битва при Канопе, состоялось 21 марта. Французы начали атаку за два часа до рассвета. Однако временной интервал между диверсией их правого фланга и решающим наступлением левого оказался слишком мал, чтобы ввести англичан в заблуждение. Аберкромби успел перебросить резервы к направлению главного удара. Французские колонны левого фланга были встречены ружейными залпами в упор и картечью. С моря огонь по ним вели английские канонерские лодки. Атака была отбита с большими потерями для нападающих. Генерал Ланюс получил смертельное ранение. Разрозненные и плохо скоординированные атаки других французских частей против правого фланга и центра англичан также захлебнулись.

Несмотря на явное крушение своего плана, Мену приказал кавалерии генерала Руаза атаковать в лоб хорошо укрепленные позиции английской пехоты. Атака была отбита с большими потерями для французов. Руаз погиб. И хотя Аберкромби тоже получил смертельное ранение, битва завершилась поражением французов. Это стало началом конца Восточной армии.

В мае 1801 г. англо-турецкие войска двинулись от Розетты вдоль Нила к Каиру. Армия великого визиря, пройдя через пустыню, заняла Салихию. Английские войска из Индии высадились в Косейре. Главный союзник французов Мурад-бей, шедший им на помощь из Верхнего Египта, умер от чумы. Блокированный в Александрии Мену продолжал ссориться с армейской верхушкой и 14 мая выслал во Францию своих главных оппонентов, включая генералов Рейнье и Дама. Французская армия была деморализована. 17 мая полк

⁴⁴ Подробное описание кампании 1801 г. см.: *Mackesy P. British Victory in Egypt, 1801: The End of Napoleon's Conquest.* London, 1995.

верблюжьей кавалерии, столкнувшись с горстью англичан, сдался им без боя на условии возвращения во Францию.

С приближением английских и турецких войск к Каиру комендант столицы генерал Бельяр вступил в переговоры с неприятелем и 27 мая подписал соглашение о капитуляции, по которому французы на английских кораблях возвращались во Францию с личным оружием и имевшимися у них археологическими артефактами. 9 августа бывший каирский гарнизон отплыл на родину из Розетты.

Безнадежная оборона Александрии продолжалась до конца августа. После утраты французами ряда ключевых для защиты города пунктов и понесенных при этом тяжелых потерь генералы потребовали у Мему прекратить бессмысленное кровопролитие. 30 августа 1801 г. тот подписал капитуляцию. В соответствии с ее условиями, остатки Восточной армии в октябре вернулись во Францию. Египетская экспедиция завершилась.

Египетский поход окончился полной неудачей. Однако он оказал большое влияние и на Египет, и на Францию, и на всю систему международных отношений в целом.

Египтяне не приняли ценностей Французской революции, принесенных к ним на штыках армии Бонапарта. Ни пропаганда французов, ни демонстрируемый ими образ жизни не только не пробудили у египтян желания следовать примеру европейцев, но, напротив, вызвали острое неприятие, вылившееся в народную войну против оккупантов. Вместе с тем Египетская кампания серьезно подорвала силы мамлюков, что позволило несколько лет спустя Мухаммеду Али окончательно покончить с их владычеством и приступить к закладке основ современного египетского государства.

Для Франции Египетская экспедиция имела прежде всего научное и культурное значение. Более 160 ученых различных специальностей, принимавших в ней участие, обобщили в 1809–1829 гг. результаты своих исследований в фундаментальном труде «Описание Египта», чем положили начало египтологии. Обнаружение Розеттского камня французскими солдатами позволило найти ключ к расшифровке древнеегипетских иероглифов. Экспедиция вызвала также моду на египетский стиль в европейском декоративном искусстве.

Влияние Египетского похода на систему международных отношений сравнимо с настоящей революцией. Он привел к радикальной смене альянсов, превратив давних союзников во врагов, а врагов в друзей. Многовековой союз между Францией и Османской империей был разорван, и последняя заключила союз со своим старым соперником – Россией. Флот России получил свободный выход в Средиземное море и постоянную базу на острове Корфу. Впрочем, усиление российских позиций в регионе оказалось недолгим и вновь сошло на нет после сражения при Аустерлице, когда османы предпочли вернуться на орбиту Франции.

Британия же в результате египетской авантюры Бонапарта смогла не только расширить свое присутствие в Южной Азии, но и добиться там безраздельного господства. Французская угроза побудила британцев форсировать устранение Типу-Сахиба, своего главного соперника в Индии, и установить дружественные отношения с государствами Персидского залива, в частности с Ираном, с которым капитан Дж. Малкольм подписал 28 января 1801 г. политический и торговый британо-иранские договоры.

Таким образом, Египетский поход Бонапарта, имевший своей главной целью подорвать позиции Великобритании на Ближнем Востоке и в Азии, привел к прямо противоположному результату, чем тот, на который рассчитывали его инициаторы.

Библиография / References

Наполеон. Кампании в Египте и Сирии (1798–1799 гг.) // Наполеон. Избранные произведения. М., 1956. С. 388–750.

Прусская Е.А. Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М., 2016.

Чудинов А.В. Забытая армия. Французы в Египте после Бонапарта. 1799–1800. М., 2019.

Napoleon. Kampanii v Egipte i Sirii [Napoleon. Campaigns in Egypt and Syria] (1798–1799 gg.) // Napoleon. Izbrannye proizvedeniia [Napoleon. Selected works]. Moskva, 1956. S. 388–750. (In Russ.)

- Prusskaja E.A.* Francuzskaja jekspedicija v Egipet 1798–1801 gg.: vzaimnoe vosprijatie dvuh civilizacij [The French expedition to Egypt 1798–1801: mutual perception of two civilizations]. Moskva, 2016. (In Russ.)
- Tchoudinov A.V.* Zabytaja armija. Francuzy v Egipte posle Bonaparta [The Forgotten Army. The French in Egypt after Bonaparte]. 1799–1800. Moskva, 2019. (In Russ.)
- Al-Jabarti's Chronicle of the First Seven Months of the French Occupation of Egypt. Leiden, 1975.
- Berthier L.A.* Relation des campagnes des campagnes du général Bonaparte en Egypte et en Syrie. Paris, an VIII [1800].
- Campagne d'Égypte et de Syrie: mémoires pour servir à l'histoire de Napoléon, dictés par lui-même à Sainte-Hélène et publiés par le général Bertrand: in 2 vols. Paris, 1847.
- Chandler D.G.* The Campaigns of Napoleon. New York, 1966.
- Cole J.* Napoleon's Egypt. Invading the Middle East. Cairo, 2008.
- Correspondance de Napoleon. T. 4. Paris, 1860.
- Cyr P.* Égypte, la guerre de Bonaparte. Paris, 2015.
- Desmond G.* Malta, Britain and the European Powers, 1793–1815. London, 1996.
- Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypt: in 10 vols. Paris, 1830–1836.
- Kléber en Égypte 1798–1800. T. 2–4. Paris, 1988–1995.
- La chute d'El-Arich (Décembre 1799) / preface et annoté par G. Wiet. Cairo, 1945.
- La Jonquière Cl., de.* L'Expédition d'Égypte, 1798–1801: in 5 vols. Paris, 1899–1907.
- Laurence H.* L'expédition de Egypte 1798–1801. Paris, 1998.
- Lavery B.* Nelson and the Nile: the naval war against Bonaparte, 1798. London, 1998.
- Mackesy P.* British Victory in Egypt, 1801: The End of Napoleon's Conquest. London, 1995.
- Meulenaere Ph., de.* Bibliographie raisonnée des témoignages oculaires imprimés de l'expédition d'Égypte: 1798–1801. Paris, 1993.
- Rapport fait au Gouvernement français des événemens qui se sont passés en Egypte, depuis la conclusion du traité d'El-A'rych, jusqu'à la fin de prairial an VIII. Kaire, [1800].
- Recueil des pièces relatives à la procédure et au jugement de Soleyman El-Haleby, assassin de général en chef Kléber. Cairo, 1800.
- Reynier J.L.E.* De l'Égypte après la bataille d'Héliopolis, et considérations générales sur l'organisation physique et politique de ce pays. Paris, 1802.
- Rousseau F.* Kléber et Menou en Égypte depuis le départ de Bonaparte. Paris, 1900.
- Schur N.* Napoleon in the Holy Land. London, 1999.
- Tchoudinov A.* La bataille d'Héliopolis, ou la victoire oubliée // Napoleonica. La Revue. 2015. № 3 (24). P. 5–47.
- The Mamluks in Egyptian Politics and Society / eds Th. Philipp, U. Haarmann. Cambridge, 1998.
- Vivant Denon D.* Voyage dans la Basse et la Haute Égypte, pendant les campagnes du général Bonaparte. Paris, 1802.
- Warner O.* The battle of the Nile. London, 1960.
- Wilson R.T.* History of the British expedition to Egypt, to which is subjoined a sketch of the present state of that country and its means of defense. London, 1802.

DOI: 10.31857/S0130386424030079

© 2024 г. П.П. ЧЕРКАСОВ

«РЕСПУБЛИКА ГОСПОДИНА ТЬЕРА» В ОЦЕНКАХ РУССКИХ ДИПЛОМАТОВ (август 1871 – октябрь 1872 года)

Черкасов Петр Петрович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: ptch46@mail.ru

Scopus Author ID: 12138974400; ORCID: 0000-0003-3723-1657; Researcher ID: G-2170-2018

Аннотация. В статье речь идет об истории учреждения во Франции республиканского строя в начале 1870-х годов. Этот период связан с деятельностью первого президента Третьей республики Адольфа Тьера (1871–1873). Непосредственными свидетелями усилий Тьера по стабилизации положения Франции после поражения в войне с Германией в 1871 г. были русские дипломаты в Париже – посол князь Николай Алексеевич Орлов и советник посольства Григорий Николаевич Окунев. У них сложились доверительные отношения с Тьером, который посвящал русских дипломатов в свои планы. По этой причине изучение депеш, писем и аналитических записок, регулярно направлявшихся из парижского посольства в Санкт-Петербург, представляет особый интерес для тех, кто исследует начальный период становления Третьей республики во Франции. До последнего времени этот вид источников мало привлекал внимание исследователей. В данной статье восполнен этот очевидный пробел. Изучение переписки показывает, что русские дипломаты достаточно объективно анализировали внутренние политические процессы, протекавшие во Франции после окончания франко-германской войны. Они давали взвешенную оценку деятельности Тьера, проследив эволюцию его взглядов от конституционной монархии к консервативной республике. Хронологические рамки статьи: от избрания Тьера президентом республики в августе 1871 г. до октября 1872 г., когда возник кризис в его отношениях с монархическим большинством Национального собрания.

Ключевые слова: Россия, Франция, Национальное собрание Франции, дипломаты, А. Тьер, Н.А. Орлов, Г.Н. Окунев, политическая борьба, внутренняя политика, государственное строительство, орлеанисты, легитимисты, бонапартисты, республиканцы.

P.P. Cherkasov

“Mr. Thiers’ Republic” in the Assessments of Russian Diplomats, August 1871 – October 1872

Peter Cherkasov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: ptch46@mail.ru

Scopus Author ID: 12138974400; ORCID: 0000-0003-3723-1657; Researcher ID: G-2170-2018

Abstract. The author explores the history of the establishment of the republican system in France in the early 1870s. The period is associated with the activities of the first President of the Third

Republic, Adolphe Thiers (1871–1873). Russian diplomats in Paris, Ambassador Prince Nikolai Orlov and Embassy Counselor Grigory Okunev, witnessed first-hand Thiers' efforts to stabilise France after its defeat in the War of 1871. They developed a trusting relationship with Thiers, who initiated Russian diplomats into his plans. For this reason, the study of dispatches, letters, and analytical notes regularly sent from the Paris Embassy to St. Petersburg is of particular interest to those who study the initial period of the formation of the Third Republic. Until recently, this type of sources has attracted little attention on the part of researchers. This article fills up this obvious gap. The study of diplomatic communications demonstrates that Russian diplomats were quite objective in their analysis of the internal political processes taking place in France after the end of the Franco-German War. They gave a balanced assessment of Thiers' work, tracing the evolution of his views from constitutional monarchist to conservative republican. The chronological framework of the article covers the period from Thiers' election as President of the Republic in August 1871 to October 1872, when a crisis arose in his relations with the monarchist majority of the National Assembly.

Keywords: Russia, France, the National Assembly of France, diplomacy, Adolphe Thiers, Nikolai Orlov, Grigory Okunev, political struggle, internal politics, state building, orleanists, legitimists, bonapartists, republicans.

Осенью 1871 г. на развалинах рухнувшей Второй империи появились первые очертания Французской республики – третьей по счету в истории Франции. Республиканский режим, провозглашенный в Париже в сентябре 1870 г., многим тогда казался неустойчивым и недолговечным. Временный характер имело и сформированное правительство «национальной обороны» во главе с генералом Ж. Трошю, а также сменившее его в феврале 1871 г. правительство А. Тьера, старого либерала-орлеаниста, одного из столпов Июльской монархии Луи-Филиппа. Окончательный выбор государственного строя Франции должен был определиться с принятием новой конституции, которую еще предстояло разработать.

После заключения 10 мая 1871 г. Франкфуртского мира, завершившего войну с Германией, самым авторитетным политиком во Франции считался «глава исполнительной власти» А. Тьер (1797–1877)¹. Консервативно настроенные «благонамеренные французы», пережившие ужасы Парижской коммуны, видели в нем «Спасителя Отечества».

Поэтому, когда Национальное собрание решило учредить пост президента республики, подавляющее большинство депутатов – республиканцы, орлеанисты и даже легитимисты – согласилось с тем, что главой государства до принятия конституции должен стать именно Тьер. Правда, образовавшаяся консервативная коалиция не была едина в отношении будущего политического режима во Франции.

Республиканцы желали окончательного утверждения республики, а монархисты (орлеанисты и легитимисты) рассматривали спонтанно провозглашенный в сентябре 1870 г. республиканский строй как вынужденный промежуточный этап к восстановлению монархии Бурбонов – старшей или младшей (Орлеанской) ветви династии.

О реставрации монархии, но только в виде бонапартистской империи, мечтали и сторонники свергнутого Наполеона III. Между этими тремя монархическими течениями существовали серьезные противоречия. Именно это и обусловило их вынужденный компромисс: согласие с кандидатурой Тьера на пост временного президента Франции. Для орлеанистов он был историческим лидером, а легитимисты рассматривали его как наименьшее зло по сравнению с последовательными республиканцами.

¹ О нем см.: *Dreyfus R.* Monsieur Thiers contre l'Empire, la guerre, la Commune 1869–1871. Paris, 1928; *Descaves P.* Monsieur Thiers. Paris, 1960; *Christophe R.* Le Siècle de Monsieur Thiers. Paris, 1966; *Guillemin H.* L'avènement de Monsieur Thiers, suivi de Réflexions sur la Commune. Paris, 1971; *Guiral P.* Adolphe Thiers ou De la nécessité en politique. Paris, 1986; *Игнатченко И.В.* Адольф Тьер: судьба французского либерала первой половины XIX века. М., 2017.

31 августа 1871 г. Национальное собрание приняло «закон Риве»² (491 — «за», 94 — «против»), продлив властные полномочия А. Тьера, но уже в качестве главы государства. Закон состоял из трех статей. Первая гласила: «Глава исполнительной власти примет титул президента Французской республики и будет продолжать исполнять под контролем Национального собрания, поскольку оно не завершило своей работы, функции, которые ему были предоставлены декретом от 17 февраля 1871 г.». Вторая статья определяла полномочия президента: осуществление контроля над исполнением законов; назначение и снятие министров при подотчетности совета министров перед парламентом; каждый из актов главы государства должен предварительно быть завизирован соответствующим министром; глава государства наделяется правом прямого обращения к Национальному собранию всякий раз, когда он сочтет это необходимым. Третья статья закона фиксировала ответственность президента республики перед Национальным собранием³.

Хотя полномочия Тьера как главы государства были существенно ограничены парламентом, тем не менее личный авторитет и богатый политический опыт позволяли ему нередко выходить за рамки своих прерогатив без риска быть обвиненным в превышении власти. Основным инструментом его тактики в нужный момент были прямые обращения к депутатам, которых обычно ему удавалось убедить в правильности своих действий.

Умело он пользовался и предоставленным правом назначения министров. Так, уже 1 сентября 1871 г., на следующий день после избрания президентом, Тьер поставил во главе Кэ д'Орсе своего давнего друга и ровесника графа Ш. де Ремюза, получив возможность контролировать и направлять действия французской дипломатии. Тщательно Тьер подбирал и других претендентов на министерские посты. Руководство текущей работой правительства Тьер возложил на Л. Дюфора, своего давнего соратника еще времен Июльской монархии. Дюфор получил ранг вице-председателя совета министров.

Так или иначе влияние Тьера на государственные дела первое время было преобладающим даже в условиях его подконтрольности Национальному собранию. В парламентских кулуарах, как свидетельствует Ш. де Мазад, один из биографов Тьера, говорили: «В монархических странах король царствует, но не управляет, а у нас г-н Тьер не царствует, но управляет»⁴. «Президент [Тьер], — отмечает современный французский политолог и историк, — обладает королевскими полномочиями в парламентской системе, но продолжает нести ответственность перед собранием, осуществляя исполнительную власть под своим контролем, имея право быть заслушанным ею, когда он этого пожелает»⁵.

Поскольку устройство центральных властей, включая президентство, до принятия во Франции новой конституции продолжало оставаться временным, республиканский строй, возникший на обломках Второй империи, французские историки часто называют «Республикой господина Тьера» (*La République de Monsieur Thiers*), учитывая определяющую роль первого президента Третьей республики в ее становлении.

В данной статье рассматриваются первые девять месяцев существования «Республики господина Тьера», как она виделась русским дипломатам в Париже — послу князю Н.А. Орлову и советнику посольства Г.Н. Окуневу⁶. Их депеши и аналитические записки составили документальную основу проведенного исследования. Хронологические рамки охватывают период от избрания Тьера президентом республики в августе 1871 г. до обострения кризиса в его

² По имени его разработчика, Г. Риве, близкого к Тьеру депутата-левоцентриста. См.: *Duclert V. La République imaginée 1870–1914. Paris, 2015. P. 98.*

³ *Guiral P. Op. cit. P. 439.*

⁴ Цит. по: *Антюхина-Московченко В.И. Третья республика во Франции. 1870–1918. М., 1985. С. 120.*

⁵ *Grévy J. La République des opportunistes. 1870–1885. Paris, 1998. P. 25.*

⁶ О статском советнике Г.Н. Окуневе и его оценках положения во Франции после крушения Второй империи см.: *Черкасов П.П. Рождение Третьей республики во Франции глазами русского дипломата (сентябрь 1870 года — май 1871 года) // Новая и новейшая история. 2023. № 6. С. 77–94. DOI: 10.31857/S013038640028926–6*

отношениях с монархическим большинством Национального собрания в сентябре-октябре 1872 г., когда противниками главы государства было принято решение о его смещении.

Россия официально признала республиканское правительство Франции в феврале 1871 г., а уже летом того же года в Санкт-Петербург прибыл французский посол генерал Ле Фло⁷. На исходе сентября того же года Александр II признал Тьера в статусе президента Французской республики. Этому решению предшествовала официальная нота, врученная генералом Ле Фло 29 сентября⁸ товарищу министра иностранных дел России В. И. Вестману⁹, который замещал отсутствовавшего в столице князя Горчакова. «Имею честь информировать вас, – говорилось в ноте, – что Национальное собрание Франции, учитывая выдающиеся заслуги господина Тьера перед страной на протяжении последних шести месяцев, а также гарантии, определяющие продолжительность полномочий, которыми он уже был наделен, даровало ему... титул Президента Французской Республики. Доводя до сведения российского правительства эту новую политическую квалификацию главы моего правительства, считаю своим долгом заверить его в том, что, полностью разделяя взгляды прославленного Президента Республики, я приложу все свои усилия к тому, чтобы заботиться о сохранении и укреплении дружеских отношений и доброго согласия, существующих между Францией и Российской империей»¹⁰.

Ответом на это обращение стало признание Россией президентского статуса Тьера, после чего встал вопрос о назначении посла в Париж, тем более что генерал Ле Фло уже находился в Санкт-Петербурге.

Выбор Александра II и князя Горчакова остановился на генерал-адъютанте князе Николае Алексеевиче Орлове (1827–1885), который в то время представлял Россию при дворе королевы Виктории. Поскольку Орлову предстояло более восьми лет возглавлять российское посольство во Франции и он станет для царя и канцлера Горчакова основным источником информации из Третьей республики, назначенный посол заслуживает более подробного представления.

Сын одного из самых влиятельных вельмож николаевского царствования, грозного начальника Третьего отделения, а впоследствии сподвижника Александра II, поручившего Алексею Федоровичу Орлову в 1856 г. переговоры в Париже о завершении Крымской войны, Орлов-младший был одновременно военачальником, дипломатом и государственным деятелем¹¹. Получив домашнее образование, он прослушал вместе с великим князем Константином Николаевичем курс законоведения, прочитанный специально для них бароном М. А. Корфом. Определенный в камер-пажи высочайшего двора, юный Орлов в 1843 г. выдержал офицерский экзамен при Пажеском корпусе¹², после чего получил назначение

⁷ Ле Фло, Адольф Шарль Эммануэль (1807–1887) – французский государственный и военный деятель, дивизионный генерал, бывший депутат, военный министр, посланник в России в 1848–1849 гг. 1 июня 1871 г. был назначен чрезвычайным и полномочным послом Франции в России. На этом посту он проработал семь с половиной лет. В феврале 1879 г. по состоянию здоровья Ле Фло добровольно вышел в отставку. Его служебное досье см.: Archives des Affaires Etrangères. Personnel. 1-ère série. № 2496.

⁸ Здесь и далее даты из дипломатической переписки приводятся по новому стилю.

⁹ Вестман, Владимир Ильич (1812–1875) – русский дипломат (на службе с 1829 г.), камергер, сенатор, тайный советник, ближайший сподвижник канцлера А. М. Горчакова, которого, начиная с 1866 г., время от времени замещал во главе МИД России. О нем см.: Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 159 (Департамент личного состава и хозяйственных дел – ДЛСХД). Оп. 464. Д. 636.

¹⁰ Ле Фло – Вестману, 29 сентября 1871 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 46. Л. 32–32 об.

¹¹ Послужной (формулярный) список Н. А. Орлова см.: АВПРИ. Ф. 159 (ДЛСХД). Оп. 464. Д. 2490. См. также: Русский биографический словарь. Обезьянинов – Очкин. СПб., 1905. Репринтное воспр. М., 1997. С. 350–381.

¹² Из формулярного списка князя Н. А. Орлова (1859): «Воспитывался при родителях и по выдержании в Пажеском корпусе офицерского экзамена в качестве камер-пажа, знает науки: Закон Божий, языки – русский, французский и немецкий; алгебру, геометрию, синтетическую статистику, практическую механику, естественную историю, физику, химию, географию, статистику, всеобщую и русскую историю, хронологию, законоведение и военное судопроизводство, артиллерию, фортификацию, тактику, черчение ситуационных планов, рисование и гимнастику». См.: АВПРИ. Ф. 159 (ДЛСХД). Оп. 464. Д. 2490. Л. 13 об.

в лейб-гвардии Конный полк в чине корнета. Через год он уже флигель-адъютант, поручик, состоящий при великом князе Константине Николаевиче, которого сопровождал в поездках за границу.

Во время Венгерской кампании 1849 г. принимал участие в боевых действиях; в 1854 г. был произведен в полковники и направлен в Дунайскую армию, где участвовал в войне против турок. При осаде Силистрии в мае 1854 г. Орлов получил девять тяжелых ранений и лишился глаза. Был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и золотым оружием с надписью «За храбрость». В 1856 г. произведен в генерал-майоры с назначением в свиту Е.И.В., а три года спустя отправлен чрезвычайным и полномочным посланником к Бельгийскому двору, где провел шесть лет. В декабре 1869 г. генерал-адъютант Орлов был назначен посланником в Вену, а в мае 1870-го переведен в Лондон, откуда в начале декабря 1871 г. был отозван, получив назначение в Париж.

Помимо военной и дипломатической деятельности, князь Орлов известен как военный историк и приверженец либеральных реформ. В написанной им работе «Мысли о расколе», содержащей заметку «О евреях в России», он проводил мысль о необходимости большей веротерпимости.

В 1861 г. Орлов выступил с инициативой отмены в России телесных наказаний, которые он считал очевидным злом — «в христианском, нравственном и общественном отношениях». Телесные наказания, по его убеждению, не только унижали достоинство человека, но и не соответствовали духу времени. Это его предложение было рассмотрено Государственным советом и в 1863 г. принято с некоторыми поправками в виде законодательного акта.

Перед отъездом в Париж Орлов получил составленную Горчаковым и утвержденную Александром II инструкцию, датированную 11 декабря 1871 г.¹³ В этом документе был четко обозначен подход Российской империи к молодой Французской республике. Главное, чего в Петербурге ожидали от побежденной и ослабленной Франции, так это скорейшего ее восстановления как важного элемента европейского баланса сил, нарушенного в результате войны 1870—1871 гг. в пользу Германской империи. При этом послу предписывалось предостерегать Францию от реваншистских устремлений с целью не допустить ее новой войны с Германией. В 1870-е годы, в результате разочарования в попытках сближения со Второй империей¹⁴, приоритетное значение для Петербурга приобрели отношения с Берлином, а Парижу еще предстоял долгий путь, чтобы завоевать доверие России и претендовать на союзнические с ней отношения.

Первейшим условием возрождения Франции Александр II и канцлер Горчаков считали внутреннюю стабилизацию страны, недопущение в ней новых потрясений. Именно в этом направлении, как считали в Петербурге, действует президент Тьер, пытающийся бороться одновременно с двумя угрозами — революционной и реваншистской, что заслуживает всяческой поддержки со стороны России¹⁵.

«Наш августейший государь вдохновляется самыми дружественными намерениями в отношении Франции, какое бы правительство ею не управляло. Вы должны будете руководствоваться этим в своей деятельности. Его Императорское Величество желает, чтобы эта страна восстановилась и вернула себе принадлежащее ей место в Европе. И в этом по мере возможности ей будет обеспечена наша моральная поддержка», — с таким напутствием князь Орлов в середине января 1872 г. отправился в Париж¹⁶.

20 января он прибыл в столицу Франции, а уже на следующий день поехал в Версаль, где в присутствии Ремюза вручил верительные грамоты президенту Тьеру. Как сообщал в Петербург Орлов, вручение грамот прошло на удивление буднично, можно сказать, запросто.

¹³ Текст инструкции см.: АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 94. Л. 502—513 об.

¹⁴ См. об этом: *Черкасов П.П.* Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856—1870). М., 2015.

¹⁵ Подход российской дипломатии к Франции в первой половине 1870-х годов подробно проанализирован в монографии: *Борисов Ю.В.* Русско-французские отношения после Франкфуртского мира. 1871—1875 / под общ. ред. академика Е.В. Тарле. М., 1951.

¹⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 94. Л. 511 об.—512.

Приняв верительные грамоты, Тьер предложил Орлову позавтракать с ним, а затем пригласил посла вместе отправиться в Париж в своем экипаже. Дорога заняла около часа. Все это время Тьер оживленно беседовал с послом¹⁷.

Спустя несколько дней президент Тьер вновь пригласил к себе князя Орлова и вручил ему адресованное Горчакову личное письмо. В нем он выразил признательность своему «доброму другу» за столь удачный выбор посла и одновременно высказал надежду на взаимодействие Франции и России в укреплении мира в Европе, к чему стремится правительство Французской республики. «Я никогда не забуду той услуги, — добавил в заключение Тьер, — которую Его Величество Царь Александр оказал мне в прошлом году¹⁸, когда пытался помочь нам в организации переговоров о заключении перемирия. Прошу Вас поднести к его ногам дань моего глубокого уважения и признательности»¹⁹.

С приездом в Париж князя Орлова дипломатические отношения между Россией и Францией были восстановлены в полном объеме. Теперь депеши из французской столицы будут направляться в Петербург в основном за подписью посла, хотя составлялись все они, особенно первое время, статским советником Г.Н. Окуновым, который, отойдя на второй план, продолжал играть важнейшую роль в работе посольства²⁰.

* * *

Первейшей задачей Тьера как президента республики оставалось преодоление катастрофических последствий войны с Германией. Он успешно начал, заключив 26 февраля 1871 г. с Бисмарком прелиминарный мирный договор, подтвержденный 10 мая того же года Франкфуртским миром²¹.

Утрата двух богатейших провинций — Эльзаса и Лотарингии — усугублялась обязательством Франции выплатить Германии до марта 1874 г. 5 млрд контрибуции (с дополнительными 5% годовых). К этому добавлялись возложенные на Францию расходы по содержанию германских оккупационных войск, остававшихся на ее территории вплоть до полной выплаты контрибуции.

Здесь на помощь А. Тьеру пришел барон А. де Ротшильд, крупный парижский банкир. Он убедил его в том, что Франция сможет без особых усилий выплатить эту колоссальную сумму, если государство под свои гарантии начнет выпускать займы. Тьер прислушался к совету Ротшильда. В июне 1871 г. с согласия Национального собрания Тьер санкционировал размещение первого займа на 2 млрд фр. Результаты превзошли все ожидания. Вдохновленная разгромом Парижской коммуны буржуазия была исполнена благодарности к «спасителю» и активно поддержала инициированную Тьером «патриотическую акцию». Число подписчиков по стране превысило 332 тыс. человек. В результате один только Париж принес казне 2,5 млрд фр.²²

Еще более успешным оказалось размещение второго займа, выпущенного в 1872 г. Собранные по подписке средства в 13 раз (!) превысили установленный правительством объем займа (3,5 млрд фр.). «Скажите, какая монархия могла бы добиться большего в столь

¹⁷ «Весьма оригинально» (*c'est original*) — так прокомментировал Александр II на полях депеши Орлова описанную послом церемонию вручения им верительных грамот: Орлов — Горчакову, 26 января 1872 г. // Там же. Д. 79. Л. 2.

¹⁸ Тьеру изменила память. Упомянутая им «услуга» была оказана в сентябре 1870 г., когда он приезжал в Петербург.

¹⁹ Письмо Тьера — Горчакову от 27 января 1872 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 42. Л. 2—3 об.

²⁰ Князь Орлов дал самую высокую оценку работе Окунева в качестве поверенного в делах России во Франции. В одной из депеш, адресованных канцлеру Горчакову, он отмечал, что Окунев заслуживает всяческого поощрения и отличия. На полях депеши есть пометка императора о необходимости отметить Окунева: Орлов — Горчакову, 26 января 1872 г. // Там же. Д. 80 (I). Л. 10.

²¹ О деятельности главы исполнительной власти и его правительства см.: *Hanotaux G. Le Gouvernement de M. Thiers. 1870—1873. T. I—II. Paris, 1925.*

²² *Duclert V. Op. cit. P. 94.*

короткий срок?» – так прокомментировало это событие консервативное издание *Le Journal de débats*²³.

Все это позволило досрочно выплатить контрибуцию и дало Тьеру формальные основания добиваться вывода последних частей германских оккупационных войск с территории Франции. 15 марта 1873 г. на этот счет была подписана двусторонняя конвенция. Процесс вывода войск оккупантов завершился в июле того же года, уже после отставки Тьера, которого *post factum* назовут «Освободителем территории» и даже «Освободителем Франции». Впрочем, для него это будет слабым утешением после утраты власти.

«Республика, возглавлявшаяся Тьером, была таковой лишь по форме, но не по содержанию. Это была республика без республиканцев, ибо все важнейшие административные должности оказались в руках монархистов», – справедливо констатировала В.И. Антюхина-Московченко, авторитетный советский франковед²⁴.

Принимаемые правительством и Национальным собранием решения нередко имели демонстративно антиреспубликанский характер: отмена празднования Дня провозглашения республики (4 сентября 1870 г.) и памятной даты установления Первой республики (22 сентября 1792 г.), разоружение Национальной гвардии и чистка ее командного состава, запрет деятельности Интернационала на территории Франции, тюремное заключение на срок от двух до пяти лет за пропаганду социалистических идей, разрешение принцам Орлеанского и Бурбонского домов вернуться из изгнания и возвращение им конфискованной в 1832 и 1848 гг. собственности. Большинство этих решений, за редким исключением, принималось с благословения президента Тьера²⁵.

На всем протяжении его президентства в 39 департаментах сохранялось военное положение, введенное еще в июле 1870 г. Принимаемые меры, помимо прочего, должны были, по замыслу Тьера, произвести благоприятное впечатление на монархическую Европу с целью ослабления дипломатической изоляции Франции.

Деятельность Тьера как главы исполнительной власти, а затем президента республики протекала на фоне развернувшейся в Национальном собрании ожесточенной борьбы по вопросу государственного устройства Франции. Монархическое большинство (214 орлеанистов и 180 легитимистов из 645 депутатов)²⁶ сочло, что после подавления Парижской коммуны и заключения мира с Германией настал желанный момент покончить с неустойчивой республикой. Правда, между двумя этими течениями не было согласия относительно модели монархии и кандидатуры будущего короля – станет ли им граф Парижский, внук Луи-Филиппа, или граф де Шамбор, внук Карла X.

Со своей стороны, бонапартисты, чья фракция в Национальном собрании насчитывала всего 20 депутатов, мечтали о восстановлении империи. Они связывали свои надежды если не с низложенным и больным Наполеоном III, то с его 15-летним наследником Эженом Луи Жаном Жозефом («принцем Лулу»). Оба они, как и бывшая императрица Евгения, нашли убежище в Англии.

Пока шли эти споры, старый орлеанист Тьер представлялся противникам республики единственно приемлемой для них компромиссной фигурой.

А что же сам Адольф Тьер? Какова была его собственная позиция в происходивших спорах о государственном устройстве Франции, и как он отнесся к своему избранию президентом республики?

В душе Тьер оставался все тем же умеренным либералом, считавшим конституционную монархию лучшим политическим режимом для Франции. Но трагические потрясения,

²³ *Démier F.* La France du XIXe siècle. 1814–1914. Paris, 2000. P. 302.

²⁴ *Антюхина-Московченко В.И.* Указ. соч. С. 117.

²⁵ Тьер, в частности, возражал против разоружения Национальной гвардии, опасаясь общественного возмущения. Однако монархическое большинство собрания настояло на фактической ликвидации Национальной гвардии, обвиненной в «нелояльности» в период Парижской коммуны.

²⁶ По итогам выборов 8 февраля 1871 г. республиканцы провели в Национальное собрание 150 депутатов, т.е. составляли парламентское меньшинство.

связанные с Парижской коммуной, произвели необратимые изменения в его мировоззрении. В отличие от подавляющего большинства своих единомышленников-орлеанистов, не говоря уже о легитимистах и бонапартистах, «палач Коммуны» сумел глубоко проанализировать недавние события и сделать для себя неутешительный, но безоговорочный вывод: немедленная реставрация монархии чревата новым революционным взрывом. Поэтому он полагал необходимым сохранить по крайней мере на какой-то срок республику, но республику сугубо консервативную.

Когда-то давно, выступая в феврале 1850 г. в Законодательном собрании, Тьер, имея в виду реставраторские устремления Луи-Наполеона к возрождению бонапартистской империи, говорил: «Республика — это форма правления, которая сеет между нами наименьшую рознь»²⁷.

Вот и теперь, в 1871 г., он считал, что сохранение республиканского строя поможет успокоить страсти, после чего только и можно будет подумать о восстановлении конституционной монархии. Сколь долго продлится этот переходный период? На этот вопрос у него не было ответа. Но именно в умиротворении возбужденного и разобщенного французского общества он видел свою главную миссию.

Разумеется, Тьер первое время должен был скрывать свои истинные намерения даже от единомышленников-орлеанистов. Он погрузился в текущие дела, проводя реформы, которые считал первоочередными. Для восстановления деморализованной поражением армии была введена всеобщая воинская повинность сроком в пять лет, по примеру Германии, обновлен ее высший командный состав. Закон от 22 июля 1872 г. лишил военнослужащих, среди которых было немало как республиканцев, так и монархистов (в большинстве бонапартистов), права участвовать в выборах, превратив армию в «Великую немую» (*la Grande Muette*). В рамках административной реформы прежний порядок прямых выборов мэров крупных городов — потенциальных очагов волнений — был заменен их назначением правительством.

Мятежная столица была наказана упразднением должности мэра и введением особого порядка управления. Высшим должностным лицом в Париже отныне становился назначаемый правительством префект департамента Сена, куда была включена столица Франции. Расширенные полномочия получили префекты других департаментов, подотчетные только центральной исполнительной власти. Финансовая политика главы государства, озабоченного выплатой контрибуции, характеризовалась введением новых косвенных налогов.

Процесс становления республиканского строя во Франции до приезда в Париж князя Орлова находился в фокусе внимания российского поверенного Окунева. Русский дипломат имел возможность получать информацию из первых рук, причем не только от министра иностранных дел Ж. Фавра и сменившего его на этом посту Ш. де Ремюза, но и от самого президента А. Тьера, который довольно часто принимал Г.Н. Окунева. При этом Тьер был с ним достаточно откровенен, не скрывая сложности своих отношений с Национальным собранием. На одной из встреч, состоявшейся вскоре после избрания президентом, Тьер признался Окуневу, что испытывает двойное давление — со стороны правых и левых, выдвигающих несовместимые требования не только по принципиальным вопросам будущего государственного устройства Франции, но и по менее значимым. Так, республиканцы настаивали на немедленном возвращении центральной власти (президента, правительства и парламента) из Версаля в Париж. Монархисты решительно возражали, считая, что столица все еще не оправилась от потрясений Коммуны и представляет угрозу для безопасности формировавшегося режима²⁸.

В этом вопросе Тьер склонялся на сторону монархистов, хотя понимал, что дальнейшее пребывание правительства в Версале, во-первых, создает в стране и за ее пределами невыгодное впечатление об устойчивости нового режима; во-вторых, позволяет радикалам

²⁷ Guiral P. Op. cit. P. 562.

²⁸ Окунев — Вестману, 10 сентября 1871 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 94. Л. 92 об.—93 об.

чувствовать себя в Париже хозяевами; в-третьих, затрудняет административную, финансовую и экономическую деятельность. Бюрократический аппарат, многократно разросшийся в годы империи, частично перебрался в Версаль, а другая его часть оставалась в столице, что тормозило принятие неотложных решений. Намерение же сосредоточить все органы управления в Версале, как предлагали правые, представлялось Тьеру нереалистичным, так как в этом небольшом городке не было достаточно площадей для размещения всех правительственных учреждений²⁹.

Лавируя между монархистами и республиканцами, Тьер с первых дней президентства вынужден был нередко прибегать к голосованию о доверии, чтобы добиться утверждения принимаемых им решений. «Он [Тьер] сказал мне, — докладывал Окунев в Петербург, — что изменения, недавно внесенные в организацию исполнительной власти, вызывались настоячивыми требованиями подавляющего большинства во Франции, которое в высшей степени чувствовало потребность в стабильности и хотело любой ценой выйти из состояния неопределенности, в которое ввергало страну соперничество партий. Франция проявила к нему [Тьеру] большее расположение, нежели Собрание, хотя у него и не было особых оснований жаловаться на него; всего лишь тридцать четыре голоса высказались против декларации о доверии, которого он добивался»³⁰.

Противоречия между президентом и монархическим большинством парламента, как сообщал в Петербург Окунев, затрагивали и такой болезненный для Франции вопрос, как судьба бывших коммунаров и их сторонников. Правые требовали предельной жесткости в осуждении участников Коммуны и обвиняли правительство Тьера в недопустимой слабости, поощрявшей якобы «радикальную партию». Сам же Тьер после подавления Коммуны и наказания активных ее участников считал необходимым ради успокоения страны ограничить деятельность военных судов, продолжавших выносить смертные приговоры. Положение осложнялось тем, что учрежденная Национальным собранием Комиссия по помилованиям в подавляющем большинстве состояла из монархистов и была настроена на продолжение репрессий. Об этом Окуневу рассказал Ремюза. Он же доверительно сообщил русскому дипломату, что сам «господин Тьер... склоняется к умеренности»³¹.

В вопросе о судьбе коммунаров неожиданно возник один деликатный вопрос, затрагивавший интересы России. В ходе «кровавой недели» (21–28 мая 1871 г.) версальцы чинили расправу над парижскими коммунарами, среди арестованных оказались семеро поляков, считавшихся российскими подданными. Впоследствии были арестованы еще 20 поляков-коммунаров, тоже российских подданных, о чем Окунев сообщал в Петербург³². Он докладывал также, что Тьер, демонстрирующий «искренне расположение» к России, вместе с тем вынужден оглядываться и на польскую эмиграцию во Франции, традиционно настроенную антироссийски. Окунев напомнил также, что французские консульства в Леванте с давних пор возглавляются поляками, которые активно противодействуют российским интересам на Востоке. Посмотрим, заключал русский представитель в Париже, насколько уверения здешнего правительства в его расположенности к России окажутся искренними³³.

Требование России о выдаче ей поляков-коммунаров так и не было удовлетворено. Тьер не решился на громкий конфликт с польской диаспорой в Париже, пользующейся широкой поддержкой во французском обществе.

²⁹ Окунев — Горчакову, 7 декабря 1871 г. // Там же. Л. 234–236 об. Впоследствии, в разговоре с Орловым Тьер весьма оригинально объяснил свое затянувшееся пребывание в Версале: «Я должен был обзавестись квартирой в Версале, так как ночные поездки [из Парижа в Версаль] были слишком утомительны для моей жены». Орлов — Горчакову, 26 января 1872 г. // Там же. Д. 80 (1). Л. 9 об.

³⁰ Окунев — Вестману, 10 сентября 1871 г. // Там же. Д. 94. Л. 92–92 об.

³¹ Окунев — Горчакову, 7 ноября 1871 г. // Там же. Л. 192–193 об.

³² См. его донесения от 10 августа, 11 сентября и 3 октября 1871 г. // Там же. Л. 308–308 об, 326–326 об, 334–335 об.

³³ Окунев — Вестману, 11 сентября 1871 г. // Там же. Л. 327.

Первым после избрания в феврале 1871 г. Национального собрания тестом на устойчивость нового режима стали выборы в Генеральные советы (органы местного самоуправления) департаментов, состоявшиеся в два тура — 8 и 15 октября 1871 г. По всей стране было избрано 2860 советников и 86 (по числу департаментов) председателей департаментских Генеральных советов. Результаты выборов показали, что две трети избранных советников ориентировались на умеренных республиканцев, а среди председателей Генеральных советов департаментов 56 оказались консерваторами, 18 — левыми республиканцами, 12 — радикалами³⁴.

В состав Генеральных советов прошло всего пять бонапартистов, что показало крайне низкий уровень доверия к сторонникам восстановления империи³⁵. В целом же итоги проведенных выборов укрепили позиции Тьера перед лицом монархического большинства Национального собрания.

Первая сессия новых Генеральных советов в составе председателей их департаментских отделений открылась в Париже 23 октября 1871 г. Ее работа продолжалась до конца ноября.

Разумеется, общенациональные выборы в Генеральные советы не прошли мимо внимания Окунева. Своими наблюдениями и соображениями он поделился с руководством министерства иностранных дел³⁶.

Главный вывод, который сделал русский дипломат, сводился к тому, что «в подавляющем большинстве случаев результаты состоявшихся выборов оказались благоприятными для действующего правительства, благоразумно не поставившего своих сторонников перед дилеммой: Монархия или Республика. Как орлеанисты, так и республиканцы вынуждены были поддержать политику господина Тьера».

Что касается легитимистов, в большинстве крупных землевладельцев, то они, можно сказать, потерпели неудачу, констатировал русский поверенный. В Генеральные советы не прошли даже многие из «самых известных депутатов от правых в Национальном собрании»³⁷. Окунев сделал вывод, что итоги выборов в органы местного самоуправления показали возросшую популярность на местах президента Тьера и низкий уровень доверия к депутатам-легитимистам. Одновременно русский дипломат отметил, что многие французы воздержались от участия в голосовании, что «свидетельствовало об усталости страны, которую слишком часто ставят перед выбором, а также, возможно, о ее инертности и недостатке гражданской ответственности (civisme), что проявилось и на последних муниципальных выборах, и ранее на выборах в Национальное собрание».

Результаты выборов в Генеральные советы придали Тьеру больше уверенности в его начинавшемся противоборстве с монархистами. 26 декабря 1871 г. в обращении к Национальному собранию Тьер впервые публично высказался о своих предпочтениях относительно государственного устройства Франции. Президент призвал депутатов «дать республике честную попытку», проявить к ней «лояльность» и «не уподобляться актерам, примеряя, словно роли, ту или иную форму правления с подсознательным желанием неудачи». «Я обращаюсь к тем, — заявил Тьер, — кто хочет, чтобы попытка [утверждения республиканского

³⁴ Hanotaux G. Op. cit. Т. II. P. 32–34.

³⁵ В Генеральный совет Корсики попытался избраться принц Наполеон-Жером Бонапарт (кузен Наполеона III). Намерению Бонапарта энергично воспрепятствовал Тьер, отдавший соответствующие инструкции префекту департамента Ш. Ферри. Президент даже распорядился для устрашения сочувствующих бонапартистам корсиканцев ввести в порт Аяччо эскадру военных кораблей. По инициативе Тьера, Национальное собрание в срочном порядке подтвердило запрет принцу Наполеону-Жерому находиться на территории Франции. В результате тот вынужден был спешно покинуть остров и выехать в Италию.

³⁶ Окунев — Вестману, 19 октября 1871 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 94. Л. 121–124 об.

³⁷ По давней традиции французский политик мог одновременно избираться на разных уровнях представительной власти: местной, региональной и национальной.

стройка] увенчалась успехом. Я обращаюсь ко всему Собранию и особенно к тем, кто обеспокоен продолжением существования республики. И я один из них»³⁸.

Сигнал, поданный главой государства, был услышан, но по-разному воспринят соперничающими фракциями Национального собрания. Республиканцы не поверили в искренность Тьера, для которых он продолжал оставаться чужим, а монархисты, включая орлеанистов, перестали считать его своим.

Вторым тестом на устоячивость «Республики господина Тьера» стали частичные выборы в Национальное собрание, состоявшиеся 7 января 1872 г. Из 15 депутатских вакансий республиканцы заполнили 10, включая 1 место от Парижа³⁹. Это можно было записать в актив не только республиканской партии, расширившей свое представительство в Национальном собрании, но и президенту Тьеру. «Что касается нас, республиканцев, — заметил один из них по результатам выборов, — то нам остается теперь доказать, что республика совместима с порядком и что он будет обеспечен навсегда»⁴⁰. А порядок многие французы связывали прежде всего с президентом Тьером.

Успехом для правительства Тьера счел итоги частичных выборов и Окунев. Особое значение он придавал победе республиканского кандидата в Париже, обратил внимание и на успех республиканцев-радикалов на юге Франции. Одновременно он фиксировал углублявшийся раскол в консервативной коалиции, когда стало трудно достигнуть договоренности не только между двумя ее фракциями — орлеанистской и легитимистской, — но и внутри каждой из этих фракций. Отсутствие единства, по мнению Окунева, побудило какую-то часть монархического электората отдать предпочтение бонапартистам, получившим в результате три дополнительных места в Национальном собрании.

Внутренние распри Окунев наблюдал и в рядах умеренных республиканцев. Зато у радикалов, как заметил русский дипломат, царили единодушие и дисциплина. «Все это, — резюмировал Окунев в депеше, отправленной в Петербург, — позволяет сделать вывод, что победа досталась крайним партиям — радикалам и бонапартистам. Это лишний раз свидетельствует о невозможности достоверно предвидеть будущее Франции. Это будущее ее имеет тем более смутные очертания, что межпартийная разобщенность лишь усиливается»⁴¹.

Сколь бы ни были обнадеживающими для Тьера результаты выборов в Генеральные советы и довыборов в Национальное собрание, продолжение его деятельности на посту главы государства в решающей степени зависело от его отношений с парламентом, а они становились все более напряженными.

Когда в январе 1872 г. собрание отклонило предложенные президентом новые налоги, призванные, как он полагал, улучшить финансовую ситуацию, Тьер прибегнул к своему проверенному инструменту. Он объявил, что намерен подать в отставку.

В этот момент на его стороне неожиданно выступили республиканцы. Они предупредили депутатов-монархистов о возможности гражданской войны в случае ухода президента. Эти угрозы подогревались разговорами об активизации бонапартистов. Вспомнили, что армейским корпусом, дислоцированным неподалеку от Версаля, командует бывший генерал-адъютант Наполеона III генерал Доней. Не был уверен в надежности армии и маршал Мак-Магон, заявивший 20 января, что в случае отставки Тьера армия могла бы потребовать возвращения императора Наполеона III.

Обо всем этом Тьер поведал князю Орлову, прибывшему в Париж как раз в разгар министерского кризиса. Принимая у себя русского посла, Тьер отметил вызывающее поведение горячих приверженцев восстановления монархии и высказал опасение, что «всякая

³⁸ Duclert V. Op. cit. P. 99.

³⁹ Rémond R. La vie politique en France depuis 1789. T. 2 (1848—1879). Paris, 2005. P. 328. От Парижа (департамент Сена) в парламент прошел умеренный республиканец М. Вотрен, председатель столичного муниципального совета, сумевший обойти двух своих соперников — маршала П. де Мак-Магона, кандидата от монархистов, и Виктора Гюго, которого оппоненты обвиняли в симпатиях к Коммуне.

⁴⁰ Цит. по: Guiral P. Op. cit. P. 457.

⁴¹ Окунев — Горчакову, 12 января 1872 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 79. Л. 3—10.

попытка нарушения “пакта Бордо”⁴² могла бы разжечь пламя междоусобной войны»⁴³. В этом вопросе Тьер был солидарен с республиканцами. В результате монархисты вынуждены были отступить. На этот раз партия осталась за Тьером.

В ходе встречи с русским послом Тьер высказал предположение, что Александр II вряд ли приветствовал бы возвращение Наполеона III к власти. Затем он неожиданно поинтересовался мнением Орлова: кого император Александр хотел бы видеть во главе Франции?

Удивленный откровенностью Тьера, Орлов, не задумываясь, ответил с улыбкой: «Если бы Император был французским избирателем, могу предположить, что он голосовал бы за графа де Шамбора»⁴⁴.

На одной из последующих встреч А. Тьер признался русскому послу, что по его поручению министр внутренних дел В. Лефран подготовил законопроект, существенно ограничивающий активность монархистов, включая их печатные издания. В этой законодательной инициативе президент рассчитывает в Национальном собрании на поддержку левых. «Если монархисты победят, я немедленно уйду», — сказал Тьер. А потом добавил: «От кризиса, по моему убеждению, выиграет только Наполеон»⁴⁵.

22 февраля 1872 г. «закон Лефрана» был внесен на рассмотрение парламента. Как и ожидалось, монархисты — и легитимисты, и орлеанисты — решительно воспротивились его принятию, пригрозив свергнуть правительство Тьера. Одновременно они настаивали на том, чтобы законодательно определить существующий режим как «Временную Республику».

Президент попытался перехватить инициативу. Явившись 8 марта в законодательную комиссию, он заявил, что немедленно сам уйдет в отставку в случае отклонения «закона Лефрана» или внесения в него каких-то изменений.

Но в этот момент появились новые обстоятельства, вынудившие Тьера дать обратный ход. Ему стало известно, что монархисты, в том числе орлеанисты, активно подыскивают, кем бы его заменить на посту главы государства⁴⁶. Одним из таких кандидатов называли 50-летнего графа Парижского (герцога Омальского), предпоследнего из пяти сыновей покойного короля Луи-Филиппа.

Кроме того, пошли разговоры о предполагаемой высадке на берегу Нормандии Наполеона III и одновременном десантировании в Провансе Иностранного легиона, размещенного в Алжире. Легионеров, как утверждали, мог бы повести на Париж принц Наполеон-Жером — тот самый, кто неудачно баллотировался в Национальное собрание от Корсики.

Как докладывал в Петербург князь Орлов, президент Тьер скептически оценивал вероятность бонапартистской интервенции, но все же распорядился ввести в Ла-Манш четыре военных корабля для обеспечения безопасности французского побережья.

Сам Орлов не склонен был разделять скепсис Тьера в отношении бонапартистской угрозы. «Большинство моряков, находящихся на этих кораблях, бонапартисты, — отмечал посол. — Я собрал очень точные сведения. Армия настроена примерно так же. Молодые офицеры только и мечтают о возвращении императора, а большинство их начальников тайне желают того же»⁴⁷.

Гораздо больше бонапартистской угрозы Тьер опасался объединения против него монархистов. Поэтому он посчитал целесообразным не доводить конфликт до разрыва. 11 марта президент вновь явился в парламентскую комиссию и объявил, что согласен с внесенными депутатами в «закон Лефрана» поправками.

⁴² 10 марта 1870 г. депутаты избранного в Бордо Национального собрания, состоявшего из монархического большинства и республиканского меньшинства, договорились, что вопрос государственного устройства Франции будет решаться только после заключения мирного договора с Германией. Эта договоренность и получила название «пакта Бордо».

⁴³ Орлов — Горчакову, 26 января 1872 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 80 (1). Л. 7—9.

⁴⁴ Там же. Л. 9. Любопытна пометка императора на полях депеши Орлова: *très vrais* (так и есть).

⁴⁵ Секретная телеграмма Орлова от 19 февраля 1872 г. // Там же. Л. 155.

⁴⁶ *Антюхина-Московченко В.И.* Указ. соч. С. 121.

⁴⁷ Орлов — Горчакову, 8 марта 1872 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 80 (1). Л. 7—9.

Уступчивость Тьера во многом объяснялась его желанием не расшатывать неустойчивый режим до полного вывода немецких оккупационных войск с территории Франции. Тем не менее сделанная им уступка многими была расценена как личное поражение Тьера, чем не преминули воспользоваться его противники из правого лагеря.

Опасения главы государства относительно намерения вчерашних единомышленников-орлеанистов подыскать ему замену не были беспочвенными. В мае 1872 г. орлеанисты, разочаровавшиеся в Тьере, решили выдвинуть на пост президента герцога Омальского, возвращению которого из изгнания в 1871 г. активно способствовал сам Тьер. Именно с ним орлеанисты отныне связывали надежды на восстановление либеральной монархии. «Орлеанисты решительно недовольны господином Тьером, которого они обвиняют, и не без оснований, в повороте влево, — сообщал в Петербург князь Орлов. — Один из их лидеров дал мне понять, что воцарение графа Парижского⁴⁸ пока еще не представляется возможным из-за оппозиции легитимистов. Необходимо, чтобы страна прошла через переходный период. Герцог Омальский, поставленный во главе Республики, как сказал мне представитель орлеанистов, спокойно, но уверенно восстановит монархию»⁴⁹.

В другой депеше Орлов подтвердил, что «сторонники Орлеанского дома считают герцога Омальского своим вождем»⁵⁰. Они ждут лишь удобного случая, чтобы предложить его кандидатуру Национальному собранию⁵¹.

В то время, когда орлеанисты затеяли интригу против своего недавнего лидера, сам Тьер боролся с поразившим его бронхитом, представлявшим серьезную угрозу для 74-летнего президента. Доктора опасались, что болезнь затронет легкие. Но в тот раз все обошлось. Через полтора месяца Тьер оправился от болезни и вернулся к активной политической деятельности. Он делает еще один шаг, отдаляющий его от вчерашних единомышленников.

12 июля, накануне закрытия парламентской сессии, президент появляется перед депутатами и предлагает им прекратить затянувшиеся дискуссии о государственном строе Франции. «Господа, — напоминает он, — вы сами дали нам форму правления под названием Республика». «Разумеется, Республику консервативную», — добавил он, обозначив свою позицию⁵².

«Президент Республики, по всей видимости, окончательно стал республиканцем, — констатировал князь Орлов, комментируя заявление Тьера в Национальном собрании. — Ему, видимо, пришлось по душе роль Вашингтона, и он использовал ошибки, допущенные монархической партией, для продвижения к окончательному утверждению республиканской формы правления. Заявление, которое президент только что сделал с трибуны, это открытый вызов, который он бросил монархистам»⁵³.

Тогда, летом 1872 г., монархистам не удалось свергнуть Тьера. В значительной степени это объяснялось острыми разногласиями между орлеанистами и легитимистами. Последние воспротивились намерению почитателей герцога Омальского провести его на пост президента Республики. Легитимисты в принципе не принимали республиканский режим, считая его временным. Вместе с тем они исходили из того, что их вождь, граф де Шамбор, называвший себя Генрихом V, никогда не согласится стать преемником Тьера во главе республики. Поэтому они подыскивали своего кандидата, согласного в переходный период от республики к монархии подготовить почву для возвращения «Генриха V» на трон Бурбонов. Лучшее всех на эту роль подходил маршал Мак-Магон, председатель Высшего военного совета, который как будто даже соглашался занять президентский кабинет до того момента, когда легитимисты и орлеанисты наконец договорятся между собой. Данное

⁴⁸ Титул, который герцог Омальский принял после смерти в 1850 г. своего отца, свергнутого короля Луи-Филиппа. Тем не менее многие продолжали по-прежнему называть его герцогом Омальским.

⁴⁹ Орлов — Горчакову, 28 мая 1872 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 79. Л. 7–9.

⁵⁰ Там же. Л. 169.

⁵¹ Там же. Л. 143.

⁵² *Hanotaux G.* Op. cit. Т. II. P. 161.

⁵³ Орлов — Вестману, 16 июля 1872 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 79. Л. 175.

обстоятельство и помешало выдвижению графа Парижского (герцога Омальского) на роль преемника Тьера.

Но и Тьер, как сообщал Орлов, не терял времени даром. Получив информацию о готовящемся сговоре легитимистов с орлеанистами, он вызвал к себе маршала Мак-Магона и получил от него заверение в том, что тот не участвует в монархическом заговоре⁵⁴.

Свои наблюдения за разгоравшимся в стране очередным политическим кризисом князь Орлов обобщил в развернутой записке, отправленной в Петербург⁵⁵.

В ней посол рассуждает о том, какая форма правления — монархия или республика — имеет больше шансов утвердиться во Франции, душа которой, по замечанию Орлова, в равной степени формировалась как Бурбонами при Старом порядке, так и революцией 1789 г. С самого начала Орлов в записке определил свое отрицательное отношение к идее восстановления во Франции монархического режима. «Невозможно вернуться туда, откуда ушли, — писал он, имея в виду французскую монархию. — Республика... в наименьшей степени разделяет страну и потому может стать приемлемой для всех формой правления. Напротив, монархия объединит против себя республиканцев. Ничто не сможет помешать республиканцам сформировать мощную и грозную партию и успешно действовать, пока монархисты пребывают в сонном состоянии, и компенсировать недостающую численность смелостью их предприятия и настойчивостью их пропаганды».

Напомнив старую истину, что «каждый народ имеет тот режим, которого заслуживает», Орлов подчеркнул: «Никогда ни в одной монархической стране верховная власть не допускала столько злоупотреблений, как это сделали Бурбоны во Франции. Они разрушили ее финансовое благополучие, привели к падению численности населения и порче нравов, они жертвовали интересами сельского населения ради великолепия двора, они разрушили провинциальные и коммунальные свободы, убили жизнь на местах, сломали независимость французского характера, одним словом, они подготовили страну к деспотизму террора и к военному деспотизму двух империй, и, наконец, ко всем последующим несчастьям... Нужно ли после этого удивляться, что монархия не имеет больше корней во Франции! Она так часто терпела крах, что потеряла всякий престиж. Но что еще более серьезно, никто больше не верит в ее жизнеспособность. Складывается впечатление, что даже в глазах ее сторонников монархия больше не гарантирует стабильности, которая считалась ее главным достоинством. Как же в таких условиях можно говорить о ее восстановлении и возможности существования на сколь-нибудь продолжительный период?».

По убеждению Орлова, республика во Франции более жизнеспособна, нежели монархия — либеральная и тем более легитимная. К тому же республиканская Франция представляет меньшую угрозу для своих соседей, т.е. для спокойствия Европы. «Республика, — писал русский посол, — могла бы полностью сосредоточиться на улучшении своего внутреннего положения, в частности на обеспечении в ней социального порядка.

Республика — это сама нация, и как таковая она может использовать репрессивные силы, запрещенные монархии, которой никто не простит кровь, пролитую для своей защиты. Это уже было доказано. Республики 1848 и 1871 годов ценой ожесточенной борьбы и безжалостных казней разгромили беспрецедентно мощные восстания. Только коллективные и анонимные правительства, способные на подобного рода репрессии, могут взять на себя такую ответственность».

Из сказанного Орлов делает предельно четкий вывод: «Свержение нынешней республики неизбежно приведет к новой внутренней войне с двумя перспективами — социальной революции... как в 1870 г., и к новому расчленению страны». Франция, заключал русский посол, «должна сохранить республику, не боясь подвергнуться кризисам и катастрофам, пусть даже более ужасным, чем те, которые она только что пережила».

⁵⁴ Там же Л. 172 об. — 173 об.

⁵⁵ Записка Орлова от 24 июля 1872 г. // Там же. Д. 81 (II). Л. 373—393.

«Есть еще кое-что, — продолжал Орлов. — Державы, желающие сохранить мир хотя бы на несколько лет, должны надеяться, что во Франции не возникнет соблазна монархической реставрации. Кроме того, названием “республика” уже нельзя напугать иностранцев. Эта форма правления была в конце восемнадцатого века для одних предметом пылкого энтузиазма, а для других — яростного отвращения, смешанного со страхом. Эти чувства почти полностью исчезли. Великая проблема нашего времени — экономическая и социальная, а не политическая».

Орлов обратил внимание Петербурга, что Франция переживает болезненный процесс утверждения республики. «Французская нация склонна бросаться из одной крайности к другой; она никогда не видела завтрашнего дня», — заметил посол.

Что касается Тьера, то, как подчеркнул Орлов, президент занят исключительно политическими и административными реформами и «не задумывается о социальных реформах, гораздо более неотложных, чем реформы политические».

Подводя итоги завершившейся в июле 1872 г. парламентской сессии, русский посол констатировал сохраняющуюся неустойчивость республиканского режима и уязвимость президента Тьера, испытывающего давление и справа, и слева. «Две трети собрания, — напомнил Орлов, — представляют монархистов, треть его республиканского состава глубоко разобщена, а умеренные в глубине души не хотели бы ничего лучшего, как сплотиться вокруг монархии, способной защитить их от бесчинств красной партии...

Умеренные левые вновь стали республиканцами, и г-н Тьер, внутренне больше расположенный к правым, нежели к левым, тем не менее решительно встал на сторону последних. Этот государственный деятель думает только о дне сегодняшнем и почти не задумывается о будущем. Ему неизвестно понятие веры».

По мнению посла, многое во Франции в тот момент зависело от президента республики, состояние здоровья которого в последнее время вызывает дополнительные опасения. Если бы он вдруг решил перейти на сторону правых, то возможность восстановления монархии стала бы более реальной. «Политическая обстановка во Франции весьма неоднозначна и будущее совершенно неопределенно, несмотря на баснословный успех с размещением займа и оптимистические прогнозы правительственной прессы», — завершал свой анализ князь Орлов⁵⁶.

В последующих депешах Орлов укрепляется в убеждении об окончательном республиканском выборе главы государства. «Господин Тьер говорил со мной о монархических партиях. Он сожалеет о невозможности слияния двух ветвей [Бурбонов] и считает, что легитимисты и орлеанисты никогда не смогут договориться». Президент делает вывод о необходимости учреждения консервативной республики⁵⁷.

В республиканский выбор Тьера, как сообщал в Петербург князь, в конце концов, поверил даже лидер левых республиканцев Л. Гамбетта, с которым Г.Н. Орлов имел случай встретиться в доме известного парижского дантиста. «Тьер сделал решительный шаг к окончательному утверждению республики», — удовлетворенно сказал Гамбетта князю Орлову. Это тем более важно, добавил Гамбетта, что президент «никогда не разделял “радикальных мнений”»⁵⁸.

Встреча с лидером левых дала возможность Орлову ознакомиться с его политическим видением. Гамбетта выказал уверенность в неизбежном утверждении во Франции республиканского строя, которому симпатизирует большинство французов. Упрочению республики, по его убеждению, способствовало бы утверждение в стране всеобщего избирательного права и светского образования, на чем настаивают республиканцы. Резюмируя свои впечатления от этой встречи, русский посол констатировал: «Что меня больше всего в нем поразило, так это его уверенность в своем будущем и в том, что однажды он займет первое место в государстве»⁵⁹.

⁵⁶ Орлов — Вестману, 16 августа 1872 г. // Там же. Д. 79. Л. 178—180 об.

⁵⁷ Орлов — Вестману, 24 сентября 1872 г. // Там же. Д. 80 (I). Л. 121 об.

⁵⁸ Орлов, 15 октября 1872 г. // Там же. Д. 81 (III). Л. 508 об.

⁵⁹ Там же. Л. 509 об.

В очередной записке, направленной в Петербург на исходе октября 1872 г., Орлов обобщил свои наблюдения и размышления о перспективах развития политической ситуации во Франции⁶⁰. В резюмирующей части этой записки он отмечал: «Практический вывод из всего сказанного состоит в том, что будущее Франции неизбежно и неопределенно долго будет заключаться в двух понятиях — революция и реакция, анархия и деспотизм! Заболевание вступило в острую стадию. И пусть Европа признается себе в этом»⁶¹.

Развязка конфликта между президентом Тьером и монархическим большинством Национального собрания ожидалась на осенне-зимней парламентской сессии, где глава государства намеревался представить свой проект «консервативной республики». Незадолго до открытия сессии князь Орлов проинформировал Петербург об основных очертаниях этого проекта, конфиденциально ставшего ему известным⁶².

Исходным моментом для Тьера, по мнению Орлова, была его убежденность в неспособности двух соперничающих между собой монархических партий сформировать устойчивое правительство. В этом отношении «консервативная республика» представлялась главе государства более жизнеспособной. Для укрепления ее устойчивости Тьер намеревался уравновесить чрезмерное влияние Национального собрания созданием второй (верхней) палаты парламента, избираемой Генеральными советами департаментов, на лояльность которых к исполнительной власти не без оснований рассчитывал глава государства. «Вторая палата, действуя в согласии с президентом Республики, — сообщил Орлов, — была бы наделена правом роспуска Национального собрания. Как полагает Тьер, выборы принесут победу консервативному республиканскому большинству, которое и осуществит заветную мечту семидесятилетнего президента»⁶³. Тем самым Тьер, как полагал Орлов, надеялся освободиться от гнетущей опеки собрания, которое в любой момент могло отстранить его от власти.

У русского посла были серьезные сомнения относительно успеха проекта Тьера. «Я лично сильно сомневаюсь в возможности установления во Франции стабильной республики, — писал он в Петербург. — Этому противятся нравы, характер и инстинкты французского народа. Крупное государство вряд ли способно сохранить республиканскую форму правления, иначе как посредством федерации. Однако Франция — это образчик централизации. Единство является основой его институтов, и мы не можем коснуться его, не разрушив все правительственное здание. При этом мы должны признать, что рано или поздно централизация вернет монархию, которая служит ее живым воплощением. Господин Тьер не согласен с этим, он утверждает, что президент, вооруженный теми полномочиями, которыми он обладает сегодня, так же способен управлять централизованной страной, как и самый абсолютный монарх»⁶⁴.

Трудно представить, продолжал размышлять Орлов, что традиции якобинства и Коммуны умерли. «Они непременно напомнят о себе, как только старик Тьер сойдет в могилу. Более того, само создание консервативной республики до сих пор остается нерешенной проблемой. Господину Тьеру придется бороться с монархистами, которые очень сильны в нынешнем собрании». К тому же, отметил в заключение посол, его левые попутчики крайне ненадежны, их отличает склонность к демагогии, и они могут преждевременно выдать планы Тьера⁶⁵.

Окончательный разрыв президента Тьера с парламентским большинством Национального собрания, предопределивший в мае 1873 г. крушение его политической карьеры, произойдет 13 ноября 1872 г., когда депутаты возобновят свою работу после летних каникул. Но это уже тема для отдельного исследования.

Изучение дипломатической корреспонденции российского посольства в Париже с Санкт-Петербургом в период президентства А. Тьера показывает, что дипломаты (посол князь Н. А. Орлов

⁶⁰ «Quelques reflections sur l'état morale et politique de France». Орлов, 24 октября 1872 г. // Там же. Л. 518—527.

⁶¹ Там же. Л. 526 об.—527.

⁶² Орлов — Вестману, 31 октября 1872 г. // Там же. Д. 79. Л. 251—254 об.

⁶³ Там же. Л. 252.

⁶⁴ Там же. Л. 252 об.

⁶⁵ Там же. Л. 253 об.—254.

и советник посольства Г.Н. Окунев) достаточно объективно освещали сложный, сопровождаемый конфликтами процесс становления Третьей республики во Франции.

Оба дипломата давали вполне взвешенную оценку действиям А. Тьера, направленным на стабилизацию положения во Франции после поражения в войне с Германией, на необходимость выплаты огромной контрибуции без нанесения недопустимого ущерба собственной стране, а также на преодоление социально-политических последствий Парижской коммуны.

В заслугу дипломатическим представителям самодержавной Российской империи во Франции можно отнести их способность отрешиться от классовых предубеждений в анализе происходившего там политического процесса. Они достаточно убедительно, хотя и с понятными в их положении оговорками, говорили о предпочтительности для Франции республиканской формы правления перед монархией. Из их докладов в Петербург следовало, что исход борьбы между республиканцами и монархистами по вопросу государственного устройства Франции далеко еще не предreshen, но личный выбор президента Тьера в пользу республики, безусловно, повышает шансы ее сторонников. В то же время разрыв старого монархиста-либерала Тьера со своими прежними политическими друзьями, по мнению русских дипломатов, был чреват крахом его карьеры, что и случится в мае 1873 г.

Библиография

- Антухина-Московченко В.И.* Третья республика во Франции. 1870–1918. М., 1985.
Борисов Ю.В. Русско-французские отношения после Франкфуртского мира 1871–1875 / под общ. ред. академика Е.В. Тарле. М., 1951.
Черкасов П.П. Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870). М., 2015.
Черкасов П.П. Рождение Третьей республики во Франции глазами русского дипломата (сентябрь 1870 года – май 1871 года) // Новая и новейшая история. 2023. № 6. С. 77–94. DOI: 10.31857/S013038640028926-6
Amson D. Gambetta ou le rêve brisé. Paris 1994.
Azéma J.-P., Winock M. La IIIe République. Paris, 1976.
Démier F. La France du XIXe siècle. 1814–1914. Paris, 2000.
Hanotaux G. Le Gouvernement de M. Thiers. 1870–1873. T. I–II. Paris, 1925.
Grévy J. La République des opportunistes. 1870–1885. Paris, 1998.
Rémond R. La vie politique en France. 1848–1879. Paris, 2005.

References

- Antiukhina-Moskovchenko V.I.* Tre't'ya respublika vo Francii [Third Republic in France]. 1870–1918. Moskva, 1985. (In Russ.)
Borisov Yu. V. Russko-francuzskie otnosheniya posle Frankfurtskogo mira [Russian-French relations after the Frankfurt Peace]. 1871–1875. Moskva, 1951. (In Russ.)
Cherkasov P.P. Aleksandr II i Napoleon III. Nesostoyavshijsya soyuz [Alexander II and Napoleon III. Failed Union] (1856–1870). Moskva, 2015. (In Russ.)
Cherkasov P.P. Rozhdenie Tre't'ej respubliki vo Francii glazami russkogo diplo-mata (sentyabr' 1870 goda – maj 1871 goda) [The birth of the Third Republic in France through the eyes of a Russian diplomat (September 1870 – May 1871)] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2023. № 6. S. 77–94. DOI: 10.31857/S013038640028926-6 (In Russ.)
Amson D. Gambetta ou le rêve brisé. Paris 1994.
Azéma J.-P., Winock M. La IIIe République. Paris, 1976.
Démier F. La France du XIXe siècle. 1814–1914. Paris, 2000.
Hanotaux G. Le Gouvernement de M. Thiers. 1870–1873. T. I–II. Paris, 1925.
Grévy J. La République des opportunistes. 1870–1885. Paris, 1998.
Rémond R. La vie politique en France. 1848–1879. Paris, 2005.

DOI: 10.31857/S0130386424030087

© 2024 г. О.И. ТОГОЕВА

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ VS ПОЛИТИКА: ОБРАЗ ЖАННЫ Д'АРК В КИНЕМАТОГРАФЕ XX века

Ольга Игоревна Тогоева — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: togoeva@yandex.ru

Scopus Author ID: 57190877809; ORCID: 0000-0001-7854-3222; Researcher ID: A-4992-2019

Аннотация. Статья основана на едином корпусе исторических фильмов — полнометражных художественных картин, вышедших на экраны в XX в. и посвященных одному общему сюжету — эпопее Жанны д'Арк (1412?–1431), героини Столетней войны. В посвященной ей современной историографии (*études johanniques*) подобные комплексные исследования до сих пор практически не проводились: специалисты предпочитают анализировать каждый фильм по отдельности, тем самым упуская из виду возможные связи и пересечения в идеях их создателей. Цель автора статьи состоит в том, чтобы рассмотреть, насколько эти художественные картины соответствуют одному из важнейших принципов исторического кинематографа, выделенных в свое время Робертом Розенстоуном, — принципу достоверности, согласно которому повседневная жизнь той или иной эпохи прошлого должна изображаться на экране предельно точно, с максимальным соблюдением всех деталей. Данные наблюдения приводят автора статьи к заключению, что реалистичность в большинстве случаев не является приоритетом для сценаристов и режиссеров фильмов о Жанне д'Арк. Скорее нужно говорить о следовании тому конкретному историческому моменту, в который задумывается и реализуется тот или иной киносценарий. Если для начала XX столетия, в преддверии официальной канонизации Орлеанской Девы, которая состоялась в 1920 г., картины о ней носили ярко выраженный агиографический (житийный) характер, то с течением времени их смысловая нагрузка постоянно изменялась и варьировалась — от критики системы европейского судопроизводства вплоть до критики (или превознесения) существующего политического строя.

Ключевые слова: Франция, Столетняя война, Жанна д'Арк, историческая память, история повседневности, политическая история, исторический кинематограф.

O.I. Togoeva

Everyday Life vs. Politics: the Image of Joan of Arc in the Cinema of the Twentieth Century

Olga Togoeva, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: togoeva@yandex.ru

Scopus Author ID: 57190877809; ORCID: 0000-0001-7854-3222; Researcher ID: A-4992-2019

Abstract. The article draws on a unified corpus of historical feature films released in the twentieth century and centred on a single subject, namely the story of Joan of Arc (1412?–1431), the heroine of the Hundred Years' War. In modern historiography (*études johanniques*) such comprehensive

studies practically have not yet been conducted: researchers prefer to analyze each film separately, thereby missing possible connections and intersections of their creators' ideas. In this article, the author aims to examine the extent to which these films conform to one of the most important principles of historical drama, that is, the principle of authenticity, which requires that the daily life of a particular historical era be portrayed on the screen with the utmost accuracy. These observations lead the author to conclude that, in most cases, realism is not a priority for the makers of films about Joan of Arc. Rather, their task is to follow the current historical moment in which a particular screenplay is conceived and implemented. At the beginning of the twentieth century, on the eve of the official canonisation of the Maid of Orleans (1920), the films about her had a distinctly hagiographical character, but over the following decades their semantic load kept changing, ranging from criticism of the European judicial system to criticism (or exaltation) of the existing political system.

Keywords: France, Hundred Years' War, Joan of Arc, historical memory, the history of everyday life, political history, historical films.

Исторические сюжеты всегда оставались одними из самых востребованных в кинематографе XX в. Реальные события прошлого легли в основу многих ранних европейских фильмов — как отечественных («Понизовая вольница» 1908 г., «Смерть Иоанна Грозного» 1909 г., «Петр Великий» 1910 г.), так и зарубежных («Дело Дрейфуса» 1900 г., «Убийство герцога Гиза» 1908 г., «Битва» 1911 г.)¹. В 1920–1940-х годах наступил расцвет так называемого батального кино², на смену которому в 1950–1960-х годах явились «пеплумы» — картины, посвященные античной и библейской истории и снимавшиеся преимущественно в Италии и в США³, где примерно в то же время начал активно развиваться и жанр вестерна⁴. Последняя же волна популярности исторических фильмов пришлась, как отмечают исследователи, на 1990-е — начало 2000-х годов⁵.

Согласно ставшей уже признанной классификации Роберта Розенстоуна⁶, любой исторический фильм обладает рядом устойчивых характеристик. Прежде всего ему свойственна идея прогресса, когда создатели убеждают зрителя в том, что ему не придется жить в ту далекую/прошлую/переломную эпоху, о которой ему рассказывают. Не менее распространенным является предельное внимание к частной судьбе индивида, представленной как сугубо типичная. Историческому фильму также присуща законченность сюжета, что не предполагает альтернативного прочтения событий прошлого. Вместе с тем обычно присутствуют личный, эмоциональный подход сценаристов и режиссеров к избранному ими сюжету, а также склонность к обобщенному изображению фактов. Наконец, одной из важнейших отличительных черт подобных картин становится внимание к исторической достоверности, т.е. попытки максимально точно отразить на экране особенности повседневной жизни той эпохи, о которой идет речь.

Именно на этом аспекте проблемы, реалистичности исторического кинематографа, мне бы и хотелось остановиться. В рамках статьи мною будет рассмотрен сравнительно небольшой корпус фильмов, созданных в XX в. и посвященных одному сюжету — эпопее Жанны д'Арк, героини Столетней войны. Несмотря на общую тематику, картины эти крайне неоднородны и по своим техническим характеристикам, и по времени и стране

¹ Козлов Л.К. Исторический фильм // Кино. Энциклопедический словарь / гл. ред. С.И. Юткевич. М., 1987. С. 156–157; Rosenstone R.A. History on Film/Film on History. London; New York, 2006. P. 11–15.

² Козлов Л.К. Указ. соч.; Swann P. The British Documentary Film Movement, 1926–1946. Cambridge, 1989. P. 150–173.

³ Aziza C. Le péplum: L'Antiquité au cinéma. Paris, 1998. P. 5.

⁴ Tailleur R. L'Ouest et ses miroirs // Le Western. Approches, mythologies, auteurs, filmographies / sous la dir. de R. Bellour. Paris, 1993. P. 19; Cohen C. Le western. Paris, 2005. P. 5.

⁵ Robé C. Taking Hollywood Back: The Historical Costume Drama, the Biopic, and Popular Front U.S. Film Criticism // Cinema Journal. 2008. Т. 48 (2). P. 70–87.

⁶ Rosenstone R.A. "Like writing history with lighting": film historique/vérité historique // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 1995. Т. 46. P. 164–166. Те же аргументы приведены в: Idem. History on Film/Film on History. P. 154–164.

появления, и по политическим и религиозным симпатиям их авторов, а потому представляется интересным понять, до какой степени они соответствуют принципу достоверности и нашим знаниям о прошлом, можно ли рассматривать их как специфический исторический источник, и, если да, какую именно эпоху каждый из них отражает.

Само имя Орлеанской Девы, одной из наиболее популярных и узнаваемых героинь эпохи Средневековья⁷, заставляет думать, что количество посвященных ей фильмов должно было бы быть весьма внушительным. Картины о ней действительно начали сниматься уже в конце XIX в., на заре существования самого кинематографа, продолжая появляться они и по сей день. Тем не менее специалистам доподлинно известно о довольно небольшом числе реализованных проектов: полнометражных художественных фильмов о Жанне д'Арк с конца XIX в. по конец XX в. было снято всего шестнадцать⁸.

К ним прежде всего относятся работы, вышедшие на широкий экран в период, когда Дева уже была объявлена Достопочтенной (1894) и Блаженной (1909) и дело шло к ее официальной канонизации как новой покровительницы Франции (1920)⁹. В 1898 г. появилась «Казнь Жанны д'Арк» (*Exécution de Jeanne d'Arc*) Жоржа Ато (Франция). В 1908 г. была закончена «Жизнь Жанны д'Арк» (*La vie de Jeanne d'Arc*) Альбера Капеллани (Франция), а в 1909 г. – «Жизнь Жанны д'Арк» (*Vita di Giovanna d'Arco*) итальянца Марио Казерини. Наконец, в 1913 г., также в Италии, режиссером Убальдо Мариа дель Колле была снята «Жанна д'Арк» (*Giovanna d'Arco*). Однако до нас эти фильмы, к сожалению, не дошли¹⁰.

Из 12 сохранившихся картин некоторые также имели сложную судьбу. В 1900 г. публичке была представлена 15-минутная лента классика раннего европейского кинематографа Жоржа Мельеса «Жанна д'Арк» (*Jeanne d'Arc*)¹¹. Эта работа оказалась впоследствии утеряна, но ее раскрашенную от руки копию обнаружили в 1982 г. по заказу французского правительства датский режиссер Карл Теодор Дрейер снял «Страсти Жанны д'Арк» (*La passion de Jeanne d'Arc*), которая также долгое время считалась утраченной: ее единственная уцелевшая копия была найдена в 1981 г. в Осло. Та же участь постигла и «Чудесную жизнь Жанны д'Арк, дочери Лотарингии» (*La merveilleuse vie de Jeanne d'Arc, la fille de Loggaine*) 1929 г. французского режиссера Марко де Гастина. В годы Второй мировой войны фильм был утерян, однако его удалось частично восстановить в 1983 г.

Все остальные картины дошли до нас в первозданном виде. В 1917 г. на экраны вышла «Жанна-женщина» (*Joan the Woman*) знаменитого американского режиссера Сесила Демилля. Затем последовали «Дева Жанна» (*Das Mädchen Johanna*) Густава Учицки (Германия, 1935 г.), «Жанна д'Арк» (*Joan of Arc*) Виктора Флеминга (США, 1948 г.), «Жанна д'Арк на костре» (*Giovanna d'Arco al rogo*) Роберто Росселлини (Италия, 1954 г.), «Святая Жанна» (*Saint Joan*) Отто Премингера (США, 1957 г.), «Процесс Жанны д'Арк» (*Procès de Jeanne*

⁷ *Du bon usage des grands hommes en Europe / sous la dir. de J.-N. Jeanneney, P. Joutard. Paris, 2003. P. 193.*

⁸ В этом списке не учитываются телевизионные постановки, а также те фильмы, в которых Жанна д'Арк является второстепенным действующим лицом. Полный список вышедших до сегодняшнего дня картин, см. на сайте: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Cultural_depictions_of_Joan_of_Arc (дата обращения: 28.01.2024).

⁹ О канонизации Жанны д'Арк и о спорах, которые предшествовали этому решению во Франции, см.: *Mas E. Procès de canonisation de Jeanne d'Arc // Bulletin de l'Association des Amis du Centre Jeanne d'Arc. 1998. № 22. P. 51–72; Renoux C. Faut-il canoniser Jeanne d'Arc? Les chemins de la béatification de la Pucelle d'Orléans (1429–1869) // Bulletin de la Société archéologique et historique de l'Orléanais. 2011. № 165. P. 5–65.*

¹⁰ Сохранилось всего несколько минут (кадров) из картины Ж. Ато. В настоящее время с ними можно познакомиться в Центре Жанны д'Арк в Орлеане (Франция).

¹¹ Ж. Мельес утверждал, что все 12 сцен его «Жанны д'Арк» были сняты еще в 1897 г., однако в каталог собственных работ он включил эту картину только в 1900 г.: *Harty K.J. Jeanne au cinéma // Fresh Verdicts on Joan of Arc / eds V. Wheeler, C.T. Wood. London; New York, 1996. P. 237–238; Michaud-Fréjaville F. Cinéma, Histoire: autour du thème "johannique" // Cahiers de Recherches Médiévales. 2005. № 12. P. 285. Так или иначе, но данная картина считается первым в мировом кинематографе историческим фильмом: *Harty K.J. The Reel Middle Ages: American, Western and Eastern European, Middle Eastern and Asian films about Medieval Europe. Jefferson; London, 1999. P. 4.**

d'Arc) Робера Брессона (Франция, 1962 г.), «Начало» Глеба Панфилова (СССР, 1970 г.) и «Жанна-Дева» (Jeanne la Pucelle) Жака Риветта (Франция, 1994 г.). Наконец, в 1999 г. на экраны вышел последний на сегодняшний день полнометражный фильм, посвященный истории французской национальной героини, — «Посланица: история Жанны д'Арк» (The Messenger: The Story of Joan of Arc) Люка Бессона¹².

В рамках одной статьи не представляется возможным рассказать об истории создания всех этих картин или подробно остановиться на содержании хотя бы нескольких из них. В то же время их комплексный анализ способен пролить свет на то, при помощи каких приемов создатели киноэпопеи о Жанне д'Арк пытались добиться эффекта реальности при изображении исторического антуража: географического пространства, деталей средневекового быта, манеры поведения и внешнего вида персонажей (костюмов, причесок, оружия и украшений), событий Столетней войны.

Вне всякого сомнения, историку-медиевисту в любом фильме, посвященном той эпохе, которой он занимается профессионально, в первую очередь бросаются в глаза неувязки сугубо содержательного характера. Присутствуют они и во всех без исключения картинах о Жанне д'Арк. Так, в фильме Жоржа Мельеса 1900 г. уход героини из ее родной деревни Домреми «во Францию» зимой 1429 г. — на помощь дофину Карлу (будущему Карлу VII) и его войску — происходил с ведома и при поддержке родителей. В действительности девушка самовольно покинула отчий дом, что, с точки зрения ее современников, являлось грехом непослушания и потребовало отдельных слушаний в ходе процесса по реабилитации 1455—1456 гг., когда для оправдания столь сомнительного поступка была использована аналогия с Иисусом Христом, оставившим семью во исполнение высшей цели¹³. Столь же ошибочно решение Жанны интерпретировано и в фильме Люка Бессона 1999 г., где оно объяснялось не тайным общением Девы с ее «голосами» (архангелом Михаилом и святыми Екатериной и Маргаритой), о чем она прямо заявляла на обвинительном процессе 1431 г.,¹⁴ но выдуманной историей об изнасиловании англичанами Екатерины, старшей сестры героини, и о ее последующей гибели. И если в подходе Ж. Мельеса легко угадывалась попытка оправдать поступок Жанны д'Арк ввиду ее грядущей канонизации, то для трактовки Л. Бессона оказывалось характерным желание избежать обращения к наиболее важному, хотя и спорному, моменту всей эпопеи Орлеанской Девы — к вопросу о ее мистицизме.

Примеров ошибочных интерпретаций исторических фактов в рассматриваемых фильмах можно привести не один десяток: и для специалиста, и для любого начитанного человека они очевидны. Однако в том, что касается воссоздания средневекового антуража, проблема решается не столь просто. Можно сказать, что в данном случае зрители становятся свидетелями весьма любопытного явления: достоверная информация, подтверждение которой находится в источниках, буквально на глазах начинает дробиться, распадаясь на правдивую, правдоподобную и, наконец, полностью вымышленную.

¹² Интересно отметить, что в некоторых из этих фильмов роль Жанны д'Арк исполняли либо непрофессиональные, либо совсем юные актрисы. Так, для Рене-Жанны Фальконетти (картина К.Т. Дрейера) данная роль стала первой и последней в кино. Симоне Женева, приглашенной М. де Гастиниом, на момент начала съемок исполнилось всего 17 лет, и она оказалась даже моложе своей героини. Флоранс Дёле снялась у Р. Брессона в 20 лет, не собираясь при этом посвящать себя актерской карьере. Подобный подход, по мнению В. Амьеля, должен был гарантировать чистоту образа, создаваемого этими актрисами: *Amiel V. Les représentations de Jeanne d'Arc au cinéma // De l'hérétique à la sainte. Les procès de Jeanne d'Arc revisités / ed. par F. Neveux. Caen, 2012. P. 299.*

¹³ "Ait enim Christus ad matrem et Joseph, Luce II: "Quid est quod me querebatis? Nesciebatis, quia in his que patris mei sunt oportet me esse?" (Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc / ed. P. Duparc: in 5 vols. Paris, 1979. Vol. 2. P. 455). "Quadam occasione verbi Salvatoris nostri quo dicit: "Omnis qui reliquerit patrem et matrem propter me centuplum accipiet" (Ibid. P. 209). Подробнее см.: *Тогоева О.И.* Еретичка, ставшая святой. Две жизни Жанны д'Арк. М.: СПб., 2016. С. 252—253.

¹⁴ "Respondit quod illa vox erat sancte Katharine et sancte Margarete... Respondit quod sanctus Michael primo venit" (Procès de condamnation de Jeanne d'Arc / eds P. Tisset, Y. Lanhers: in 3 vols. Paris, 1960—1971. Vol. 1. P. 71, 73). См. об этих допросах: *Тогоева О.И.* Еретичка, ставшая святой. С. 140—142.

Данный эффект хорошо заметен, в частности, по тому, как изображалось в картинах о Жанне д'Арк географическое пространство, в котором разворачивалась ее эпопея. Речь шла о Французском королевстве первой трети XV в., а конкретно — о нескольких населенных пунктах, в обязательном порядке присутствовавших практически во всех фильмах. Это — родная деревня девушки Домреми в Лотарингии; замок Шинон, где героиня впервые встретила с дофином Карлом; Орлеан — место ее крупнейшей военной победы в мае 1429 г., в результате которой она получила свое легендарное прозвище *Pucelle d'Orléans*; Реймс, где 17 июля того же года состоялась коронация дофина под именем Карла VII; Париж, так и не открывший ворота перед войсками, ведомыми Жанной, в сентябре 1429 г.; и, наконец, Руан — место суда над Девой и ее казни в мае 1431 г.

При анализе особенностей кинематографического прочтения этих географических локаций следует учитывать одно важное обстоятельство. Все без исключения имеющиеся в нашем распоряжении фильмы, безусловно, комплиментарны по отношению к главной героине, их авторы стремились любыми способами представить ее эпопею в идеальном свете. Вот почему только в двух из них (причем самых поздних по времени появления) присутствовал эпизод с осадой Парижа, захватить который французским королевским войскам так и не удалось. Жак Риветт в 1994 г. и Люк Бессон в 1999 г. попытались в том числе и таким образом сохранить в своих произведениях определенную историческую объективность. Все прочие авторы при обращении к теме Столетней войны данную сцену опустили, не желая, по всей видимости, напоминать зрителям о событии, послужившем поводом для охлаждения отношений между Девой и ее королем¹⁵.

Из этого визуального ряда выпадают всего три картины, поскольку посвящены они исключительно ходу обвинительного процесса над Жанной д'Арк, состоявшегося в Руане в феврале — мае 1431 г. Как следствие, никаких иных населенных пунктов мы в этих фильмах не найдем, хотя и столицы Нормандии также не увидим: и К.Т. Дрейер в 1928 г., и Р. Брессон в 1962 г., и Г.А. Панфилов в 1970 г. полностью отказались от каких бы то ни было панорамных планов. В фокусе их камеры находились только тюрьма, зал заседаний, в котором допрашивали героиню, и место ее казни, причем все эти локации отличала нарочитая безликость¹⁶. Следует признать, что подобный подход к изображению географического пространства представляется лучшим из возможных, поскольку он в принципе не дает зрителям повода упрекнуть создателей этих картин в исторической неточности¹⁷.

Впрочем, подобных обвинений всеми возможными способами пытались избежать все упомянутые режиссеры, хотя действовал каждый из них по-своему и с разным успехом. Так, Жорж Мельес на рубеже XIX—XX вв. отправился в деревню Домреми, дабы на месте запечатлеть дом семейств д'Арк, к тому времени тщательно отреставрированный¹⁸. Сесил Демиль, снимая свой фильм в США в годы Первой мировой войны и не имея возможно-

¹⁵ *Contamine Ph., Bouzy O., Héлары X. Jeanne d'Arc. Histoire et dictionnaire.* Paris, 2012. P. 180—190.

¹⁶ Отчасти та же особенность характерна и для фильма Р. Росселлини 1954 г., который представляет собой переложение на язык кинематографа оратории «Жанна д'Арк на костре» Поля Клоделя и Артура Хоннегера (1938). Фильм является записью спектакля, поставленного в театре Сан-Карло (Неаполь) в декабре 1953 г. Все действие, таким образом, разворачивается в одной-единственной локации — на месте казни Девы.

¹⁷ Здесь важно отметить и тот факт, что все три автора самым внимательным образом отнеслись к историческим фактам, с которыми работали. Фильмы К.Т. Дрейера и Р. Брессона основывались исключительно на материалах обвинительного процесса 1431 г. Датский режиссер мог ознакомиться с ними по переводам конца XIX в., французский — уже по академическому изданию Пьера Тиссе, начавшему выходить в 1960 г. На съемки фильма «Начало» в качестве научного консультанта Глеб Панфилов пригласил В.И. Райцеса, лучшего в СССР знатока эпопеи Жанны д'Арк: *Абрамович С.Л. Владимир Ильич Райцес. Памятные записки // Средние века.* 1997. № 60. С. 356—357; *Hilaire Y.-M. Jeanne d'Arc, dès romantiques à nos jours // Histoire du Christianisme.* 2008. № 43. P. 60—67.

¹⁸ Реставрация была проведена в 1818—1820 гг. при поддержке лично Людовика XVIII, пожелавшего создать из Домреми подлинное место памяти о французской национальной героине: *Тогоева О.И. «Дева со знаменем». История Франции XV—XXI веков в портретах Жанны д'Арк.* М., 2023. С. 276—300.

сти выехать во Францию, в сцене коронации Карла VII использовал задник, на котором вполне реалистично был изображен интерьер Реймского собора. Всего 12 годами позже, в 1928 г., Марко де Гастин, располагая всеми средствами для натуральных съемок, вновь снимал Домреми в Домреми, однако он же по неизвестной причине избрал для изображения Орлеана крепость Эг-Морт в Лангедоке. Его решение кажется тем более удивительным, что сам Орлеан еще не был разрушен в ходе бомбардировок Второй мировой войны и вполне подходил для того, чтобы сыграть самого себя в сценах осады города англичанами в 1429 г. Напротив, крепость Эг-Морт никоим образом не относилась к Французскому королевству начала XV в., более того, она была слишком узнаваема, чтобы хоть как-то претендовать на роль Орлеана. Впрочем, этот город оказался все же не забыт. Туда в 1993 г. отправился Жак Риветт, дабы снять сцену решающего штурма французскими войсками под руководством Жанны д'Арк крепости Турнель, занятой противником. Проблема заключалась лишь в том, что к этому моменту от средневекового Орлеана не осталось практически ничего, а потому «Жанна-Дева» Риветта вызывает у знающего зрителя лишь усмешку, а у незнающего — глубокое изумление тем фактом, что англичане на протяжении семи месяцев осады так и не смогли захватить город¹⁹, лежавший, если верить увиденному на экране, практически в руинах.

Несколько иной подход к проблеме исторической достоверности демонстрируют режиссеры, создававшие картины из средневековой жизни в тех европейских регионах, где еще можно было найти уцелевшие и более или менее аутентичные крепости. Классическим примером в данном случае может служить работа Люка Бессона 1999 г., который вел съемки батальных сцен в Чехии, а также использовал в фильме естественные декорации замков Конопиште, Пернштейн и французских Каркассона и Бейнака. Перед зрителем, таким образом, предстала заведомая ложь, ведь речь шла или о совсем другой стране, или не совсем о тех французских провинциях, где разворачивались основные события Столетней войны. Тем не менее выбор в пользу художественной условности, возможно, оказывался не так уж плох: подобное допущение предполагало если не отсылку к исторической реальности, то, по крайней мере, некоторое правдоподобие того, что происходило на экране, хотя бы с точки зрения архитектуры и топографии средневековых городов.

Что же касается внутреннего устройства крепостей и замков, где разворачивались главные события почти любого фильма о Жанне д'Арк, то к ним, в отличие от географического пространства, возникает куда больше вопросов. Как представляется, ни сценаристы, ни художники, ни костюмеры не имели ни малейшего понятия о том, как протекала повседневная жизнь средневекового города, и прежде всего французского королевского двора. Ключевым с этой точки зрения во всех рассматриваемых картинах являлся эпизод прибытия героини в Шинон и ее первой встречи с дофином Карлом. Практически все режиссеры решали данную сцену как массовую, несмотря на то что окружение будущего Карла VII весной 1429 г. едва ли насчитывало 25–30 человек. Впервые данную версию событий обосновал В.И. Райцес в докладе, сделанном в 1988 г. в Центре Жанны д'Арк в Орлеане, а затем в опубликованной по-французски статье²⁰. Вызвавшая поначалу удивление и неприятие, гипотеза советского историка (случай почти небывалый для *études johanniques*) впоследствии получила поддержку и в настоящее время считается общепринятой²¹. Однако и в фильме Ж. Риветта 1994 г., и в фильме Л. Бессона 1999 г., вышедших после публикации В.И. Райцеса, зрители наблюдают все ту же легендарную встречу Жанны д'Арк с дофином, окруженным десятками людей.

¹⁹ Осада Орлеана английскими войсками длилась с 12 октября 1428 по 8 мая 1429 г.

²⁰ *Raytses V. La première entrevue de Jeanne d'Arc et de Charles VII à Chinon. Essai de reconstruction d'un fait historique // Bulletin de l'Association des Amis du Centre Jeanne d'Arc. 1989. № 13. P. 7–17. Рус. пер.: Райцес В.И. «Свидание в Шиноне». Опыт реконструкции // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2003 / под ред. М.А. Бойцова, И.Н. Данилевского. Вып. 5. М., 2003. С. 42–59.*

²¹ *Contamine Ph., Bouzy O., Hélar Y. Op. cit. P. 106–111.*

Более того, изображения двора Карла VII во всех без исключения картинах, где присутствовали подобные сцены, представляли собой иллюстрацию еще одного распространенного историографического мифа, согласно которому придворная жизнь в эпоху Средневековья отличалась исключительной роскошью в противовес полному лишений и трудов быту простых горожан и крестьян²². Никто из режиссеров не попытался вникнуть в реальные обстоятельства существования дофина Карла и его ближайшего окружения, хорошо известные историкам. Начиная с 1420-х и вплоть до середины 1430-х годов французский правитель не имел даже собственной столицы, а его верными спутниками в эти годы оставались все возмущенные дольщики перед вассалами, нехватка средств для оплаты и вооружения собственной армии и наемников, невозможность послать помощь осажденному Орлеану²³.

Тем не менее встреча Жанны с будущим королем обычно изображалась в фильмах как роскошный придворный праздник. Уже у Жоржа Мельеса в 1900 г. свидание в Шиноне происходило во время застолья, которое протекало в покоях Карла, но напоминало, скорее, вечеринку в городской таверне с участием полуголых танцовщиц. При этом дофин, весной 1429 г. еще не помазанный на царство, восседал на богато украшенном королевскими золотыми лилиями троне, внезапно оказавшемся в Шиноне.

Много вопросов в изображении данной сцены вызывают и костюмы придворных, особенно в довоенных фильмах. Все тот же Жорж Мельес упустил из виду, что встреча Жанны с Карлом происходила на исходе зимы²⁴, когда в любом средневековом помещении (и особенно в каменном замке) стоял холод, не предполагавший наличия декольтированных платьев и босых ног у придворных дам. Впрочем, сами дамы также должны были бы в этой сцене отсутствовать, поскольку при дворе правителя на постоянной основе они начали появляться ближе к концу XV в.²⁵

Те же ошибки в 1929 г. совершил и Марко де Гастин. Более того, его выбор костюмов для актеров явно ориентировался на исторические реконструкции, без которых уже в начале XX в. не обходился практически ни один французский праздник, посвященный той или иной знаменательной дате²⁶. Послевоенные фильмы с этой точки зрения выглядели значительно лучше, хотя и здесь иногда случались досадные промахи. Так, в фильме Виктора Флеминга 1948 г. в сцене свидания Жанны и Карла на голове дофина уже красовался королевский венец, который он не имел права носить до официального помазания, состоявшегося (при активной помощи Девы) только 17 июля 1429 г.

Не менее интересна для анализа еще одна массовая сцена, в обязательном порядке присутствовавшая практически во всех рассматриваемых фильмах, — сцена суда над Жанной в 1431 г. в Руане. Несмотря на то, что от этого процесса сохранилось множество документов²⁷, мы очень мало знаем о том, в каких условиях он происходил. В результате режиссеры домысливали эти обстоятельства в меру собственных сил. Один из наиболее любопытных

²² О крайне бедном и в целом незатейливом быте средневековых европейских правителей любого ранга см.: *Бойцов М.А.* Скромное обаяние власти (К облику германских государей XIV–XV вв.) // *Одиссей. Человек в истории* – 1995. М., 1995. С. 37–66.

²³ *Contamine Ph., Bouzy O., Hélarly X.* Op. cit. P. 33–57.

²⁴ Предположительно 23 февраля 1429 г.: *Contamine Ph., Bouzy O., Hélarly X.* Op. cit. P. 106.

²⁵ Подробный анализ гендерного аспекта жизни средневекового французского двора см. в: *Крылова Ю.П.* Исследование французских средневековых дворов в новейшей историографии Франции, Бельгии, Нидерландов, Швейцарии // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2023. Т. 14. Вып. 3 (125). URL: <https://history.jes.su/s207987840025025-6-1/> (дата обращения: 30.01.2024).

²⁶ Именно так, в частности, до сих пор отмечают в Орлеане праздник 8 мая – день снятия английской осады с города в мае 1429 г.: *Prost A.* Jeanne à la fête. Identité collective et mémoire à Orléans depuis la Révolution française // *La France démocratique. Mélanges offertes à Maurice Agulhon / réunis et publ. par C. Charle, J. Lalouette, M. Rigenet, A.-M. Sohn.* Paris, 1998. P. 379–393; *Michaud-Fréjaville F.A.* Orléans, six siècles de commémoration // *Histoire du Christianisme*. 2008. № 43. P. 68–71.

²⁷ Речь идет прежде всего о материалах процесса по реабилитации Жанны д'Арк 1455–1456 гг., на котором были допрошены непосредственные участники процесса 1431 г.: *Тогоева О.И.* Еретичка, ставшая святой. С. 179–182.

вариантов трактовки предложил уже упоминавшийся Виктор Флеминг: рассадка судей в зале для заседаний в его картине буквально повторяла известные нам средневековые изображения так называемого Ложа правосудия (*Lit de justice*) — заседания королевского суда под председательством самого монарха. Историкам, однако, хорошо известно, что созыв Ложа сам по себе представлял исключительный случай, подобных встреч проводилось сравнительно немного²⁸, и заседания руанского трибунала, причем церковного, а не светского, вряд ли могли копировать данную торжественную церемонию. Таким образом, одной этой сценой американский режиссер демонстрировал крайне выборочное знакомство с реалиями французского XV столетия²⁹. Это тем более удивительно, если учесть, что его научным консультантом выступал Пьер Донкёр (1880—1961), один из лучших знатоков эпохи, издатель множества документов о деятельности Жанны д'Арк³⁰.

Любопытно, что тот же самый прием использовал еще в 1935 г. Густав Учицки — но не для того, чтобы показать процесс 1431 г., а для того, чтобы закончить свою «Деву Жанну» на оптимистической ноте — на реабилитации главной героини, состоявшейся в 1456 г. Однако его трактовка данной сцены представляла собой еще большую фантазию, нежели интерпретация В. Флеминга, поскольку решение о снятии с Орлеанской Девы всех обвинений в действительности выносил отнюдь не французский король, но все тот же руанский церковный суд при поддержке папы римского³¹.

Не менее сложной оказывалась для режиссеров и сцена казни Жанны д'Арк в Руане 30 мая 1431 г. Излюбленным вариантом на протяжении всего XX в. оставалась демонстрация главной героини крупным планом с глазами, поднятыми к небу: именно это решение использовали и К.Т. Дрейер, и М. де Гастин, и Г. Учицки, и В. Флеминг, и Р. Росселлини. Однако сколь бы трогательным ни был подобный выбор, свидетельствовал он лишь о плохом знании эпохи³². Устремленный ввысь взгляд отнюдь не был свойствен людям Средневековья, подобный прием для передачи контакта человека со святыми или с Господом художники начали использовать лишь в первой половине XIX в., в эпоху романтизма: он хорошо знаком исследователям по многочисленным картинам, изображавшим ту же самую сцену казни Жанны д'Арк и созданным в этот период³³. На средневековых же миниатюрах мистики и визионеры, к которым относилась и Орлеанская Дева, обычно смотрели прямо перед собой, ибо святые, ангелы и сам Иисус Христос являлись им не в небесах, а на земле.

Наконец, поскольку речь зашла об облике Жанны д'Арк в сцене казни, следует сказать несколько слов и о ее внешности в целом — в том виде, в каком она была представлена в полнометражных фильмах. В данном случае наиболее близким к историческим реалиям, как это ни удивительно, оказывался костюм главной героини. В полном соответствии с документами XV в., она предстала одетой в женское платье вплоть до встречи с дофином Карлом, в доспехи — в сценах битв, в нижнюю рубашку — в момент гибели³⁴.

²⁸ Brown E.A.R., *Famiglietti R.C.* The Lit de Justice. Semantics, Ceremonial, and the Parlement of Paris, 1300—1600. Sigmaringen, 1994. P. 31—44.

²⁹ Как отмечал В. Пинель, избыточность деталей в некоторых сценах фильма В. Флеминга создавала не эффект реальности, но полностью противоположное ощущение отсутствия исторической достоверности: *Pinel V.* “Joan of Arc” de Victor Fleming, ou l'hagiographie spectaculaire // *Etudes cinématographiques*. 1962. № 18—19. P. 62.

³⁰ *Hilaire Y.-M.* Op. cit.

³¹ *Тогоева О.И.* Еретичка, ставшая святой. С. 179—181.

³² Отмечу, что Р. Брессон решил снимать свой «Процесс Жанны д'Арк» 1962 г., в частности, именно потому, что его не устраивала подобная трактовка сцены казни, предложенная К.Т. Дрейером: *Amiel V.* Op. cit. P. 299—300.

³³ См. подробнее: *Pessiot M.* Illustre ou infortunée. Figures de Jeanne d'Arc au début du XIXe siècle // *Jeanne d'Arc. Les tableaux de l'Histoire, 1820—1920.* Paris, 2003. P. 17—33; *Heimann N.M.* Joan of Arc in French Art and Culture (1700—1855). From Satire to Sanctity. Aldershot; Burlington, 2005. P. 99—176.

³⁴ Не исключено, что большинство сценаристов опирались в данном вопросе на давнее исследование: *Harmand A.* Jeanne d'Arc, ses costumes, son armure. Essai de reconstruction. Paris, 1929.

Значительно меньше повезло кинематографической прическе Девы. С одной стороны, в большинстве дошедших до нас фильмов она казалась вполне соответствующей тому, что сообщали источники, и прежде всего материалы обвинительного и реабилитационного процессов. Уже у Жоржа Мельеса в 1900 г. в сценах, повествующих о детстве героини, Жанна предстала длинноволосой, а начиная с прибытия в Шинон и вплоть до казни изображалась с обрезанными волосами. Ту же прическу «под пажа» воспроизводили практически все режиссеры. С другой стороны, то, что, на первый взгляд, можно было принять за правду, в действительности оборачивалось ее видимостью, ведь перед зрителями оказывалась вовсе не средневековая мужская прическа «кружком», известная по сохранившимся изображениям, но ее «прочтение» эпохи романтизма, классическим примером которого стал скульптурный портрет Девы, выполненный в 1837 г. Марией Орлеанской³⁵. Единственным, пожалуй, исключением в данном случае стал фильм Люка Бессона, где прически как самой героини, так и ее военных компаньонов были созданы в строгом соответствии с модой XV в. — с подбритыми висками и шеей. Впрочем, героиня Бессона в исполнении Миллы Йовович оказывалась блондинкой с голубыми глазами, хотя почти единственным, что мы знаем о внешности реальной Жанны д'Арк, являлось наличие у нее темных волос³⁶.

Как показывает проведенный, пусть и весьма беглый, анализ, соответствовать принципу исторической достоверности кинематографу XX в. оказывалось трудно вне зависимости от того, в какой стране и в какие годы снимался тот или иной фильм. Означает ли это, однако, что подобные работы лишены для специалистов какой бы то ни было ценности? На мой взгляд, это отнюдь не так, ибо проблема заключается не в знании (или незнании) реалий XV в., но в отношении режиссеров к современным им самим событиям общественной и политической жизни. Ведь часто их замысел угадывается как раз по тем деталям внешнего антуража, которые вроде бы могут вызвать лишь зрительское неприятие или удивление как несоответствующие исторической действительности.

Одним из лучших примеров такого двойственного прочтения эпопеи Жанны д'Арк представляется фильм К. Т. Дрейера 1928 г. Рене-Жанна Фальконетти, блиставшая в нем, на протяжении практически всего действия картины оставалась бритой наголо. Подобная «прическа», не имевшая, на первый взгляд, ничего общего со средневековой повседневностью, на самом деле являла собой чистой воды знак — символ унижения героини Столетней войны ее противниками. Однако вместе с тем Жанна/Фальконетти олицетворяла всех людей, подвергшихся незаконным судебным преследованиям, о какой бы эпохе ни шла речь. Таким образом, перед зрителями предстал символ сопротивления любой несправедливости — будь то захватническая война или иные невзгоды³⁷. Создавая из своей героини мученицу и святую³⁸, Дрейер подстраивал под главную идею фильма не только внешность Девы, но и образы ее судей, которые выглядели на экране уродливыми и даже карикатурными. Их вид напоминал средневековые изображения судей и палачей Иисуса Христа, с которым режиссер тем самым ассоциировал Жанну д'Арк³⁹. Та же идея безжалостного, лишённого всякого милосердия правосудия, жертвой которого может оказаться абсолютно любой человек, присутствовала и в более поздних фильмах Робера Брессона и Глеба Панфилова. Однако здесь данная задача решалась при помощи изображения полностью обезличенных интерьеров, о чем речь шла выше.

³⁵ Heimann N.M. Op. cit. P. 140–162.

³⁶ Тогоева О.И. «Дева со знаменем». С. 340.

³⁷ Тот же прием использовали Отто Премингер в 1957 г. и Глеб Панфилов в 1970 г.

³⁸ Sémolué J. “La Passion de Jeanne d’Arc”, prise de conscience de Carl Dreyer // Etudes cinématographiques. 1962. № 18–19. P. 38–52.

³⁹ О средневековых изображениях Страстей Христовых см. прежде всего: Майзульс М.Р. Воображаемый враг. Иноверцы в средневековой иконографии. М., 2022. С. 187–200, 287–333. Сравнение Жанны д'Арк с Иисусом Христом не было, естественно, изобретением К.Т. Дрейера. Данная аналогия использовалась уже в XV в., а в XIX в. (накануне канонизации) являлась одной из основных: Тогоева О.И. Еретичка, ставшая святой. С. 252–266, 449–458, 488–490, 496–505.

Что же касается святости Орлеанской Девы, то вера в нее прочитывалась уже у Жоржа Мельеса в 1900 г. Последняя сцена его фильма была посвящена вознесению Жанны на небо – в полном соответствии с ее собственными словами о том, что «голоса» обещали ей место в Раю сразу после смерти⁴⁰. Таким образом режиссер выразил собственное мнение по вопросу об официальной канонизации героини Столетней войны, который на рубеже XIX–XX вв. являлся одним из наиболее обсуждаемых во французском обществе.

Заслуживающими внимания представляются и мотивы, которыми, возможно, руководствовался Люк Бессон в последнем по времени фильме, посвященном эпопее Жанны д'Арк. Подсказкой в данном случае вновь выступал внешний облик героини, но на сей раз не Орлеанской Девы, а Иоланды Арагонской, тещи Карла VII, в бесподобном исполнении Фей Данауэй. Как и все прочие персонажи, эта дама предстала перед зрителями одетой и причесанной в полном соответствии с модой XV в., однако необходима эта историческая точность была не сама по себе, но для того, чтобы облегчить превращение Иоланды в придворную интриганку. В сцене коронации, когда реймские прелаты обнаруживали трагическое исчезновение священного еля, необходимого для церемонии помазания, теща будущего монарха тайком наливала в опустевшую склянку обычное масло. Именно эта сцена давала ключ к пониманию главной идеи Л. Бессона, желавшего продемонстрировать слабость и несамостоятельность Карла VII как правителя, попавшего сначала под влияние своей ближайшей родственницы, а затем во всем положившегося на Жанну д'Арк.

Полную противоположность трактовке французского режиссера демонстрировал замысел Густава Учицки. Его фильм, хотя и получивший название «Дева Жанна», создавался в рамках нацистской пропаганды и, возможно, при непосредственном участии Йозефа Геббельса⁴¹, а потому в действительности был посвящен отнюдь не героине Столетней войны. Главным для режиссера являлся Карл VII, вернее, фигура сильного правителя, не гнушающегося ничем ради достижения собственных политических целей⁴². Тирольская шляпа, в которой французский монарх фигурировал в последней сцене фильма, прямо указывала на то, откуда столь могущественный человек может появиться.

Таким образом, многочисленные детали внешнего антуража в исторических фильмах о Жанне д'Арк на проверку оказываются совсем не тем, чем кажутся на первый взгляд. Их смысловая и символическая нагрузка подчеркивает, что сняты эти картины были не столько о событиях прошлого, сколько о чем-то существенно большем, что отражали они реалии не XV столетия, но более поздних эпох. С этой точки зрения они, безусловно, могут рассматриваться как полноценный исторический источник, свидетельствующий, однако, не о жизни и деяниях французской национальной героини, но о последовательной инструментализации ее образа на протяжении XX столетия. Историческая память тем самым уступает в данном случае место феномену «Долгого Средневековья», когда через образы и события этой далекой эпохи обозначаются, осмысливаются и обсуждаются проблемы уже Новейшей истории.

Библиография / References

Абрамович С.Л. Владимир Ильич Райцес. Памятные записки // Средние века. 1997. № 60. С. 346–362.
Бойцов М.А. Скромное обаяние власти (К облику германских государей XIV–XV вв.) // Одиссей. Человек в истории – 1995. М., 1995. С. 37–66.

⁴⁰ «Dicit eciam quod promiserunt ipsam Iohannam conducere in paradisum, et ita ab eis requisivit» (Procès de condamnation. Vol. 1. P. 85).

⁴¹ В историографии уже высказывались предположения, что именно Йозеф Геббельс являлся автором всех диалогов в «Деве Жанне»: по своей риторике они действительно напоминают его публичные выступления. См. подробнее: *Steinberg H.* “Das Mädchen Johanna” de Gustav Ucicky, ou Jeanne et Gebbels // *Etudes cinématographiques*. 1962. № 18–19. P. 53–57; *Harty K.J.* Jeanne au cinéma. P. 247.

⁴² Вот почему, в частности, реабилитация Жанны д'Арк, согласно трактовке Г. Учицки, происходила не по постановлению церковного суда, а по личному распоряжению французского монарха.

- Козлов Л.К.* Исторический фильм // Кино. Энциклопедический словарь / гл. ред. С.И. Юткевич. М., 1987. С. 156–157.
- Крылова Ю.П.* Исследование французских средневековых дворов в новейшей историографии Франции, Бельгии, Нидерландов, Швейцарии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 3 (125). URL: <https://history.jes.su/s207987840025025-6-1/> (дата обращения: 30.01.2024).
- Майзульс М.Р.* Воображаемый враг. Иноверцы в средневековой иконографии. М., 2022.
- Райцес В.И.* «Свидание в Шиноне». Опыт реконструкции // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2003 / под ред. М.А. Бойцова, И.Н. Данилевского. Вып. 5. М., 2003. С. 42–59.
- Тогоева О.И.* «Дева со знаменем». История Франции XV–XXI веков в портретах Жанны д'Арк. М., 2023.
- Тогоева О.И.* Еретичка, ставшая святой. Две жизни Жанны д'Арк. М.; СПб., 2016.
- Abramovich S.L.* Vladimir Il'ich Rajces. Pamyatnye zapiski [Vladimir Ilyich Raitses. Memories] // Srednie veka [Middle Ages]. 1997. № 60. S. 346–362. (In Russ.)
- Bojczov M.A.* Skromnoe obayanie vlasti (K obliku germanskih gosudarej XIV–XV vv.) [The modest charm of power (To the appearance of the German sovereigns of the 14th–15th centuries)] // Odissej. Chelovek v istorii – 1995 [Odyssey. A man in history – 1995]. Moskva, 1995. S. 37–66. (In Russ.)
- Kozlov L.K.* Istoricheskii fil'm [Historical film] // Kino. Enciklopedicheskii slovar' [Cinema. Encyclopedic dictionary] / gl. red. S.I. Yutkevich. Moskva, 1987. S. 156–157. (In Russ.)
- Krylova Yu.P.* Issledovanie francuzskikh srednevekovykh dvorov v noveishei istoriografii Francii, Bel'gii, Niderlandov, Shvejczarii [The French Medieval Courts in the Latest Historiography of France, Belgium, the Netherlands and Switzerland] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2023. T. 14. Vyp. 3 (125). URL: <https://history.jes.su/s207987840025025-6-1/> (access date: 30.01.2024). (In Russ.)
- Majzul's M.R.* Voobrazhaemyi vrag. Inovertsy v srednevekovoi ikonografii [An imaginary enemy. Gentiles in medieval iconography]. Moskva, 2022. (In Russ.)
- Rajces V.I.* “Svidanie v Shinone”. Opyt rekonstruktsii [“Rendez-vous in Chinon”. A reconstruction attempt] // Kазus. Individual'noe i unikal'noe v istorii [Casus. Individual and unique in history] / pod red. M.A. Bojczova, I.N. Danilevskogo. Vyp. 5. Moskva, 2003. S. 42–59. (In Russ.)
- Togoeva O.I.* “Deva so znamenem”. Istoriya Francii XV–XXI vekov v portretah Zhanny d'Ark [“The Maiden with a banner”. The history of France of the 15th–21st centuries in the portraits of Joan of Arc]. Moskva, 2023. (In Russ.)
- Togoeva O.I.* Eretichka, stavshaya svyatoi. Dve zhizni Zhanny d'Ark [Heretic turned Saint. Two lifes of Joan of Arc]. Moskva; Sankt-Peterburg, 2016. (In Russ.)
- Amiel V.* Les représentations de Jeanne d'Arc au cinéma // De l'hérétique à la sainte. Les procès de Jeanne d'Arc revisités / ed. par F. Neveux. Caen, 2012. P. 297–303.
- Aziza C.* Le péplum: L'Antiquité au cinéma. Paris, 1998.
- Bouzy O.* Jeanne d'Arc, les signes au roi et les entrevues de Chinon // Guerre, pouvoir et noblesse au Moyen Age. Mélanges en l'honneur de Philippe Contamine. Paris, 2000. P. 131–138.
- Brown E.A.R., Famiglietti R.C.* The Lit de Justice. Semantics, Ceremonial, and the Parlement of Paris, 1300–1600. Sigmaringen, 1994.
- Cohen C.* Le western. Paris, 2005.
- Contamine Ph., Bouzy O., Hélar Y.* Jeanne d'Arc. Histoire et dictionnaire. Paris, 2012.
- Du bon usage des grands hommes en Europe / sous la dir. de J.-N. Jeanneney, P. Joutard.* Paris, 2003.
- Harmand A.* Jeanne d'Arc, ses costumes, son armure. Essai de reconstruction. Paris, 1929.
- Harty K.J.* Jeanne au cinéma // Fresh Verdicts on Joan of Arc / eds B. Wheeler, C.T. Wood. London; New York, 1996. P. 237–264.
- Harty K.J.* The Reel Middle Ages: American, Western and Eastern European, Middle Eastern and Asian films about Medieval Europe. Jefferson; London, 1999.
- Heimann N.M.* Joan of Arc in French Art and Culture (1700–1855). From Satire to Sanctity. Aldershot; Burlington, 2005.
- Hilaire Y.-M.* Jeanne d'Arc, dès romantiques à nos jours // Histoire du Christianisme. 2008. № 43. P. 60–67.
- Mas E.* Procès de canonisation de Jeanne d'Arc // Bulletin de l'Association des Amis du Centre Jeanne d'Arc. 1998. № 22. P. 51–72.
- Michaud-Fréjaville F.* A Orléans, six siècles de commémoration // Histoire du Christianisme. 2008. № 43. P. 68–71.
- Michaud-Fréjaville F.* Cinema, Histoire: autour du thème “johannique” // Cahiers de Recherches Médiévales. 2005. № 12. P. 285–300.
- Pessiot M.* Illustre ou infortunée. Figures de Jeanne d'Arc au début du XIXe siècle // Jeanne d'Arc. Les tableaux de l'Histoire, 1820–1920. Paris, 2003. P. 17–33.

- Pinel V.* “Joan of Arc” de Victor Fleming, ou l’hagiographie spectaculaire // Etudes cinématographiques. 1962. № 18–19. P. 58–64.
- Procès de condamnation de Jeanne d’Arc / eds par P. Tisset, Y. Lanhers: in 3 vols. Paris, 1960–1971.
- Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d’Arc / ed. par P. Duparc: in 5 vols. Paris, 1977–1988.
- Prost A.* Jeanne à la fête. Identité collective et mémoire à Orléans depuis la Révolution française // La France démocratique. Mélanges offertes à Maurice Agulhon / réunis et publ. par C. Charle, J. Lalouette, M. Rigenet, A.-M. Sohn. Paris, 1998. P. 379–393.
- Raytses V.* La première entrevue de Jeanne d’Arc et de Charles VII à Chinon. Essai de reconstruction d’un fait historique // Bulletin de l’Association des Amis du Centre Jeanne d’Arc. 1989. № 13. P. 7–17.
- Renoux C.* Faut-il canoniser Jeanne d’Arc? Les chemins de la béatification de la Pucelle d’Orléans (1429–1869) // Bulletin de la Société archéologique et historique de l’Orléanais. 2011. № 165. P. 5–65.
- Robé C.* Taking Hollywood Back: The Historical Costume Drama, the Biopic, and Popular Front U.S. Film Criticism // Cinema Journal. 2008. T. 48 (2). P. 70–87.
- Rosenstone R.A.* “Like writing history with lighting”: film historique/vérité historique // Vingtième Siècle. Revue d’histoire. 1995. T. 46. P. 162–175.
- Rosenstone R.A.* History on Film/Film on History. London; New York, 2006.
- Sémolué J.* “La Passion de Jeanne d’Arc”, prise de conscience de Carl Dreyer // Etudes cinématographiques. 1962. № 18–19. P. 38–52.
- Steinberg H.* “Das Mädchen Johanna” de Gustav Ucicky, ou Jeanne et Gebbels // Etudes cinématographiques. 1962. № 18–19. P. 53–57.
- Swann P.* The British Documentary Film Movement, 1926–1946. Cambridge, 1989.
- Tailleur R.* L’Ouest et ses miroirs // Le Western. Approches, mythologies, auteurs, filmographies / sous la dir. de R. Bellour. Paris, 1993. P. 18–54.

DOI: 10.31857/S0130386424030094

© 2024 г. Б.С. КОТОВ

«ГЕРМАНИЯ И БАЛКАНСКАЯ РАСПРЯ»: ОЦЕНКА РОССИЙСКОЙ ПРЕССОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ В ПЕРИОД ДВУХ БАЛКАНСКИХ ВОЙН, 1912–1913 годы

Котов Борис Сергеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, Россия).

E-mail: bs.kotov@mail.ru

Scopus Author ID: 57195514935; РИНЦ ID: 5349-8081; ORCID: 0000-0001-9092-1193

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01062.

Аннотация. В статье на основе анализа ведущих газет России кануна Первой мировой войны показано восприятие российским общественным мнением политики Германии в период двух Балканских войн 1912–1913 гг. Автор приходит к заключению, что отношение прессы к Германии на протяжении десяти месяцев балканского кризиса существенно трансформировалось. В первые два месяца войны (в октябре и ноябре 1912 г.), когда Берлин не объявлял открыто о своей поддержке австрийских притязаний, в российских газетах можно было встретить одобрительные отзывы о политике Германии. Высказывалась уверенность в «искреннем желании» германского правительства сохранить нейтралитет и не допустить втягивания Германии в вооруженный конфликт с Балканским союзом и Россией. Отношение российской прессы к Германии изменилось в негативную сторону под влиянием выступления канцлера Т. Бетман-Гольвега в рейхстаге 2 декабря 1912 г., когда Берлин впервые с момента начала Балканской войны публично заявил о готовности поддержать притязания австрийского союзника с оружием в руках. Еще большее разочарование в политике Германии российское общество испытало после начала работы Лондонского совещания послов, на котором представитель Германии поддерживал предложения австрийской стороны, и после нового выступления Бетман-Гольвега в германском парламенте 7 апреля 1913 г., когда рейхсканцлер заявил о «расовых противоположностях» между славянскими народами и германскими и возложил всю ответственность за сохранение напряженной ситуации в Европе на панславистские круги России. Эти два выступления главы германского правительства и поддержка Берлином австрийских притязаний на Лондонской конференции были негативно восприняты подавляющим большинством органов прессы. Вместе с тем проявившиеся в ходе работы Бухарестской мирной конференции и сразу после нее разногласия между Германией и Австро-Венгрией дали повод российской прессе заявить о серьезном кризисе Тройственного союза. В статье делается вывод о существенном нарастании в России антигерманских настроений под влиянием поведения Германии во время балканского кризиса 1912–1913 гг. Таким образом, две Балканские войны стали важной вехой не только в истории международных отношений начала XX в., но и в пропагандистской подготовке Первой мировой войны.

Ключевые слова: Германия, Россия, пресса, Балканские войны 1912–1913 гг., Австро-Венгрия, Тройственный союз, Т. Бетман-Гольвег, образ страны, внешняя политика, общественное мнение, образ врага.

B.S. Kotov**“Germany and the Balkan Feud”: The Russian Press Assessment of German Policy During the Two Balkan Wars of 1912–1913***Boris Kotov, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).**E-mail: bs.kotov@mail.ru**Scopus Author ID: 57195514935; РИНЦ ID: 5349-8081; ORCID: 0000-0001-9092-1193**The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-01062.*

Abstract. By analysing leading Russian newspapers on the eve of the Great War, the author illustrates the perception of German policy by Russian public opinion during the two Balkan wars of 1912–1913. He concludes that during the ten months of the Balkan crisis, the attitude of the Russian press towards Germany underwent a significant transformation. In the first two months of the Balkan War (October and November 1912), when Berlin was not openly declaring its support for Austrian claims, one could find favourable comments on German policy in Russian newspapers. The attitude of the Russian press to Germany shifted in a negative direction under the influence of Chancellor Theobald von Bethmann Hollweg’s speech in the Reichstag on 2 December 1912, when for the first time since the beginning of the Balkan War Berlin publicly declared its readiness to back its Austrian ally’s claims with arms in hand. Russian society experienced even greater disappointment in German politics after the start of the London Meeting of Ambassadors, at which the German representative supported the proposals of the Austrian side, and after a new speech by Bethmann-Hollweg in the German parliament on April 7, 1913, when the Reich Chancellor declared “racial opposites” between the Slavic and German peoples and laid full responsibility for maintaining a tense the situation in Europe affects the pan-Slavic circles of Russia. These two speeches by the head of the German government and Berlin’s support for Austrian claims at the London Conference were negatively perceived by the overwhelming majority of the Russian press. At the same time, the disagreements between Germany and Austria-Hungary that emerged during the Bucharest Peace Conference and immediately after it gave the Russian press reason to declare a serious crisis of the Triple Alliance. The article concludes that there was a significant increase in anti-German sentiment in Russia under the influence of German behavior during the Balkan crisis of 1912–1913. Thus, the two Balkan Wars became an important milestone not only in the history of international relations at the beginning of the 20th century, but also in the propaganda preparations for the First World War.

Keywords: Germany, Russia, the press, the Balkan Wars of 1912–1913, Austria-Hungary, the Triple Alliance, Theobald von Bethmann Hollweg, the image of the country, foreign policy, public opinion, the image of the enemy.

Балканские войны 1912–1913 гг. явились важной вехой в истории международных отношений начала XX в.¹ Первая Балканская война между Османской империей и коалицией Болгарии, Сербии, Греции и Черногории, начавшаяся в октябре 1912 г., привела к утрате турками почти всех их владений на Балканах. Важнейшим итогом этой войны стало усиление балканских христианских государств, объединенных в Балканский союз, и ослабление Османской империи. Для великих держав, каждая из которых имела свои интересы на Балканах и пристально следила за событиями в этом регионе Европы, быстрый разгром турецкой армии на полях сражений Фракии и Македонии оказался неожиданностью; для стран

¹ Более подробно о Балканских войнах см.: Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985; Искендеров П.А. Балканские войны 1912–1913 гг. // В «пороховом погребке Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 476–507; Гришина Р.П., Шемякин А.Л. Судьба «балканских союзников» 1912–1913 годов. Взгляд из XXI столетия // Новая и новейшая история. 2013. № 4. С. 115–132; Агансон О.И. Балканы накануне Первой мировой войны: на пути к новому балансу сил // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 17–31.

Антанты (Россия, Франция и Англия) — скорее, приятной; для стран Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия и Италия) — досадной и внушающей опасения. Австрийская дипломатия в ноябре 1912 г. выступила с проектом создания отдельного албанского государства, призванного урезать территориальные приобретения балканских победителей и не дать Сербии выйти к Адриатическому морю через североалбанские земли. Угрожая войной странам Балканского союза в случае непринятия своих требований, Австро-Венгрия — при поддержке союзников Италии и Германии — смогла настоять на своем варианте решения албанского вопроса. На открывшейся в начале декабря 1912 г. Лондонской конференции послов, призванной согласовать интересы великих держав перед лицом радикального изменения ситуации на Балканах, все страны, включая Россию, поддержали идею создания отдельного албанского государства.

Из всех стран Тройственного союза Австро-Венгрия и Италия были в наибольшей степени заинтересованы в балканских делах. Они издавна имели существенные интересы в албанских землях и стремились не допустить выхода на адриатическое побережье какой-либо третьей державы. Однако и для Германии, этого лидера Тройственного союза, балканские события осени 1912 г. имели важное значение по двум основным причинам. Во-первых, победа Балканского союза над Турцией серьезно ухудшала положение союзника Германии — Австро-Венгрии. Возникновение и укрепление Балканского союза, дружественного России и другим странам Антанты, два члена которого (Сербия и Черногория) находились во враждебных отношениях с Австро-Венгрией, создавало угрозу для последней с юга: теперь она имела дело не с маленькими и разрозненными балканскими государствами, а с коалицией стран, намеревавшихся существенно расширить свои границы за счет побежденной Турции. В Берлине опасались, что отныне в случае общеевропейской войны армия империи Габсбургов будет скована боевыми действиями против стран Балканского союза и не сможет оказать Германии помощь в борьбе против России на восточном фронте. Во-вторых, тяжелые поражения Турции, чья армия на протяжении нескольких десятилетий реформировалась немецкими инструкторами по германскому образцу (миссии генерала Кольмара фон дер Гольца), нанесли удар по авторитету германской военной школы и подорвали статус военной мощи Германии, завоеванный во время франко-прусской войны и битвы при Седане. Напротив, победы стран Балканского союза, армии которых ориентировались в военном строительстве либо на Россию (Болгария, Сербия, Черногория), либо на Францию (Греция), казалось, укрепляли международный престиж франко-русского союза.

Существовало еще одно важное обстоятельство, влиявшее на политику Берлина во время двух Балканских войн 1912–1913 гг.: объективная неготовность Германии в тот период к большой общеевропейской войне. В силу этого германское правительство удерживало австрийцев от слишком агрессивных действий на Балканах, которые могли привести к мировой войне. Министр иностранных дел России С. Д. Сазонов, посетив Берлин в сентябре 1912 г. за несколько дней до объявления Черногорией войны Турции, отмечал, что среди руководства Германской империи господствовало «беспокойство, вызываемое возможностью быть вовлеченным в нежелательные международные осложнения в минуту, не избранную для этого самой Германией». Упомянув в мемуарах о переговорах с канцлером Т. Бетман-Гольвегом и главой германской дипломатии А. Кидерлен-Вехтором, С. Д. Сазонов пишет, что в тот момент «в Германии были готовы сделать все возможное, чтобы предотвратить балканскую войну или, если бы это оказалось недостижимым, по крайней мере не дать захватить ей пол-Европы»².

В Берлине считали, что для участия Германии в войне на европейском континенте необходимы несколько условий. Во-первых, следовало провести через рейхстаг новый военный законопроект, предусматривавший значительное увеличение личного состава и другие меры по усилению боеспособности германской армии (данный законопроект был принят

² Сазонов С. Д. Воспоминания. Берлин, 1927. С. 76.

только после окончания Первой балканской войны в июне 1913 г.). Во-вторых, в германском внешнеполитическом ведомстве и генштабе считали невыгодным начинать войну против сплоченного Балканского союза. Там не без оснований надеялись, что скоро из-за разногласий с Сербией и Грецией Болгария порвет с остальными участниками альянса и повернется к Тройственному союзу. На такую благоприятную для австро-германского блока возможность раскола Балканского союза указывал в феврале 1913 г. глава германского генштаба Г. Мольтке в письме к австрийскому коллеге Ф. Конраду фон Гетцендорфу³.

Но самой важной причиной, заставлявшей Берлин проявлять осторожность во время балканского кризиса 1912–1913 гг., была необходимость обеспечить нейтралитет Великобритании в предстоящей войне на европейском континенте⁴. Канцлер Бетман-Гольвег и статс-секретарь по иностранным делам Кидерлен-Вехтер были убеждены, что войну против России и Франции немцы могут успешно вести только при нейтралитете Англии. Используя обострение русско-британских противоречий в Персии и демонстрируя миролюбие и умеренность в балканском вопросе, они пытались добиться переориентации внешней политики Англии, что привело бы к выходу ее из Антанты⁵. В феврале 1913 г. германский рейхсканцлер писал министру иностранных дел Австро-Венгрии Л. Берхтольду: «Мы можем ожидать новой ориентации английской политики, если мы сумеем выйти из нынешнего кризиса без всяких конфликтов»⁶. По мысли Бетман-Гольвега, в течение первых лет своего канцлерства стремившегося к установлению «сердечного согласия» в отношениях с Лондоном, сотрудничество на Балканах должно было стать отправной точкой примирения англо-германских противоречий и кооперации двух держав в Восточном вопросе.

В Вене ожидали, что Германия и на этот раз, как в 1909 г., выступит в качестве «верного Нибелунга», готового силой оружия отстаивать австрийские интересы на Балканах. В министерстве иностранных дел Австро-Венгрии, не получившем в начале Первой балканской войны безоговорочной поддержки со стороны Берлина, в октябре 1912 г. нарастало недовольство поведением руководства Германской империи⁷. На Бальхауслатц⁸ с неодобрением взирали на попытки немцев достигнуть разрядки в отношениях с Лондоном на почве урегулирования балканского конфликта, поскольку в силу этого в начале Балканской войны Германия оказывала лишь вялую поддержку своему австрийскому союзнику в жизненно важных для него вопросах. «Немецкая точка зрения, что мы не должны шевелиться, дабы не растоптать хилое растение германо-английского сближения, выражается с бесстыдной откровенностью», — раздраженно писал Берхтольд наследнику престола эрцгерцогу Францу Фердинанду⁹. В составленном в начале октября 1912 г. меморандуме высокопоставленного дипломата Ф. Сапари, назначенного уже после завершения Балканских войн послом Австро-Венгрии в Санкт-Петербург, говорилось, что поведение Германии в разворачивающемся балканском кризисе ставит под вопрос дальнейшее существование союза между

³ Die Große Politik der Europäischen Kabinette. 1871–1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes / Im Auftrag des Auswärtigen Amtes hrsg. von J. Lepsius, A.M. Bartholdy, F. Thimme. Bd. 34. Berlin, 1926. № 12824.

⁴ Подробнее об англо-германских отношениях в период Балканских войн 1912–1913 гг. см.: *Зайцев В.В.* Германская политика на Балканах и позиция Англии в период Лондонской конференции послов великих держав 1912–1913 гг. // Германская восточная политика в новое и новейшее время. Проблемы истории и историографии. М., 1974. С. 99–107; *Романова Е.В.* Путь к войне. Развитие англо-германского конфликта 1898–1914 гг. М., 2008. С. 247–257; *Агансон О.И.* В поисках равновесия. Великобритания и «балканский лабиринт», 1903–1914 гг. СПб., 2022. С. 243–266.

⁵ *Жогов П.В.* Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая Балканская война 1912–1913 гг. М., 1969. С. 111.

⁶ Die Große Politik... № 12818.

⁷ *Kiessling F.* Österreich-Ungarn und die deutsch-englischen Detentebemühungen 1912–1914 // Historisches Jahrbuch. Freiburg: München, 1996. S. 115.

⁸ Площадь в Вене, где находилось министерство иностранных дел Австро-Венгрии.

⁹ Цит. по: *Hantsch H.* Leopold Graf Berchtold: Grandseigneur und Staatsmann. Bd. 1. Graz; Wien; Köln, 1963. S. 388.

двумя империями: «в тот момент, к которому монархия готовилась в течение десятилетий в дипломатическом и военном отношении, наш союзник предпринимает попытку путем европейской дипломатической акции ограничить свободу наших действий и лишить нас выгод причитающегося нам по праву естественного первенства на Балканском полуострове»¹⁰.

Скоординировать свою политику на Балканах обе державы смогли только в начале ноября 1912 г., когда новая балканская программа Берхтольда, предусматривавшая создание Албании и недопущение сербов к Адриатическому морю, была одобрена в Берлине¹¹. Немцам импонировала определенная умеренность этой программы и отказ руководства империи Габсбургов от планов немедленного несогласованного с Германией военного выступления на Балканах. Ни кайзер, ни Бетман-Гольвег, ни Мольтке не отвергали саму идею войны со странами Антанты из-за австрийских и германских интересов на Ближнем Востоке, но выбор момента для начала войны они хотели оставить за собой. 22 ноября 1912 г. был сделан еще один важный шаг по укреплению австро-германского блока: во время краткого визита в Берлин, произошедшего в самый разгар австро-сербского конфликта из-за порта на Адриатике, начальник австро-венгерского генштаба Б. Шемуа и эрцгерцог Франц Фердинанд получили от главы германского генштаба и императора Вильгельма II заверения в готовности Германии поддержать силой оружия дуалистическую монархию в случае вмешательства России в австро-сербский военный конфликт¹². Кайзер заявил австрийскому престолонаследнику, что «если речь пойдет о престиже Австро-Венгрии, то он не побоится мировой войны и будет готов вступить в войну со всеми тремя державами Антанты»¹³.

Чтобы создать благоприятную атмосферу при предстоящем возобновлении Тройственного союза, канцлер Бетман-Гольвег выступил в рейхстаге 2 декабря 1912 г. Сначала он сказал несколько слов об усилиях германской дипломатии сохранить мир и локализовать войну на Балканах, упомянув, что Германская империя имеет в этом регионе большие экономические интересы. Затем канцлер заявил о незыблемости союзных отношений с империей Габсбургов и о готовности Германии выполнить свои обязательства перед союзниками в том случае, если их столкновение с третьей державой будет угрожать самому их существованию¹⁴. Своей речью Бетман-Гольвег хотя и несколько приободрил австрийцев, но вызвал большие опасения в Лондоне, нанеся тем самым серьезный удар по своему главному проекту — сближению с Великобританией. Спустя несколько дней после выступления Бетмана в рейхстаге английский военный министр Р. Холдэн предупредил немецкого посла К. Лихновского, что британское правительство ни в коем случае не потерпит разгрома Франции в случае, если Германия в связи с русско-австрийской войной решится — в соответствии с планом Шлиффена — атаковать Францию¹⁵.

Известия, полученные из Лондона от Лихновского, настолько взволновали Вильгельма II, что 8 декабря 1912 г. он созвал совещание с участием высших армейских чинов, на котором выразил все свое разочарование поведением британского правительства. Надежды Вильгельма на нейтралитет Великобритании в континентальной войне рушились. По мнению императора, теряло смысл продолжение осторожного курса первых двух месяцев Балканской войны. Кайзер на совещании 8 декабря выступил за немедленную войну против России и Франции. Военные поддержали Вильгельма. Мольтке, считавший

¹⁰ Österreich-Ungarns Außenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Diplomatische Aktenstücke des österreichisch-ungarischen Ministeriums des Äußeren / Hrsg. von L. Bittner, H. Uebersberger. Bd. 4, 5. Wien, 1930. Bd. 4. № 3991.

¹¹ Подробнее о взаимоотношениях Германии и Австро-Венгрии в период Балканских войн 1912–1913 гг. см.: *Angelow J.* Kalkül und Prestige. Der Zweibund am Vorabend des Ersten Weltkrieges. Köln; Weimar; Wien, 2000. S. 285–341.

¹² *The War Plans of the Great Powers. 1880–1914.* London, 1979. P. 231.

¹³ Österreich-Ungarns Außenpolitik... Bd. 4. № 4559.

¹⁴ *Verhandlungen des Reichstags: Stenographische Berichte.* Bd. 286. Berlin, 1913. S. 2472.

¹⁵ *Schöllgen G.* Imperialismus und Gleichgewicht: Deutschland, England und die orientalische Frage. 1871–1914. München, 1984. S. 353.

войну неизбежной, прямо заявил, что «чем скорее, тем лучше»¹⁶. Канцлер Бетман-Гольвег пытался убедить императора и военных, что Германия сможет успешно вести войну на континенте только в том случае, если Англия останется нейтральной. Он считал реакцию императора на высказывания Холдэна преувеличенной: военный министр Англии, по мнению Бетман-Гольвега, не сказал ничего нового, он только подтвердил стремление Лондона проводить традиционную политику «баланса сил». Объективные интересы Англии, был уверен глава германского правительства, предписывают ей нейтральную позицию в будущей войне на европейском континенте. Не следует только провоцировать англичан поддержкой австрийских агрессивных устремлений к Салоникам и новыми программами строительства флота.

Борьба в верхах Германской империи по вопросу о войне и мире завершилась в конце декабря 1912 г. победой Т. Бетмана и военного министра И. Геерингена, считавших, что Германия еще недостаточного готова к войне, а потому должна выступать за локализацию балканского конфликта¹⁷.

Таким образом, политика Берлина в последние месяцы 1912 г. была противоречивой и непоследовательной. Это было связано с тем, что Берлину приходилось лавировать между сталкивающимися интересами двух своих союзников — Австрии и Италии, победоносным Балканским союзом (двух участников которого — Грецию и Болгарию — немцы хотели перетянуть на свою сторону) и ослабленной Турцией (а ее нельзя было оттолкнуть, чтобы не потерять завоеванных до этого позиций в Малой Азии и Месопотамии). Кроме того, в Берлине стремились к проведению согласованных совместных дипломатических акций с Лондоном, имея далеко идущие планы оторвать Англию от Антанты. В результате, как отмечает А.М. Зайончковский, «поведение Германии в это время отличалось присущей ей в дни европейских осложнений таинственностью и неопределенностью»¹⁸.

Анализ русской прессы показывает, что эта «таинственность и неопределенность» политики Берлина во время Первой балканской войны повлияла на восприятие русским обществом положения Германии в системе «европейского концерта» держав и ее роли в решении Восточного вопроса.

Русская пресса понимала, что вопрос о войне и мире в Европе зависит от Берлина, поскольку без его санкций ни Австро-Венгрия, ни тем более Румыния не рискнут на свой страх и риск выступить против Балканского союза. Германские политики в течение первых двух месяцев Балканской войны не сделали ни одного публичного заявления, как бы дистанцировавшись от событий, разыгравшихся на юго-востоке Европы, поэтому так важен анализ истинных настроений в германском обществе и правящей элите. Большинство периодических изданий России предполагало, что Германия не желает ввязываться в войну из-за австрийских интересов на Балканах. Немецкое молчание расценивалось, скорее, как неодобрение австрийского шовинизма и бряцания оружием. Нередко на страницах российских газет можно было встретить одобрительные отзывы в отношении политики германского правительства.

Кадетская «Речь» в ноябре 1912 г. называла поведение Германской империи «в высшей степени сдержанным и осторожным»¹⁹. Сочувственно отзывались о политике кабинета Бетман-Гольвега в начале Первой балканской войны и консервативные «Московские ведомости», отмечавшие, что Берлин до сих пор не поддался подстрекательствам из Вены и сдерживает австрийцев от шагов, которые могли бы привести к общеевропейским осложнениям. «Не может быть сомнений в искреннем желании германского правительства охранить мир, нарушение которого как раз для Германии по ее географическому положению

¹⁶ *Canis K.* Der Weg in den Abgrund. Deutsche Außenpolitik 1902–1914. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2011. S. 503.

¹⁷ *Fischer F.* Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1969. S. 241.

¹⁸ *Зайончковский А. М.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Л., 1926. С. 285.

¹⁹ За неделю // Речь. 12(25). XI.1912.

наиболее опасно»²⁰, — писала эта газета, уверенная, что «благоразумие Германии» позволяет спокойно смотреть в будущее.

«Русское слово» в октябре 1912 г. указывало на значение блестящих побед балканских союзников над Турцией для изменения общественных настроений в Германии: теперь немцы приходят к убеждению, что они отнюдь не обязаны таскать каштаны из балканского пожара для своих австрийских союзников и «что пресловутый санджак не стоит костей одного померанского гренадера»²¹. Об общественных настроениях в Германии в связи с начавшейся войной на Балканах писали и «Русские ведомости». В октябре 1912 г. корреспондент этой либеральной газеты Г. Гроссман, описывая массовый митинг немецких социал-демократов против возможного втягивания Германии в войну из-за балканских неурядиц в Трептов-парке, утверждал: «В настоящий же момент, кажется, нет более миролюбиво настроенной страны, чем Германия, во всех слоях ее населения»²².

Корреспондент газеты партии прогрессистов «Утро России» в Берлине В. Назимов сообщал, что, хотя немцы и разочарованы поражением Турции, на которую они возлагали столько надежд, Германия уже примирилась с турецким разгромом и как «реальный политик» стремится сориентироваться в новом соотношении сил, приспособиться к нему²³. По его наблюдениям, война с Россией была бы в Германии «крайне непопулярна»²⁴. Такие же оценки можно было встретить и на страницах октябристского «Голоса Москвы». Берлинский корреспондент этой газеты Н. Арефьев писал, что «возможность войны с Россией сильно смущает, прямо ужасает немцев»²⁵. Немцы отдают себе отчет, что война поставит на карту все достижения Германской империи последних 40 лет, и осознание этого побуждает немцев стремиться к сохранению мира «во что бы то ни стало».

«Новое время» справедливо полагало, что причиной осторожного поведения германского правительства, удерживающего Вену от военного выступления на Балканах, являются не столько желания и интересы немецкого народа, сколько военная неподготовленность Германской империи к войне со странами Антанты, прежде всего неготовность германского флота к столкновению с британским. В Берлине не одобряют австрийское давление на Балканский союз, так как оно может вызвать войну преждевременно, вопреки расчетам германского генштаба и адмиралтейства. Поэтому, сообщал корреспондент «Нового времени» из Берлина, «здесь желают только одного — чтобы Австрия была потише, не кидалась бы в авантюры. Таково преобладающее настроение в руководящих кругах Берлина»²⁶.

Наиболее благожелательные отзывы в отношении политики Берлина можно было встретить в прогерманской «Земщине», уверенной, что Россия успешно выполнила главную свою задачу в войне, не позволив Австрии вмешаться в балканские события, только благодаря содействию Берлина. Германия, был убежден редактор этой газеты С.К. Глинка-Янчевский, не желает войны с Россией и своим спокойным поведением удерживает и Австрию²⁷. Осторожный курс правительства канцлера Бетман-Гольвега в начале Первой балканской войны позволил Глинке-Янчевскому снова поставить вопрос о необходимости переориентации российской внешней политики на Берлин²⁸.

²⁰ Балканская война и Германия // Московские ведомости. 17(30).XI.1912.

²¹ Уклонение от ответа // Русское слово. 14(27).XI.1912.

²² Гроссман Г. Иностраные известия. Митинг против войны в Берлине (от нашего корреспондента) // Русские ведомости. 14(27).X.1912.

²³ Назимов В. Германия и ликвидация войны (от нашего берлинского корреспондента) // Утро России. 1(14).XI.1912.

²⁴ Назимов В. Митинги против войны (от нашего берлинского корреспондента) // Утро России. 15(28).XI.1912.

²⁵ Арефьев Н. Немцы и австро-сербский конфликт (от нашего корреспондента) // Голос Москвы. 9(22).XII.1912.

²⁶ Сибиряк Н.К. Внешние известия. Берлин (корреспонденция «Нового времени») // Новое время. 2(15).XI.1912.

²⁷ Глинка С. Мир или война? // Земщина. 5(18).XI.1912.

²⁸ Глинка С. Из-за чего воевать? // Земщина. 11(24).XII.1912.

Изменение отношения русской прессы к Германии в негативную сторону произошло под влиянием шумевшего выступления канцлера Бетман-Гольвега в рейхстаге 2 декабря 1912 г., когда германское правительство официально определило свою позицию по отношению к балканским событиям. Речь рейхсканцлера привлекла большое внимание российских газет, подавляющее большинство которых оценило ее негативно, указывая, что в напряженной атмосфере австро-сербского противостояния она не только не способствовала снижению напряженности, но, наоборот, подстегнула Австрию к еще более жестким и самоуверенным действиям.

«Германская дипломатия, державшаяся как бы нарочно в тени во все время балканского кризиса, понемногу начинает сбрасывать маску»²⁹, – писало «Русское слово», считавшее, что, в сущности, ничего нового рейхсканцлер не сказал. Речь Бетман-Гольвега опасна не своим содержанием, а впечатлением, которое она произведет в Вене: ничем не спровоцированное напоминание о готовности Германии выполнить свои союзнические обязательства по договору 1879 г. будет истолковано военными и дипломатами империи Габсбургов как поощрение к более агрессивной политике в отношении Сербии³⁰. Такие же оценки высказывало и «Утро России», характеризовавшее речь канцлера как «явно враждебный» по отношению к России акт³¹. Газета прогрессистов была уверена, что именно выступление Бетман-Гольвега в рейхстаге до крайности обострило ситуацию в Европе и поставило державы на грань войны: «Речь его воздействовала на неуверенную в свои единичные силы Австрию, как удар бича погонщика. Австро-венгерская дипломатия закусил удила, забыла все свои сомнения и колебания», поскольку почувствовала за собой поддержку Германской империи³². «Голос Москвы», в свою очередь, видел в выступлении германского канцлера лишь желание припугнуть Россию, как в 1909 г., но не твердо принятое решение воевать за интересы Австрии на Балканах³³. Умеренные, пацифистски настроенные «Русские ведомости» осторожно пожурили германского канцлера, чье «сенсационное выступление» тем более «лишено оправдания», что за последнее время опасность общеевропейской войны из-за балканских дел успела потерять остроту и отношения между великими державами, казалось, утратили свою напряженность³⁴.

В некоторых российских газетах обращалось внимание на многозначительную оговорку Бетман-Гольвега, заявившего, что Германия поддержит своих союзников в том случае, если опасность будет угрожать самому их существованию. «Речь» придавала большое значение этим словам канцлера, полагая, что в них выразилось настроение германских правящих кругов – «поддерживать не капризы Австрии, а только ее жизненные интересы»³⁵. Так же считало и «Новое время», отмечавшее, что данная оговорка в значительной степени обесценивает воинственность заявлений канцлера, которые на первый взгляд «категоричны, как приказ по полку или диспозиция накануне сражения»³⁶. Газета предполагала, что германское правительство тем самым оставляет для себя пути к отступлению и не будет поддерживать Вену военным путем при любых обстоятельствах, поскольку Берлин еще может признать, что столкновение Австрии с третьей державой не грозит существованию Дунайской монархии, и в силу этого сохранит нейтралитет.

Пожалуй, только «Земщина» оценила речь Бетман-Гольвега в рейхстаге положительно, как еще одно подтверждение нежелания Берлина ввязываться в балканские столкновения. Упомянув о союзе с Австрией, глава немецкого правительства сделал это, по словам Глинки-Янчевского, в такой форме, что не оставил сомнений в стремлении сохранить хорошие

²⁹ Речь германского канцлера // Русское слово. 20.XI(3.XII).1912.

³⁰ Тевтонские шпоры // Русское слово. 21.XI(4.XII).1912.

³¹ Вызов России? // Утро России. 21.XI(4.XII).1912.

³² Между миром и войной // Утро России. 30.XI(13.XII).1912.

³³ Выступление германского канцлера // Голос Москвы. 23.XI(6.XII).1912.

³⁴ Редакционная статья // Русские ведомости. 20.XI(3.XII).1912.

³⁵ Редакционная статья // Речь. 21.XI(4.XII).1912.

³⁶ Речь германского канцлера // Новое время. 21.XI(4.XII).1912.

отношения с Россией. Так как Россия и не собирается нападать на Австро-Венгрию, то и заявление канцлера остается «чисто теоретическим подтверждением союзного договора, практически же является советом Австрии не горячиться»³⁷. На протяжении всего балканского кризиса «Земщина» не уставала повторять, что решить свои задачи на Балканах Россия может только в кооперации с Германией, а не в союзе с Англией и Францией. «Мир или война зависят только от России и Германии. В их руках решение этого вопроса, ибо Россия может умерить требования славян, если они окажутся чрезмерными, а Германия может охладить пыл Австрии»³⁸.

5 декабря 1912 г. Германия, Австро-Венгрия и Италия досрочно возобновили договор о Тройственном союзе, срок действия которого истекал лишь в июне 1914 г.³⁹ Такая поспешность в возобновлении союзного договора была связана с напряженной ситуацией, сложившейся в Европе в результате Первой балканской войны, которая привела к полной перекройке карты Юго-Восточной Европы. Перед лицом вероятного крушения Османской империи и ожидаемого раздела ее наследства между ведущими державами Берлин, Вена и Рим стремились укрепить свои политические позиции, продемонстрировав единство действий, сплоченность своей группировки и решимость отстаивать свои интересы силой оружия.

Неожиданный демарш немецкой, австрийской и итальянской дипломатии, последовавший в самый острый момент балканской войны, когда Сербия и Австрия находились на грани военного столкновения из-за албанских портов Сан-Джованни-ди-Медуа и Дураццо, оказался в поле зрения российских газет, опубликовавших в декабре 1912 г. и последующие месяцы немало статей с анализом перспектив Тройственного союза и отношений внутри треугольника Берлин – Вена – Рим.

«Русское слово» указывало, что досрочное возобновление Тройственного союза носит демонстративный характер, рассчитанный на то, чтобы запугать державы Антанты⁴⁰. Аналогично оценивала данную акцию газета «Речь»⁴¹. Она с сожалением отмечала сплоченность союза Германии, Австро-Венгрии и Италии, действующего в Восточном вопросе напористо и активно, и пассивность России, Франции и Англии. Тройственный союз, писала газета, «никогда еще не проявлял столько решительности в отстаивании своих интересов, столько тесной солидарности и реальной военной силы, как в настоящий тревожный период. Тройственное же соглашение, напротив, представляет в данный момент блок немногим более прочный, чем Балканский союз, и неудивительно, что последний не решается целиком на него опереться»⁴². «Утро России» также подчеркивало демонстративный характер досрочного возобновления Тройственного союза, после которого «политический горизонт Европы... еще гуще покрылся грозowymi тучами»⁴³. По мнению этой газеты, возобновление союза ставит крест на надеждах отколоть Италию от австро-германского блока.

Напротив, «Земщина» относилась к факту досрочного возобновления союза Германии, Австро-Венгрии и Италии совершенно спокойно: «В возобновленном договоре ничего нет ни оскорбительного, ни угрожающего для нас»⁴⁴, – писал Глинка-Янчевский, подчеркивавший чисто оборонительный характер этого союза. Залог мирного развития международных отношений Глинка видел в осторожной, не склонной к авантюрам политике Германии. «Смею думать, Германия и сама не желает быть пешкой в чужих руках и не

³⁷ Глинка С. Перемирие // Земщина. 23.XI(6.XII).1912.

³⁸ Глинка С. Кому верить? // Земщина. 4(17).XII.1912.

³⁹ Afflerbach H. Der Dreibund. Europäische Großmacht- und Allianzpolitik vor dem Ersten Weltkrieg. Wien: Köln; Weimar, 2002. S. 720.

⁴⁰ Кризис // Русское слово. 27.XI(10.XII).1912.

⁴¹ Редакционная статья // Речь. 27.XI(10.XII).1912.

⁴² Три блока // Речь. 7(20).XII.1912.

⁴³ Что скажет Англия? // Утро России. 28.XI(11.XII).1912.

⁴⁴ Глинка С. Новое подзуживание // Земщина. 28.XI(11.XII).1912.

поддастся травле. Поэтому, если Австрия вздумает представлять несуразные домогательства к славянам, то сама же Германия озаботится сдержать ее пыл»⁴⁵.

«Новое время» было убеждено, что Тройственный союз оказался несравненно более выгодным для Австрии и Италии, чем для Германии — инициатора создания этой политической комбинации. Хотя союз был заключен Бисмарком во имя интересов Германии, его преемники «выпустили руководство союзом из своих рук, и оно перешло к австрийской дипломатии»⁴⁶. За несколько десятилетий, прошедших после 1879 г., Тройственный союз выродился. Из инструмента обеспечения германских интересов он превратился в «орудие австрийских дипломатических махинаций», из инструмента поддержания европейского равновесия он превратился в постоянную угрозу миру на европейском континенте⁴⁷.

Схожую позицию в оценке распределения ролей внутри австро-германского тандема занимала и газета «Московские ведомости», считавшая, что союз 1879 г. не дает Германии более никаких выгод, заставляя ее лишь вытаскивать каштаны из огня для Австрии. Спустя несколько месяцев после досрочного возобновления Тройственного союза «Московские ведомости» указывали на несоответствие между реальной силой империй Гогенцоллернов и Габсбургов. Австрия в нем оказывается ведущей, а Германия — ведомой: «Держава действительно великая, объединяющая, быть может, величайшую нацию мира, делается простой служительницей дряхлой, конгломератной Австрии»⁴⁸.

Октябристский «Голос Москвы» в феврале 1913 г. писал о разочаровании немецкого общества итогами внешнеполитического курса, заложенного еще канцлером Бисмарком⁴⁹. В германской печати, сообщала газета, все больше критики раздается в адрес союза с империей Габсбургов, политика которой на Балканах потерпела крах, а сама она стоит на грани развала. Италия — союзник, во-первых, слабый, а во-вторых, ненадежный. Турция, на помощь которой в будущей европейской войне Берлин возлагал большие надежды, разгромлена, потеряв за два года последние свои владения в Африке и на Балканах. В Германии растет понимание того, что связь с такими «союзниками» лишь уменьшает немецкий престиж в Европе.

К началу января 1913 г. стало ясно, что переговоры между побежденной Турцией и балканскими союзниками зашли в тупик: слишком несовместимыми были позиции сторон. В этих условиях Россия и Франция предложили державам осуществить демонстрацию военных кораблей против Турции для того, чтобы заставить Порту пойти, наконец, на уступки. Это решительное предложение не было поддержано англичанами, озабоченными сохранением своего влияния на берегах Босфора, а потому не желавшими участвовать в агрессивных антитурецких акциях. Берлин, стремившийся в это время к проведению совместной с английским правительством линии в Восточном вопросе, также отказался от энергичного давления на Порту⁵⁰. Германское внешнеполитическое ведомство предложило составить и передать османскому правительству лишь коллективную ноту держав с «дружеским советом» смириться с поражением и согласиться на заключение мира на условиях победителей⁵¹. 17 января 1913 г. данная нота была вручена от имени всех великих держав правительству Кямиль-паши, которое неофициально заявило о своем согласии принять требования балканских союзников, в том числе требование о сдаче Адрианополя, в качестве основы для заключения мира.

Однако 23 января 1913 г. в Стамбуле произошло событие, которое перечеркнуло возможность скорого заключения мирного договора: в этот день сторонники младотурецкого комитета «Единение и прогресс» совершили военный переворот, отстранили от власти правительство итиляфистов, обвинив его в уступчивости перед лицом врага и неспособности

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Возобновление Тройственного союза // Новое время. 27.XI(10.XII).1912.

⁴⁷ Вырождение Тройственного союза // Новое время. 25.XII.1912(7.I.1913.)

⁴⁸ Россия и Европа в балканском вопросе // Московские ведомости. 24.IV(7.V).1913.

⁴⁹ За границей. Понижение тона в Германии // Голос Москвы. 21.II(6.III).1913.

⁵⁰ Жогов П.В. Указ. соч. С. 254–256.

⁵¹ Die Große Politik... № 12662.

переломить ход войны в пользу Турции⁵². Великим визиром Османской империи стал лидер младотурок Махмуд Шевкет-паша, начальником генерального штаба — Энвер-паша, собственноручно застреливший в день переворота военного министра и верховного главнокомандующего турецкой армии Назим-пашу. Своей главной целью вернувшиеся к власти младотурки объявили заключение мира на почетных для Турции условиях — с сохранением Адрианополя и большей части эгейских островов. 3 февраля 1913 г. боевые действия на Балканах после двухмесячного перемирия возобновились. Они шли лишь в нескольких точках Балканского полуострова — в районе Чатаалджинских укреплений, а также вокруг оставшихся в руках турок крепостей — Адрианополя, Янины и Скутари.

По некоторым данным, в том числе по сообщениям австрийского посла в Турции Я. Паллавичини, активную роль в организации переворота 23 января сыграла германская дипломатия в лице посла в Стамбуле Г. Вангенгейма⁵³. Паллавичини сообщал в Вену, что штаб-квартирой младотурецких заговорщиков было посольство Германии, где и был разработан план переворота. Когда после поражения Турции в Триполитанской войне с Италией младотурецкое правительство Саида-паши 17 июля 1912 г. было смещено оппозиционными силами, концентрировавшимися вокруг партии «Свобода и согласие» (Хюрриет вэ итиляф, откуда название сторонников этой партии — итиляфисты), это вызвало сильное беспокойство в Берлине. Появление давнего противника младотурецкой диктатуры Кямиля-паши в правящей группировке в качестве председателя Государственного совета придало константинопольскому кабинету проанглийскую ориентацию и обеспечило симпатии Лондона. Тем самым во второй половине 1912 г., когда Османской империей управляли итиляфисты, возникла реальная угроза потери немцами своих позиций на Ближнем Востоке. Правящие круги Германии были сильно встревожены произошедшими на политической сцене Турции изменениями и сближением Османской империи с Британией. Устранение проанглийского правительства Кямиль-паши и возвращение к власти младотурок, имевших давние, весьма тесные связи с Берлином, отвечало интересам Германии.

Совершенный младотурками переворот был расценен большинством ведущих органов российской периодической печати как результат германских и австрийских интриг и как огромная победа Берлина и Вены, снова сконцентрировавших все нити турецкой внутренней и внешней политики в своих руках. «То, что разыгралось в Турции, есть такое торжество Германии, которое трудно было предвидеть», — писала газета Союза русского народа «Русское знамя», рассматривавшая переворот 23 января как большое поражение Антанты⁵⁴. Схожие оценки высказывало и либеральное «Русское слово», не сомневавшееся, что «младотурецкая революция вспыхнула не без тайного соучастия политиков с берегов Дуная и Шпрее»⁵⁵.

«Московские ведомости» также считали, что младотурецкий переворот произошел с ведома и согласия Австрии и Германии. Первая из этих держав, писала газета вскоре после переворота, как будто примирилась с победой балканцев над Турцией, «но зато во всеоружии проявляется гневное настроение Германии против членов Балканского союза, совершенно заложивших дорогу ее Drang nach Osten... Больше же всего Германия опасается нарушения ее сношений с азиатскими владениями Турции», в освоение которых уже вложены солидные германские капиталы⁵⁶. «Новое время», передавая слухи о соучастии Вангенгейма в перевороте, критиковало Германию за поддержку младотурецких «авантюристов», таких как Энвер-паша: «Германия систематически выставляла себя в качестве протагониста консервативно-охранительных начал. На почве этих охранительных начал она даже стремилась создать австро-русско-германское сближение. Почему же именно

⁵² Алиев Г.З. Турция в период правления младотурок (1908–1918 гг.) М., 1972. С. 226–227.

⁵³ Österreich-Ungarns Außenpolitik... Bd. 5. № 5692; Die Große Politik... № 12669, 12670.

⁵⁴ Турция. Государственный переворот // Русское знамя. 13(26).1.1913.

⁵⁵ Вторая младотурецкая революция // Русское слово. 12(25).1.1913.

⁵⁶ Роль Германии в балканском кризисе // Московские ведомости. 20.I(2.II).1913.

в турецком вопросе Германия поддерживает не законную власть, а взбунтовавшихся офицеров, забывших присягу?»⁵⁷.

При этом русская пресса не располагала никакими доказательствами участия немцев и австрийцев в отстранении от власти кабинета Кямил-паши, руководствуясь в своих предположениях широко распространенным в российских политических кругах представлением, что осложнение Восточного вопроса и затягивание войны на Балканах было выгодно Германии и Австро-Венгрии. «Мутная вода нарочито затягивающихся мирных переговоров была именно на руку ловящим балканскую рыбку швабам»⁵⁸, — писало в данной связи «Утро России», считавшее, что причиной свержения итиляфистского правительства великого визира Кямяля-паши было принятое им решение прекратить безнадежное сопротивление и заключить мир на условиях победителей. «Голос Москвы» также был убежден, что Германия и Австро-Венгрия стремятся к затягиванию войны на Балканах. Решение балканского вопроса в данный момент невыгодно этим странам. Они не могут принять участия в переделе османских владений, поскольку по «чисто техническим соображениям» не готовы к войне со странами Антанты. Именно с целью затягивания войны до весны или лета 1913 г. Германия и Австрия организовали возвращение непримиримо настроенных младотурок к власти, указывал «Голос Москвы», писавший, что «нитка от турецких марионеток, выплывших сейчас на авансцену, тянется вплоть до Берлина»⁵⁹.

Более осторожную позицию занимали либеральные издания. Кадетская «Речь» писала: «Пока еще нет объективных данных для того, чтобы предполагать прямое “сотрудничество” дипломатов Германии и Австрии в константинопольском перевороте... Но в том, что у новых фактических “держателей” турецкой государственной власти был очевидный расчет на моральную поддержку Тройственного союза, сомневаться не приходится»⁶⁰. «Русские ведомости» также не спешили обвинять в организации переворота Берлин и Вену, оговариваясь, что «закулисные пружины младотурецкого переворота, нам, конечно, неизвестны»⁶¹. Данная газета видела опасность младотурецкого переворота не только в том, что он неизбежно вызовет возобновление боевых действий между Балканским союзом и Турцией, но и в том, что он даст козыри в руки тем воинственным политикам и военным в Берлине и Вене, которые не желают мириться с крушением европейской Турции и победами балканских славян и которые могут использовать очередное обострение на Балканах для активных действий прежде всего против Сербии и Черногории.

Единственной газетой, решительно отрицавшей причастность Берлина к турецкому перевороту, была крайне правая «Земщина». Хотя и она вслед за прочими российскими изданиями не сомневалась в том, что смена власти в Стамбуле делает неизбежным продолжение войны на Балканах: «Вся эта комедия с переворотом повлечет за собой новую канитель в мирных переговорах... Все начинается сначала»⁶². В день совершения константинопольского переворота «Земщина» снова писала о нежелании немцев воевать с Россией из-за балканских дел. «Делить нам нечего, драться же Германии с Россией из-за того, получит ли Сербия военный порт или торговую гавань на Адриатическом море или какие будут границы Албании, было бы безумием»⁶³.

Политика Германии в связи с событиями на Балканах снова привлекла внимание русской прессы весной 1913 г. во время Скутарийского кризиса, когда Австро-Венгрия в ультимативной форме потребовала от Черногории снять осаду крепости Скутари и согласиться с вхождением этого города в состав албанского государства. При этом австрийцы ссылались на поддержку данного требования остальными великими державами, которые

⁵⁷ Революция и Берлин // Новое время. 15(28).I.1913.

⁵⁸ Внезапное осложнение // Утро России. 13(26).I.1913.

⁵⁹ За дипломатическими кулисами // Голос Москвы. 16(29).I.1913.

⁶⁰ Турецкий переворот // Речь. 12(25).I.1913.

⁶¹ Редакционная статья // Русские ведомости. 13(26).I.1913.

⁶² Глинка С. Начинай сначала! // Земщина. 12(25).I.1913.

⁶³ Глинка С. Мир обеспечен // Земщина. 10(23).I.1913.

22 марта 1913 г. на Лондонской конференции послы приняли решение присоединить Скутари к Албании и призвали черногорцев, а также помогающих им сербов снять осаду этой крепости, прекратить боевые действия на территориях, отходящих к Албании, и немедленно вывести оттуда свои войска.

Несмотря на то что великие державы твердо решили присоединить Скутари к будущему албанскому государству, черногорская армия продолжала осаждать эту крепость: в Цетинье хотели поставить державы перед свершившимся фактом захвата черногорскими войсками Скутари и всей прилегающей к Скутарийскому озеру долины. Король этого маленького балканского государства Николай Негош надеялся, что противоречия между Тройственным союзом и Антантой сделают невозможным коллективное давление держав на Черногорию с целью принудить ее передать Скутари албанцам. В Австро-Венгрии такое упорство крошечной страны вызывало крайнее раздражение. Вена продолжала категорически настаивать, чтобы Скутари перешел к Албании, предлагая остальным державам осуществить меры военного принуждения против строптивых черногорцев и угрожая в случае отказа держав самой принудить Черногорию к выполнению решений Лондонской конференции.

Немаловажную роль в победе австрийской позиции во время Скутарийского кризиса сыграла Германия. В апреле 1913 г., как и за четыре месяца до этого, во время кризиса из-за выхода сербов к Адриатике, рейхсканцлер Бетман-Гольвег выступил с открытым предупреждением в адрес России, что в случае австро-русской войны Германия не останется посторонним наблюдателем, а поддержит своего союзника всеми, в том числе военными, средствами. Его заявления в рейхстаге во время обсуждения нового военного законопроекта 7 апреля 1913 г. были корректны, но весьма определены: «В качестве верных союзников Австро-Венгрии мы стараемся, насколько возможно, смягчить эту натянутость (в отношениях между Веной и Петербургом.— *Б.К.*), но мы не будем прятать своей головы в песок, и мне нечего говорить о том, что мы докажем нашу верность союзу и за пределами дипломатического посредничества»⁶⁴. Упомянув о «расовых противоположностях» между славянскими и германскими народами, Бетман-Гольвег заявил, что они не поведут автоматически к войне между двумя странами. Канцлер похвалил российское правительство, которое, по его словам, стремилось к сохранению традиционных доверительных отношений с Германией и к поддержанию мира в Европе, и набросился с критикой на панславистские круги России, окрыленные успехом Балканского союза и усматривающие в победе болгар и сербов над турками одновременно и победу славянства над германизмом.

Выступление Бетман-Гольвега в рейхстаге дало повод русской прессе еще раз оценить поведение Германии в разворачивающемся балканском кризисе, а также высказать свои соображения о характере и перспективах русско-германских отношений.

Реакция большей части русской прессы на заявления главы германского правительства, явно провоцировавшие Австрию сохранять неуступчивость в скутарийском вопросе, была негативной. «Весь обычный аппарат тевтонских воинственных выступлений... вся бутафория германского шовинизма пущены в дело», — писала «Речь»⁶⁵. По мнению «Утра России», неожиданные заявления Бетман-Гольвега взрывают мирную работу дипломатов на Лондонской конференции и затрудняют компромиссное решение конфликта из-за Скутари. Вместе с тем газета прогрессистов выражала уверенность, что Берлину невыгодно сейчас начинать общеевропейскую войну, так как не завершена еще реорганизация армии и флота Германии. Поэтому выступление Бетмана, так же как и выступление Бюлова в 1909 г. во время споров из-за аннексии Боснии, нужно рассматривать как стремление политиков с берегов Шпрее запугать Россию и мирным путем вырвать еще один лакомый кусок для Австрии⁶⁶.

⁶⁴ Verhandlungen des Reichstags: Stenographische Berichte. Bd. 289. Berlin, 1913. S. 4513.

⁶⁵ Редакционная статья // Речь. 27.III(9.IV).1913.

⁶⁶ «Десант» Бетман-Гольвега // Утро России. 28.III(10.IV).1913.

Публицист А.А. Столыпин (брат погибшего в 1911 г. премьер-министра П.А. Столыпина) на страницах «Нового времени» подчеркивал, что речь канцлера Бетман-Гольвега знаменует собой признание германскими политиками панславизма в качестве реальной политической силы современного мира⁶⁷. То, что для Бисмарка было скорее жупелом, при помощи которого он умело запугивал немецких обывателей, австрийское правительство и сами балканские государства, им якобы грозит поглощение Россией, после блестящих побед балканских славян над турками стало фактором европейской политики, с которым приходится считаться самым могущественным державам. По мнению нововременского публициста, возрождение славянства означает конец одиночества России в Европе, и это не могут не учитывать в Берлине.

«Московские ведомости» особое внимание обращали на подчеркивание Бетман-Гольвегом «расовых противоположностей» славянских и германских народов. Сама газета видела корни конфликта между славянством и германизмом в стремлении немцев подчинить себе славянские народности. «Славяне и немцы могут действительно жить мирно, но для этого требуется, чтобы германство не стремилось подавлять славянство и лишать его возможности сохранить свою самобытность»⁶⁸. Пока же, утверждала газета, немцы стремятся поставить славян в такое же бесправное и подчиненное положение, в котором они пребывали в Турции.

Как всегда, когда речь заходила о политике Германии, на фоне остальных газет выделялась прогерманская «Земщина», писавшая в разгар кризиса из-за Скутари, что его мирному разрешению способствует «спокойствие Германии, которая не только не подстрекает Австрию, но сдерживает ее своим авторитетом... В данном случае Германия действует с полной добросовестностью»⁶⁹. Россия обязана, по мнению «Земщины», оценить такое поведение Германии. Глинка-Янчевский в дни Скутарийского кризиса подчеркивал, что прохладные отношения с Берлином мешают России обуздать Австрию: «Установись у нас искренние отношения с Германией, искавшей сближения с нами, — так разве посмела бы какая-то Австрия, вечно всеми битая, проявить и половину своей наглости. Та же Германия сказала бы ей — цыц, ни с места!»⁷⁰.

Завершение Первой балканской войны не привело к воцарению мира и спокойствия на Балканах. Уже спустя месяц, в последних числах июня 1913 г., из-за споров о разделе отвоеванных у турок территорий в Македонии разгорелась Вторая балканская война, в которой столкнулись вчерашние союзники — болгары против сербов, греков и черногорцев. Главным выгодополучателем новой войны на Балканах российская пресса считала Австро-Венгрию, которой распря между балканскими союзниками подарила шанс восстановить свои позиции в этом регионе и перейти к активной политической игре, поддерживая одну сторону конфликта (Болгарию) против другой (Сербии). Что касается Германии, то ее политике в ходе Второй балканской войны уделялось гораздо меньше внимания. Тем не менее несколько статей с анализом отношения Германии и немцев к новому конфликту на Балканах появилось летом 1913 г. на страницах ведущих российских изданий.

Берлинский корреспондент «Утра России» В. Назимов писал, что Германия относится к межсоюзнической войне «с радостным ухмылением»: Берлин радуется крушению Балканского союза, но, с другой стороны, стремится удержать Австро-Венгрию от активного вмешательства в боевые действия между болгарами и сербами⁷¹. Корреспондент «Нового времени» в столице Германии Н.К. Сибиряк также отмечал злорадство германской прессы в связи с распрями между вчерашними победителями Турции⁷². При этом большинство

⁶⁷ Столыпин А. Речь германского канцлера // Новое время. 27.III(9.IV).1913.

⁶⁸ Германский законопроект и «панславизм» // Московские ведомости. 3(16).IV.1913.

⁶⁹ Бряцание... перьями // Земщина. 21.IV(4.V).1913.

⁷⁰ Глинка С. Пожинаем, что посеяли // Земщина. 17(30).III.1913.

⁷¹ Назимов В. Германия и балканская распря // Утро России. 25.VI(8.VII).1913.

⁷² Сибиряк Н.К. Внешние известия. О политике. Берлин (корреспонденция «Нового времени») // Новое время. 24.VI(7.VII).1913.

немецких газет в межсоюзническом конфликте поддерживают Болгарию, влияя соответствующим образом на всю читающую немецкую публику. «Русское знамя» в разгар Второй балканской войны утверждало: «Да, несомненно, то, что совершается, выгодно Австрии и Германии, и то, что совершается, — дело их рук»⁷³. Эта крайне правая газета, в отличие от идеологически близкой ей «Земщины» не проявлявшая симпатий к Германии, считала, что немцы стремятся к покорению славянских народов и разрушению России: «Наступает уже период, когда славянский и германский мир должны будут вступить в борьбу не на живот, а на смерть, когда решится вопрос, прекратит ли славянство свое самостоятельное бытие или же будет сокрушена сила германского племени»⁷⁴.

«Земщина», не упуская случая подчеркнуть выгодность и необходимость для России сотрудничества с Берлином в балканских делах, после завершения Второй балканской войны отметила позитивную роль Германии. Чрезвычайно преувеличивая лояльность Германии по отношению к российской политике на Балканах, Глинка-Янчевский писал: «Никто так не сдерживал Австрию, как Германия. Никто не поддерживал так Россию по всем вопросам, как та же Германия. Между тем стоило ей обеспечить Австрии свое содействие — и заварилась бы общая европейская каша, которой бы нам долго не расхлебать... В данную минуту, когда мир заключен, мы имеем право сказать, что если Россия избежала войны, то в этом отношении немалое содействие нам оказала Германия»⁷⁵.

Несмотря на внешнее подчеркивание единства центральноевропейских держав, на протяжении балканского кризиса 1912–1913 гг. в отношениях между Берлином и Веной не раз возникала напряженность и взаимное раздражение, свидетельствовавшее о существенном расхождении интересов империй Габсбургов и Гогенцоллернов. Разногласия между союзниками нарастали и открыто проявились в период обсуждения условий Бухарестского мирного договора, завершившего Вторую балканскую войну в августе 1913 г. Руководители германского рейха, в том числе кайзер Вильгельм II, считали контрпродуктивными попытки австрийской дипломатии привлечь на свою сторону озлобленных и стремящихся к реваншу за поражение во Второй балканской войне болгар. Они не без оснований опасались, что следствием этого станет отход Румынии — соперника Болгарии за влияние на Балканах — от Тройственного союза и сближение ее с Россией. Крайне враждебное отношение Вены и Будапешта к сербскому национальному государству также не встречало сочувствия в Берлине: германская дипломатия считала желательным не антагонизировать Сербию постоянными придирками и ультиматумами, а постараться привлечь ее на сторону Тройственного союза. Болгария же казалась немцам ненадежным союзником как вследствие большого влияния русофилов в болгарской политике, так и вследствие коварства царя Фердинанда, всегда готового вести двойную игру, заигрывая то с Веной, то с Петербургом⁷⁶.

В период подготовки и заключения Бухарестского договора Германия не только выступила против австро-русского предложения передать порт Каваллу болгарам, но и демонстративно противопоставила себя своему австрийскому союзнику в вопросе о пересмотре условий Бухарестского мира. После подписания договора, завершившего 10-месячный период кровавых военных столкновений на Балканах, министерство иностранных дел Австро-Венгрии заявило о желании созвать общеевропейскую конференцию, по типу Берлинского конгресса 1878 г., для окончательного урегулирования территориальных и прочих балканских вопросов. На этой конференции дипломаты дунайской империи надеялись урезать приобретения сербов и своей демонстративной поддержкой болгарских интересов еще больше укрепить австрийское влияние в Софии. Тем самым ведомство графа

⁷³ Квис. Нечто небывалое // Русское знамя. 7(20).VII.1913.

⁷⁴ Твердый. Беспользные бредни // Русское знамя. 27.VI(10.VII).1913.

⁷⁵ Глинка С. Тупое упорство // Земщина. 25.VII(7.VIII).1913.

⁷⁶ Skrivan A. Schwierige Partner. Deutschland und Österreich-Ungarn in der europäischen Politik der Jahre 1906–1914. Hamburg, 1999. S. 337.

Берхтольда объявило Бухарестский договор не окончательным, а лишь прелиминарным⁷⁷. Однако Германия не поддержала свою союзницу в ее усилиях пересмотреть условия мира. В Берлине считали вполне приемлемыми итоги конференции в Бухаресте⁷⁸. Вильгельм II демонстративно направил своему родственнику румынскому королю Карлу Гогенцоллерну поздравительную телеграмму, в которой приветствовались усилия Румынии и лично короля по восстановлению балканского равновесия и мира в этом регионе. Мир, заключенный в столице Румынии и оказавшийся столь выгодным для этого государства, Вильгельм II прямо назвал окончательным и не подлежащим пересмотру.

Таким образом, в августе 1913 г. из-за запутанного клубка балканских противоречий, казалось, наметилась линия разлома в отношениях между Берлином и Веной. Разногласия по поводу балканских дел были отражением более глубокого противоречия, вытекавшего из совершенно разного положения двух империй в системе европейского концерта держав. Как пишет исследователь истории германской внешней политики Н.В. Павлов, «Австро-Венгрия из единственно верного союзника Германии превратилась в откровенную обузу». После Балканских войн «в очередной раз стало очевидным, насколько проблематичным было для Германской империи иметь в лице дунайской монархии союзника, раздираемого внутренними межнациональными противоречиями и нестабильного по отношению к внешней угрозе со стороны панславизма»⁷⁹. Отметим также, что в значительной степени противоположными были экономические интересы Германии и Австро-Венгрии на Балканах, где германский капитал и германская промышленность выступали конкурентами австрийского капитала и австрийской (прежде всего, богемской) промышленности⁸⁰.

Русская пресса, всегда внимательно следившая за политикой Тройственного союза, живо откликнулась на проявление разногласий внутри австро-германского блока. При этом газеты указывали на изменение общественных настроений в Германии, где нарастал скептицизм в отношении Австро-Венгрии как союзника.

Спустя несколько дней после подписания Бухарестского мирного договора «Голос Москвы» писал, что в результате двух Балканских войн положение Австрии в Европе изменилось в негативную сторону⁸¹. Возникший новый балканский союз – Сербии, Румынии, Греции и Черногории – направлен не только против болгарского реваншизма, но и против австрийского экспансионизма. Этот союз может выставить армию в 1 млн штыков, что обесценивает значение Австро-Венгрии как военного союзника. Это учитывается в Берлине и уже начинает влиять на немецкую политику.

«Новое время» после подписания Бухарестского мира писало, что открыто проявившееся за последнее время несогласие Берлина с политикой Австрии на Балканах, в частности нашедшая телеграмма Вильгельма румынскому королю, является проявлением определенных настроений среди германских правящих сфер⁸². Берлин все больше тяготеет к роли «верного Нибелунга» Дунайской монархии, ролью шита для экспансионистской политики Габсбургов. В Берлине якобы склонны вернуться к бисмарковскому пониманию союзного договора 1879 г. как строго оборонительного. По мнению «Нового времени», это «в высшей степени благоприятные симптомы», укрепляющие надежду на сохранение европейского мира⁸³.

⁷⁷ *Bridge F.R.* From Sadowa to Sarajevo. The foreign policy of Austria-Hungary, 1866–1914. London; Boston, 1972. P. 357–358.

⁷⁸ *Canis K.* Op. cit. S. 563–564.

⁷⁹ *Павлов Н.В.* История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М., 2012. С. 56–57.

⁸⁰ Подробнее об интересах германского капитала на Балканах и его соперничестве с австрийским в начале XX в. см.: *Туполев Б.М.* Германская политика на Балканах накануне Первой мировой войны // В «пороховом погребке Европы»... С. 265–296.

⁸¹ Планы Германии // Голос Москвы. 4(17).VIII.1913.

⁸² Размолвка Нибелунгов // Новое время. 16(29).IX.1913.

⁸³ Новый бисмарковский период // Новое время. 3(16).VIII.1913.

Преипирательства немецкой и австрийской прессы в августе и сентябре 1913 г. позволили некоторым российским газетам сделать поспешный вывод о скором крушении австро-германского союза. По информации «Московских ведомостей», берлинское правительство, разочаровавшееся в своем австрийском союзнике и не верящее более в жизнеспособность монархии Габсбургов, решило переориентировать внешнюю политику Германии в сторону стратегического союза с Грецией, которая значительно усилилась в результате побед над Турцией и Болгарией, увеличив свою территорию почти в два раза: «Греция должна для Германии заменить на Балканах Австрию и Турцию»⁸⁴. Свидетельством этого нового курса германской политики могут служить особые знаки внимания к новому греческому королю Константину со стороны кайзера Вильгельма, прежде всего присвоение ему звания фельдмаршала германской армии.

Корреспондент «Утра России» в Берлине Назимов в ноябре 1913 г. сообщал, что беспокойство, вносимое в международное положение Австро-Венгрией, вызывает сильное недовольство самых широких слоев германского общества, требующих коренного пересмотра тройственного договора и иной ориентировки внешней политики Германии, ориентировки, дающей возможность миролюбиво разграничить сферы влияния великих держав в Азии и Африке и обеспечить при этом разделе «место под солнцем» также для Германии⁸⁵. По информации Назимова, весьма сочувственно относится к этим идеям кайзер Вильгельм II, стремящийся к единомыслию с Англией в международных делах и мирному разделу с ней сфер влияния в азиатской Турции⁸⁶.

* * *

Политика Германии во время Балканских войн 1912–1913 гг. содействовала дальнейшему нарастанию в России германофобских настроений. Германская дипломатическая поддержка антисербского и античерногорского курса австрийской внешней политики на Лондонской конференции послов продемонстрировала, что Берлин, как и во время Боснийского кризиса 1908–1909 гг., готов солидаризироваться с австрийскими притязаниями на Балканах, угрожавшими российским позициям в этом регионе. Если осенью 1912 г., когда германское правительство не заявляло открыто о поддержке Австро-Венгрии, у российского общества и были иллюзии относительно приоритетов германской внешней политики, то они исчезли уже в декабре того же года, после выступления в рейхстаге канцлера Т. Бетман-Гольвега, заявившего о готовности Германии отстаивать притязания австрийского союзника с оружием в руках. Тем самым в глазах российской общественности были в значительной степени обесценены и обесмыслены предпринятые в предыдущие несколько лет попытки российской дипломатии наладить отношения с Берлином, существенно пострадавшие в ходе Боснийского кризиса (Потсдамское соглашение августа 1911 г., встреча царя Николая II с кайзером Вильгельмом II в Балтийском порту в июне 1912 г.).

Следует подчеркнуть, что основные стрелы критики российской прессы во время Балканских войн были направлены против Австро-Венгрии – главного конкурента России на Балканах⁸⁷. Германия же воспринималась российским общественным мнением прежде всего как могущественный покровитель враждебной России и балканскому славянству империи Габсбургов. Несмотря на то что в течение всего балканского кризиса 1912–1913 гг. Германия держалась как бы за спиной и в тени своего австрийского союзника, в российской прессе в это время сложился общий антигерманский консенсус. Исключение среди наиболее заметных столичных изданий составляла только крайне правая газета «Земщина»,

⁸⁴ Австрия и Германия // Московские ведомости. 4(17).IX.1913.

⁸⁵ Назимов В. К открытию сессии рейхстага // Утро России. 15(28).XI.1913.

⁸⁶ Назимов В. Мировая политика // Утро России. 19.X(1.XI).1913.

⁸⁷ Об отношении российской общественности к Австро-Венгрии в период двух Балканских войн см.: Котов Б. С. Политика Австро-Венгрии во время Балканских войн 1912–1913 годов в оценках российской прессы // Новая и новейшая история. 2019. № 4. С. 67–83; № 5. С. 81–98.

тшетно призывавшая к переориентации российской внешней политики с Лондона и Парижа на Берлин. Проявившиеся в августе 1913 г. австро-германские противоречия по поводу Бухарестского мирного договора вызвали в российской прессе определенные надежды на корректировку германского внешнеполитического курса в сторону дистанцирования от австрийского союзника. Однако, как показал дальнейший ход событий, эти разногласия не имели серьезных последствий для германской политики на Балканах и позиционирования Германии в системе европейских военно-политических блоков.

Балканские войны часто называют «прелюдией Первой мировой войны»⁸⁸. Обращение к российской прессе того времени позволяет сделать вывод, что и в пропагандистском отношении драматические события на Балканах 1912–1913 гг. стали важной вехой в психологической подготовке вооруженного столкновения великих держав за передел мира. За десять месяцев вооруженного конфликта на Балканах (с октября 1912 г. по август 1913 г.), когда Россия и австро-германский блок не раз балансировали на грани войны, произошла существенная эволюция общественных настроений в России в сторону усиления австрофобии и германофобии. Пройдет всего несколько месяцев после окончания Балканских войн и Германия выступит непосредственно против интересов России на Ближнем Востоке, отправив в Турцию военную миссию генерала Лимана фон Сандерса с широчайшими полномочиями в деле реорганизации турецкой армии. Русско-германский дипломатический конфликт зимы 1913–1914 гг. из-за миссии Сандерса вызовет новый всплеск антигерманских настроений в российской прессе⁸⁹ – на этот раз последний перед июльским кризисом и началом Первой мировой войны.

Библиография

Агансон О.И. Балканы накануне Первой мировой войны: на пути к новому балансу сил // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 17–31.

Агансон О.И. В поисках равновесия. Великобритания и «балканский лабиринт», 1903–1914 гг. СПб., 2022.

Алиев Г.З. Турция в период правления младотурок (1908–1918 гг.). М., 1972.

Гришина Р.П., Шемякин А.Л. Судьба «балканских союзников» 1912–1913 годов. Взгляд из XXI столетия // Новая и новейшая история. 2013. № 4. С. 115–132.

Жоков П.В. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и Первая Балканская война 1912–1913 гг. М., 1969.

Зайончковский А.М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Л., 1926.

Зайцев В.В. Германская политика на Балканах и позиция Англии в период Лондонской конференции послов великих держав 1912–1913 гг. // Германская восточная политика в новое и новейшее время. Проблемы истории и историографии. М., 1974. С. 99–107.

Искендеров П.А. Балканские войны 1912–1913 гг. // В «пороховом погребке Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 476–507.

Кострикова Е.Г. Германский прорыв к Босфору и русское общество // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2008. № 3 (59). С. 162–170.

Котов Б.С. Политика Австро-Венгрии во время Балканских войн 1912–1913 годов в оценках российской прессы // Новая и новейшая история. 2019. № 4. С. 67–83; № 5. С. 81–98.

Котов Б.С. Германская экспансия в Османской империи накануне Первой мировой войны в освещении и оценках русской прессы // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Вып. 9 (119). Россия и глобальный мир: идеи и ответы на исторические вызовы XIX–XXI вв.

Мирзаханов В.С. Пересечение и взаимовлияние региональной и национальной истории: методологические этюды // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 12

⁸⁸ См. в частности: *Hall R.C.* The Balkan Wars 1912–1913: Prelude to the First World War. London; New York, 2000.

⁸⁹ Подробнее о реакции в России на отправку германской военной миссии в Турцию см.: *Кострикова Е.Г.* Германский прорыв к Босфору и русское общество // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2008. № 3 (59). С. 162–170; *Котов Б.С.* Германская экспансия в Османской империи накануне Первой мировой войны в освещении и оценках русской прессы // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Вып. 9 (119). Россия и глобальный мир: идеи и ответы на исторические вызовы XIX–XXI вв.

(98). URL: <https://history.jes.su/s207987840012994-2-1/> (дата обращения: 07.02.2024). DOI: 10.18254/S207987840012994-2

Мирзеханов В.С. История XX века: многообразие историографических подходов к пониманию феномена // Новая и новейшая история. 2020. № 5. С. 7–27. DOI: 10.31857/S013038640011358-1

Павлов Н.В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М., 2012.

Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985.

Романова Е.В. Путь к войне. Развитие англо-германского конфликта 1898–1914 гг. М., 2008.

Сазонов С.Д. Воспоминания. Берлин, 1927.

Туполев Б.М. Германская политика на Балканах накануне Первой мировой войны // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 265–296.

Afflerbach H. Der Dreibund. Europäische Großmacht- und Allianzpolitik vor dem Ersten Weltkrieg. Wien; Köln; Weimar, 2002.

Angelow J. Kalkül und Prestige. Der Zweibund am Vorabend des Ersten Weltkrieges. Köln; Weimar; Wien, 2000.

Bridge F.R. From Sadowa to Sarajevo. The foreign policy of Austria-Hungary, 1866–1914. London; Boston, 1972.

Canis K. Der Weg in den Abgrund. Deutsche Außenpolitik 1902–1914. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2011.

Die Große Politik der Europäischen Kabinette. 1871–1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes / Im Auftrag des Auswärtigen Amtes hrsg. von J. Lepsius, A.M. Bartholdy, F. Thimme. Bd. 34. Berlin, 1926.

Fischer F. Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1969.

Hantsch H. Leopold Graf Berchtold: Grandseigneur und Staatsmann. Graz; Wien; Köln, 1963.

Hall R.C. The Balkan Wars 1912–1913: Prelude to the First World War. London; New York, 2000.

Kiessling F. Österreich-Ungarn und die deutsch-englischen Detentebemühungen 1912–1914 // Historisches Jahrbuch. Freiburg; München, 1996. S. 102–125.

Österreich-Ungarns Außenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Diplomatische Aktenstücke des österreichisch-ungarischen Ministeriums des Äußeren / Hrsg. von L. Bittner, H. Uebersberger. Bd. 4, 5. Wien, 1930.

Schöllgen G. Imperialismus und Gleichgewicht: Deutschland, England und die orientalische Frage. 1871–1914. München, 1984.

Skrivan A. Schwierige Partner. Deutschland und Österreich-Ungarn in der europäischen Politik der Jahre 1906–1914. Hamburg, 1999.

The War Plans of the Great Powers. 1880–1914. London, 1979.

References

Aganson O.I. Balkany nakanune Pervoj mirovoj vojny: na puti k novomu balansu sil [The Balkans on the eve of the First World War: on the way to a new balance of forces] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2014. № 4. S. 17–31. (In Russ.)

Aganson O.I. V poiskah ravnovesija. Velikobritanija i “balkanskij labirint” [In search of balance. Great Britain and the “Balkan Labyrinth”], 1903–1914 gg. Sankt-Peterburg, 2022. (In Russ.)

Aliiev G.Z. Turcija v period pravlenija mladoturok [Turkey during the reign of the Young Turks] (1908–1918 gg.) Moskva, 1972. (In Russ.)

Grishina R.P., Shemjakin A.L. Sud’ba “balkanskih sojuznikov” 1912–1913 godov. Vzlgjad iz XXI stoletija [The fate of the “Balkan Allies” of 1912–1913. A view from the 21 century] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2013. № 4. S. 115–132. (In Russ.)

Iskenderov P.A. Balkanskije vojny [The Balkan wars] 1912–1913 gg. // V “porohovom pogrebe Evropy” [In the “powder magazine of Europe”]. 1878–1914 gg. Moskva, 2003. S. 476–507. (In Russ.)

Kostrikova E.G. Germanskij proryv k Bosforu i russkoe obshhestvo [The German breakthrough to the Bosphorus and the Russian society] // Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social’nogo universiteta [Scientific papers of the Russian State Social University]. 2008. № 3 (59). S. 162–170. (In Russ.)

Kotov B.S. Politika Avstro-Vengrii vo vremja Balkanskij vojn 1912–1913 godov v ocenkah rossijskoj pressy [The Politics of Austria-Hungary during the Balkan Wars of 1912–1913 in the assessments of the Russian press] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2019. № 4. S. 67–83; № 5. S. 81–98. (In Russ.)

Kotov B.S. Germanskaja jeksplansija v Osmanskoj imperii nakanune Pervoj mirovoj vojny v osveshhenii i ocenkah russkoj pressy [German expansion in the Ottoman Empire on the eve of the First World War in the coverage and assessments of the Russian press] // Jelektronnyj nauchno-obrazovatel’nyj zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational magazine “History”]. 2022. Vyp. 9 (119). Rossiya i global’nyj mir: idei i otvety na istoricheskie vyzovy XIX–XXI vv. [Russia and the global world: ideas and answers to historical challenges of the 19–21 centuries]. (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. Istoriya XX veka: mnogoobrazie istoriograficheskikh podhodov k ponimaniyu fenomena [History of the 20 century: a variety of historiographical approaches to understanding the phenomenon] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2020. № 5. S. 7–27. DOI: 10.31857/S013038640011358–1 (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. Peresechenie i vzaimovliyanie regional'noj i nacional'noj istorii: metodologicheskie etudy [The intersection and mutual influence of regional and national history: methodological studies] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational journal "History"]. 2020. T. 11. Vyp. 12 (98). URL: <https://history.jes.su/s207987840012994–2–1/> (access date: 07.02.2024). DOI: 10.18254/S207987840012994–2 (In Russ.)

Pavlov N.V. Istoriya vneshnej politiki Germanii ot Bismarka do Merkel' [The history of German foreign policy from Bismarck to Merkel]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Pisarev Ju.A. Velikie derzhavy i Balkany nakanune pervoj mirovoj vojny [The Great Powers and the Balkans on the eve of the First World War]. Moskva, 1985. (In Russ.)

Romanova E.V. Put' k vojne. Razvitie anglo-germanskogo konflikta [The path to war. The development of the Anglo-German conflict] 1898–1914 gg. Moskva, 2008. (In Russ.)

Sazonov S.D. Vospominaniya [Memoirs]. Berlin, 1927. (In Russ.)

Topolev B.M. Germanskaja politika na Balkanah nakanune Pervoj mirovoj vojny [German policy in the Balkans on the eve of the First World War] // V "porohovom pogrebe Evropy" [In the "powder magazine of Europe"]. 1878–1914 gg. Moskva, 2003. S. 265–296. (In Russ.)

Zajcev V.V. Germanskaja politika na Balkanah i pozicija Anglii v period Londonskoj konferencii poslov velikih derzhav [German policy in the Balkans and the position of England during the London Conference of Ambassadors of the Great Powers] 1912–1913 gg. // Germanskaja vostochnaja politika v novoe i novejshee vremya. Problemy istorii i istoriografii [German Eastern Policy in modern and modern times. Problems of history and historiography]. Moskva, 1974. S. 99–107. (In Russ.)

Zajonchkovskij A.M. Podgotovka Rossii k mirovoj vojne v mezhdunarodnom otnoshenii [Russia's preparation for the World War in international relations]. Leningrad, 1926. (In Russ.)

Zhogov P.V. Diplomatiya Germanii i Avstro-Vengrii i pervaja Balkanskaja vojna [Diplomacy of Germany and Austria-Hungary and the First Balkan War] 1912–1913 gg. Moskva, 1969. (In Russ.)

Afflerbach H. Der Dreibund. Europäische Großmacht- und Allianzpolitik vor dem Ersten Weltkrieg. Wien; Köln; Weimar, 2002.

Angelow J. Kalkül und Prestige. Der Zweibund am Vorabend des Ersten Weltkrieges. Köln; Weimar; Wien, 2000.

Bridge F.R. From Sadowa to Sarajevo. The foreign policy of Austria-Hungary, 1866–1914. London; Boston, 1972.

Canis K. Der Weg in den Abgrund. Deutsche Außenpolitik 1902–1914. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2011.

Die Große Politik der Europäischen Kabinette. 1871–1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes / Im Auftrag des Auswärtigen Amtes hrsg. von J. Lepsius, A.M. Bartholdy, F. Thimme. Bd. 34. Berlin, 1926.

Fischer F. Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1969.

Hantsch H. Leopold Graf Berchtold: Grandseigneur und Staatsmann. Graz; Wien; Köln, 1963.

Hall R.C. The Balkan Wars 1912–1913: Prelude to the First World War. London; New York, 2000.

Kiessling F. Österreich-Ungarn und die deutsch-englischen Detentebemühungen 1912–1914 // Historisches Jahrbuch. Freiburg; München, 1996. S. 102–125.

Österreich-Ungarns Außenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Diplomatische Aktenstücke des österreichisch-ungarischen Ministeriums des Äußeren / Hrsg. von L. Bittner, H. Uebersberger. Bd. 4, 5. Wien, 1930.

Schöllgen G. Imperialismus und Gleichgewicht: Deutschland, England und die orientalische Frage. 1871–1914. München, 1984.

Skrivan A. Schwierige Partner. Deutschland und Österreich-Ungarn in der europäischen Politik der Jahre 1906–1914. Hamburg, 1999.

The War Plans of the Great Powers. 1880–1914. London, 1979.

DOI: 10.31857/S0130386424030105

© 2024 г. П.В. ШЛЫКОВ

БОРЬБА С КЕМАЛИСТСКИМ ГОСУДАРСТВОМ: ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС И НИЗОВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ В ТУРЦИИ В 1920–1930-е годы

Шлыков Павел Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России (Москва, Россия).

E-mail: shlykov@iaas.msu.ru

Scopus Author ID: 57194032891; ORCID: 0000-0002-0331-430X; Researcher ID: N-3826-2014

Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Аннотация. Проводившиеся кемалистским правительством масштабные реформы 1920–1930-х годов были нацелены на строительство «Новой Турции» как современного светского национального государства. Исследование специфики развития гражданского общества, а также моделей и механизмов его взаимодействия с государством представляет особый интерес в контексте изучения этого этапа истории страны. Цель настоящей работы – анализ низовой гражданской активности в Турции в период «кемалистской революции», прежде всего разнообразных форм реакции населения преимущественно сельских регионов на аграрные и налоговые реформы. В задачи автора входит рассмотрение основных противоречий, порожденных обострением земельного вопроса в Турции в 1920-е годы, выявление ключевых форм общественного протеста против усиления эксплуатации крестьянства, а также изучение структурных элементов социальной опоры кемалистов в провинции. Актуальность и новизна исследования обусловлены двумя аспектами. Во-первых, в статье в дискуссионном ключе оспаривается тезис, что сельское население раннереспубликанской Турции характеризовалось преимущественно пассивным отношением к происходившим в стране изменениям, а его реакция на явные проявления социальной несправедливости носила спорадический характер, а также устоявшееся в турецкой исторической науке представление о том, что «центр» (проводившие политику модернизации государственное руководство и правящая партия) и «периферия» (консервативная провинция) в этот период были изолированы друг от друга. Во-вторых, автор вводит в научный оборот существенный объем источников на турецком языке («народные колонки» в ведущих периодических изданиях страны того времени, петиции-жалобы граждан, публиковавшиеся в ежегодниках Великого национального собрания Турции, отчеты партийных инспекторов, хранящиеся в фонде Народно-республиканской партии и т.д.). Скрупулезный анализ данных, представленных в этих источниках, и их сопоставление с уже известными ранее историческими фактами формируют методологический каркас исследования. Основные выводы статьи: в рассматриваемый период в Турции развивались как легальные, так и нелегальные формы низовой гражданской активности; не имея полномасштабной опоры на периферии в лице государственных структур, кемалисты использовали для купирования остроты социального протеста местные патрон-клиентские сети, организованные вокруг «ага» – крупных землевладельцев и коммерсантов.

Ключевые слова: Турция, гражданское общество, кемализм, земельный вопрос, социальный протест, гражданская активность, аграрные реформы, аграрные отношения.

P.V. Shlykov

Contesting the Kemalist State: The Land Question and the Grass Root Civic Activity in the 1920–1930s Turkey

Pavel Shlykov, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; MGIMO University (Moscow, Russia).

E-mail: shlykov@iaas.msu.ru

Scopus Author ID: 57194032891; ORCID: 0000-0002-0331-430X; Researcher ID: N-3826-2014

The article was prepared with the support of the grant of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation to conduct major research projects in priority areas of scientific and technological development № 075-15-2024-551 “Global and Regional Centres of Power in the Emerging World Order”.

Abstract. The author scrutinizes the development of civil society in the early republican Turkey focusing on the models of its interaction with the state in the context of Kemalist revolution, namely the large-scale reforms of the 1920s and 1930s aimed at building the “New Turkey” as a modern secular nation-state. He analyses various manifestations of grass root civic activity in Turkey in the 1920s and 1930s. In doing so, it focuses on the rural population’s reaction to the Kemalist land and taxation reforms. The article contributes to the exiting literature in two following ways. First, it challenges the existing assumption that the rural population of the early Republican Turkey sporadically protested against only the most visible cases of social injustice. It also suggests counter-arguments to the thesis that at that time the center and periphery had their own socio-political dynamics isolated one from another. Second, the article introduces to the reader a wide range of Turkish sources (e.g., “public columns” in the main periodicals of that time, petitions published in the yearly books of the Grand National Assembly of Turkey, party inspectors’ reports stored in the fund of the Republican People’s Party). An analysis of the data presented in these sources and its comparison against already known historical facts form the article’s methodological framework. The author explains the key social contradictions about the land question. He further on defines the main forms of systemic grass root civic activity and the structural elements of the Kemalists social basis on the periphery. The main findings are that in the 1920–30s the rural Turkey witnessed both legal and illegal forms of resistance. The absence of a full-scale working formal state structure on the periphery made the Kemalist state curbing this resistance by using patron–client networks centered on the figures of “aga”, the wealthy local landlords and merchants.

Keywords: Turkey, civil society, Kemalism, land question, social protest, civic activity, agrarian reforms, agrarian relations.

Проводившийся руководством Турции в 1920–1930-е годы курс реформ, нередко именуемый «кемалистской революцией», привел к радикальным изменениям во всех сферах жизни страны. Среди историков и социологов, изучавших общественно-политическую ситуацию в Турции в данный период, долгое время была распространена точка зрения об отсутствии или ограниченности низовой гражданской активности, ее бессистемности и дискретности¹. В своих работах такие исследователи, как Эрих Цюрхер, Фероз Ахмад, Якоб Ландау, Мете Тунчай, Чаглар Кейдер, Дмитрий Еремеев, Николай Киреев и другие отмечали, что сельское население раннереспубликанской Турции характеризовалось

¹ О подходах к исследованию гражданского общества в странах Азии и Африки см.: *Shlykov P. Non-western model of civil society in the Middle Eastern context: Promises and discontents // Russia in Global Affairs. 2021. Vol. 19. № 2. P. 137–140.*

политической пассивностью и реагировало на усиливавшееся административное и налоговое давление со стороны кемалистских властей спорадически, а протесты, вызванные усилением эксплуатации крестьянства, не носили регулярный характер² (к числу наиболее известных примеров следует отнести восстание, поднятое в начале 1925 г. шейхом Саидом, волнения в Мемнеме в 1930 г., события в Дерсиме в 1937–1938 гг.). В рамках широко известной концепции Шерифа Мардина³ («центр – периферия») низкий уровень гражданской активности в сельской Турции в рассматриваемый период объяснялся имманентной оппозицией правящей элиты – Народно-республиканской партии (НРП), проводившей политический курс, направленный на модернизацию, – и большинства населения страны, продолжавшего держать за традиционные устои, и их определенной изоляцией друг от друга.

Вместе с тем комплексный анализ широкого круга источников, позволяющих выявить ключевые тенденции в общественной жизни Турции в 1920–1930-е годы, дает возможность подвергнуть ревизии устоявшийся ранее взгляд на исследуемую проблему, а также охарактеризовать основные формы низовой гражданской активности в рассматриваемый период и оценить ее масштабы. Особый интерес в контексте изучаемой темы представляют «народные колонки» в ведущих турецких изданиях 1920–1930-х годов – *Cumhuriyet* («Республика»), *Son Posta* («Последняя почта»), *Тап* («Рассвет»), *Акşam* («Вечер»), многочисленные петиции граждан, опубликованные в ежегодниках Великого национального собрания Турции (ВНСТ), выступления министров и депутатов, зафиксированные в протоколах его заседаний, мемуары видных государственных деятелей раннереспубликанской эпохи (министра общественных работ в 1930–1933 гг., министра юстиции в 1938–1939 гг. и главы МВД в 1943–1946 гг. Мустафы Хильми Урана, губернатора ряда крупных провинций Центральной, Восточной и Юго-Восточной Анатолии в 1920–1930-е годы Джемала Бардакчи, губернатора Эрзинджана и автора фундаментального труда по истории этого города Али Кемали Аксюта) и отчеты партийных инспекторов, хранящиеся в фонде НРП Республиканского архива в Анкаре.

Важно отметить, что турецкая периферия не оставалась лишь пассивным реципиентом происходивших в стране изменений. Реакция сельского населения на усугублявшиеся земельные проблемы и усиление налогового бремени была достаточно системной и многообразной. Однако реальные возможности повлиять на ситуацию посредством низовой гражданской активности в тех формах, которые были доступны крестьянам, были ограничены вследствие того, что кемалистское государство и партийные функционеры выработали новые способы взаимодействия с периферией и установления контроля над ней. Претворяя в жизнь аграрные реформы, власти «Новой Турции» опирались на «ага» – крупных землевладельцев и богатых коммерсантов, игравших роль социальных партнеров и проводников влияния НРП⁴. Сотрудничество с ними обуславливало патрон-клиентский характер организации общественных отношений на периферии и способствовало росту теневой экономики, однако при этом гарантировало купирование остроты крестьянского протеста на том же низовом уровне, где он и зарождался. Раскрывая представленные тезисы в рамках настоящей статьи, автор рассматривает формы гражданской активности сельского населения как реакцию на обострение земельного вопроса в 1920–1930-е годы и анализирует структурные элементы социальной опоры кемалистской власти в регионах.

Первые два десятилетия после окончания Освободительной войны 1919–1922 гг. стали для турецкого общества временем серьезных испытаний. Последствия этой войны (истощение

² См.: Atatürk and the Modernization of Turkey / ed. J.M. Landau. Leiden, 1984. P. 108–109; *Keyder Ç. Türk Tarımında Küçük Meta Üretimini Yerleşmesi (1946–1960) // Türkiye’de Tarımsal Yapılar (1923–2000) / eds Ş. Pamuk, Z. Toprak. Ankara, 1988. S. 163–174; Tunçay M. Türkiye’de Sol Akımlar, 1925–1936. İstanbul, 1991. S. 115; Ahmad F. The Making of Modern Turkey. London, 1993. P. 75–76, 99; Купеев Н. Г. История Турции. XX век. М., 2007. С. 178–186; Zürcher E.-J. Turkey. A Modern History. London, 2017. P. 195–196; Еремеев Д. Е. История Турецкой Республики с 1918 г. до наших дней. М., 2017. С. 118–153.*

³ *Mardin Ş. Center-Periphery Relations: A Key to Turkish Politics? // Daedalus. 1973. Vol. 102. Iss. 1. P. 169–190.*

⁴ Подробнее см.: *Metinsoy M. Kemalizmin Taşrası: Erken Cumhuriyet Taşrasında Parti, Devlet ve Toplum // Toplum ve Bilim. 2010. Sayı 118. S. 124–164.*

людских и материальных ресурсов, масштабная деиндустриализация) тяжелым бременем легли на плечи населения Анатолии, страдавшего не только от поборов интервентов, но и от принудительных реквизиций, проводившихся кемалистскими отрядами, в ходе которых на нужды армии у крестьян зачастую изымались последние запасы продовольствия⁵. В начале 1920-х годов в Турции наблюдался демографический спад. Население Анатолии сократилось с 16 до 13 млн человек. Одновременно с этим происходил процесс деурбанизации (доля горожан упала ниже 20%). Кемалистская Турция была преимущественно аграрной страной. Согласно официальной статистике, в конце 1920-х годов более 81% трудоспособного населения было занято в сельском хозяйстве, доля которого в валовом национальном продукте составляла почти 50% (этот показатель сохранялся на уровне более 47% и во второй половине 1930-х годов)⁶.

Социальный ландшафт Анатолии определялся тенденциями, наметившимися на рубеже XIX–XX вв. В этот период проводившиеся османским правительством реформы, направленные на модернизацию экономической жизни страны, привели к широкому распространению частной собственности на землю и коммерциализации аграрного сектора. Нововведения были поддержаны соответствующими законами⁷. «Националистическая» экономическая политика младотурок в 1914–1918 гг. способствовала формированию в Анатолии группы богатых землевладельцев и предпринимателей тюркского происхождения. С первых дней Освободительной войны они поддержали Мустафу Кемала (Ататюрка) и его сторонников, рассчитывая тем самым сохранить недавно приобретенные земли, высвободившиеся после погромов и массовых депортаций греков и армян⁸. Крупные земельные собственники активно участвовали в деятельности многочисленных «обществ защиты прав» – патриотических организаций, создаваемых кемалистами для противодействия греческой и итальянской интервенции в различных регионах Анатолии. Во время войны и после ее окончания представители землевладельческой элиты выступали союзниками и опорой новой власти (наряду с военной бюрократией), что впоследствии во многом предопределило характер экономической политики правительства, благоприятствовавшей интересам этой группы населения, которая должна была обеспечить один из основных источников финансирования модернизации и строительства «Новой Турции»⁹ – сельскохозяйственные налоги. При этом увеличивалась фискальная нагрузка на крестьян и мелких фермеров, являвшихся объектом эксплуатации новых государственных монополий¹⁰. Доходы этих монополий формировали еще один важный экономический ресурс кемалистских реформ. Другой проблемой для большинства сельского населения Анатолии в рассматриваемый период стало несправедливое распределение государственных земель, особенно в наиболее урожайных областях.

С официальным провозглашением на сессии ВНСТ 29 октября 1923 г. Турецкой Республики к приватизации сельскохозяйственных угодий ускорилась. В новых законах (кадастровых

⁵ См.: *Boratav K.* Anadolu Köyünde Savaş ve Yıkım // *Toplum ve Bilim*. 1981/1982. № 15–16. S. 61–75; *Mahir Metinsoy E.* Ottoman Women during World War I: Everyday Experiences. Cambridge, 2017. P. 1–9, 159–174, 195–198.

⁶ *Tezel Y.S.* Cumhuriyet Döneminin İktisadi Tarihi. İstanbul, 2000. S. 103–128.

⁷ Подробнее см.: *Quataert D.G.* The Commercialization of Agriculture in Ottoman Turkey, 1800–1914 // *International Journal of Turkish Studies*. 1980. Vol. 1. № 2. P. 38–55; *Meier M.C.* Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М., 1991. С. 154–170.

⁸ *Yalman A.E.* Birinci Dünya Savaşında Türkiye. İstanbul, 2019. S. 249–261, 339–346.

⁹ Это также отразилось на процессе конструирования национальной идентичности. См.: *Шлыков П.В.* Историческая политика в современной Турции // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2020. № 11 (98). С. 3–4. DOI: 10.18254/S207987840010436–8

¹⁰ Буквально сразу с провозглашением республики в 1923 г. кемалисты объявили о монополизации производства соли, табачной и алкогольной продукции, сахара, спичек, пиломатериалов и т.д. См.: *Demirbilek S.* Tek Parti Döneminde İnhisarlar (1923–1946) // *Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi*. 2012. Cilt 12. № 24. S. 203–232.

установлениях 1924 и 1925 гг.¹¹ и принятом в 1926 г. по «швейцарскому образцу» Гражданском кодексе¹²) прослеживалась логика решения большинства спорных вопросов землепользования через проведение повсеместной кадастровой регистрации и расширение доли частнособственнических хозяйств. Это позволило крупным землевладельцам в 1920–1930-е годы с помощью разнообразных мошеннических схем присвоить себе выморочные участки и даже наделы, предназначенные для распределения среди вынужденных переселенцев (в том числе прибывших в страну в ходе обмена населением с Грецией¹³). Весьма распространенным методом выдавливания крестьян с насиженных мест (с целью последующего присвоения их земель) было разрушение речных плотин для затопления сельскохозяйственных угодий. В конце 1920-х годов ухудшение финансового положения мелких фермеров из-за мирового экономического кризиса предоставило новым богатым держателям земли для расширения своих владений путем скупки или конфискации участков попавших в долги собственников¹⁴.

От региона к региону ситуация различалась, но общий тренд на экстенсивную приватизацию, формирование крупных частных хозяйств и притеснение мелких землевладельцев и крестьян прослеживался практически по всей Анатолии. Особенно рельефно это проявлялось в провинциях с плодородными землями, а также в тех районах, где сформировалась практика выращивания экспортных монокультур. Крупнейшие частные хозяйства с массой наемных рабочих и издольщиков концентрировались в специализирующейся на производстве хлопка Адане и прилегающих областях. Значительное число больших сельскохозяйственных ферм, выращивавших на экспорт (помимо хлопка) табак, виноград и инжир, располагалось в рассматриваемый период и в Эгейском регионе. На юго-востоке Анатолии в провинциях с большой долей курдского населения, во многом вследствие сохранения клановых порядков, также доминировали крупные хозяйства, держатели которых обладали серьезными финансово-экономическими ресурсами и заметным общественно-политическим влиянием. Согласно некоторым оценкам, в середине 1920-х годов 5% богатых землевладельцев¹⁵ владели более чем 65% обрабатываемых угодий страны, около 33 тыс. крупнейших ферм Турции контролировали в общей сложности более 35% самых плодородных и привлекательных для ведения сельского хозяйства наделов¹⁶. Обратной стороной сложившейся в первые годы республиканской эпохи ситуации стало огромное количество безземельных или испытывавших земельный голод крестьянских хозяйств, доля которых в конце 1930-х годов превышала 35%¹⁷. Положение усугубляло и достаточно низкое качество доступной и перераспределяемой государством земли, расположенной в болотистой или гористой местности и по большей части непригодной для обработки. Плодородных участков было крайне немного. Большинство из них оказались во владении богатых держателей крупных хозяйств.

Кемалисты, заинтересованные в поддержке землевладельческой элиты, в своей аграрной политике воздерживались от каких-либо радикальных шагов и отказывались от реализации программ справедливого перераспределения земли среди крестьян. Ухудшение

¹¹ Kanun № 474 (26.IV.1924) // Resmî Gazete (далее – RG). 26.IV.1924; Kadastro Kanunu (№ 658, 02.V.1925) // RG. 02.V.1925.

¹² Türk Kanunu Medenisi (№ 743, 17.II.1926) // RG. 04.IV.1926.

¹³ Конвенция об обмене греческим и турецким населением, подписанная представителями двух стран в Лозанне 30 января 1923 г. (т.н. Лозаннская конвенция), предусматривала одновременное переселение более 1,5 млн христиан из Анатолии в Грецию и свыше 500 тыс. мусульман из Греции в Анатолию.

¹⁴ Aksoy S. 100 Soruda Türkiye’de Toprak Meselesi. İstanbul, 1971. S. 56–58; Başer K. 1923–1950 Yılları Arasındaki Türkiye’de Toprak Dağılımı // Dumlupınar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2013. Sayı 38. S. 203–215.

¹⁵ Жуковский П. М. Земледельческая Турция (Азиатская часть – Анатолия) / под ред. Н. И. Вавилова. М.: Л., 1933. С. 131–151; Tökin İ. H. Türkiye’de Köy İktisadiyatı (Ankara, Kadro Mecmuası Neşriyatı, 1934). İstanbul, 1990. S. 176–187.

¹⁶ Barkan Ö. L. Türkiye’de Toprak Meselesi. İstanbul, 1980. S. 478–479; Tezel Y. S. Op. cit. S. 344–349.

¹⁷ Barkan Ö. L. Op. cit. S. 478–479; Tezel Y. S. Op. cit. S. 344–348.

экономического положения значительной части населения Турции на фоне мирового финансового кризиса конца 1920-х – начала 1930-х годов привело к разорению большого числа мелких и средних хозяйств, запустив цепную реакцию банкротств, обусловленных ростом фискальной нагрузки и кредитной задолженности¹⁸.

В своих мемуарах Мустафа Хильми Уран отмечал, что главным фактором недовольства кемалистской властью в деревнях было непосильное для многих крестьян налоговое бремя. Ситуация усложнялась злоупотреблениями коррумпированных государственных инспекторов, утомительными и бюрократизированными процедурами выполнения фискальных обязательств¹⁹. В представлении большинства крестьян непомерные налоги символизировали жесткую эксплуатацию села со стороны правительства и растущих городов. Кемалисты прекрасно это осознавали и поэтому с большой помпой объявили в 1925 г. об отмене ашара (десятины) и ильгизама²⁰ как «самой народной экономической реформе», направленной прежде всего на облегчение положения крестьян, составлявших большинство населения республики и «цвет нации» (как возвышенно говорил о них сам Ататюрк²¹).

Однако, как и во многих других странах, переживавших ускоренную модернизацию, в республиканской Турции налоги являлись важнейшим источником пополнения бюджета и главным ресурсом для проведения реформ. Поэтому для компенсации упущенных из-за отмены *ашара* поступлений власти увеличили другие обязательные платежи (поземельный, имущественный, подоходный) и ввели новые сборы (дорожный, авиационный)²². В конце 1920-х годов поземельный налог обеспечивал почти 14% всех фискальных поступлений²³. Фактически отмена *ашара* парадоксальным образом привела не к уменьшению, а к увеличению финансовой нагрузки на сельское население. Вследствие того, что большинство налогов, взимаемых в деревнях, относились к категории прямых и предполагали непосредственное взаимодействие с государственными инспекторами, тяготы жизни в республиканской Турции напрямую ассоциировались у крестьян с кемалистским режимом.

Таким образом, аграрные реформы 1920–1930-х годов не только не привели к решению земельного вопроса, но и способствовали ухудшению социально-экономического положения большинства сельского населения Анатолии.

Тяготы жизни крестьян, непосильные налоги и актуальность земельного вопроса являлись постоянными темами «народных колонок» в турецких газетах. Кемалистское правительство получало многочисленные открытые письма и петиции с просьбами решить назревшие проблемы в деревне. Эти проблемы неоднократно становилась предметом дебатов на конгрессах НРП. Их масштабы и острота осознавались многими представителями турецкой политической элиты. Неслучайно и президент Ататюрк (1923–1938), и глава правительства в 1923–1924 гг. и в 1925–1937 гг. Исмет-паша (Инёню) в своих выступлениях подчеркивали необходимость выделения бедным и безземельным крестьянам участков на залежных государственных землях. Эти заявления лишь подогревали недовольство большинства сельского населения Турции политикой местных властей, не спешивших выполнять указания государственного руководства.

¹⁸ *Ataşağın Y. Türkiye'de İçtimai Siyaset Meseleleri // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. 1940. Cilt 2. S. 419–440.*

¹⁹ *Uran H. Meşrutiyet Tek Parti Çok Parti Hatıralarım. Ankara, 2017. S. 216–224.*

²⁰ Ильгизам (араб. – «обязательство», «откуп») – откупная система в Османской империи, основанная на взимании натуральных налогов.

²¹ “Türkiye'nin gerçek sahibi ve efendisi, gerçek üretici olan köylüdür...” («Настоящий хозяин и господин Турции, главный производитель – это крестьянин...»). См.: Atatürk'ün Söylev ve Demeçleri. 3 cilt. Cilt 1. İstanbul, 2006. S. 219; “Köylü, hepimizin velinimetimizdir” («Крестьянин – наш благодетель»). См.: Gazi ve köylü // Cumhuriyet. 25.VII.1931. S. 1; “Köylü Milletın Efendisidir” («Крестьянин – цвет нации»). См.: Atanın Türk Milletine Temin Ettiği Büyük Eserlerden Biri de İktisadi İstiklalimizdir // Tan Gazetesi. 10.XI.1942. S. 1, 2, 8.

²² См.: *Yılmaz G. Türkiye'de 1923–1938 Dönemi Maliye Politikası Uygulamaları // Marmara Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Dergisi. 2015. Cilt 27. № 2. S. 297–328.*

²³ *Hershlag Z. Y. Turkey: the challenge of growth. Leiden, 1968. P. 50–51.*

Переселение в Анатолию нескольких сот тысяч турок с Балканского полуострова в рамках обмена населением с Грецией еще больше обострило земельный вопрос. Подавляющее число мигрантов составляли крестьяне. Перед переездом в Турцию они были вынуждены оставить свои участки и имущество, а предоставленные им правительством наделы оказались недостаточными для полноценного ведения собственного хозяйства²⁴. Крайний дефицит земли испытывали и *юрюки* — тюркские кочевые племена, которые вследствие широкого распространения частной собственности и коммерциализации аграрного сектора экономики столкнулись с практически полным отсутствием территорий, необходимых для занятия традиционным для этой группы населения страны отгонным скотоводством. Как отмечал в своих дневниках этнограф Али Рыза Ялман, «многие туркоманы²⁵ потеряли и земли, и лошадей и отчаянно боролись за справедливость», сетуя на то, что власти не выполняют своих обещаний, что «они турки, но у них нет ни пяди земли»²⁶. Многие кочевые племена, гонимые с насиженных мест, были вынуждены скитаться в поисках пристанища.

В конце 1920-х годов растущее общественное недовольство бездействием кемалистов в аграрном вопросе вызвало волну петиций к правительству с требованиями справедливого распределения пустошей и пастбищ. С 1928 г. в регулярно публикуемых отчетах-ежегодниках ВНСТ фигурируют сотни индивидуальных и коллективных обращений с прошениями к властям выделить новые участки или разрешить использовать для сельскохозяйственных целей «ничейные территории»²⁷. Одни требовали немного пригодной для обработки земли, другие — разрешения занять покинутые после войны угодья²⁸, третьи — призывали выполнить обещания по справедливому распределению наделов. В 1930-е годы количество таких петиций только увеличивалось на фоне ухудшения экономического положения крестьян, многие из которых лишились имущества за долги. Преимущественно это были уже коллективные обращения, направлявшиеся не только в ВНСТ, но также и руководителям правящей партии. Так, в 1939 г. жители деревни Сарыбахче провинции Адана потребовали от властей и ответственных функционеров НРП выделить им для ведения хозяйства участки в районе плодородной низменности Чукурова²⁹, а крестьяне деревни Ташкеси провинции Анталья направили петицию с просьбой передать им по кадастровой стоимости бесхозные и пустующие угодья³⁰. С аналогичными коллективными ходатайствами о выделении в пользование выморочных земель обращались к руководству НРП жители сел разных провинций Анатолии (от Гиресуна и Эрзурума до Коньи, Бурсы и Текирдага)³¹.

Другой формой низовой гражданской активности в 1930-е годы стали открытые письма в общенациональные газеты. Этот информационный канал использовался для того, чтобы донести до правительства и региональных властей проблемы и чаяния простых крестьян, особенно в тех случаях, когда чиновники на местах не спешили реагировать на прямые обращения. В одной из колонок, публиковавшихся в газете *Son Posta*, речь шла о безуспешных попытках жителей одной деревни в провинции Кютахья добиться от местной

²⁴ *Bozdağlıoğlu Y. Türk-Yunan Nüfus Mübadelesi ve Sonuçları // Türkiye Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2014. Cilt 180. Sayı 180. S. 9–32.* См. также: *Özsoy İ. İki Vatan Yorgunları: Mübadele Acısını Yaşayanlar Anlatıyor. İstanbul, 2003.*

²⁵ Термин «туркоманы» (огузы-кочевники) нередко используется в качестве синонима более узкого понятия «анатолийских юрюков». См.: *Geleğçi C. Türk Kültüründe Oğuz-Türkmen-Yörük Kavramları // Türkiye Araştırmaları Dergisi. 2004. № 1. S. 9–18.*

²⁶ *Yalman (Yalın) A.R. Cenupta Türkmen Oymakları: 2 cilt. Cilt 1. Ankara, 1977. S. 215, 221–222.*

²⁷ *TBMM Yıllık Devre 3. İçtima 1. Ankara, 1928. S. 214–275 (“Arzuhaller”); TBMM Yıllık Devre 3. İçtima 2. Ankara, 1929. S. 315–395 (“Arzuhaller”); TBMM Yıllık Devre 3. İçtima 3. Ankara, 1930. S. 331–426 (“Arzuhaller”).*

²⁸ *TBMM Yıllık Devre 3. İçtima 3. Ankara, 1930. S. 356.*

²⁹ *Ceyhan kazasının Sarıbahçe köylülerinin Çukurova harası arazisinden toprak istekleri // Devlet Arşivleri Başkanlığı Cumhuriyet Arşivi (далее – DABCA). Fon: 30–10–0–0 (MGM). 81–531–19. 19.08.1939.*

³⁰ *TBMM Yıllık Devre 5. İçtima 3. Ankara, 1939. S. 346. (Arzihal № 3362/3534).*

³¹ *Ibid. S. 405–406, 417, 435, 438 (Arzihal № 4200/4426; 4211/4438; 4366/4601; 4613/4940; 4674/5003).*

администрации разрешения использовать пустоши и незасеваемые поля³². В другом открытом письме рассказывалась история многодетного крестьянина, который, узнав об обещаниях правительства распределить бесхозные земли среди нуждающихся, обратился к региональным чиновникам с просьбой позволить ему возделывать давно пустовавшие участки, некогда принадлежавшие армянам, но получил отказ. «Почему же слова председателя правительства и действия местных властей столь не соотносятся друг с другом?» — задавался риторическим вопросом автор «народной колонки»³³.

В ходе инспекционных поездок по провинциям депутаты регулярно получали жалобы от крестьян на нехватку земли и неработающие механизмы по распределению необрабатываемых государственных угодий среди нуждающихся. В депутатских отчетах конца 1930-х годов зафиксировано множество подобных случаев в самых разных провинциях Эгейского и Средиземноморского регионов, а также в Центральной и Юго-Восточной Анатолии. Согласно одному из таких отчетов за 1939 г., только в деревнях района Килис провинции Газиантеп насчитывалось более 12 тыс. безземельных домохозяйств, которым требовалось в приоритетном порядке предоставить наделы из фонда государственных земель³⁴. Острота и масштабы аграрной проблемы стали очевидными и для премьер-министра Исмет-паши в ходе поездок по юго-восточным провинциям Турции в середине 1930-х годов. Большинство жалоб и просьб, с которыми местное население обращалось к главе правительства, сводилось к скорейшему перераспределению выморочных и стоявших под парами земель среди нуждавшихся крестьян. Многие из них вели отчаянную борьбу друг с другом за пригодные для обработки участки³⁵.

В населенных преимущественно курдами и ассирийцами деревнях Юго-Восточной Анатолии, где свои порядки устанавливали племенные вожди и крупные землевладельцы, а у НРП не было местных партийных организаций, борьба крестьян за землю и выживание приводила к широкому распространению бандитизма — преступлений против зажиточных фермеров, деревенских богачей-ростовщиков и представителей официальных властей. Анализируя природу общественного напряжения в регионах, министр здравоохранения и социального обеспечения в 1937–1945 гг. Хулуси Аталаш писал в 1938 г. премьер-министру Махмуду Джелалю Баяру (1937–1939) о предоставлении безземельным и малообеспеченным крестьянам наделов из государственных фондов как о ключевом факторе установления порядка и политической стабильности в Анатолии³⁶.

Острота земельного вопроса вынуждала правительство озаботиться его решением и включить земельную реформу в число приоритетных задач. Руководство НРП регулярно обращалось в своих выступлениях к проблеме острого дефицита земли у подавляющего большинства крестьян Анатолии³⁷. Выступая на открытии новой сессии ВНСТ 1 ноября 1928 г., Кемаль-паша подчеркивал необходимость скорейшего решения аграрного вопроса и ставил перед кабинетом министров соответствующую задачу, призывая использовать для этого имеющиеся ресурсы³⁸. В своем обращении к парламентариям спустя ровно год президент заявил, что трудящемуся на селе крестьянину нужно предоставить столько земли, сколько он в состоянии обработать, поскольку это «есть залог процветания страны»³⁹. Через семь лет, 1 ноября 1936 г., говоря с трибуны ВНСТ, Атаюрк отмечал, что новый земельный

³² Toprak İstedik, Fakat Vermediler // Son Posta. 29.VI.1935. S. 6.

³³ Akçaabatta Hakkı Kaybolan Bir Köylü Vatandaşımız // Son Posta. 16.VII.1935. S. 6.

³⁴ DAVCA. Fon: 490–1–0–0 (CHP). 514–2062–1. 09.02.1939.

³⁵ Öztürk S. İsmet Paşa'nın Kürt Raporu. İstanbul, 2008. S. 45, 61.

³⁶ DAVCA. Fon: 30–10–0–0 (MGM). 123–879–10. 16.02.1938.

³⁷ Karaömerlioğlu M.A. Bir Tepeden Reform Denemesi // Birikim. 1998. Sayı 107. S. 31–47.

³⁸ Atatürk'ün Türkiye Büyük Millet Meclisi'nin III. Dönem 2. Yasama Yılına Açış Konuşmaları (1.11.1928) // TBMM Zabıt Ceridesi. D. III. Cilt 5 (1.11.1928). S. 2–5. URL: https://www5.tbmm.gov.tr/tarihce/ataturk_konusma/01_11_1928.pdf (дата обращения: 10.01.2024).

³⁹ Ibid. Dönem 3. Yasama Yılına Açış Konuşmaları (1.11.1929) // Ibid. Cilt 13 (1.11.1929). S. 2–4. URL: https://www5.tbmm.gov.tr/tarihce/ataturk_konusma/01_11_1929.pdf (дата обращения: 10.01.2024).

закон должен стать гарантией выделения каждой крестьянской семье «достаточного для существования надела»⁴⁰, а 1 ноября 1937 г. императивно потребовал от членов парламента и правительства, чтобы в Турции «не осталось ни одного безземельного крестьянина»⁴¹. Обосновывая (в ходе общения с депутатами парламентской фракции НРП в декабре 1936 г.) необходимость проведения новой аграрной реформы, Исмет Инёню заметил, что «число безземельных крестьян в стране превышает все мыслимые пределы... даже в самых благополучных деревнях, где земля разделена, почти половина жителей — безземельные»⁴².

При этом нельзя сказать, что правительство бездействовало. В первые два десятилетия существования республиканской Турции неоднократно осуществлялись попытки решения земельного вопроса. Однако эффективность этих мер оставалась невысокой. В 1929 г. ВНСТ приняло Закон «О распределении земли среди нуждающихся фермеров в восточных провинциях»⁴³, действие которого в 1930-е годы фактически распространилось на всю территорию страны⁴⁴. В 1930 г. одним из обязательных пунктов программы экономического развития Турции стало распределение выморочных наделов и пустошей. В 1934 г. принятие Закона «О переселении»⁴⁵ предоставило властям дополнительный правовой инструмент для выделения земель бедным крестьянам и нуждавшимся в дополнительных наделах мелким фермерам. На IV съезде НРП в 1935 г. проведение всеобъемлющей аграрной реформы было провозглашено одной из приоритетных задач партии и правительства⁴⁶. В ноябре того же года на обсуждении в парламенте был вынесен проект Закона «О переселении и земле», который предполагал национализацию необрабатываемых частных наделов и их дальнейшую передачу безземельным крестьянам, однако депутаты ВНСТ его не одобрили. Против принятия этого законопроекта выступали крупные землевладельцы, имевшие сильное лобби в правящей партии. Через два года правительство под давлением Ататюрка, намеревавшегося осуществить новое перераспределение земли среди крестьян (ввиду роста социальной напряженности в стране), выдвинуло инициативу по комплексному решению земельного вопроса — более либеральный законопроект об аграрной реформе, однако его рассмотрение затянулось и в итоге завершилось ничем⁴⁷. Преодолеть сопротивление землевладельческого лобби в НРП оказалось крайне трудно. Кроме того, принятию закона не благоприятствовали и политические изменения, произошедшие в конце 1930-х годов в стране и за ее пределами⁴⁸ (в 1938 г. ушел из жизни Ататюрк, а через год разразилась Вторая мировая война).

Хотя проведение комплексной аграрной реформы так и не удалось осуществить, правительство в ручном режиме и точно проводило распределение земель из государственного фонда среди крестьян. По данным турецкого историка Омера Лютфи Баркана, в 1920-х — первой половине 1930-х годов власти таким образом выделили в пользу нуждавшихся почти 6,8 млн дёнюмов (ок. 680 тыс. га) пахотной земли. Во второй половине 1930-х годов более 3 млн дёнюмов (ок. 300 тыс. га) были распределены среди 88,7 тыс. семей⁴⁹. Однако во многих случаях крестьяне, получившие наделы от государства (в среднем их размеры колебались

⁴⁰ Atatürk'ün Türkiye Büyük Millet Meclisinin V. Dönem 2. Yasama Yılıni Açış Konuşmaları (1.11.1936) // Ibid. D.V. Cilt 13 (1.11.1936). S. 4–7. URL: https://www5.tbmm.gov.tr/tarihce/ataaturk_konusma/01_11_1936.pdf (дата обращения: 10.01.2024).

⁴¹ Ibid. Dönem 3. Yasama Yılıni Açış Konuşmaları (1.11.1937) // Ibid. Cilt 20 (1.11.1937). S. 3–9. URL: https://www5.tbmm.gov.tr/tarihce/ataaturk_konusma/01_11_1937.pdf (дата обращения: 10.01.2024).

⁴² İnönü İ. Konuşma, Demec, Makale, Mesaj ve Söyleşileri 1933–1938. Ankara, 2003. S. 254–257.

⁴³ Şark Menatıkları Dahilinde Muhtaç Zürraa Tevzi Edilecek Araziye Dair Kanun (№ 1505, 02.VI.1929) // RG. 11.VI.1929.

⁴⁴ DABCA. Fon: 30–18–1–2 (KDB). 12–46–2. 02.07.1930; Ibid. 22–52–8. 20.07.1931; Ibid. 53–28–5. 17.04.1935; Ibid. 56–59–18. 09.07.1935; Ibid. 78–76–4. 01.09.1937.

⁴⁵ İskân Kanunu (№ 2510, 14.VI.1934) // RG. 21.VI.1934.

⁴⁶ С.Н.Р. Dördüncü Büyük Kurultayı Görüşmeleri Tutulgası, 9–16 Mayıs 1935. Ankara, 1935. S. 80–81.

⁴⁷ Barkan Ö.L. Op. cit. S. 456–457.

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ Aksoy S. Op. cit. S. 52–67.

от 3 до 10 дёнюмов, т.е. от 0,3 до 1 га), были крайне разочарованы их размерами. Это вызвало новую волну недовольства среди сельского населения Турции. «Государство дало мне 10 дёнюмов... но на урожай с них я себе не куплю и корки сухого хлеба, не говоря уже об одежде, соли и керосине», — подобную жалобу анатолийского крестьянина зафиксировал в своем дневнике турецкий просветитель Ферит Огуз Байыр⁵⁰.

Разочарование аграрной политикой кемалистов находило свое отражение и в депутатских отчетах о результатах инспекционных поездок в районные центры. Представители сельского населения Анатолии жаловались на мизерные размеры выделяемых наделов (не более 10 дёнюмов). В то же время власти не торопились распределить среди крестьян обширные государственные угодья, пустовавшие в течение многих лет⁵¹. Другой причиной недовольства являлась изнурительная процедура регистрации собственности. Порой возникала парадоксальная ситуация: крестьянин еще формально не успевал вступить в права собственника на выделенный надел, а его уже изымали за долги или в качестве обеспечительной меры для выплаты налоговых обязательств, или под каким-либо еще предлогом. В многочисленных петициях, направленных в ВНСТ в 1930-е годы, содержалось немало подобных жалоб. В коллективных обращениях к парламентариям крестьяне из Измира, Кайсери, Измита и других провинций выражали недовольство тем, что местная администрация насильно изымала только что выделенные государством участки, оливковые рощи и бахчи⁵². «Как можно требовать вернуть надел, который был выделен мне как безземельному крестьянину», — жаловался в своей петиции житель деревни Улуага провинции Нигде⁵³. Таким образом, одной рукой правительство давало землю, а другой ее отбирало.

На рубеже 1920–1930-х годов в Анатолии складывалась тяжелейшая социально-экономическая ситуация. Во многих деревнях десятки семей оказались на грани выживания⁵⁴. Для мониторинга ситуации на местах правительство ввело практику регулярных отчетов от губернаторов *иллов*⁵⁵ (провинций) с подробной информацией о продовольственной ситуации и снабжении городов и сельской местности⁵⁶. В этих отчетах фиксировались факты голодных смертей и распоряжения о срочном привлечении Красного Полумесяца⁵⁷. На фоне тревожных сообщений МВД власти всерьез озаботились обострением экономической ситуации и нарастанием социальной напряженности, угрожавших общественной безопасности в Анатолии⁵⁸. Все это фиксировал и президент Ататюрк во время регулярных поездок по стране⁵⁹.

Нерешенность важнейших социально-экономических проблем, злоупотребления со стороны государственных чиновников, а также разорение большого числа мелких фермерских хозяйств богатыми землевладельцами и успешными коммерсантами, собирательно именуемыми в крестьянской среде «ага», способствовали росту теневой экономики и распространению бандитизма. Многие простые турки оказались между двух огней: с одной стороны, репрессивная государственная машина в лице жандармов и налоговых инспекторов, с другой — коррумпированные деревенские старосты и идущие на любые ухищрения банкиры-ростовщики и крупные землевладельцы-ага.

В большинстве анатолийских деревень и мелких городов именно ага, а отнюдь не представители местной администрации или руководители провинциальной организации НРП олицетворяли реальную власть. В провинциях, специализировавшихся на выращивании

⁵⁰ Bayır F.O. Köyün Gücü. Ankara, 1971. S. 164–166.

⁵¹ Gaziantep Mebusu Ali Cenani'nin seyahat raporu // DABCA. Fon: 490–1–0–0 (CHP). 1454–34–3. 1934.

⁵² TBMM Yıllık. 1930. Devre 3. İçtima 3. S. 333, 340, 347, 378, 382, 405 (Arzuhal № 3355, 3487, 3596, 4161, 4227, 4650).

⁵³ TBMM Yıllık. 1939. Devre 5. İçtima 3. S. 336 (Arzuhal № 3213/3383).

⁵⁴ Tökin İ.H. Op. cit. S. 141.

⁵⁵ Деление Турции на илы (административные округа) было официально введено в 1926 г.

⁵⁶ 21 ilin işe durumu ile ilgili raporların özeti // DABCA. Fon: 30–10–0–0 (MGM). 64–432–2. 13.01.1929.

⁵⁷ Tirebolu'nun Buğdahlız köyünde açlıktan dört kişinin öldüğü // Ibid. 120–858–5. 27.05.1930.

⁵⁸ Ankara'nın zirai vaziyetini bildiren rapor // Ibid. 64–432–10. 27.07.1930.

⁵⁹ Cumhurbaşkanının yaptığı yurtiçi gezilerinde... // Ibid. 2–11–1. 05.05.1931.

прибыльных товарных культур, где концентрировалась основная масса богатых фермерских хозяйств, они не только владели обширными земельными угодьями, но и фактически контролировали общественно-политическую жизнь. *Ага* поддерживали тесные связи с государственными чиновниками на разных уровнях, партийными функционерами, а также с полицией и судьями⁶⁰. В отдельных *илах* (например, в Бурдуре на юго-западе Анатолии с населением 80 тыс. человек в конце 1920-х годов⁶¹) нередко происходило сращивание власти и капитала, и все важные посты в местной администрации занимали владельцы крупнейших фермерских хозяйств, в других — *ага* располагали к себе администрацией, полицию и суды через взятки и «подарки»⁶². Как следует из регулярных инспекционных отчетов 1930-х годов, степень влияния богатых землевладельцев-*ага* доходила до того, что в Конье — крупнейшей провинции и главной житнице Анатолии — местные жители говорили столичному партийному инспектору, что «партия здесь — это Омер-*ага*»⁶³.

На низовом уровне *ага* формировали свои сети патрон-клиентских отношений, помогая нуждавшимся крестьянам и мелким фермерам с получением кредитов и решением мелких тяжб в обмен на лояльность и признание авторитета, тем самым выстраивая механизм воспроизводства собственного экономического влияния и социального престижа⁶⁴. Крупные землевладельцы стремились замкнуть на себя все вопросы общественной жизни в деревне. Ни одно, даже самое малозначительное дело, имевшее публичный резонанс (свадьба, семейные раздоры, споры о границах земельных наделов и т.д.), не оставалось без их внимания. *Ага* выступали естественными посредниками между крестьянами и местной администрацией, утверждаясь в глазах сельского населения в роли «единственной власти»⁶⁵. Как отмечала известная социолог Бехидже Боран, описывая социальные реалии первых десятилетий республиканской эпохи, «оказавшись в тяжелой ситуации или нужде... люди могли пойти только к местному *ага*»⁶⁶. Нередко крестьяне были даже вынуждены нести своеобразные «повинности» в пользу крупных землевладельцев-*ага* — выделять им часть урожая, отдавать лучшие фрукты и овощи, дарить овец или коров в знак благодарности за заступничество перед местными чиновниками или помощь в решении финансовых трудностей⁶⁷.

Патрон-клиентские отношения «местных элит» и кемалистских властей в корне опровергают распространенную с 1970-х годов концепцию Шерифа Мардина об оппозиции «центр — периферия» как модели общественного развития республиканской Турции⁶⁸. В рамках этой концепции «центр» (проводившие политику модернизации руководство страны и НРП) рассматривался изолированным от «периферии» — остальной части страны (преимущественно консервативной провинции). Напротив, кемалистское государство и партийные функционеры плотно взаимодействовали с периферией, опираясь на *ага* как на социальных партнеров и проводников своего влияния⁶⁹.

Наряду с формированием обширных патрон-клиентских сетей *ага* занимались экспроприацией земель бедных крестьян, нередко используя разнообразные мошеннические

⁶⁰ Kıray M.B. Toplumsal Yapı Toplumsal Değişme. İstanbul, 2006. S. 99–116.

⁶¹ Kıvılcımlı H. Yol. 7: Müttelik: Köylülük. İstanbul, 1978. S. 30–31.

⁶² Ibid. S. 163–168.

⁶³ Cumhuriyet Halk Partisi milletvekillerinin seçim bölgelerini inceleme raporlarından özetler // DABCA. Fon: 490–1–0–0 (CHP). 725–481–1. 1935.

⁶⁴ Kıray M.B. Op. cit. S. 272–302.

⁶⁵ Galip A. (Trakyalı). Köylü. Koy İçtimaiyatı // Ülkü. Halkevleri Mecmuası. İkinci Teşrin (Kasım). 1933. S. 326–332.

⁶⁶ Boran B.S. Köyde Sosyal Tabakalanma // Yurt ve Dünya. 1942. Sayı 15–16. S. 123–128. См. также: Dik E. Türkiye’de Erken Cumhuriyet Döneminde (1923–1930) “Köy” Sorunu // Ankara Üniversitesi SBF Dergisi. 2016. Cilt 71. Sayı 3. S. 693–729.

⁶⁷ Kıvılcımlı H. Op. cit. S. 67–70; Ziraat Bankası Münhasıran Çiftçilerin Bankası Olmalıdır // Cumhuriyet. 10.III.1931. S. 3; Ziraat Bankasından Para Almağı Zorlaştıran Sebepler Nelerdir? // Cumhuriyet. 16.III.1931. S. 3; İttifak edilen bir nokta // Cumhuriyet. 18.III.1931. S. 3; Ziraat Bankası ve Tüccar // Cumhuriyet. 31.III.1931. S. 3.

⁶⁸ Mardin Ş. Op. cit.

⁶⁹ DABCA. Fon: 490–1–0–0 (CHP). 696–367–1. 24.II.1937; Metinsöy M. Op. cit. S. 124–164.

схемы. О хищнических методах выселения жителей деревень с насиженных мест подробно докладывал в своих выступлениях перед депутатами ВНСТ министр внутренних дел Шюкрю Кая (1927–1938)⁷⁰. Экономический кризис начала 1930-х годов увеличил масштабы проблемы: количество владельцев мелких хозяйств, лишившихся земли, оказавшись в долговой зависимости от ростовщиков из числа *ага*, росло в геометрической прогрессии⁷¹.

Наиболее драматично ситуация складывалась в отдаленных районах Восточной Анатолии, где крестьяне были фактически лишены прав на обрабатываемую землю и даже на собственные жилища. В своих мемуарах Али Кемали Аксют, бывший в начале 1930-х годов губернатором ряда юго-восточных и восточных *иллов*, отмечал, что в провинции Урфа большинство деревень было поделено между несколькими крупными землевладельцами. Самые зажиточные из них имели «во владении» по 300 поселений, дельцы средней руки — от 30 до 40. В «своих» деревнях они продолжали собирать ашар и другие традиционные налоги, отмененные еще в середине 1920-х годов⁷². В отдельных областях в роли *ага* выступали влиятельные шейхи суфийских тарикатов, собиравшие с крестьян регулярные религиозные подати. Крестьяне были обязаны работать на их угодьях. В случае неповиновения шейхи имели возможность засудить строптивых односельчан⁷³. Еще более влиятельными были племенные вожди, требовавшие уплаты податей даже от тех членов подвластных им общин, которые уезжали в другие регионы страны в поисках новых экономических возможностей. Журналист Исмаил Хюсрев Токин в своей книге «Экономика турецкой деревни», опубликованной в 1934 г., приводел историю Сейита Рызы — «хозяина» 230 деревень в провинции Дерсим, который отправлял вооруженных людей для сбора отмененного *джизье* с уехавших на заработки в Измир и Стамбул одноплеменников и в случае отказа создавал невыносимые условия жизни для их родственников⁷⁴.

Ага устанавливали незаконные трудовые повинности для крестьян, а в отношении несогласных применяли разнообразные меры принуждения и шантажа⁷⁵. В мемуарах Джемала Бардакчи, занимавшего в середине 1920-х годов пост губернатора Диярбакыра, приведены многочисленные свидетельства того, что крупные землевладельцы и племенные вожди обладали фактически абсолютной властью в своих регионах. *Ага* творили произвол в отношении крестьянского населения, умело манипулировали местными чиновниками, коррумпировали полицию и суды. «И чем больше им удавалось разжиться на незаконных поборах, тем богаче и влиятельнее они становились», — сетовал Дж. Бардакчи⁷⁶. Строптивых и несогласных ждал суд, готовый принимать ложные свидетельские показания и «штамповать» нужные местным *ага* приговоры. Как отмечает Бардакчи, из более 3,5 тыс. заочно приговоренных к тюремному заключению различными судами провинции Диярбакыр в 1926 г. большинство составляли крестьяне, воспротивившиеся незаконным поборам со стороны крупных землевладельцев, которые за щедрые подношения добивались особого расположения судей и полиции⁷⁷.

Другой социальной опорой власти кемалистов в деревне в рассматриваемый период являлись сельские старосты (*мухтары*). Их положение и полномочия регулировались Законом «О деревне», принятом в 1924 г.⁷⁸ Следует отметить, что сам институт сельского главы появился еще в середине XIX в. Формально мухтар председательствовал в совете старейшин, являвшимся главным административным органом в деревне, и должен был исполнять его решения. Однако во многих случаях советы старейшин существовали лишь на бумаге, а все

⁷⁰ TBMM Zabıt Ceridesi (68. Birleşim — 14.6.1934). D. 4. Cilt 23. Ankara, 1934. S. 155–156.

⁷¹ Zorbalık Ortadan Kalkmalı! // Cumhuriyet. 19.X.1931. S. 3; Galip A. (Trakyalı). Op. cit. S. 326–332; Aksoy S. Op. cit. S. 56–58; Kıvılcımlı H. Op. cit. S. 69–70; Kiray M.B. Op. cit. S. 272–302.

⁷² Kemâlî A. Erzincan. İstanbul, 1932. S. 197–202; Kıvılcımlı H. Op. cit. S. 82–83.

⁷³ Kemâlî A. Op. cit. S. 197–202; Uluğ N.H. Tunceli medeniyete açılıyor. İstanbul, 2007. S. 94–99.

⁷⁴ Tökin İ.H. Op. cit. S. 179.

⁷⁵ Kemâlî A. Op. cit. S. 196–197.

⁷⁶ Bardakçı C. Toprak dâvasından siyasî partilere. İstanbul, 1945. S. 14–15; Tökin İ.H. Op. cit. S. 178–179.

⁷⁷ Bardakçı C. Op. cit. S. 11–15, 33, 41–45.

⁷⁸ Köy Kanunu (№ 442, 08.III.1924) // RG. 07.IV.1924.

властные полномочия брали на себя старосты⁷⁹. Как правило, ими становились представители наиболее влиятельных и зажиточных семей. Это порождало порочный круг: крупные землевладельцы стремились контролировать советы старейшин и сельских старост и манипулировали ими ради укрепления собственного материального положения, в то время как сами сельские старосты использовали свою должность для обогащения и в конфликтных ситуациях всегда стояли на страже интересов *ага*⁸⁰. Во многих регионах Турции выборы *мухтаров* часто превращались в формальность. В деревнях Юго-Восточной Анатолии этот пост нередко занимали ставленники племенных вождей и крупных землевладельцев. Даже губернатор провинции иногда не имел возможности повлиять на ход выборов⁸¹.

Закон «О деревне» наделял сельского старосту широкими полномочиями. Он выступал посредником во взаимоотношениях между крестьянами и органами местной власти, в его непосредственные обязанности входило объявление и разъяснение правительственных постановлений и законов. Сельскому старосте (как и жандармам) вменялась задача обеспечения безопасности в деревне. Он также должен был оказывать содействие сборщикам податей, вести учет населения и налоговые реестры, организовывать сборы призывников в армию. Кроме того, согласно закону 1924 г., сельский староста имел право мобилизовывать крестьян на общественные работы, выступать в качестве мирового судьи при разрешении споров, а также облагать жителей деревни разнообразными трудовыми повинностями (прокладка дорог, строительство больниц, школ, мельниц и т. д.). *Мухтар* обладал правом взимать салма — особый налог для выполнения общественных обязанностей, которые включали обеспечение санитарных условий в деревне и закупку современной техники для внедрения прогрессивных методов ведения сельского хозяйства. Суммы, полученные при уплате этого налога, нередко использовались не по назначению⁸², а его сборы зачастую сопровождались злоупотреблениями⁸³. Составление реестра и определение объема обязательных государственных налогов тоже входило в круг обязанностей деревенского старосты. Именно он решал, какая часть домашнего скота входит в налогооблагаемую базу, а какая — нет, определял совокупный размер дорожного сбора и тех односельчан, которые должны были его платить⁸⁴. Однако самая ненавистная для крестьян обязанность старосты состояла в обеспечении взысканий с должников. Мухтар непосредственно участвовал в принуждении к погашению задолженности, задержании неплательщика, описи имущества и выставлении его на торги. Каждый житель села формально подчинялся старосте, обладавшим своим аппаратом принуждения — «деревенскими стражниками», неповиновение которым рассматривалось как преступление против представителей государственной власти⁸⁵.

Как отмечалось выше, сельским старостам вменялось в обязанность содействовать сотрудникам налоговой инспекции. Вследствие этого они редко вступались за должников-односельчан, а в большинстве случаев, напротив, пытались оказывать давление на неплательщиков. Как следует из отчетов провинциальных партийных инспекторов 1930-х годов, жители Коньи и Аксарая жаловались на многочисленные случаи, когда под давлением старост их земляки вынуждены были выставлять на торги все свое имущество и скот для единовременной выплаты налогов⁸⁶. Незнание крестьянами собственных прав и точного размера налоговых обязательств способствовало злоупотреблениям со стороны

⁷⁹ *Makal M.* Bizim köy: bir köy öğretmeninini notları. İstanbul, 1978. S. 79–80.

⁸⁰ *Kıray M.B.* Op. cit. S. 112–114; *Boran B.S.* Op. cit. S. 123–128; *Dik E.* Op. cit. S. 693–729.

⁸¹ *Kıvılcımlı H.* Op. cit. S. 30, 134–137.

⁸² *Tugal S.* Yeni Köy Kanunu Tasarısı Hakkında // *İdare Dergisi*. 1951. Yıl 22. Sayı 210. S. 46–75; *Idem.* Yeni Köy Kanunu Tasarısı Hakkında // *İdare Dergisi*. 1951. Yıl 22. Sayı 212. S. 14–30.

⁸³ *Nar A.* Anadolu günlüğü. İstanbul, 1998. S. 59–60.

⁸⁴ Şose ve Köprüler Kanunu (№ 1525, 10.VI.1929) // RG. 12.VI.1929.

⁸⁵ Köy Kanunu...

⁸⁶ DABCA. Fon: 30–10–0–0 (MGM). 79–520–3. 06.01.1931.

государственных чиновников, которые часто наживались на продаже имущества должников⁸⁷ и незаконно принуждали их к общественным работам⁸⁸. Масштаб коррупции в среде сельской администрации и налоговых органов поражал провинциальных партийных инспекторов 1930-х годов⁸⁹.

Таким образом, в рассматриваемый период в аграрных районах Анатолии наблюдался своеобразный симбиоз партийно-административных структур и землевладельцев-ага. Всевластие последних в деревнях позволяло существенно ограничить протестную активность крестьянского населения, вызванную негативными последствиями кемалистских реформ.

* * *

Аграрный характер «Новой Турции» естественным образом ставил земельный вопрос во главу угла всех основных экономических и административных преобразований в стране. Ускоренная модернизация, проводившаяся кемалистскими властями, требовала соответствующего финансового обеспечения. Ключевым ресурсом проведения реформ становились налоги, а их бремя ложилось в первую очередь на плечи сельского населения. В условиях нерешенного земельного вопроса налоговая реформа привела к гипертрофированным формам эксплуатации крестьянства. Ее масштаб и последствия фиксировали функционеры НРП и даже президент Ататюрк, совершавший время от времени поездки по стране. Реакцией на все эти проблемы стал всплеск низовой гражданской активности, легальными средствами выражения которой являлись массовая публикация открытых писем и петиций к правительству в общенациональных газетах, индивидуальные и коллективные обращения к властям. Протест против эксплуатации принимал и криминальные формы, что вело к увеличению числа убийств и ограблений крупных землевладельцев и коммерсантов.

При всем понимании сложности и взрывоопасности ситуации на периферии в 1920–1930-е годы кемалистское правительство так и не сумело найти адекватное решение аграрного вопроса. Вместо этого своеобразной формой купирования остроты социального протеста стало формирование причудливого симбиоза партийно-административных структур и землевладельцев-ага. Патрон-клиентские связи, сложившиеся в рамках этого симбиоза, не позволяли низовому гражданскому протесту выйти на более масштабный уровень и ограничивали его проявления на местах.

Библиография / References

- Еремеев Д. Е.* История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней. М., 2017.
- Жуковский П. М.* Земледельческая Турция (Азиатская часть – Анатолия) / под ред. Н. И. Вавилова. М.; Л., 1933.
- Киреев Н. Г.* История Турции. XX век. М., 2007.
- Мейер М. С.* Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М., 1991.
- Шлыков П. В.* Историческая политика в современной Турции // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. № 11 (98). С. 1–41. DOI: 10.18254/S207987840010436–8
- Eremeev D. E.* Istoriia Turetskoi Respubliki s 1918 goda do nashikh dnei [History of the Turkish Republic from 1918 to the Present Day]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Kireev N. G.* Istoriia Turtsii. XX vek [The History of Turkey. 20th century]. Moskva, 2007. (In Russ.)
- Meier M. S.* Osmanskaia imperiia v XVIII v. Cherty strukturnogo krizisa [The Ottoman Empire in the 18th century. Characteristics of a Structural Crisis]. Moskva, 1991. (In Russ.)
- Shlykov P. V.* Istoricheskaia politika v sovremennoi Turtsii [Historical Politics in Modern Turkey] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2020. № 11 (98). S. 1–41. DOI: 10.18254/S207987840010436–8 (In Russ.)
- Zhukovskii P. M.* Zemledel'cheskaia Turtsiia (Aziatskaia chast' – Anatoliia) [Agricultural Türkiye (Asian part – Anatolia)] / pod red. N. I. Vavilova. Moskva; Leningrad, 1933. (In Russ.)
- Ahmad F.* The Making of Modern Turkey. London, 1993.
- Aksoy S.* 100 Soruda Türkiye'de Toprak Meselesi. İstanbul, 1971.

⁸⁷ Ibid. Fon: 490–1–0–0 (CHP). 620–36–1. 31.12.1936.

⁸⁸ Ibid. 724–477–1. 07.02.1931.

⁸⁹ Ibid. 655–182–1. 21.08.1935; Ibid. 721–464–2. 08.11.1937; Ibid. 696–367–1. 24.11.1937.

- Ataşağın Y.* Türkiye'de İctimai Siyaset Meseleleri // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. 1940. Cilt 2. S. 419–440.
- Atatürk and the Modernization of Turkey / ed. J.M. Landau. Leiden, 1984.
- Atatürk'ün Söylev ve Demeçleri. 3 cilt. Cilt 1. İstanbul, 2006.
- Bardakçı C.* Toprak dâvasından siyasî partilere. İstanbul, 1945.
- Barkan Ö.L.* Türkiye'de Toprak Meselesi. İstanbul, 1980.
- Başer K.* 1923–1950 Yılları Arasındaki Türkiye'de Toprak Dağılımı // Dumlupınar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2013. Sayı 38. S. 203–215.
- Bayır F.O.* Köyün Gücü. Ankara, 1971.
- Boran B.S.* Köyde Sosyal Tabakalanma // Yurt ve Dünya. 1942. Sayı 15–16. S. 123–128.
- Boratav K.* Anadolu Köyünde Savaş ve Yıkım // Toplum ve Bilim. 1981/1982. № 15–16. S. 61–75.
- Bozdağhoğlu Y.* Türk-Yunan Nüfus Mübadelesi ve Sonuçları // Türkiye Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2014. Cilt 180. Sayı 180. S. 9–32.
- C.H.P. Dördüncü Büyük Kurultayı Görüşmeleri Tutulgası, 9–16 Mayıs 1935. Ankara, 1935.
- Demirbilek S.* Tek Parti Döneminde İnhisarlar (1923–1946) // Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi. 2012. Cilt 12. № 24. S. 203–232.
- Dik E.* Türkiye'de Erken Cumhuriyet Döneminde (1923–1930) “Köy” Sorunu // Ankara Üniversitesi SBF Dergisi. 2016. Cilt 71. Sayı 3. S. 693–729.
- Galip A. (Trakyalı).* Köylü. Koy İctimaiyatı // Ülkü. Halkevleri Mecmuası. İkinci Teşrin (Kasım). 1933.
- Gelekcı C.* Türk Kültüründe Oğuz-Türkmen-Yörük Kavramları // Türkiyat Araştırmaları Dergisi. 2004. № 1. S. 9–18.
- Hershlag Z.Y.* Turkey: the challenge of growth. Leiden, 1968.
- İnönü İ.* Konuşma, Demeç, Makale, Mesaj ve Söyleşileri 1933–1938. Ankara, 2003.
- Karaömerlioğlu M.A.* Bir Tepeden Reform Denemesi // Birikim. 1998. Sayı 107. S. 31–47.
- Kemâlî A.* Erzincan. İstanbul, 1932.
- Keyder Ç.* Türk Tarımında Küçük Meta Üretimini Yerleşmesi (1946–1960) // Türkiye'de Tarımsal Yapılar (1923–2000) / eds Ş. Pamuk, Z. Toprak. Ankara, 1988. S. 163–174.
- Kıray M.B.* Toplumsal Yapı Toplumsal Değişme. İstanbul, 2006.
- Kıvılcımlı H.* Yol. 7: Müttefik: Köylülük. İstanbul, 1978.
- Mahir Metinsoy E.* Ottoman Women during World War I: Everyday Experiences. Cambridge, 2017.
- Makal M.* Bizim köy: bir köy öğretmenininin notları. İstanbul, 1978.
- Mardin Ş.* Center-Periphery Relations: A Key to Turkish Politics? // Daedalus. 1973. Vol. 102. Iss. 1. P. 169–190.
- Metinsoy M.* Kemalizmin Taşrası: Erken Cumhuriyet Taşrasında Parti, Devlet ve Toplum // Toplum ve Bilim. 2010. Sayı 118. S. 124–164.
- Nar A.* Anadolu günlüğü. İstanbul, 1998.
- Özsoy İ.* İki Vatan Yorgunları: Mübadele Acısını Yaşayanlar Anlatıyor. İstanbul, 2003.
- Öztürk S.* İsmet Paşa'nın Kürt Raporu. İstanbul, 2008.
- Quataert D.G.* The Commercialization of Agriculture in Ottoman Turkey, 1800–1914 // International Journal of Turkish Studies. 1980. Vol. 1. № 2. P. 38–55.
- Shlykov P.* Non-western model of civil society in the Middle Eastern context: Promises and discontents // Russia in Global Affairs. 2021. Vol. 19. № 2. P. 134–162.
- Tezel Y.S.* Cumhuriyet Döneminin İktisadi Tarihi. İstanbul, 2000.
- Tökün İ.H.* Türkiye'de Köy İktisadiyatı (Ankara, Kadro Mecmuası Neşriyatı, 1934). İstanbul, 1990.
- Tugal S.* Yeni Köy Kanunu Tasarısı Hakkında // İdare Dergisi. 1951. Yıl 22. Sayı 210. S. 46–75.
- Tugal S.* Yeni Köy Kanunu Tasarısı Hakkında // İdare Dergisi. 1951. Yıl 22. Sayı 212. S. 14–30.
- Tunçay M.* Türkiye'de Sol Akımlar, 1925–1936. İstanbul, 1991.
- Uluğ N.H.* Tunceli medeniyete açılıyor. İstanbul, 2007.
- Uran H.* Meşrutiyet Tek Parti Çok Parti Hatıralarım. Ankara, 2017.
- Yalman A.E.* Birinci Dünya Savaşında Türkiye. İstanbul, 2019.
- Yalman (Yalın) A.R.* Cenupta Türkmen Oymakları: 2 cilt. Cilt 1. Ankara, 1977.
- Yılmaz G.* Türkiye'de 1923–1938 Dönemi Maliye Politikası Uygulamaları // Marmara Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Dergisi. 2015. Cilt 27. № 2. S. 297–328.
- Zürcher E.-J.* Turkey. A Modern History. London, 2017.

ВИСЕНТЕ ЛОМБАРДО ТОЛЕДАНО И ПОДХОД СССР К ЛЕВЫМ СИЛАМ МЕКСИКИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Манухин Алексей Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: warcraftdouble@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1907-3459; *Researcher ID:* N-1889-2017

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

Аннотация. В истории отношений СССР и государств Латинской Америки большое значение имела поддержка советского внешнеполитического курса со стороны коммунистических сил – национал-реформистских партий, профсоюзов и объединений левой интеллигенции. Наибольшим политическим весом среди членов всех этих организаций обладал мексиканский профсоюзный активист Висенте Ломбардо Толедано, основатель Конфедерации трудящихся Латинской Америки и Социалистической народной партии. Он провозглашал себя сторонником ортодоксального марксизма, всегда выступал в поддержку СССР на международной арене и активно взаимодействовал с коммунистами. В статье изучено формирование взглядов Ломбардо Толедано, его представлений о значении русской революции и Советского Союза для развития Мексики и других стран Латинской Америки. Особое внимание уделено тому, насколько контакты с ним давали ЦК ВКП(б) – КПСС и МИД СССР возможность лучше понимать состояние мексиканских левых сил и, прежде всего, Коммунистической партии Мексики. Отмечается, что общение с Ломбардо Толедано помогало советскому партийно-государственному руководству избегать чрезмерного догматизма в оценках внутренней и внешней политики Мексики в 1940–1960-е годы. Установлено, что он интересовал советских стратегов как личность, в равной мере имевшая доступ к мексиканской правящей элите и обладавшая авторитетом в латиноамериканском и международном рабочем и антивоенном движении. Показано, что Ломбардо Толедано пытался извлечь политическую и материальную выгоду от дружественных отношений с СССР, поддерживая взамен Москву в борьбе с идейными противниками в лице троцкистов и маоистов. Источниковой базой исследования выступают полемические и пропагандистские работы Ломбардо Толедано, документы из отечественных архивов (Российский государственный архив социально-политической истории и Российский государственный архив новейшей истории), рассекреченные архивные материалы и опубликованные документы Государственного департамента и Центрального разведывательного управления США.

Ключевые слова: Мексика, СССР, Ломбардо Толедано, Социалистическая народная партия, Конфедерация трудящихся Латинской Америки, профсоюзное движение, международные связи, международное коммунистическое движение, внешняя политика.

A.A. Manukhin

Vicente Lombardo Toledano and the Soviet Approach to the Mexican Left After the Second World War

Alexey Manukhin, Institute of World History, Russian Academy of Science (Moscow, Russia).

E-mail: warcraftdouble@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1907-3459; Researcher ID: N-1889-2017

This study has been supported by a Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation grant (Agreement № 075-15-2024-537).

Abstract. In the history of relations between the USSR and Latin American states, support for the Soviet foreign policy course from non-communist forces – national reformist parties, trade unions, and leftist intelligentsia associations – was of great importance. The Mexican syndicalist Vicente Lombardo Toledano, founder of the Confederation of Latin American Workers and the Socialist People's Party, had the greatest political weight among the members of all these organizations. He proclaimed himself a supporter of orthodox Marxism, always supported the USSR in the international arena, and actively interacted with the communists. In this article, the author examines the formation of Lombardo Toledano's views, his ideas about the significance of the Russian revolution and the USSR for the development of Mexico and other Latin American countries. He notes that communication with him helped the Soviet party and state leadership to avoid excessive dogmatism in assessing the domestic and foreign policies of Mexico in the 1940s–1960s. The author places special emphasis on the extent to which contacts with Lombardo Toledano enabled the CPSU Central Committee and the Soviet Ministry of Foreign Affairs to better understand the state of the Mexican left-wing forces and, above all, the Communist Party of Mexico. The author also demonstrates that he was of interest to Soviet strategists as someone who both had access to the Mexican ruling elite and enjoyed prestige in the Latin American and international labour and anti-war movements. He shows that Lombardo Toledano tried to benefit politically and materially from friendly relations with the USSR, while in return supporting Moscow in its struggle against its ideological opponents such as the Trotskyists and Maoists. The source base of the study comprises Lombardo Toledano's polemical and propaganda writings, documents from Russian archives (the Russian State Archive of Social and Political History and the Russian State Archive of Contemporary History), declassified archival materials and published documents emanating from the U.S. Department of State and the Central Intelligence Agency.

Keywords: Mexico, USSR, Lombardo Toledano, People's Socialist Party, Latin American Confederacy of Labor, trade union movement, international relations, international communist movement, foreign policy.

Положение Мексики после революции 1910–1917 гг. было во многом уникальным в Латинской Америке. Новая национал-реформистская элита, основу которой составляло набравшее политический вес в ходе вооруженной борьбы революционное офицерство, проводила ограниченные, но в целом поступательные социально-экономические преобразования¹. В правление президента А. Обрегона (1920–1924) были учреждены аграрные комиссии по урегулированию поземельных споров. Его преемник П.Э. Кальес (1924–1928) развернул программы социальной защиты и порой гасил трудовые конфликты с предпринимателями. В 1924–1927 гг. был принят ряд законов о повышении налогообложения американских нефтяных компаний в духе статьи 27 конституции 1917 г., провозгласившей суверенитет нации над недрами, хотя права иностранного бизнеса на разработку месторождений, начатую до вступления в силу Основного закона, остались неприкосновенными².

¹ Шульговский А.Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 29–35.

² Шишков А.С. Идеиная борьба в политической элите Мексики в 1919–1929 гг.: динамика развития, особенности, результаты // Латиноамериканский исторический альманах. 2011. № 11. С. 211–213, 225–228.

Созданная в 1929 г. Национальная революционная партия (с 1938 г. — Партия мексиканской революции, Partido de la Revolución Mexicana, PRM; с 1946 г. — Институционно-революционная партия, Partido Revolucionario Institucional, PRI) тесно срослась с бюрократическим аппаратом и бессменно находилась у власти до 2000 г. Государство осуществляло патерналистские меры, успешно контролировало запросы масс и опиралось на реформистские силы, в противовес радикальным³.

В 1919 г. была основана Коммунистическая партия Мексики (КПМ), ставшая первой на континенте компартией. В 1924 г. Мехико пошел на дипломатическое признание СССР, разорвав их шесть лет спустя из-за попыток Москвы реализовать линию VI Конгресса Коминтерна «класс против класса»⁴. Однако Мексика продолжала привлекать внимание большевиков. Администрация Л. Карденаса (1934—1940) провела радикализацию мексиканского реформизма через поощрение профсоюзного строительства, обеспечение прав крестьянских общин на землю, насаждение «социалистического образования» и национализацию нефтяной промышленности⁵. Правительство придерживалось антифашистских позиций, что внесло решающий вклад в рост авторитета Мексики среди прогрессивных сил Латинской Америки. После Второй мировой войны с появлением социалистического лагеря, с развитием процессов антиколониализма и ростом экспансии США в Западном полушарии поддержание сотрудничества с этой латиноамериканской страной стало для СССР еще актуальнее.

Советское государство, заинтересованное в латиноамериканском союznике, не отказывалось от сотрудничества с дружественными некоммунистическими силами. В Мексике в левом движении ведущая роль принадлежала профсоюзам. Наиболее яркой фигурой там был Висенте Ломбардо Толедано (1894—1968). Он являлся основателем Всеобщей конфедерации рабочих и крестьян Мексики (1933), Конфедерации трудящихся Мексики (Confederación de Trabajadores de México, СТМ, 1936 г.), Конфедерации трудящихся Латинской Америки (Confederación Regional de Trabajadores de América Latina, СТАЛ, 1938 г.) и в 1948 г. Народной партии (Partido Popular, PP); в 1960 г. она стала Социалистической народной партией (Partido Popular Socialista, PPS). Ломбардо Толедано выработал свою собственную версию марксизма, по внешним признакам совпадавшую с ортодоксальной советской, а также придерживался ярко выраженных антиимпериалистических взглядов. В то же время он никогда не был коммунистом и зачастую яростно критиковал КПМ. В статье анализируется, в какой мере контакты с Ломбардо Толедано влияли на выработку курса советского руководства по отношению к левым силам Мексики после Второй мировой войны. Необходимо отметить, что в отечественной историографии ранее была изучена лишь его деятельность в довоенный период⁶. В зарубежных работах рассматриваются философские взгляды Ломбардо Толедано, его роль в международном рабочем и антивоенном движении, создание им Народной партии⁷. Однако непосредственное взаимодействие профсоюзного активиста с Москвой не становилось предметом специального исследования.

³ González Gutiérrez A. De revolucionarios, partidos y utopismos. Algunas reflexiones en torno a la Izquierda mexicana // Política y cultura. 2015. Núm. 43. P. 29.

⁴ Шульговский А. Ф. Указ. соч. С. 89—286.

⁵ Хейфец В. Л. Коминтерн и эволюция левого движения Мексики: дис. ... докт. ист. наук. СПб, 2010. С. 254—300.

⁶ Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы / под ред. В. Л. Хейфеца, Л. С. Хейфеца. М., 2021. С. 220—222; Хейфец В. Л. Карденас, Ломбардо Толедано и КПМ: Коминтерн и конфликты в Мексике в 1930-е гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 9 (131). URL: <https://ras.jes.su/history/s207987840028240-3-1> (дата обращения: 12.01.2024); Шульговский А. Ф. Указ. соч. С. 85—92.

⁷ Millon R. P. Vicente Lombardo Toledano. Biografía intelectual de un marxista mexicano. México, 1964; Bolívar Meza R. Formación y transformación intelectual de Vicente Lombardo Toledano // Estudios políticos. 1995. Núm. 8. P. 143—167; Tavira Uriostegui M. Vicente Lombardo Toledano: acción y pensamiento. México, 1999; Spenser D. En combate. La vida de Lombardo Toledano. México, 2014; Aclé-Kreysing A. Antifascismo: un espacio de enucentro entre el auxilio y la política nacional. El caso de Vicente Lombardo Toledano (1936—1945) // Revista de Indias. 2016. Vol. 76. Núm. 267. P. 573—609.

Висенте Ломбардо Толедано родился в городе Тесьютлан (штат Пуэбла) в семье горно-заводчика средней руки. По отцовской линии его предки были итальянцами, а по материнской – испанскими сефарадами. В 1920 г. Висенте, вопреки материальным трудностям, закончил Национальный автономный университет Мехико по классам философии и юриспруденции, причем одним из лучших в своем выпуске. Блестящий оратор и полемист, Ломбардо Толедано сочетал черты утонченного мыслителя-теоретика и организатора-практика, проявляя повышенный интерес к вопросам социальной справедливости⁸. В 1922 г. он учредил Группу солидарности с рабочим движением – объединение, в которое входили представители университетской профессуры и деятели искусства.

В 1923–1924 гг. Ломбардо Толедано возглавлял администрацию Пуэблы. Серьезным испытанием для него стал мятеж генерала А. де ла Уэрты. Начиная с 1917 г., он преподавал в ряде университетов и училищ, в 1927 г. стал первым генеральным секретарем Мексиканской национальной федерации учителей (организация объединяла как учителей средних школ, так и преподавателей высших учебных заведений), а в 1936 г. основал Рабочий университет. С 1923 по 1932 г. он входил в состав центрального комитета Региональной рабочей конфедерации Мексики (*Confederación Regional Obrera Mexicana, CROM*), которая была главной опорой правительства в регулировании отношений труда и капитала.

В середине 1920-х годов в процессе сложной духовной эволюции Ломбардо Толедано постепенно переходит на позиции марксизма. Размышляя о наследии мексиканской революции, он называл главной ее заслугой «открытие пути окончательного освобождения пролетариата» и защиту «материальных интересов трудящихся в условиях капитализма». По его мнению, задача сторонников рабочего движения состоит в том, чтобы добиваться как можно более полного воплощения в жизнь положений конституции 1917 г.⁹ Уже в начале 1930-х годов Ломбардо Толедано призывал к созданию революционной партии рабочего класса, которая займется «социализацией производства» посредством диктатуры пролетариата¹⁰. Рабочие должны бороться за предусмотренные в конституции экономические свободы, которые попирались национальными и иностранными капиталистами¹¹.

Эти убеждения стали одной из причин разрыва Ломбардо Толедано с основателем CROM Л. Моронесом, исходившего из задач огосударствления профсоюзов и поддержания социального мира ценой мелких уступок рабочим. Последний занял в правительстве Кальеса пост министра промышленности, торговли и труда, способствуя подавлению властями стачечного движения¹². Линия руководителя CROM вызывала все большее разочарование трудящихся¹³. Открытый конфликт разразился в 1933 г., когда Ломбардо Толедано на рабочей конференции обрушился не только на Моронеса, но и на всю систему режима «революционного каудильизма». Он утверждал, что армия, вместо того чтобы соблюдать конституцию, «обеспечивает сохранение олигархического строя». В заявлении о выходе из CROM он отметил, что «останется радикальным марксистом, хотя и не коммунистом»¹⁴.

Компартия Мексики, по мнению Ломбардо Толедано, страдала сектантством и не осознавала необходимости объединения широкого спектра сил, в том числе стоящих на реформистских позициях¹⁵. Построение социалистического общества, считал он, возможно лишь после окончательного преодоления «остатков старого режима» (особенно в аграрной сфере). До тех пор, пока правительство и стоящая за ним национальная буржуазия

⁸ Российская революция, Коминтерн и Латинская Америка / под ред. А.А. Щелчкова, В.Л. Хейфеца. М., 2018. С. 604–607.

⁹ *Lombardo Toledano V. La libertad sindical en México. México, 1974. P. 25.*

¹⁰ *Lombardo Toledano V. La Izquierda en la historia de México. México, 1962. P. 34–35.*

¹¹ Российская революция... С. 606.

¹² *Buford C.N. A Biography of Luis N. Morones, Mexican Labor and Political Leader. An unpublished dissertation. [S.l.], 1971. P. 85–100, 172–185.*

¹³ *Шульговский А. Ф. Указ. соч. С. 63–72.*

¹⁴ *Buford C.N. Op. cit. P. 105–112, 188.*

¹⁵ Коминтерн в Латинской Америке... С. 221.

не попытаются выступить с откровенной ревизией наследия мексиканской революции, рабочие, крестьяне и левая интеллигенция должны его поддерживать¹⁶.

Подобная тактика обосновывалась им спецификой Мексики как слаборазвитого государства, находящегося в тисках иностранного капитала. Последний рассматривался им в качестве главного врага, что логически делало «прогрессивные» правящие круги союзником рабочих. После создания СТМ он повел курс на разобшение профсоюзов и компартии, доказывая, что последняя стремится поставить рабочее движение под свой единоличный контроль¹⁷. Раздираемые внутренними противоречиями коммунисты не имели возможности эффективно противостоять этой линии. Лозунг «Единство любой ценой», выдвинутый на пленуме КПМ в 1937 г., на практике не выполнялся¹⁸.

Колоссальное воздействие на мировоззрение Ломбардо Толедано оказала его первая поездка в Советский Союз в 1935 г. (совместно с В.М. Вильясеньором, будущим послом Мексики в СССР). Цель визита, как он заявил в интервью мексиканской прессе, заключалась в непосредственном знакомстве с успехами в построении социализма¹⁹. Исполком Коминтерна и высшее советское руководство считали приезд Ломбардо Толедано полезным как с точки зрения его влияния на рабочие массы Мексики, так и из-за его близости с рядом мексиканских политиков. Он посетил Ленинград, Москву, Харьков, Баку, Тифлис, Батум и Сочи. Ломбардо Толедано был потрясен стройками второй пятилетки и ускоренной трансформацией повседневной жизни. Центральным событием стало посещение им VII Конгресса Коминтерна, где он встретился с мексиканскими делегатами, включая генерального секретаря КПМ Э. Лаборде (1929–1940), что положило начало его постоянным контактам с компартией²⁰.

Вернувшись на родину, Ломбардо Толедано энергично пропагандировал советские достижения. В брошюре «Путешествие в будущее» он не только нарисовал картину нового справедливого общества, но и полемизировал с западными интеллектуалами (А. Франсом, А. Барбюсом), которые скептически высказывались о правлении И.В. Сталина²¹. По мнению Х. Ногалеса Баэны, Ломбардо Толедано стал одним из многих иностранцев, очарованных «магией» сталинизма, которая лишала их способности объективно анализировать советскую действительность²². В духе сталинской линии Коминтерна он обрушился на троцкистов, заявляя, что в нынешней международной обстановке «критика России означает поддержку фашизма и войны». Рост популярности троцкистских идей, по его мнению, способствовал бы углублению, а не уменьшению раскола между классами, что в условиях Мексики помешало бы использованию наследия революции в интересах трудящихся²³.

После вступления Мексики во Вторую мировую войну в мае 1942 г. Ломбардо Толедано с присущей ему энергией принялся доказывать, что долг мексиканцев помочь разгрому держав «оси». Повествование о событиях на фронтах, обличение ярого антисемитизма и других преступлений нацистов стали одной из главных тем конференций и агитационных материалов СТАЛ²⁴. Лейтмотивом его публикаций и выступлений стала пропаганда дружбы с СССР. Ломбардо Толедано настаивал, что русская революция заложила основы

¹⁶ *Bolívar Meza R.* Op. cit. P. 150–153.

¹⁷ *Хейфец В.Л.* Карденас, Ломбардо Толедано и КПМ... URL: <https://ras.jes.su/history/s207987840028240-3-1> (дата обращения: 12.01.2024).

¹⁸ *Хейфец В.Л.* Бесконечный лабиринт: куда ведет реконфигурация мексиканских левых сил? // *Латиноамериканский исторический альманах.* 2019. № 22. С. 260.

¹⁹ *Spenser D.* El viaje de Vicente Lombardo Toledano al mundo del porvenir // *Desacatos.* 2010. Núm. 34. P. 83–84.

²⁰ *Российская революция...* С. 613–614.

²¹ *Lombardo Toledano V., Villaseñor V.M.* Un viaje al mundo del porvenir. México, 1936. P. 12–35.

²² *Nogales Baena J.M.* Recuerdos del futuro de Víctor Manuel Villaseñor, un hombre de Izquierda // *Anclajes.* 2023. Vol. 27. Núm. 3. P. 106–108.

²³ *Lombardo Toledano V.* Sobre el asilo a Trotski. México, 2011. P. 35–47.

²⁴ *Acle-Kreysing A.* Op. cit. P. 590–597.

социального освобождения трудящихся по всему миру. Теперь же Москва внесет решающий вклад в создание эффективной архитектуры международной безопасности²⁵.

Его идеи падали на благодатную почву: «сам факт вероломного нападения Германии на СССР, а впоследствии героическое сопротивление Красной Армии (в особенности – оборона Сталинграда)» стали причиной роста просоветских настроений среди членов рабочих организаций и интеллигенции, с чем приходилось считаться мексиканским властям²⁶. В ноябре 1942 г. дипломатические отношения с СССР были восстановлены. Ломбардо Толедано по своей инициативе установил контакты с Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей (ВОКС), а также отстаивал перед властями необходимость учреждения Мексикано-российского института культурного обмена. Во многом при его поддержке посол СССР в Мексике К.А. Уманский смог наладить издание в дипмиссии Информационного бюллетеня, сообщавшего об обстановке на фронте, в тылу, а также о новостях в области науки и культуры.

С конца 1930-х годов Ломбардо Толедано вынашивал идею об учреждении собственной политической партии. Предполагалось, что пролетариат станет ее «ядром», которое должно стремиться не к «советизации правительства», а «созданию народного союза рабочих, крестьян, патриотической буржуазии и интеллигенции»²⁷. В 1944 г. Ломбардо Толедано совместно с генеральным секретарем КПМ Д. Энсиной (1940–1959) сформировал Мексиканскую социалистическую лигу, которая была призвана пропагандировать марксистскую теорию, но в выборах не участвовать²⁸. Предпосылкой для основания новой структуры стало нарастающее недовольство всех левых сил «реакционными» тенденциями, все более проявлявшимися после ухода Карденаса с поста президента. В 1941 г. в результате интриг руководства PRM Ломбардо Толедано был смещен с поста секретаря СТМ²⁹. С принятием избирательного закона 1946 г., формально создавшего возможности для муниципалитетов выдвигать кандидатов в законодательные органы, все слои оппозиции надеялись на появление в стране реальной политической конкуренции³⁰.

В начале 1947 г. Ломбардо Толедано организовал так называемый круглый стол по марксизму. На нем он изложил свое представление о новой партии, подчеркнув, что марксистско-ленинское учение не обязательно должно лечь в основу ее программы, «поскольку в стране уже существует КПМ». В дискуссии приняли участие коммунисты, Социалистический фронт адвокатов, Союз железнодорожников-социалистов, группа «Объединенное социалистическое действие» и члены кружка, группировавшегося вокруг журнала *El Insurgente*, издававшегося исключенными из компартии представителями левой интеллигенции. Необходимость создания единой социалистической партии была одобрена КПМ, а сам Ломбардо Толедано «официально» признан ею марксистом³¹.

Учредительный съезд Народной партии прошел в июне 1948 г., приняв устав и программу, предусматривающую гарантии демократических свобод, обеспечение прав рабочих, уменьшение зависимости от иностранного капитала и борьбу за мир в сфере внешней политики. В донесении советского посольства 1950 г. отмечалось: «Ломбардо Толедано почти в каждом своем умело построенном выступлении много говорит против реакции, но... не приводит ни одного конкретного факта вмешательства американских империалистов в дела

²⁵ *Lombardo Toledano V. La Revolución Rusa – La Revolución Mexicana: Pasado – Presente – Porvenir. México, 1943. P. 5–22.*

²⁶ *Чекова Т.И. Становление и развитие российско-мексиканских культурных связей (1890–1968 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007. С. 126–128.*

²⁷ *Millon R.P. Op. cit. P. 168–169.*

²⁸ *Bolívar Meza R. Op. cit. P. 161.*

²⁹ *Handelman H. The Politics of Labor Protest in Mexico. Two Case Studies // The Journal of Interamerican Studies and World Affairs. 1976. Vol. 18. № 3. P. 270.*

³⁰ *Ayala López J.F. La oposición invisible. El Partido Popular y la primera propuesta de la representación proporcional en México, 1949–1952 // Tzintzun. Revista de Estudios Históricos. 2018. Núm. 68. P. 230.*

³¹ *Carr B. La Izquierda mexicana a través del siglo XX. México, 1996. P. 164–170.*

Мексике»³². В беседах с дипломатами Ломбардо Толедано заявлял, что не желает излишне критиковать президента М. Алемана (1946–1952), потому что это даст повод реакционерам (наиболее опасными из них он считал правую партию «Национальное действие» – Partido Acción Nacional, PAN) устроить государственный переворот «по образцу Венесуэлы или Перу». Однако буквальное совпадение лозунгов Алемана против коммунистов и содержания редакционных статей газеты *PP El Popular* воспринималось как подтверждение того, что Ломбардо Толедано «тайно субсидируется правительством»³³.

В конце 1940-х годов в РР состояло около 80 тыс. человек. Исследователи обращают внимание на то, что она отличалась от других массовых мексиканских партий отсутствием строгой иерархической структуры и мощной финансовой поддержки со стороны государства и бизнеса. Это одновременно облегчало пополнение ее рядов и затрудняло проведение политических решений и выстраивание электоральной стратегии³⁴. На выборах в Федеральный конгресс РР и КПМ получили одинаково мизерное количество голосов (10 352 и 10 301 соответственно). Народная партия завоевала два места в Сенате (Х.М. Элисондо и А. Паласиос) и одно в Палате депутатов. Его обладатель, И. Пескейра, отличился внесением в 1951 г. законопроекта о введении пропорциональной избирательной системы³⁵.

В посольском отчете с иронией описывалось отсутствие в РР дисциплины: Пескейра занял выборную должность вопреки обещаниям руководства партии не принять ни одного мандата из-за подтасовок при подсчете голосов. Сурово критиковалось нежелание популистов выступить на выборах единым блоком с коммунистами. Вывод был однозначный: «Партия... не сумела приобрести ни престижа, ни влияния... ее руководство зависит от президента и проводимой им реакционной, а во многом проамериканской политики». Ломбардо Толедано предстал политическим оппортунистом, лицемером, а не настоящим борцом за интересы рабочих³⁶.

При этом Ломбардо Толедано рассматривался как серьезный конкурент коммунистов за влияние на рабочие организации. В материалах ЦК ВКП(б) подчеркивалось его умение быстро менять точку зрения в зависимости от политической конъюнктуры, выдвигать весомые аргументы в теоретической полемике. Так, был проведен анализ его открытой дискуссии с Энсиной на страницах газеты *La Voz de México* в конце 1946 г. Признавалось, что критика Ломбардо Толедано КПМ за «чисто теоретическое представление о классовой борьбе» была во многом справедливой³⁷. Отмечалось «чрезмерное доверие» коммунистов политике Карденаса, в следствие чего ряд представителей ее руководства изменили ортодоксальным взглядам. Например, исключенные из ЦК КПМ бывший генсек Э. Лаборде и его соратники В. Кампа и М.А. Веласко считали ведущей силой революционных преобразований крестьянство, а не пролетариат³⁸. Первоочередной задачей в их глазах было не обличение зависимости Мексики от американских монополий, а борьба с национальной буржуазией³⁹.

Неумелое управление местными ячейками со стороны ЦК КПМ во главе с Энсиной привело к сокращению численности компартии с 30 тыс. в 1935 г. до почти 8 тыс. в 1948 г. В Москве были недовольны тем, что коммунисты «не выразили четкой позиции» по отношению к новому избирательному закону, поставив себя в изоляцию по отношению

³² Отчет посольства СССР в Мексике за 1949 г. 25 февраля 1950 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 22. Д. 139. Л. 83–85, 91.

³³ Там же. Л. 86–87, 89.

³⁴ *Millon R.P.* Op. cit. P. 176.

³⁵ *Ayala López J.F.* Op. cit. P. 236–237.

³⁶ Отчет посольства СССР... Л. 95.

³⁷ Письмо Висенте Ломбардо Толедано Дионисио Энсине. 1 декабря 1946 г. (перевод) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Ч. 1. Д. 1131. Л. 15–18.

³⁸ Д. Жуков – В.Г. Григоряну: «О положении в Коммунистической партии Мексики». 29 мая 1949 г. // Там же. Д. 645. Л. 51–52, 54.

³⁹ Там же. Л. 41.

к политической жизни страны⁴⁰. Запрос мексиканской левой интеллигенции на формирование широких партийных организаций, которые объединили бы в себе коммунистические и реформистские силы, характеризовался как вполне естественный⁴¹. Тем не менее констатировалось, что с учетом слабости компартии это вполне могло бы привести к ее полному исчезновению⁴².

В ходе всеобщих выборов 1952 г. Ломбардо Толедано баллотировался на пост президента от РР, получив поддержку коммунистов. Попытки создания блока РР и левоцентристской коалиции «Федерация партий мексиканского народа» М.Э. Гусмана окончились провалом из-за неспособности сторон пойти на компромисс в вопросе выдвижения общего кандидата. Ломбардо Толедано получил 1,99% голосов, заняв четвертое место после А. Руиса Кортинеса от PRI, Э. Гусмана и Э. Гонсалеса Луны от PAN. После протестов по поводу предполагаемых фальсификаций он провел переговоры с избранным президентом Руисом Кортинесом (1952–1958) и заявил, что поддерживает программу его администрации⁴³.

Показательно, что близкие к компартии провинциальные мексиканские профсоюзы направляли в ВЦСПС жалобы на «враждебную рабочему классу» политику Ломбардо Толедано. В них утверждалось, что единственный смысл существования РР заключался в том, чтобы укреплять позиции PRI, «наводнить КПМ мелкобуржуазными элементами» и добиться ее «ликвидации»⁴⁴. Резолюция Международного отдела ЦК ВКП(б) отражала стремление «встать над схваткой». Отмечалось, что Ломбардо Толедано, безусловно, при любом удобном случае вредит КПМ, обладает тесными связями с правящей партией и буржуазией и порой занимается штрейкбрехерством. Однако многие упреки в его адрес «явно преувеличены»⁴⁵.

В 1955 г. в устав РР было включено понятие «научный социализм». Ломбардо Толедано трактовал это понятие как стремление к установлению «демократического строя, основанного преимущественно рабочими, крестьянством, средним классом и патриотическими промышленниками». Целью провозглашался приход к власти «неподкупного правительства», которое займется построением общества социальной справедливости. Лидер партии предостерегал против соблазна перейти к насильственным методам, поскольку это может спровоцировать интервенцию США⁴⁶.

Радикализация рабочего движения во второй половине 1950-х годов вновь вынудила Ломбардо Толедано маневрировать. Речь шла прежде всего о серии забастовок под руководством Мексиканского профсоюза железнодорожников во главе с Д. Вальехо, поддержанного Мексиканским профсоюзом электриков. Паралич транспортной системы почти на половине территории страны напугал правительство и бизнес⁴⁷. Воспользовавшись ситуацией Ломбардо Толедано изменил название своей партии с «Народной» на «Социалистическую народную», что преподносилось им как учет настроений трудящихся⁴⁸. В то же время он объективно занял сторону государства, предупреждая рабочих о пагубных последствиях продолжительных забастовок для национального благосостояния⁴⁹.

⁴⁰ Там же. Л. 55.

⁴¹ Материалы о III Пленуме Коммунистической партии Мексики. 22–29 марта 1946 г. // Там же. Д. 219. Л. 56.

⁴² Н.Н. Пухлов – М.А. Суслову. 1 октября 1946 г. // Там же. Л. 57–58.

⁴³ Millon R.P. Op. cit. P. 178–179.

⁴⁴ П. Казаков – В.П. Степанову. 20 февраля 1954 г. // Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 28. Д. 193. Л. 40–51; В. Березин – В.Г. Корионову. 19 марта 1954 г. // Там же. Л. 40–51; 65–72.

⁴⁵ П. Казаков – В.П. Степанову: приложение. 20 февраля 1954 г. // Там же. Л. 55.

⁴⁶ Lombardo Toledano V. La Perspectiva de México: una democracia del pueblo. En torno al XX Congreso del Partido Comunista de la Unión Soviética. México, 1956. P. 80–101.

⁴⁷ Handelman H. Op. cit. P. 274–278.

⁴⁸ Millon R.P. Op. cit. P. 182.

⁴⁹ Tapia Ramírez L. El movimiento ferrocarrilero en México, 1958–1959. P. 45 // URL: https://www.academia.edu/32301885/El_movimiento_ferrocarrilero_en_Mexico (дата обращения: 30.03.2024).

Ломбардо Толедано пытался задать вектор и развитию рабочего движения в масштабах Латинской Америки. Он одобрял политику «доброего соседа» Ф.Д. Рузвельта по отказу от откровенного вмешательства в дела латиноамериканских стран и подчеркивал «историческое братство» с США, которые, подобно Мексике, идут по пути прогрессивных социальных преобразований⁵⁰. Тем не менее уже первая учредительная конференция СТАЛ 1938 г., «на которой Ломбардо Толедано был избран председателем этой организации (в ней участвовали СТМ, профсоюзы Колумбии, Аргентины и Чили)», прошла под знаком левого национал-реформизма.

На конференции СТАЛ в Мехико 2 августа 1945 г. Ломбардо Толедано предлагал создать в каждой латиноамериканской стране Единый профсоюзный фронт, Единую партию рабочего класса, Народный фронт «под руководством пролетариата» и Национальный фронт. Перечисленные структуры должны были побуждать правительства проводить последовательную политику экономического интервенционизма, включая контроль над ценами и иностранными инвестициями, бороться за пересмотр невыгодных условий внешнеторговых договоров и «совместно противостоять агентам империализма»⁵¹.

В октябре 1945 г. СТАЛ стала филиалом Всемирной федерации профсоюзов (ВФП), а Ломбардо Толедано занял пост заместителя председателя ее Административного совета, что значительно расширило географию его поездок и связей. Интересны записи, которые оставил о беседах с ним председатель Советского информационного бюро С.А. Лозовский летом 1946 г. Глава СТАЛ обвинял Американскую федерацию труда – Конгресс производственных профсоюзов (АФТ – КПП) в намерении создать «предательскую конфедерацию», опираясь на силы вроде «Демократического действия» Венесуэлы и Американского народно-революционного альянса Перу⁵².

Ломбардо Толедано считал нужным поддерживать марксистские партии и профсоюзы в регионе, но не пытаться сблизить их с умеренными силами в рамках «широких фронтов». Это, по его мнению, вызовет агрессивную реакцию Соединенных Штатов. Мексика, Колумбия, Аргентина и Чили характеризовались как государства, способные сдерживать американскую экспансию в Западном полушарии. Ломбардо Толедано рекомендовал СССР «особенно присмотреться к Аргентине» на предмет установления дипломатических отношений (это и произошло в том же году), поскольку политика Х.Д. Перона (1943–1955) превратила страну в арену «столкновения различных классовых, национальных и иностранных сил»⁵³. Лозовский считал целесообразным провести конференции нескольких латиноамериканских компартий из сопредельных стран для обсуждения экономических вопросов⁵⁴.

Противоречия с АФТ – КПП, которая стремилась поставить рабочее движение Латинской Америки под контроль Вашингтона и выдавить из него коммунистов, действительно мешали СТАЛ. В 1946–1948 гг. АФТ – КПП при поддержке Международной организации труда обвиняла СТАЛ в разжигании классовой борьбы в Западном полушарии⁵⁵. Ситуация осложнилась после создания вместо нее Межамериканской региональной конфедерации трудящихся на конференции в Гаване в 1951 г. Ряд национальных комитетов вышел из СТАЛ, конфедерация оказалась в финансовой зависимости от ВФП, а роль Мексики в обеспечении ее функционирования значительно уменьшилась⁵⁶.

⁵⁰ *Lombardo Toledano V.* La amistad histórica entre los pueblos de México y los Estados Unidos. México, 1942. P. 7–8, 17–19.

⁵¹ *Lombardo Toledano V.* La STAL ante la guerra y ante la posguerra. México, 1945. P. 148–149.

⁵² Запись беседы С.А. Лозовского с В. Ломбардо Толедано. 7 июня 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Ч. 1. Д. 219. Л. 5–17.

⁵³ Там же. Л. 19–26.

⁵⁴ Там же. Л. 30–31.

⁵⁵ *Spenser D.* Vicente Lombardo Toledano envuelto en antagonismos internacionales // Revista IZQUIERDAS. 2009. Núm. 4. P. 11–13.

⁵⁶ *Ibid.* P. 14.

В ходе совместных форумов СТАЛ и ВФП в Вене (1953), Праге (1957–1958) и Бухаресте (1959) рассматривались вопросы обеспечения автономии национальных комитетов рабочих движений в странах Латинской Америки при проведении ими общей линии⁵⁷. На Конференции профсоюзов Латинской Америки в Сантьяго-де-Чили 1962 г. было принято решение о создании Координационного комитета трудящихся Латинской Америки и упразднении СТАЛ. Ломбардо Толедано объявил «историческую миссию» конфедерации выполненной, хотя в реальности данный шаг был продиктован материальными трудностями⁵⁸.

С началом холодной войны Мексика стала одним активных участников международных механизмов по вопросам разоружения и дискуссий о всеобщем запрете ядерных испытаний, в том числе в качестве члена созданного в 1961 г. ООН Комитета 18-ти⁵⁹. В апреле 1949 г. Ломбардо Толедано, генеральный секретарь КПП Энсина и группа мексиканской левой интеллигенции (включая Д. Риверу, Д.А. Сикейроса и Ф. Кало) поставили подписи под «Стокгольмским воззванием» Движения сторонников мира (ДСМ) против разработки и применения ядерного оружия⁶⁰.

На первом Мексиканском национальном конгрессе сторонников мира в 1951 г. глава СТАЛ вошел в состав руководства Национального мексиканского комитета сторонников мира. Его председателем стал бывший министр военно-морского флота генерал Э. Хара, близкий к экс-президенту Л. Карденасу. В беседе с советским послом в Мексике А.Н. Капустиным в мае 1951 г. Э. Хара констатировал: популярность ДСМ приобретает в Мексике «почти стихийный характер» и секции движения можно будет открыть по всей стране. Хара считал, что перед лицом «нарастающих правительственных репрессий» против коммунистов и забастовочного движения сотрудничество КПП и РР в борьбе за мир особенно полезно, хотя не стоит ждать от «народников» слишком многого⁶¹.

В ноябре 1952 г. посольство сообщало, что «группа Ломбардо фактически свернула свою работу в комитете»⁶². Возможно, это объяснялось необходимостью уделять основное внимание предвыборной борьбе. В то же время есть основания считать, что демонстративная активность РР часто была формальной, а иногда и корыстной. Так, мексиканские научные, образовательные и культурные учреждения и профсоюзы снабжались печатной продукцией, в том числе посвященной миротворческой проблематике⁶³. Ломбардо Толедано и ряд высших функционеров РР изъявляли желание помочь в ее распространении при условии, что они будут распоряжаться денежными фондами Мексикано-российского института культурного обмена и Общества друзей СССР⁶⁴. Эти инициативы закономерно оказались тщетными, поскольку допустить столь значительного усиления влияния мексиканских реформистов на советскую политику «мягкой силы» было нельзя.

В Москве также надеялись, что Ломбардо Толедано привлечет в ДСМ представителей мексиканского бизнеса, дабы те побуждали политическую элиту страны последовательнее

⁵⁷ *Lombardo Toledano V.* La Confederación de Trabajadores de América Latina ha concluido su misión histórica. México, 1964. P. 34–35.

⁵⁸ *Spenser D.* Historia, política e ideología fundidas en la vida de Vicente Lombardo Toledano // *Desacatos*. 2016. Núm. 1. P. 81–85.

⁵⁹ *Егорова Н.И.* «Народная дипломатия» ядерного века. Движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955–1965 годы. М., 2016. С. 198.

⁶⁰ *Fernández Montes J.O.* Voces y llamamientos de la cultura por la paz. Génesis del pacifismo prosoviético en México en los arboles de la Guerra Fría // *Política y cultura*. 2014. Núm. 41. P. 9–10, 15–18.

⁶¹ Запись беседы посла СССР в Мексике А.Н. Капустина с Эриберто Хары. 19 мая 1951 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 719. Л. 58–60.

⁶² Запись беседы советника посольства СССР в Мексике А.Е. Бадаляна с Гатой Стен. 10 октября 1952 г. // Там же. Ф. 5. Оп. 22. Д. 719. Л. 157.

⁶³ *Chávez Mancilla Á.* La revista Cultura Soviética en el marco de la Guerra Fría cultural en México // *Signos Históricos*. 2022. Vol. 24. Núm. 48. P. 446–454.

⁶⁴ Записи бесед советника посольства СССР в Мексике А.Е. Бадаляна с председателем Общества друзей СССР профессором Хосе Мансидором 3 ноября 1951 г. и генеральным секретарем Общества друзей СССР Фаусто Помаром 28 ноября 1951 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 22. Д. 718. Л. 18–26.

сопротивляться диктату США⁶⁵. От РР ждали налаживания связей с деловыми кругами в просоветском ключе⁶⁶. Однако курс на придание ДСМ «преимущественно коммунистического» характера расценивался как ошибочный⁶⁷.

Разумеется, сотрудничество с Москвой Ломбардо Толедано привлекало внимание внешнеполитического ведомства и спецслужб США⁶⁸. Президент США Д. Эйзенхауэр в письме госсекретарю Дж. Ф. Даллесу в 1954 г. рассуждал о том, что, возможно, придется сделать мексиканцам уступки в торгово-экономической сфере, чтобы понудить их к борьбе с «подрывной деятельностью» Кремля⁶⁹. В ходе встречи с А. Руисом Кортинесом в марте 1956 г. хозяин Белого дома доказывал, что «русских интересует лишь создание пятой колонны»⁷⁰.

В донесениях ЦРУ отмечалось, что, хотя ломбардисты и коммунисты соперничают между собой, когда речь идет о взаимодействии с профсоюзами, они способны к сотрудничеству⁷¹. Посол США в Мексике Ф. Уайт характеризовал Ломбардо Толедано как «отпетого марксиста». Оформление мексиканским МИД главе СТАЛ дипломатического паспорта для поездок в СССР и страны Восточной Европы по линии ВФП расценивалось как свидетельство неискренности заявлений правительства Мексики о намерении бороться за демократические ценности; а РР считалась «инкубатором для будущих коммунистов»⁷².

О смерти И.В. Сталина и ее влиянии на положение дел в социалистическом лагере Ломбардо Толедано не высказывался. В брошюре «Перспективы Мексики в свете XX съезда КПСС» он подчеркивал последовательность политики Москвы, воплощающей в жизнь ленинские принципы «критики и самокритики», отмечал ценность идеи мирного существования капитализма и социализма⁷³. Верность советской «генеральной линии» сыграла решающую роль и в его отношении к коммунистическому Китаю.

Ломбардо Толедано был едва ли не первым популяризатором китайской революции в Мексике. Он посетил КНР уже в ноябре 1949 г. в рамках поездки на Конференцию профсоюзов Азии и Африки. Его особо поразила аграрная реформа «в масштабах огромной страны», которая неминуемо вызовет отклик в Латинской Америке, во многом сохраняющей «многовековую полуфеодалную структуру»⁷⁴. Интерес к азиатской державе стали проявлять широкие слои левой мексиканской интеллигенции. Их усилиями было создано Китайско-мексиканское общество дружбы. В начале 1960-х годов появились первые маоистские группировки (ячейка КПМ «Сталин», Коммунистическая лига «Спартак») ⁷⁵. Представители правящей PRI с интересом восприняли коммунистический проект Мао Цзэдуна, что видно по мемуарам посетившего Китай экс-президента Э. Портега Хиля (1928–1930)⁷⁶.

Распространение маоизма в Латинской Америке беспокоило советских дипломатов и партийных работников, тщательно взвешивавших все сильные и слабые стороны китайской

⁶⁵ В.П. Степанов – М.А. Сулову. 17 марта 1954 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 193. Л. 63.

⁶⁶ О поездке члена Всемирного совета мира Саломея в Мексику. 27 марта 1954 г. // Там же. Л. 73–76.

⁶⁷ Запись беседы посла СССР в Мексике А.Г. Кулаженкова с членом Всемирного совета мира Х. Саломея. 20 февраля 1954 г. // Там же. Л. 100–103.

⁶⁸ Meyer L. Relaciones México-Estados Unidos. Arquitectura y montaje de las pautas de la Guerra Fría, 1945–1964 // Foro Internacional. 2010. Vol. 50. Núm. 2. P. 212.

⁶⁹ Papers relating to the Foreign Relations of the United States (далее – FRUS). The American Republics, 1955–1957. Washington (DC), 1987. P. 987.

⁷⁰ Ibid. P. 1041.

⁷¹ Mexican Communist Party and the Organization of Alianza Obreros y Campesinos de México. February 25, 1949 // CIA FOIA. CIA-RDP82–00457R002400150004–9.

⁷² FRUS. P. 1018–1019.

⁷³ Lombardo Toledano V. La Perspectiva de México... P. 126–135, 158–165.

⁷⁴ Lombardo Toledano V. Diario de un viaje a la China nueva. México, 1950. P. 209–210.

⁷⁵ Yanuel Fuentes R. El maoísmo en México. Una periodización y apuntes para su estudio // Cambios y permanencias. 2022. Vol. 13. Núm. 1. P. 363.

⁷⁶ Portes Gil E. China: el fenómeno social, político, económico y cultural más extraordinario de todos los tiempos. México, 1961. P. 14.

экспансии в регионе⁷⁷. В Москве справедливо опасались, что многочисленная леворадикальная иммиграция из других стран Латинской Америки в Мексике может попасть под влияние Пекина. МИД и КГБ СССР настораживали попытки китайцев найти подход к видным мексиканским политическим фигурам, включая бывшего президента Карденаса⁷⁸.

В 1963 г. Ломбардо Толедано изложил свою позицию в отношении конфликта двух центров мирового социализма в брошюре «Москва или Пекин? Путь Мексики к социализму». Автор отстаивал многообразие форм исторического процесса, который в Мексике открывает простор для взаимодействия национальной «революционной» буржуазии и рабочих. Позиция Коммунистической партии Китая (КПК) и ее последователей в других странах оценивалась им как «догматическая» и «антидиалектическая». Отмечая, что возможность мирного сосуществования даже двух систем была наглядно доказана урегулированием США и СССР Карибского кризиса, он предрекал примирение КПК и КПСС⁷⁹.

Тогда же на страницах журнала *Siempre* Ломбардо Толедано попытался «перенести» противостояние между советским и китайским подходом к революции на мексиканскую почву: «Здесь раздаются призывы свергнуть Лопеса Матеоса путем партизанской войны, организовать самодостаточные мини-партии и группки сопротивления. Это лишь изолирует истинных левых и поможет империализму, так что все будет напоминать сцену из провинциального парка развлечений, где все дерутся со всеми, позабыв о причинах ссоры»⁸⁰. Данное суждение можно расценивать как ироничное изложение его «политического завещания» всем латиноамериканским левым: «Изучать социальную реальность... не подменяя ее субъективными воззрениями»⁸¹.

Согласно агентурным сводкам ЦРУ, Ломбардо Толедано откровенно заявлял, что стремится доминировать в левом движении Мексики, пропагандируя советские идеи государственного управления в противовес китайским. Об этом мексиканца якобы просили КПСС и восточноевропейские компартии, предлагая «задействовать все общества и кружки дружбы с социалистическими странами», на которые тот имеет влияние⁸². Доказать или опровергнуть эти утверждения едва ли представляется возможным. Однако последовательная защита им ортодоксального марксизма перед лицом нарастающего идейного брожения среди латиноамериканских левых была явно выгодна Москве. В МИД СССР с удовлетворением отмечали, что взгляды Ломбардо Толедано «отражают точку зрения советского правительства»⁸³.

К середине 1960-х годов Ломбардо Толедано занял, пожалуй, самое высокое положение в политической иерархии Мексики для ветерана профсоюзного движения. По итогам всеобщих выборов 1964 г. он стал депутатом Федерального конгресса наряду с девятью однопартийцами. Президенты А. Лопес Матеос (1958–1964) и Г. Диас Ордас (1964–1970) в ходе избирательных кампаний получили поддержку Ломбардо Толедано. PPS отказалась войти в Народный электоральный фронт вместе с коммунистами. В МИД СССР отмечали, что она «полностью поддерживает внутреннюю политику» PRI⁸⁴.

В советских аналитических материалах политика поведения Ломбардо Толедано характеризовалась как стремление к «расколу демократических сил» с целью «выдать PPS за

⁷⁷ Шелчков А.А. Латинская Америка и советско-китайский конфликт (60-е — середина 70-х годов XX века) // Новая и новейшая история. 2021. № 4. С. 152–158. DOI: 10.31857/S013038640016189-5

⁷⁸ Запись беседы В.Г. Ткаченко с бывшим президентом Гватемалы Хакобо Арбенсом. 16 декабря 1964 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 691. Л. 176–177; В.Е. Семичастный — в ЦК КПСС. 8 марта 1965 г. // Там же. Л. 27–35.

⁷⁹ *Lombardo Toledano V. ¿Moscú o Pekin? La via mexicana hacia el socialismo. México, 1963. P. 160–169.*

⁸⁰ *Lombardo Toledano V. El Frente Nacional Democrático. México, 1975. P. 22–23.*

⁸¹ *Lombardo Toledano V. La Confederación de Trabajadores... P. 42–43.*

⁸² The Sino-Soviet Controversy in Cuba and Other Latin American Countries. February 1961. P. 22–23 // CIA FOIA. CIA-RDP78–00915R001200250011–9.

⁸³ С.Т. Базаров — В.В. Кузнецову. 12 марта 1965 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 690. Л. 84.

⁸⁴ Аннотация на политический отчет посольства СССР в Мексике за 1963 г. // Там же. Д. 500. Л. 170.

единственную по-настоящему левую партию». Впрочем, констатировалось, если интересы КПМ и PPS в каких-то вопросах совпадают, их сотрудничество необходимо поощрять⁸⁵. КПМ теряла влияние, поэтому СССР стремился заручиться поддержкой народных социалистов. По итогам XIV съезда КПМ (декабрь 1963 г.) стало очевидно, что пространство для ее участия в национальной политической жизни сужается. Выход усматривался в укреплении связей с общественными организациями, в первую очередь крестьянскими⁸⁶.

Ломбардо Толедано не упускал случая напомнить Москве о своем вкладе в отстаивание идеалов социализма. Защищая политику PRI, он отмечал, что в отсутствие умеренных левых сил ключевые позиции в правительстве уже давно бы перешли к агентам «реакции», которые предоставили бы американским корпорациям полную свободу действий. Себя лидер PPS без ложной скромности видел «наставником» мексиканских президентов, министров и военных, автором проекта национализации электроэнергетической отрасли в 1960 г., а также создания промышленных объединений с государственной поддержкой⁸⁷. А в вопросах внешней политики подчеркивал сопротивление Мексики диктату США в Организации американских государств. Он уверял, что Мехико ни за что не разорвет дипломатические отношения с революционной Кубой и продолжит оказывать поддержку «острову свободы» на международной арене⁸⁸.

Настойчивая самореклама обуславливала болезненную реакцию Ломбардо Толедано на официальную позицию СССР. Так, он указал советскому послу в Мехико С.Т. Базарову на недружественный характер публикации в Ежегоднике Большой советской энциклопедии (БСЭ) за 1964 г., в которой PPS названа «оппортунистской» партией. На званом вечере сам президент Г. Диас Ордас по этому поводу заявил: «Как мне докладывают, в Москве тебя считают оппортунистом... нельзя отмахиваться от таких публикаций. Как ты знаешь, несколько министров в моем правительстве, да и я сам, считаются твоими бывшими учениками». Раздосадованный политик дал понять дипломату, что более не примет приглашения посетить страну Советов, если ему не принесут извинения⁸⁹.

Базаров в докладе в МИД подчеркивал: «Нам не стоит каким-либо образом втягиваться в спор между Компартией и Соцпартией... Ломбардо Толедано еще пользуется известным авторитетом в кругах интеллигенции, в правящих сферах Мексики... нам следовало бы... использовать его в той мере, в какой это возможно для укрепления наших отношений с Мексикой». Вместе с тем у коммунистов не должно было сложиться впечатление, что Ломбардо Толедано «уделяется излишнее внимание». Дипломат полагал, что можно обойтись без «резких выпадов» против лидера PPS: «Его ошибочную позицию можно и нужно критиковать, но делать это следовало бы в позитивном ключе, не отталкивая Ломбардо Толедано от Советского Союза». В качестве «частичной» реабилитации после статьи в БСЭ предлагалось ограничиться публикацией хвалебной статьи в адрес ветерана мексиканского профсоюзного движения в газете «Труд»⁹⁰.

Международный отдел ЦК КПСС в ответ рекомендовал в устной форме сообщить Ломбардо Толедано, что его по-прежнему считают другом СССР, который «сделал немало для развития советско-мексиканских отношений», «разоблачения агрессивных действий

⁸⁵ Доклад «Мексика: экономика, политика, идеология». Институт Латинской Америки Академии наук СССР. 23 июня 1964 г. // Архив Российской академии наук. Ф. 1858. Оп. 1. Д. 109. Л. 8–9.

⁸⁶ Поездка Сандри в Уругвай, Аргентину, Чили, Перу, Мексику (16 июня – 16 июля 1964 г.) // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 598. Л. 65–66.

⁸⁷ Запись беседы посла СССР в Мексике С.Т. Базарова с депутатом Национального конгресса Мексики Висенте Ломбардо Толедано. 2 февраля 1965 г. // Там же. Д. 690. Л. 73–75.

⁸⁸ Запись беседы посла СССР в Мексике С.Т. Базарова с депутатом Национального конгресса Мексики Висенте Ломбардо Толедано. 6 апреля 1965 г. // Там же. Д. 691. Л. 167.

⁸⁹ Запись беседы посла СССР в Мексике С.Т. Базарова с депутатом Национального конгресса Мексики Висенте Ломбардо Толедано. 2 февраля 1965 г. // Там же. Д. 690. Л. 78–79.

⁹⁰ Посол СССР в Мексике С.Т. Базаров – заместителю министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецову. 12 марта 1965 г. // Там же. Л. 86–89.

американского империализма» и «раскольнических действий китайских руководителей». В сопроводительной служебной записке сухо констатировалось, что такая оценка его партии сложилась в СССР после выступления генерального секретаря КПМ А. Мартинеса Вердуго (1963–1981), который констатировал появление внутри PPS оппозиции «соглашательской линии» лидера партии⁹¹. После передачи С.Т. Базаровым заверений в неизменной благосклонности Москвы конфликт был исчерпан. Отношение советского партийного руководства к несколько комичному инциденту свидетельствует, что «игры» Ломбардо Толедано стали уже привычным делом.

Висенте Ломбардо Толедано скончался в ноябре 1968 г. В некрологе в газете «Правда» отмечалось, что он выступал за расширение контактов с Советским Союзом и другими социалистическими странами, прилагая усилия по сплочению трудящихся Латинской Америки в борьбе с империализмом⁹². На фоне повсеместной критики в адрес СССР в связи с событиями Пражской весны он продолжал называть себя марксистом советского типа, подчеркивая, что не получает от КПСС финансовую помощь. Студенческие манифестации в Мехико в октябре 1968 г., жестоко подавленные властями, он осудил, поскольку они могли привести к «началу новой революции» на «антиленинской» основе⁹³.

Дружественные связи с СССР и «ортодоксальные» марксистские взгляды не мешали Ломбардо Толедано использовать реально существующие отношения между классами для эффективного решения насущных социально-экономических и политических проблем конкретной страны. Не случайно анализ международных проблем и текстов классиков марксизма он сопровождал подробным изложением истории Мексики. Поездками за «железный занавес» он повышал собственный статус в рамках национальной модели «партийно-государственная бюрократия – капитал – общественные организации». Связи Ломбардо Толедано в «мире социализма» помогли Мехико в проведении многовекторной внешней политики в условиях холодной войны.

В Москве считали, что сведения, поступающие от Ломбардо Толедано, способствуют объективному восприятию обстановки в Мексике и других странах Латинской Америки. За поддержку СССР на международной арене ему были готовы простить «оппортунизм», а его критика в адрес КПМ порой воспринималась как ценный взгляд со стороны. После смерти Ломбардо Толедано советское руководство продолжало пользоваться сведениями, поступающими от PPS. В условиях трансформации мексиканской политической системы во второй половине 1970-х годов это было важно.

Библиография / References

Егорова Н.И. «Народная дипломатия» ядерного века. Движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955–1965 годы. М., 2016.

Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы / под ред. В.Л. Хейфеца, Л.С. Хейфеца. М., 2021.

Российская революция, Коминтерн и Латинская Америка / под ред. А.А. Щелчкова, В.Л. Хейфеца. М., 2018.

Хейфец В.Л. Бесконечный лабиринт: куда ведет реконфигурация мексиканских левых сил? // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2019. № 22. С. 256–288.

Хейфец В.Л. Карденас, Ломбардо Толедано и КПМ: Коминтерн и конфликты в Мексике в 1930-е гг. // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2023. Т. 14. Вып. 9 (131). URL: <https://ras.jes.su/history/s207987840028240-3-1> (дата обращения: 12.01.2024).

Хейфец В.Л. Коминтерн и эволюция левого движения Мексики: дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2010.

Чекова Т.И. Становление и развитие российско-мексиканских культурных связей (1890–1968 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007.

⁹¹ В Центральный комитет КПСС. 19 марта 1965 г. // Там же. Л. 59–61.

⁹² Памяти Ломбардо Толедано // *Правда*. 20.XI.1968. С. 5.

⁹³ *Spenser D.* En combate...P. 380–382.

Шишков А.С. Идейная борьба в политической элите Мексики в 1919–1929 гг.: динамика развития, особенности, результаты // Латиноамериканский исторический альманах. 2011. № 11. С. 206–233.

Шульговский А.Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967.

Шелчков А.А. Латинская Америка и советско-китайский конфликт (60-е – середина 70-х годов XX века) // Новая и новейшая история. 2021. № 4. С. 149–165. DOI: 10.31857/S013038640016189-5

Chekova T.I. Stanovlenie i razvitie rossijsko-meksikanskih kulturnyh svyazej (1890–1968) [The formation and development of Russian-Mexican cultural ties (1890–1968): dis. ... candidate of historical sciences]. Samara, 2007. (In Russ.)

Egorova N.I. “Narodnaja diplomatija” jadernoogo veka. Dvizhenie storonnikov mira i problema razoruzhenija [“People’s Diplomacy” of the nuclear age. The peace movement and the problem of disarmament]. 1955–1965 gody. Moskva, 2016. (In Russ.)

Kheifets V.L. Beskonechnyj labirint: kuda vedet rekonfiguracija meksikanskih levyh sil? [The Endless Labyrinth: where does the reconfiguration of Mexican forces lead?] // Latino-amerikanskii istoricheskkii al'manah [Latin-American Historical Review]. 2019. № 22. S. 256–288. (In Russ.)

Kheifets V.L. Kardenas, Lombardo Toledano i KPM: Komintern i konflikty v Meksike v 1930-e gg. [Cardenas, Lombardo Toledano and KPM: The Comintern and conflicts in Mexico in the 1930s.] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2023. Vol. 14. Iss. 9 (131). URL: <https://ras.jes.su/history/s207987840028240-3-1> (access date: 12.01.2024). (In Russ.)

Kheifets V.L. Komintern i jevolucija levogo dvizhenija Meksiki [The Comintern and the evolution of the left movement in Mexico: dis. ... doctor of historical sciences]. Sankt-Peterburg, 2010. (In Russ.)

Komintern v Latinskoj Amerike: istoricheskie tradicii i politicheskie processy [The Comintern in Latin America: Historical Traditions and Political Processes] / pod red. V.L. Hejfecsa, L.S. Hejfecsa. Moskva, 2021. (In Russ.)

Rossijskaja revolucija, Komintern i Latinskaja Amerika [The Russian Revolution, the Comintern and Latin America] / pod red. A.A. Shchelchikov, V.L. Heifetz. Moskva, 2018. (In Russ.)

Schelchikov A.A. Latinskaya Amerika i sovetsko-kitajskij konflikt (60-e – sredina 70-h gg. XX veka) [Latin America and the Soviet-Chinese Conflict (the 1960s – mid-1970s)] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. Vol. 65. № 4. S. 149–165. DOI: 10.31857/S013038640016189-5 (In Russ.)

Shishkov A.S. Idejnaja bor'ba v politicheskoj jelite Meksiki v 1919–1929 gg.: dinamika razvitija, osobennosti, rezul'taty [Ideological struggle in the political elite of Mexico in 1919–1929: dynamics of development, features, results] // Latiноamerikanskij istoricheskkij al'manah. [Latin-American Historical Review]. 2011. № 11. S. 206–233. (In Russ.)

Shul'govskij A.F. Meksika na krutom povorote svoei istorii [Mexico at a sharp turn in its history]. Moskva, 1967. (In Russ.)

Acle-Kreysing A. Antifascismo: un espacio de enucentro entre el auxilio y la política nacional. El caso de Vicente Lombardo Toledano (1936–1945) // Revista de Indias. 2016. Vol. 76. Núm. 267. P. 573–609.

Ayala López J.F. La oposición invisible. El Partido Popular y la primera propuesta de la representación proporcional en México, 1949–1952 // Tzintzun. Revista de Estudios Históricos. 2018. Núm. 68. P. 223–253.

Bolívar Meza R. Formación y transformación intelectual de Vicente Lombardo Toledano // Estudios políticos. 1995. Núm. 8. P. 143–167.

Buford C.N. A Biography of Luis N. Morones, Mexican Labor and Political Leader. [S.l.], 1971.

Carr B. La Izquierda mexicana a través del siglo XX. México, 1996.

Chávez Mancilla A. La revista Cultura Soviética en el marco de la Guerra Fría cultural en México // Signos Históricos. 2022. Vol. 24. Núm. 48. P. 428–459.

Crespo H. El comunismo mexicano y la lucha por la paz en los inicios de la Guerra Fría // Historia mexicana. 2016. Vol. 66. Núm. 2. P. 653–723.

Fernández Montes J.O. Voces y llamamientos de la cultura por la paz. Génesis del pacifismo prosoviético en México en los arboles de la Guerra Fría // Política y cultura. 2014. Núm. 41. P. 7–29.

González Gutiérrez A. De revolucionarios, partidos y utopismos. Algunas reflexiones en torno a la Izquierda mexicana // Política y cultura. 2015. Núm. 43. P. 27–53.

Handelman H. The Politics of Labor Protest in Mexico. Two Case Studies // The Journal of Interamerican Studies and World Affairs. 1976. Vol. 18. № 3. P. 267–294.

Lombardo Toledano V. ¿Moscu o Pekin? La vía mexicana hacia el socialismo. México, 1963.

Lombardo Toledano V. Diario de un viaje a la China nueva. México, 1950.

Lombardo Toledano V. El Frente Nacional Democrático. México, 1975.

Lombardo Toledano V. La amistad histórica entre los pueblos de México y los Estados Unidos. México, 1942.

Lombardo Toledano V. La Confederación de Trabajadores de América Latina ha concluido su misión histórica. México, 1964.

- Lombardo Toledano V.* La CTAL ante la guerra y ante la posguerra. México, 1945.
- Lombardo Toledano V.* La Izquierda en la historia de México. México, 1962.
- Lombardo Toledano V.* La libertad sindical en México. México, 1974.
- Lombardo Toledano V.* La Perspectiva de México: una democracia del pueblo. En torno al XX Congreso del Partido Comunista de la Unión Soviética. México, 1956.
- Lombardo Toledano V.* La Revolución Rusa – La Revolución Mexicana: Pasado – Presente – Porvenir. México, 1943.
- Lombardo Toledano V.* Sobre el asilo a Trotski. México, 2011.
- Lombardo Toledano V., Villaseñor V.M.* Un viaje al mundo del porvenir. México, 1936.
- Meyer L.* Relaciones México-Estados Unidos. Arquitectura y montaje de las pautas de la Guerra Fría, 1945–1964 // Foro Internacional. 2010. Vol. 50. Núm. 2. P. 202–242.
- Millon R.P.* Vicente Lombardo Toledano. Biografía intelectual de un marxista mexicano. México, 1964.
- Nogales Baena J.M.* Recuerdos del futuro de Víctor Manuel Villaseñor, un hombre de Izquierda // Anclajes. 2023. Vol. 27. Núm. 3. P. 101–115.
- Portes Gil E.* China: el fenómeno social, político, económico y cultural más extraordinario de todos los tiempos. México, 1961.
- Spenser D.* El viaje de Vicente Lombardo Toledano al mundo del porvenir // Desacatos. 2010. Núm. 34. P. 77–96.
- Spenser D.* En combate. La vida de Lombardo Toledano. México, 2014.
- Spenser D.* Historia, política e ideología fundidas en la vida de Vicente Lombardo Toledano // Desacatos. 2016. Núm. 1. P. 70–87.
- Spenser D.* Vicente Lombardo Toledano envuelto en antagonismos internacionales // Revista IZQUIERDAS. 2009. Núm. 4. P. 1–20.
- Tapia Ramírez L.* El movimiento ferrocarrilero en México, 1958–1959 // URL: https://www.academia.edu/32301885/El_movimiento_ferrocarrilero_en_Mexico (access date: 30.03.2024).
- Tavira Uriostegui M.* Vicente Lombardo Toledano: acción y pensamiento. México, 1999.
- Yanuel Fuentes R.* El maoísmo en México. Una periodización y apuntes para su estudio // Cambios y permanencias. 2022. Vol. 13. Núm. 1. P. 360–378.

DOI: 10.31857/S0130386424030128

© 2024 г. Д.А. САДАКОВ

ПРОБЛЕМА «ДВУХ КОРЕЙ» В ПОЛИТИКЕ США В 1974–1980 годах

Садаков Денис Андреевич – кандидат исторических наук, Вятский государственный университет (Киров, Россия).

E-mail: rstk2005@gmail.com

Scopus Author ID: 57212574851; ORCID: 0000-0003-4308-7276; Researcher ID: R-9556-2018
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10179.

Аннотация. Статья посвящена эволюции корейской политики США после неудачных попыток наладить объединительный диалог Республики Корея (РК) и Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) и снижения уровня американского военного присутствия на полуострове в 1974–1980 гг. В 1973 г. прекратила работу Комиссия ООН по объединению и восстановлению Кореи, чья деятельность на протяжении десятилетий поддерживалась американцами. Остро встал вопрос о судьбе Командования ООН на полуострове. В целом в течение 1974–1980 гг. американцы не сократили своего военного присутствия в Корее. В то же время дипломатическое сопровождение межкорейского диалога по вопросам статуса РК и КНДР в ООН и сценариев потенциального объединения страны было в достаточной степени эффективным. Американцам удалось не допустить дестабилизации ситуации на юге Кореи даже в условиях внезапной смены власти после убийства Пак Чон Хи. Параллельно были созданы необходимые международные структуры, такие как Командование объединенными силами США и Республики Корея. Более того, американские дипломаты сумели добиться сохранения даже такого реликта Корейской войны, как Командование ООН. В то же время вопрос об объединении Кореи к этому времени уже окончательно превратился в инструмент политических манипуляций со стороны всех заинтересованных стран. В этих условиях достичь объединения одними лишь дипломатическими методами было невозможно.

Ключевые слова: США, Корейская Народно-Демократическая Республика, Республика Корея, международные отношения, внешняя политика.

D.A. Sadakov

The “Two Koreas” Problem in U.S. Policy, 1974–1980

Denis Sadakov, Vyatka State University (Kirov, Russia).

E-mail: rstk2005@gmail.com

Scopus Author ID: 57212574851; ORCID: 0000-0003-4308-7276; Researcher ID: R-9556-2018
The study was supported by grant № 22-78-10179 from the Russian Science Foundation.

Abstract. In this article, the author charts the evolution of US Korea policy after the failed attempts to establish a unification dialogue between the Republic of Korea and the Democratic People’s Republic of Korea and the reduction of the US military presence on the peninsula in 1974–1980. In 1973, The United Nations Commission for the Unification and Rehabilitation of Korea (UNCURK), which the Americans had supported for decades, ceased operations. The question of the fate of the United Nations Command loomed large. On the whole, in 1974–1980, the Americans did not reduce their military presence in Korea. At the same time, diplomatic support for negotiations on this topic and participation in maintaining the inter-Korean dialogue on the

status of the ROK and DPRK in the UN and scenarios for possible unification of the country were quite effective. The Americans managed to prevent destabilisation in South Korea even in the face of a sudden change of power following the assassination of Park Chung-Hee. Simultaneously, the necessary international structures, such as the ROK/US Joint Forces Command, were put in place. Moreover, US diplomats managed to preserve even such a relic of the Korean War as the UN Command. At the same time, the issue of Korean unification had by this time become an instrument of political manipulation by all countries concerned. Under these circumstances, unification could not be achieved by diplomatic means alone.

Keywords: USA, Democratic People's Republic of Korea, Republic of Korea, international relations, foreign policy.

Разделение более полувека назад Кореи на два враждебных государства привело к появлению еще одного очага международной напряженности. Одним из ключевых факторов, цементирующих раскол Кореи и одновременно гарантирующих региональную стабильность, служит военное присутствие США на полуострове. Основания для него были заложены в 1950 г., когда в начале Корейской войны было создано Командование ООН во главе с американским генералом. Возникновение Республики Корея стало возможным благодаря прямому вмешательству сил ООН, а после завершения войны в 1953 г. объединение Кореи допускалось американцами только при условии присоединения Севера к Югу.

В конце 1960-х – начале 1970-х годов политика США в Корее столкнулась с новыми вызовами: активизация переговоров между Республикой Корея (РК) и Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) и укрепление международного положения КНДР. Коррективам корейской политики способствовал запущенный в 1971 г. процесс урегулирования отношений между Китайской Народной Республикой (КНР) и США. Основанная на тезисах начала 1950-х годов американская позиция по вопросу о восстановлении единства Кореи стала подвергаться жесткой критике. В 1973 г. прекратила работу Комиссия ООН по объединению и восстановлению Кореи, чья деятельность на протяжении десятилетий поддерживалась американцами. Остро встал вопрос о судьбе Командования ООН на полуострове¹.

Цель данной статьи – установить роль США в закреплении разделенного статуса Кореи, произошедшего после неудачных попыток наладить объединительный диалог Республики Корея и Корейской Народно-Демократической Республики, и причины снижения уровня американского военного присутствия на полуострове в 1974–1980 гг.

Роль США в переговорах между Северной и Южной Кореями подробно анализировалась в отечественной и зарубежной историографии². Ставшие доступными в последние годы архивные материалы и опубликованные внешнеполитические документы позволяют существенно дополнить сформированные представления о роли США в межкорейском диалоге.

¹ Foreign Relations of the United States. 1969–1976 (далее – FRUS). Vol. E-12. Washington (DC), 2010. Doc. 241, 248; Doc. 249. P. 33.

² См. например: *Rosenberg W.* Korea and Reunification // *New Zealand International Review*. 1977. Vol. 2. № 1. P. 30–31; *Young C.* Kim North Korea in 1980: The Son also Rises // *Asian Survey*. 1981. Vol. 21. № 1. P. 112–124; *Manwo Lee.* Is North Korea Changing Course? // *Asian Perspective*. 1985. Vol. 9. № 1. P. 1–23; *Koh B.* North Korea's Unification Policy: An Assessment // *Asian Perspective*. 1986. Vol. 10. № 1. P. 20–38; *Han-Kyo Kim.* South Korea's Unification Policies: a Reassessment // *Ibid.* P. 3–19; *Солин Д.В.* Эволюция подходов к объединению Севера и Юга Корейского полуострова в 1950–1990-е гг. // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2011. № 608. С. 125–141; *Хамутаева С.В.* Проблема объединения Кореи в историографии КНДР. «Концепция конфедерализма» // *Вестник бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. 2011. № 4. С. 212–219; *Yafeng Xia, Zhihua Shen.* China's Last Ally // *Diplomatic History*. 2014. Vol. 38. № 5. P. 1083–1113; *Ланцова И.С., Ланко Д.А.* Внутренние и международные факторы отношений между двумя корейскими государствами в 50–80-е годы XX века // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2017. Т. 6. № 1. С. 248–254; *Василькова В.А.* Причины срыва разрядки международной напряженности на Корейском полуострове // *Россия и Америка в XXI веке*. 2019. № 3. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760004930-0-1/> (дата обращения: 14.02.2023).

Для Вашингтона проблема функционирования Командования ООН была существенно сложнее вопроса о Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи. Главкомандующий войсками ООН был одним из подписантов Корейского соглашения о перемирии 1953 г., и роспуск командования мог спровоцировать попытки северян выдвинуть США из числа участвующих в имплементации данного документа держав. Посол США в Корее Ф. Хабиб предложил не дожидаться потенциально возможного поражения в Генеральной Ассамблее ООН, а самостоятельно отказаться от этого анахронизма, но на своих условиях – без потери качества в части обеспечения безопасности Южной Кореи и интересов США в этом регионе. Подготовка этого процесса началась зимой 1974 г., а к марту американцы сформулировали свою платформу на случай возможных переговоров с КНР и КНДР³.

В Госдепартаменте и министерстве обороны желали заменить сторону командования в соглашении о перемирии на представителей Соединенных Штатов и Республики Корея, а также добиться молчаливого согласия КНР и КНДР на временное сохранение американского военного присутствия на полуострове по образцу Шанхайского коммюнике⁴. Окончательный вывод американских военнослужащих с территории полуострова должен был сопутствовать заключению межкорейского пакта о ненападении, предложенного президентом РК Пак Чон Хи в январе 1974 г.⁵

В ЦРУ и Агентстве по контролю за вооружениями и разоружением считали предпочтительным сделать акцент на решении корейских проблем силами самих корейцев, способствуя при этом укреплению связей КНДР и РК с США, Японией, КНР и СССР. В любом случае контроль над южнокорейскими вооруженными силами должен был перейти в руки потенциального объединенного командования. Также американцы не собирались далее сокращать свои силы в регионе до того, как новые механизмы обеспечения безопасности не сумеют подтвердить свою работоспособность.

В конце марта 1974 г. Совет национальной безопасности согласился с позицией Госдепартамента и минобороны. Выполнению намеченных планов должны были служить прямые межкорейские переговоры. Сами американцы собирались заниматься дипломатическим обеспечением процесса, поддерживая контакты с заинтересованными великими державами⁶. Параллельно в Вашингтоне стали прорабатывать меры по замене Командования ООН Командованием объединенными силами США и Республики Корея. Американцы допускали, что при должном упорстве китайцы и северяне смогут добиться роспуска Командования ООН уже ближайшей осенью⁷. На 29-й сессии Генассамблеи ООН странам социалистического лагеря и в самом деле удалось достичь определенных успехов. Американцы все же добились принятия нужной им резолюции, однако вместо очередного подтверждения легитимности пребывания войск ООН в Корее вопрос о них передавался на рассмотрение Совета Безопасности⁸.

Позицию американцев подрывал в первой половине 1975 г. процесс вступления КНДР в Движение неприсоединения⁹. Северяне не скупились на заявления об «общности судеб корейского народа и народов стран третьего мира», о соответствии «самостоятельной внешней политики Трудовой партии Кореи и правительства КНДР высоким целям и идеалам

³ FRUS. Doc. 249. P. 31–34; Doc. 251.

⁴ Подписанный в 1972 г. руководством КНР и США документ, задавший рамки дальнейшего взаимодействия двух государств. Среди прочего в нем декларировался принцип «одного Китая».

⁵ Впоследствии северяне отклонили это предложение.

⁶ FRUS. Doc. 252, 253; The Carter Chill: US-ROK-DPRK Trilateral Relations, 1976–1979. Washington (DC), 2013. P. 511.

⁷ FRUS. Doc. 254.

⁸ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 68. Д. 1868. Л. 8; Question of Korea. UN. General Assembly (29th sess.: 1974–1975) // URL: <https://www.un.org/ru/ga/29/docs/29res.shtml> (дата обращения: 14.02.2023).

⁹ См. подробнее: *Krishnan R.* North Korea and the Non-Aligned Movement // *International Studies*. 1981. Vol. 20. Iss. 1–2. P. 299–313.

Движения неприсоединения»¹⁰. По мнению советских дипломатов, Пхеньян стремился заручиться поддержкой максимально возможного количества стран в противостоянии Севера и Юга¹¹. Кроме того, вступление в Движение неприсоединения являлось частью более широкого курса Пхеньяна на изменение тактики объединения Кореи. В 1976 г. советник посольства СССР в КНДР Б. Морозов пришел к выводу, что северяне учли сильные антикоммунистические настроения на Юге и придали своей политике более националистический характер¹².

В Госдепартаменте считали, что по своему значению вступление КНДР в Движение неприсоединения было равнозначно дипломатической катастрофе и гарантировало северянам дополнительные голоса на Генеральной Ассамблее¹³.

Первые месяцы 1975 г. показали, что ранее одобренный Советом национальной безопасности план размена Командования ООН на формирование нового status quo на американских условиях буксует. Китайцы игнорировали попытки южан выйти на контакт. Мобилизовать сторонников США в ООН не получалось. Вашингтон пытался саботировать вступление КНДР в Движение неприсоединения, указав его членам, что страна по факту не является неприсоединившимся государством¹⁴, однако эти меры ожидаемо не сработали. На конференции в Лиме в августе 1975 г. Северная Корея была единогласно принята в состав Движения¹⁵. Попытка Юга вступить в данную организацию в том же году потерпела фиаско из-за непопулярности репрессивного режима Пак Чон Хи на международной арене¹⁶.

В ООН Вашингтон был вынужден заявить о намерении приступить к свертыванию полномочий командования. В Госдепартаменте было подготовлено и согласовано с южанами письмо в Совет Безопасности, в котором выражалась готовность сначала сократить уровень демонстрации присутствия ООН в Корее (в основном в контексте использования символики организации), а затем, к январю 1976 г., и вовсе прекратить работу командования при условии выработки альтернативных мер обеспечения перемирия¹⁷. Впрочем, в США считали, что ни КНР, ни КНДР не согласятся с этими предложениями, а будут требовать полного вывода иностранных войск с полуострова. Маневр американцев был обусловлен стремлением заручиться поддержкой дополнительных голосов на Генассамблее. Никакого реального решения о прекращении работы Командования ООН в этот период принято не было¹⁸.

В ноябре 1975 г. Генеральная Ассамблея ООН рассматривала два проекта резолюций по корейскому вопросу. Первый основывался на пожеланиях американцев и призывал продолжать межкорейский диалог и разработать альтернативные меры обеспечения соглашения о перемирии. Указывалось, что в этом случае 1 января 1976 г. Командование ООН может быть распущено, а на юге Кореи более не останется войск под флагом организации. Лукавство американцев проявилось в ходе прений, когда представитель США заявил, что лишь около 300 американских военнослужащих непосредственно относятся к Командованию ООН, а остальные 40 тыс. располагаются на полуострове в соответствии с американо-корейским договором о взаимной обороне¹⁹. Второй проект выражал требования стран социалистического лагеря. В нем отмечалось, что прочный мир в Корее невозможен, пока перемирие

¹⁰ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 0102. Оп. 32. П. 137. Д. 17. Л. 62.

¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1505. Л. 18, 28.

¹² АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 32. П. 137. Д. 17. Л. 23, 25–26, 127.

¹³ FRUS. Doc. 265. P. 3; Doc. 266. P. 3.

¹⁴ FRUS. Doc. 266. P. 6.

¹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 1867. Л. 20.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 102. Оп. 36. П. 77. Д. 21. Л. 83.

¹⁷ Letter, John Scali to the President of the Security Council. 1975. June, 27 // Wilson Center Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/117542> (дата обращения: 14.02.2023); Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. Резолюции 30-й сессии (1975). А/RES/3390 (XXX). 18 ноября 1975 года. Корейский вопрос // URL: <https://www.un.org/ru/ga/30/docs/30res.shtml> (дата обращения: 13.02.2023).

¹⁸ FRUS. Doc. 269. P. 1–7.

¹⁹ General Assembly, 30th session: 2409th plenary meeting, 18 November 1975 New York // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/745313> (дата обращения: 13.02.2023).

сохраняется в текущей форме. Поэтому предлагалось немедленно распустить Командование ООН, вывести иностранные войска под флагом организации и заменить перемирие полноценным мирным соглашением между всеми «действительными»²⁰ сторонами, приняв меры для прекращения наращивания вооружений обеими Кореями²¹. По итогам состоявшегося голосования обе резолюции были приняты. Проамериканский проект поддержало 59 против 51 страны при 29 воздержавшихся. За второй вариант резолюции было отдано 54 голоса против 43 при 42 воздержавшихся²². По мнению властей КНДР, успех второго проекта стал прямым следствием ее вступления в Движение неприсоединения. Сама сессия Генассамблеи ООН была охарактеризована в северокорейской печати как «кульминация политической схватки между прогрессом и реакцией в тридцатилетней истории ООН»²³.

Американцы восприняли факт принятия второй резолюции как показатель того, что даже многие дружественные США страны желают роспуска Командования ООН. Отдел по международной безопасности минобороны США подготовил отчет, в котором еще раз подчеркнул необходимость сохранения в руках Вашингтона этого или аналогичного по функциям инструмента в целях сохранения оперативного контроля над южнокорейской армией без потери лица Сеулом. При этом пространство для маневра существенно сужалось из-за непопулярности репрессивного режима Пак Чон Хи в глазах общественного мнения и Конгресса США. Обсуждение принципов организации потенциального объединенного командования неизбежно столкнулось бы с существенными проблемами. В этих условиях министерство обороны выступало против роспуска Командования ООН до тех пор, пока новые механизмы военной организации на полуострове не начнут работать²⁴.

Создавать их предстояло администрации нового американского президента Дж. Картера. В 1976 г. на юге Кореи внимательно наблюдали за его предвыборной кампанией, одним из пунктов которой было сокращение американского военного контингента в Корею. Южане с тревогой отмечали, что среди прочего эти планы неизбежно спровоцируют новые перемены о роли Командования ООН и статусе соглашения о перемирии²⁵. В январе 1977 г., уже после избрания Картера, в южнокорейском правительстве отмечали, что роспуск Командования ООН означал бы аннулирование режима перемирия и привел бы к исчезновению институтов поддержания мира на полуострове. Поскольку эта перспектива казалась вполне реальной, южане стали задумываться о форсировании заключения договора о ненападении с северянами²⁶. В то же время базовой стратегией южан оставалась защита существующих условий режима перемирия²⁷. Последняя задача стала особенно актуальной на фоне нового обострения обстановки на Корейском полуострове после так называемого инцидента «с убийством топором», произошедшего 18 августа 1976 г.²⁸ Одним из следствий этой трагедии стала приостановка работы прямой телефонной линии Пхеньян – Сеул²⁹.

²⁰ Теми странами, которые участвовали в подписании соглашения о перемирии – США, КНР и КНДР, но не Республикой Корея.

²¹ Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. Резолюции 29-й сессии (1975). A/RES/3333 (XXIX). 17 декабря 1974 года. Корейский вопрос // URL: <https://www.un.org/ru/ga/30/docs/30res.shtml> (дата обращения: 13.02.2023).

²² General Assambly, 30th session: 2409th plenary meeting.

²³ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 32. П. 137. Д. 17. Л. 127, 130.

²⁴ FRUS. Doc. 274. P. 2–3.

²⁵ The Carter Chill. P. 20–21.

²⁶ Ibid. P. 33.

²⁷ Ibid. P. 90–91.

²⁸ Группа северокорейских солдат напала на американских военнослужащих, собиравшихся произвести обрезку ветвей дерева, растущего в Объединенной зоне безопасности (район 38-й параллели) и мешавшего обзору с наблюдательного пункта США. Жертвами инцидента стало два американских офицера. См. подробнее: Садаков Д.А. Реакция США на инцидент с убийством топором в Корейской ДМЗ, 1976 г. // *Американистика: актуальные подходы и современные исследования*. Вып. XIV. Курск, 2022.

²⁹ The Carter Chill. P. 472.

В то же время конференция неприсоединившихся стран в Коломбо в августе 1976 г. стала значительным успехом северокорейской дипломатии. В ходе нее северяне подчеркнуто выступали против роли великих держав в международных отношениях и корейском вопросе. По оценкам советского посольства в КНДР, северяне получили максимально возможную международную поддержку перед грядущей сессией Генассамблеи ООН³⁰. Однако, вопреки усилиям северян, в 1976 г. американцам удалось добиться снятия вопроса о Корее с рассмотрения в ООН. Южной Кореей это было воспринято как собственный успех³¹.

В это время в США происходила проработка условий вывода американских войск с территории полуострова, а также новых форматов руководства сохраняющегося объединенного контингента³². Южане пытались влиять на этот процесс, предлагая создать комбинированную структуру, в которой они обладали бы большими, чем сейчас, возможностями влиять на процесс принятия военных решений. В условиях запланированного вывода войск американцы были готовы пойти на это. Однако приоритетом для Вашингтона оставалось сохранение оперативного контроля, который осуществлял бы американский командующий над южнокорейской армией.

В Госдепартаменте считали, что оптимальным решением будет создание объединенного американско-южнокорейского командования, которое подчинялось бы американскому генералу – командующему войсками ООН. Новый орган позволил бы южанам набраться необходимого командного опыта под контролем американцев. Конкретные условия формирования объединенного командования должны были определиться в ходе переговоров и с учетом мнения Конгресса США. Таким образом, несмотря на планы реорганизации верхнего звена цепи управления войсками, американцы стремились сохранить Командование ООН в качестве инструмента своей политики в регионе. Впрочем, конкретное решение должно было быть принято исходя из международных условий 1978–1981 гг. и в зависимости от результатов осуществления планов вывода американских войск из Кореи³³.

В конце мая 1977 г. эти планы были согласованы с Пак Чон Хи. Объединенное командование должно было появиться до конца 1978 г. Американский генерал оставался командующим силами союзников до тех пор, пока костяк Второй пехотной дивизии США оставался на полуострове³⁴. В Пхеньяне эти известия были восприняты с тревогой.

На встрече глав дипломатических ведомств США и КНР в конце лета данный вопрос был поднят. Американцы заявили о своей готовности обсуждать будущее Командования ООН, но только «в конструктивном ключе». Под этим подразумевалось одновременное вступление КНДР и РК в ООН и четырехсторонняя работа над условиями поддержания мира на полуострове. Таким образом, – и это прекрасно понимали в КНР – речь вновь шла о целенаправленном фиксировании сложившегося на полуострове положения с одновременным снижением сопутствующих издержек США. В этих условиях американские предложения не могли встретить сочувственного отношения у стран социалистического лагеря, которые продолжали настаивать на роспуске Командования ООН и выводе с территории полуострова иностранных войск³⁵.

На фоне провала переговоров с КНР в ноябре 1978 г. начало свою работу Командование объединенными силами США и Республики Корея³⁶. Командование ООН при этом продолжило функционировать. Его сотрудники стали больше внимания уделять дипломатической стороне дела и обеспечению режима перемирия, в то время как военные задачи постепенно переходили к руководству объединенными американско-южнокорейскими силами.

³⁰ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 32. П. 137. Д. 17. Л. 184–186, 196.

³¹ Там же. Л. 232.

³² The Carter Chill. P. 99–100.

³³ Ibid. P. 124–125, 128, 153.

³⁴ Ibid. P. 153, 154.

³⁵ Ibid. P. 216, 233–234, 407.

³⁶ United Nations Command > History > Post-1953: Evolution of UNC // URL: <https://www.unc.mil/History/Post-1953-Evolution-of-UNC/> (дата обращения: 14.02.2023); The Carter Chill. P. 427.

В период правления администрации Картера большее значение приобрели дипломатические меры обеспечения стабильности на Корейском полуострове. Американцы рассматривали поддержку конструктивного межкорейского диалога в качестве их необходимой составляющей³⁷. Но попытки Вашингтона способствовать развитию этого процесса наталкивались на сопротивление Пхеньяна, в этот период настаивавшего на необходимости прямых американско-северокорейских переговоров³⁸. Северяне реализовывали собственную стратегию объединения страны и настойчиво стремились организовать общекорейскую политическую конференцию, а затем двигаться к созданию единого конфедеративного государства. В посольстве СССР в КНДР отмечали, что таким путем Пхеньян пытался перехватить инициативу в рамках межкорейского диалога, утраченную северянами после инцидента «с убийством топором»³⁹.

С точки зрения американцев, эти предложения имели лишь ограниченное значение. Советник Картера по национальной безопасности З. Бжезинский отмечал, что Пхеньян уже пять лет пытается претворять этот курс в жизнь. Первоначально предложения северян включали безусловное приглашение южнокорейских властей к участию в потенциальной конференции. Однако теперь в Пхеньяне выдвигали сразу несколько предварительных условий, которые делали участие Сеула в мероприятии невозможным. В частности, среди них значились отказ от антикоммунизма и прекращение преследований проживающих на Юге «патриотов».

Таким образом, «новая» инициатива северян была лишь попыткой ответа на предложение Пак Чон Хи от 12 января 1977 г. о заключении межкорейского пакта о ненападении, а северокорейцы по-прежнему избегали прямого диалога с Югом, настаивая на проведении прямых американско-северокорейских переговоров⁴⁰. По мнению Бжезинского, в этих условиях рассчитывать на реальное снижение уровня напряженности на полуострове было нельзя⁴¹. Максимум, на который были готовы идти американцы, это ведение переговоров в формате 2+2 – межкорейский диалог при участии КНР и США в качестве наблюдателей. Этот подход был перенят командой Картера у предыдущей администрации⁴².

Южная Корея заявляла о неконструктивности подходов Севера, нежелании отвечать на инициативы Юга при выражении готовности возобновить двусторонние контакты. Однако, согласно южанам, шансы на объединение были крайне малы, и Сеул поддерживал американскую идею об одновременном вступлении двух Корей в ООН⁴³.

Таким образом, Север оставался единственной силой в регионе, всерьез заинтересованной в восстановлении единства Кореи, но только на своих условиях⁴⁴. Эти планы были трудноосуществимы, как считали американцы, и СССР, и КНР ставили хорошие отношения с Японией и США выше националистических амбиций КНДР. Сохранялась и непримиримость Севера в отношении режима Пак Чон Хи⁴⁵. В ЦРУ отмечали, что нарушение status quo на полуострове, неизбежное после вывода американских войск, вызовет беспокойство и в Москве, и в Пекине.

Характерно, что эти выводы расходились с официальными заявлениями китайских властей, которые постоянно подчеркивали недопустимость любых шагов, направленных на закрепление раскола Кореи. Как и раньше, в США связывали эту позицию

³⁷ The Carter Chill. P. 71.

³⁸ Ibid. P. 52.

³⁹ Ibid. P. 13, 80; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1505. Л. 1.

⁴⁰ Telegram 085099 from the Romanian Embassy in Pyongyang to the Romanian Ministry of Foreign Affairs. 1977. Aug., 18 // Wilson Center Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114878> (дата обращения: 14.02.2023).

⁴¹ Carter Chill. P. 80–81.

⁴² Ibid. P. 16–17, 88.

⁴³ Ibid. P. 241, 279.

⁴⁴ Ibid. P. 109.

⁴⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1505. Л. 14.

с непрекращающейся борьбой Пекина и Москвы за влияние на Пхеньян⁴⁶. Как отмечали в румынском МИД, СССР в этот период стремился убедить северян, что слова китайцев расходятся с делом и на самом деле те пытаются лишь закрепить американское присутствие в регионе. Впрочем, в КНДР не видели доказательств в поддержку этих обвинений⁴⁷.

В посольстве СССР в Пхеньяне отмечали, что северяне демонстрируют стремление к смягчению межкорейской напряженности и разрядке, что производило благоприятное впечатление на партнеров КНДР на международной арене. Кроме того, на Севере заняли выжидательную позицию в отношении администрации Картера, стараясь не только избегать резкой критики в ее адрес, но и создавать условия для прямых контактов Пхеньян – Вашингтон⁴⁸.

План президента Картера по выводу из Кореи американских войск не воплотился, что вызвало сожаление у северян⁴⁹. Однако вскоре наметилось возрождение межкорейского взаимодействия. 19 января 1979 г. Пак Чон Хи призвал Пхеньян к возобновлению двусторонних контактов «в любом месте, в любое время и на любом уровне». Контрпредложение северян включало организацию общенационального конгресса, в работе которого приняли бы участие представители большинства политических партий и организаций со всей Кореи, а также представители корейских общин за рубежом – Пхеньян добивался возможности легально работать с южнокорейской оппозицией. Подготовкой этой конференции должен был заниматься Подготовительный комитет национального объединения с широким представительством – предполагалось, что новый орган придет на смену Координационному комитету Севера и Юга⁵⁰. Кроме того, предложения Севера включали в себя меры по остановке импорта вооружений на территорию полуострова (в условиях относительно военного превосходства северян⁵¹). В ответ южане выдвинули идею «предварительной встречи» между уполномоченными представителями власти.

Американцы не видели в этом показателей смены фундаментальных факторов раскола Кореи. Но они считали, что события января 1979 г. демонстрируют, что и Сеул, и Пхеньян заинтересованы в возобновлении контактов в той или иной форме⁵².

Так или иначе, полностью повторять опыт имевших место в предшествующие годы двусторонних контактов Пхеньян не захотел. Однако КНДР и РК сумели договориться о повторном подтверждении ключевых пунктов Совместного коммюнике от 4 июля 1972 г.⁵³, а также прекращении грубой взаимной критики и военных провокаций. Были приняты меры по налаживанию контактов в области спорта. Наконец, северяне согласились на рабочие контакты с южанами, но участвовать в них должны были представители партий и других политических и общественных организаций, что не устраивало южан, настаивавших на диалоге официальных представителей правительств⁵⁴.

17 февраля 1979 г. в Пханмунджоме состоялась первая встреча между представителями Севера и Юга. Предварительный компромисс между двумя платформами был найден в увеличении членов делегаций за счет представителей политических организаций. В посольстве США в Сеуле считали, что Пхеньян может использовать дипломатические методы

⁴⁶ Carter Chill. P. 114, 235, 339.

⁴⁷ Ibid. P. 423.

⁴⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1505. Л. 7–8, 13.

⁴⁹ Carter Chill. P. 314.

⁵⁰ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 35. П. 145. Д. 18. Л. 67–68; Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-4459. Оп. 43. Д. 21371. Л. 3–10.

⁵¹ См. Carter Chill. P. 315.

⁵² Ibid. P. 437, 443, 444, 450–452, 461–462; Korea's Role for Peace and Stability // Korean Newsletter. 1979. Vol. II. № 11. P. 7.

⁵³ Данное коммюнике стало значительным успехом в рамках межкорейского диалога. В нем декларировались ключевые принципы, на основе которых могло быть достигнуто объединение страны. Речь шла о независимости этого процесса от внешнего вмешательства, достижения единства мирными способами и необходимости преодоления различий между системами.

⁵⁴ Carter Chill. P. 454, 463; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 76. Д. 961. Л. 3.

для того, чтобы подстегнуть вывод американских войск из Кореи и ослабить сплоченность антикоммунистических сил Юга. В администрации Пак Чон Хи также допускали, что истинным мотивом КНДР может являться стремление создать условия для начала прямого американско-северокорейского диалога. Сами южане, однако, рассчитывали на достижение договоренностей «в германском стиле» – на основе взаимного признания, выработки нового, стабильного *modus vivendi* и дальнейшего развития двусторонних контактов⁵⁵. Американцы в любом случае признавали целесообразность продолжения переговоров, тем более что, по наблюдениям южан, он развивался в более теплой атмосфере, чем ожидалось⁵⁶. В Институте востоковедения АН СССР указывали на прагматизм Пхеньяна, который стал использовать корейский национализм в качестве тактического инструмента.

По мнению экспертов, важным, если не решающим, побудительным мотивом для северяня являлась попытка создания необходимых условий для исполнения Картером своих обещаний о выводе из Кореи американских войск. Оставалась открытой дверь и для сепаратных переговоров с США. Мотивы Юга, в свою очередь, были связаны с попыткой обеспечения условий для дальнейшего наращивания собственных экономического и военного потенциалов, а также укрепления экономических отношений с КНР.

Советские эксперты считали, что воссоединение Кореи не является практически реальным. Характерно, что американские аналитики в этот период также озвучивали тезис о необходимости легализации двух Корей по типу двух Германий⁵⁷. Реальность подтвердила прогнозы советских историков – в последующие недели существенного прорыва в межкорейских переговорах так и не было достигнуто. Довольно быстро диалог и вовсе зашел в тупик⁵⁸.

Летом 1979 г. Вашингтон выступил с новыми дипломатическими инициативами. В июне, в преддверии официального визита Дж. Картера в Республику Корея, американцы предложили провести трехсторонние переговоры между КНДР, США и РК. Инициатива была настороженно воспринята южанами, которые посчитали, что такие переговоры могут создать иллюзию слабости их стороны и спровоцировать ложные надежды внутри Южной Кореи. Кроме того, эта идея могла быть воспринята как сигнал, снимающий барьеры на пути установления и развития отношений КНДР с союзниками США⁵⁹.

Тем не менее в Сеуле было принято решение пойти навстречу пожеланиям американцев, и 1 июля 1979 г. Картер и Пак Чон Хи выпустили совместное коммюнике, в котором пригласили Север на трехсторонние переговоры. Впрочем, это предложение было отвергнуто северянами⁶⁰. В конце июня те, пытаясь продемонстрировать гибкость, сделали заявление, что на определенном этапе Южная Корея может быть привлечена к переговорам КНДР с США, если Сеул кардинально изменит свою позицию по вопросу о выводе иностранных войск⁶¹. Однако, не получив желаемого ответа, Пхеньян продолжал настаивать, что проблема объединения страны касалась только самих корейцев, а условия мирного договора должны обсуждать только Пхеньян и Вашингтон. Американская идея была охарактеризована как «еще один лукавый трюк для легализации существования двух Корей». Стоит отметить, что сходные оценки предложению Картера давало и посольство СССР в КНДР. Тем не менее дипломаты указывали на значимость факта первого прямого официального обращения США к КНДР, что могло быть шагом на пути к прямым переговорам⁶².

⁵⁵ Carter Chill. P. 494, 502.

⁵⁶ Ibid. P. 476, 482.

⁵⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 76. Д. 961. Л. 5–6, 8, 11; Ф. 89. Оп. 76. Д. 8. Л. 6.

⁵⁸ Carter Chill. P. 484, 512; *Saxon W.* History of Talks Between Koreas // The New York Times. 1.VII.1979. P. 12.

⁵⁹ Carter Chill. P. 555, 560–562.

⁶⁰ Note for the File: Meeting with Ambassador Han Si Hae (DPRK) on 1 June 1979. 1979. June, 5 // Wilson Center Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/119190> (дата обращения: 14.02.2023).

⁶¹ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 35. П. 145. Д. 18. Л. 96.

⁶² Там же. Ф. 102. Оп. 39. П. 87. Д. 24. Л. 21, 97.

В любом случае, максимум уступок, на который были готовы идти северяне, заключался в допуске южан на американо-северокорейские переговоры в качестве наблюдателей. Это предложение, в свою очередь, было неприемлемо для Сеула⁶³. В дальнейшем американцы пытались найти путь для возобновления межкорейского диалога, всячески подчеркивая, что предложение о проведении трехсторонних переговоров остается в силе.

Свои услуги в качестве посредника пытался оказывать и генеральный секретарь ООН К. Вальдхайм. Еще в начале мая 1979 г. он поочередно посетил Северную и Южную Корею и встретился с Ким Ир Сенем и Пак Чон Хи, пытаясь вновь усадить стороны за стол переговоров. И тот и другой корейский лидер высказали свою заинтересованность в сохранении мира на Корейском полуострове, но остались при своем мнении. Ким Ир Сен настаивал на необходимости недопущения закрепления раскола Кореи, Пак предлагал формулу одновременного вступления двух Корей в ООН⁶⁴. В посольстве СССР в КНДР восприняли визиты Вальдхайма как ознакомительные. Советские дипломаты отмечали, что ни та ни другая сторона не нуждалась в услугах посредника. Все же можно говорить о положительном значении визита генсека ООН, так как до него КНДР отвергала все попытки организации направить на Север представителей для консультаций по корейскому вопросу⁶⁵.

Вальдхайм, однако, не прекращал попыток добиться прогресса в межкорейских отношениях. В конце июля 1979 г. он предложил северокорейскому представителю при организации провести в его присутствии неформальную встречу с главой делегации США. В ходе мероприятия к ним должен был присоединиться делегат Южной Кореи. Эта идея была воспринята сдержанно, но не была отвергнута сразу. Торпедировали предложение американцы после консультаций с южанами — с их точки зрения даже пятиминутный разговор с северянами в отсутствие южнокорейских союзников имел важное символическое значение. Северяне, со своей стороны, считали, что реализация предложений Вальдхайма о возобновлении переговоров приведет лишь к цементированию раскола Кореи и требовали предоставления возможности ведения диалога не только с представителями режима Пака, но и с иными общественными силами Юга⁶⁶.

Интересно, что в этот период Вашингтон попытался выйти на Москву и Пекин, доводя до их сведения свою готовность смягчить политику дистанцирования от контактов с северокорейцами при условии симметричных шагов со стороны КНР и СССР в отношении Юга. Содержательного ответа на эту идею американцы не получили. Единственным форматом межкорейского взаимодействия оставались переговоры представителей Красного Креста обеих Корей. Однако и здесь Пхеньян не отреагировал на южнокорейское предложение об их возобновлении⁶⁷.

После убийства Пак Чон Хи в октябре 1979 г. и прихода к власти Чхве Гю Ха межкорейские переговоры вновь возобновились. Новый южнокорейский президент заявил о стремлении активизировать поддержку процесса мирного объединения страны⁶⁸. С точки зрения Ким Ир Сена, новые политические условия на Юге также располагали к возобновлению попыток поиска платформы для восстановления единства Кореи мирными способами⁶⁹. В январе 1980 г. северокорейцы предложили восстановить горячую линию между Сеулом и Пхеньяном, а также выступили с инициативой проведения прямых переговоров на

⁶³ President Carter's Visit to South Korea – Proposal for Tripartite Talks rejected by North Korea // Keesing's Record of World Events. 1979. Vol. 25. P. 29799; Carter Chill. P. 628–629, 642–643, 665.

⁶⁴ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 35. П. 145. Д. 18. Л. 68–69; ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 43. Д. 21371. Л. 89.

⁶⁵ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 35. П. 145. Д. 18. Л. 70.

⁶⁶ Carter Chill. P. XV, 495–496, 662, 666–667, 671–672.

⁶⁷ Ibid. P. 666–667, 671–672.

⁶⁸ Inaugural Address of President Choi Kyu Hah Following is the Official Translation of The Inaugural Address Delivered by President of The Republic of Korea Choi Kyu Hah on December 21, 1979 // WikiLeaks. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1979SEOUL19198_e.html (дата обращения: 14.02.2023).

⁶⁹ Tito Letter to the President. 1979. Dec., 14. // WikiLeaks. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1979STATE322291_e.html (дата обращения: 14.02.2023); РГИА. Ф. 5. Оп. 76. Д. 958. Л. 15.

уровне глав правительств. По мнению посольства СССР в КНДР, одной из целей могла быть попытка Севера сохранить за собой инициативу в обсуждении корейского вопроса и предотвратить возможный сговор США, Японии и КНР за его спиной. Данные опасения были подстегнуты состоявшимися в начале 1980 г. визитами в КНР японского премьер-министра М. Охиры и министра обороны США Г. Брауна. Еще одной мотивацией для северян могла быть попытка влияния на внутривластные процессы нестабильного в этот период Юга. Советские дипломаты указывали, что к середине марта 1980 г. и Север, и Юг демонстрировали свою готовность идти на компромиссы. В посольстве СССР в КНДР оценивали как довольно высокие шансы на организацию встречи глав правительств. По мнению первого секретаря посольства СССР в КНДР К. Костюнина, это отвечало интересам Москвы с точки зрения ослабления военно-политической напряженности в Корее. Однако межкорейский диалог повышал риск того, что «враждебные социализму силы» попытаются использовать его для усиления северокорейского национализма и дальнейшего отрыва Севера от социалистического лагеря⁷⁰.

На фоне развития межкорейского диалога северянам удалось достичь определенных подвижек и в развитии двусторонних отношений с США. Значимым событием середины 1980 г. стал визит в КНДР конгрессмена США от штата Нью-Йорк демократа С. Соларза. Поездка американца состоялась с 15 по 19 июля и стала первым за 30 лет визитом американского государственного деятеля в КНДР. Заметных результатов поездка не принесла, однако сама по себе она знаменовала новый этап в межгосударственных отношениях, связанный с прямыми двусторонними контактами по инициативе Севера и свободным обменом мнениями по ключевым вопросам⁷¹.

По сути, визит Соларза положил начало процессу наведения мостов между двумя странами. За ним последовали поездки в КНДР бывшего специального представителя Госдепартамента США Т. Рестона (2–9 сентября 1980 г.), председателя комитета по изучению Азии в США Син Рин Соба (27 октября – 2 ноября 1980 г.), группы корейских резидентов в США во главе с профессором Коппинского университета в Мериленде Ким Гван Хуном (29 июля – 19 августа 1980 г.), делегации Общества друзей в США во главе с С. Серманом (2–13 сентября 1980 г.)⁷².

В рамках межкорейского диалога обсуждение рабочих моментов продолжалось в Пханмунджоме вплоть до сентября. Диалог был прерван по инициативе Севера в связи с нестабильной политической ситуацией на Юге – северяне не желали вести переговоры с установленным в начале сентября режимом Чон Ду Хвана⁷³.

Последней в 1980 г. значимой инициативой в деле объединения Кореи стала конкретизация в октябре Ким Ир Сенем методов создания предложенной в 1973 г. Конфедеративной Республики Кореи. Северокорейский лидер заявил, что единство страны можно восстановить через создание общенационального правительства. При этом предполагалось, что Север и Юг сохраняют региональную автономию и возьмут на себя обязательства признать и терпимо относиться к политическим системам и идеологии друг друга.

Характерно, что северяне не признавали действующее правительство Юга и его конституционную систему Юсин в качестве подходящего партнера для создания конфедерации. В Москве считали, что северяне все более разочаровывались в перспективах революционных перемен на Юге и считали объективной тенденцию к закреплению ситуации сосуществования двух корейских государств⁷⁴. Кроме того, в «свободном мире» обращали внимание на

⁷⁰ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 36. П. 148. Д. 17. Л. 2, 26–32, 53, 55; ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 43. Д. 21371. Л. 136–137.

⁷¹ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 36. П. 148. Д. 17. Л. 97–99.

⁷² Там же. Л. 139–141.

⁷³ Чон Ду Хван пришел к власти, победив на выборах, на которых он являлся единственным кандидатом. В значительной степени он пытался продолжать курс Пак Чон Хи на построение сильной авторитарной центральной власти. См. также: *Han-Kyo Kim*. Op. cit. P. 9.

⁷⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 76. Д. 958. Л. 19.

«неопределенность облика потенциального переходного процесса»⁷⁵. Параллельно Пхеньян продолжал попытки установления двусторонних контактов с американцами, используя для этого посредничество И.Б. Тито. Курс США, однако, оставался неизменным, и Вашингтон дистанцировался от любых попыток выйти на него за спиной южнокорейцев⁷⁶.

На фоне отказа американцев от своих планов по выводу американских войск с территории полуострова, первоначально декларировавшихся администрацией Картера⁷⁷, эти события оказывали слабое влияние на курс инерционно к этому времени развивающейся корейской политики США⁷⁸.

В целом, в течение 1974–1980 гг. американцы не сократили своего военного присутствия в Корее. В то же время дипломатическое сопровождение переговоров на эту тему и участие в поддержании межкорейского диалога по вопросам статуса РК и КНДР в ООН и сценариев потенциального объединения страны были в достаточной степени эффективными. Американцам удалось не допустить дестабилизации ситуации на юге Кореи даже в условиях внезапной смены власти после убийства Пак Чон Хи. Параллельно были созданы необходимые международные структуры, такие как Командование объединенными силами США и Республики Корея. Более того, американские дипломаты сумели добиться сохранения даже такого реликта Корейской войны, как Командование ООН. В США осознали, что КНДР являлась единственной серьезной силой в регионе, заинтересованной в восстановлении единства страны. Однако американцы были уверены, что Пхеньян готов к диалогу только до тех пор, пока переговорный процесс провоцирует беспорядки на Юге и сеет недовольство политикой США в мире. В свою очередь, южнокорейские заявления на эту тему расценивались как пустые слова, годные лишь для умиротворения общественного мнения Юга. В этих условиях объединение было невозможно достичь одними лишь дипломатическими методами, и данная проблема сохраняла свою актуальность для США лишь как потенциальный источник напряжения в регионе.

Библиография

Василькова В.А. Причины срыва разрядки международной напряженности на Корейском полуострове // Россия и Америка в XXI веке. 2019. № 3. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760004930-0-1/> (дата обращения: 14.02.2023).

Ланцова И.С., Ланко Д.А. Внутренние и международные факторы отношений между двумя корейскими государствами в 50–80-е годы XX века // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 1. С. 248–254.

Садаков Д.А. Реакция США на инцидент с убийством топором в Корейской ДМЗ, 1976 г. // Американистика: актуальные подходы и современные исследования. Вып. XIV. Курск, 2022.

Солин Д.В. Эволюция подходов к объединению Севера и Юга Корейского полуострова в 1950–1990-е гг. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. № 608. С. 125–141.

Хамутаева С.В. Проблема объединения Кореи в историографии КНДР. «Концепция конфедерализма» // Вестник бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 4. С. 212–219.

Han-Kyo Kim. South Korea's Unification Policies: a Reassessment // Asian Perspective. 1986. Vol. 10. № 1. P. 3–19.

Koh B. North Korea's Unification Policy: An Assessment // Asian Perspective. 1986. Vol. 10. № 1. P. 20–38.

Krishnan R. North Korea and the Non-Aligned Movement // International Studies. 1981. Vol. 20. Iss. 1–2. P. 299–313.

Manwo Lee. Is North Korea Changing Course? // Asian Perspective. 1985. Vol. 9. № 1. P. 1–23.

Rosenberg W. Korea and Reunification // New Zealand International Review. 1977. Vol. 2. № 1. P. 30–31.

⁷⁵ Young C. Op. cit. P. 115–117; Koh B. Op. cit. P. 21.

⁷⁶ Manwo Lee. Op. cit. P. 15.

⁷⁷ US Troop Withdrawals from Korea // The Department of State Bulletin. 1979. № 2030. P. 37–38.

⁷⁸ Prospects for The Inter-Korean Dialogue. 1980. Nov., 7 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp85f00287r000102580002-6> (дата обращения: 14.02.2023); Reflections on Reunification. 1982. March, 3 // CIA FOIA. P. 1. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp83b00551r000200020022-2> (дата обращения: 14.02.2023).

- Saxon W.* History of Talks Between Koreas // The New York Times. 1.VII.1979.
Yafeng Xia, Zhihua Shen. China's Last Ally // Diplomatic History. 2014. Vol. 38. № 5. P. 1083–1113.
Young C. Kim North Korea in 1980: The Son also Rises // Asian Survey. 1981. Vol. 21. № 1. P. 112–124.

References

- Khamutaeva S.V.* Problema ob'edineniia Korei v istoriografii KNDR. "Kontseptsiiia konfederalizma" [The problem of Korean unification in DPRK historiography. "The Concept of Confederalism"] // Vestnik buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk [The Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2011. № 4. S. 212–219. (In Russ.)
- Lantsova I.S., Lanko D.A.* Vnutrennie i mezhdunarodnye faktory otnoshenii mezhdru dvumia koreiskimi gosudarstvami v 50–80-e gody XX veka [Domestic and international factors of relations between the two Korean states in the 50s and 80s of the 20th century] // Azimut nauchnykh issledovaniia: ekonomika i upravlenie [Azimuth of Scientific Research: Economics and Management]. 2017. T. 6. № 1. S. 248–254. (In Russ.)
- Sadakov D.A.* Reaktsiia SShA na intsident s ubiistvom toporom v Koreiskoi DMZ, 1976 g. [US Response to the 1976 Axe Murder Incident at the Korean Demilitarized Zone] // Amerikanistika: aktual'nye podkhody i sovremennye issledovaniia [American Studies: Current Approaches and Contemporary Research]. Vyp. XIV. Kursk, 2022. (In Russ.)
- Solin D.V.* Evoliutsiia podkhodov k ob'edineniiu Severa i Iuga Koreiskogo poluostrova v 1950–1990-e gg. [The Evolution of Approaches to the Unification of the North and the South of the Korean Peninsula in the 1950s and 1990s] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Vestnik of Moscow State Linguistic University]. 2011. № 608. S. 125–141. (In Russ.)
- Vasil'kova V.A.* Prichiny sryva razriadki mezhdunarodnoi napriazhennosti na Koreiskom poluostrove [Reasons for disrupting detente on the Korean Peninsula] // Rossiia i Amerika v XXI veke [Russia and America in the 21st century]. 2019. № 3. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760004930-0-1/> (accesses date: 14.02.2023). (In Russ.)
- Han-Kyo Kim.* South Korea's Unification Policies: a Reassessment // Asian Perspective. 1986. Vol. 10. № 1. P. 3–19.
- Koh B.* North Korea's Unification Policy: An Assessment // Asian Perspective. 1986. Vol. 10. № 1. P. 20–38.
- Krishnan R.* North Korea and the Non-Aligned Movement // International Studies. 1981. Vol. 20. Iss. 1–2. P. 299–313.
- Manwoo Lee.* Is North Korea Changing Course? // Asian Perspective. 1985. Vol. 9. № 1. P. 1–23.
- Rosenberg W.* Korea and Reunification // New Zealand International Review. 1977. Vol. 2. № 1. P. 30–31.
- Saxon W.* History of Talks Between Koreas // The New York Times. 1.VII.1979.
Yafeng Xia, Zhihua Shen. China's Last Ally // Diplomatic History. 2014. Vol. 38. № 5. P. 1083–1113.
Young C. Kim North Korea in 1980: The Son also Rises // Asian Survey. 1981. Vol. 21. № 1. P. 112–124.

DOI: 10.31857/S0130386424030135

© 2024 г. О.А. ЧАГАДАЕВА

К ВОПРОСУ О РАЗМЫВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО СЛОЯ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ В ГОДЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА (1987–1999)

Чагадаева Ольга Александровна – доцент Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт» (Москва, Россия).

E-mail: OACHagadaeva@mephi.ru

Scopus Author ID: 57223750934; ORCID 0000-0002-7059-1024

Аннотация. Статья посвящена малоизученному в историографии вопросу размывания социального слоя инженерно-технических работников (ИТР), занимавшего значительное место в структуре советского общества, под влиянием трансформационных процессов конца 1980-х – 1990-х годов. На материалах глубинных интервью, эго-документов, «цифрового следа» и архивных источников, с применением цифровых методов (аналитической платформы PolyAnalyst), автор изучает процессы адаптации представителей инженерно-технической интеллигенции к реалиям переходной экономики, прослеживает смену ценностных ориентиров отечественных инженеров, воспитанных в парадигме развитого социализма и плановой экономики. Автор выявляет три ключевые стратегии приспособления постсоветских инженеров к «дикому капитализму»: кооперативное предпринимательство, применение профессиональных знаний и навыков в сфере частного бытового обслуживания и уход из профессии в частную торговлю. Анализируются факторы, способствовавшие выбору той или иной стратегии, благоприятствовавшие и мешавшие адаптации в целом. Делается вывод, что потеря социально-профессиональной идентичности привела к ухудшению социального самочувствия бывших советских ИТР вне зависимости от начальной специализации и приобретенного материального статуса и – шире – к кризису социальной и гражданской идентичности в постсоветской России, последствия которого ощущаются по сей день.

Ключевые слова: СССР, Россия, рыночные реформы, социальная структура, инженеры, техническая интеллигенция, социально-экономическая трансформация, социальная история, история науки.

O.A. Chagadaeva

On the Issue of the Erosion of the Social Stratum of Engineering and Technical Workers During the Years of Socio-Economic Transition (1987–1999)

Olga Chagadaeva, National Research Nuclear University “Moscow Institute of Engineering and Physics” (Moscow, Russia).

E-mail: OACHagadaeva@mephi.ru

Scopus Author ID: 57223750934; ORCID: 0000-0002-7059-1024

Abstract. The author explores the issue of the erosion of the social stratum of engineers and technicians, which occupied a significant place in the structure of Soviet society, under the influence of the transformation processes of the late 1980s–1990s. Using the materials of in-depth interviews, ego-documents, “digital footprint”, and archival sources, with the use of digital methods (analytical platform PolyAnalyst), the author studies the processes of adaptation of engineering and

technical intelligentsia to the realities of the transition economy, traces the change of value attitudes of engineers and technicians. The author identifies three key strategies of post-Soviet engineers' adaptation to so-called "savage capitalism": cooperative entrepreneurship, application of professional knowledge and skills in the sphere of private household services, and leaving the profession for private trade. She analyses factors that contributed to the choice of this or that strategy, favored and hindered adaptation in general. She concludes that the loss of socio-professional identity led to the deterioration of social well-being of former soviet ITRs, regardless of their former specialization and acquired material status, and, more broadly, led to the crisis of social and civic identity in post-soviet Russia, the consequences of which are still being felt today.

Keywords: USSR, Russia, market reforms, social structure, engineers, technical intelligentsia, socio-economic transformation, social history, history of science.

В результате целенаправленной политики популяризации профессии инженера к началу 1980-х годов практически половина советских студентов обучалась техническим специальностям¹. К распаду СССР социальный слой инженерно-технических работников (ИТР) представлял собой многогранную, но достаточно однородную массу специалистов – носителей определенной профессиональной культуры, имеющих высшее или среднее специальное образование, занятых престижным делом разработки и внедрения новых технологий, обслуживания высокотехнологичной техники на предприятиях, в конструкторских бюро и научно-исследовательских институтах. Экономические потрясения 1987–1990-х годов привели к кардинальным переменам в повседневности, к ухудшению социального самочувствия, к отчуждению от профессиональной деятельности и идентичности и, как следствие, к депрофессионализации профессиональной группы инженеров, к резкому падению престижа инженерного образования. Казавшаяся монолитной масса инженерно-технических работников раскололась на группы, выбиравшие те или иные стратегии адаптации к условиям экономической и политической турбулентности. Итогом периода «дикого капитализма» стало размывание социального слоя ИТР, воспитанного в парадигме плановой экономики.

Исследование призвано обозначить процесс разложения слоя советской инженерно-технической интеллигенции, ставшего прямым следствием социально-экономической трансформации страны в конце 1980-х – 1990-е годы, и проследить различные стратегии выживания (бывших) советских инженерных работников в годы «дикого капитализма», поиски ими новых карьерных траекторий и ценностных ориентиров. Анализ источников позволяет выделить три ключевые стратегии адаптации бывших советских ИТР к условиям переходной и рыночной экономики: кооперативное предпринимательство, применение профессиональных знаний и навыков в сфере бытового обслуживания и уход из профессии (в большинстве случаев воспринимаемый как временный) в частную торговлю. За рамками исследования остается еще одна заметная² жизненная стратегия – эмиграция. Во-первых, постсоветский феномен массовой «утечки мозгов» требует отдельного осмысления и изучения, а во-вторых, объективно не может рассматриваться как стратегия адаптации к условиям жизни в новой России. При этом автор разделяет точку зрения, что «эмиграция за рубеж явилась не только одним из способов улучшения материального положения, но и возможностью сохранить принадлежность к особой профессиональной группе и социокультурной среде»³. Социальные девиации, неизбежные в состоянии аномии,

¹ *Абрамов Р.* Инженерный труд в позднесоветский период: рутина, творчество, проектная дисциплина // Социология власти. 2020. № 1. С. 181.

² Так, из 60 тыс. российских инженеров и ученых, работающих сегодня в Кремниевой долине, эмигрировавших из России в начале 1990-х годов более 80%. См.: *Симолян Р.Х., Кочегарова Т.М.* Травматический опыт 1990-х как урок для российского общества // Россия и современный мир. 2014. № 4. С. 108–123.

³ *Гусарова М.Н.* Формирование научно-технической интеллигенции в Российской Федерации: преемственность исторического опыта и новые тенденции. 1991–2010 гг.: дис. ... докт. ист. наук. М., 2010. С. 5.

в котором оказалось российское общество в период социально-экономической трансформации, также остались за рамками исследования.

Выбор объекта исследования обусловлен тем, что к концу советской эпохи техническая интеллигенция и инженерно-технические работники занимали значительное место в социальной структуре общества: так, в 1986 г. среднегодовая численность ИТР составляла 5584 тыс. человек⁴. Под инженерно-технической интеллигенцией автор подразумевает социально-профессиональную группу, к которой относятся люди, занятые квалифицированным умственным трудом в сфере материального производства и управления промышленностью, требующим высшего или среднего специального образования. Понятие инженерно-технические работники несколько шире и включает всех инженеров и техников, имеющих отношение к инженерному труду, а также значительную часть служащих и руководителей. Согласно исследованиям социологов, к концу 1980-х годов понятие ИТР фактически стало синонимом понятия «работник умственного труда на производстве»⁵. Исходя из этого тезиса, автор определяет термин ИТР максимально широко: дипломированные инженеры разнообразной специализации, в том числе с научной квалификацией кандидата и доктора наук, дипломированные инженеры, инженерно-технические работники-практики, техники со средним специальным образованием, занятые в различных областях промышленности. Географические рамки исследования в основном ограничены РСФСР – РФ, с привлечением материалов других республик СССР и возникших на их территории постсоветских государств.

Базой исследования служат материалы устной истории, «цифровые источники» и классические эго-документы.

Очевидно, что исследование человеческого измерения эпохи социально-экономической трансформации России в 1987–1999 гг. невозможно без привлечения свидетельств живых очевидцев событий. Число опубликованных источников личного происхождения по изучаемой теме невелико ввиду только начинающейся ее историзации.

Устная история позволяет реконструировать события прошлого в восприятии самих участников этих событий, сфокусироваться непосредственно на теме исследования, что особенно важно при недостаточной информативности других видов источников личного происхождения. Автор провела 28 неформализованных глубинных интервью с позднесоветскими инженерно-техническими работниками различной специализации. Все респонденты получили высшее или среднее техническое образование и успели поработать на позднесоветском предприятии, в опытно-конструкторском бюро или научно-исследовательском институте (НИИ) до распада Советского Союза. Беседы проводились по созданному заранее опроснику, однако, как правило, не ограничивались кругом проблем, изложенных в гайде, что позволило создать многомерную картину повседневности ИТР в годы социально-экономического транзита. Автор понимает и учитывает при работе с устными свидетельствами тот факт, что индивидуальная память подвержена влиянию других источников, отфильтрована последующим опытом, эмоционально окрашена, а потому максимально субъективна, поэтому данные интервью анализируются в совокупности со всеми остальными источниками, относящимися к теме исследования.

Еще одним крупным блоком источников стал «цифровой след» представителей инженерно-технических специальностей, рефлексирующих о непростом периоде в истории профессии и страны. «Цифровой след» – особый тип нарративного источника, ставший объектом изучения цифровой антропологии как части социальной антропологии. Эпоха 1990-х годов является объектом рефлексии различных социальных групп и активно обсуждается в интернете – на форумах, в том числе профессиональных, в популярных пабликах (информационно-развлекательных сообществах) и в социальных сетях. Каждый пост (информационный блок, размещенный в социальной сети), затрагивающий тематику «лихих» или «святых» девяностых, открывает широкую общественную интернет-дискуссию, измеряемую сотнями, а порой и десятками сотен комментариев. Люди, пережившие эпоху трансформации, делятся собственным или семейным

⁴ Народное хозяйство за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987. С. 136.

⁵ Батыро А.М. Социальные аспекты интенсификации труда и подготовки инженеров. Л., 1989. С. 14.

опытом вынужденной смены сферы деятельности, изменения социального и материального статуса и своими переживаниями. Именно поэтому материалы «цифрового следа» представляют особый интерес для исследователя вопросов депрофессионализации и размывания слоя ИТР. В ходе подготовки исследования было собрано в базу и проанализировано в комплексе с другими источниками порядка 2 тыс. рефлексивных интернет-постов и комментариев инженеров (и об инженерах) о переломном периоде в их профессиональной жизни⁶.

Классические источники личного происхождения носят в исследовании вспомогательный характер и представлены в первую очередь дневниками и воспоминаниями жителей постсоветского пространства о 1987–1998 гг., а также эпистолярными документами – письмами граждан во власть, отложившимися в экономическом отделе ЦК ЦПСС, и в средства массовой информации⁷.

В итоге в распоряжении автора оказались нарративные источники разного формата и объема – от многостраничных расшифровок глубинных интервью, проведенных в рамках указанного исследования, до лаконичных интернет-комментариев «инженерного» цифрового следа. Провести качественный контент-анализ такого объема данных «вручную» оказалось достаточно трудно, поэтому для анализа «цифрового следа», а также всего источникового материала в комплексе была использована аналитическая платформа PolyAnalyst. Платформа не требует от пользователя навыков программирования и имеет интуитивно понятный интерфейс, что позволило проанализировать данные из источников цифровыми методами. Программа, безусловно, имеет свои недостатки и определенные границы применения в социогуманитарных науках, однако оказалась незаменимой в качестве вспомогательного метода, в частности для вычленения неочевидных ключевых слов и смысловых категорий, ставших предметом анализа.

Несмотря на то что в последние годы советские инженеры как профессиональная группа становились объектом исследования различных социогуманитарных дисциплин, проблема размывания социальной группы инженеров в годы социально-экономического транзита оставалась за рамками данных исследований. Наиболее глубоко инженерно-технические работники как профессиональная и социальная группа были исследованы в рамках социологии⁸, в частности социологии профессий; историки и специалисты по исторической антропологии много меньше обращались к этой проблематике. На сегодняшний день наибольший, пожалуй, вклад в междисциплинарное изучение советских инженеров как профессиональной группы внес Р.Н. Абрамов, чьи работы на стыке социологии, исторической антропологии и истории посвящены формированию в СССР особой социальной группы инженеров, рабочей повседневности советских ИТР и их профессиональной культуры⁹. Основным подходом к изучению российской технической интеллигенции посвящена статья Е.В. Сломинской¹⁰. Появились работы о формировании научно-технической интеллигенции в современной России. К изучаемому периоду «приблизилась» И.Г. Старшова, написавшая статью о роли интеллигенции в годы перестройки, однако под интеллигенцией исследователь понимает прежде всего гуманитарную

⁶ Были исследованы такие популярные информационно-развлекательные сообщества, как fishki.net, dzen.ru, pikabu.ru, а также социальные сети livejournal.com, facebook.com (проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена).

⁷ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 101. Д. 719. Л. 80–103; Панков А. Письма из 90-х с надеждой и разочарованием. М., 2018.

⁸ Никитина С.Б. Формирование научно-технической интеллигенции // Власть. 2009. № 4. С. 61–64; Волович Л.А., Макаренко Е.И. «Техническая интеллигенция»: дифференциация методологических подходов // Вестник Казанского технологического университета. 2013. № 16. С. 84–89; Нор-Аревян О.А. Упадок социального самочувствия инженеров и рабочих в 90-е гг. XX в. как фактор кризиса профессиональной идентичности // Гуманитарий Юга России. 2017. № 3. С. 250–261, и др.

⁹ Абрамов Р.Н. Профессиональная культура российских инженерно-технических специалистов: универсальные элементы // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 96–104; *Его же*. Советская инженерно-техническая интеллигенция 1960–80-х гг.: в поиске границ коллективного сознания // Вестник Института социологии. 2017. № 20. С. 114–130; *Его же*. Инженерный труд в позднесоветский период...

¹⁰ Сломинская Е.В. Теоретико-методологические вопросы изучения российской технической интеллигенции // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 211–224.

интеллигенцию, а ИТР в целом остались за рамками исследования¹¹. М.Н. Гусарова, работающая на стыке социологии и истории, опубликовала ряд работ по формированию научно-технической интеллигенции в Российской Федерации, в том числе по вопросу преемственности советского опыта, однако процесс размывания советского социального слоя инженерно-технической интеллигенции под влиянием факторов социально-экономической трансформации общества в конце 1980-х – 1990-е годы также не получил в них специального изучения¹². Советские инженеры в период социально-экономического транзита на сегодняшний день не были предметом специальных исследований зарубежной историографии.

Целенаправленная политика советской власти по «насаждению» технического образования (1960–1980-е годы) привела к появлению огромного числа дипломированных специалистов с высшим техническим образованием. Выпускника инженерного вуза ждала стабильная работа на предприятии, в научно-исследовательском институте или опытно-конструкторском бюро, при этом существовавшая система распределения выпускников техникумов и вузов «автоматизировала» процесс трудоустройства, гарантировала равные шансы как для выдающихся, инициативных, так и для посредственных молодых специалистов. Карьерная траектория, как правило, представляла собой прямую линию, а в трудовой книжке зачастую с момента поступления на производственную практику до выхода на пенсию значился лишь один работодатель. Внеурочная повседневность также в целом крутилась в орбите родного предприятия, особенно если дело касалось градообразующих гигантов, формирующих вокруг себя всю инфраструктуру создававшихся вокруг них населенных пунктов. Приоритет инженерного образования и оставшееся еще со времен оттепели (пик престижности инженерных профессий) уважительное отношение к представителям технических специальностей создавали ощущение удовлетворенности собственным трудом ввиду его высокой общественной значимости. Интеллигенция, и прежде всего инженерно-техническая, специалисты и служащие среднего звена играли в СССР по сути роль среднего класса. Притом, в отличие от «лириков» (представителей гуманитарной интеллигенции), которые, по словам исследователя А.В. Шубина, «ощущая отставание гуманитарных начал (личностных, гражданских, демократических)», стремились «вырваться из тесных авторитарно-индустриальных рамок современного общества», «физики» (представители технической интеллигенции) видели целью повышение эффективности производства и составляли опору власти¹³.

Все это формировало определенные ценности позднесоветского инженерно-технического работника, которые можно обозначить категориями «стабильность» и «социальная значимость». Все респонденты данного исследования, вне зависимости от специализации, оценивая свою профессиональную деятельность накануне и в первые годы перестройки и говоря о ее безусловных достоинствах, упоминали стабильную зарплату, уверенность в завтрашнем дне, прозрачность карьерной траектории: «Все было ясно и понятно»¹⁴. «Стабильность, все было как-то одинаково, одни и те же цены в магазинах, нормальная размеренная жизнь, как у всех, основной массы людей... в целом нормальная советская обычная стабильная жизнь»¹⁵. «Человек знал, что он в любом случае будет при работе, при зарплате, если ...высшее образование, то и с жильем в итоге»¹⁶. Невысокая (по сравнению, например, с рабочими специальностями)

¹¹ Старшова И.Г. Роль интеллигенции в период перестройки 1987–1991 гг.: историко-социологический анализ // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2010. № 5. С. 173–181.

¹² Гусарова М.Н. Становление нового типа научно-технической интеллигенции (проблема идентификации и позиционирования) // Власть. 2009. № 7. С. 45–48; Ее же. Формирование научно-технической интеллигенции...

¹³ Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008. С. 33–34.

¹⁴ Интервью с Сергеем, 1960 года рождения, инженер, в 2023 г. // Личный архив автора.

¹⁵ Интервью с Викторией, 1968 года рождения, инженер химик-технолог, в 2023 г. // Личный архив автора.

¹⁶ Интервью с Ольгой, 1973 года рождения, математик, в 2023 г. // Личный архив автора.

зарплата обеспечивала базовые потребности и, главное, «давала чувство уверенности в социальном равенстве: не было разобщенности в зарплатах и неравенства какого-то»¹⁷.

Как ценность определялась принадлежность к определенной социокультурной среде: интеллигентных, образованных людей с высокими духовными запросами, имеющих широкий круг интересов и осознающих собственную значимость как представители социального слоя. Так, подавляющее число респондентов отмечали, что читали с последующим обсуждением самиздат, регулярно ходили в театр. Четвертой ценностной категорией советского ИТР, которую так или иначе упоминали все респонденты и которая хорошо прослеживается во всем нарративе интернет-дискуссий, является «интересная работа». Интеллектуальный труд, возможность проявить свои способности и применить полученные знания и приобретенный опыт при наличии весьма прозрачных карьерных перспектив позднесоветского времени ценились инженерно-техническими специалистами больше, чем более высокое материальное положение. Так, лишь 1 из 28 респондентов признался, что в молодости готов был поменять работу инженера на менее квалифицированную, но более высокооплачиваемую рабочую профессию: «Но подходящего ничего не подворачивалось. Поэтому как-то так получилось, что работал всегда на интересных местах»¹⁸.

Тем не менее, рефлексирова о своей позднесоветской трудовой повседневности, респонденты отмечали и негативные проявления, которые воспринимались как нечто неотвратимое и непреодолимое в условиях советской плановой экономики. Так, среди недостатков довольно часто упоминалась необходимость присутствовать на рабочем месте при отсутствии текущих профессиональных задач: «Больше всего убивало, что нужно приходиться к определенному часу, ладно, но нельзя уйти — есть работа, нет работы, ты сиди и находишься на месте. Это было тяжело, особенно молодым людям, у которых неумная энергия, хотелось ее как-то воплотить»¹⁹.

Отмечалась также низкая трудовая мобильность. Респонденты признавали, что сменить карьерную траекторию по собственному желанию было достаточно сложно, особенно если под сменой подразумевался переход в категорию работников более низкой квалификации. Так, один из респондентов упоминал, что инженерное образование позднесоветского образца не только открывало определенные возможности, но и накладывало определенные обязательства, а потому перейти на менее квалифицированную, хотя и более оплачиваемую рабочую должность дипломированному инженеру было практически невозможно: «Нельзя было из инженеров уйти в рабочие. Официально. Вот так вот! Можно было уйти с завода. Закопать трудовую книжку и диплом [смеется]. И не говорить на другом месте работы, что ты инженер. Тогда тебя могли бы взять в рабочие»²⁰. Похожим опытом делятся и интернет-пользователи: «Я работал на производстве инженером, так у нас многие инженеры переходили в наладчики, но хрен устроишься, только по большой договоренности, там сделка и зарплата была в два раза больше»²¹. Другой респондент отмечал: «Инженеры считались недальновидными. “Работяги” смеялись, мол, сейчас я получаю 160, а пойду в вуз — буду получать 120. Смеялись над инженерами»²².

По факту единственным способом получения более высокооплачиваемой должности в более короткий, чем того требовал переход по карьерной лестнице внутри предприятия, срок было получение дополнительного образования и/или ученой степени. Так, одна из респонденток, осознав, что работа «асушницей» (инженером по автоматизации) не приносит ни достатка, ни удовольствия, получила второе высшее образование (математик) и поступила в аспирантуру,

¹⁷ Интервью с Дмитрием, 1970 года рождения, инженер-теплотехник, в 2023 г. // Личный архив автора.

¹⁸ Интервью с Александром, 1958 года рождения, инженер-механик, в 2023 г. // Личный архив автора.

¹⁹ Интервью с Викторией, 1968 года рождения...

²⁰ Интервью с Александром, 1958 года рождения...

²¹ База «цифрового следа» по интернет-источникам // Личный архив автора.

²² Интервью с Дмитрием, 1970 года рождения...

после чего работала в вузе²³. Другой респондент, устав работать ИТР на предприятии, перешел в НИИ, где при аналогичном заработке получил более спокойную работу²⁴.

Многие упоминали однообразность, рутинность даже интересной по сути работы, отсутствие возможности проявить творческий подход к решению производственных и научно-исследовательских задач, консервативный взгляд вышестоящего руководства на методы и темпы выполнения задач. Как обобщила наша респондентка: «Все скучновато, никаких перспектив к творчеству, все по сценарию»²⁵.

Впрочем, первые шаги советской власти в сторону рынка были восприняты в обществе в целом и в инженерной среде в частности неоднозначно. Закон «Об индивидуальной трудовой деятельности» 1986 г., выведивший из области теневой экономики такие привычные уже для постсоветской реальности виды частного предпринимательства (в свободное от «общественно полезного труда» время), как репетиторство, извоз и кустарно-ремесленные промыслы, мало отразился на повседневности тех, кто не имел к ним отношения²⁶. «Нетрудовые доходы» от такой деятельности соответствовали трудозатратам, не превышали доходы от любых других легальных вариантов подработки, а потому декриминализовавший их закон расценивался достаточно нейтрально. А вот три постановления 1987 г.: о создании кооперативов по бытовому обслуживанию населения, производству товаров народного потребления и в сфере общественного питания и последовавший за ними 26 мая 1988 г. Закон «О кооперации в СССР», вызвали острейшую общественную дискуссию²⁷. Некоторые респонденты, как и адресанты полных возмущения писем в ЦК, считали, что закон «О кооперации» дал старт размыванию слоя ИТР и депрофессионализации его представителей. Так, в одном из писем в ЦК указывалось на «уродливые, но очевидные» проявления кооперации: «Отток высококвалифицированных рабочих кадров, дипломированных инженеров из промышленности, науки и т.д. в кооперативы... чтобы стать там доставалами — экспедиторами, посудомойками, грузчиками»²⁸. Массовый «отток высококвалифицированных кадров из промышленности и строительства» и «массовый перевод государственных предприятий в кооперативные» констатировали и в высших эшелонах власти²⁹.

После распада СССР процессы размывания слоя ИРТ стали необратимыми. Кардинальные перемены в сфере экономики привели к увольнению значительной части ИТР в связи с закрытием ряда предприятий и сокращением производства, к переводу работников еще функционирующих предприятий и учреждений на неполный рабочий день, к отправке сотрудников в длительные неоплачиваемые административные отпуска, к катастрофическому несоответствию заработной платы реальному прожиточному минимуму, к многомесячным задержкам выплат этой заработной платы и, главное, — к тотальной неопределенности, неясности перспектив дальнейшей трудовой деятельности и повседневной жизни. Об этом упоминают все респонденты: «И на 180 разворот, ты понимаешь, что-то, к чему ты готовился в жизни, этого, считай, нет. Это, конечно, отрицательно, что наше поколение, мы как специалисты оказались вычеркнуты»³⁰; «После 90-х промышленность была практически вычищена из пейзажа страны. Инженеры перестали доминировать как профессиональная лига. Работать им стало просто негде»³¹.

Такое разрушение советской социальной инфраструктуры привело к переоценке ценностей инженерно-технических работников. В нарративе постсоветских инженеров появляются такие ценностные категории, как «свобода» и «творчество». При этом все респонденты, хотя

²³ Интервью с Натальей, 1963 года рождения, инженер-программист, математик, в 2023 г. // Личный архив автора.

²⁴ Интервью с Александром, 1958 года рождения...

²⁵ Интервью с Викторией, 1968 года рождения...

²⁶ Об индивидуальной трудовой деятельности // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 47. Ст. 964.

²⁷ Чагадаева О.А. Операция «Кооперация» // Родина. 2023. № 5. С. 104–108.

²⁸ РГАН. Ф. 5. Оп. 101. Д. 719. Л. 87.

²⁹ Там же. Л. 56.

³⁰ Интервью с Викторией, 1968 года рождения...

³¹ Интервью с Александром, 1958 года рождения...

и следили за политической ситуацией в стране, повседневным трудностям уделяли большее внимание. Вовлеченность интеллигенции, во всяком случае инженерно-технической, в социально-политические процессы 1990-х годов выглядит преувеличенной. ИТР, как и подавляющее большинство бюджетников, оказавшихся за бортом новой жизни, были озабочены в первую очередь бытовыми вопросами. Однако примерно половина респондентов и меньшая, но при этом заметная, часть респондентов и интернет-дискуссантов отмечали появление перспективы социальной мобильности, возможности взять инициативу в свои руки, реализовать свой потенциал: «Это был серьезный творческий скачок. Самой пришлось многое осваивать. ... Пришлось много самообразовываться, перестроить свое мировоззрение, мышление, навыки»³².

Наиболее эффективной и последовательной стратегией приспособления к социально-экономическим реалиям переходной экономики стало развитие кооперативного предпринимательства с последующим переводом кооперативов в малые частные предприятия и акционерные общества. После вступления в силу закона «О кооперации» представители ИТР создавали кооперативы внутри (и на материальной базе) своего же предприятия, перепрофилировали производство под текущий спрос и занимались реализацией своей продукции. Поэтому на рубеже 1980–1990-х годов на всех крупных предприятиях, даже в военно-промышленном секторе, были организованы десятки сначала кооперативов, а позже малых предприятий, диапазон деятельности которых был максимально широк. Например, в одном из московских кооперативов «варили люстры из шлакового стекла. Даже выиграли какой-то конкурс и получили большой заказ. Вышли в сильный плюс, но с работы уволиться было нельзя, потому что люстры делали на оборудовании завода из мусора того же завода»³³. Внутри Радиотехнического института им. академика А.Л. Минца, занимавшегося противоракетной обороной, действовало несколько десятков предприятий. Они занимались ремонтом электрооборудования, автоаксессуаров; телекоммуникацией, производством радар-детекторов, видеоаппаратуры и другого оборудования. Наиболее успешным из них оказался «Вымпелком», занявшийся сотовой телефонией.

Особой формой кооперации стали созданные в порядке эксперимента инженерно-технические и проектно-конструкторские кооперативы. Мосгорком осенью 1988 г. констатировал, что «производимые ими разработки обходятся государству дешевле, быстрее и выполняются меньшей численностью»³⁴.

В то же время создавались компьютерные кооперативы, где трудоустроивались самые перспективные и высококвалифицированные инженеры-программисты. В Москве большим спросом пользовались крупные компьютерные кооперативы «Элин», «Техника», «Интер», «Диск», наладившие активное международное сотрудничество. Архивы свидетельствуют, что они, помимо прочего, обращали на себя повышенное внимание властей в связи с возможной утечкой «секретной информации и интеллектуального потенциала»³⁵. В 1990-е у ИТР, обладающих навыками программирования, появился шанс реализовать свои способности – сотни новых организаций и предприятий нуждались в автоматизации. Один из респондентов, в прошлом физик-теоретик, сменивший в 1990-е не одно место работы, преимущественно в финансовом секторе, отмечал: «Вот для меня начало 90-х как раз я бы не назвал трудностями, я попал в струю... Многие говорили: “Вот как бы мне устроиться?”. А там надо было уже знать языки программирования, прикладное программирование, а они этого не знали»³⁶.

К концу перестройки многие производственные кооперативы по факту занимались лишь распродажей материальной базы предприятия или перепродажей оборудования по рыночной цене. «Перепродавали аудиоаппаратуру. В магазине был блат. Цены еще старые – советские, а денжки уже новые пошли. Так мы брали по госцене, а перепродавали, в несколько раз накручивая

³² Интервью с Викторией, 1968 года рождения...

³³ База «цифрового следа» по интернет-источникам // Личный архив автора.

³⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 101. Д. 719. Л. 54.

³⁵ Там же. Л. 59.

³⁶ Интервью с Александром, 1952 года рождения, инженер-физик, в 2023 г. // Личный архив автора.

цену, причем некоторые умудрялись накрутить еще и на мою маржу и продать третьим лицам. Тогда и себе аппаратуры набрал»³⁷.

Однако, если через кооперативы прошло большое число ИТР, удержаться на одном предприятии и тем более создать и сохранить в турбулентные 1990-е собственный бизнес смогли лишь единицы. Создатель «Вымпелкома» Д.Б. Зимин так оценивал долю кооператоров, сохранивших и приумноживших свое дело в 1990-е: из 3 тыс. работников Радиотехнического института в 1990-е «трое или четверо оказались более или менее успешными», «тогда бизнесом, по-моему, все хотели заниматься, но в итоге получилось у одной десятой процента»³⁸. Но такой «заход» в рыночную экономику стал карьерным трамплином для тех немногих ИТР, освоивших новые технологии и ставших востребованными в новых реалиях профессионалами.

Под влиянием радикальных рыночных реформ более активным стал процесс перехода инженерно-технических работников и технической интеллигенции из традиционных для плановой экономики отраслей – промышленности, сельскохозяйственного сектора, строительства и прикладной науки – в сферу услуг, начавшийся еще в годы перестройки в связи с законом о кооперации. После 1991 г. инженерно-технические работники массово уходили из производства в сферу бытового обслуживания, либо совмещали эти два вида деятельности. Можно выделить три стратегии такого полного или частичного перемещения ИТР из бюджетной сферы в рыночную с сохранением профессиональной деятельности. Первая предполагала совмещение основной работы с побочным заработком, чаще всего связанным с выполнением время от времени частных заказов. Такая стратегия позволяла работнику удерживать принадлежность к социально-профессиональной группе ИТР, создавала иллюзию стабильности, а кроме того позволяла использовать материально-технические ресурсы предприятия или учреждения для выполнения частных заказов. Как признавался один из ИТР: «Ставил сигнализации, видеонаблюдение, радиосвязь, ну и ремонт телевизоров и т.д., конечно... Работал в НИИ, в плохой день «халтура» приносила годовую зарплату в НИИ»³⁹. Возможность подрабатывать – в советской терминологии «халтурить», «шабашить» или «калымить» – распространилась в СССР еще в годы «развитого социализма» (1970-е годы), и потому подобные заработки на стороне не выходили за рамки привычной советской повседневности и не воспринимались как что-то постыдное.

Вторая стратегия заключалась в переходе из бюджетного сектора в рыночный в качестве наемного работника. В 1990-е годы появились первые сервисные центры, предоставляющие услуги ремонта бытовой техники, электроники и компьютеров, частные фирмы, предоставляющие услуги связи, которые были заинтересованы в квалифицированных рабочих руках. Перейдя из бюджетного предприятия в частную компанию, ИТР оставался в привычной для себя нормированном графике труда и отдыха, получал рабочее место и зачастую какой-то минимальный соцпакет, менялся (в сторону увеличения) лишь уровень оплаты труда.

Наконец, третья была связана с индивидуальным предпринимательством: частные мастера по ремонту техники, сбору радиоэлектроники и др. Впрочем, советский ИТР редко выходил в свободное плавание по собственной воле: чаще всего третья стратегия рассматривалась лишь как временный, переходный этап между первой и второй. Привычка «калымить» проявлялась в том, что, даже работая в частных компаниях, бывшие советские рабочие и служащие, по их признанию, продолжали выполнять заказы на стороне. Особенно прибыльной была сфера радиоэлектроники. Наши респонденты и интернет-дискуссанты торговали по своим каналам декодерами, аудио- и видеоаппаратурой, собирали и паяли платы, телефоны с автоматическим определителем номера, вязали шлейфы проводов, ремонтировали телевизоры, видеомагнитофоны, игровые приставки, картриджи, джойстики и др. Примечательно, что большинство тех, кто смог пережить турбулентные 1990-е в таком плавающем режиме, также смогло сохранить свою профессиональную идентичность и после стабилизации экономической ситуации в стране найти постоянную работу по специальности (в нашем случае – 24 из 28 респондентов).

³⁷ Там же.

³⁸ Девяностые – годы тягот, надежд и свершений / под. ред. Н.М. Плискевича. М., 2019. С. 113.

³⁹ База «цифрового следа» по интернет-источникам // Личный архив автора.

Третий путь предполагал кардинальную смену деятельности — уход из социально одобряемой профессии в неприличную ранее для интеллигентного человека область предпринимательства и частной торговли, что чаще всего воспринималось болезненно как самими ИТР, так и обществом. «Инженеры тысячами стояли в несчастном виде на вещевых рынках или занимались какой-то другой странноватой деятельностью. На моей памяти талантливые инженеры-электронщики уходили в водители “Газелей”, в продавцы в ларьках... По-настоящему талантливые инженеры. Цвет профессии»⁴⁰. Все респонденты сошлись во мнении, что подобный социальный транзит достаточно легко переживали люди, только-только начавшие профессиональный путь: выпускники вузов, молодые специалисты. Напротив, «для людей 45+ это был крах всей их жизни, поскольку им всегда говорили, что они социально защищены. Закрывались производства, люди не могли найти работу. Прокатилась волна самоубийств среди людей этого возраста. Их увольняли, и они не понимали, как это могло произойти, ведь они всегда были нужными»⁴¹. В потере принадлежности к социальному слою ИТР заключалась трагедия сотен тысяч жителей постсоветской России.

Наиболее радикальная стратегия приспособления инженерно-технических работников к условиям изменения социально-экономической среды в начале 1990-х проявилась в единовременном и массовом феномене «челночества». Под влиянием процессов децентрализации и распада хозяйственных связей бывших советских республик, а также «шоковой терапии», без средств к существованию оказались не только ИТР, но и научные работники, учителя, военные и другие профессионалы. При этом доля ИТР среди вынужденных коммерсантов была велика на протяжении всего периода расцвета челночной торговли (1992—1998), что связано, во-первых, с объективной массовостью социального слоя ИТР и выпускников технических вузов к началу 1990-х годов, во-вторых, в связи с тем, что целые отрасли хозяйства оказались в упадке (военно-промышленный комплекс, станкостроение, радиоприборостроение и многие другие направления высоких технологий), их продукция в условиях рынка стала неликвидной, и высвободившиеся рабочие руки и «головы» оказались наименее востребованными в новых реалиях.

Физический переход ИТР в сферу коммерции, полный или частичный (работа во время простоя на предприятии, в вечернее время, выходные дни и отпуска), не означал для них смену социально-профессиональной идентичности: все они стремились удержать социально-одобряемый статус инженерно-технического работника. Частная торговля, особенно связанная с закупкой мелкого опта и продажей в розницу по более высокой цене — наиболее частая форма предпринимательства в годы «дикого капитализма», — ассоциировалась у советского человека с чем-то неприличным и даже противозаконным (частная торговля — спекуляция, мешочничество; лишь в 1986—1988 гг. эта сфера была официально декриминализована серией законов о частной торговле и кооперации). Социологические исследования подтверждают этот тезис: «Из рассказов тогдашних челноков мы знаем, что поначалу решительно все они стремились удержать привычную идентичность учителя, инженера, иного профессионала. Далеко не всем удалось преодолеть идентификационный кризис, некоторые решили вернуться к своей профессиональной деятельности»⁴².

Для многих переход в коммерцию был совершенно неприемлемым. «Помню, как родителям, работавшим на заводе, по шесть месяцев зарплату не платили, совесть им не позволяла идти торговать, — вспоминают в интернете. — Вы слабо себе представляете ментальность советского человека. Работа в торговле была несколько... хм!... позорна, так сказать. В общем, инженеры продолжали ходить на работу, делая ее и надеясь получить зарплату за прошлый год. Не на того учились»⁴³.

Среди тех, кто пошел на отчаянный шаг, далеко не все оказывались успешными. «Рыночные отношения давались трудно, — делятся воспоминаниями в интернете представители

⁴⁰ Интервью с Александром, 1958 года рождения...

⁴¹ Интервью с Дмитрием, 1970 года рождения...

⁴² Ядов В.А. Попытка переосмыслить концепцию фреймов Ирвинга Гофмана // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 2. С. 85—97.

⁴³ База «цифрового следа» по интернет-источникам // Личный архив автора.

инженерно-технических профессий. — Даже продать джинсы на улице не у всех получалось. Бывает, простоишь весь день — даже никто и не спросит “по чем?”⁴⁴.

Наибольшего успеха в коммерции среди ИТР, судя по анализируемым источникам и данным социологических исследований, достигали молодые люди — студенты, недавние выпускники, молодые инженеры, — наименее инертные, не успевшие привыкнуть к социально одобряемому статусу ИТР, к советской стабильности и готовые проявить инициативу. Хотя «непонимание того, что будет дальше»⁴⁵ из-за резкого изменения экономической ситуации, значительно отразилось на социальном самочувствии и этой категории ИТР. Респонденты замечали: «Наверное, самое значимое, что мы потеряли, это спокойствие: и финансовое, и душевное, и еще любые виды спокойствия мы потеряли».⁴⁶

Социологические исследования показали, что в 1990-е годы в челночной торговле преобладали люди с высшим образованием — более 57%, 34% имели среднее специальное и лишь 6% — среднее⁴⁷. По оценкам исследователей, к середине 1990-х годов в России насчитывалось от 10 до 20 млн челноков, и в основной массе это были выходцы из сфер промышленности, строительства, образования и науки. Подавляющее большинство челноков имели несовершеннолетних детей, что было решающим стимулом попробовать себя в предпринимательстве в отсутствие иных перспектив. Интересен и тот факт, что большинство предпринимателей эпохи переходной экономики — женщины, что подтверждают и социологические исследования, и личные наблюдения респондентов. Мы разделяем точку зрения, что «женщины решали оперативные проблемы выживания семьи, а мужчины — стратегические — сохранение своего статуса, который одновременно был и семейным статусом»⁴⁸. Иначе, первые брали на себя тяжесть адаптации семьи к рыночным условиям, в то время как вторые не включались в рыночные отношения в надежде переждать турбулентные времена. Показателен следующий эпизод, описанный в дневнике главного редактора одной из региональных газет. В 1994 г. корреспондент встретила на одном из рынков (Павлодар, современный Казахстан) подряд главного технолога, бухгалтера, педагога, инженера-программиста и инженера-конструктора с тракторного завода, ведущего конструктора опытного завода монтажных установок, все — женщины⁴⁹. Примечательно, что челноки предпочитали не распространяться о своей деятельности даже в семье: «Сказать, что мама с папой ездят на рынок, было как-то не очень хорошо... Дети писали: мама, папа — инженеры, и писали о том, что, так сказать, было до того»⁵⁰.

Даже успешные предприниматели, развившие свой бизнес в сфере розничной торговли, признаются, что жалеют о депрофессионализации и утрате социального статуса ИТР. «Ты учился, хотелось бы поработать. Возможно, впоследствии можно было, наверное, если бы не было своей фирмы, куда-то устроиться, когда уже инженеры стали быть востребованы, когда стали интересоваться нашей специальностью. ...Понимаю, что уже время ушло, эти навыки потеряны, нужно начинать все сначала, а уже возраст»⁵¹.

Представители социального слоя инженерно-технических работников достаточно тяжело пережили социально-экономические трансформации общества конца 1980—1990-х годов. Деструктивные процессы в экономике, обусловленные системным кризисом в стране, привели к стремительному обесцениванию социального статуса работников умственного труда

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Интервью с Андреем, 1972 года рождения, радиотехник, в 2023 г. // Личный архив автора.

⁴⁶ Интервью с Павлом, 1972 года рождения, инженер-программист, в 2023 г. // Личный архив автора.

⁴⁷ *Рязанцев С.В., Боженко В.В.* Новые формы временной эмиграции из России через призму социально-демографических характеристик мигрантов // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2013. № 6. С. 86.

⁴⁸ *Климова С.Г.* Концептуализация роли челнока ее исполнителями // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 59.

⁴⁹ *Поминов Ю.Д.* Хроника смутного времени: записки редактора: в 3-х кн. Павлодар, 2007—2010 // URL: <https://corpus.prozhito.org/note/540854> (дата обращения: 01.04.2024).

⁵⁰ *Климова С.Г.* Указ. соч. С. 59.

⁵¹ Интервью с Викторией, 1968 года рождения...

на производстве и, как следствие, падению престижа технического образования, что препятствовало воспроизводству кадров ИТР в новой России. Представители ИТР были вынуждены массово уходить из сферы интеллектуального высокопрофессионального труда на менее квалифицированную работу, в сферы, в недавнем прошлом считавшиеся недостойными (предпринимательство, торговля). Советская парадигма мышления стала тормозом на пути развития ИТР в условиях рыночной экономики. Привыкшие к стабильной трудовой деятельности, к отсутствию конкуренции и нацеленные на определенную, годами складывавшуюся карьерную траекторию ИТР переживали ситуацию перехода к реалиям рыночной экономики как кризисную. Особенностью раннего этапа российской социально-экономической трансформации было то, что подавляющее большинство инженерных работников, примеривших на себя капиталистические отношения, при этом продолжали формально числиться на рабочем месте вплоть до ликвидации или приватизации предприятия/института. При этом на основании имеющихся источников можно сделать вывод, что направление инженерного образования, профессиональная специализация, сфера трудовой деятельности и уровень квалификации не играли решающей роли при выборе той или иной стратегии адаптации к рынку, а также не были факторами, влияющими на ее успех или неудачу. Намного более важными оказывались возраст и личные качества. Впрочем, эта тема требует дальнейшего изучения.

Размывание социального слоя инженерно-технических работников вследствие социально-экономической трансформации советского общества стало частью более глобальных социально-деструктивных процессов. Ухудшение социального самочувствия бывших ИТР было вызвано не только и не столько тяжелым материальным положением, сколько невозможностью идентифицировать себя с одним из доминировавших и социально одобряемых в прошлом социальных слоев. Такая ситуация сложилась и в других сферах. Потеря социально-профессиональной идентичности («из служащих», «из рабочих», «из крестьян») привела к кризису социальной и — шире — гражданской идентичности в постсоветской России, последствия которой ощущаются до сих пор.

Библиография

- Абрамов Р.Н.* Инженерный труд в позднесоветский период: рутинность, творчество, проектная дисциплина // Социология власти. 2020. № 1. С. 179–214.
- Абрамов Р.Н.* Профессиональная культура российских инженерно-технических специалистов: универсальные элементы // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 96–104.
- Абрамов Р.Н.* Советская инженерно-техническая интеллигенция 1960–80-х гг.: в поиске границ коллективного сознания // Вестник Института социологии. 2017. № 20. С. 114–130.
- Волович Л.А., Макаренко Е.И.* «Техническая интеллигенция»: дифференциация методологических подходов // Вестник Казанского технологического университета. 2013. № 16. С. 84–89.
- Гусарова М.Н.* Формирование научно-технической интеллигенции в Российской Федерации: ответственность исторического опыта и новые тенденции. 1991–2010 гг.: дис. ... докт. ист. наук. М., 2010.
- Гусарова М.Н.* Становление нового типа научно-технической интеллигенции (проблема идентификации и позиционирования) // Власть. 2009. № 7. С. 45–48.
- Девяностые — годы тягот, надежд и свершений / под. ред. Н.М. Плискевича. М., 2019.
- Климова С.Г.* Концептуализация роли челнока ее исполнителями // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 52–62.
- Нор-Аревян О.А.* Упадок социального самочувствия инженеров и рабочих в 90-е гг. XX в. как фактор кризиса профессиональной идентичности // Гуманитарий Юга России. 2017. № 3. С. 250–261.
- Поминов Ю.Д.* Хроника смутного времени: записки редактора: в 3-х кн. Павлодар, 2007–2010 // URL: <https://corpus.prozhitto.org/note/540854> (дата обращения: 01.04.2024).
- Рязанцев С.В., Боженко В.В.* Новые формы временной эмиграции из России через призму социально-демографических характеристик мигрантов // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2013. № 6. С. 80–87.
- Симонян Р.Х., Кочегарова Т.М.* Травматический опыт 1990-х как урок для российского общества // Россия и современный мир. 2014. № 4. С. 108–123.
- Сломинская Е.В.* Теоретико-методологические вопросы изучения российской технической интеллигенции // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 211–224.
- Шубин А.В.* Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008.

Чагадаева О.А. Операция «Кооперация» // Родина. 2023. № 5. С. 104–108.

Ядов В.А. Попытка переосмыслить концепцию фреймов Ирвинга Гофмана // Журнал социологии и социально антропологии. 2011. № 2. С. 85–97.

References

Abramov R. Inzhenernyj trud v pozdnesovetskij period: rutina, tvorchestvo, proektnaya distsiplina [Engineering work in the late Soviet period: routine, creativity, project discipline] // *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. 2020. № 1. S. 179–214. (In. Russ.)

Abramov R.N. Professionalnaya kultura rossijskikh inzhenerno-tehnicheskikh specialistov: universalnye element issledovaniya [Professional culture of Russian engineering and technical specialists: universal elements] // *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research] 2016. № 9. S. 96–104. (In. Russ.)

Abramov R.N. Sovetskaya inzhenerno-tehnicheskaya intelligenciya 1960–80-h gg.: v poiske granic kollektivnogo soznaniya [Soviet engineering and technical intelligentsia of the 1960s–80s: in search of the boundaries of collective consciousness] // *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2017. № 20. S. 114–130. (In. Russ.)

Chagadaeva O.A. Operatsiya “Kooperatsiya” [Operation “Cooperation”] // *Rodina* [Rodina]. 2023. № 5. S. 104–108. (In. Russ.)

Devyanostye – gody tyagot, nadezhd i svershenij [The Nineties – the years of hardships, hopes and accomplishments] / pod. red. N.M. Pliskevicha. Moskva, 2019. (In. Russ.)

Gusarova M.N. Formirovanie nauchno-tehnicheskoy intelligentsii v Rossijskoj Federatsii: preemstvennost' istoricheskogo opyta i novye tendentsii [Formation of scientific and technical intelligentsia in the Russian Federation: continuity of historical experience and new trends]. 1991–2010 gg.: dis. ... dokt. ist. nauk. Moskva, 2010. (In. Russ.)

Gusarova M.N. Stanovlenie novogo tipa nauchno-tehnicheskoy intelligencii (problema identifikacii i pozicionirovaniya) [The emergence of a new type of scientific and technical intelligentsia (the problem of identification and positioning)] // *Vlast*. [Power]. 2009. № 7. S. 45–48. (In. Russ.)

Klimova S.G. Kontseptualizatsiya roli chelnoka ee ispolnitelyami [Conceptualization of the role of the shuttle by its performers] // *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2008. № 4. S. 52–62. (In. Russ.)

Nor-Areyyan O.A. Upadok sotsial'nogo samochuvstviya inzhenerov i rabochikh v 90-e gg. XX v kak faktor krizisa professional'noj identichnosti [The decline of the social well-being of engineers and workers in the 90s of the 20th century as a factor of the crisis of professional identity] // *Gumanitarnij Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2017. № 3. S. 250–261. (In. Russ.)

Pominov Yu.D. Khronika smutnogo vremeni: zapiski redaktora [Chronicle of the Time of Troubles: editor's notes]: v 3-kh kn. Pavlodar, 2007–2010 // URL: <https://corpus.prozhito.org/note/540854> (access date: 01.04.2024). (In. Russ.)

Ryazantsev S.V., Bozhenko V.V. Novye formy vremennoj eh migratsii iz Rossii cherez prizmu sotsial'no-demograficheskikh kharakteristik migrantov [New forms of temporary emigration from Russia through the prism of socio-demographic characteristics of migrants] // *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Scientific Review. Section 2. Humanities]. 2013. № 6. S.80–87. (In. Russ.)

Shubin A.V. Dissidenty, neformaly i svoboda v SSSR [Dissidents, informals and freedom in the USSR]. Moskva, 2008. (In. Russ.)

Simonyan R. Kh., Kochegarova T.M. Travmaticheskij opyt 1990-kh kak urok dlya rossijskogo obschestva [The traumatic experience of the 1990s as a lesson for Russian society] // *Rossiya i sovremennij mir* [Russia and the Modern world]. 2014. № 4. S. 108–123. (In. Russ.)

Slominskaya E.V. Teoretiko-metodologicheskie voprosy izucheniya rossijskoj tehnikeskoy intelligentsii [Theoretical and methodological issues of studying the Russian technical intelligentsia] // *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya TulSU. Humanities]. 2011. № 1. S. 211–224. (In. Russ.)

Volovich L.A., Makarenko E.I. “Tehnikeskaya intelligentsiya”: differentsiatsiya metodologicheskikh podkhodov [“Technical intelligentsia”: differentiation of methodological approaches] // *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of Kazan Technological University]. 2013. № 16. S. 84–89. (In. Russ.)

Yadov V.A. Popytka pereosmyslit' kontseptsiyu frejmov Irvinga Gofmana [An attempt to rethink the concept of Irving Hoffman frames] // *Zhurnal sociologii i social'no antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2011. № 2. S. 85–97. (In. Russ.)

DOI: 10.31857/S0130386424030146

© 2024 г. М. ЖИВАНОВИЧ

ОБРАЗ СОЮЗНОЙ РЕСПУБЛИКИ ЮГОСЛАВИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ В ПЕРИОД САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ НА СТРАНУ (1992–1995)

Живанович Милана – научный сотрудник Института новейшей истории Сербии (Белград, Сербия).

E-mail: milanazivanovic21@gmail.com

Scopus Author ID: 57218949240; ORCID: 0000-0003-4130-0408

Исследование проведено в рамках программы научно-исследовательской стажировки InteRussia при финансовой поддержке Фонда Горчакова, МГИМО МИД России и Россотрудничества.

Аннотация. Трагические события 1991–1995 гг. на Балканах являются предметом изучения во многих современных научных работах. Исследователями югославского кризиса были проанализированы его различные аспекты: ключевые причины, основные этапы, последствия, а также политика РФ в отношении официального Белграда в указанный период. При этом вопрос об освещении кризиса в СМИ РФ не рассматривался подробно ни российскими, ни зарубежными авторами. Актуальность этого вопроса обусловлена важностью изучения процессов формирования «образа другого» в современном информационном пространстве. Исследование данной проблематики способствует лучшему пониманию роли медиа как важнейшего средства межнационального общения и диалога. Целью настоящей статьи является анализ публикаций четырех российских изданий – «Правды», «Российской газеты», «Независимой газеты» и «Известий», посвященных международным санкциям, введенным против Югославии в рассматриваемый период, и внутриполитическому положению в стране. В задачи исследования входит изучение представленных в материалах указанных СМИ взглядов на санкции, их причины и последствия. Освещая события первой половины 1990-х годов на Балканах и, в частности, анализируя последствия международных санкций, журналисты четырех российских изданий в своих публикациях учитывали такие важные факторы кризиса, как роль Запада в конфликте, политические амбиции Слободана Милошевича и т.д. Некоторые обозреватели занимали открыто просербскую позицию, подвергая резкой критике не только политику США и стран Западной Европы в отношении Белграда, но и «бездействие» российской дипломатии, однако большинство проявляли сдержанность в своих оценках ситуации на Балканах. Донося до читателей информацию о причинах введения санкций и их характере, они создавали образ изолированной страны.

Ключевые слова: Союзная Республика Югославия, международные санкции, пресса, Россия, Слободан Милошевич, Дейтонские соглашения, югославский кризис, образ события.

M. Zhivanovic

The Image of Federal Republic of Yugoslavia in the Russian Press During the Sanction Pressure on the Country, 1992–1995

Milana Zhivanovic, Institute for Recent History of Serbia (Belgrade, Serbia).

E-mail: milanazivanovic21@gmail.com

Scopus Author ID: 57218949240; ORCID: 0000-0003-4130-0408

The research was conducted within the framework of the InteRussia research internship program with the financial and organizational support of the Gorchakov Fund, MGIMO University and Rossotrudnichestvo.

Abstract. Many studies have recently focused on the tragic events in the Balkans from 1991 to 1995. The Yugoslav crisis researchers examined various aspects of the crisis, including its causes, stages, and consequences, as well as Russia's Yugoslav policy at the time. Nevertheless, neither domestic nor foreign authors have provided in-depth coverage of the Yugoslav crisis in the Russian press. The issue of the "image of the other", particularly in crisis situations, has taken on a wide range of, often asymmetrical, configurations, and it is becoming increasingly relevant for preserving humanity's long-term development. Examining it can help one gain a better understanding of the media's role as the most important communicator in interethnic dialogue. In this paper, we will examine articles from four Russian newspapers with opposing political views, namely "Pravda", "Rossiyskaya Gazeta", "Nezavisimaya Gazeta", and "Izvestia" on international sanctions imposed on Yugoslavia at the time, and the country's situation between 1992 and 1995. We will examine its perspectives on the sanctions, its causes, and consequences. Journalists from four Russian newspapers reported on events in the Balkans in the first half of the 1990s, analyzed the consequences of international sanctions and took into account important factors of the Yugoslav crisis such as the role of the Western countries in the conflict, Slobodan Milošević's political ambitions, and etc. Some journalists have taken an openly pro-Serbian stance, criticizing not only the US and Western European policies towards Belgrade, but also the "inactivity" of the Russian diplomacy, although the majority of them have showed restraint in their assessments of the Balkans situation. They portrayed Yugoslavia as an isolated country by informing their readers about the reasons for imposing sanctions, its nature, and Western policy toward it.

Keywords: Federal Republic of Yugoslavia, international sanctions, press, Russia, Slobodan Milošević, Dayton Agreement, Yugoslav crisis, image of the event.

На протяжении «короткого XX века»¹ российско-сербские отношения переживали периоды взлетов (сотрудничество в мировых войнах, российская/советская политическая, экономическая, военная помощь Сербии/Югославии, научный и культурный взаимообмен) и падений (отсутствие дипломатических контактов, возникавшие по разным причинам разногласия и конфликты в 1948—1955 гг., 1956 г. и 1968 г.)². С углублением и расширением связей между двумя странами менялось и восприятие Сербии/Югославии в России/СССР. В годы Первой мировой войны в российском обществе звучали призывы помощи сербам³, издавались брошюры, сборники в пользу «воинов Сербии и Черногории»⁴. В межвоенный период в советском политическом дискурсе Королевству сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Королевство Югославия) давались по преимуществу отрицательные оценки⁵. После Второй мировой войны в СССР было принято считать СФРЮ братской страной. Однако начавшийся в 1948 г. конфликт И.В. Сталина и И.Б. Тито спровоцировал антиюгославскую кампанию. Во второй половине 1960-х в изданиях

¹ «Короткий XX век» — термин, введенный британским историком Эриком Хобсбаумом для обозначения периода с 1914 по 1991 г.

² Поповић Н.Б. Югословенско-советски односи у Другом светском рату. Београд, 1988; *Его же*. Србија и царска Русија. Београд, 1994; Едемский А.Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953—1956 годах. М., 2008; Тимофеев А. Руси и Други светски рат у Југославији: Утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941—1945. Београд, 2011; Јовановић М. Срби и Руси 12—21. век: (историја односа). Београд, 2012; Tripković Đ. Jugoslavija — SSSR (1956—1971). Beograd, 2013.

³ Москва — Сербия, Белград — Россия: в 4-х т. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878—1917 гг. М.; Белград, 2012. С. 29.

⁴ Косанович Б. Сербия и Черногория в русской поэзии периода Первой мировой войны // Славяноведение. 2004. № 6. С. 42—47.

⁵ Например, в 1925 г. на югославской комиссии ИККИ И.В. Сталин заявил, что «Югославия является страной не вполне независимой, что она связана с известными империалистическими группировками, и что, следовательно, она не может уйти от той большой игры сил, которая ведется вне Югославии». См.: Большевик. 1925. № 7. С. 22.

СССР социалистическая Югославия рассматривалась как «не друг и не враг»⁶. С распадом СССР и СФРЮ в 1991 г. в отношениях Москвы и Белграда начался новый этап, в ходе которого представления о Югославии (в состав которой с 1992 по 2003 г. входили Сербия и Черногория) в российском обществе претерпели значительные изменения.

Югославский кризис 1991–1995 гг. получил широкое освещение в российской историографии. Наиболее авторитетными исследователями данной проблематики являются К.В. Никифоров, Е.Ю. Гуськова, Г.Н. Энгельгардт, П.Е. Кандель, С.А. Романенко, М.Ю. Мартынова⁷. Этими учеными были проанализированы различные аспекты кризиса: его ключевые причины, основные этапы, последствия, а также политика РФ на Балканах в рассматриваемый период. Немало работ было написано и сербскими исследователями⁸. При этом следует отметить, что вопрос об освещении югославского кризиса в СМИ РФ не рассматривался подробно ни российскими, ни зарубежными авторами. Актуальность этого вопроса обусловлена важностью изучения процессов формирования «образа другого» в современном информационном пространстве. Исследование данной проблематики способствует лучшему пониманию роли медиа как важнейшего средства межнационального общения и диалога. Целью настоящей статьи является анализ публикаций четырех российских изданий — «Правды», «Российской газеты», «Независимой газеты» и «Известий», посвященных международным санкциям, введенным против Союзной Республики Югославии⁹ (СРЮ) в рассматриваемый период, и внутриполитическому положению в стране. Рассмотрение материалов этих СМИ, представлявших различные идеологические силы, позволяет изучить широкий спектр мнений и представлений о событиях на Балканах, формировавшихся в российском общественно-политическом дискурсе 1990-х годов.

Приход к власти в союзных республиках националистических лидеров, провозглашение этими республиками независимости и последовавший за этим распад СФРЮ привели к межэтническим гражданским войнам в Хорватии (1991–1995) и Боснии и Герцеговине (1992–1995). Первоначально межнациональные конфликты сводились к попыткам Югославской народной армии не допустить развала государства. На этом этапе Югославская народная армия выступала против сторонников независимости в Хорватии и Боснии и Герцеговине. Однако уже с 1992 г. начинаются крупномасштабные боевые действия между вооруженными формированиями этнических общин на территориях этих новопровозглашенных государств (сербов и хорватов в Хорватии; сербов и мусульман, хорватов и мусульман в Боснии и Герцеговине)¹⁰.

⁶ Каменская Е.В. «Ни друг, ни враг». Югославия второй половины 1960-х гг. на страницах советской печати и в восприятии населения (по материалам Урала) // Документ. Архив. История. Современность. Сборник научных трудов / гл. ред. Л.Н. Мазур. Вып. 19. Екатеринбург, 2019. С. 168–180.

⁷ Кандель П.Е. Как разваливалась Югославия? // Обозреватель. 1992. № 3. С. 121–132; Мартынова М.Ю. Война на Балканах: истоки и реалии (1991–1994) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 84. М., 1995; *Ее же*. Балканский кризис: народы и политика. М., 1998; Гуськова Е.Ю. Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии. М., 1998; *Ее же*. Урегулирование на Балканах: от Бриони до Дейтона (мирные планы 1991–1995 гг.). М., 1998; *Ее же*. История югославского кризиса. М., 2001; *Ее же*. Историја југословенске кризе (1990–2000). Београд, 2003; *Ее же*. Внешняя политика России в годы югославского кризиса (1985–1995). СПб., 2022; Романенко С.А. Распад Югославии: разговор или историческая неизбежность? // Политика. 1998. № 2. С. 159–178; *Его же*. Югославия: кризис, распад, война, образование независимых государств. М., 2000; Никифоров К.В. Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999; Энгельгардт Г.Н. Россия и боснийский кризис, 1992 год: формирование подхода к урегулированию // Славяноведение. 2000. № 3. С. 27–41.

⁸ Kostić B. 1991 – Da se ne zaboravi. Beograd, 1996; Dimitrijević B. Rat u Bosni i Hercegovini 1991–1992, Pregled aktivnosti zaraćenih strana // Istorija 20. veka. 2000. № 2. S. 127–138; Bjelajač M. Југословенско искуство са мултиетничком армијом, са посебним освртом на БИХ // Војно-историјски гласник. 2008. № 2. С. 70–93; Petrović V. Srpske političke elite i Vens-Ovenov plan: u 2 t. Beograd, 2010; Срби и пропад Југославије: приручник. Београд, 2017; Николић К. Југославија, последњи дани: 1989–1992: у 3 књ. Књ. 3. Разарање државе, стварање држава. Београд, 2022.

⁹ Союзная Республика Югославия – полное официальное название Югославии с 1992 по 2003 г.

¹⁰ Никифоров К.В. Указ соч. С. 14.

По мнению Е.Ю. Гуськовой, основными причинами межнационального размежевания в Боснии и Герцеговине в начале 1990-х годов на всех уровнях стали невозможность проведения единого курса коалиционными органами власти и достижения компромисса по вопросу о государственном статусе республики, а также политический альянс между представителями мусульман и хорватов. Столкновения на этнической почве начались в различных районах страны в марте 1992 г. Спустя месяц появились и первые жертвы конфликта. В этот период одновременно с объявлением президиумом (высшим органом исполнительной власти республики) мобилизации территориальной обороны, резервистов милиции и запаса гражданской обороны во всех общинах началось наступление хорватских вооруженных формирований из Западной Герцеговины в сторону города Купреса (расположенного на юго-западе страны), которым противостояли отряды территориальной обороны и подразделения Югославской народной армии¹¹.

Освещая эти события, К.В. Никифоров отмечает: «Сама Сербия не имела четкого плана действий. Была только цель – сохранение если не всей Югославии, то, по крайней мере, тех территорий в Хорватии и Боснии, на которых компактно проживали сербы. Но не было ясности, как идти к этой цели. Отсюда – постоянные шараханья из стороны в сторону, непоследовательность, взаимоисключающие решения»¹². В первые месяцы войны СРЮ оказывала помощь боснийским сербам. До 19 мая 1992 г. Югославская народная армия принимала участие в боевых действиях на территории республики¹³.

На начальном этапе кризиса сербы одержали ряд военных побед. Однако на политическом и информационном «фронтах» удача им не сопутствовала. В мировом медийном пространстве постепенно формировались образы «сербских варваров, хорватских демократов и мусульманских жертв»¹⁴. Международные организации стали обвинять СРЮ в разжигании конфликта на территории Боснии и Герцеговины. Действия Югославской народной армии подвергались резкой критике в западных СМИ. США настаивали на введении санкций в отношении Белграда¹⁵.

27 мая 1992 г. в Сараево произошел обстрел хлебной очереди «сербскими снарядами». По мнению Е.Ю. Гуськовой, данный инцидент был инсценирован боснийскими мусульманами¹⁶. Спустя всего три дня после этого трагического события Советом Безопасности Организации Объединенных Наций (ООН) была принята резолюция № 757. Хотя в тексте документа отмечалось, что ответственность за «создавшееся положение» на территории бывшей СФРЮ лежала на всех сторонах конфликта (при этом Югославия осуждалась за невыполнение резолюции № 752 о прекращении участия в войне и выводе армии из Боснии; кроме того, аналогичное требование предъявлялось к Хорватии), всеобъемлющие санкции вводились только в отношении Белграда. Согласно резолюции № 757, этот санкционный пакет предусматривал запрет на импорт, экспорт и перевозку всех товаров, произведенных в СРЮ; запрет на перевод и перечисление финансовых средств как властям этой страны, так и любому предприятию, находящемуся на ее территории (за исключением денежных переводов, осуществляемых для медицинских или гуманитарных целей, и платежей за продукты питания); блокирование воздушного сообщения; сокращение штата дипломатических представительств и консульских учреждений СРЮ; запрет на участие югославских спортсменов в международных соревнованиях; приостановка научного и технического сотрудничества, культурного обмена и поездок с участием лиц или групп,

¹¹ Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса. С. 231, 241–242.

¹² Цит. по: Никифоров К.В. Указ соч. С. 15.

¹³ Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса. С. 242.

¹⁴ Никифоров К.В. Указ соч. С. 17.

¹⁵ Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса. С. 351.

¹⁶ Там же.

официально направляемых Югославией или представляющих ее¹⁷. Фактически у членов Совета Безопасности ООН не было времени на расследование инцидента в Сараево. Этим во многом были обусловлены итоги голосования. 13 государств (в том числе и РФ) поддержали проект резолюции, Китай и Зимбабве воздержались¹⁸. По мнению экспертов, голосование России было мотивировано прежде всего идеологическими соображениями (югославский режим рассматривался в Москве как посткоммунистический), а также желанием получить от западных стран многомиллионный кредит¹⁹. В итоге СРЮ осталась без международной поддержки²⁰.

В российской прессе «югославским событиям» (международным конфликтам в Хорватии и Боснии и Герцеговине, операции «Буря»²¹, бомбардировке авиацией НАТО позиций боснийских сербов в 1995 г., санкциям в отношении СРЮ и т.д.) уделялось особое внимание. При этом ключевые медиаиздания демонстрировали различную степень интереса к данным событиям. Так, в отличие от других печатных СМИ РФ, у «Российской газеты»²² и «Правды»²³ были собственные корреспонденты в Югославии (в частности, в Белграде), которые освещали положение в этой стране. Интересно отметить, что в рассматриваемый период российские издания нередко именовали СРЮ Сербией²⁴.

Освещая политику Белграда в отношении боснийского конфликта и анализируя положение внутри страны после введения ООН санкций 30 мая 1992 г., российская пресса постепенно формировала новый для своего читателя образ Югославии. При этом в ряде случаев СМИ РФ отождествляли понятия «Югославия» и «сербы». Почти с самого начала санкционного давления на страну многим российским журналистам представлялось очевидным, что при анализе причин конфликта необходимо учитывать множество разных факторов. С их точки зрения, объявление лишь одной из сторон виновником гражданской войны было несправедливо и необъективно. Ситуация на Балканах казалась им куда более сложной. О роли, которую сыграли США в развязывании конфликта, а также в поиске виновного за произошедшие трагические события, журналист «Российской газеты» Виталий Бузуев писал за два дня до заседания Совбеза ООН, на котором были объявлены санкции в отношении Югославии. Он, в частности, отмечал: «Кто-то считает, что он имеет право судить другого, а кто-то смотрит пророку в рот и, будучи не в состоянии сформулировать собственную идею, принимает рекомендации... “Мировой полицейский” вновь использовал старую схему. Он, как ему казалось, нашел виновного там, где его на самом деле невозможно было найти: в разгоревшемся на Балканах межэтническом конфликте. И этим виновным была названа Сербия»²⁵. Бузуев также подверг резкой критике деятельность российского внешнеполитического ведомства, которое накануне визита министра иностранных дел РФ Андрея Козырева в Хорватию не сформулировало свою позицию в отношении ущемления прав сербов и других народов в странах, образовавшихся в ходе распада СФРЮ²⁶. Сделанный журналистом анализ ситуации на Балканах позволял прийти к выводу, что Югославия оказалась в международной изоляции еще до рокового голосования в Совбезе ООН.

¹⁷ *Stanković M.* Ekonomske blokade i sankcije UN prema Jugoslaviji i domaćoj privredi i neki pravni pogledi na njihov karakter i prirodu // *Pravo i privreda: časopis Udruženja pravnika u privredi SR Jugoslavije.* 1993. № 9–12. С. 61–76; *Kresović T.* UN embargo: Serbia and sanctions: chronicle of a punishment. Belgrade, 1994; *Sanctions against Yugoslavia.* Belgrade, 1998; Организация Объединенных Наций. Резолюция 757 (1992) от 30 мая 1992 г. Положение в бывшей Югославии. С. 18–22 // URL: <https://documents-dds.ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/012/64/PDF/NR001264.pdf?OpenElement> (дата обращения: 09.10.2023)

¹⁸ *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса. С. 352, 515.

¹⁹ *Никифоров К.В.* Указ. соч. С. 25.

²⁰ *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса. С. 567.

²¹ «Буря» – совместная военная операция армий Хорватии и Боснии и Герцеговины, проведенная в августе 1995 г. против Сербской Краины – самопровозглашенного сербского государства на территории Хорватии в период с 1991 по 1998 г.

²² Российская газета. 27.VI.1992. С. 7.

²³ Правда. 19.V.1992. С. 3.

²⁴ Российская газета. 28.V.1992. С. 7; Правда. 2.VI.1995. С. 3.

²⁵ Российская газета. 28.V.1992. С. 7.

²⁶ Там же.

Следует отметить, что введение санкций в отношении Югославии не вызвало в российской прессе широкого резонанса. Основное внимание уделялось экономическим последствиям принятого Совбезом ООН решения. Так, уже в начале июня 1992 г. печатные издания РФ сообщали, что жители столицы Югославии стали готовиться к блокаде, закупая муку, сахар, мыло, другие товары первой необходимости. За период с мая по июнь 1992 г. бензин подорожал вдвое. К началу лета число безработных составило 750 тыс. человек. Повсеместно вводился режим экономии. Уже тогда журналист «Известий» Борис Родионов задался вопросом: «Но стоило ли ради этого (приведения в чувство сербских ультраправых. — М.Ж.) подвергать лишениям народ Сербии и Черногории, включая сотни тысяч беженцев из мест боев?»²⁷

Подобная критика политических действий западных стран в отношении Югославии и используемых ими методов достижения мира на Балканах звучала летом 1992 г. и на страницах других российских изданий. В частности, В. Бузуев отмечал, что введение санкций против Югославии имело эффект обратный ожидаемому — оно привело к усилению военного противостояния в Боснии²⁸. По его мнению, основная причина обострения конфликта заключалась в том, что лидеры западных стран, стремясь установить мир на Балканах, решили ограничиться давлением на Югославию, которая к тому моменту уже перестала оказывать решающее влияние на события в Боснии и Герцеговине. Другим важным фактором кризиса, с точки зрения Бузуева, являлся неопределенный правовой и политический статус этой республики. Еще до признания ее независимости в апреле 1992 г. не были приняты соответствующие законодательные акты, которые могли бы гарантировать равные права всем национальностям²⁹. Заместитель главного редактора «Российской газеты» отмечал, что избранные Западом методы силового давления, которые привели к эффективным результатам в случае с Ираком³⁰, оказались бесполезны в ситуации с Югославией: «Балканы — не Ближний Восток, а Сербия — не Ирак. Сербии не удалось сломить в свое время ни Гитлеру, ни Сталину»³¹.

В тот же период в медийном пространстве РФ высказывалась идея о том, что Югославия не была единственным виновником сложившегося кризиса. По мнению В. Бузуева, «рано или поздно придется, видимо, признать, что обвинение в агрессии одной Сербии — поверхностное и в общем-то ошибочное решение»³².

Однако мировое сообщество продолжало «наказывать» Югославию. В конце 1992 г. был ужесточен режим санкций. Согласно резолюции № 787, принятой Совбезом ООН 16 ноября 1992 г., запрещалась транзитная перевозка нефти, нефтепродуктов, угля, оборудования для энергетики, железа, стали через территорию СРЮ³³.

Принятие резолюции вызвало негативную реакцию в российском обществе. В начале декабря 1992 г. в «Правде» было опубликовано обращение российских ученых к Съезду народных депутатов, в котором отмечалось, что введенные в ноябре санкции принесли новые страдания гражданскому населению СРЮ³⁴. При этом объявление Сербии и Черногории единственными виновниками югославского кризиса именовалось «величайшей несправедливостью». Авторы обращения исходили, в частности, из того факта, что доклад генерального секретаря ООН об ответственности за развязывание конфликта всех его участников, а не только СРЮ, «запоздал» к заседанию Совбеза ООН, состоявшемуся 30 мая 1992 г. В документе также отмечалось, что, в отличие от лидеров других республик бывшего СФРЮ, руководство Югославии приложило немало усилий для поиска мирного выхода из кризиса. В частности, в мае 1992 г. Югославская

²⁷ Известия. 4.VI.1992. С. 6.

²⁸ Российская газета. 16.VII.1992. С. 7.

²⁹ Там же.

³⁰ Введенные Советом Безопасности ООН санкции против Ирака действовали с 1990 по 2003 г.

³¹ Российская газета. 29.VIII.1992. С. 7.

³² Российская газета. 16.VII.1992. С. 7.

³³ Организация Объединенных Наций. Резолюция 787 (1992) от 16 ноября 1992 г. // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N92/723/05/PDF/N9272305.pdf?OpenElement> (дата обращения: 09.10.2023); Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса. С. 591.

³⁴ Правда. 2.XII.1992. С. 1.

народная армия была выведена с территории Боснии, в то время как хорватские вооруженные формирования продолжали ведение боевых действий. Причинами ужесточения санкций назывались стремление западных держав не допустить вступления СРЮ в ООН, а также подготовка странами НАТО почвы для военного вмешательства в конфликт, а возможно, и «для прямой интервенции... в Югославию под благовидным предлогом умиротворения»³⁵. В обращении указывались и возможные последствия подобной политики: «Население несправедливо репрессированных “мировым сообществом” республик обрекается на новые испытания вплоть до вымирания»³⁶.

В защиту Югославии высказались и 1200 ветеранов войны и труда, которые опубликовали письмо поддержки сербскому народу в газете «Правда». Ужесточение ООН режима санкций они назвали «геноцидом». В письме отмечалось: «Ни грамма топлива и медикаментов не получают сербы этой зимой. Сотни тысяч приговорены к гибели от холода»³⁷.

События вокруг Югославии вызвали негативную реакцию и у журналистов ведущих российских периодических изданий. Корреспондент газеты «Правда» Евгений Фадеев отмечал, что в западных СМИ формировались устойчивые образы воюющих сторон, далекие от реальности: «непорочные мусульманские и хорватские борцы за свободу» и «национал-большевистские сербские агрессоры»³⁸. Эти широко растиражированные в мире образы свидетельствовали о поражении Югославии в информационной войне. В статье газеты «Известия» Анатолий Друзенко так рассуждал о происходящем на Балканах: «Блокада застала Сербию врасплох — особенно пропагандистская. Пока Белград приходил в себя, поезд ушел. В мире сложилось устойчивое представление о конфликте с участием “агрессивных сербов” и “защищающихся хорватов”»³⁹. В этой ситуации некоторые журналисты заняли открыто просербскую позицию. Так, Е. Фадеев в уже упомянутой статье в «Правде» обращался к своим читателям с риторическими вопросами: «В чем вина сербов? В том, что они, в отличие от нас, встали на защиту своих братьев, оказавшихся за никогда не существовавшими границами Хорватии, Боснии и Герцеговины?»⁴⁰.

Отказ боснийских сербов принять разработанный в январе 1993 г. специальными представителями ООН Сайрусом Вэнсом и Дэвидом Оуэном план мирного урегулирования конфликта, предусматривавший деление Боснии и Герцеговины на 10 провинций или кантонов и передачу сербам 42,3% территории республики, мусульманам — 28,8%, хорватам — 25,4%⁴¹, вызвал негативную реакцию со стороны США и европейских государств⁴². Западные политики исходили из того, что, оказывая давление на официальный Белград, они смогут добиться уступок со стороны лидеров боснийских сербов⁴³. 17 апреля 1993 г. Совбез ООН принял новый пакет экономических санкций против Югославии, которые должны были вступить в силу с 26 апреля в случае окончательного отказа руководства самопровозглашенной Республики Сербской⁴⁴ от плана Вэнса — Оуэна. Текст резолюции № 820 предусматривал запрет на предоставление финансовых и иных услуг физическим лицам или организациям, ведущим предпринимательскую деятельность на территории Югославии. Исключение составляли лишь услуги в области

³⁵ Там же. С. 3.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 1.

³⁸ Правда. 12.XII.1992. С. 3.

³⁹ Известия. 5.III.1993. С. 5.

⁴⁰ Правда. 12.XII.1992. С. 3

⁴¹ Следует напомнить, что в конце 1992 г. мусульмане контролировали лишь 11% территории Боснии и Герцеговины, а хорваты — около 12%.

⁴² Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса. С. 359–374; Никифоров К.В. Указ соч. С. 28.

⁴³ Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса. С. 369–370.

⁴⁴ Республика Сербская — непризнанное международным сообществом государство боснийских сербов, провозглашенное в 1992 г. и по результатам Дейтонских соглашений 1995 г. вошедшее в состав Боснии и Герцеговины.

электросвязи и почты и юридические консультации, а также помощь в решении гуманитарных вопросов. Предполагалась и заморозка югославских счетов в иностранных банках⁴⁵.

Политическому руководству СРЮ не удалось уговорить президента Республики Сербской Радована Караджича принять план Вэнса — Оуэна⁴⁶. В итоге новый пакет антиюгославских санкций, в результате которых страна оказалась в полной экономической изоляции, вступил в силу. В конце апреля 1993 г. были блокированы все морские гавани в Черногории, закрыты порты на Дунае, а также запрещен транзит товаров и других грузов через территорию СРЮ. В этот же период были заморожены валютные средства всех югославских коммерческих компаний, организаций и банков за пределами страны. На морские суда и автомобильный транспорт СРЮ был наложен временный арест. «Фактически вокруг территории Сербии и Черногории сомкнулось кольцо полной блокады — закрылись все их сухопутные, морские и речные границы»⁴⁷, — сообщала газета «Известия». «Связь Югославии с внешним миром была прервана»⁴⁸.

Последствия новых санкций для экономики страны и ее граждан были катастрофически-ми⁴⁹. С мая 1992 по июнь 1993 г. промышленное производство сократилось почти на 45%. Многие заводы и фабрики прекратили работу. К началу лета 1993 г. уровень безработицы составил около 50%, месячная гиперинфляция достигла более 200%⁵⁰. Югославский динар обесценивался фактически каждый час, финансовая система находилась на грани краха. В этот период начался дефицит некоторых продуктов питания, а также дизельного топлива для тракторов и грузовых автомобилей. Многие автобусные рейсы были отменены⁵¹. Согласно данным Республиканского статистического управления Югославии, потери страны за период с 1992 по 1993 г. составили 10 млрд долларов⁵². Как отмечалось выше, в 1993 г. гиперинфляция достигла критического уровня. В начале января стоимость 800-граммового батона хлеба составляла 500 динаров, в апреле — 16600⁵³.

Спустя полгода экономика СРЮ была близка к коллапсу⁵⁴. Югославская трагедия вызвала однозначную реакцию российских СМИ. В сентябре 1993 г. в «Известиях» вышла статья под заголовком «Экономическая блокада превратила Югославию в страну третьего мира», в которой, в частности, сообщалось, что в результате введенных против СРЮ санкций страна потеряла почти 25 млрд долларов. По мнению экспертов, в Югославии произошел «полный развал» экономики. Автор вышеупомянутой статьи Николай Ермолович отмечал: «Некогда процветавшая страна, где уровень национального дохода на душу населения достигал 3 тыс. долларов, сегодня встала в один ряд со слаборазвитыми странами третьего мира. Темпы инфляции чудовищны: в августе динар обесценился на 1880%. Всего за месяц цены в среднем возросли почти в девятнадцать раз. По отдельным видам товаров рост был куда выше»⁵⁵. По оценкам экономистов, в конце 1993 г. инфляция в Югославии составляла 1 млн, в январе 1994 г. — 313 млн%. С ноября по декабрь 1993 г. цены (на все виды продукции) увеличились в 1790 раз, на сельхозпродукты — в 3586 раз.

Именно в этот период в СРЮ была введена распределительная система. Продукты питания и некоторые другие товары нормировались. На семью, состоящую из четырех человек,

⁴⁵ Организация Объединенных Наций. Резолюция 820 (1993), принятая Советом Безопасности на его 3200 заседании 17 апреля 1993 г. // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N93/222/99/PDF/N9322299.pdf?OpenElement> (дата обращения: 09.10.2024).

⁴⁶ Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса. С. 370.

⁴⁷ Известия. 27.IV.1993. С. 3.

⁴⁸ Известия. 30.IV.1993. С. 7.

⁴⁹ *Stanković M.* Ekonomske blokade i sankcije UN; *Idem.* Ekonomske sankcije OUN i pričinjene štete jugoslovenskoj privredi // Tržište, novac, kapital. 1994. № 1. S. 38–45; *Kresović T.* Op. cit.; *Ekonomske sankcije UN: uporedna analiza i slučaj Jugoslavije / prir. M. Prokopijević, J. Teokarević.* Beograd, 1998; *Sanctions against Yugoslavia.*

⁵⁰ Известия. 1.IX.1993. С. 3.

⁵¹ Там же.

⁵² Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса. С. 591.

⁵³ Правда. 24.IV.1993. С. 3.

⁵⁴ *Kresović T.* Op. cit.

⁵⁵ Известия. 9.IX.1993. С. 3. Подробнее см.: Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса. С. 591–592.

ежемесячно выдавалось 25 кг муки, 2 кг сахара, 3 л растительного масла и 2 кг мыла или стирального порошка⁵⁶. Как справедливо отметил журналист «Известий», обращение правительства СРЮ к международному сообществу с запросом о разрешении на ввоз в страну топлива (природного газа, мазута), сырья и полуфабрикатов для производства лекарств, а также некоторых видов продовольствия, в гуманитарных целях осталось без ответа, как и просьба официального Белграда к ООН уточнить требования, предъявленные Югославии в резолюциях Совбеза, и указать, какие из них не были выполнены. Подчеркнув, что лишь урегулирование боснийского конфликта приведет к смягчению санкций, журналист счел правоммерным повторить вопрос, заданный президентом Сербии Слободаном Милошевичем⁵⁷ западным корреспондентам в Женеве в ходе Международной конференции по бывшей Югославии: «Логично ли и нравственно ли продолжать применение санкций... когда мирный план отвергает мусульманское руководство (в данном случае речь шла о лидерах боснийских мусульман. — М.Ж.)?»⁵⁸ Однако стоит напомнить, что и боснийские сербы отказались принять план Вэнса — Оуэна, вопреки давлению Белграда.

Российская пресса сообщала и о других трагических последствиях санкций. Так, в статье, опубликованной 21 декабря 1993 г. в «Правде», Е. Фадеев писал: «Еще одна черная, шокирующая страница в книге “цивилизованных санкций” против Союзной Республики Югославии: в психиатрической клинике города Ниш в ноябре скончалось 23 пациента. От отсутствия лекарств, голода и холода...»⁵⁹ Это событие не могло оставить автора равнодушным. Он охарактеризовал происходящее «каким-то средневековым измывательством над сербским и черногорским народами, не желающими встать на колени»⁶⁰. Действительно, санкции негативно отразились не только на экономике, но на других сферах жизни страны: здравоохранении, образовании, культуре, спорте и т.д.⁶¹

Некоторые российские журналисты также отмечали, что цель «суровых санкций» в отношении Югославии — урегулирование боснийского конфликта — так и не была достигнута⁶². Более того, санкции привели не к прекращению боевых действий, а к их эскалации⁶³. Как представители СМИ, так и научные эксперты понимали, что экономическая блокада СРЮ преследовала и иную цель: трансформацию политического режима в стране⁶⁴.

Важно отметить, что в российском обществе существовал определенный консенсус относительно событий в Боснии и Герцеговине. Так, в апреле 1993 г. депутаты Верховного совета России сделали заявление, в котором подчеркивалось, что ответственность за развязывание конфликта несут все его участники, «а не только сербы, и в этом отношении существует явный перекос в общественном мнении»⁶⁵. С подобной оценкой были согласны и такие российские ученые, как основоположник «нового направления» в советской историографии академик РАН П.В. Волобуев и ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и политических исследований РАН Л.В. Тягуенко, которые высказали свою позицию в прессе. В их совместной статье, опубликованной на страницах «Правды», речь шла, в частности, о двойных

⁵⁶ Подробнее см.: *Бурзановић М., Златановић В., Миљковић Д.* Квалитет исхране становништва пре и за време спровођења санкција у СР Југославији. Београд, 1996.

⁵⁷ Слободан Милошевић занимал пост президента Сербии с 1992 по 1997 г., Югославии — с 1997 по 2000 г.

⁵⁸ Известия. 9.IX.1993. С. 3.

⁵⁹ Правда. 21.XII.1993. С. 3.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Дејство санкција Савета безбедности Уједињених нација на здравље народа СР Југославије: зборник радова: 7. април 1994. Београд, 1994; Two years after: legal, humanitarian and economic impacts of the UN Security Council sanctions against the FR of Yugoslavia. Belgrade, 1994; *Маџванин Ђ.* Утицај економских санкција на здравствено стање деце и омладине. Докtorsка дисертација. Нови Сад, 1999; *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса. С. 591–600.

⁶² Известия. 1.VI.1993. С. 3.

⁶³ Правда. 8.VII.1993. С. 3.

⁶⁴ *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса. С. 566.

⁶⁵ Российская газета. 28.IV.1993. С. 1.

стандартах в политике США и стран Западной Европы на Балканах. Так, Хорватия, регулярная армия которой участвовала в боевых действиях на территории Боснии и Герцеговины и совершала нападения на Сербскую Краину, получала лишь предупреждения о возможном введении международных санкций. Югославия же, которая, как отмечалось выше, вывела свою армию из зоны конфликта еще в 1992 г., объявлялась ООН главным виновником балканской трагедии, агрессором⁶⁶. «Вся тяжесть санкций обрушилась именно на нее»⁶⁷.

Подобные оценки звучали и в комментариях представителей российской прессы. Так, сотрудник «Независимой газеты» Евгений Матонин, отмечая, что сербское руководство и Слободан Милошевич были ответственными за происходящее в Боснии в большей степени, чем другие стороны конфликта, что Белград передавал оружие боснийским сербам и что СРЮ как самая мощная в военном отношении страна на Балканах, должна была первой пойти на прекращение огня, также напомнил о факте присутствия 30 тыс. солдат хорватской армии в зоне боевых действий и о неоднозначной роли в югославском кризисе первого президента Боснии и Герцеговины Алии Изетбеговича (1992–1996), объявившего о независимости республики. «Если уж вводить санкции, то против всех сторон, прямо или косвенно участвующих в конфликте»⁶⁸, — предлагал журналист. Он отметил, что в случае Югославии речь шла не об агрессии, а именно о гражданской войне, в которой были «виновны... все стороны без исключения»⁶⁹. Санкции он назвал «жестом отчаяния со стороны международного сообщества», но «жестом крайне неразумным». С его точки зрения, они не могли способствовать разрешению конфликта⁷⁰.

Однако в рассматриваемый период в российском медийном пространстве высказывались и иные мнения относительно ситуации на Балканах. 22 июля 1993 г. Верховный Совет РФ принял обращение к международному сообществу, в котором призвал поддержать отмену санкций против СРЮ, учитывая «сложившееся ... согласие по вопросу об ответственности каждой из сторон в югославском конфликте, а также неучастие в настоящее время Сербии и Черногории в военном противостоянии в Боснии». Комментируя этот документ, один из экспертов отметил: «В тексте преобладают эмоции. Депутатам следовало бы учесть весь спектр мнений по югославской проблеме, существующих среди наших зарубежных партнеров»⁷¹. Несогласие с действиями законодателей выразил и один из высокопоставленных сотрудников МИД РФ: «Белград никоим образом не вышел из игры и сохраняет серьезное влияние на сербов в Боснии и Хорватии. Кроме того, Милошевич до сих пор не согласился на размещение наблюдателей ООН вдоль границы с Боснией и Герцеговиной, что также вызывает сомнения в полной искренности югославского руководства»⁷².

Принятие данного документа осталось практически незамеченным мировым сообществом. Однако спустя полгода в подходе США к боснийскому конфликту и к политике в отношении СРЮ произошли определенные изменения. В декабре 1993 г. представители Госдепартамента заявили о возможном смягчении антиюгославских санкций в случае, если боснийские сербы вернут мусульманам 3–4% территории, занятой в ходе конфликта. При этом речь не шла о полной отмене эмбарго⁷³. По мнению сотрудника «Известий» Максима Юсина, готовность ослабить давление на Белград свидетельствовала прежде всего об «усталости» стран Европы и США (которые два года безуспешно пытались найти выход из сложившегося кризиса) от боснийского конфликта. Журналист пришел к выводу, что Западу придется ограничиться чисто символическими уступками со стороны Республики Сербской, что позволит ООН и СБСЕ хотя бы сохранить свой престиж. Несмотря на дипломатическое давление, экономические санкции

⁶⁶ Правда. 8.VII.1993. С. 3.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Независимая газета. 3.VI.1992. С. 4.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Известия. 24.VII.1993. С. 3.

⁷² Там же.

⁷³ Известия. 2.XII.1993. С. 3.

и угрозу военного вмешательства, западным странам и международным организациям не удалось добиться главной цели — заставить боснийских сербов «вернуть земли»⁷⁴.

Однако, несмотря на заявления Госдепартамента, смягчения санкций в ближайшие месяцы не последовало. Решение об ослаблении эмбарго против СРЮ было принято ООН лишь осенью 1994 г., вслед за изменениями в политике Милошевича в отношении боснийских сербов. В этот период руководство Югославии пошло на разрыв политических и экономических контактов с Республикой Сербской, заявив о закрытии границы с Боснией и Герцеговиной. Как следствие, в конце сентября 1994 г. Совбез ООН принял решение о приостановке антиюгославских санкций на 100 дней в случае, если обещание официального Белграда будет выполнено⁷⁵. Согласно резолюции № 943 Совбеза ООН, восстанавливалось воздушное и морское сообщение СРЮ с другими странами, а также возобновлялись международные контакты с Белградом в сфере культуры и спорта, прерванные в связи с санкциями⁷⁶. Данное решение не было оставлено без внимания российскими СМИ. 6 октября 1994 г. «Независимая газета» вышла под заголовком «Политическая блокада с Белграда снята»⁷⁷.

Однако, вопреки обещаниям Совбеза, резолюция № 943 не вступила в силу сразу после ее принятия. Анализируя события на Балканах, Е. Фадеев подверг резкой критике политику ООН в отношении Югославии, отмечая исключительно пропагандистский характер резолюции. По его мнению, решение Совбеза «ничего не дает разрушенной экономике страны, а также ни в чем вообще не повинным соседним государствам»⁷⁸. Обвиняя международное сообщество в двойных стандартах, автор сравнил данную ситуацию с политическим кризисом вокруг Гаити в июле 1994 г., когда заявление США о проведении операции «Поддержка демократии» с целью возвращения в эту страну законного президента Жана-Бертрана Аристида, свергнутого военной хунтой, было одобрено Совбезом ООН в течение всего суток (резолюция № 940)⁷⁹.

Вслед за смягчением санкций ООН российское руководство приняло решение о полной отмене эмбарго в отношении СРЮ. Исходя из того, что Белград выполнил требования Совбеза, «не является прямым участником конфликта на Балканах и в настоящее время нет никаких оснований для сохранения экономических санкций»⁸⁰, 14 апреля 1995 г. Государственная Дума приняла постановление «Об отмене экономических санкций и восстановлении полномасштабного сотрудничества с Союзной Республикой Югославией», согласно которому президенту и правительству РФ предлагалось принять действенные шаги, направленные на активизацию усилий представителей страны в Совете Безопасности ООН по снятию санкций, а также по восстановлению полноправного статуса СРЮ в ООН и в других международных организациях⁸¹. В заявлении президента Бориса Ельцина по «балканскому вопросу» также отмечалось, что Югославия выполнила все требования «мирового сообщества». При этом российский лидер охарактеризовал санкции против официального Белграда как «антисербские»⁸².

Несмотря на изменения в политике ООН в отношении СРЮ и соответствующие заявления политического руководства РФ, некоторые российские издания выражали сомнения в ожидаемой Белградом отмене антиюгославских санкций. Так, в статье, опубликованной 15 июня 1995 г. в «Российской газете», журналист Владимир Кузнечевский отметил стремление Запада

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса. С. 577, 600.

⁷⁶ Организация Объединенных Наций. Резолюция № 943 (1994), принятая Советом Безопасности на его 3428-м заседании 23 сентября 1994 г. // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N94/372/80/PDF/N9437280.pdf?OpenElement> (дата обращения: 09.10.2023).

⁷⁷ Независимая газета. 6.X.1994. С. 1.

⁷⁸ Правда. 5.X.1994. С. 7.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Известия. 15.IV.1995. С. 1; Постановление ГД ФС РФ от 14.04.1995 № 695-1 ГД «Об отмене экономических санкций и о восстановлении полномасштабного сотрудничества с Союзной Республикой Югославией» // Pravo.levonevsky.org. Правовая библиотека. URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazaru09/postanovi/sbor37/text37782.htm> (дата обращения: 09.10.2023).

⁸¹ Никифоров К.В. Указ. соч. С. 123.

⁸² Российская газета. 10.X.1995. С. 1.

подчинить себе Югославию и рассматривал эмбарго как действенный и «долговечный» инструмент влияния на воюющие стороны. По мысли автора, «как только возникает ситуация смягчения на фронтах в Боснии и Хорватии, а в международном сообществе — настроения пойти на смягчение, в свою очередь, санкций или вовсе на их отмену, тотчас же кто-то подает сигнал горячим головам, и те начинают наступление на сербские позиции в Хорватии или Боснии. И, похоже, так будет продолжаться до тех пор, пока, как сказал однажды министр иностранных дел ФРГ Клаус Кинкель, “сербы не будут поставлены на колени”»⁸³. Другой сотрудник «Российской газеты» Владимир Семин подчеркнул, что Запад добился поставленных целей, но не снял эмбарго в отношении официального Белграда. Анализируя политику США на Балканах, он писал: «СРЮ прервала связи с боснийскими сербами, закрыла границы и, идя навстречу пожеланиям Запада, разместила на границах с Боснией и Герцеговиной международных контролеров. С тех пор прошло около года, Белград выполняет (и международные наблюдатели это подтверждают) взятые на себя обязательства. Казалось бы, пора отменять санкции, однако все попытки России и некоторых других стран активизировать движение международного сообщества в этом направлении блокируются США и их союзниками»⁸⁴. В итоге журналист пришел к выводу, что западные державы не согласились на официальную отмену санкций, так как преследовали собственные цели на Балканах, важнейшей из которых являлась смена политического режима в СРЮ⁸⁵.

Руководство Югославии принимало все возможные меры по преодолению негативных экономических последствий режима санкций. По сообщениям российских СМИ, в 1995 г. жизнь в Белграде и других югославских городах постепенно налаживалась. Корреспондент «Известий» Игорь Ротарь описывал обстановку в столице СРЮ в сентябре того же года следующим образом: «На первый взгляд жизнь югославской столицы и других городов Восточной Европы практически неотличимы друг от друга. Чистые, заполненные празднично прогуливающимися, нарядно одетыми горожанами улицы, многочисленные, изобилующие товарами магазины, попадающиеся практически на каждом углу кафе, — все это как-то не вяжется с характерными приметам города, считающегося прифронтовым»⁸⁶. Другой сотрудник «Известий» Борис Виноградов отмечал: «Если бы не знал, что существуют санкции ООН, не догадался бы, что город живет в условиях экономической блокады. Бензин, хоть и дорогой — почти доллар за литр, есть всюду. В магазинах полно товаров. Продукты на любой вкус, цены не выше, чем у нас. Одно отличие: продовольствие — от овощей и фруктов до форели и ветчины — сплошь югославское»⁸⁷.

В этот период важные изменения происходили и в политической жизни СРЮ. С конца июля 1994 г., когда под давлением ООН и РФ Милошевич осудил боснийских сербов за отказ принять очередной план мирного урегулирования конфликта⁸⁸ и разорвал с ними отношения, президент Сербии стал поддерживать усилия международных организаций по разрешению кризиса⁸⁹. В 1995 г. Милошевич совершил резкий поворот в своей политике, взяв курс на развитие партнерских отношений со странами Запада. Комментируя причины смены внешнеполитического вектора СРЮ, заместитель главного редактора «Известий» Леонид Млечин отмечал: «Милошевичу нужно было во что бы то ни стало добиться от ООН снятия санкций»⁹⁰.

⁸³ Российская газета. 15.VI.1995. С. 7.

⁸⁴ Российская газета. 18.IV.1995. С. 3.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Известия. 22.IX.1995. С. 4.

⁸⁷ Известия. 23.IX.1995. С. 3.

⁸⁸ Речь идет о плане международной Контактной группы по урегулированию в Боснии и Герцеговине, который касался прежде всего разграничения между провозглашенной в марте 1994 г. Федерацией Боснии и Герцеговины, объединявшей районы, контролируемые на тот момент мусульманами и хорватами, и Республикой Сербской. Согласно этому плану, Федерация должна была занимать 51% территории Боснии. В случае его реализации под контроль хорватов и мусульман переходило около 20% территории Республики Сербской. Вопрос конституционного устройства Боснии и Герцеговины в рамках этой инициативы не рассматривался. Подробнее см.: *Никифоров К.В.* Указ. соч. С. 36–38, 53, 55–57.

⁸⁹ *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса. С. 577.

⁹⁰ Известия. 5.X.1995. С. 3.

По мнению аналитика, югославское руководство подталкивало лидеров Республики Сербской к заключению мирного соглашения с боснийскими мусульманами и хорватами.

Договоренности о прекращении боевых действий на территории Боснии были согласованы сторонами конфликта (при активном участии США) в Дейтоне 21 ноября 1995 г. и подписаны президентами Сербии, Хорватии и Боснии и Герцеговины в Париже 15 декабря того же года. Война была остановлена. Дейтонские соглашения предусматривали, что единое государство Босния и Герцеговина должно состоять из двух частей — федерации с аналогичным названием и преимущественно хорватским и мусульманским населением (51% территории) и Республики Сербской (49% территории)⁹¹. 22 ноября 1995 г. резолюции Совбеза ООН № 1021 и № 1022 приостановили действие санкций в отношении СРЮ на неограниченный срок⁹². Запад добился своих целей. При этом, по мнению некоторых российских журналистов, не только США и страны Европы оказались в выигрышной ситуации после заключения Дейтонских соглашений. В частности, журналист «Известий» Владимир Надеин писал: «Сербский президент Милошевич получает почти немедленно то, чего всего более желает: снятия экономических санкций. Ради этого он отступил от своих подопечных — боснийских сербов»⁹³.

1 октября 1996 г. Совбез ООН принял резолюцию № 1074 об отмене санкций в отношении СРЮ. При этом США отказались включить в текст документа пункт, предусматривавший автоматическое восстановление Югославии в ООН и других международных организациях, а также помешали установлению связей Белграда с Международным валютным фондом, Всемирным банком и другими финансовыми институтами. Югославские счета в западных банках оставались замороженными. Страна жила в условиях санкций 1584 дня⁹⁴. Прямой экономический ущерб от эмбарго лишь за первый год оценивался экспертами в 10 млрд долларов, за три года — в 45 117 млрд⁹⁵. Как справедливо отметила Е.Ю. Гуськова, «санкции могли достичь лишь одной цели — серьезно подорвали экономику Югославии, поставили народ на грань выживания. Мерами экономической блокады ставилась под вопрос реализация основных прав и свобод человека, создавались тяжелые условия жизни для населения СРЮ»⁹⁶.

Освещая события первой половины 1990-х годов в СРЮ и, в частности, анализируя последствия международных санкций, большинство журналистов четырех российских изданий в своих публикациях учитывали такие важные факторы югославского кризиса, как роль и заинтересованность в конфликте стран Запада, политические амбиции Слободана Милошевича и т.д. Важно также отметить, что некоторые обозреватели занимали открыто просербскую позицию, подвергая резкой критике не только политику США и европейских государств в отношении СРЮ, но и «бездействие» российской дипломатии. Тем не менее большинство авторов проявляли сдержанность в своих оценках ситуации на Балканах. Анализируя причины введения ООН антиюгославских санкций, а также западные подходы к разрешению кризиса, они неоднократно отмечали факт международной изоляции СРЮ. При этом из всех заголовков просмотренных нами публикаций (ок. 5 тыс.) за период с 1992 по 1995 г. лишь один имел ярко выраженную негативную коннотацию⁹⁷.

Библиография / References

Бјелајац М. Југословенско искуство са мултиетничком армијом са посебним освртом на БиХ // Војно-историјски гласник. 2008. № 2. С. 70–93. (На серб.)

Бурзановић М., Златановић В., Миљковић Д. Квалитет исхране становништва пре и за време спровођења санкција у СР Југославији. Београд, 1996. (На серб.)

Гуськова Е.Ю. Внешняя политика России в годы югославского кризиса (1985–1995). СПб., 2022.

⁹¹ *Никифоров К.В.* Указ соч. С. 203–223.

⁹² *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса. С. 600.

⁹³ Известия. 23.XI.1995. С. 3.

⁹⁴ *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса. С. 600.

⁹⁵ Там же. С. 591.

⁹⁶ Цит. по: *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса. С. 591.

⁹⁷ См.: Известия. 28.I.1993. С. 1.

- Гуськова Е.Ю. Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии. М., 1998.
- Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса. М., 2001.
- Гуськова Е.Ю. Урегулирование на Балканах: от Бриони до Дейтона (мирные планы 1991–1995 гг.). М., 1998.
- Дејство санкција Савета безбедности Уједињених нација на здравље народа СР Југославије: зборник радова: 7. април 1994. Београд, 1994. (На серб.)
- Едемский А.Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008.
- Јовановић М. Срби и Руси 12–21. век: (историја односа). Београд, 2012. (На серб.)
- Каменская Е.В. «Ни друг, ни враг». Югославия второй половины 1960-х гг. на страницах советской печати и в восприятии населения (по материалам Урала) // Документ. Архив. История. Современность. Сборник научных трудов / гл. ред. Л.Н. Мазур. Вып. 19. Екатеринбург, 2019. С. 168–180.
- Кандель П.Е. Как разваливалась Югославия? // Обозреватель. 1992. № 3. С. 121–132.
- Косанович Б. Сербия и Черногория в русской поэзии периода Первой мировой войны // Славяноведение. 2004. № 6. С. 42–47.
- Мартынова М.Ю. Балканский кризис: народы и политика. М., 1998.
- Мартынова М.Ю. Война на Балканах: истоки и реалии (1991–1994) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 84. М., 1995.
- Москва – Сербия, Белград – Россия: в 4-х т. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917 гг. М.; Белград, 2012.
- Никифоров К.В. Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999.
- Николић К. Југославија, последњи дани: 1989–1992: у 3 књ. Књ. 3. Разарање државе, стварање држава. Београд, 2022. (На серб.)
- Поповић Н.Б. Југословенско-совјетски односи у Другом светском рату. Београд, 1988. (На серб.)
- Поповић Н.Б. Србија и царска Русија. Београд, 1994. (На серб.)
- Романенко С.А. Распад Югославии: заговор или историческая неизбежность? // Политика. 1998. № 2. С. 159–178.
- Романенко С.А. Югославия: кризис, распад, война, образование независимых государств. М., 2000.
- Срби и пропаст Југославије: приручник / уред. Ч. Антић, А. Маринковић, З. Аврамовић. Београд, 2017. (На серб.)
- Тимофеев А. Руси и Други светски рат у Југославији: Утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији, 1941–1945. Београд, 2011. (На серб.)
- Энгельгардт Г.Н. Россия и боснийский кризис, 1992 год: формирование подхода к урегулированию // Славяноведение. 2000. № 3. С. 27–41.
- Bjelajac M. Jugoslovensko iskustvo sa multietničkom armijom, sa posebnim osvrtom na BiKh [Yugoslav Experience with the Multiethnic Army with a Special Glance on Bosnia] // Vojno-istorijski glasnik [Military Historical Gazette]. 2008. № 2. S. 70–93. (In Serb.)
- Burzanovich M., Zlatanovich V., Mil'kovich D. Kvalitet ishrane stanovništva pre i za vreme sprovođenja sankcija u SR Jugoslaviji [The Quality of Nutrition of the Population before and during the Implementation of Sanctions in FR Yugoslavia]. Beograd, 1996. (In Serb.)
- Deјstvo sankcija Saveta bezbednosti Uјedinjenih nacija na zdravlje naroda SR Jugoslavije: zbornik radova: 7. april 1994 [The Impact of the UN Security Council Sanctions on the Health of the Citizens of the Federal Republic of Yugoslavia. Digest of articles. April 7, 1994]. Beograd, 1994. (In Serb.)
- Едемский А.Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах [From Conflict to Normalization. Soviet-Yugoslav Relations in 1953–1956]. Москва, 2008. (In Russ.)
- Engel'gardt G.N. Rossiia i bosniiskii krizis, 1992 god: formirovanie podkhoda k uregulirovaniu [Russia and the Bosnian Crisis in 1992. Shaping the Approach to Settlement] // Slavjanovedenie [Slavic Studies]. 2000. № 3. S. 27–41. (In Russ.)
- Gus'kova E.Iu. Istoriia iugoslavskogo krizisa [History of the Yugoslav Crisis]. Moskva, 2001. (In Russ.)
- Gus'kova E.Iu. Uregulirovanie na Balkanah: ot Brioni do Dejtona (mirnye plany 1991–1995 gg.) [Settlement in the Balkans: from Brioni to Dayton (Peace Plans 1991–1995)]. Moskva, 1998. (In Russ.)
- Gus'kova E.Iu. Vneshniaia politika Rossii v gody iugoslavskogo krizisa [Russia's Foreign Policy during the Yugoslav Crisis], 1985–1995. Sankt-Peterburg, 2022. (In Russ.)
- Gus'kova E.Iu. Vooruzhennye konflikty na territorii byvshei Jugoslavii [Armed Conflicts in the Territory of the Former Yugoslavia]. Moskva, 1998. (In Russ.)
- Jovanovich M. Srbi i Rusi 12–21. vek: (istorija odnosa) [Serbs and Russians From 12th to 21st Centuries (the History of Relations)]. Beograd, 2012. (In Serb.)

Kamenskaja E.V. “Ni drug, ni vrag”. Jugoslaviia vtoroi poloviny 1960-kh gg. na stranitsakh sovsotskoi pečati i v vospriiatii naseleniia (po materialam Urala) [“Neither Friend Nor Foe”: Yugoslavia in the Second Half of the 1960s in Soviet Press and Public Perceptions (Materials of the Soviet Press in Ural Region)] // Dokument. Arkhiv. Istoriia. Sovremennost’. Sbornik nauchnykh trudov [Document. Archive. Story. Modernity. The Collection of Scientific Papers] / gl. red. L.N. Mazur. Vyp. 19. Ekaterinburg, 2019. S. 168–180. (In Russ.)

Kandel’ P.E. Kak razvalivalas’ Jugoslaviija? [How did Yugoslavia Fall Apart] // Obozrevatel’ [Observer]. 1992. № 3. S. 121–132. (In Russ.)

Kosanovich B. Serbiia i Chernogorija v russkoi poezii perioda Pervoi mirovoi vojni [Serbia and Montenegro in the Russian Poetry during the First World War] // Slavjanovedenie [Slavic Studies]. 2004. № 6. S. 42–47. (In Russ.)

Martynova M.Ju. Balkanskii krizis: narody i politika [Crisis in the Balkans: Peoples and Policy]. Moskva, 1998. (In Russ.)

Martynova M.Ju. Voina na Balkanakh: istoki i realii [War in the Balkans: Origins and Reality] (1991–1994) // Issledovaniiia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii [Research in Applied and Urgent Ethnology]. № 84. Moskva, 1995. (In Russ.)

Moskva – Serbiia, Belgrad – Rossiia [Moscow – Serbia, Belgrade – Russia]: v 4-kh t. T. 3. Obshchestvenno-politicheskie i kul’turnye svjazi [Socio-Political and Cultural Relations], 1878–1917. Moskva; Belgrad, 2012. (In Russ.)

Nikiforov K.V. Mezhdru Kremlem i Respublikoj Serbskoj (Bosniiskii krizis: zavershaiushchii etap) [Between the Kremlin and the Republic of Srpska (The Bosnian Crisis: The Final Stage)]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Nikolic K. Jugoslaviija, poslednji dani: 1989–1992 [Yugoslavia, Final Days, 1989–1992]; u 3 kn. Kn. 3. Razaranje drzhave, stvaranje drzhava [Destruction of the State, Establishment of the States]. Beograd, 2022. (In Serb.)

Popovich N.B. Jugoslovensko-sovjetski odnosi u Drugom svetskom ratu [Yugoslav-Soviet Relations during the Second World War]. Beograd, 1988. (In Serb.)

Popovich N.B. Srbija i tsarska Rusija [Serbia and Imperial Russia]. Beograd, 1994. (In Serb.)

Romanenko S.A. Jugoslaviia: krizis, raspad, voina, obrazovanie nezavisimyh gosudarstv [Yugoslavia: Crisis, Collapse, War, Establishment of the Independent States]. Moskva, 2000. (In Russ.)

Romanenko S.A. Raspad Jugoslavii: zagovor ili istoricheskaja neizbezhnost’? [The Collapse of Yugoslavia: Conspiracy or Historical Inevitability?] // Politija [Polity]. 1998. № 2. S. 159–178. (In Russ.)

Srbi i propast Jugoslavije: priruchnik / ured. Ch. Antich, A. Marinkovich, Z. Avramovich [Serbs and the Collapse of Yugoslavia: A Handbook / eds Ch. Antich, A. Marinkovich, Z. Avramovich]. Beograd, 2017. (In Serb.)

Timofejev A. Rusi i Drugi svetski rat u Jugoslaviji: Utitsaj SSSR-a i ruskih emigranata na dogazhaje u Jugoslaviji [Russians and Second World War in Yugoslavia: the Impact of USSR and Russian Emigrants on the Events in Yugoslavia], 1941–1945. Beograd, 2011. (In Serb.)

Dimitrijević B. Rat u Bosni i Hercegovini 1991–1992, Pregled aktivnosti zaraćenih strana // Istoriija 20. veka. 2000. № 2. S. 127–138.

Ekonomske sankcije UN: uporedna analiza i slučaj Jugoslavije / prir. M. Prokopijević, J. Teokarević. Beograd, 1998.

Kostić B. 1991 – Da se ne zaboravi. Beograd, 1996.

Kresović T. UN Embargo: Serbia and sanctions: chronicle of a punishment. Belgrade, 1994.

Mačvanin Đ. Uticaj ekonomskih sankcija na zdravstveno stanje dece i omladine. Doktorska disertacija. Novi Sad, 1999.

Petrović V. Srpske političke elite i Vens-Ovenov plan: u 2 t. Beograd, 2010.

Sanctions against Yugoslavia. Beograd, 1998.

Stanković M. Ekonomske blokade i sankcije UN prema Jugoslaviji i domaćoj privredi i neki pravni pogledi na njihov karakter i prirodu // Pravo i privreda: časopis Udruženja pravnika u privredi SR Jugoslavije. 1993. № 9–12. S. 61–76.

Stanković M. Ekonomske sankcije OUN i pričinjene štete jugoslovenskoj privredi // Tržište, novac, kapital. 1994. № 1. S. 38–45.

Tripković Đ. Jugoslaviija – SSSR (1956–1971). Beograd, 2013.

Two years after: legal, humanitarian and economic impacts of the UN Security Council sanctions against the FR of Yugoslavia. Belgrade, 1994.

DOI: 10.31857/S0130386424030155

© 2024 г. Д.А. ФИЛИППОВ

ВЗГЛЯДЫ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ЮКИО ХАТОЯМЫ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ЯПОНИИ В КОНТЕКСТЕ ПОИСКА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

Филиппов Дмитрий Александрович — PhD (Университет Шеффилда), Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: fili-dmitrij@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9307-8584

Аннотация. В последние годы в Восточной Азии складывается сложная геополитическая ситуация, характеризующаяся в первую очередь нарастанием стратегического противостояния США и Китая. В этой связи для японской дипломатии представляется важным выработать такой курс, который обеспечит национальную безопасность страны и не приведет к дальнейшей эскалации американо-китайского конфликта. Особую актуальность в данном контексте приобретает анализ внешнеполитических взглядов премьер-министра Юкио Хатоямы (2009–2010). В настоящей статье впервые в отечественной историографии его воззрения и риторика рассматриваются в контексте поиска японскими правящими кругами альтернативы доктрине Ёсида — дипломатической стратегии, которой придерживалась страна в период холодной войны. Основные задачи автора: анализ политической философии премьер-министра, выявление сходств и различий между выдвинутой им концепцией и ключевыми японскими внешнеполитическими инициативами начала XXI в., а также изучение его подхода к формулированию дипломатических целей Токио. Источниками данного исследования являются выступления и статьи самого Хатоямы. Их детальный анализ позволяет прийти к выводу, что премьер-министр выступал за формирование новой внешнеполитической стратегии, основываясь отчасти на выдвинутых в 1990-е годы инициативах. Хотя некоторые предложения Хатоямы выходили за рамки политического мейнстрима, он преследовал главным образом ту же цель, что и другие японские лидеры — выработку баланса в отношениях с США и Китаем. Параметры предложенной им концепции отличались как от доктрины Ёсиды, так и от намечившегося курса на активизацию политики в сфере безопасности, который был в полной мере реализован в период второй каденции Синдзо Абэ (2012–2020). Стратегия Хатоямы была основана на активном участии Японии в поддержании международной безопасности при помощи невоенных методов, ослаблении зависимости страны от США, усилении интеграции с государствами Восточной Азии и улучшении отношений с Китаем.

Ключевые слова: Юкио Хатояма, Демократическая партия Японии, внешняя политика Японии, доктрина Ёсиды, Восточноазиатское сообщество.

D.A. Filippov

The Views of Prime Minister Hatoyama Yukio on Japan's Foreign Policy Within the Context of the Search for a New Grand Strategy

Dmitry Filippov, PhD (the University of Sheffield), Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: fili-dmitrij@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9307-8584

Abstract. At present, security environment in East Asia is becoming increasingly fraught, characterised by the growing strategic rivalry between the US and China. Meanwhile, Japan is faced with the challenge of formulating such a foreign policy approach that would both ensure its national security and avoid further escalating the US-China conflict. In these circumstances, it is of interest to examine the views of Japanese Prime Minister Hatoyama Yukio (2009–2010) on Japan's foreign policy and its role in the international community. This article analyses Hatoyama's attitudes and rhetoric within the context of Japanese political elites' longstanding search for alternatives to the Yoshida Doctrine, which underpinned Japan's grand strategy throughout the Cold War. While the Prime Minister's attempts to modify Japanese diplomatic approach have often been considered incoherent or "naïve", the author argues that, drawing partially from the concepts pertaining to Japan's role on the international stage that were introduced in the 1990s, Hatoyama consistently advocated the formulation of a new strategy. While admitting that some of Hatoyama's proposals were not well-thought-out and went beyond the political mainstream, the author posits that he pursued the same goal as previous Japanese leaders, namely achieving balance in Japan's relations with the US and China. The parameters of Hatoyama's strategy were different from both the Yoshida Doctrine and the emerging course towards a more robust security policy, which was fully implemented under the second administration of Abe Shinzo (2012–2020). This strategy was based on Japan's proactive role in upholding global stability through non-military means, reducing its dependence on the US, deepening integration in East Asia, and achieving friendly ties with China. The objectives of this article are to analyse Hatoyama's political philosophy, identify the similarities and differences between it and other key contemporary foreign policy initiatives, as well as examine the Prime Minister's approach towards foreign-policy making. The sources include Hatoyama's speeches and writings as well as a range of academic literature devoted to analysing his foreign policy with an emphasis on the works of Japanese scholars.

Keywords: Hatoyama Yukio, Democratic Party of Japan, foreign policy of Japan, Yoshida Doctrine, East Asian Community.

In July 2023, a group of eleven Japanese academics and international relations experts published a report titled "Asia's Future at a Crossroads: a Japanese Strategy for Peace and Sustainable Prosperity". The document, which is a product of almost five years of deliberation, posits the need for Japan to formulate an alternative foreign policy strategy to the government's current approach amid intensifying US-China strategic competition and shifting security environment in East Asia¹. The authors argue that the Kishida Fumio administration's emphasis on power politics (including Japan's military capabilities) and strengthening the US-Japan alliance, both of which are reflected in the 2022 national security strategy, might result in the region becoming more divided and increase the likelihood of a conflict between the US and China.

As an alternative, the report suggests a strategy based on the idea of *shinbei jiritsu*, or pro-US autonomy, i.e. an independent foreign policy which gravitates towards the USA but does not rely on it entirely. While strengthening security ties with the USA, Japan should also develop relations with countries in the region that are not American allies or partners. According to the authors, Tokyo should acknowledge the

¹ "Asia's Future" Research Group. Asia's Future at a Crossroads: A Japanese Strategy for Peace and Sustainable Prosperity. 2023. P. 6 // URL: <https://bpb-us-e1.wpmucdn.com/blogs.gwu.edu/dist/6/2307/files/2023/07/Asias-Future-at-a-Crossroads-English.pdf> (access date: 05.12.2023).

diversity of political systems and socio-cultural traditions in the Asia-Pacific and deepen cooperation with “middle powers” such as South Korea, Australia, New Zealand, India, and ASEAN states.

While the suggestions put forward in this report diverge from the foreign policy trajectory that Japan has been following for about 15 years, they have much in common with the vision of Japanese diplomacy proposed by Hatoyama Yukio from the Democratic Party of Japan (DPJ), who served as prime minister in 2009–2010. By leading his party to victory in the August 2009 general election, Hatoyama broke the almost uninterrupted 50-year-long monopoly on power held by the Liberal Democratic Party (LDP), however, his administration was plagued by a lack of coordination, inexperience, and internal conflicts². By far the biggest point of criticism was his foreign policy.

Hatoyama’s calls for Japan to rely less of the US and conduct independent foreign policy were met in the USA with confusion and frustration. His pledge to relocate the US marine base on Futenma outside of the Okinawa prefecture contradicted both the agreements reached between the two countries under the LDP and the DPJ’s own manifesto, becoming a stumbling block between Japan’s new government and the Obama administration. The resulting tensions in the bilateral ties were a major factor that led to the prime minister’s resignation in June 2010. Hatoyama’s attempts to improve relations with China were met with Beijing’s indifference, while his East Asian Community concept based on nebulous ideas of mutual trust and cooperation failed to make an impression on the countries in the region which were satisfied with the existing US hegemony³.

Some of Hatoyama’s initiatives were even met with opposition from fellow DPJ members and his administration’s approval ratings were on a constant decline, so the prime minister did not wield enough authority and influence to achieve his goals. Under those circumstances, the scope of his foreign policy’s failure was such that the following prime ministers Kan Naoto and Noda Yoshihiko were busy with restoring stable ties with the USA rather than introducing their own ideas.

The analysis of Japan’s foreign policy under Hatoyama typically emphasises the prime minister’s lack of experience in matters of diplomacy, while his vision of Japan’s role in the world and desire to distance it from the USA is called “naïve”⁴, “idealistic”⁵, or even “starry-eyed”⁶. While acknowledging that some of Hatoyama’s ideas were unorthodox by the standards of Japan’s political establishment and his rhetoric at times lacked thoughtfulness, this article posits that the prime minister pursued the same general goals in foreign policy as other Japanese leaders, namely finding a balance between strong relations with the US and stable ties with the rising China. Furthermore, despite Hatoyama’s diplomacy proving incompatible with regional security environment, his vision of an autonomous Japan that rejects unilateral orientation towards the US, maintains friendly relations with China, and highlights its Asian identity can be interpreted as an alternative grand strategy for Japan, different from both the Yoshida doctrine, which was prevalent during the Cold War, and the trajectory charted by the first Abe Shinzo administration (2006–2007) and continued by Hatoyama’s successors.

Japan is currently facing an increasingly fraught security environment. US-China strategic rivalry causes tensions in the region; North Korea’s developing ballistic and nuclear programmes enhance the possibility of conflict between Tokyo and Pyongyang; and the rapprochement between Moscow and Beijing, as well as the increase in Russian military activity near the South Kuril Islands, is a matter of much concern for Japan. As the aforementioned Japanese scholars argue, Japan’s present trajectory towards bolstering its military capabilities, strengthening the alliance with the USA to the detriment of its own regional initiatives, and promoting the ideologically-charged Free and Open Indo-Pacific framework

² *Uchida Ando Y.* What Went Wrong under the DPJ? // Looking for Leadership: The Dilemma of Political Leadership in Japan / eds J. Gannon, R. Sahashi. Tokyo; New York, 2015. P. 114–115.

³ *Sahashi R.* The DPJ Government’s Failed Foreign Policy: A Case of Politician-Led Government Gone Wrong // *Ibid.* P. 143.

⁴ *Helms L.* Poor Leadership and Bad Governance: Reassessing Presidents and Prime Minister in North America, Europe and Japan. Cheltenham, 2012. P. 189.

⁵ *Nakamura T.* Japan’s Changing Security Policy and the “Dynamic Defence Force” Concept // Power Transition and International Order in Asia: Issues and Challenges / ed. P. Shearman. London, 2014. P. 112.

⁶ *Brooks W.L.* Stress Test for the U.S.-Japan Alliance under the Democratic Party of Japan // SAIS Review of International Affairs. 2012. Vol. 32. № 2. P. 123.

risks not only failing to mitigate US-China confrontation but escalating it even further. Therefore, it is worth examining Hatoyama's ideas of a more moderate Japanese foreign policy which would not rely excessively on the US and promote integration with East Asian states.

This article analyses Prime Minister Hatoyama Yukio's views on Japan's foreign policy within the context of post-Cold War debates regarding the country's new grand strategy. It breaks down disparate foreign policy views held by DPJ members into several groups on the ideological basis and highlights the key elements of the party's diplomatic agenda. It then examines the personal views of Hatoyama himself, to what extent they were influenced by existing foreign policy frameworks, and how the prime minister approached the policy-making process. It also identifies the similarities and differences between the foreign policy priorities put forth by Hatoyama and the Yoshida doctrine, as well as alternative strategies proposed in the 1990s. Finally, drawing on the issue of the Futemma base relocation, it demonstrates how the prime minister's inexperience and propensity for voicing his own opinion on an issue without reaching consensus within his party led to a significant rift in the US-Japan relations.

Before analysing Hatoyama's views on Japan's diplomacy and its global role, it is worth examining the DPJ foreign policy platform. Hatoyama is the only DPJ prime minister who possessed a certain political philosophy and whose foreign policy positions have been well documented since the 1990s, however, his own views hardly represented the agenda of the party at large — ever since its inception in 1996, the DPJ was characterised by its members' disparate stances and ideologies. Hatoyama himself used to a member of the LDP, while his successor Kan belonged to the Socialist Democratic Federation, and Ozawa Ichiro changed several parties before joining the DPJ (LDP, Japan Renewal Party, New Frontier Party, and finally Liberal Party). Unsurprisingly, the presence of so many experienced politicians from different backgrounds meant that the DPJ consisted of several loosely tied groups, which often held conflicting views on issues⁷. Unlike the LDP factions, groups within the DPJ did not have a rigid internal structure and were not tied by strict disciplinary regulations. They were, however, more divided along ideological lines.

From a foreign policy standpoint, it is possible to break down the DPJ politicians into four schools of thoughts: realists, pacifists, centrists, and neo-autonomists⁸. The realists, who included Noda, were relatively small in number, consisted primarily of younger party members, and supported a strong US-Japan alliance, as well as reinterpreting the constitution to allow Japan the right to collective self-defence. Pacifists opposed revising the constitution, envisioned only a minor international security role for Japan, and supported Asian regionalism. Centrists, who included Kan, did not have particularly strong foreign policy views, but generally leaned towards the traditional LDP brand of diplomacy, often shifting to more pragmatic, moderate stances once in power. Finally, the neo-autonomists were in favour of an independent Japanese foreign policy, neither relying on the US (which they perceived to be in the decline), nor being drawn into China's orbit. They embraced the idea of an East Asian Community as a balancing option against Japan's overreliance on the USA and generally espoused a liberal view of the international system, dealing with threats through integrating them into multilateral institutions. The most notable proponent of neo-autonomism was Hatoyama.

Despite the contending foreign policy views outlined above, the DPJ's strategic vision can be summarised as follows: while the party acknowledged the US-Japan alliance as the cornerstone of Japan's national security, it wanted to formulate such foreign policy that would make the country less dependent on the USA and instead be more Asia-oriented. This idea stemmed from three considerations.

Firstly, the DPJ leadership was weary of getting too entangled in American grandstrategy and wanted to minimise the financial burden of joint military operations.

Secondly, the financial crisis of 2008 was viewed by many in the party as a portent of the declining US leadership and an end to the US-led brand of globalism. By 2009, there was a push among Japan's political elite for greater engagement with East Asia as it was the first region to overcome the 2008 crisis⁹.

⁷ *Asano K.* *Minshutō Seikenka no Nihon Seiji.* Tokyo, 2011. P. 35.

⁸ *Konishi W.S.* *From Rhetoric to Reality: Foreign-Policy Making Under the Democratic Party of Japan.* 2012. P. 16–20 // The Institute for Foreign Policy Analysis. URL: <https://www.yumpu.com/en/document/read/24098072/from-rhetoric-to-reality-japanese-foreign-policy-making-under-the-> (access date: 01.12.2023).

⁹ *Носова И.А.* «Азиатский разворот» во внешнеполитическом курсе Японии (2009–2010) // *Япония после смены власти / отв. ред. Д.В. Стрельцов.* Москва, 2011. С. 136–137.

Meanwhile the USA and Europe were hit the hardest and were not expected to recover quickly, thus precluding Japan from looking to them for ways of revitalising its own economy.

Finally, regional challenges facing East Asia had become more acute over the previous decade, with non-traditional issues such as environmental pollution, natural disasters, and terrorism becoming more pressing. As such, the DPJ believed that the US–Japan alliance is not sufficient anymore in fully guaranteeing Japan’s security and that the new security and economic environment necessitated closer engagement with neighbouring East Asian states. In essence, the DPJ strategy under Hatoyama involved a shift from a unilateral, US-oriented diplomacy to a broader, multilateral approach focused on East Asian regionalism.

It is worth emphasising that despite having an image of a more “dovish” party than the LDP as far as foreign policy was concerned, the DPJ, too, envisioned a bigger international role for Japan, supporting a departure from the “inward-looking” pacifism of the past towards an “outward-looking” pacifism, allowing Japan to be more proactive in contributing to global security¹⁰. However, rather than promoting greater military cooperation with the USA, the DPJ under Hatoyama prioritised traditional non-military means such as economic assistance, support of government institutions, and humanitarian and reconstruction activities.

Such vision of Japan’s role on the international stage was not unique to Hatoyama and his party, sharing common elements with two concepts first proposed in the 1990s. During the Cold War, Japan’s grand strategy was embodied by the so-called Yoshida doctrine named after Prime Minister Yoshida Shigeru who formulated its principles. The three key elements of the strategy were near total reliance on the USA for national security, prioritising economic development, and low-profile, passive diplomacy¹¹. With the end of the Cold War and the shift in the international relations structure, Japan was faced with the task of adapting its grand strategy to new geopolitical realities, and it is precisely the search for alternatives to the Yoshida doctrine that the two concepts influencing the DPJ’s foreign policy positions represented.

The first was human security, a strategy introduced by the Obuchi Keizo administration in 1998 and based on the belief that Japan should take on more responsibilities towards upholding global security, shaping the international economic order, and assisting developing countries¹². At the same time, the proponents of human security opposed Japan’s remilitarisation, suggesting that an increase in defence spending would not necessarily result in a more secure Japan but can rather spark concerns among Japan’s East Asian neighbours. As an alternative, they proposed a mixture of traditional non-military means such as the Official development assistance (ODA) programme and new security activities such as the UN peacekeeping operations.

The second concept that had an effect on the DPJ’s foreign policy agenda under Hatoyama is the notion of Japan as a global civilian power introduced around the same time by journalist Funabashi Yoichi. In Funabashi’s view, Japan’s unique status as the only pacifist state in the world should form the basis of its diplomacy, while its goal should be using economic means and promoting democratic values to shape the liberal international order. The global civilian power initiative also entailed reducing the defence budget, as well as Japan playing a secondary, “auxiliary” role in the US global strategy¹³. One could therefore trace the influence of these two concepts’ elements, i.e. emphasis on non-military means of upholding security, opposition to remilitarisation, desire to avoid complete dependence on American foreign policy, on the DPJ’s diplomatic agenda.

The aforementioned Ozawa Ichiro also played a notable role in discussions within Japan regarding a new strategy suited for post-Cold War threats and challenges. From early 1990s onwards, Ozawa stated that Japan should become a “normal” country, meaning that its power and influence on the international stage should be commensurate with its status as an economic superpower. Ozawa criticised the Yoshida doctrine’s “passive pacifism”, arguing that Japan should strive to achieve more prestige in

¹⁰ Manifesto for August 2009 Lower House Election. 2009. P. 10 // The Democratic Party of Japan. URL: <https://www.dpj.or.jp/english/manifesto/manifesto2009.pdf> (access date: 03.12.2023).

¹¹ Cooney K.J. Japan’s Foreign Policy Since 1945. New York, 2007. P. 36.

¹² Edström B. Japan’s foreign policy and human security // Japan Forum. 2003. Vol. 15. № 2. P. 213.

¹³ Funabashi Y. Japan and the New World Order // Foreign Affairs. 1991. Vol. 70. № 5. P. 58–74.

the global arena, and supported constitutional reform that would enable the country to participate in the collective security system¹⁴.

As far as Hatoyama's own ideas on politics, both domestic and foreign, are concerned, they were underpinned by a nebulous philosophy of *yuai*, or fraternity. The concept was originally introduced by Hatoyama Ichiro, the prime minister's grandfather, who defined *yuai* as a philosophy that respected individual freedom and dignity, as well as those of others. Under *yuai*, people respect each other's independence and diversity, while searching for a common basis for cooperation¹⁵. Hatoyama Yukio wrote that, applied to politics, *yuai* would entail adjusting to the excesses of capitalism and supporting traditional Japanese economic practices. The prime minister pushed the idea of deeper political and economic integration with neighbouring countries under the banner of an East Asian Community also based on the principle of *yuai*, which meant understanding and engaging those countries despite ideological differences¹⁶.

Hatoyama's views were particularly influenced by academic Terashima Jitsuro who became Hatoyama's foreign policy advisor. Terashima argued that Japan should be proud of its post-war pacifist history and strengthen ties with East Asian states. He suggested that the present international balance of power reflected rivalry between the US and China, envisaged Japan as the third side of that triangle, and suggested that Japan should abandon its unilateral reliance on America¹⁷. Hatoyama argued along similar lines, writing in 1997 that "Japan has always depended on the US in foreign policy, which may have been appropriate during the Cold War, but now Japan is simply following the US blindly, while new realities require formulating and implementing an independent foreign policy." In a piece for *The New York Times* called "A New Path for Japan" published several days ahead of the 2009 general election, Hatoyama acknowledged the US-Japan alliance as the bedrock of Japanese diplomacy, but stressed Japan's Asian identity and suggested that East Asia should be "recognized as Japan's basic sphere of being"¹⁸. Arguing that the US-led unipolar world order was declining, he pointed to China as the emerging superpower and proposed to accelerate East Asian regional integration in order to both protect Japan's independence and pursue national interests as a country caught between the US and China. In effect, Hatoyama argued that an East Asia-oriented diplomacy would be better suited for Japan's national interests than a US-centric one.

Having outlined Hatoyama's views on Japan's foreign policy priorities, it is now possible to juxtapose them with other major contemporary concepts and initiatives. The foreign policy agenda put forward by Hatoyama certainly deviated from the views of such neoconservative LDP leaders as Koizumi Junichiro, Abe Shinzo, or Aso Taro, who were highly critical of China, supported broadening the scope of the Self-Defence Forces' capabilities, and were in favour of strengthening security cooperation with the USA. By contrast, Hatoyama argued against Japan's remilitarisation and increasing defence spending, supported constraints on the Self-Defence Forces' use of force, and thought that Japan should contribute to international security by non-military means.

As mentioned before, these stances were influenced by the human security and global civilian power concepts that also emphasised economic diplomacy and modest defence budgets. At the same time, Funabashi's global civilian power strategy suggested that Japan should play an "auxiliary" role in the US-Japan alliance, while Hatoyama argued for reviewing the parameters of the bilateral relations so that Japan could play a more equal, independent role in them. That brought him closer to his fellow DPJ member Ozawa, who also thought that Japan should conduct a more independent foreign policy. However, Ozawa supported Japan's "normalisation" and considered Japanese pacifism as a source of shame rather than pride, whereas Hatoyama was an avowed pacifist, emphasising Japan's status as a peace-loving nation, and his East Asian Community idea was based not on attaining prestige or power but rather on historical reconciliation between regional states.

¹⁴ Ozawa I. *Nippon Kaizō Keikaku*. Tokyo, 1993.

¹⁵ Address by H.E. Dr. Yukio Hatoyama Prime Minister of Japan at the Sixty-Fourth Session of the General Assembly of the United Nations // Prime Minister's Office of Japan. URL: https://japan.kantei.go.jp/hatoyama/statement/200909/ehat_0924c_e.html (access date: 07.12.2023).

¹⁶ Hatoyama Y. A New Path for Japan // *The New York Times*. 26.VIII.2009.

¹⁷ Terashima J. *Sekai Wo Shiru Chikara*. Tokyo, 2009.

¹⁸ Asano K. *Op. cit.* P. 32.

Therefore, Hatoyama's strategic thinking was different from both the Yoshida doctrine which guided Japan's foreign policy for several decades and the key alternatives to it proposed after the end of the Cold War. Hatoyama's desire to correct Japan's overreliance on the USA stood in contrast to the outsourcing of national security to America during the Cold War, while the "outward-looking" pacifism that he promoted seemed to go beyond the remit of Japan's low-profile diplomacy under the Yoshida doctrine. Importantly, however, the autonomous foreign policy that Hatoyama was in favour of formulating did not entail Japan's remilitarisation or loosening constitutional constraints on the use of force in armed conflicts, instead giving priority to free trade, humanitarian assistance, and other economic means.

For all of his somewhat unorthodox foreign policy views, Hatoyama generally operated within mainstream parameters in his approach to both the USA and China. Broadly speaking, he pursued largely the same goals as the prime ministers before and after him, striving to improve relations with China while maintaining a stable US-Japan alliance (for example, Hatoyama considered a strong alliance with the USA as a necessary condition for establishing an East Asian Community). The Hatoyama administration also upheld many mainstream views, with the prime minister underscoring the importance that Japan places on common values during the December 2009 summit in Indonesia¹⁹, thus echoing the "values-based diplomacy" first introduced by the Abe administration in 2006. Additionally, in November 2009, Hatoyama gave a speech in Singapore, in which he called for maintaining peace at sea, thus delivering on the expectations of the ASEAN states²⁰. That particular speech was also noteworthy as it was written by the Japanese Foreign Ministry officials rather than Hatoyama's usual speechwriter, playwright Oriza Hirata.

Despite Hatoyama belonging to a respected political dynasty, he possessed very limited experience and knowledge in diplomatic affairs, while his views on a particular matter often depended on whom he spoke to last²¹. Moreover, he was considered unpredictable on foreign policy issues even within his own party, as no one in the DPJ, including his inner circle, had a good grasp of what his foreign policy was going to look like as prime minister²². The East Asian Community concept, for example, reflected Hatoyama's own views rather than the party's consensus and was characteristic of his diplomacy, which was seemingly guided by personal decisions and on occasion belied the DPJ's prior policy documents. While he had many advisors, some of them were not even members of the government, which caused controversy as Hatoyama's opinions were at least partially shaped by people without relevant expertise or affiliation.

In conclusion, while the task of finding balance in Japan's relations with the USA and China was as relevant for Hatoyama as it was for other prime ministers, the rhetoric he used to articulate his vision and the approach he chose to achieve his foreign policy goals set him apart from other Japanese leaders and were ultimately not conducive to realising his agenda. Hatoyama believed that the era of US hegemony was over and that Japan should follow the rising China instead, while his East Asian Community was supposed to counterbalance American dominance in the region²³. It is precisely this idiosyncrasy which distinguished Hatoyama from Japan's political elites.

The Hatoyama government's attempts to implement its foreign policy initiatives ended in failure. The East Asian Community concept put forth by the prime minister was too vague from structural, organisational, and ideological standpoints. Regional states reacted to it with scepticism as many of them were interested in stable US leadership, whereas America was excluded from Hatoyama's proposed membership list. His attempts to improve ties with China had similar results — while then Vice President Xi Jinping supported the idea of an East Asian Community during his visit to Tokyo in December 2009, no further progress was achieved on that front. By early 2010, the Hatoyama administration's rhetoric

¹⁹ Remarks by Prime Minister Hatoyama at the Bali Democracy Forum II. 10 December 2009 // Prime Minister's Office of Japan. URL: https://japan.kantei.go.jp/hatoyama/statement/200912/10bali_e.html (access date: 05.12.2023).

²⁰ Address by H.E. Dr. Yukio Hatoyama Prime Minister of Japan: Japan's New Commitment to Asia — Toward the Realization of an East Asian Community. 15 November 2009, Singapore // Ibid. URL: https://japan.kantei.go.jp/hatoyama/statement/200911/15singapore_e.html (access date: 07.12.2023).

²¹ *Iwama Y.* What Is a "Liberal" East Asia Policy? Japan and the DPJ Government // Security Cooperation in Northeast Asia: Architecture and Beyond / eds T.J. Pempel, C.-M. Lee. New York, 2012. P. 136.

²² *Uchida Ando Y.* Op. cit. P. 122–123.

²³ *Hatoyama Y.* My Political Philosophy // Voice. 3.IX.2009.

had changed, with Japan suggesting that China should conduct more responsible foreign policy and the East Asian Community proposal becoming a long-term plan²⁴. A Sino-Japanese rapprochement arguably became no longer feasible in March 2010, after the South Korean corvette “Cheonan” was sunk by a North Korean torpedo causing a heightening of tensions in the region.

The Hatoyama administration’s biggest fiasco was the prime minister’s unfulfilled pledge to relocate the US marine base Futenma. This issue is worth exploring in more detail for three reasons.

Firstly, it was Hatoyama’s failure to tackle this issue specifically that caused him to resign after only nine months in office.

Secondly, while the new administration’s East Asian Community proposal became the first red flag for the USA, Hatoyama’s insistence on moving the base outside of Okinawa caused the Obama administration to view the prime minister with distrust. As a result, Hatoyama presided over the period of perhaps the greatest discord in the bilateral relations²⁵.

Thirdly, the inexperience, incompetence and lack of cohesion demonstrated by his administration in approaching this issue were characteristic of many of its other policies and cemented the negative perception of Hatoyama’s premiership by both experts and Japanese public.

The Futenma base located in Ginowan city within the Okinawa prefecture housed the majority of US forward deployment forces. The question of its relocation first arose in the 1990s, and in 2006, the LDP government and the Bush administration reached an agreement that involved relocating the base to Nago city in another part of Okinawa. However, in July 2009, Hatoyama made a pledge that he would get Futenma relocated outside of the prefecture (*kengai*), repeating it on several occasions later that year. The DPJ manifesto, also published in July, notably did not contain such pledge. Hatoyama optimistically thought that the US would respect his demand because he incorrectly interpreted the mood in Washington, believing that its foreign policy prioritised Afghanistan and Iran²⁶.

However, as the US was not open to any significant change to the parameters of its military presence on Okinawa, Hatoyama’s rhetoric caused frustration in the Obama administration, especially because the Japanese leader’s statements directly contradicted the 2006 agreement. Furthermore, Hatoyama’s nebulous calls for conducting independent foreign policy and building US-Japan relations on an equal basis created an impression in the US that he supported a fundamental revision of the principles of Japan’s diplomacy. As a result, it was not long after Hatoyama had begun his tenure as prime minister that the Obama administration started viewing him as an unreliable partner at best and an anti-US figure at worst, which in turn negatively impacted the way it perceived Hatoyama’s other foreign policy initiatives.

An additional factor causing frustration in the USA was that the Hatoyama government did not relay information regarding its changing stance on the Futenma relocation issue on a regular and timely basis and kept postponing the start of negotiations so that the inexperienced DPJ politicians had enough time to familiarise themselves with the problem.

Finally, as in the case of Hatoyama’s East Asian Community vision, his intention of negotiating Futenma’s relocation outside of Okinawa reflected his personal views as there was no consensus on that issue within the DPJ. In contravention of the prime minister’s stance, the existing 2006 relocation plan was publicly supported by Defence Minister Kitazawa Toshimi, Foreign Minister Okada Katsuya, and Okinawa Governor Nakaima Hirokazu. Such inconsistency further undermined Hatoyama’s reputation in the eyes of the USA.

For Hatoyama, the significance of his pledge had likely to do with ideological considerations as he was eager to prove that Japan can act independently of the USA, while the question of implementation was secondary. In December 2009, he expressed hope of finding a new relocation place by May 2010, thus setting an unrealistic deadline for negotiations without prior consultation with the US. In January 2010, the government proposed the island of Tokunoshima as an alternative to Nago, but by April, it became

²⁴ Japan-Malaysia Joint Leaders’ Statement: “Enhanced Partnership for a New Frontier” // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/malaysia/jointstate1004.html> (access date: 07.12.2023).

²⁵ Green M. The Democratic Party of Japan and the Future of the U.S.-Japan Alliance // Journal of Japanese Studies. 2011. Vol. 37. № 1. P. 91.

²⁶ Sahashi R. Op. cit. P. 136.

clear that it was not a viable option as Tokunoshima was not suitable for US marines' training. Finally, during his visit to Okinawa in May, Hatoyama apologised to locals for having broken his pledge, adding that he had underestimated the US military deterrence function. Later that month, Japan and the USA signed a new agreement which essentially confirmed existing plans for moving Futenma to Nago, while Hatoyama, whose disapproval rating had reached 70%, announced his resignation on 2 June.

The consequences of Hatoyama's disastrous foreign policy reached beyond himself, making it clear to his DPJ successors Kan and Noda that distancing from the US and conducting truly independent foreign policy was impossible in the current geostrategic environment. As a result, they returned Japan's diplomacy to its traditional US-centric parameters. Furthermore, the Hatoyama administration's inability to effectively solve pressing domestic and international issues left a mark on the following DPJ governments, which never regained public support and eventually lost the December 2012 general election, bringing the LDP back to power with Abe as its leader.

It has been over 13 years since Hatoyama Yukio resigned as prime minister. During this time, Japan's policies of militarisation, broadening the Self-Defence Forces' operational capabilities, and strengthening security ties with the USA and Indo-Pacific states have seemingly cemented themselves as the basis of its grand strategy. Hatoyama's attempts of modifying Japan's foreign policy priorities ended in failure, having damaged both the US-Japan alliance and the DPJ's reputation. However, his tenure arguably marked Japan's hitherto biggest attempted shift away from the Yoshida doctrine towards more autonomous foreign policy and proactive role on the global stage. Hatoyama's foreign policy vision, which often went against the views of his own party, was based on the belief in an imminent end of the unipolar international order that necessitated improving relations with China and integrating with other East Asian states.

Hatoyama failed to implement his foreign policy goals because they were ill-suited to the changing regional security environment and were viewed sceptically by China, East Asian countries, and the USA alike. Since then, Japan's assessment of the shifting international environment has only become more negative, with the latest national security strategy describing it as the most complex since World War II²⁷. In light of that, Hatoyama's ideas seem unrealistic and it is highly unlikely that the Japanese government would employ them ever again. However, the fact that many of the suggestions that Hatoyama put forward were reflected in the recent report by Japanese scholars recommending that Japan change its foreign policy approach is proof that his alternative strategic vision remains relevant even today.

Библиография / References

Носова И.А. «Азиатский разворот» во внешнеполитическом курсе Японии (2009–2010) // Япония после смены власти / отв. ред. Д.В. Стрельцов. Москва, 2011. С. 129–144.

Nosova I.A. “Aziatskij razvorot” vo vneshnepoliticheskom kurse Japonii (2009–2010) [“The Asian Turn” in Japan's Foreign Policy (2009–2010)] // Japonija posle smeny vlasti [Japan After the Change of Power] / отв. ред. Д.В. Стрельцов. Москва, 2011. С. 129–144. (In Russ.)

Address by H.E. Dr. Yukio Hatoyama Prime Minister of Japan at the Sixty-Fourth Session of the General Assembly of the United Nations // Prime Minister's Office of Japan. URL: https://japan.kantei.go.jp/hatoyama/statement/200909/ehat_0924c_e.html (access date: 07.12.2023).

Address by H.E. Dr. Yukio Hatoyama Prime Minister of Japan: Japan's New Commitment to Asia — Toward the Realization of an East Asian Community. 15 November 2009, Singapore // Prime Minister's Office of Japan. URL: https://japan.kantei.go.jp/hatoyama/statement/200911/15singapore_e.html (access date: 07.12.2023).

Asano K. Minshutō Seikenka no Nihon Seiji. Tokyo, 2011.

“Asia's Future” Research Group. Asia's Future at a Crossroads: A Japanese Strategy for Peace and Sustainable Prosperity. 2023 // URL: <https://bpb-us-e1.wpmucdn.com/blogs.gwu.edu/dist/6/2307/files/2023/07/Asias-Future-at-a-Crossroads-English.pdf> (access date: 05.12.2023).

Brooks W.L. Stress Test for the U.S.-Japan Alliance under the Democratic Party of Japan // SAIS Review of International Affairs. 2012. Vol. 32. № 2. P. 121–135.

Cooney K.J. Japan's Foreign Policy Since 1945. New York, 2007.

Edström B. Japan's foreign policy and human security // Japan Forum. 2003. Vol. 15. № 2. P. 209–225.

Funabashi Y. Japan and the New World Order // Foreign Affairs. 1991. Vol. 70. № 5. P. 58–74.

²⁷ National Security Strategy of Japan. 2022. P. 2 // Cabinet Intelligence and Research Office. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (access date: 05.12.2023).

- Green M.* The Democratic Party of Japan and the Future of the U.S.-Japan Alliance // *Journal of Japanese Studies*. 2011. Vol. 37. № 1. P. 91–116.
- Hatoyama Y.* A New Path for Japan // *The New York Times*. 26.VIII.2009.
- Hatoyama Y.* My Political Philosophy // *Voice*. 3.IX.2009.
- Helms L.* Poor Leadership and Bad Governance: Reassessing Presidents and Prime Minister in North America, Europe and Japan. Cheltenham, 2012.
- Iwata Y.* What Is a “Liberal” East Asia Policy? Japan and the DPJ Government // *Security Cooperation in Northeast Asia: Architecture and Beyond* / eds T.J. Pempel, C.-M. Lee. New York, 2012. P. 124–146.
- Japan-Malaysia Joint Leaders’ Statement: “Enhanced Partnership for a New Frontier” // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/malaysia/jointstate1004.html> (access date: 07.12.2023).
- Konishi W.S.* From Rhetoric to Reality: Foreign-Policy Making Under the Democratic Party of Japan. 2012 // *The Institute for Foreign Policy Analysis*. URL: <https://www.yumpu.com/en/document/read/24098072/from-rhetoric-to-reality-japanese-foreign-policy-making-under-the-> (access date: 01.12.2023).
- Manifesto for August 2009 Lower House Election. 2009 // *The Democratic Party of Japan*. URL: <https://www.dpj.or.jp/english/manifesto/manifesto2009.pdf> (access date: 03.12.2023).
- Nakamura T.* Japan’s Changing Security Policy and the “Dynamic Defence Force” Concept // *Power Transition and International Order in Asia: Issues and Challenges* / ed. P. Shearman. London, 2014. P. 103–124.
- National Security Strategy of Japan. 2022 // Cabinet Intelligence and Research Office. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (access date: 05.12.2023).
- Ozawa I.* *Nippon Kaizō Keikaku*. Tokyo, 1993.
- Remarks by Prime Minister Hatoyama at the Bali Democracy Forum II. 10 December 2009 // Prime Minister’s Office of Japan. URL: https://japan.kantei.go.jp/hatoyama/statement/200912/10bali_e.html (access date: 05.12.2023).
- Sahashi R.* The DPJ Government’s Failed Foreign Policy: A Case of Politician-Led Government Gone Wrong // *Looking for Leadership: The Dilemma of Political Leadership in Japan* / eds J. Gannon, R. Sahashi. Tokyo; New York, 2015. P. 139–151.
- Terashima J.* *Sekai Wo Shiru Chikara*. Tokyo, 2009.
- Uchida Ando Y.* What Went Wrong under the DPJ? // *Looking for Leadership: The Dilemma of Political Leadership in Japan* / eds J. Gannon, R. Sahashi. Tokyo; New York, 2015. P. 108–131.

DOI: 10.31857/S0130386424030166

© 2024 г. Н.В. ТИХОМИРОВ

**«МЫ ОДНИ ЗДЕСЬ, КАК СИРОТИНУШКИ»: ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРАКТИКА
ЛЕНИНГРАДСКИХ СТУДЕНТОВ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ**

Тихомиров Никита Вадимович — кандидат исторических наук, доцент Российской государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).

E-mail: tihomirov_n@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-2808-3763; Researcher ID: KIC-4155-2024

Аннотация. Предлагаемая публикация по проблемам колхозного строительства на северо-западе РСФСР вводит в научный оборот комплекс документов личного происхождения, отражающих бытовые и хозяйственные особенности повседневной жизни крестьянства Ленинградской области в период сплошной коллективизации. Это тексты двух дневников производственной практики учащихся Ленинградского отделения Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (ЛО КУНМЗ) за декабрь 1929 – январь 1930 г., которые являются частью комплекса аналогичных документов, выявленных в Российском государственном архиве социально-политической истории и ранее не востребованных в исследовательской практике и не нашедших отражения в историографии. Тексты подготовлены к опубликованию согласно принятым археографическим правилам. Публикация призвана познакомить научное сообщество с данным видом исторических источников, показать их информационный потенциал, обусловлена востребованностью темы социалистического строительства в СССР академической средой, а также российской общественностью. Студенческие дневники ЛО КУНМЗ позволяют расширить источниковую базу изысканий в области истории повседневности советской деревни, большевистской культурной революции. Эти документы также могут быть задействованы в просопографических исследованиях, посвященных жизни политработников и просвещенцев 1920–1930-х годов.

Ключевые слова: исторический источник, публикации, СССР, архивные документы, дневники, коллективизация, студенты, история повседневности, микроистория.

N.V. Tikhomirov

“We Are Alone Here Like Orphans”: Leningrad Students’ Rural Practice in the Initial Period of Collectivisation

Nikita Tikhomirov, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: tihomirov_n@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-2808-3763; Researcher ID: KIC-4155-2024

Abstract. In this article, the author explores the problems of collective farm construction in the north-west of the RSFSR. The purpose of the article is to introduce into the academic circuit a set of ego-documents, reflecting household and economic peculiarities of everyday life of the Leningrad region peasantry during the period of continuous collectivisation. The study draws on the texts of two industrial practice diaries of Leningrad branch students of the Communist University

of National Minorities of the West for December 1929 – January 1930, which are part of a set of similar documents identified in the Russian State Archive of Social and Political History, previously unknown to researchers and not reflected in the historiography. The texts are prepared for publication according to the accepted archeographic rules. The publication of the diaries' contents is intended to familiarise the academic community with this type of historical sources and to show their information potential. Student diaries make it possible to expand the source base of research in the field of the history of everyday life in the Soviet rural areas and the Bolshevik cultural revolution. These documents can also be used in prosopographical studies on the lives of political workers and educators of the 1920s–1930s.

Keywords: historical source, publications, USSR, archival documents, diaries, collectivization, students, history of everyday life, microhistory.

Советская коллективизация основательно изучена и получила широкое освещение в отечественной и зарубежной историографии. Одним из наиболее востребованных сюжетов является раскулачивание, рассматриваемое как в экономико-политическом, так и в гуманитарном аспектах. Социалистическая перестройка деревни зачастую обретает в трудах современных историков зловеще-драматические очертания. Согласно устоявшимся представлениям, значительную часть ответственности за трагические потрясения крестьянства несут многочисленные городские активисты, направлявшиеся в сельскую местность для проведения в жизнь решений ноябрьского партийного пленума 1929 г. В литературе закрепилось представление о них как о жестоких распорядителях, неразборчивых в средствах и не считавшихся с нуждами и чаяниями крестьянской массы. Так, Ш. Фицпатрик называет их «воинствующими модернизаторами, разглагольствующими, запугивающими, арестовывающими непокорных»¹.

В работах исследователей нашла отражение проблема противодействия крестьянства насильственному обновлению. Так, анализу стратегий поведения селян в условиях обострившегося противостояния их с государством посвящена монография Л. Виолы, в которой подробно разбирается «культура сопротивления» крестьянства в ее разнообразных проявлениях². Историками также рассмотрены настроения деревенских обывателей в начальный период большевистской модернизации³, вызванные последней активные формы сопротивления⁴.

В исследованиях колхозного строительства внимание авторов традиционно сосредотачивалось на разработке преимущественно политического измерения данного процесса. Труды по истории коллективизации в массе характеризует сравнительно слабая выраженность антропологической составляющей. По справедливому замечанию Н.Г. Кедрова, в актуальных научных изысканиях ощущается недостаточность исследовательского внимания к сюжетам социально-культурной жизни колхозных крестьян⁵. Еще менее востребованной остается тематика быта и деятельности коллективизаторов.

Таким образом, в историографии присутствуют существенные лакуны, связанные, во-первых, со стереотипным восприятием политработников и их роли в жизни деревни

¹ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. 2-е изд. М., 2008. С. 61.

² Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010.

³ Слезин А.А., Якимов К.А. Общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» на рубеже 1920–1930-х гг. // Научный диалог. 2022. № 8. Т. 11. С. 453–469; Вязинкин А.Ю., Якимов К.А. Крестьянский пессимизм в период коллективизации 1920–1930-х гг.: антисоветская риторика поколения «революционного перелома» // Вестник архивиста. 2023. № 3. 753–764.

⁴ Зверков Е.А. Коллективизация как форма провокации преступности (на материалах Центрального Черноземья) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 6. С. 84–91.

⁵ Кедров Н.Г. Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. М., 2013. С. 13.

конца 1920-х — 1930-х годов; во-вторых, со слабой изученностью жизненного мира колхозных сообществ, их повседневности, отразившей менявшиеся навыки поведения и формы обыденного сознания.

Настоящая публикация призвана частично восполнить указанную лакуну, расширив понимание предмета перспективных исследований артельного строительства, показав наличие нераскрытых эвристических возможностей архивного фонда России для формирования более полного, многогранного представления о повседневности деревенских обывателей и коллективизаторов периода «великого перелома».

В основу публикации положены дневники, написанные учащимися Ленинградского отделения (ЛО) Коммунистического университета национальных меньшинств Запада им. Ю.Ю. Мархлевского (КУНМЗ) в период прохождения ими производственной практики в 1929/30 учебном году. Такая работа составляла важную часть обучения в комвузах СССР и разделялась на городскую и деревенскую практику⁶. Для прохождения последней студенты ЛО КУНМЗ командировались из Ленинграда в распоряжение районных комитетов Ленинградской области, которые, в свою очередь, определяли, где и какую конкретную работу поручить практикантам. В указанный период молодых людей использовали для помощи в колхозном строительстве, что включало проведение организационных, культурно-просветительских и прочих общественных мероприятий. Сплошной коллективизации, объявленной государственным руководством, требовалась опора в лице пролетарского и партийно-комсомольского актива⁷.

Ленинградское отделение КУНМЗ имело в составе два национальных сектора — финский и эстонский, куда набирались представители соответствующих национальностей⁸. Полевая работа студентов-практикантов проходила в районах компактного проживания финнов и эстонцев. В задачи учащихся входило ознакомление с положением дел на местах, составление плана работы, всестороннее содействие перестройке хозяйственного и бытового уклада жизни населения. Молодые политработники решали вопросы, наиболее остро стоявшие на текущий момент времени. Общую повестку работы для практикантов подготавливала внеуниверситетская комиссия ЛО КУНМЗ, а конкретные задания формулировала районная парторганизация, в распоряжение которой поступали студенты-ленинградцы. При командировании учащихся университетом осуществлялся, как правило, бригадный принцип — в отдельный райком направлялась группа студентов, которых местное партийное руководство распределяло по сельсоветам, исходя из потребности в их использовании для решения насущных задач.

Дневник являлся обязательной формой отчетности о проделанной работе и предполагал посуточное ведение соответствующих записей. Студенту выдавалась тетрадь, куда следовало заносить «изо дня в день события, впечатления, цифры и даты наиболее важных событий»⁹. Рекомендовалось описывать коротко формы проделанной работы, а также давать оценку лицам, с ней связанным. В этом отношении дневники разнятся между собой количеством частных подробностей, которые сочли нужным отразить их авторы.

Документы, отобранные для настоящей публикации, примечательны как тематическим разнообразием, так и детализацией отдельных событий. Студенты не только фиксировали плановые мероприятия в рамках работы с населением, но также давали беглые бытовые зарисовки, описывали трудности в осуществлении советской политики на местах; раскрывали противоречия в обывательской среде, излагали собственные соображения по поводу

⁶ Панин Е.В. Роль производственной практики в обучении студентов коммунистических вузов в 1920-е гг. (на примере Коммунистического университета национальных меньшинств Запада) // Электронный журнал «Вестник МГОУ». URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/747/744> (дата обращения: 14.09.2023).

⁷ Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928—1933 гг.). М., 2000. С. 100.

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 529. Оп. 24. Д. 140. Л. 2.

⁹ Там же. Д. 283. Л. 5.

увиденного. В этой связи дневники представляют интерес как своего рода этнографические зарисовки, лишенные строгой системности, но вместе с тем высвечивающие примечательные стороны крестьянской обыденности.

Публикуемые документы являются информативным источником по истории повседневности советской сельской глубинки начального периода сплошной коллективизации. Данные материалы помогают составить представление об условиях и содержании деятельности молодых политработников, их образе мышления, мировосприятии, понимании собственных целей и задач в отношении крестьянства. В записях отразились нужды, чаяния и умонастроения деревенских жителей, особенности их отношения к большевистской модернизации. Рассматриваемые отчеты позволяют лучше понять специфику коллективизации в северо-западном регионе РСФСР.

Анализ дневников студенческой практики дает представление не только об описываемых ими реалиях деревенской жизни, но также о личностных особенностях писавших — студентов-коммунистов, носителей новых мировоззренческих установок и революционного подхода к пониманию действительности. Первые два десятилетия советской власти стали временем активного созидания нового типа личности, отвечавшей задачам социалистической перестройки страны и некоторыми авторами именуемой *homo sovieticus*¹⁰. В новейшей историографии раннего периода СССР поднята тема складывания советской идентичности, сопряженного с нравственными исканиями людей революционной эпохи, их попытками выстроить собственное «я» на новых основаниях. Трудом И. Халфина и Й. Хелльбека¹¹, развивающими дискурсивную теорию М. Фуко, были заложены методологические основы изучения «советской субъективности».

Студенческие дневники в историкокультурном отношении выступают в двух ипостасях: будучи функционально делопроизводственными материалами, они обнаруживают черты эго-документов. Их язык можно рассматривать как проявление особой дискурсивной стратегии, привитой студентам комвуза большевистским воспитанием. Эта стратегия служила своеобразным выражением субъективности советского человека, понимавшего самого себя и осмысливавшего свою деятельность в координатах новой культурной парадигмы. Анализ речевой практики учащихся ЛО КУНМЗ, служившей одним из способов их репрезентации, способствует реконструкции самосознания этой социальной группы и — шире — молодых коммунистов 1920–1930-х годов.

Для настоящей публикации были выбраны два документа: дневник учащейся финского сектора Анны Яковлевны Даниловой (из крестьян) и дневник учащегося эстонского сектора Александра Матвеевича Стальберга (рабочий, 1904 года рождения). Авторы совместно проходили практику в Волосовском районе, оба отчета написаны в одно время, взаимодополняют и уточняют сообщения друг друга. Дневники представляют собой тетради, заполненные вручную чернилами и карандашом. Оригиналы хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в фонде № 529 Коммунистического университета национальных меньшинств Запада им. Ю.Ю. Мархлевского, объединяющего материалы за 1921–1936 гг.

Анализ представленных материалов помогает как воссоздать отдельные черты жизни эстонских поселений ленинградской области в пору «великого перелома», так и сделать выводы о некоторых свойствах мышления молодых коммунистов-модернизаторов. Обращает на себя внимание сочувственное отношение студентов к сельскому населению, проявляющееся зачастую в стремлении прислушаться к деревенским жителям и понять их проблемы и пожелания. В поведении практикантов не наблюдается вульгарного популизма и попыток решать задачи, поставленные партийными органами, путем грубого насилия.

¹⁰ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 9.

¹¹ *Халфин И.* Автобиография большевизма: между спасением и падением. М., 2023; *Хелльбек Й.* Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. 3-е изд. М., 2023.

Это позволяет говорить о разнообразии подходов, которыми пользовались многочисленные эмиссары советской власти в начальный период колхозного строительства. Их труд отнюдь не всегда сводился к огульному администрированию и бесцеремонному принуждению. Дневники студентов ЛО КУНМЗ дают примеры товарищеского общения с крестьянством, отразившего попытки своего рода просвещенного воздействия на сельскую массу, чуждую в основном идеям социалистического обновления.

Документы публикуются с сохранением их стилистических особенностей. Заглавия воспроизводят надписи на тетрадных обложках. Орфография и пунктуация подлинника приведены в соответствии с современными правилами правописания. Авторские сокращения раскрыты в квадратных скобках. Слова, подчеркнутые составителем дневника, даны курсивом. Зачеркнутые фрагменты взяты в угловые скобки. Плохо читаемые места показаны отточием.

В тетрадях имеются пометы, сделанные чернилами либо карандашом, отличными от основного текста. Их происхождение логично связать с работой сотрудников ЛО КУНМЗ, изучавших поданную практикантами отчетность. Части текста, выделенные по фактум подчеркиванием или знаками на полях, набраны жирным шрифтом; в отдельных случаях характер отметок пояснен в сносках. Данные, в основном отрывочные, об авторах и некоторых лицах, упоминаемых в записях, получены в ходе изучения материалов указанного фонда РГАСПИ.

ДНЕВНИК ДАНИЛОВОЙ

19/ХІІ

Вечер. Приехали в Волосово¹². Из-за отсутствия электричества даже на станции (не говоря уже о всей окружающей местности) все выглядит убого, сонно, безжизненно. Были в кинопередвижке. Смотрели «Пат и Паташон»¹³. Бессодержательная вещь. Помещение клуба железнодорожников (это единственный клуб в рай. центре Волосово) оставляет желать много лучшего — сырое, холодное подвальное помещение именуется залом зрительным.

20/ХІІ

Целый день проходили по рай[онным] организациям, ознакомляясь с местными условиями в предстоящей работе. Пришлось ночевать вторую ночь, т.к. поезд ходит раз в день. Вечер провели в том же клубе ж[елезнодорожников]. Был вечер вопросов и ответов. Тема: «Новые положения в соцстрахе».

21/ХІІ

Только к вечеру попали по назначению — в коммуну «Пюринде», куда нас направил райком. Из разговора с председателем коммуны узнали, что она организована только весной 1929 г. Хозяйственно коммуна очень слаба, т.к. состав весь батрацко-бедняцкий, и при вступлении не принесли никаких вкладов, за исключением 3 коровы и 3 лошади (недавно) на 28 человек. Земли имеет только 36 га. Почти отсутствует всякая орг. помощь со стороны района. У себя опыта работы нет (пред. коммуны — девушка, бывш. избач¹⁴), что отражается отрицательно на постановке всей работы в ком[муне], в особенности же на разделении и производительности труда. Прикрепленные культурные силы (учительство

¹² В 1929 г. — деревня, административный центр Волосовского района Ленинградской области.

¹³ Дуэт датских комиков Х. Мадсена и К. Шенстрема, известных в ряде стран, в том числе в СССР, как Пат и Паташон. Замечание Даниловой, назвавшей ленту бессодержательной, весьма характерно для молодого коммуниста, для которого кино имело прикладное значение в деле воспитания народных масс. Примечательно, что другой практикант, Стальберг, также счел нужным отметить идейную пустоту картины (см. ниже).

¹⁴ Заведующий избой-читальней.

окружающих деревень) не ведут никакой воспитательной работы среди членов, которые все безграмотные или малограмот., оправдываясь грязью и бездорожьем¹⁵.

22/XII

Ходили за 10 км в сельсовет. Потом на пленум совета. Обсуждали и подводили итоги финансовому ударнику, т.е. о проведенной работе по учету, сбору и распределению гос. займов, налогу, страхованию, самообложению, индивид[уальному] обложению и т.д. По возложенным РИКом¹⁶ заданиям по займам и всем финанс. операциям с[ель]с[овет] идет на первом месте по рай[ону]. Обсуждали вопрос об отчетной кампании по работе с[ель]с[овета]. Переизбрали председателя с[ель]с[овета] ввиду его болезни.

23/XII

Составили план работы со Стальбергом, кому, когда и что делать. Для более углубленной проработки тем разделили их следующим образом: Стальберг взял вопрос колхозного строительства, я – *антирелигиозную работу*, работу среди женщин, разъясняя им и вопросы коллективизации.

Днем читали материалы к докладам, вечером Стальберг беседовал с членами коммуны о решениях Ноябрьского пленума, а я проводила заседание совета кр[асного] уголка, где разбирали вопрос о проведении праздника Рождества и постановили, что я буду делать доклад о рождестве христове, после доклада – игры и танцы, т.к. подготовить постановку не успели из-за командировки активнейших комсомольцев на *курсы* в Ленинград.

24/XII

Готовлюсь к беседе с женщинами сегодня вечером, вчера вручили сельским исполнителям повестки, чтобы собрали женщин 3-х окружающих деревень. Я хотела проводить беседы в каждой деревне отдельно, но члены сельсовета говорят, что отдельно по деревням очень мало соберется.

9 часов вечера. Женское *собрание не состоялось*. Ждала целых 2 часа, и хотя бы одна явилась. Причины: или во всех деревнях уполномоченные сельсоветов не объявили о собрании, или предрождественская «суббота» причиной. Я учитывала это, но оба члена с[ель]с[овета] говорили, что у них это рождество не справляют.

Беседовала много с учительницей, выяснилось, что никакой общественной работы не ведется. Малограмотных в деревнях (3-х) есть 60 человек, но занятий ни одного не проводили. Женские собрания созывали три раза, не собрались. Пионерорганизации при школе не имеется, хотя учеников 50 человек. *Одна из преподавателей «бывшая учительница с 1912 г.»*. Училась в Ленинграде в учительской семинарии, старое вспоминает с восторгом, о советском строе старается умалчивать. Другая, молодая, не обзавелась семьей и пассивная.

На обратном пути с жен. собрания зашла в кр. уголок, где Стальберг проводил беседу о коллективизации с стариками соседней деревни. Я задала им вопрос: почему их жены не собрались, и получила ответ, что их не сзывали, и предложили созвать пораньше – в 1 час дня завтра. Написала повестки на вышеозначенное время, передала сель[ским] исполнителям. Буду ждать их завтра. На завтра же намечена беседа со школьниками 2-х школ о Рождестве и его возникновении.

25/XII

Беседы со школьниками о Рождестве удалось провести с 2-мя школами (в одной 18 чел., в другой 23 чел.). Желание у детей очень большое побывать в Ленинградском Зоосаде или в Зоологическом музее, т.к., кроме домашних животных, никого не видели, как только на

¹⁵ Данное свидетельство красноречиво отражает состояние культурной работы в деревенской глубинке и основные препятствия к ее осуществлению: острую нехватку кадров и плохую связанность территории страны даже внутри одного региона. Такие сведения позволяют судить о существенной неравномерности протекания культурной революции в разных регионах России и СССР.

¹⁶ Районный исполнительный комитет.

картинках. Это желание вызвал рассказ о Ноевом Ковчеге (Всемирный потоп), и желание детей наглядно убедиться в невозможности вместить в него всех животных мира.

На женское собрание явилось только *5 человек*. Беседу по намеченному плану и по теме проводить не пришлось, т.к. они хотели ответов только на вопросы [о] хлебной заготовке, затруднений с пром. товарами, недостатки потреб[ительской] кооперации и самое большое – вопросы коллективизации. *Одна женщина сказала, что неявка всех женщин на собрание является знаком протеста против коллективизации: дескать, и слышать не хотим!*

Нет ни у одной даже малейшего понятия разницы между коммуной и колхозом. Считают невозможным справедливое распределение труда, оплаты и налаживание взаимных отношений между членами. На первый раз расстались обе стороны со своим мнением, что «Все-таки Земля вертится!». Беседа длилась часа 2–2½.

26/ХІІ

Ходили за 8 верст (дер. Весикола) проводить собрание с докладом о коллективизации. Стальберг делал доклад, а я переводила и разъясняла крестьянам. *Присутствовало 30 человек*. На это пошло времени – целый день. Там *можно бы добиться практических результатов* по кол[лективиза]ции после проведения 4–5 собраний–бесед. Но беда в том, что эта деревня не входит в район нашего с[ель]с[овета] и находится далеко.

Вечером ничего не проводили, т.к. очень устали (дорога чертовская – по лесу и ночью), да и кр[асный] уг[олок] ушел в другую дер. ставить спектакль с молодежью ближайшей деревни.

27/ХІІ

После вчерашней тряски чувствовала себя скверно, болит голова и поясница. До обеда пролежала в постели и читала, после обеда сидели на заседании Совета коммуны до ужина. После ужина было *общее собрание членов коммуны*, длилось часов до 11 вечера. Было много вопросов и споров при утверждении нормирования труда (чего до сих пор не проводилось), но, в общем, отрадно смотреть и слушать, как люди общими усилиями, почти ошущью, идут вперед, стремясь наладить свою жизнь по-новому – по-лучшему.

28/ХІІ

Утром читала литературу о коллективизации, потом *помогала работающей женщине* на кухне, т.к. день субботный, работы очень много, затем топила печь и убирала комнату. Вечером ходили в баню, где со мной случился обморок, должно быть, я уже дома угорела, закрыв печку, полную углей, отчего заболела голова уже до бани.

29/ХІІ

Целый день пролежала, ничего не делая, с головной болью, болью в пояснице и сильным кровотечением (менструации), наступившими несвоевременно. Должно быть, простудилась вчера, пролежав голый в обмороке минут 15–20 в совершенно холодном предбаннике.

30/ХІІ

Была больна

31/ХІІ

До обеда читала «Основные задачи переустройства сельского хозяйства». Вечером *хотела провести беседу с женщинами о значении участия женщины в общественной жизни коммуны*, но пред[седатель] коммуны сказала, что сегодня день полит. кружка и будут занятия.

Вечером была на *заседании совета* <избы чит> красного уголка, вопрос стоял о оживлении работы кружков, стенгазеты, утверждение договора соц. соревнования и т.д.

После окончания заседания беседовали с крестьянами о коллективизации, боятся превратиться из «собственников» в «батраков», оправдывают существование единоличного

хозяйства...¹⁷ эволюционной теорией Дарвина, мол, все движется, все меняется — оставьте крестьянина в покое — без вашей революции (в с[ельском] хоз[яйстве]) к коммунизму придет. Объяснила, что теорию Дарвина признаем, но в данном случае она является тормозом нашему развитию вперед (развитию хозяйства всего и особенно индустриализации). Нам нужно быстрее продвинуться вперед, чем это возможно сделать эволюционным путем.

1-го января 1930 года

Сразу после завтрака пошли с комсомолкой коммуны в другую коммуну («Ленинский путь»), где было назначено заседание штаба социалистического соревнования между 3-мя коммунами по вопросу о проделанной работе. Идти пришлось 18 верст по очень скверной дороге. Заседание показало, что соц. соревнование оправдывает себя, помогает в налаживании работы, правильно понято и проводится соревнующимися, хотя, конечно, имеются и недостатки.

Вечером беседовала с Лаубе¹⁸ (он живет в ком[муне] «Ленинский путь») о ходе и опытах нашей практической работы.

2/1 — 30 г.

Утром осматривали хозяйство ком[муны] «Л[енинский] п[уть]». Из-за отсутствия хозяйственности и труд. дисциплины среди членов (преобладающее большинство которых — молодежь) хозяйство оставляет желать много лучшего. Например: *многие спят* до 9—10 ч. утра, т.к. ночи до 2—3 проводят в клубе или красном уголке нерационально из-за отсутствия культпросвет. работы там. Отсюда вывод: мала сознательность членов, низко качество и количество проделанной за день работы. Домой пришли вечером, поужинали и сразу — спать, т.к. страшно устали.

3/1 — 30 г.

В 12 час. дня ходила в школу подготавливать группы детей к спорт. выступлению в День смерти Ленина. До ужина проводили собрание орг[анизации] канд[идатской] группы при коммуне. После ужина проводили репетицию драмкружка (из-за отсутствия женских ролей), затем беседовали с членами коммуны и соседней молодежью из географии и зоологии (живут ли американцы вниз головой, есть ли у змей ноги и может ли змея жить внутри человека и т.д.). Длилась беседа часов до 11—12.

4/1

С утра поехали в соседний колхоз на собрание по просьбе бедняцкой части колхоза прийти им на помощь в налаживании работы, вернее, помочь им против середняцкого засилья. Дело вот в чем. Боясь пропустить сквозь руки и отдать соседней коммуне гос. зем[ельное] имущество — *60 га земли и хорошие* постройки, по инициативе середняка в ноябре было сколочено кол. хозяйство, куда вошло *5 середн[яцких] хоз[яйств] и 7 бедняцких*. Устава членам не зачитывали. При обобщении скота бедняки обобществили свой *скот весь, а середняки — только молодой*, оставив доходный скот в единоличном хозяйстве. Правление колхоза ничего не предприняло для изыскания подсобных заработков членам (из 3-х членов правления 2 середняков), третий — бедняк ни разу не приглашался даже на *заседание правления*, в течение 2-х м[есяце]в бедняки сидят без хлеба и работы (в конюшне 10 лошадей и 1 дойная корова), в то время как середняки едят хлеб, попивают свое молоко и посмеиваются над бедняками — мол, ищите себе работы, а нам и дома хорошо. Возмутительно то, что пред. колхоза — партиец горой стоит...¹⁹ против бедноты, имея свое середняцкое хозяйство, и обобщил только часть недоходного скота (сам еще служит в райземотд[еле]), получая приличный заработок 80—90 р. в м[есяц].

¹⁷ Отточие автора.

¹⁸ Лаубе Иван, учащийся эстонского сектора ЛО КУНМЗ.

¹⁹ Отточие автора.

Отношения между «большинством» и «меньшинством» обострились до невозможности совместной работы. Бедняки 7 человек хотят организовать коммуны, чтобы общими силами продержаться от голодовки и распродажи последнего скарба, 5 серед[няков], соглашаясь в критический момент на уступки и сотрудничество с бедняками, обещав внести двойной пай, отчислять на неработоспособных членов и т.д. (а за глаза пред[седатель] говорит, что оставят только 1 бедняка с семьей, а остальных «лодырей» и «пьяниц» выгонят).

На совещании бедняцкой части колхоза решили поставить на общем собрании членов [вопрос] об образовании бедняцкой части <самостоятельной> коммуны. Но на общем собрании, к удивлению, ни Стальберг, ни двое других членов совета нашей коммуны не поддержали бедняков, а приняли соглашательское решение о продолжении совместного сотрудничества.

Правда, бедняки тоже виноваты, не поняв разницы между коммуной и колхозом (что им и не разъясняли), и ругают за безработицу преда[председателя коммуны], не учитывая осеннего бездорожья из-за поздней осени. Но даже тогда, если бы бедняк ошибался на 70% и был прав лишь на 30%, нужно стоять на его стороне, помочь ему, а не отталкивать от себя в лапы сомнительной партийно-средняцкой добродетели. Сейчас (на собрании еще колебалась) больше чем уверена, что из совместной работы колхозников ничего не выйдет; или в скором времени надо все-таки организовать там бедняцко-средняцкую коммуны, или средняцкое засилье выживет поодиночке всех бедняков.

5/1

Воскресение (здесь не знают, что такое пятидневка²⁰). Проводила занятие по физкультуре со школьниками. Читала. Больше ничего. Вечером в клубе была кинопередвижка, а поэтому с нашей стороны ничего не удалось провести.

6/1

Сегодня надо было быть в РИКе на конференции о весенне-посевной кампании, ни я, ни Стальберг не пошли, отчасти из-за плохой обуви, отчасти из-за худой дороги и дальности расстояния – 23–25 км.

Занималась с детьми физкультурой. Вечером переводила с русского на финский договор о соц. соревновании и помогала в молочном т-ве составлять и подсчитывать ведомости.

7/1

Читала газету и литературу о весенне-посевной кампании, принесенную из РИКа членами коммуны (ездивших на конференцию по посев. камп.). Затем готовилась к антирелигиозной читке-беседе в красном уголке. Проводила с детьми занятие по физкультуре. Провела читку-беседу: «Создан ли мир богом – Законы Природы». Присутствовало 15 человек. Тема не очень захватывающая и близкая для крестьянина, но вопросов 10 задали.

8/1

Помогала составлять сводку работнице молочной фермы. Провела беседу с женщинами коммуны о задачах женщины в жизни коммуны (общест. жизнь, самообразование, воспитан. детей). Провела репетицию со школьниками. Стальберг пошел в с[ель]с[овет], чтобы согласовать наш план работы. Крас[ный] уголок сегод. закрыт. Читала бюллетень Обкома ВКП(б).

9/1

Молока набрала 7½ литра. Ночью рвало. Страшно болела голова и живот. День пролежала в постели. Вечером писала заявление работнице молочной фермы на получение компенсации за неиспользованные отпуска в течение 1½ г. и на получение за тот же срок дней отдыха. Другое заявление об алиментах – сами они малограмотны и непредприимчивы – не знают, как выхлопотать и постоять за себя. Занималась со школьниками по физкультуре.

²⁰ В 1929 г. правительство ввело пятидневную рабочую неделю.

10/1

Ходили с комсомольцами в школу проводить собрание малограмотных, но никто не собрался.

11/1

Было назначено собрание бедноты 3-х деревень, но сельсовет не созвал и не подготовил докладчика по вопросу отчетной кампании с[ель]с[овета]. Я должна была сделать доклад о весенней посев. кампании. Занималась подготовкой физкультур. выступления к Дню смерти Ленина. Вечером проводили комсомольское собрание с вопросами о контрактации молока и о проведении 9-го января (День смерти Ленина).

12/1

Проводили бедняцкое собрание 3-х деревень (Н[овые] Холоповицы, Лекилево, Алексеевка). Коллективизации боятся, поэтому «из тактических» соображений этот вопрос вкрапливали и разбирали и в вопросе контрактации, и в связи с весенней посевной кампанией. Против доводов в преимуществе крупного хозяйства не возражают. При практическом обсуждении 6 бедняков согласны коллективно обрабатывать землю и обобществить скот. Предложили еще разъяснить и вовлечь до 10 дворов, после чего оформить колхоз (с[обрание] было 4 ч.).

13/1

Помогала на кухне коммуны хозяйкам, т.к. одна из женщин увезена в больницу, у другой ребенок болен, остальные перегружены работой. Хотела идти по деревням вести подписку на газеты (очень мало здесь выписывают), но в 3 часа должна проводить занятия по физ. культ. со школьниками. Вечер просидели со Стальбергом на общем собрании коммуны, где за вопросами организации и нормирования труда просидели с 7 до 12 ночи. Это самый большой вопрос.

14/1

Ходила по деревне подписывать газеты и журналы. Из 10 дворов ни один не подписался, но зато в каждом доме беседовала с женщинами и о затруднениях в хозяйстве страны, и о колхозах, о женском вопросе и т.д. Просят еще заходить. Вечером были на собрании по контрактации молока со Стальбергом. К контрактации в этой деревне относятся с опаской, в других деревнях куда храбрее.

15/1

Помогала немного хозяйкам на кухне. Помогала также секретарю Комсомольской²¹ составить отчет о проделанной работе для Райкома. *Лоопер*²² *просил уделять* больше внимания и помощи коммуне, говорит, что *про нас в этом отношении идет худая слава* в райкоме. Пред. коммуны хотела взвалить на нас всю тех. работу, культпросвет. и политпросвет. работу, но когда мы от первой отказались, т.к. без нее не знаем [как] сделать, а она редко дома бывает. Видно, это ей не понравилось.

16/1

Искала музыканта для спортивного выступления ко дню Ленина. Нашла. Для этой же цели писала целый день лозунги. Вечером было заседание ред. коллегии, после чего стали писать газету. «Напечатать» газету поручили мне. «ПЕЧАТАЛА»²³ до 1 часа ночи.

Да вчера один 15-летний парень подал заявление о принятии его в Комсомол. Это результат наших бесед и индивидуальной обработки с моей стороны.

²¹ Деревенская ячейка ВЛКСМ.

²² А. Лоопер – заведующий партийной практикой ЛО КУНМЗ.

²³ Написано крупными печатными буквами.

17/1

ПЕЧАТАЛА газеты весь день и вечер. Отрывалась для репетиции со школьниками и вечером часа на 2—3 на время беседы ближних крестьян о вовлечении их в коммуну, около часу с членами беседовали о партийных вопросах. *Непростительно горячился и принципиальничал Стальберг с предом* коммуны на собрании в присутствии *крестьян по вопросам организации и уставов в коммунах и колхозах. Я выступила, чтобы смягчить остроту между ними, но все же у крестьян осталось нехорошее впечатление от их полемики и колкости друг другу.*

18/1

Целый день писала газету. Вечером были в бане и кино.

19/1

Готовилась днем, а вечером делал доклад о 9-м января и революции 1905 г. Присутствовало 13—15 чел. (в соседней дер. свадьба).

Ходила по деревне по подписке газет, не подписываются, т.к. много неграмотных и малограмотных семей, а грамотные и читающие выписывают периодическую литературу через молочную артель (преимущественно журнал «Новая деревня»).

В беседах с крестьянами очень остро всплывает вопрос *школы, т.е. вопрос обучения детей на русском языке*. Большинство населения хочет, чтобы дети обучались на русском языке, а в школах преподают на финском. Говорили и на собраниях, но учительницы боются приниматься за хлопоты и сомневаются за их успех, т.к. были случаи, когда родители отсылали своих детей в дальние деревни только потому, **что там обучали по-русски, но РИК издал приказ о водворении детей в школу их родной деревни, где преподают по-фински. У многих крестьян такое настроение: раз дети, оканчивающие школу, не умеют по-русски, то нечего их и учить (пассивное сопротивление), и уже дальше учиться детей не посылают, да их и не берут, т.к. в средних школах по большей части обучают по-русски. Все население здесь больше понимает по-русски, чем родн. язык.**

По-моему, тоже неправильно насильственно «национализировать» и этим тормозить развитие и обучение детей, учитывая обрусение населения (близость влияния Ленинграда), их желание и важность — большая в изучении <русского> и практическое применение русского язы.

Где причина? В РИКе или окрОНО²⁴?

20/1

Помогала на кухне.

21/1

Собирала свои манатки, в 2 часа пошли на станцию.

22/1

На пленуме райкома отчитывались о проделанной работе.

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 349в. Л. 1—11.

А. СТАЛЬБЕРГ

Волосово 19/ХІІ — 29

Приехали в 5:30. Попали в Дом крестьянина, но оказалось, что здесь только столовая, а ночлежку мы прошли мимо. Возвратились. Благодаря командировкам, дали нам комнаты. Даниловой — отдельно, а мне, Пяльль²⁵ и Лаубе — другую (две кровати на троих). Сходили в кино, посмотрели «Пата и Паташона» (пустышка).

В столовой получили на 4-х 400 гр. колбасы и кусочек хлеба. Сахару дали кусочек.

²⁴ Окружной отдел народного образования.

²⁵ Пяльль Вольдемар, учащийся эстонского сектора ЛО КУНМЗ, рабочий, член ВКП(б).

Собрались вместе, беседовали о предстоящей работе. Чувствуется «слепота» о предстоящей работе, но настроения бодрые.

(Еще в вагоне задел нас за нервы вагоновожатый: он спросил билеты, билеты все были и т. *Пяль, и я сказал, что мы ожидаем их коллективно. Он ответил: «Коллектив вас не накормит». «Да как еще накормит», — ответила Ламбакахар).*

Сейчас час. 11, лягу спать. В 9 чай и...²⁶ в райком.

20/XII

Живем в Доме кр-на. В 12 часов пошли в райком и РИК. Ждали немного агитпропа, беседовали о задании и получили назначение *в коммуну «Пюринде» — дер. Раболово*. Из РИКа получили справки на предмет питания. Надо в 6 час. утра сесть на поезд, поехать обратно до Елизаветино, а оттуда — в коммуну. Кроме политпросвет. работы, надо в коммуне по планам РИКа добиться укрупнения: дворов до 20, едоков до 70, пашни до 50²⁷, валовой продукц. до 200²⁸, зерна и трав до 495²⁹ и др. Колич. лошадей <до> 8, коров 10.

Это наши контрольно. цифры.

Ходили в ПО³⁰ — беседовали по их линии, искали агронома, но не нашли <дома> его.

Узнали, что в Раболово бедн. 9, кулаков нет. В <другой (?) дер> дер. Ознаково 2 кулака.

Пообедали хорошо. Почитали немножко. Живем в «Эстонии». Вокруг эстонцы, эстонцы³¹.

Населения в районе 30 т[ысяч], а коммунистов 150ч. В <напра> коммуне 2 чл. ВКП, 3 кандидата.

Вечером был в клубе на вечере вопросов и ответов «о новом законе по соц. страхованию». Клуб был холодный, о чем упрекнул и докладчик из города. Вопросов было много. Мы задавали вопросы. На один мой вопрос, об охвате учащихся в смысле соцстраха, ответил сидящий за спиной старичок, что «да придут на экскурсию да сломают ногу». Я ответил ему: «Они и за машиной работают».

Хотел лечь, чтобы проснуться в 6 ч. утра и поехать в Елизаветино, как заходит Данилова: «Ребята, у нас пожар», т.е. Дом кр-на загорел[ся], но скоро ликвидировали. Лег спать.

21/XII

Раболово. Коммуна «Пюринде» («Стремление»). Членов коммуны³² *чел. Детей 6*, от 2 нед. до 6 лет. Коммуна бедная. Сейчас только *3 коровы* дойных и 3 лошади. Есть кое-какой с[ельско]х[озияйственный] инвентарь. Организовалась комм[уна] в апреле с.г. из неимущих, главн. обр. из батраков. Население ноне не втягивается в ком[му]ну именно потому, что коммуна так бедная. Втягиваются только неимущие. Слышал, что отпущен им кредит в 2500 руб. на приобр. коров — главный источник дохода. Скоро будет работать мастерская.

Часов в ½ утра приехали на ст. Елизаветино, а в коммуну пришли часов в 2—3 дня. 8 верст пешком с вещами, в грязи. «Адская» работа.

Сходили в баню (суббота). Ужинали в общей столовой. Беседовали с председателем коммуны (женщина-финка Васке), а также беседовал с двумя деревенск. мужчинами в своей комнате на антирелигиозную тему (превращение воды в вино, как сделать нерукотворную икону, о «лодырях» бедняках и т.п.). Узнал, что в дер. Ознаково больш. мужчин неверующие, и что женщины не придут даже на лекцию.

²⁶ Отточие автора.

²⁷ Гектаров.

²⁸ Пудов.

²⁹ Пудов.

³⁰ Политический отдел.

³¹ Записи Стальберга характеризует эмоциональность, свидетельствующая о бойком и порой даже крутом нраве. Косвенно это подтверждают отдельные сообщения Даниловой (как, например, ее упоминание о «непростительно горячившемся» товарище в полемике с председателем коммуны). В этом отношении дневники позволяют увидеть некоторые различия в подходах к работе, отношениях с людьми, понимании практикантами своих задач.

³² В тексте оставлен пропуск, видимо, для последующего вписания числа человек.

Был в красном уголке коммуны, где было молодежи чел. 15, а взр[ослых] шт. 5. Большинство ушли на репетицию, часть – взрослые люди – были чем-то заняты. Попытался завязать частную беседу, что не совсем удалось. Составил тезисы для доклада.

22/ХІІ

Проснулись часов 10. Проснулись хотя по звонку, но на «кофе» успели только к концу (будем точнее). Часов в 12 были в дер. Ознаково, но оказалось, что здесь только член с[ель]с[овета], а с[ель]с[овет] в дер. Смольково – верст 9. Пошли туда. Успели как раз на заседание пленума с[ель]с[овета]. «*Отчеты членов с[ель]с[овета] финансовому ударнику*» (выплата всяких недоимок, перевыборы председателя (*болен, работал 6 лет*). <Ничего парень>. Было 5 кандидатур, оставили только двоих. Большинство прошел б[ез]п[артийный] бедняк, *который работал* уже 1 мес. секретарем. Другой кандидат был чл. партии. Первое впечатление от него хорошее, и жаль, что прошел не он. Я не был с ним знаком. Был председатель РИКа на заседании.

По вопросу «отчетн. кампания с[ель]с[овета] (начинается с 15/І – 30) разбили с[ель]с[овет] на участки, назначили докладчиков. Отчет РИКа будет в д. Ознаково (близко к нам). Первый «опытный» отчет будет в д. Смольково.

Голодали весь день. Обедали и ужинали часов в 6 веч. В клубе коммуны была постановка. Было от ближайш. деревень чел. 60–70. Больше молодежь. *До пьесы делал докладчик «Как возникло Рождество». Были аплодисм. и стучали ногами.*

Пьеса ставилась хорошая, но прескверно. Если еще ставят, добыюсь абсолютного улучшения игры. Некоторые моменты я и в эту игру внес.

Завтра составляем производств. план нашей работы, ибо уже познакомились с обстановкой и сделали начало работы. Практических перспектив пока не вижу, за исключением улучшения работы в коммуне.

Завтра вечером предполагаю сделать в красном уголке доклад «О недостатках индивидуального хоз-ва и преимуществах колхозов, коммун». Коснусь также недостатков в комне, как-то: распределение труда, рац. использование и т.д.

Почитаю еще немного, потом – спать. Я решил сегодня разбить с Даниловой труд так³³. Беседы проводим оба по всем вопросам. Собрания все (кроме женских) по коллективизации буду проводить я, т.е. мои доклады. Также о Ноябрьск. пленуме, весенн. пос[евной] камп. и все полит. вопросы и отчасти – антирелигиозные. Она – главное по антирелиг. [вопросам], все те же вопросы, только среди женщин.

23/ХІІ

Днем подготовка, беседа о задачах коммуны в мастерской коммуны (3 чел.), составление плана работы с 23 [по] 31 декабря. План написали и для красн. уголка, и для с[ель]с[овета]. Плана без изменений, конечно, не провести, но часть, несомненно, проведем.

Вечером Данилова участвовала на заседании совета кра. уголка «о проведении рождества», а я сдал доклад «О Ноябрьском пленуме ЦК». Присутствовали членов коммуны 7 чел., из деревни – 5. После доклада была живая беседа по некоторым пунктам доклада, а особенно о колхозах. Вечером приехал пред. коммуны, беседовал с ней, брал у нее некоторые книги. Читали, затопил печку (часа 2 – дрова сырые) и лег спать.

³³ Согласно сложившемуся порядку, в группе практикантов назначался староста, который по завершении командировки обобщал данные, представленные товарищами, готовил и представлял руководству университета отчет о проделанной работе. Он же обеспечивал взаимодействие группы с райкомом. Трудно при этом утверждать о существовании между студентами формальной субординации. В отношении Стальберга и Даниловой таковые не прослеживаются. Инициативность Стальберга в распределении обязанностей можно скорее объяснить качествами его характера – большей, чем у Даниловой, пылкостью, задором и норовистостью, что хорошо просматривается в записях обоих авторов.

24/XII

Подготовка по вопросам колхозов и антирелигиозн. [пропаганды]. Данилова подготовилась к женскому собранию. В час дня сделал доклад-беседу «О колхозах» со школьниками дер[евни]³⁴. Их 20 чел. — на экскурсии в коммуне. Были вопросы: «Кто будет хозяин колхоза?», «Как с многодетными?», «Куда пойдет кулак?», «Как учиться бедному (средства)?» и др. Осмотрели коммуну. Часть учеников не пришла. Канун рождества, а <дети> ... поночует здесь (классовая борьба в школе).

Вечером к красном уголке выступления школьников (песни, пляски, чтение стенгазеты) и доклад «Недостатки индивид. хоз-ва, и почему мы за колхоз». Присутствовало 17 чел., 15 подлинных крестьян-стариков. Протокол предлагал написать, но как-то этого не хотели. Остались сомневаемого мнения, т. е. ни против, ни за: «*Как-то все это новое*».

Ура!! Величайшая победа! *В рождественскую субботу после бани слушают внимательно доклад о коллективизации* (говорили, правда, энергично), *а завтра, 25 декабря, придут (уверен) на антирелигиозный доклад!* Уверен, что этими 15 стариками я овладел, хотя не по линии «колхоза». Первый доклад!

25/XII

Топил печь, подготовился. Ходил определять живой вес коров. Беседовал с двумя членами коммуны. Один из них рассказал много об организации колхоза в дер. Низковицы, и как там партизц Янсон под напором коммуны отказался от вхождения в коммуну и организовал лжеколхоз. Землеустроили 19 дворов, а в колхоз записались 9, в том числе 5 побогаче, а 4 бедн. и батрака. Батраки и комсомолец Падур хотели «сложить все», а Янсон обещал дать «1½ коровы». Теперь <батраки> бедняки обижены, они хотят придти в коммуну. В их числе т. Падур, имеющий 3 коровы и т.д. Все 4 дв[ора], входящие в коммуну, имеют 2 кор., 4 лош., 28 д[есятин] земли и т.д.

Вечером доклад на антирелиг. тему. Доклад и вопросы (беседа) продлились часа 3. Правда, не совсем по теме все. Присутствовало 23 чел. Просили: «Когда еще что будет?» **He ответил на 1 вопрос**, а вопросов была уйма разных и сложных.

Сразу после завтрака отправились в дер. Весикпола³⁵. Сделал доклад о выгодах коллективизации. До доклада были о колхозах какие угодно толки. После доклада дело здорово изменилось <И когда> Выступали крестьяне и за колхозы, а выгоды признали почти все (кулаков и лишенцев, конечно, не было). И когда поставили вопрос: «Пойдешь ты?» — некоторые <признали> сказали: «Ничего против не имею». Одна «крикунья» женщина кричала, что «хочу полного равноправия — коммуны», но я понял, что это лишь потому, что о колхозе нечего было возражать. Просили еще придти.

Присутствовало 28 чел., из них 8 женщин. Вопросов было среднее количество (шт. 15, протокол мне пошлют). Это не наш с[ель]с[овет] и далеко — 8 верст. Туда больше не пойду. Там в другой деревушке уже организуются. Будем работать в деревнях своего с[ель]с[овета], начиная с бедноты. В Раболове уже провели собр. по об... потому что все середняки. Пора по бедня[кам].

На вопрос: «Куда денем кулака» ответил **коммунистически**, и...³⁶ никто не сказал ни слова (!). Вернулись вечером.

27/XII

Топил печку. Читал книги. Пошли на заседание совета коммуны, что продлилось очень долго. Говорили больше всего о распределении работ, о нормах работы, о принятии новых членов и др. вопросы. Поужинали (скверно, конечно) и пошли на собрание коммуны.

³⁴ В тексте пропуск, вероятно, для последующего вписывания названия деревни.

³⁵ Вероятно, приведена неверная либо устаревшая форма названия.

³⁶ Отточие автора.

После собрания беседовал с кандидатами и комсомольцами, о том, что вы ничего не делаете, вас не видно, и что мы одни здесь, как сиротинушки. Что надо нам собраться, поговорить, и что надо бы вас немного подготовить к вступлению в партию. Писал письмо тов. Эйнбауму (секретарь канд. группы). Он в городе. Писал повестку о том, что собрание в Ознакове будет 30 с.м. в 6 ч. веч.

28/ХІІ

Читал газеты. Составил план доклада «О работе среди молодежи» и вопросы для беседы вечером с кандидатами и комсомольцами. Надо их подготовить, а то в районе всего 150 чл. партии!

Ходили в баню. Беседовал с Даниловой о том, что ей надо сделать.

Беседа – подготовка партийцев и комсомольцев. Присутств. 5+5 беспартийных.

Голова болит. Угорел.

29

Топил печку. Подготовился к антирелигиозному докладу. Послал повестку в Ознаково о том, что 30-го там собрание о коллективизации.

Вечером постановка – пьеса коммуны в дер. Войти³⁷ (о коммуне). До спектакля мой доклад «Рождество и религия вообще». Было молодежи 89 чел. Вопросов не задавали. Встретил там нашего *Лужкина*. Побеседовали. Звал его к себе (4–5 верст). У нас больше литературы. Он сказал, что *т. Сиестонен*³⁸ *живет* там, и что он говорит крестьянам о колхозах, а сам приходит все *к выводу, что ничего «не выходит»* (!).

30/ХІІ – 29

Днем беседа с 7 бедняками, 4 из которых хотят вступить в коммуну. Колхоз, где они членами, их не удовлетворяет. По этому поводу я думаю послать в РК.

Вечером собрание «О выгоде колхоза». Присутствовало 30 человек. Большинство выступали против.

31/ХІІ

Пешком до станции Елизаветино (8–9 км) и на поезде в райком.

1/І – 30

В райкоме. Беседовал о перевыборах председателя в дер. Смольково, о члене РИКа и о перспективах коммуны в райЗО. Хотел получить литературу ко дню смерти Ленина, но ничего не получил. Обещали прислать. Взял списки бедноты.

2/І – 30

Приехал из райкома. В 10 час. в коммуне. Написал в Вруду т. Штрику³⁹ и Егиоя⁴⁰. Даниловой нет дома. Она отправилась в *Клопицкую* коммуну проверять договор по соц. соревнованию. Там Пяльль и Лаубе. Узнаем про их работу!

Предложил Даниловой *организовать кружок безбожников*, создав ядро из коммунаров. Написал заметку в «Крестьянск. правду» – о «царстве» Янсона.

Вечером беседа по вопросам рационализации труда и научной ее организации. Присутствовали 10 чел. – коммунары. После была произвольная беседа о земле, солнце и т.д.

Получил письмо от Лаубе.

Обсуждение по вопросам работы с тов. *Эйнбаум*, который приехал из города. Собрание кандид. группы об очередн. камп. с[ель]с[овета] и посевной кампании, намечение пунктов проведения бедняцких собраний и намечение докладчиков. О работе в политшколе.

³⁷ Вероятно, приведена неверная либо устаревшая форма названия.

³⁸ Сиестонен Андрей Исакович, учащийся ЛО КУНМЗ.

³⁹ Штрик Рихард, учащийся эстонского сектора ЛО КУНМЗ.

⁴⁰ Егиоя Паулина Николаевна, учащаяся эстонского сектора ЛО КУНМЗ, 1904 года рождения, крестьянка.

Осмотрели хлев и купленный скот. Решили, что завтра надо идти на собрание колхоза Низковицы, чтобы выявить суть раскола.

Вечером антирелигиозная читка и активные обсуждения. Присутств. 12 человек.

4/1

Весь день в *Низковице* на собрании организованного колхоза. Писать о том не буду — будет очень много. Добились конкретного постановления собрания по вопросу содействия бедноте, старались исправить ошибки внутри колхоза, но если беднота не удовлетворится, поставим вопрос о создании коммуны из разложившихся.

Вечером созвал бедняцкое собр. Раболово, но явились лишь 6 чел. из 10. Правда, было 4 женщины. Конкретного мнения об организации крупного колхоза *из 3-х деревень не добились*⁴¹. Одна женщина все же сказала: «Вступила бы в <колхоз> коммуну, но беспокоюсь, как с детьми». Один был мнения, что «чем крупнее колхоз, тем он сильнее» — но его связывает еще его «грунт»⁴².

5/1

Днем составлял тезисы и подготовился к бедняцким собраниям по вопросам весенней посевн. камп. и отчетн. камп. с[ель]с[овета]. Вечером было в клубе кино «Два друга, модель и подруга» и журнал о конгр. КИМа⁴³.

Читал громко надписи кино. После кино известил некоторых гр[аждан], что 7/1 беседа по антирелигиозн. вопросам.

6/1

Днем подготовился, читал газеты, книги. Написал письмо в Ленинград. Вечером должно было быть собрание бедноты (коллективизация). Собрались 3 чел. (!). Рождество. Доклад не состоялся.

Вечером беседа с членом совета коммуны о недостатках председателя, о ее чрезмерно частых выездах и т.д. И о перевыборах совета коммуны.

7/1

Предполагалось идти в с[ель]с[овет], но ввиду того, что празднуют рождество, не пошли. Не собрать там бедноту, да и с[ель]с[овет] закрыт. Пойдем завтра. Читал. Вечером был свободен и поэтому принял участие в читке «О сотворении мира и законах природы», которую проводила Данилова. Присутствовало 15 человек. Антирелигиозных читок будет проводиться *цикл*. Нами выявлены две батрачки, служащие без договоров.

8/1

Пешком в Смолково, в с[ель]с[овет]. В работе с[ель]с[овета] есть ряд недочетов. Состав середняцкий. Один крепк. середняк. Только один партиец, против которого нападают и т.д. Беднота не организована, класс. борьба замазана и т.д.

Провел бедняцкое собрание. Присутств. 14 челов. Был отчет с[ель]с[овета] и о посев. камп. Отводы депутатов нужны, но их не добились. «Все хорошо». Перспектива расширения посевов есть. В обратном пути спорил с кандидат. ВКП(б) — коммунарами о их недостатках. Просили сделать доклад о коллективизации в этой деревне совместно с другими дер[евнями].

9/1

Составил план работы 9 [по] 24 с.м. согласно полученных в с[ель]с[овете] данных. Проводил занятия политкружка. Присутств. 2 канд. партии, 2 комс., 3 б.парт. Проработал *правый уклон и его корни*. Прошла беседа оживленно. Была молодежь, но удрали.

⁴¹ На полях справа — знак вопроса.

⁴² Эстонское название хутора (krunt).

⁴³ Коммунистический интернационал молодежи.

10/1

Читал выступление т. Сталина на конф. аграрников-марксистов, о посев. кампании и контрольные цифры. Вечером думал провести беседу об отчетной камп. советов, но сказали, что будет репетиция, а она не состоялась. Читал о девятом января, о Ленине и 9 января. РК литературы обещал послать, а нет еще.

11/1

Подготовка, баня. В 2 ч. отправился в дер. Фьюнатово. Хотел провести бедняцкое собрание с вопросами: отчет с[ель]с[овета] и посев. камп., **но это срывали, ибо собралась вся деревня, как мужчины, так и женщины**, чел. 70. Провели общ. собр. с вопросами о лесозаготовках (были тов.), и я сделал доклад о колхозах. Демонстративно против обоих вопросов, демонстративно собираются уходить и т.д. Более зажиточной массой заглушают бедноту. Их 55/13. А земельн. неровность от 1½ дес. — 30!

12/1

Днем общее собр. гр-н. Сделал маленький доклад о весенн. посевн. кампании. Присутствие чел. 50. Постановили: 100% очистка семян, 100% выполнение агроминимума, своевременная доставка семян нуждающимся и т.д.

После собрания была громкая читка с объяснениями «О происхождении жизни и человека». Присутств. 30 чел.

После этого беседа по разным вопросам, а главное — по вопр. коллективизации. Чувствуется «шатание» ряда людей.

Данилова пошла в Алексеевку. Бедн[яцкое] собрание.

Написал письмо Штрику.

13/1

Днем созвал в Фьюнатове собрание бедноты, успели лишь с горем пополам пок[он]чить первый вопрос, вопрос о контрактации молока, как **начали прибывать люди на общее собрание. Другие вопросы (посев. камп., чистка аппарата) отложили. (Путаница местных организаций). На бедн. собр. присутств. 9 чел. из 13.**

Был там на общем собрании. Провели вопрос контрактации всей деревни, а также устройства прием. пункта там.

Вечером бурное длинное собрание коммуны.

14/1

Прорабатывал пьесу «Гнилые корни»⁴⁴ и выписал одну роль. После обеда пошли на общее собрание граждан (Ознаково, Раболово, Колодцы). Проводили собрание м[олочной] артели по контрактации молока и др. вопр. Читал «Н.К. Крупская о Ленине».

15/1

Звали в Смольково на собрание, но не пошел. Там есть 2 практиканта. Приехали Лоопер и Пяльль. Беседовал с ними. Вечером готовил карикатуры для стенгазеты.

16/1

Работали весь день над стенгазетой.

17/1

Стенгазета. Собрание части более бедных гр[аждан] из Раболово и грунтов о вступлении в коммуны или о создании колхоза. Один сулился записаться в мае (!). Присутств. совместно с коммунарами 20 чел. Вечером провели беседу «О партии». Присутств. 15 чел. Кандид. и ВЛКСМ — 7 чел.

⁴⁴ Пьеса И.И. Персонова «Гнилые корни: пьеса из деревенской жизни в 3 действиях».

Был спор с пред. Ком-ны Васке и др. Я сказал: «Середняк боится, что бедняк вложит меньше, но ведь бедноте помогают кооп. фонды бедноты, но ведь кредиты гос-ва колхозу — это суть кредиты в первую очередь бедноте». Они против.

Васке и др. <указывают> говорят, что «Новый устав колхоза говорит об обобществлении всех средств произ-ва, всего скота и инвентаря. Останется хозяину котел и быт» (!).

Она говорит, что т-ва СОЗ⁴⁵ упрощены. Николаев возражал против того, когда я говорил, что «устав — это рамка, но в границах этой рамки мы, организовав колхоз, многое изменим».

О новом уставе я сказал на собрании, что «я его не читал, но уверен, что вы читали, но не поняли».

Данилова пошла за двумя, но ... на собрании.

Одним словом, собрание было курам на смех. Васке и Николаев <(более умеренно)> начали опровергать мой доклад, а я им ответил достаточно четко. Не кандидат и комсомолка, так, по крайней мере, беднейшие кр-не поддерживали меня, т.е. поняли лучше их.

18/I

Весь день работа со стенгазетой.

19/I

Было отчетн. собрание в Смолькове. Весь день был там (8 верст).

20

Доделал стенгазету. Составил отчет о практике.

<Вечером <беседа со> собрание чл. Ком-ны «О учебе, чистоте и работе среди населения»

21

Собрали манатки и отправились на станцию (8 верст).

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 349в. Л. 206–217.

Библиография

Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010.

Вязинкин А.Ю., Якимов К.А. Крестьянский пессимизм в период коллективизации 1920–1930-х гг.: антисоветская риторика поколения «революционного перелома» // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 753–764.

Зверков Е.А. Коллективизация как форма провокации преступности (на материалах Центрального Черноземья) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 6. С. 84–91.

Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000.

Кедров Н.Г. Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. М., 2013.

Панин Е.В. Роль производственной практики в обучении студентов коммунистических вузов в 1920-е гг. (на примере Коммунистического университета национальных меньшинств Запада) // Электронный журнал «Вестник МГОУ». URL: <https://www.evstnik-mgou.ru/jour/article/view/747/744> (дата обращения: 14.09.2023).

Слезин А.А., Якимов К.А. Общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» на рубеже 1920–1930-х гг. // Научный диалог. 2022. № 8. Т. 11. С. 453–469.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. 2-е изд. М., 2008.

Халфин И. Автобиография большевизма: между спасением и падением. М., 2023.

Хельбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. 3-е изд. М., 2023.

⁴⁵ Товарищество по совместной обработке земли — простейшая форма производственной сельскохозяйственной кооперации. Была распространена до начала сплошной коллективизации.

References

- Ficpatrik Sh.* Povsednevnyj stalinizm. Social'naja istorija Sovetskoj Rossii v 30-e gody: gorod [Ordinary life in extraordinary times: Soviet Russia in the 1930s]. 2nd ed. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Ficpatrik Sh.* Stalinские крест'яне. Social'naja istorija Sovetskoj Rossii v 30-e gody: derevnja [Stalin's peasants. Resistance and survival in the Russian village after collectivization]. 2-e izd. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Halfin I.* Avtobiografija bol'shevizma: mezhdu spaseniem i padeniem [The Autobiography of Bolshevism: Between Salvation and Fall]. Moskva, 2023. (In Russ.)
- Hellbeck J.* Revoljucija ot pervogo lica: dnevniki stalinskoj jepohi [Revolution on my mind]. 3-e izd. Moskva, 2023. (In Russ.)
- Inickij N.A.* Repressivnaja politika sovetскоj vlasti v derevne [Repressive policy of the Soviet government in the countryside] (1928–1933 gg.). Moskva, 2000. (In Russ.)
- Kedrov N.G.* Lapti stalinizma. Politicheskoe soznanie krest'janstva Russkogo Severa v 1930-e gody [Bast shoes of Stalinism. Political Consciousness of the Peasantry of the Russian North in the 1930s]. Moskva, 2013. (In Russ.)
- Panin E.V.* Rol' proizvodstvennoj praktiki v obuchenii studentov kommunisticheskikh vuzov v 1920-e gg. (na primere Kommunisticheskogo universiteta nacional'nyh men'shinstv Zapada) [The role of industrial practice in teaching students of Communist universities in the 1920s. (on the example of the Communist University of National Minorities of the West)] // Elektronnyj zhurnal "Vestnik MGOU" [The electronic journal "Bulletin of Moscow State University"]. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/747/744> (access date: 14.09.2023). (In Russ.)
- Slezin A.A., Yakimov K.A.* Obschestvennye nastroyeniya krest'yan pokoleniya "revolyucionnogo pereloma" na rubezhe 1920–1930-kh gg. [The public mood of the peasants of the "revolutionary turning point" generation at the turn of the 1920s-1930s] // Nauchnyj dialog [Scientific dialogue]. 2022. Vol. 11. № 8. S. 453–469. (In Russ.)
- Viazinkin A. Yu., Yakimov, K.A.* Krest'janskii pessimizm v period kollektivizatsii 1920–1930-kh gg.: antiso- vetskaya ritorika pokoleniya "revolyucionnogo pereloma" [Peasant Pessimism in the Days of Collectivization (1920s-1930s): Anti-Soviet Rhetoric of the "Revolutionary Turning Point" Generation] // Vestnik arhivista [Herald of the Archivist]. 2023. № 3. S. 753–764. (In Russ.)
- Viola L.* Krest'janskij bunt v jepohu Stalina: kollektivizacija i kul'tura krest'janskogo soprotivlenija [Peasant rebels under Stalin: Collectivization and the culture of peasant resistance]. Moskva, 2010. (In Russ.)
- Zverkov E.A.* Kollektivizatsiya kak forma provokatsii prestupnosti (na materialakh Tsentral'nogo Chernozem'ya) [Collectivization as a form of provocation of crime (based on the materials of the Central Chernozem region)] // Vestnik NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya [Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia]. 2022. № 6. S. 84–91. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S0130386424030175

© 2024 г. В.Н. ЗАМУЛИН

ПОЧЕМУ НАСТУПЛЕНИЕ ГЕРМАНСКИХ ВОЙСК НА КУРСК НЕ СОСТОЯЛОСЬ В МАЕ 1943 года. НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Замулин Валерий Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия).

E-mail: valery-zamulin@yandex.ru

Scopus Author ID: 55356443200

Аннотация. Курская битва вошла во всемирную военную историю как коренной перелом в Великой Отечественной войне. Ее особенностью является уникальный период подготовки, длившийся три месяца. На протяжении всего этого времени германское командование разрабатывало лишь одну крупную наступательную операцию, получившую название «Цитадель», которая по его замыслу должна была стать и основным содержанием летней кампании, и ее пусковым механизмом. Главным вопросом, решение которого потребовало длительного времени, стала проблема способности вермахта реализовать замысел операции в полном объеме. Гитлер в этом сомневался, поэтому в последних числах апреля он остановил выдвижение войск на исходные позиции для нанесения удара и 4 мая 1943 г. вновь провел крупное совещание в Мюнхене с генералитетом, посвященным в суть «Цитадели», по вопросам боеготовности войск. Источниками для написания статьи стали документы, обнаруженные в Федеральном военном архиве ФРГ. Они раскрывают ход этого совещания, детали проведенной дискуссии о возможности двух ударных группировок вермахта, сосредоточенных в районе Курской дуги, успешно реализовать план окружения советских войск в начале мая 1943 г., а также мнения, высказанные ее участниками. Совещание вошло в историю как ключевое событие процесса планирования летней кампании 1943 г. на советско-германском фронте, так как по его итогам Гитлер принял важнейшее решение – перенести начало операции с весны на лето, которое, по мнению некоторых его участников, крайне негативно повлияло на результаты всего немецкого наступления на Курск.

Ключевые слова: СССР, Германия, Великая Отечественная война, военная история, военное планирование, Курская битва, операция «Цитадель».

V.N. Zamulin

Why Did the German Offensive on Kursk Not Take Place in May 1943? New Documents

Valery Zamulin, Southwestern State University (Kursk, Russia).

E-mail: zamulin@yandex.ru

Scopus Author ID: 55356443200

Abstract. The Battle of Kursk went down in world military history as a key stage in the USSR's struggle against Nazi Germany. However, the peculiarity of this large-scale event lies not only in this, but also in the unique period of its planning and preparation, which lasted three months,

relative to other battles and major battles. During this period only one offensive operation, Operation Citadel, was being developed in Berlin, which was to form the core of the summer campaign. The author analyses documents preserved in the Federal Archives of the Federal Republic of Germany, which reveal the course of the meeting in Munich on May 4, 1943, where the potential of two Wehrmacht strike groups concentrated in the Kursk Bulge area at the end of April 1943 was discussed, successfully implementing the plan of encirclement of Soviet troops in early May 1943, and the opinions expressed by Hitlers, generals and field marshals who were privy to its essence, on this issue. The meeting went down in history as the most important event in the planning process of the 1943 Wehrmacht summer campaign on the Soviet-German front, as it resulted in Hitler making a number of important decisions that, according to some of its participants, significantly influenced its results.

Keywords: USSR, Germany, the Great Patriotic War, military history, military planning, Battle of Kursk, Operation Citadel.

Последняя декада апреля и первая декада мая 1943 г. в истории Курской битвы и всей летней кампании в целом занимает особое место. В этот период в Ставке Гитлера, штабе сухопутных войск Германии (ОКХ), а также в штаб-квартирах групп армий (ГА) «Центр» и «Юг» параллельно шли два очень важных процесса. Первый – пополнение войск ударных группировок и сосредоточение их для наступления на Курск (план «Цитадель»), которое было намечено на первые числа мая и рассматривалось в качестве ядра летней кампании вермахта на советско-германском фронте. Второй (хотя, возможно, это покажется странным) – процесс выработки общего замысла летней кампании, но без операции «Цитадель». Ключевым событием, которое коренным образом изменило направление этой большой работы, явилось совещание в Мюнхене 4 мая 1943 г. Его результатом стало решение Гитлера провести операцию «Цитадель» не в мае, а в июне. Поводом для переноса даты стало письмо от 24 апреля 1943 г. генерал-полковника В. Моделя, командовавшего 9-й армией, на основе которой была сформирована северная группировка для удара на Курск, о неготовности его войск к операции в начале мая. По мнению некоторых участников тех событий, в частности командующего ГА «Юг» фельдмаршала Э. фон Манштейна, это решение Гитлера фактически привело к провалу «Цитадели»¹.

О ходе совещания, его повестке и мнениях участников исследователям впервые стало известно из мемуаров главного инспектора бронетанковых войск вермахта Г. Гудериана² и воспоминаний Э. фон Манштейна³. Они были изданы на немецком языке в первой половине 1950-х годов и до настоящего времени для большинства историков являются главным источником информации об этом важнейшем событии, даже для тех, кто активно работал с материалами вермахта и военно-политических структур нацистской Германии, хранящихся в западных архивах, например Э. Клинк, автор первого немецкого фундаментального труда о планировании, подготовке и проведении «Цитадели» на широкой базе архивных источников⁴.

В мемуарах и генерал, и фельдмаршал неплохо изобразили себя в исторических интерьерах и довольно полно описали то, как боролись против ошибочной точки зрения Гитлера. Однако обсуждение вопросов, касавшихся непосредственно «Цитадели», в них описано довольно скупо, настолько кратко и поверхностно, что порою непонятно даже, кто из ключевых фигур руководства вермахта присутствовал на совещании. Например, Гудериан пишет, что Модель был на нем лично⁵, а на основе записок Манштейна однозначного вывода сделать невозможно. Поэтому мемуары этих военных деятелей, широко используемые исследователями Курской битвы, как источник ненадежны ввиду своего

¹ Манштейн Э. Утерянные победы. М., 2016. С. 499, 500.

² Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне 1939–1945 гг. М., 2009. С. 337–338.

³ Манштейн Э. Указ. соч. С. 483–487.

⁴ Klink E. Das Gesetz des Handels. Die Operation "Zitadelle" 1943. Stuttgart, 1956. S. 140.

⁵ Манштейн Э. Указ. соч. С. 337.

крайнего субъективизма и не помогают провести добротный анализ даже отдельных, узловых моментов планирования наступления на Курск. Вместе с тем ни протоколов этого совещания, ни каких-либо иных архивных документов, подготовленных по его итогам и заслуживающих доверие специалистов, в настоящее время не опубликовано. Вероятно, поэтому отношение современных западных исследователей к совещанию в Мюнхене неоднозначное. Например, американские ученые Д. Гланц и Д. Хауз в их труде «Курская битва» о нем вообще не упоминают, хотя и отмечают, что наступление, назначенное на 4 мая, Гитлер в последний момент перенес на 12 июня⁶. А германский исследователь Р. Тёппель в монографии о Курской битве отвел ему меньше страницы⁷, позиции участников в ней изложены поверхностно и далеко не так, как в мемуарах Э. фон Манштейна и Г. Гудериана, причем автор не уточнил источник этих сведений.

Архивные материалы, ставшие сегодня доступными для историков, показывают, что вся деятельность и решения Гитлера во второй половине апреля 1943 г., это шаги человека, который не был уверен и в необходимости для Германии проведения именно операции «Цитадель», и в возможности реализации ее целей в полном объеме. Поэтому после знакомства с письмом Моделя он хотя и не без колебания, но принял предложение начальника штаба ОКХ генерал-полковника К. Цейцлера остановить выдвижение войск на исходные позиции для начала «Цитадели» в первой декаде мая 1943 г. и обсудить весь комплекс проблем, поднятых в письме, с командованием ГА «Юг» и «Центр» и участниками разработки плана летней кампании. Однако причины этой неуверенности историками до конца пока не изучены.

В Федеральном военном архиве Германии мы обнаружили журнал боевых действий ГА «Юг» за период с 26 марта по 4 июня 1943 г., ранее не вводившийся исследователями в научный оборот. В нем содержатся записи начальника штаба этой ГА генерал-лейтенанта Т. Буссе, присутствовавшего на совещании, о том, как оно было организовано и как проходило обсуждение основных проблем. В настоящее время это единственный выявленный нами документ, в котором в деталях изложены как позиция самого Гитлера, так и мнения собравшихся, а также ответы и реплики Гитлера в ходе дискуссии по ключевым вопросам. Кроме того, он дает возможность взглянуть на процесс выработки стратегического решения на переломном этапе войны изнутри, помогает понять и ситуацию с наличием сил и средств у Германии перед первой датой наступления, и мотивы его отмены.

Как свидетельствуют записи Буссе, за час до начала совещания, в 12:00 (берлинское время) Цейцлер в отдельном помещении, здесь же в Мюнхене, собрал командующих ГА «Юг» и «Центр» и их начальников штабов, чтобы изложить причины, приведшие к нему, и свою позицию по ключевым вопросам с целью заручиться их поддержкой. В начале встречи начальник штаба ОКХ заявил: «Фюрер после доклада генерал-полковника Моделя стал сомневаться, сможет ли наступление пробиться через оборону русских. Главной причиной колебаний фюрера стал план вражеской оборонительной системы перед ударным клином 9А⁸, имеющей, как говорят, 20 км глубину с узкими траншеями. Для прорыва этой системы обороны генерал-полковник Модель предложил шестидневный план наступления, на основании которого фюрер пришел к выводу, что:

1. Сомнительно, чтобы пехота передовых подразделений 9А при запланированной поддержке танковых частей могла бы выполнить задачу.

2. При такой продолжительности прорыва, возникает сомнение в возможности для создания «котла» [под Курском]. Есть опасность, что противник, опираясь на сильную оборонительную систему, сможет отвести силы из намечающегося окружения.

Поскольку фюрер настаивает на том, что в свете военной и политической ситуации, эта операция должна стать событием года и принести ощутимые результаты, он считает, что

⁶ Glantz D.M., House J.M. The Battle of Kursk. Lawrence, 1999. P. 55.

⁷ Töppel R. Kursk 1943. Die größte Schlacht des Zweiten Weltkriegs. Paderborn, 2018. S. 36.

⁸ 9-я армия вермахта.

надо существенно усилить ударные войска танками и тяжелым вооружением – особенно ГА “Центр”. Поэтому прежде всего встает вопрос о поставке “тигров”, противотанковой защиты для танков Т-IV, “шмелей”⁹, противотанковых орудий и “фердинандов”¹⁰. Поскольку необходимое количество техники можно собрать только к 10 июня 1943 г., фюрер хочет передвинуть операцию. Это его решение поддерживает генерал-полковник Гудериан»¹¹.

Далее Цейцлер изложил свою точку зрения, которая кардинально отличалась от позиции Гитлера, и, что очень важно, не учитывала состояние германских войск под Курском к началу мая. Внимание присутствующих он акцентировал не на готовности советской стороны к отражению сильного удара, как это делал Модель, а на большей вероятности того, что одну из главных проблем вермахта, на которую указывали противники «Цитадели», дефицит боевой техники и вооружения, через месяц решить невозможно, а советская сторона к этому времени сможет настолько усилить оборону, что проведение операции потеряет всякий смысл. «Я против любого переноса начала наступления, – убеждал он собравшихся, – поскольку, даже не говоря о том, что войска уже двинулись вперед, части противостоящего противника используют перенос наступлению в свою пользу. Мы отдаем им наше преимущество – сейчас они еще не готовы нас встретить, и чем раньше мы ударим, тем больше вероятность их разбить и использовать свои оперативные резервы для других целей. Я также очень сомневаюсь, что требуемые поставки танков и техники могут быть осуществлены в указанные сроки. Опыт прошлого говорит об обратном. Кроме того, “фердинанды” страдают от еще большего числа “детских болезней”, т.е. они настолько не доработаны как новая конструкция, что даже Гудериан сомневается, будут ли они к июню готовы к применению»¹². В конце своей речи генерал попросил поддержать его точку зрения на встрече у фюрера. Обмена мнениями не предполагалось, поэтому сразу же все присутствующие направились в приемную Гитлера.

Совещание началось в 13:00 и продолжалось примерно четыре часа. По свидетельству начальника штаба ГА «Юг» на него пригласили: К. Цейцлера, Э. фон Манштейна, Т. Буссе, командующего ГА «Центр» фельдмаршала Г. фон Клюге, его начальника штаба генерал-майора Х. фон Эльверфельдта, Г. Гудериана, начальника штаба ВВС Германии генерал-полковника Г. Ешоннека, начальника управления личного состава ОКХ генерал-майора Р. Шмундта и начальника оперативного отдела ОКХ полковника Шерффа¹³. Г. Гудериан вспоминал, что присутствовал и министр вооружения А. Шпеер¹⁴, но архивный документ это не подтверждает. Первым выступал Гитлер, и уже с первых минут собравшимся стало ясно: он сомневается в том, что если войска ГА «Центр» и «Юг» перейдут в наступление на Курск в ближайшее время, то смогут добиться ожидаемого результата. Вот как эта ситуация изложена в журнале боевых действий ГА «Юг» со слов Буссе: «Фюрер в длинной речи высказал причины, по которым хочет передвинуть начало наступления. Основные положения следующие:

1. Его очень впечатлили предоставленные генерал-полковником Моделем схемы вражеских укреплений на участке 9А.
2. Соотношение сил наводит на раздумья.
3. Неудавшееся наступление на Новороссийск показало, что наступательной энергии пехоты для прорыва хорошо укрепленных систем обороны, да еще и против ожесточенно обороняющегося противника, без сильной танковой поддержки недостаточно.

⁹ 150-мм самоходная гаубица.

¹⁰ Противотанковая самоходная артиллерийская установка (САУ) со 88-мм орудием, длина ствола которого составляла 71 калибр.

¹¹ Bundesarchiv-Militärarchiv (далее – BA-MA). RH 19 VI/45. Bl. 78–80.

¹² BA-MA. RH 19 VI/45. Bl. 81, 82.

¹³ Ibid. Bl. 80.

¹⁴ Гудериан Г. Указ. соч. С. 337.

Он подозревает, что с 9А в операции “Цитадель” произойдет то же самое, поскольку 9А собирается атаковать силами пехоты, придержав танковые дивизии. А ГА “Юг” в связи с нехваткой пехотных дивизий вынуждена танковые дивизии ставить в прорыв.

Он подозревает также, что пехоты не хватит, а гренадеры и танки пострадают при первом ударе и будут не в состоянии развить наступление.

Он опасается, что формирование усиления для войск будет окончено только к 10 июня. При этом для проведения “Цитадели” особое значение имеет экономия сил в ходе борьбы с вражескими укрепленными пунктами и очагами сопротивления»¹⁵.

Как вспоминал Манштейн, Гитлер планировал за май и первую декаду июня существенно усилить войска под Курском, направив туда все образцы новых танков «тигр», «пантера» и тяжелые самоходки «фердинанд», а главное – увеличить общее количество бронетехники в дивизиях. Речь шла почти об удвоении числа линейных танков и штурмовых орудий.

Затем он детально остановился на поступивших ему в конце апреля двух предложениях.

Первое исходило от Цейцлера: начать операцию в середине мая по уже согласованному плану, опираясь на приказ № 6 от 15 апреля 1943 г. Начальник штаба ОКХ считал, что в ходе нее за счет лучшей подготовки войск и управления ими вермахт понесет меньшие потери и существенно обескровит силы двух советских фронтов на Курской дуге. Это создаст благоприятные условия для обороны на всем Восточном фронте и положительно повлияет на дальнейший ход войны.

Второе предложение, ставшее поводом для проведения этого совещания, внес Модел. С 30 апреля 1943 г. он вновь был назначен временно исполняющим обязанности командующего ГА «Юг», а потому в отсутствие Манштейна и Клюге в Мюнхен прилететь не мог. Суть его письма от 24 апреля Гитлер подробно пересказал присутствующим и, как вспоминал Гудериан, на его основе делал «совершенно правильный вывод, что противник ожидает от нас именно такого наступления, и чтобы достичь успеха, мы должны либо придумать какую-то совершенно новую тактику, либо вообще отказаться от этой идеи»¹⁶.

Закончив почти 45-минутную речь, Гитлер попросил командующих обеих групп армий высказать свое мнение по вопросу об отсрочке начала «Цитадели». Против аргументов командующего 9А о большом некомплекте тяжелого вооружения и бронетехники в войсках его армии и возросшей мощи обороны Центрального фронта (это было видно на представленной Моделем аэрофотосъемке), удерживавшего северную часть Курской дуги, возражать было трудно. Поэтому сторонники наступления на Курск, пользуясь тем, что генерал-полковник лично ответить не мог, в своих выступлениях старались уходить от конкретики, выдвигая на первый план возможные негативные последствия затягивания операции и обвиняя Модела в преувеличении угрозы. В ходе обсуждения постепенно внимание сконцентрировалось на двух проблемах: не готовности войск для столь масштабной операции и на возможном русском наступлении в Донбассе и под Орлом в ближайшее время. Поэтому практически все, кто участвовал в дискуссии, и прежде всего командующие ГА «Центр» и «Юг», останавливались на них.

Точка зрения Манштейна на суть проблем, ставших поводом к совещанию, по мнению некоторых генералов, была не совсем ясной. Такое же впечатление создается и при сравнительном анализе документов ГА «Юг» и текста его мемуаров. Например, Гудериан вспоминал: «Он высказался в том духе, что, начнись наступление в апреле, оно может и удалось бы, а если и вообще начинать его, то надо бы еще пару полностью укомплектованных пехотных дивизий. Гитлер заявил, что у него нет таких дивизий и пусть Манштейн оперирует тем, что есть, после чего вновь повторил вопрос, но внятного ответа не получил»¹⁷. Из записи Буссе в журнале боевых действий группы армий: «Генерал-фельдмаршал фон Манштейн сказал примерно следующее: он не может оценить, насколько важна

¹⁵ ВА-МА. RH 19 VI/45. Bl. 80.

¹⁶ Гудериан Г. Указ. соч. С. 337–338.

¹⁷ Там же. С. 338.

и необходима на основании общей картины с военной и политической точек зрения более ранняя победа на Востоке. Однако силы, имеющиеся у его группы армий, в сравнении с силами противника слабы, особенно пехота. Он считает, что успех от отсрочки будет только в том случае, если до ее окончания удастся предоставить его группе армий дополнительные пехотные дивизии. В деталях:

1. По моему мнению, успех на Востоке нужно развить до того, как падет Тунис и Запад откроет второй фронт.

2. Ожидание означает повышение рисков на р. Миус – Донецком фронте. Сейчас русские там, вероятно, еще не готовы к наступлению, а в июне точно будут готовы.

3. Под вопросом, сможет ли прирост наших сил компенсировать рост боеспособности русских (производство танков за один месяц с русской стороны, повышение морального уровня, оправление от весенних неудач, укрепление их оборонительных позиций).

На это Фюрер бросил, что рассчитывать на пехотные дивизии не стоит в любом случае, и акцентировал внимание на том, чтобы в широком смысле заменить пехотные силы танками¹⁸.

Однако в мемуарах фельдмаршал писал, что он выступал за скорейшее начало операции, так как убежден, что перенос наступления ничего немецкой стороне не давал. Во-первых, если отложить его до получения необходимого количества танков и другого вооружения обеими группами армий, а это уже было известно – примерно месяц, советские войска на Курской дуге все равно получат больше бронетехники, чем германские. По данным фельдмаршала, в это время его группа располагала 686 танками и 160 штурмовыми орудиями¹⁹ (хотя в действительности танков было значительно больше: по списку всего – 1087²⁰), а советская промышленность давала фронту в месяц не менее 1500 боевых машин. Во-вторых, соединения Красной армии за это время приведут себя в порядок и обретут значительную мощь, в том числе и в моральном отношении. В-третьих, к лету возрастет опасность нанесения русскими удара на Донце и Миусе²¹. И судя по обнаруженным в германском архиве материалам, это не плод послевоенных размышлений фельдмаршала, а его мнение, к которому он пришел в конце весны 1943 г. Так, согласно документам штаба 9А, еще 3 мая 1943 г. ОКХ сообщило Клюге о том, что Манштейн настаивает на начале проведения «Цитадели» 9 мая²².

Возможно, это покажется странным, но горячим сторонником немедленного начала наступления был и Клюге. Он безоговорочно поддержал Цейцлера и критически отозвался о данных, представленных его подчиненным генерал-полковником Моделем. Буссе отмечал: «Генерал-фельдмаршал фон Клюге однозначно выразился против отсрочки наступления и указал, что данные генерала-полковника Моделя о силе вражеских укреплений, по его мнению, сильно преувеличены. Схема, вызывающая вопросы, описывает большое количество старых укреплений, частично наших с прошлых боевых действий. Он высказал предположение: мы дождемся того, что придется отводить атакующие части, и мы в этом году вообще не нанесем удары. Фюрер возразил на высказывания фельдмаршала фон Клюге, что генерал-полковник Модель в своем докладе был очень оптимистичен, пессимистическую нотку в обсуждение вопроса внес он сам»²³.

Вероятно, на точку зрения Клюге повлиял главным образом субъективный фактор – ревность и натянутые личные отношения с Моделем, о которых было известно всем. «Клюге, который явно чувствовал себя обойденным при этом докладе Моделя, – вспоминал Манштейн, – заявил в свойственной ему резкой форме: данные Моделя о том, что глубина позиций противника достигает 20 км преувеличены. На аэрофотоснимках, по его мнению, были зафиксированы только уже развалившиеся от прежних боев окопы. Затем фельдмаршал указал на то, что при дальнейшей отсрочке мы упустим инициативу. Это может привести

¹⁸ ВА-МА. RH 19 VI/45. Bl. 81.

¹⁹ Манштейн Э. Указ. соч. С. 487.

²⁰ National Archives and Records Administration (далее – NARA) USA. T. 312. R. 317. F. 7886074.

²¹ Манштейн Э. Указ. соч. С. 486.

²² NARA USA. T. 312. R. 317. F. 7886074.

²³ ВА-МА. RH 19 VI/45. Bl. 81.

к тому, что мы будем вынуждены снять части с фронта «Цитадели». Здесь он имел, вероятно, в виду в первую очередь опасное положение на Орловской дуге»²⁴.

Если судить по воспоминаниям Гудериана, то из всех присутствовавших позицию Моделя поддержал он один. Причем его выступление было наиболее последовательным и аргументированным. Он якобы назвал «Цитадель» бессмысленной затеей и подчеркнул: «Если бы мы сейчас начали наступление по плану Цейцлера, то понесли бы тяжелые потери в танках, которые в течение 1943 г. уже не удалось бы восполнить. Ведь требуется поставка новых танков и на Западный фронт, для мобильных резервов, чтобы можно было бы бросить их против высадки союзников, которая наверняка состоится в 1944 г.»²⁵. Кроме того, Гудериан заявил, что надежды начальника штаба ОКХ на новые танки «пантера» не вполне оправданны. Как любая новая техника, они не лишены серьезных недостатков, исправить которые до начала наступления промышленность не в состоянии.

Однако в журнале боевых действий ГА «Юг» позиция главного инспектора бронетанковых войск вермахта, со слов Буссе, изложена по-иному: «Генерал Гудериан высказался в том ключе, что мы непременно должны сэкономить на живой силе, бросив вперед усиленную материальную часть. Он за то, чтобы собрать максимальное число танковых частей в одном месте или у группы армий «Центр», или у группы армий «Юг» и ударить с большим превосходством сил. Генерал-полковник Ешонек дополнил мнение генерала-полковника Гудериана, [сказав,] что ему этот вариант нравится больше, поскольку тогда можно в этом месте сконцентрировать и всю имеющуюся авиацию. Он сообщил, что основная группировка авиации противника на восточном фронте собрана против ГА «Юг», и скорее всего русская наступательная операция будет проводиться на этом направлении. С точки зрения авиации усиления от отсрочки ждать не стоит. Дополнительно можно получить две группы пикирующих бомбардировщиков»²⁶,²⁷.

Остальные полностью разделяли мнение Цейцлера. Удивляться такому единодушию и недальновидности не стоит. На совещании присутствовали не просто генералы и фельдмаршалы, которые планировали конкретную боевую операцию, а в значительной мере политики, для которых в этой проблеме военный аспект не являлся ключевым. «Мир, в котором мы жили, принуждал к ханжеству и лицемерию... Соперники редко искренне разговаривали друг с другом... Они плели интриги», — писал Шпеер²⁸. Немаловажную роль играло и стремление избежать угроз своей уже выстроенной карьере, сохранить стабильность своей группировки и т.д. Официально же главный аргумент сторонников удара на Курск в мае 1943 г. без обиняков высказал фельдмаршал Кейтель: «Мы должны наступать из политических соображений»²⁹. Оно было созвучно желаниям Гитлера, но инстинкт самосохранения у него не атрофировался, и, вероятно, поэтому трезвый анализ, представленный в письме Моделя, он воспринял очень серьезно.

В этой связи интересно понять мотивы заявления Клюге, учитывая его положение в процессе подготовки и проведения «Цитадели», и Гудериана, единственного из высокопоставленных военных, являвшегося последовательным противником операции. Для этого обратимся к книге британского исследователя К. Макси, в которой изложена причина известного спора фельдмаршала и генерал-полковника, возникшего еще в 1941 г.: «Конфликт представлял собой столкновение двух образцов мышления — отважного командира [Гудериана], который сплошь и рядом шел на риск, пусть даже рассчитанный, и благоразумного генерала [Клюге], стремившегося к сохранению своего личного благополучия, зависевшего от безопасного положения его армии в сражении, и предпочитавшего при возможности уклониться от всякого риска, а не идти ему навстречу»³⁰.

²⁴ Маништейн Э. Указ. соч. С. 485–486.

²⁵ Гудериан Г. Указ. соч. С. 338.

²⁶ Штатная численность группы — 40 самолетов.

²⁷ ВА-МА. RH 19 VI/45. Bl. 82.

²⁸ Шпеер А. Воспоминания. М., 2010. С. 351.

²⁹ Цит. по: Великая Отечественная война, 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 2. Перелом. М., 1998. С. 256.

³⁰ Макси К. Гудериан. Смоленск, 2001. С. 244–245.

Английский историк точно подметил суть каждого из этих двух военачальников, которая диктовала им линию поведения и на совещании 4 мая. «Умный Ганс», как называли Клюге в вермахте, не нес персональной ответственности за «Цитадель», она возлагалась на Моделя. Поэтому для него было безопаснее и удобнее действовать в рамках замысла фюрера, мнения ОКХ и во всем их поддерживать. Гудериан же еще в 1941 г. показал, что он во главу угла ставит интересы дела, и поэтому во время обсуждения проблем на совещании в Мюнхене он думал не об угрозе собственной карьере, если Гитлер будет недоволен его позицией, а об эффективности решения стоявших задач.

Судя по дальнейшим шагам Гитлера, обсуждение подготовки наступления только укрепило мнение, которое у него сложилось после письма Моделя, — дату наступления надо переносить. Хотя на совещании окончательного решения фюрер не огласил, взяв короткую паузу для размышления. Эта операция продолжала оставаться для него главной летом 1943 г., поэтому он решил подготовиться к ней более основательно. Хотя, вероятно, командующий 9А не только зародил у него очень серьезные сомнения в возможности реализовать намеченный план в полном объеме, но и дал серьезный повод вновь вернуться к иным вариантам летней кампании. Об этом свидетельствуют воспоминания людей, окружавших его в этот момент. 7 мая 1943 г. министр пропаганды Й. Геббельс сделал запись в дневнике о встрече с Гитлером, который прибыл из Мюнхена в Берлин после совещания: «На Востоке фюрер хочет провести ограниченную наступательную операцию, а именно в районе Курска. В зависимости от обстоятельств он хочет выждать, будут ли большевики атаковать нас сами. Это дало бы нам лучшие шансы, чем если бы мы сами проявили инициативу»³¹. А 23 мая Геббельс опять поднимает эту тему и пишет, что фюрер вначале хочет позволить Красной армии начать наступление, чтобы затем контратаковать, т.е., по сути, Гитлер возвратился к идее Манштейна почти четырехмесячной давности³². О том, что после письма Моделя и обсуждения в Мюнхене «Цитадель» уже не казалась Гитлеру столь перспективной, свидетельствует и его разговор с Гудерианом 10 мая, на котором остановлюсь ниже.

Но вернемся к событиям, последовавшим сразу после совещания 4 мая. Манштейн пишет, что о решении Гитлера перенести дату наступления на 12 июня, он узнал 11 мая³³. Хотя начальник штаба 4-й танковой армии (ТА) ГА «Юг» генерал пехоты Ф. Фангор утверждал, что письменный приказ о подготовке наступления в июне он получил уже 6 мая 1943 г.³⁴ Действительно, решение было принято на вторые сутки после совещания. Возможно, эта путаница связана с тем, что фельдмаршал в это время все еще находился в отпуске для лечения и не мог отслеживать ситуацию в деталях. Из Берлина в распоряжение своей группы он прибыл лишь 10 мая. В. Модель о том, что отсрочка с большой вероятностью все же будет, узнал уже 4 мая. В 17:25 ему позвонил генерал-лейтенант Г. Кребс и, хотя еще не было официального документа, посоветовал ему в целях маскировки готовить рассредоточение войск армии, уже собранных на исходных позициях для удара³⁵. Перенос даты наступления на целый месяц принципиальных изменений в суть замысла, изложенного в приказе Гитлера № 6 от 15 апреля 1943 г., не внес. Его общая схема оставалась прежней — встречные удары двух групп армий под основание дуги в направлении Курска, а лидером по-прежнему выступала ГА «Юг». Существенному пересмотру подвергнутся только состав группировок и конкретные направления ударов их соединений.

Решение об отсрочке немедленно вызвало возражение, причем не только ОКХ, но и некоторых командующих армиями, главным образом ГА «Юг». Так, 7 мая генерал танковых войск В. Кемпф, командующий одноименной группой армий «Кемпф», в беседе с К. Цейцлером заявил, что этот шаг отрицательно повлияет и на оперативные вопросы,

³¹ Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil II. Diktate 1941–1945. Bd. 8. München, 1996. S. 314.

³² ВА-МА. РН. 19-VI/39. S. 746–749.

³³ Манштейн Э. Указ. соч. С. 487.

³⁴ Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. М., 2006. С. 98.

³⁵ NARA USA. T. 312. R. 317. F. 7886076.

и на психологическое состояние войск, он принесет больше выгод русским, чем немцам. Начальник штаба ОКХ разделял эту оценку и пообещал донести ее до фюрера.

Но Гитлеру в это время было не до психологии. Безусловно, он не мог полностью игнорировать мнение профессионалов, однако причины его колебаний в отношении начала операции имели под собой прежде всего материальную основу и были связаны с отсутствием необходимых сил и средств. В первую очередь сомнения в успехе усиливались из-за сложной ситуации с бронетехникой. Вероятно, именно она перевесила все доводы сторонников скорейшего перехода в наступление. Если опираться на записи Гудериана, то до 3 мая 1943 г. из Германии Клюге получил всего 286 танков, а Манштейн – 616³⁶. На момент подписания Моделем письма, т.е. 24 апреля, по данным штаба 9А, в шести ее танковых дивизиях (тд) (2, 4, 9, 12, 18 и 20) числилось 192 танка (из которых 75 боевые машины или 39% устаревшие Т-III и Т-IV с короткоствольной пушкой)³⁷, т.е. в среднем 32 – на одну дивизию, или менее одного танкового батальона. Для прорыва главной полосы обороны Центрального фронта ранее ему был обещан батальон новых тяжелых танков Т-VI «тигр» и 200 Т-V «пантера»³⁸. В это время первые 20 «тигров» только готовились к отправке из Германии, а когда будут выпущены первые «пантеры», было неясно.

По состоянию на 4 мая 1943 г. во всех восьми танковых дивизиях ГА «Центр» по списку числилось 442 Т-III и Т-IV, из них 314 в строю, а 128 (30% от общего числа) – в ремонте. Таким образом, средняя численность боевых машин в танковых полках дивизии ГА «Центр» составляла 39 единиц, т.е. примерно в четыре раза меньше, чем полагалось по штату. Самой укомплектованной была 8 тд, она располагала 53 танками, а самой слабой – 18 тд, в ней числилось лишь 26 шт. О низкой укомплектованности техникой подвижных соединений 9А свидетельствует донесение ее штаба на 23:30 3 мая 1943 г. Согласно ему, в это время в шести тд (2, 4, 9, 12, 18, 20) числился всего 231 танк, в том числе 109 Т-III и Т-IV³⁹ (47,2%) с короткоствольными орудиями, которые к этому времени уже не отвечали требованиям боя. Таким образом, средняя численность танкового полка одной дивизии составляла 38,5 боевых машин, или более чем в 4 раза ниже штатной (168 шт.).

9А должна была перейти в наступление в ближайшие дни, но Модель не представлял, какими средствами прорывать оборону Центрального фронта и овладевать в его глубине (75 км от линии фронта) крупным укрепленным городом Курск, особенно с учетом данных от авиаразведки об усилении советских войск на этом направлении.

В ГА «Юг» положение складывалось лучше, но ненамного. Всего она имела 1087 танков, но из этого числа в строю находилось 728⁴⁰. В среднем по дивизии – 56 танков, т.е. примерно в три раза меньше штата. Перекоп в обеспечении бронетехникой групп армий Клюге и Манштейна – следствие событий февраля – марта 1943 г. в южном секторе советско-германского фронта, когда ОКХ передало ГА «Юг» для проведения контрудара на Украине не только основную часть подвижных соединений, действовавших на этом направлении, но и резервы из Европы. Эта особенность войск ГА «Юг» (большее число танковых дивизий и их более высокая укомплектованность бронетехникой) сохранилось до начала Курской битвы и напрямую повлияла на ее планирование. Согласно замыслу «Цитадели», большую часть пути (125 км) до предполагаемой встречи в районе Курска предстояло преодолеть именно ударной группировке Манштейна.

В ГА «Центр» и «Юг» наблюдался перекоп и в обеспечении новинками танкопрома – «тиграми» и «пантерами». К 4 мая войска ГА «Юг» получили 67 Т-VI, а ГА «Центр» (в том

³⁶ Доклады генерал-инспектора танковых войск Гудериана Гитлеру с 3.5.1943 г. по 1.6.1944 г. // Архив Института военной истории Министерства обороны РФ (далее – Архив ИВИ МО РФ). Ф. 191. Оп. 233. Д. 108. Ч. 1. М., 1947. С. 7.

³⁷ NARA USA. Т. 312. R. 320. F. 7889589, 7889597.

³⁸ Архив ИВИ МО РФ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 108. Ч. 1. С. 7.

³⁹ NARA USA. Т. 312. R. 320. F. 7889556, 7889563.

⁴⁰ Архив ИВИ МО РФ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 108. Ч. 1. С. 6–7.

числе 9А) ни одного. Несмотря на то что по плану, утвержденному Берлином, до 3 мая в ГА «Центр» должно было поступить 20 «тигров»⁴¹.

Более трудное положение складывалась с Т-V, которые еще в начале апреля 1943 г., обещали Моделю. Этих танков в войсках не было, и к началу совещания в Мюнхене их даже не готовили к отправке на фронт. 10 мая в Берлине состоялось совещание с участием Гитлера по вопросу их выпуска, так как план поставок уже был сорван и перспективы его выполнения стали неясны. В ходе совещания представители промышленности пообещали наверстать упущенное к концу мая и даже перевыполнить установленные показатели, якобы вместо 250 предполагалось выпустить 324 Т-V.

Эти цифры в литературе появились благодаря Гудериану, именно он впервые упомянул их в мемуарах⁴². В действительности же, как свидетельствуют архивные источники, в частности его же записи к докладу на совещании 4 мая 1943 г., планы поставок этих танков были иными. В мае планировалось произвести 300 Т-V, в июне — 165, а в июле — 206⁴³. Предполагалось, что первые два танковых батальона «пантер» будут готовы только к 31 мая и еще два противотанковых дивизиона в составе 90 самоходных артустановок (САУ) «фердинанд». Для того чтобы эти цифры были понятны, вспомним: во-первых, итоги «Цитадели», во-вторых, численность этих боевых машин относительно других типов бронетехники в начале июля 1943 г. в ударных группировках Модель и Манштейна. В 9А тогда было 522 танка (477 Т-III и Т-IV, 45 Т-VI) и 215 САУ (125 САУ «мардер», 90 САУ «фердинанд»), а в 4ТА и ГА «Кемпф» — 1016 танка (в том числе 102 Т-VI и 200 Т-V), 247 штурмовых орудия.

При столь низкой укомплектованности техникой танковых соединений для успеха наступления крайне важным являлся уровень боеготовности пехотных дивизий 9А, но и они находились в плачевном состоянии. «Общая боевая численность двадцати дивизий, переданных 9А, 16 мая составляла 66 137 человек со средней боевой численностью в дивизиях всего лишь 3306 (примерно 60% от положенной численности даже для пехотных дивизий из шести батальонов). Согласно стандартам немецкой армии, недостаток в боевой численности мог быть превышен только в четырех из двадцати соединений Моделя (2 и 12 тд, 10 моторизованная дивизия и 78 штурмовая дивизия)»⁴⁴.

Примерно такое же удручающее положение дел описал Модель и в докладе от 24 апреля 1943 г., и во время личной встречи с Гитлером 27 апреля 1943 г. Цифры говорили сами за себя, и вывод напрашивался лишь один: пока войска под Курском выполнить задачи наступления не в силах. Поэтому у Гитлера иного выбора, как перенести его начало хотя бы на месяц, просто не могло быть.

Вместе с тем в этот момент он, вероятно, уже начал осознать, что это решение, по сути, хоронит и саму идею «Цитадели». Об этом свидетельствует его разговор с Гудерианом сразу после совещания 10 мая 1943 г., который вновь попытался переубедить фюрера вообще отменить операцию. Генерал спросил: «Почему Вы так хотите в этом году наступать на Востоке?... Да сколько, по-вашему, людей в мире вообще знают, где находится этот Курск? Мировой общественности абсолютно все равно, удержим ли мы Курск или нет. Гитлер сказал:

— Вы совершенно правы, когда я думаю об этом наступлении, меня начинает мутить.

Я ответил на это:

— Ваш организм реагирует совершенно правильно. Забудьте об этом.

Гитлер заверил меня, что он еще не принял никакого решения, и на этом все закончилось».

Предваряя описания этого эпизода, бывший главный инспектор танковых войск отметил важные изменения, которые произошли к этому времени (к 10 мая) во взглядах Гитлера. «Он уже видел, с какими трудностями нам придется столкнуться, — пишет Гудериан. — Это

⁴¹ Там же.

⁴² Гудериан Г. Указ. соч. С. 340.

⁴³ Архив ИВИ МО РФ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 108. Ч. 1. С. 9.

⁴⁴ Ньютон С. Указ. соч. С. 468.

великое предприятие никак не может принести столь же великие плоды, а вот наши оборонительные меры на Западе пострадают ощутимо»⁴⁵.

Действительно, из архивных источников вытекает, что к началу мая эйфория от мартовских успехов на Украине и ободряющих донесений разведки о низкой боеспособности советских дивизий под Курском уже прошла. На фоне усиления обороны Красной армии в районе Курской дуги и существенного отставания промышленности Германии с выпуском новой бронетехники, проблемы, на которых указывали противники «Цитадели», для Гитлера стали очевидны. Однако, как покажет время, это был период лишь частичного отрезвления. Идея одним ударом покончить с крупными проблемами и вновь взять инициативу на Востоке в свои руки крепко засела в сознании Гитлера.

Несколько по-иному трактовал мотивы его решения Шпеер. Он считал, что в тот момент Гитлер вполне трезво оценивал ситуацию и шансы Германии в войне с СССР, просто его охватили безысходность и страх перед неминуемым крахом. «Основной причиной его стремления во чтобы то ни стало настоять на своем явилось безнадежное положение, в котором он оказался из-за несокрушимой мощи противников, — писал он. — В январе 1943 г. они договорились требовать только безоговорочной капитуляции Германии. Гитлер был, пожалуй, единственным, кто полностью осознавал всю серьезность их заявлений и не строил никаких иллюзий, в то время как Геринг, Геббельс и кое-кто еще из его соратников подчас в разговорах не скрывали намерения использовать политические разногласия между Англией, США и Советским Союзом. На оперативных же совещаниях он все чаще повторял: “Не стройте иллюзий. Назад пути нет. Мы можем двигаться только вперед. Все мосты сожжены”»⁴⁶.

Таким образом, обе приведенных выше оценки в принципе не противоречат друг другу и, думаю, верно излагают мотивы и состояния Гитлера по этой проблеме.

Библиография

- Великая Отечественная война, 1941–1945. Кн. 2. Перелом. М., 1998.
Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне 1939–1945 гг. М., 2009.
Макси К. Гудериан. Смоленск, 2001.
Маништейн Э. фон. Утерянные победы. М., 2016.
Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. М., 2006.
Шпеер А. Воспоминания. М., 2010.
 Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil II. Diktate 1941–1945. Bd. 8. München, 1996.
Glantz D.M., House J.M. Then Battle of Kursk. Lawrence, 1999.
Klink E. Das Gesetz des Handels. Die Operation “Zitadelle” 1943. Stuttgart, 1956.
Töppel R. Kursk 1943. Die größte Schlacht des Zweiten Weltkriegs. Paderborn, 2018.

References

- Guderian G.* Vospominaniia nemetskogo generala. Tankovye voiska Germanii vo Vtoroi mirovoi voine [Memoirs of a German general. Panzer troops of Germany in the Second World War 1939–1945]. Moskva, 2009. (In Russ.)
Macksey K. Guderian [Guderian]. Smolensk, 2001. (In Russ.)
Manstein E. Uteriannye pobedy [Lost victories]. Moskva, 2016. (In Russ.)
Newton S. Kurskaia bitva: nemetskii vzgliad [The Battle of Kursk: a German view]. Moskva, 2006. (In Russ.)
Speer A. Vospominaniia [Memoirs]. Moskva, 2010. (In Russ.)
 Velikaia Otechestvennaia voina. 1941–1945. Kn. 2. Perelom [The Great Patriotic War, 1941–1945. Book 2. Turning point]. Moskva, 1998. (In Russ.)
 Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil II. Diktate 1941–1945. Bd. 8. München, 1996.
Glantz D.M., House J.M. Then Battle of Kursk. Lawrence, 1999.
Klink E. Das Gesetz des Handels. Die Operation “Zitadelle” 1943. Stuttgart, 1956.
Töppel R. Kursk 1943. Die größte Schlacht des Zweiten Weltkriegs. Paderborn, 2018.

⁴⁵ *Гудериан Г.* Указ. соч. С. 340.

⁴⁶ *Шпеер А.* Указ. соч. С. 383.

DOI: 10.31857/S0130386424030184

© 2024 г. С.Г. Малкин

РОССИЯ И ЗАПАДНЫЙ МИР: ГРАНИ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Рец. на книгу: ЗАПАД И РОССИЯ: ИСТОРИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб.: Алетейя, 2023. 510 с.: ил.

Малкин Станислав Геннадьевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, права и методики обучения исторического факультета Самарского государственного социально-педагогического университета (Самара, Россия).

E-mail: s.g.malkin@mail.ru

Scopus Author ID: 57193670318; ORCID: 0000-0001-9522-7926; Researcher ID: F-1650-2016

S.G. Malkin

RUSSIA AND THE WESTERN WORLD: THE FACETS OF CONFLICT INTERACTION

Rec. ad op.: THE WEST AND RUSSIA: THE HISTORY OF CONFRONTATION / ed. T.L. Labutina. Saint-Petersburg: Aleteya, 2023. 510 p.: ill.

Stanislav Malkin, Samara State University of Social Studies and Education (Samara, Russia).

E-mail: s.g.malkin@mail.ru

Scopus Author ID: 57193670318; ORCID: 0000-0001-9522-7926; Researcher ID: F-1650-2016

В рецензии представлен обзор коллективной монографии о формах, моделях и методах противостояния России и Запада в эпоху позднего Средневековья, Нового и Новейшего времени и на современном этапе, подготовленной представителями российского университетского исторического сообщества и сотрудниками Института всеобщей истории (ИВИ) РАН. Основное внимание уделено анализу организационных, методологических и тематических особенностей, месту и роли монографии в контексте развития исторической науки в современной России. В этой связи обзор включает характеристику тематических, хронологических и дисциплинарных границ монографии. Особое внимание уделено характеру и логике контекстуализации и проблематизации изучения прошлого на ее страницах в свете современных подходов к методологии исторического исследования. Кроме того, анализируется историографическая проекция представленной в монографии версии истории взаимоотношений России и Запада в указанный период. В обзоре фиксируется особый статус издания, отражающий эволюцию профессионального сообщества и влияющий на этот процесс.

Предложить подробный анализ содержательных аспектов коллективной монографии, в подготовке которой приняли участие многие авторы (у каждой из

21 главы свой автор), в рамках журнальной рецензии не представляется возможным. Однако акцентировать внимание на ключевых институциональных, методологических и тематических особенностях работы — задача посильная и во всех отношениях необходимая.

Прежде всего, обращает на себя внимание библиографический контекст появления монографии. Рецензируемая работа представляет собой не отдельный академический проект. Ее появление знаменует собой новый этап в изучении взаимоотношений России и Запада в деятельности весьма стабильного авторского коллектива, многие члены которого являются признанными специалистами в своей области исследований. За их плечами — большой трехтомный труд о проблемах компаративистики и имагологии на заявленном поле академических штудий¹. В этом смысле многое в методологическом плане роднит новую работу с предыдущими, несмотря на иной

¹ «Свой» / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2019; «Свои» и «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запада и России. К юбилею Виктора Леонидовича Малькова / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2020; «Свои» / «Другие» / «Чужие». Из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2021.

ракурс исследования. Возвращение к политической и экономической истории авторы сопрягают с обращением к проблематике разделявшихся индивидуумами и социумами национально-государственных стереотипов. Полученные ранее ответы на вопросы: почему и каким образом на Западе формируется негативный образ России, нередко отождествляемый с «русским варварством», являются отправной точкой размышлений членов авторского коллектива о границах ее конфликтного взаимодействия с Западом. И хотя трудно согласиться с утверждением, что теоретические основы изучения межкультурного взаимодействия в рамках проблематики «свой» / «чужой» в исторических исследованиях на этом направлении «еще находятся в стадии формирования»², однако ее эвристический потенциал, безусловно, далеко не исчерпан.

Такая постановка проблемы вызывает широкий отклик в научном сообществе, о чем свидетельствует комплексный характер проекта (новая коллективная монография, несомненно, является продолжением серии работ о различных аспектах отношений России и Запада). Публикационная активность коллег сопровождается организацией ряда научных конференций по заявленным в работах проблемам, в ведущих профильных периодических изданиях регулярно публикуются рецензии на эти коллективные труды³. Таким образом, на протяжении нескольких лет мы имеем возможность наблюдать развитие перспективного научного проекта, привлекающего внимание значительного круга российских исследователей. Хронологический (от эпохи Средневековья до современности) и тематический (от торгово-дипломатических отношений Московского царства с западными соседями до перспектив внешней политики Великобритании на российском направлении на их современном этапе) охват, их количественный и качественный (ряд материалов — результаты работы над диссертациями, в рамках грантовых проектов и иных форм академического сотрудничества) рост свидетельствуют об этом со всей определенностью.

Еще одно историографическое обстоятельство, заслуживающее отдельного комментария, — британский акцент рассматриваемой коллективной монографии. Более половины членов редакционной коллегии, рецензенты и ответственный редактор — специалисты в области британских исследований. Половина глав посвящена различным аспектам российско-британ-

ских отношений, в трех главах, сверх того, данный сюжет так или иначе затрагивается. Отчасти это отражение объективной исторической реальности, на что уже обращалось внимание в рецензиях коллег на другие издания авторского коллектива. На протяжении Большой игры и в межвоенную эпоху Великобритания являлась или считалась одним из основных или главным геополитическим конкурентом / соперником Российской империи / СССР. Отчасти это и отражение сложившейся на сегодняшний день историографической ситуации. На академическом уровне — фигурально и буквально — проблематика взаимоотношений России и Запада³ в настоящее время активно разрабатывается в рамках отечественной школы британских исследований⁴. Признавая весомый вклад коллег с другой страновой специализацией в изучение взаимодействия России с внешним миром, необходимо заметить, что пока этот реализуемый на площадке ИВИ РАН проект не имеет аналогов. К тому же его инициаторы не претендуют на всеохватность, а, наоборот, приглашают к сотрудничеству.

Однако зафиксировать тенденцию — не значит постичь ее суть. О чем говорят эти факты в более широком контексте: с точки зрения методологии изучения истории, институциональной специфики исторического познания в России на современном этапе? Одна из наиболее примечательных особенностей монографии — наличие четко заявленной концепции издания, представленной на институциональном, методологическом и академическом уровнях. В первом случае особенно важно отметить, что рецензируемая работа отражает не только традиционную публикацию материалов по итогам конференции, но и позиционируется как дискуссионная площадка для обсуждения заявленных на форуме тем. Особую роль в этом играет редакционный раздел, в котором последовательно контекстуализируются и проблематизируются представленные в монографии исследования, что подчеркивается их рубрикацией, не

³ Буллер А. Восприятие «другого»/«чужого» в культурном пространстве между Россией и Западом (рец. на книгу: «Свой» / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2019) // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 246–250. DOI: 10.31857/S013038640013398–5; *Смирнова И.Ю.* Современная проблематика исторической имагологии в контексте международных отношений (рец. на книгу: «Свои» и «Другие». Взаимодействие и восприятие культуры Запада и России. К юбилею Виктора Леонидовича Малькова / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2020) // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 231–235. DOI: 10.31857/S013038640013842–4; *Ерохин В.Н.* Историческая имагология и понимание межкультурных коммуникаций (рец. на книгу: «Свои» / «Другие» / «Чужие». Из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2021) // Новая и новейшая история. 2023. № 3. С. 240–247. DOI: 10.31857/S013038640023024–4

⁴ В том числе благодаря регулярным профильным конференциям в Москве, Санкт-Петербурге, Рязани, Самаре, объединяющим авторов представленной работы.

² Запад и Россия: история противостояния / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2023. С. 5. Конец XX — первая четверть XXI в. в этом смысле оказались весьма продуктивны, см.: *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003; *Нойманн И.* Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004; *Imperium inter Pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)* / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М., 2010. В более широком ключе необходимо вспомнить знаменитую работу Э.В. Саида: *Саид Э.В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2005.

только отражающей динамику представленных в них штудий (традиции и новации российской британистики в целом), но и позволяющей взглянуть на них в актуальной в данном случае ретроспективе (отсылки к предыдущим работам авторского коллектива).

Такая позиция к возможным трактовкам общего прошлого являет собой еще и любопытный и перспективный пример соединения в рамках академического проекта локального (на базе определенной академической институции – ИВИ РАН) и общенационального (представленного исследованиями историков разных регионов страны) подходов к изучению истории на равной и паритетной основе. Повестка дня (синопсис разделов, представленный в редакционном разделе) формулируется редакцией, но задается авторами монографии. В результате история создания и развития этого академического проекта может рассматриваться и как историографическая проекция локальных научных сообществ в рамках заявленной темы – своеобразная карта прежде всего российско-британских исследований, позволяющая зафиксировать тенденцию их более равномерного распределения между академическими центрами и столичными и региональными вузами.

Особенности методологического поиска, представленные в монографии, задаются широтой тематических и дисциплинарных границ. Именно поэтому важное место в работе занимает междисциплинарный принцип исследования.

Все это обусловило необходимость обращения авторов к приемам и методам политической истории, экономической истории, институциональной истории, истории дипломатии, истории идей, исторической антропологии, имагологии, истории и теории международных отношений. Разумеется, в представленных в монографии главах эти направления часто пересекаются и дополняют друг друга. Такой анализ был бы невозможен без обращения к методам новой исторической науки, разработанным в результате целого ряда поворотов в развитии гуманитарного знания во второй половине XX в., нашедших отклик у ряда авторов рецензируемой монографии. В результате их стремление изучать восприятие мира, поведение человека в прошлом в контексте всей совокупности социально-экономических, политических, культурных практик, принятых в изучаемом обществе в данное время, нашло отражение на страницах данной работы. В этой связи важное значение имеет проблема культурного перевода, акцентирующая внимание не на событии и/или явлении, а на их отображении в сознании и последующей репрезентации.

Вместе с тем сформулированная во введении идейная рамка коллективной монографии оставляет пространство для дальнейших дискуссий. В справочном аппарате представлена ссылка на работу Ги Меттана с ее акцентом на вневременном характере

противостояния России и Запада⁵. Внимание к исследованиям профессиональных историков, работающих на этом же проблемном поле, позволило бы более сбалансированно подойти к определению концепции труда, несмотря на заданный названием монографии вектор опубликованных в ней материалов. В рамках сравнительного изучения империй идет процесс активного осмысления такого противопоставления экзотизации и нормализации Российской империи (в том числе с точки зрения специфики развития морских и континентальных империй)⁶. Уже в предыдущих монографиях авторского коллектива, которым во многих отношениях наследует рецензируемый труд, отмечено, что восприятие дихотомии образов «свой» / «чужой» не является вневременной константой, а трансформируется в зависимости от конкретных исторических реалий. В этом смысле почти все представленные материалы показывают, что в эпоху Нового и Новейшего времени Россия часто выступала как один из факторов в отношениях между странами Запада – в зависимости от расклада геополитических сил в каждый конкретный исторический момент.

Такой аргументированный в рамках дисциплинарных конвенций взгляд на прошлое далек от ангажированных актуальными политическими дискуссиями представлений о характере отношений России и Западного мира в историческом прошлом, ярко представленных в отдельных главах (гл. 12, 20)⁷. Очевидно сохраняет значение звучавший в рецензиях на предыдущие работы авторского коллектива призыв коллег договориться о терминах⁸. Прежде всего, по-прежнему остается размытым значение понятия «русophobia», которое, судя по порядку и частотности употребления в представленной работе, имеет для нее ключевое значение. Авторы закладывают в него совершенно разные смыслы: от этнокультурных стереотипов (гл. 8), пропаганды (гл. 9, 11) и междержавной конкуренции (гл. 5), повсеместно присутствующих в международных отношениях, до экзистенциального противостояния России и Запада (гл. 20). Однако такое многообразие трактовок без соответствующей концептуализации выводит это понятие из разряда аналитической категории в область оценочных суждений. Можно было бы сказать, что таким образом в труде представлено системное видение русophobia как комплексного феномена, но такой подход не

⁵ Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война. История русophobia от Карла Великого до украинского кризиса. М., 2016. Цит. по: Запад и Россия: история противостояния... С. 7.

⁶ Например: Российская империя в сравнительной перспективе / под ред. А. Миллера. М., 2004; Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006; Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007; Imperium inter Pares...

⁷ Подробнее: Историческая политика в XXI веке. М., 2012.

⁸ Буллер А. Указ. соч. С. 246–250; Смирнова И.Ю. Указ. соч. С. 231–235.

артикулирован ни на уровне редакционного раздела, ни на уровне отдельных глав.

Ощущение отсутствия терминологической ясности возникает в отношении других важных дискуссионных понятий, активно применяемых некоторыми авторами монографии: «русская угроза» (гл. 6), «общественное мнение» (гл. 8), «американизация» (гл. 12) и повсеместно встречающиеся «конфронтация» и «противостояние», не говоря уже о возвратившихся из исторического небытия «англосаксах» (гл. 20). Профессиональная рефлексия по поводу опасностей, которые таят в себе модернизация, презентизм, пролепис и внешнее теоретическое сходство, в значительной степени способствовала бы устранению этой проблемы⁹. Выход на более широкую траекторию — разговор о позиционировании России на международной арене в свете отношений не только с Западом, но и с Востоком (исследовательская модель, уже апробированная ранее авторским коллективом) — также позволяет дать более «плотное», говоря языком культурной антропологии, описание этого феномена¹⁰. Конфликтное взаимодействие на международной арене часто сопровождается символической политикой и нередко затрагивает вопросы культурной памяти. Анализ и учет реакций Востока на ключевые для российской идентичности события могут обеспечить более взвешенный взгляд на наши отношения с Западным миром как в прошлом, так и в настоящем¹¹.

Указанные обстоятельства побуждают задуматься над принципами рубрикации рецензируемой монографии. Формы конфликтного взаимодействия, его характер и внутренняя логика не всегда совпадают и имеют общее значение. С одной стороны, материалы второго раздела свидетельствуют о политической подоплеке описываемых в них событий. В таком случае можно ли говорить именно об идейном противостоянии, или оно являлось функцией междержавной конкуренции? Если «русская угроза» — не типичный эпифеномен борьбы на международной арене, а самостоятельный фактор общественного сознания Великобритании второй половины XIX в., целесообразно ли рассматривать ее проявления в первом разделе? С другой стороны, если исходить из того, что Большая игра являлась наиболее ярким проявлением противостояния России и одной из ведущих западных держав во второй половине XIX — начале XX в., охватив в той или иной степени все ключевые сферы

общественной жизни, то не целесообразнее ли объединить соответствующие главы (гл. 6 и 7) в отдельном разделе (тем более что последний, четвертый, раздел состоит из двух глав и охватывает меньший период)? Впрочем, в случае подготовки коллективных работ составителям часто приходится руководствоваться еще и необходимостью решения технических задач, что отчасти может объяснить логику представленной в данном труде рубрикации.

Характеризуя монографию в целом, необходимо заметить, что приведенные выше отличительные особенности не только отражают эволюцию профессионального сообщества, но и вливают на этот процесс, задавая определенный темп изучения истории взаимоотношений России и Запада (а также Востока, если иметь в виду многолетний и разноплановый академический проект целиком, частью и органичным продолжением которого является представленный труд), умножая исследовательский инструментарий, побуждая к дальнейшим методологическим поискам, расширяя проблемное и хронологическое поле поднимаемых авторами тем, о чем свидетельствует их тематическое разнообразие. Как известно, противостояние не всегда означает конфронтацию в привычном понимании слова, и в исследуемой авторским коллективом истории (имея в виду ее хронологические и тематические рамки) часто оно приобретало форму скорее конфликтного взаимодействия, о чем идет речь и в самой монографии. В этой связи хочется пожелать коллегам как продолжения исторических изысканий о месте, роли и особенностях позиционирования России по отношению ко всем азимутам глобального мира, так и новых ракурсов исследования, в перспективе позволяющих представить сбалансированную картину этого исторического, но вместе с тем непрерывно продолжающегося процесса.

Библиография

«Свои» / «Другие» / «Чужие». Из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2021.

«Свои» и «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запада и России. К юбилею Виктора Леонидовича Малькова / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2020.

«Свой» / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2019.

Imperium inter Pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М., 2010.

Буллер А. Восприятие «другого»/«чужого» в культурном пространстве между Россией и Западом (рец. на книгу: «Свой» / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2019) // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 246–250. DOI: 10.31857/S013038640013398–5

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.

Гирц К. Постфактум. Две страны, четыре десятилетия, один антрополог. М., 2020.

Ерохин В.Н. Историческая имагология и понимание межкультурных коммуникаций (рец. на книгу: «Свои» /

⁹ Обращение к методологии интеллектуальной истории в отношении некоторых глав представляется необходимым шагом для корректной исторической интерпретации. Подробнее: Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М., 2023; Уотмор Р. Что такое интеллектуальная история? М., 2023.

¹⁰ Гирц К. Постфактум. Две страны, четыре десятилетия, один антрополог. М., 2020.

¹¹ Например: Память о Второй мировой войне за пределами Европы / под ред. А.И. Миллера, А.В. Соловьева. СПб., 2022.

«Другие» / «Чужие». Из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2021 // Новая и новейшая история. 2023. № 3. С. 240–247. DOI: 10.31857/S013038640023024–4

Запад и Россия: история противостояния / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2023.

Историческая политика в XXI веке. М., 2012.

Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М., 2023.

Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007.

Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М., 2016.

Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.

Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.

Память о Второй мировой войне за пределами Европы / под ред. А.И. Миллера, А.В. Соловьева. СПб., 2022.

Российская империя в сравнительной перспективе / под ред. А. Миллера. М., 2004.

Сайд Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2005.

Смирнова И.Ю. Современная проблематика исторической импологии в контексте международных отношений (рец. на книгу: «Свои» и «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запада и России. К юбилею Виктора Леонидовича Малькова / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2020) // Новая и Новейшая история. 2021. № 5. С. 231–235. DOI: 10.31857/S013038640013842–4

Уотмор Р. Что такое интеллектуальная история? М., 2023.

References

“Svoi” / “Drugie” / “Chuzhie”. Iz istorii vzaimodejstviya i protivoborstva Zapada, Vostoka i Rossii [“Own” / “Others” / “Strangers”. From the history of interaction and confrontation between the West, the East and Russia] / отв. ред. Т.Л. Лабутина. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)

“Svoi” i “Drugie”. Vzaimodeystviye i vospriyatiye kul'tur Zapada i Rossii (k yubileyu Viktora Leonidovicha Mal'kova) [“Own” and “Others”. Interaction and perception of Western and Russian cultures (to the anniversary of Viktor Leonidovich Malkov)] / отв. ред. Т.Л. Лабутина. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)

“Svoy” / “Chuzhoj” v kross-kul'turnykh kommunikatsiyakh stran Zapada i Vostoka [“Own”/“Alien” in cross-cultural communications of the countries of the West and East] / отв. ред. Т.Л. Лабутина. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)

Buller A. Vospriyatiye “drugogo”/“chuzhogo” v kul'turnom prostranstve mezhdru Rossiyey i Zapadom (rets. na knigu: “Svoy” / “Chuzhoj” v kross-kul'turnykh kommunikatsiyakh stran Zapada i Vostoka [Perception of the “Other” / “Alien” in the cultural space between Russia and the West (reference to the book: “Own” / “Alien” in cross-cultural communications of the countries of the West and East)] / отв. ред. Т.Л. Лабутина. SPb., 2019) // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 1. S. 246–250. (In Russ.)

Erohin V.N. Istoricheskaya imagologiya i ponimanie mezhdru kul'turnykh kommunikacij (rets. na knigu: “Svo” / “Drugie” / “Chuzhie”. Iz istorii vzaimodejstviya i protivoborstva Zapada, Vostoka i Rossii) [Perception of the Historical imagology and understanding of intercultural communications (reference to

the book: “Own” / “Others” / “Strangers”. From the history of interaction and confrontation between the West, the East and Russia)] / отв. ред. Т.Л. Лабутина. SPb., 2021) // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2023. № 3. S. 240–247. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013038640023024–4

Girc K. Postfaktum. Dve strany, chetyre desyatletiya, odin antropolog [Post Factum. Two countries, four decades, one anthropologist]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Imperium inter Pares: Rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii [Imperium inter Pares: The role of transfers in the history of the Russian Empire] (1700–1917) / ред. M. Aust, R. Vul'pius, A. Miller. Moskva, 2010. (In Russ.)

Istoricheskaya politika v XXI veke [Historical politics in the 21st century: a collection of articles]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noj istorii [Cambridge School: Theory and practice of intellectual history] / sost. T. Atnashev, M. Velizhev. Moskva, 2023. (In Russ.)

Liven D. Rossijskaya imperiya i ee vragi s XVI veka do nashih dnei [The Russian Empire and its enemies from the 16th century to the present day]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Mettan G. Zapad – Rossiya: Tysyacheletnyaya vojna. Istoriya rusofobii ot Karla Velikogo do ukrainskogo krizisa [West – Russia: The Millennial War. The history of Russophobia from Charlemagne to the Ukrainian crisis]. Moskva, 2016. (In Russ.)

Miller A.I. Imperiya Romanovyh i nacionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya [The Romanov Empire and Nationalism: an essay on the methodology of historical research]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Nojmann I. Ispol'zovanie “Drugogo” : obrazy Vostoka v formirovanii evropejskih identichnostej [The use of the “Other” : images of the East in the formation of European identities]. Moskva, 2004. (In Russ.)

Pamyat' o Vtoroj mirovoj vojne za predelami Evropy: kollektivnaya monografiya [The memory of the Second World War outside Europe: a collective monograph] / pod red. A.I. Millera, A.V. Solov'eva. Sankt-Peterburg, 2022. (In Russ.)

Rossijskaya imperiya v sravnitel'noj perspektive [The Russian Empire in Comparative Perspective] / pod red. A. Millera. Moskva, 2004. (In Russ.)

Said E.V. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka [Orientalism. Western concepts of the East]. Sankt-Peterburg, 2005. (In Russ.)

Smirnova I. Yu. Sovremennaya problematika istoricheskoy imagologii v kontekste mezhdunarodnykh otnoshenij (rets. na knigu: “Svoi” i “Drugie”). Vzaimodeystviye i vospriyatiyekul'tur Zapada i Rossii (k yubileyu Viktora Leonidovicha Mal'kova) [Modern problems of historical imagology in the context of international relations (reference to the book: “Own” and “Others”. Interaction and perception of cultures of the West and Russia (to the anniversary of Viktor Leonidovich Malkov)] / отв. ред. Т.Л. Лабутина. SPb., 2020) // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 5. S. 231–235. DOI: 10.31857/S013038640013842–4 (In Russ.)

Uotmor R. Chto takoe intellektual'naya istoriya? [What is intellectual history?]. Moskva, 2023. (In Russ.)

Vulf L. Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta civilizacii v soznanii epohi Prosveshcheniya [Inventing Eastern Europe: a map of Civilization in the consciousness of the Enlightenment]. Moskva, 2003. (In Russ.)

Zapad i Rossiya: istoriya protivostoyaniya [The West and Russia: the history of confrontation] / отв. ред. Т.Л. Лабутина. Sankt-Peterburg, 2023. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S0130386424030197

© 2024 г. М.Ч. Третякова

ДЕПОРТАЦИЯ ЕВРЕЕВ ИЗ МАКЕДОНИИ, ФРАКИИ И ПИРОТ – ТЕМНАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ БОЛГАРИИ**Рец. на книгу: БАЗИЧНОТО АНТИСЕМИТСКО ЗАКОНОДАВСТВО НА БУГАРИЈА: ЗБОРНИК ДОКУМЕНТИ / сост. С. Асани, В. Поповски, Н. Маличи. Скопје: Институт за духовно и културно наследство на Албанците, 2020. 639 с***Третякова Мария Чедомирвна – кандидат исторических наук, учредитель Фонда содействия развитию русско-македонских отношений (Москва, Россия).**E-mail: marija.tretjakova@gmail.com**Researcher ID: KIA-3061-2024***M.Ch. Tretjakova****DEPORTATION OF JEWS FROM MACEDONIA, THRACE AND PIROT: A DARK PAGE IN THE HISTORY OF BULGARIA****Rec. ad op.: BASIC ANTI-SEMITIC LEGISLATION OF THE KINGDOM OF BULGARIA / comp. S. Asani, N. Malici, V. Popovski. Skopje: Institute for spiritual and cultural heritage of Albanians, 2020. 639 p.***Maria Tretjakova, Founder of the Foundation for the Promotion of Russian-Macedonian Relations (Moscow, Russia).**E-mail: marija.tretjakova@gmail.com**Researcher ID: KIA-3061-2024*

В последнее время наметилась тенденция не просто к минимизации присутствия нацизма на болгарской земле в годы Второй мировой войны, а к отрицанию его существования вовсе. С распадом соцлагеря в общественно-научной среде Болгарии стала преобладать тенденция к реабилитации преступного образа болгарской монархо-фашистской элиты, отметившейся не только своей антимакедонской, но прежде всего нацистско-расистской антиеврейской политикой. Ситуация усугубилась введением Болгарией вето на македонскую евроинтеграцию. Политическое обострение двусторонних отношений между соседними странами перекинулось и на болгарскую, и на македонскую общественность, в том числе научную.

Декларируемая защита и спасение еврейского населения Царства Болгарии в годы Второй мировой войны – центральный аргумент, используемый болгарскими властями для минимизации ответственности за соучастие в деяниях Третьего рейха. Естественно ни в коем случае не следует недооценивать или умалять благородство поступков отдельных представителей болгарского общества, обеспокоенных судьбой еврейских сограждан. Ведь именно благодаря выступлениям представителей интеллектуального и духовного сообществ царь Борис в итоге отме-

нил решение о депортации евреев, правда, лишь из Царства Болгарии. Участь еврейского населения, проживающего на оккупированных территориях Македонии, оказалась трагической: люди были отправлены в лагерь смерти Трешинка.

В последнее время темы не только фашизма, но и антисемитизма стали привлекать внимание исследователей и в самой Болгарии¹. В 2010 г. вышел сборник документов «Антиеврейское законодательство и его

¹ Болгария – своеобразный союзник на Третий райх / съст. В. Тошкова, Н. Котев и др. София, 1992; *Еленков И.* Дебатът за фашизма сред историците в България през XX век – историографически контекст и функции // *Arx inveniendi*. Исследования в чест на Ивайло Знеполски. София, 2002. С. 360–384; *Величковой Г.* Пропаганда на фашизма в България. 1920–1934. София, 2002; Гласове в защита на гражданското общество. Протоколы на Светия Синод на Българската православна църква по еврейския въпрос (1940–1944) / съст. А. Танева, В. Гезенко. София, 2002; *Задгорска В.* Кръкът «Звено» 1927–1934. София, 2008; Социално наляво, национализъм – напред. Програмни и организационни документи на български авторитаристки националистически формации / съст. Н. Поппетров. София, 2009; *Петрова Д.* Александър Цанков и неговата партия (1932–1944). София, 2011.

преодоление (1942–1945): сборник нормативных актов с исследованием Д. Токушева². В книге впервые в Болгарии были опубликованы законы и другие правовые документы, определяющие рамки и нормы болгарской антиеврейской политики в годы Второй мировой войны. Кроме того, были опубликованы и другие источники, посвященные вопросу спасения еврейского населения в Царстве Болгарии³. Тем не менее все они будто преследовали одну цель: сделать менее откровенным безнравственный и подсудный облик болгарской монархо-фашистской элиты в годы войны, одобрявшей и принявшей целый ряд антиеврейских нормативных актов и мер.

Исключением из вышесказанного является позиция современных болгарских историков Н. Данова и Р. Аврамова, опубликовавших в 2013 г. сборник источников по депортации евреев из Вардарской Македонии, Беломорской Фракии и Пирот⁴. Выход сборника был приурочен к 70-летию спасения болгарского еврейского населения. Правда, он увидел свет при поддержке Хельсинкского комитета, поскольку, по признанию авторов, ни один государственный болгарский институт не взялся за его публикацию. Вводную статью отличает очень зрелый, осознанный и демократичный подход к вопросу о депортации евреев из оккупированных земель болгарскими властями. Представляя указанные документы, составители предложили болгарскому общественно-интеллектуальному сообществу посмотреть правде в глаза и осознать вину болгарских монархо-фашистских властей за гибель евреев с оккупированных территорий, большая часть которых была из Македонии. Лишь через осознание исторической истины, в том числе и нелицеприятных эпизодов и событий собственной истории, наступает моральное очищение и страна сможет освободиться от пласта национальных мифов в вопросе антисемитизма в годы войны.

Таким образом, с начала XXI в. в болгарской исторической науке, наряду с доминирующим до тех пор дискурсом, что Болгария — страна, спасшая еврейское население в годы войны, появился второй: Болгария — страна ответственная за депортацию евреев из Македонии, Фракии и Пирот. Последний все еще остается маргинальным. Шаг навстречу своим болгарским коллегам недавно сделали македонские историки С. Асани, Н. Маличи и В. Поповски, которые опубликовали в 2020 г. сборник документов «Основное антисемитское законодательство Царства Болгарии». Вступительную статью подготовил

В. Поповски, раскрывший подноготную болгарской исполнительной и законодательной власти по еврейскому вопросу и антиеврейскую политику болгарских монархо-фашистов и царя Бориса III в годы войны. Уникальность издания заключается в том, что сборник свел воедино не только антисемитскую нормативно-правовую базу, по сути скопированную у нацистской Германии, но и все дискуссии и полемику в парламенте Болгарии, раскрывающие мотивы, причины и поиски оснований для принятия данных законов, характер которых, как показывают материалы сборника, был откровенно нацистско-расистский.

Согласно документам, XXV Народное собрание Болгарии с января 1941 по июль 1942 г. приняло ряд антисемитских законов. А законом о полномочиях Министерского совета (МС) от 9 июля 1942 г. Народное собрание предоставило правительству Болгарии, т.е. МС, возможность принимать все необходимые меры по решению еврейского вопроса и проблем, связанных с ним. МС, в свою очередь, делегировал нормотворческие права Министерству внутренних дел и народного здоровья и специализированному органу при нем — Комиссариату по еврейским вопросам (КЕВ)(с. 11).

Широкая нормативно-правовая база представлена в сборнике в I, IV, V, VI и VII частях. Все документы опубликованы вместе с их первоначальными вариантами — проект-законами. Кроме того, в сборнике можно найти стенограммы парламентских дебатов и обсуждений соответствующих проектов-законов (II часть), а также, как разные гражданские объединения воспринимали происходящее (III часть). Впервые опубликованы документы из македонских архивов в редакции македонского историка Я. Дамьяновской, в том числе списки евреев из городов Скопье, Битола, Штипа, собранных во временный лагерь Монопол, и два разведывательных доклада областной полицейской службы Скопье о задержании и депортации в лагерь лиц еврейского происхождения (VIII заключительная часть).

Благодаря изданию можно ознакомиться с обращениями к правительству и председателю Народного собрания ряда общественных организаций в связи с дискуссиями, вызванными проектом закона о защите нации от 1941 г. Среди прочих опубликовано обращение Исполнительного комитета национального болгарского студенческого союза, поддержавшего принятие закона и призвавшего болгарские власти к «введению мер к искоренению вмешательства еврейского населения в хозяйственную жизнь страны», к освобождению от всех «паразитирующих элементов в Болгарии» (с. 355–357). Группа болгарских писателей, Союз болгарских адвокатов и Болгарский союз докторов возражали против Закона о защите нации, предупреждая, что этим законом «пишется черная страница новейшей истории Болгарии», он «подорвет хорошее имя и престиж толерантного и великодушного болгарского народа» и что «евреи являются лояльными гражданами Болгарии» (с. 347, 348–357). К сожалению, как верно подчеркивает македонский

² Антиеврейского законодательство и неговото преодоляване (1942–1945): сборник нормативни актове с изследване от Димитър Токушев / съст. П. Добчев. София, 2010.

³ Борбата на българския народ за защита и спасяване на евреите в България през Втората световна война (документи и материали) / съст. Д. Коен, Т. Добринов, Р. Манафова, С. Танев. София, 1978.

⁴ Депортирането на Евреите от Вардарска Македония, Беломорска Тракия и Пирот. Март 1943 г. Документи от българските архиви. Т. I–II. София, 2013.

исследователь В. Поповски, «так не считало ни парламентское большинство... ни царь Борис III, ни министры в правительстве Болгарии» (с. 6). В итоге немногочисленные аргументы разума, гуманности и человеческой этики не были услышаны.

Ограничительные меры Закона о защите нации, принятого 23 января 1941 г., были направлены против тайных международных организаций, публичных организаций космополитического и антинационального характера, против еврейского меньшинства.

Еврейское население царской Болгарии лишалось политических и гражданских прав, например возможности получать болгарское гражданство, избирать и быть избранными, занимать позиции на госслужбе, в администрации и даже в частных организациях. Также представители еврейского меньшинства должны были покинуть все занимаемые должности в государственной администрации. Кроме того, закон запрещал им служить в армии, работать в подконтрольных министерству обороны ведомствах, ограничивал их в праве вступать в брак с этническими болгарами, нанимать себе на работу болгар в качестве домработников и т.д. Статьи 19, 20, 21, 22 регулировали вопросы конфискации и блокировки имущества и финансовых счетов.

Закон о защите нации был принят в течение полутора месяцев, что неудивительно с учетом огромного правительственного большинства в XXV Народном собрании Царства Болгарии. В частности, 115 депутатов из 160 были сторонниками монархо-фашистского руководства страны и приверженцами царя Бориса III, лишь 45 депутатов представляли оппозиционно настроенных народных избранников.

Болгарские власти действовали по собственной инициативе, и, как показывает документальная база, можно утверждать, что давление извне не оказывалось. Принятие Закона о защите нации, отмечает В. Поповски, абсолютно самостоятельный, вполне осознанный и хорошо скоординированный политический акт (с. 6).

Аргументы праворадикального большинства были самые разные. Прежде всего евреев как коллективной общности приписывалась преступная деятельность со времен Христа. Их представляли в качестве «кроважидных ростовщиков» (с. 182, 185, 239) и «обманщиков» (с. 182, 239). Еврейское население выставлялось «презирающим все остальные народы мира» (с. 182), недолгими, достойными всеобщего презрения (с. 182), евреев винули в бедственном положении болгарского народа. Подобные утверждения подкреплялись высказываниями известных общественно-политических личностей со времен античности до периода принятия закона.

Следующая группа доводов касалась «влияния еврейства на финансовую власть в стране» (с. 216, 357, 358, 394) и «стремления евреев к финансовому господству в мире» (с. 183, 192, 313, 314). Евреи выставлялись «финансовыми паразитами» (с. 183, 241, 359), которые высасывали плоды народного труда, а затем обманывали не только честных граждан, но

и государство. Так, например, утверждалось, что среди всех предприятий, обвиняемых в неуплате налогов, преобладающее количество – 35 – в руках евреев, а всего 5 – в руках этнических болгар. В финансовых спекуляциях и обманах в 1930–1939 гг. доля этнических болгар составляла 9,12%, в то время как доля евреев – 26,10% (с. 32). Кроме того, подчеркивалось, что евреи контролируют 80% металлургии и текстильной индустрии, 50% производства и экспорта табака, в то время как из примерно 50 тыс. евреев всего 73 человека занимаются сельским хозяйством (с. 216). В подкрепление всех обвинений приводилась и другая, как указывали оппозиционные депутаты, несуществующая и неподтвержденная статистика о неуплате налогов, финансовых спекуляциях и иной преступной деятельности еврейского населения. Следовательно, предлагалось лишить данное меньшинство политических и гражданских прав, а также имущества и элементарных средств к существованию (с. 177–247).

Вышеперечисленной риторикой народные избранники придавали всему еврейскому народу коллективные характерные особенности, которые оставались неизменными и неподвластными историческому, политическому и общественному контексту: еврей оставался евреем с теми же «отрицательными характеристиками и склонностями», вне зависимости от места и времени своего проживания. Отсылка к нацистской концепции о «юдомасонстве» и необходимости «борьбы против еврейской опасности» и «еврейства» (с. 184, 205, 211, 314, 325) и восхваление Гитлера (упоминается семь раз в дискуссиях болгарских парламентариев), помимо прочего, дают основание утверждать, что в годы войны в высших эшелонах власти и среди народных избранников царской Болгарии нацистско-расистская теория имела значительную политическую поддержку. Против принятия закона в Народном собрании высказывались единицы.

Против закона в парламенте выступал, например, депутат профессор П. Стайнов. Он отмечал, что Закон о защите нации – «дискриминирующий и противоречит конституции страны», а власти пытаются сделать из евреев болгарских «рабов», и что закон является «большим позором» для болгарской нации, которая имеет сильное национальное сознание, и ей, по сути, не от кого защищаться. Стайнов подчеркнул, что выступает за «Болгарию болгарам», поддерживает меры по усилению болгарского духа и присутствия болгар во всех сферах жизни общества, но возражает против принятия ограничительных и полицейских мер по защите болгарской нации, а закон называл откровенно расистским (с. 253, 254, 256). Во время парламентских дебатов депутат Н. Мушанов, указывая на надуманную опасность в лице евреев, отметил, что за всю историю существования страны в депутаты был выбран всего один еврей, в то время как в правительстве нет ни одного. Евреев нет среди дипломатов, в армии – среди офицеров, они не занимают никаких должностей ни в государственных органах и администрации, ни в печати, ни в издательствах, ни

в театрах, ни на почте (с. 278–279). Подчеркивалось, что из 46 тыс. евреев 44 тыс. проживали на грани бедности (с. 303). При этом сами евреи были лояльными гражданами, среди них 952 человека погибли в Балканских и Первой мировой войнах, отметил депутат И.В. Петров (с. 298).

Монархо-фашистские власти полагали, что закон предоставлял солидный кредит доверия со стороны Третьего рейха. Благодаря ему можно было говорить об изменении постверсальского территориального статус-кво в пользу Болгарии: присоединить «исконно болгарские», как считала официальная София, территории: Беломорскую Фракию, Македонию (Вардарскую и Эгейскую ее части), а также Южную Добруджу и Пирот. А кроме всего прочего получить существенные экономико-финансовые выгоды: доступ к природным ресурсам присоединенных земель и, воплотив в жизнь Закон о защите нации, конфискацию всего движимого и недвижимого имущества и финансовых средств лиц еврейского происхождения. Следует отметить, что, например, с заблокированных счетов и конфискованного имущества евреев, проживавших в Царстве Болгарии и на оккупированных территориях, а также введенным однократным 20%, а по факту 25%, налогом на общую стоимость имущества был профинансирован целый ряд государственных, центральных и муниципальных учреждений, капитальных инвестиционных фондов благонадежных болгарских кругов, близких к власти. Этими средствами, в частности, финансировался КЕВ, выплачивались зарплаты сотрудникам, вознаграждения, командировочные и прочее.

Опубликованные в Македонию болгарские документы и исследования этой темы показывают, что в планы монархо-фашистов входила депортация всех евреев, а не только проживающих на оккупированных территориях, которые по факту и пострадали (с. 66).

Последствия антиеврейской политики в Царстве Болгарии и на оккупированных территориях были разрушительными. Еврейское население оказалось на грани существования. Немаловажную роль сыграло общественное давление гражданских организаций, представителей болгарского духовенства, прежде всего митрополита Стефана, представителя международного «Красного Креста» Э. Шпальюиза, некоторых интеллектуалов-писателей, в частности Е. Пелина, личного друга царя, потребовавших от Бориса III изменить решение о депортации евреев с территории Болгарии. Тем не менее 11 343 тыс. евреев из оккупированных земель, из которых 8,5 тыс. проживали на территории Македонии, были депортированы в лагерь смерти.

Завершая обзор, подчеркнем, что в сборнике опубликована основная нормативно-правовая база антиеврейской политики Царства Болгарии в годы Второй мировой войны. Сборник позволяет исследователям ознакомиться с убеждениями, настроениями и доводами внушительного большинства народных избранников, одобрявших и принявших антисемитские законы и подзаконные акты. Подобная подача

материала предоставляет возможность наиболее объективно исследовать и оценивать тему нацизма в Царстве Болгарии в годы Второй мировой войны.

Опубликованные материалы, без сомнения, дают основания утверждать, что в царской Болгарии существовала нацистско-расистская теория немецкого образца, которая, собственно, и нашла свое отражение в антисемитской нормативно-законодательной базе. Македонские власти и научно-экспертная общественность в последнее десятилетие многократно обращались к болгарской стороне с требованием признать ответственность и официально извиниться за депортацию македонских евреев, однако София по-прежнему молчит. Это напрямую связано с политическими попытками руководства Болгарии представить период болгарской оккупации Македонии некой «вынужденной мерой», которая преследовала «благую» цель — «освобождение» и присоединение «исконно болгарских» земель. В попытках минимизировать свое официальное содействие и соучастие в деяниях Третьего рейха болгарские государственные лица и научные деятели настаивают на опасной замене тезисов: болгарскую оккупацию Македонии заменяют понятием «администрация» в попытках амнистировать преступную роль руководства Болгарии в годы войны в Македонии. В то время как македонские ученые опубликовали многочисленные работы, в том числе сборники документов, посвященные еврейскому вопросу, а македонское политическое руководство во главе с бывшим премьер-министром Н. Груевским организовало строительство монументального памятника и музея холокоста в столице Скопье, болгарское руководство поклоняется мемориальному памятнику жертвам социалистического режима 1919–1989 гг. в центре Софии, среди которых значатся имена самых жестоких преступников войны — комиссара по еврейскому вопросу А. Белева и одного из инициаторов принятия Закона о защите нации, бывшего министра просвещения Б. Филова. К сожалению, в последние годы попытки поставить равенство между болгарским фашизмом в годы войны и коммунизмом вышли из научно-общественного дискурса и перекинулись во внешнеполитическую плоскость.

Библиография

Антиеврейското законодателство и неговото преодоляване (1942–1945): сборник нормативни актове с изследване от Димитър Токушев / съст. П. Добчев. София, 2010.

Борбата на българския народ за защита и спасяване на евреите в България през Втората световна война (документи и материали) / съст. Д. Коен, Т. Добриянов, Р. Манафова, С. Танев. София, 1978.

България — своенравният съюзник на Третия райх / съст. В. Тошкова, Н. Котев и др. София, 1992.

Величковой Г. Пропаганда на фашизма в България. 1920–1934. София, 2002.

Гласове в защита на гражданското общество. Протоколи на Светия Синод на Българската православна църква по еврейския въпрос (1940–1944) / съст. А. Танева, В. Гезенко. София, 2002.

Депортирането на Евреите от Вардарска Македония, Беломорска Тракия и Пирот. Март 1943 г. Документи от

българските архиви. Т. I–II. София, 2013.

Еленков И. Дебатът за фашизма сред историците в България през XX век – иториографически контекст и функции // *Ars inveniendi. Исследвания в чест на Ивайло Знеполски.* София, 2002. С. 360–384.

Задгорска В. Кръкът «Звено» 1927–1934. София, 2008.

Петрова Д. Александър Цанков и неговата партия (1932–1944). София, 2011.

Социално наляво, национализъмът – напред. Програмни и организационни документи на български авторитаристки националистически формации / съст. Н. Поппетров. София, 2009.

References

Antievreyskoto zakonodatelstvo i negovoto preodolyavane (1942–1945): sbornik normativni aktove s izsledavane ot Dimitar Tokushev [Anti-Jewish legislation and its overcoming (1942–1945): a collection of normative acts with research by Dimitar Tokushev] / sast. P. Dobchev. Sofia, 2010. (In Bulgarian)

Borbata na balgarskia narod za zashtita i spasayavane na evreite v Bulgaria prez Vtorata svetovna voyna (dokumenty i materialy) [The struggle of the Bulgarian people for the protection and rescue of the Jews in Bulgaria during the Second World War (documents and materials)] / sast. D. Koen, T. Dobriyanov, R. Manafova, S. Tanev. Sofia, 1978. (In Bulgarian)

Bulgaria – svoenravniyat sayuznik na Tretia rayh [Bulgaria – the wayward ally of the Third] / sast. V. Toshkova, N. Kotev i dr. Sofia, 1992. (In Bulgarian)

Deportiraneto na Evreite ot Vardarska Makedonia, Belomorska Trakia i Piro. Mart 1943 g. Dokumenty ot balgarskite

arhivy [The deportation of the Jews from Vardar Macedonia, White Sea Thrace and Piro. March 1943. Document Apostille from the Bulgarian archives]. Т. I–II. Sofia, 2013. (In Bulgarian)

Elenkov I. Debatat za fashizma sred istoritsite v Bulgaria prez XX vek – itoriograficheski kontekst i funktsii [The debate about fascism among historians in Bulgaria in the 20th century – itoriographic context and functions] // *Ars inveniendi. Isledvania v chest na Ivaylo Znepolski* [In honor of Ivaylo Znepolski]. Sofia, 2002. S. 360–384. (In Bulgarian)

Glasove v zashtite na grazhdanskogo obshtestvo. Protokoly na Svetia Sinod na Blagarskata pravoslavna tsarkva po evreyskia vapros [Voices in the defense of civil society. Protocol of the Holy Synod of the Bulgarian Orthodox Church on the Jewish question] (1940–1944) / sast. A. Taneva, V. Gezenko. Sofia, 2002. (In Bulgarian)

Petrova D. Aleksandar Tsankov i negovata partia [Alexander Tsankov and his party] (1932–1944). Sofia, 2011. (In Bulgarian)

Sotsialno nalyavo, natsionalizmat – napred. Programni i organizatsionni dokumenti na balgarski avtoritaristki natsionalisticheski formatsii [To the left, nationalism to the right. Program and organizational documents of Bulgarian authoritarian nationalist formations] / sast. N. Poppetrov. Sofia, 2009. (In Bulgarian)

Velichkovoy G. Propaganda na fashizma v Bulgaria [Propaganda of fascism in Bulgaria]. 1920–1934. Sofia, 2002. (In Bulgarian)

Zadgorska V. Krakat “Zveno” [The Circle “Unit ”] 1927–1934. Sofia, 2008. (In Bulgarian)

DOI: 10.31857/S0130386424030202

© 2024 г. Д.В. Михель

ГЛОБАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ДЛЯ УНИВЕРСИТЕТОВ

Рец. на книгу: Т.Л. Шестова. ГЛОБАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ. Учебное пособие. М.: Издательство Московского университета, 2022. 576 с.

Михель Дмитрий Викторович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: dmitrymikhel@mail.ru

Scopus Author ID: 57194874927; ORCID: 0000-0003-2250-1626; Researcher ID: N-2263-2017

D.V. Mikhel

GLOBAL HISTORY FOR UNIVERSITIES

Rec. ad op.: T.L. Shestova. GLOBAL HISTORY. A Manual. Moscow: Moscow State University Press, 2022. 576 s.

Dmitry Mikhel, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: dmitrymikhel@mail.ru

Scopus Author ID: 57194874927; ORCID: 0000-0003-2250-1626; Researcher ID: N-2263-2017

В издательстве Московского университета вышла заслуживающая внимание книга – учебное пособие Т.Л. Шестовой «Глобальная история». Это первый в нашей стране опыт издания систематизированного курса глобальной истории – направления, относительно недавно (в конце XX в.) сложившегося в академической практике¹, но уже завоевавшего популярность во многих странах мира. Как пишет автор, «появление глобальной истории было вызвано “глобализацией” исторического знания, необходимостью создания концепций планетарного масштаба, охватывающих историю человечества в целом. Многие актуальные события современного мира уже не могли быть объяснены только в контексте национальных историй и истории межгосударственных отношений. Их истоки стали искать в пространстве глобальных социально-исторических процессов, затрагивающих фундаментальные основы эволюции человечества» (с. 21).

В целом, методологически книга направлена на подчеркивание различий всемирной истории как дисциплины, выросшей в недрах классической историографии, и глобальной истории как направления исторической науки², обогащенного междисциплинарным синтезом и имеющим свой специфический предмет – закономерности глобальных социально-исторических процессов большой длительности (броделевское *long durée*)³. Процессы, а не события лежат в центре глобально-исторических концепций. Примерами таких процессов можно назвать расселение человека нашего вида по континентам планеты, распространение и развитие технологий, воздействие общества на природу, формирование универсальных социальных институтов, становление мировых религий, рост экономических взаимосвязей и т.п. Один из недавних глобальных катаклизмов – пандемия COVID-19 – тоже являет собой глобально-исторический процесс, актуальность изучения которого, в том числе и в историческом аспекте, не вызывает сомнений. «В отличие от всемирной истории (World history), основанной на интегративной методологии, сводящей национальные истории в общий дискурс, глобальная история предметно основана на рассмотрении человечества как единого целого, как одной из движущих сил развития планеты. Глобальную историю можно назвать надсобытийной историей, историей трансграничных, выходящих за пределы национально-государственной значимости процессов. События национального масштаба рассматриваются в глобальной истории лишь в качестве иллюстраций

универсальных процессов, характерных для целого ряда стран и народов» (с. 21).

С этой задачей автор справляется благодаря выбранному принципу систематизации материала: вначале выделяются важнейшие глобально-исторические процессы каждой из выделенных в периодизации крупных эпох, затем даются их региональные особенности. Таких крупных эпох в книге выделено четыре (содержание рецензируемого тома охватывает период до начала Нового времени, или, как это обозначено автором, до начала модернизации) (с. 16): каменный век (от истоков материальной культуры до IV тысячелетия до н.э.); бронзовый век, эпоха ранних цивилизаций (III–II тысячелетия до н.э.); ранний железный век, классические цивилизации древности (I тысячелетие до н.э. и первые века н.э.); развитый железный век, Средневековье (V–XV вв.). В целом, книга достаточно наглядно характеризует ключевые повороты в эволюции человечества и дает целостное представление о направленности и логике всемирно-исторического процесса, определяемых не только социальными, но и природными факторами.

Возвращаясь к теме предметной и методологической дифференциации всемирной и глобальной истории, можно сказать, что эти два направления сегодня имеют тенденцию к сближению. Это отчетливо проявилось, например, в содержании шестого тома «Всемирной истории», подготовленного Институтом всеобщей истории РАН⁴, в трудах многих зарубежных классиков всемирной истории, таких как У. МакНил, Б. Джил, У. Томпсон и др.⁵

Стоит отметить, что книга сопровождается богатым иллюстративным материалом, картами и схемами, именным и предметным указателями, что облегчает работу с объемным содержанием пособия.

Книга представляет интерес как для студентов и аспирантов, обучающихся по специальностям социально-гуманитарного профиля, так и для специалистов – историков и обществоведов в качестве интересного опыта обновления исторического дискурса.

Библиография

Всемирная история в 6-ти т. Т. 6. Мир в XX в.: эпоха глобальных трансформаций / под ред. А.О. Чубарьяна, зам. отв. ред. М.А. Липкин, В.С. Мирзеханов. М., 2018.

Историческая наука в XX веке / под ред. И.П. Дементьева, А.И. Патрушева. М., 2007.

Карпов С.П. Историческая наука на современном этапе: состояние и перспективы развития // Новая и новейшая история. 2009. № 5. С. 17–26.

Хакимов Г.А. «Время большой длительности» Ф. Броделя как методологический принцип социально-гуманитарного познания // Вопросы философии. 2009. № 8. С. 135–146.

¹ Карпов С.П. Историческая наука на современном этапе: состояние и перспективы развития // Новая и новейшая история. 2009. № 5. С. 17–26.

² Историческая наука в XX веке / под ред. И.П. Дементьева, А.И. Патрушева. М., 2007.

³ Wesseling H.L. Fernand Braudel, Historian Of The “Longue Durée” // Itinerary. 1981. Vol. 5 (2). P. 15–29; Хакимов Г.А. «Время большой длительности» Ф. Броделя как методологический принцип социально-гуманитарного познания // Вопросы философии. 2009. № 8. С. 135–146.

⁴ Всемирная история в 6-ти т. Т. 6. Мир в XX в.: эпоха глобальных трансформаций / под ред. А.О. Чубарьяна, зам. отв. ред. М.А. Липкин, В.С. Мирзеханов. М., 2018.

⁵ McNeill W.H., McNeill J.R. The Human Web: A Bird’s-Eye View of World History. New York, 2003; Globalization and Global History / eds B.K. Gills, W.R. Thompson. London. 2006.

Globalization and Global History / eds B.K. Gills, W.R. Thompson. London, 2006.

McNeill W.H., McNeill J.R. The Human Web: A Bird's-Eye View of World History. New York, 2003.

Wesseling H.L. Fernand Braudel, Historian of the "Longue Durée" // Itinerario. 1981. Vol. 5 (2). P. 15–29.

References

Istoricheskaia nauka v XX veke [Historical Science in the 20th century] / pod red. I.P. Dement'eva, A.I. Patrusheva. Moskva, 2007. (In Russ.)

Karpov S.P. Istoricheskaia nauka na sovremennom etape: sostoianie i perspektivy razvitiia [Historical science at the present stage: state and prospects of development] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2009. № 5. S. 17–26. (In Russ.)

Khakimov G.A. "Vremia bol'shoi dlitel'nosti" F. Brodelia kak metodologicheskii printsip sotsial'no-gumanitarnogo poznaniia ["Long duration time" by F. Braudel as a methodological principle of social and humanitarian cognition] // Voprosy filosofii [Questions of philosophy]. 2009. № 8. S. 135–146. (In Russ.)

Shestova T.L. Global'naia istoriia: uchebnoe posobie [Global history: textbook]. Moskva, 2022. (In Russ.)

Vsemirnaia istoriia v 6 t. T. 6. Mir v XX v.: epokha global'nykh transformatsii [World History in 6 vols. Vol. 6. The World in the twentieth century: the era of global transformations] / pod red. A.O. Chubar'iana, zam. otv. red. M.A. Lipkin, V.S. Mirzekhanov. Moskva, 2018. (In Russ.)

Globalization and Global History / eds B.K. Gills, W.R. Thompson. London, 2006.

McNeill W.H., McNeill J.R. The Human Web: A Bird's-Eye View of World History. New York, 2003.

Wesseling H.L. Fernand Braudel, Historian of the "Longue Durée" // Itinerario. 1981. Vol. 5 (2). P. 15–29.

© 2024 г. М.Ю. Мягков

100 ЛЕТ ВЫДАЮЩЕМУСЯ РОССИЙСКОМУ ВОЕННОМУ ИСТОРИКУ ОЛЕГУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ РЖЕШЕВСКОМУ

Мягков Михаил Юрьевич — доктор исторических наук, научный директор Российского военно-исторического общества (Москва, Россия).

E-mail: myagkov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3513-8099

M.Yu. Myagkov

CENTENARY OF THE OUTSTANDING RUSSIAN MILITARY HISTORIAN OLEG ALEXANDROVICH RZHESHEVSKY

Mikhail Myagkov, Scientific Director of the Russian Military Historical Society (Moscow, Russia).

E-mail: myagkov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3513-8099

16 апреля 2024 г. исполнилось 100 лет со дня рождения патриарха отечественной военной историографии Олега Александровича Ржешевского (1924—2019).

Главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, академик РАЕН, заслуженный деятель науки РСФСР, д. и. н., проф. Олег Александрович Ржешевский родился ровно за 21 год до того дня, когда началась последняя решающая битва Великой Отечественной войны — Берлинская стратегическая операция Красной армии. Может не случайно он посвятил истории штурма столицы нацистской Германии цикл своих ярких работ, в том числе документальное исследование о том, как западные союзники хотели в конце войны захватить Берлин под носом у советских войск¹.

Вся жизнь и научные интересы О.А. Ржешевского неразрывно связаны с Великой Отечественной войной, во время которой он был летчиком-инструктором Чугуевского военного авиационного училища. Путь в небо начался для молодого человека еще со школьной скамьи. Ради поступления в аэроклуб он исправил все неудовлетворительные оценки по ряду предметов. Огромную роль в становлении личности Олега Александровича сыграл его отец — выдающийся драматург и сценарист Александр Георгиевич Ржешевский, работавший с такими кинорежиссерами, как Всеволод Пудовкин, Леонид Луков и Сергей Эйзенштейн. Именно отец привил ему тягу к творчеству и настойчивость в достижении цели.

После войны Олег Александрович поступил

и в 1953 г. с отличием окончил факультет спецпропаганды Военного института иностранных языков и был направлен в Группу советских войск в Германии. Прекрасное знание английского и других языков позволило ему уже в то время знакомиться с западной литературой, посвященной Второй мировой войне. Среди его интересов были мемуары бывших немецких, а также английских и американских военачальников. Широка кругозора О.А. Ржешевского позволила ему стать в 1964 г. заведующим отделом истории в редакции журнала «Советское военное обозрение», а в 1967 г. защитить кандидатскую диссертацию «Идеологическая обработка военнослужащих США» в Военно-политической академии.

В 1967—1979 гг. О.А. Ржешевский последовательно являлся старшим научным сотрудником, начальником отдела военной истории капиталистических стран, начальником Управления зарубежной военной истории Института военной истории Министерства обороны (МО) СССР. В стенах этого учреждения Олег Александрович сформировался как историк-профессионал. Вся его научная и общественная деятельность была посвящена делу защиты правды о Великой Отечественной войне и Великой Победе. В 1978 г. он защитил докторскую диссертацию «Война и история: буржуазная историография США о Второй мировой войне». Основная проблематика и выводы работы были им обобщены в монографии «Война и история» (М., 1976; 2-е изд. М., 1984).

В 1979 г. Олега Александровича пригласили на работу в Институт всеобщей истории Академии наук СССР (ныне — ИВИ РАН), где он стал руководителем

¹ *Ржешевский О.А.* Берлинская операция 1945 г. Дискуссия продолжается // Мир истории. 2002. № 4. URL: https://portal.us.ru/modules/history/tus_readme.php?subaction=showfull&id=1096317329&archive=1447001994&start_from=&ucat=&

сектора военной истории (впоследствии Отдел истории войн и геополитики). Он продолжил участвовать в разработке 12-томной «Истории Второй мировой войны. 1939–1945». Как заместитель главного редактора третьего тома внес заметный вклад в его подготовку, за что по завершении работы над проектом был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Написанные лично Олегом Александровичем Ржевским книги и вышедшие под его руководством фундаментальные труды по военной истории прочно вошли в золотой фонд отечественной исторической науки. В ИВИ РАН он последовательно выступал за объективное изучение и освещение уроков Второй мировой войны. Его научные монографии: «Война и дипломатия: документы, комментарии (1941–1942)» (М., 1997); «Война 1941–1945: факты и документы» (в соавторстве с Е.Н. Кульковым и М.Ю. Мягковым. М., 2003; 4-е изд. М., 2014); «Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945» (М., 2004) и другие выдержали несколько переизданий в нашей стране и за рубежом.

Олег Александрович, изучив сотни дипломатических и военных документов о встречах в годы войны И.В. Сталина и У. Черчилля, ярко показал в своих работах, что отношения между двумя лидерами складывались очень непросто, противоречиво, натапливаясь на столкновение характеров, человеческих страстей и темпераментов. Однако, как пишет О.А. Ржевский, их личные контакты сыграли выдающуюся роль в становлении антигитлеровской коалиции. «Сталин дважды принимал Черчилля в Москве, — писал историк, — и умело использовал это преимущество. В 1942 г., когда Черчилль, неудовлетворенный дискуссией, объявил об отъезде в Англию, Сталин пригласил британского премьера на свою квартиру. Кратковременная встреча с дочерью Сталина, ужин и ночная беседа изменили не только настроение Черчилля, но и весь итог встречи. По возвращении в Лондон Черчилль произнес в палате общин яркую речь о своем визите в Москву, значении англо-советского боевого союза и оценил Сталина в самых высоких выражениях. Черчиллю импонировали цепкая память Сталина, его исторические и военные знания, четкое и ясное выражение мыслей. И Сталин, и Черчилль провели немало застольных дискуссий, умели выпить, хотя и в разной степени, не теряя над собой контроля»².

Олег Александрович возглавлял крупные научные проекты по подготовке и изданию многих фундаментальных трудов по военной истории XX в. Среди них: «Причины возникновения Второй мировой войны» (М., 1982); «Причины Второй мировой войны: документы и комментарии» (М., 1988); «1939 год: уроки истории» (М., 1990); «Вторая мировая война: актуальные проблемы» (М., 1995) и др. О.А. Ржевский, тщательно изучая дипломатические документы кануна

Великой Отечественной войны из отечественных и многих зарубежных архивов, делал вывод: «Довольно распространенная точка зрения, что после неудач англо-франко-советских переговоров (март – август 1939 г.), заключения советско-германских договоров о ненападении (23 августа 1939 г.) и о дружбе и границе (28 сентября 1939 г.) советско-английские и советско-американские отношения оставались вплоть до нападения Германии на СССР (22 июня 1941 г.) однозначно негативными, требует существенной корректировки... Главное – ко времени нападения Германии на СССР У. Черчилль и Ф. Рузвельт пришли к общему выводу, что они выступят за поддержку СССР в борьбе против нацистской агрессии, хотя, какой будет эта поддержка, было далеко не ясно»³.

Анализируя весь комплекс отечественных архивных материалов 1940–1941 гг., О.А. Ржевский отмечал: «То, что вооруженная схватка (между Германией и СССР. — М.М.) неизбежна, понимали многие. Тем не менее для армии и народа война оказалась неожиданной. Надеялись, что Германия еще будет соблюдать договор о ненападении, полагая, что война на два фронта для нее невысказана. Расчеты советского политического руководства на то, что до 1942 года удастся воспрепятствовать вовлечению СССР в войну, оказались ошибочными. Однако следует отвести как несостоятельную версию о том, что Сталин “все знал” о предстоящем нападении Германии и его сроках, но действенных мер не предпринял. Сведения, поступающие правительству, были противоречивы, затрудняли анализ и без того сложной обстановки, препятствовали раскрытию главной цели дезинформационной деятельности нацистских спецслужб – достигнуть внезапности первого удара вермахта»⁴.

Большой резонанс в России и за рубежом получила публикация коллективной работы, которую возглавил О.А. Ржевский, «Мировые войны XX века» (М., 2002). В ней приняли участие историки РАН, Института военной истории МО РФ, ученые ведущих вузов страны. Этот четырехтомник стал первым комплексным исследованием глобальных конфликтов XX столетия, разработанным на основе новейших достижений науки и недавно рассекреченных документов. Еще один фундаментальный труд, инициатором которого выступил О.А. Ржевский, «Война и общество в XX веке» (в 3-х кн. М., 2008) показал многостороннюю палитру жизни людей разных стран в тяжелейшие годы военного лихолетья прошедшего столетия. Яркость изложения материала ведущими учеными страны позволила сделать этот труд востребованным широкой общественностью. Все эти работы, которые создавались при активной поддержке дирекции ИВИ РАН и личном участии и руководстве академика А.О. Чубарьяна, вошли в золотой фонд отечественной военной историографии.

² Ржевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 538–539.

³ Ржевский О.А. Перед великим испытанием. К 65-летию начала Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2006. № 4. С. 5–6.

⁴ Там же. С. 4.

Олега Александровича Ржешевского всегда отличала замечательная черта, присущая только крупным ученым, — за частностями видеть общее и выстраивать картину исследования на строго научных и достоверных фактах. Востребованность такого подхода наиболее ярко проявилась при создании в 2010-х годах нового фундаментального труда «Великая Отечественная война 1941—1945 годов: в 12-ти т.» (М., 2011—2015). Председателем Главной редакционной комиссии труда выступил министр обороны России С.К. Шойгу, а его заместителем и научным руководителем труда — генерал В.А. Золотарев. О.А. Ржешевский, войдя в состав редакционной комиссии, много сделал для создания концепции многотомника и постановки важнейших вопросов, которые необходимо было решить его авторскому коллективу. Во-первых, стояла задача заново осмыслить причины и ход Великой Отечественной и Второй мировой войны. Во-вторых, на основе большого количества недавно открытых архивных документов еще ярче подчеркнуть решающую роль Советского Союза в достижении Победы над агрессорами, выделить ее главные уроки для современного поколения. Опыт и талант Олега Александровича, безусловно, помогли решить эти задачи на высоком научном уровне.

Важнейшая заслуга О.А. Ржешевского — укрепление научных связей России с зарубежными военными историками. Он являлся президентом Российской ассоциации историков Второй мировой войны, вице-президентом Международного комитета истории Второй мировой войны, членом совместной комиссии историков Германии и России. Благодаря его инициативе и многолетним усилиям в нашей стране были переведены и изданы с научными комментариями книги ведущих западных историков и мемуаристов: Б. Лидел-Гарта, Д. Эйзенхауэра, М. Говарда, У. Ширера. Г. Солсбери, Дж. Робертса и др.⁵ Именно Олег Александрович впервые открыл для отечественных исследователей уникальный документ из британских архивов — план У. Черчилля войны против СССР 1945 г. (план «Немыслимое»). Он также провел большой исторический анализ так называемого процентного соглашения между У. Черчиллем и И.В. Сталиным на переговорах в Москве в октябре 1944 г. О.А. Ржешевский полагал, что тесные взаимоотношения между двумя лидерами «Большой тройки» позволяли им находить выход из самых непростых ситуаций внутри антигитлеровской коалиции в годы войны.

Подводя итог характеру взаимоотношений И.В. Сталина и У. Черчилля в годы Второй мировой войны, О.А. Ржешевский писал: «Черчилль неодно-

кратно в личных беседах заявлял, что “Сталин его никогда не обманывал”, стремился к встречам со Сталиным и после своей речи в Фултоне (1946). Переломной, видимо, была весна 1945 г. В Лондоне “советская угроза заменила нацистского врага”. В Москве стало известно о британских планах войны против СССР. 7 ноября 1945 г. Черчилль посвятил часть своего выступления в палате общин выражению благодарности советскому народу и заявил в адрес Сталина: “Я лично не могу чувствовать ничего иного, помимо величайшего восхищения по отношению к этому подлинно великому человеку, отцу своей страны, правящему судьбой своей страны во времена мира и победоносному ее защитнику во время войны”. 9 ноября это опубликовала газета “Правда”. Реакция Сталина была категоричной. В очередном “Письме с юга” (Сталин находился в отпуске на Кавказе) он выговаривал “четверке” (В.М. Молотову, Г.М. Маленкову, Л.П. Берии и А.И. Микояну): “Считаю ошибкой опубликование речи Черчилля о восхвалении России и Сталина. Все это нужно Черчиллю, чтобы успокоить свою нечистую совесть и замаскировать свое враждебное отношение к СССР”. Началась “холодная война”»⁶.

Уникальным в постсоветской истории стал выход в свет коллективного трехтомного труда «Страна в огне» (М., 2011, 2017), посвященного Великой Отечественной войне. Первоначально в нем приняли участие историки из России, Беларуси и Украины. Однако государственный переворот в Киеве в 2014 г. сделал невозможным продолжение работы над ним украинских ученых. Тем не менее огромный труд — теперь уже российских и белорусских историков — вышел в свет и стал фундаментальной основой для продолжения ими исследований в рамках Союзного государства. Многотомник был отмечен премией Российской академии наук и Национальной академии наук Беларуси.

Олег Александрович Ржешевский много сил отдал для поддержки талантливых отечественных исследователей. Он постоянно заботился о молодых ученых. По сути, им была создана целая школа военных историков России, придерживающихся объективной государственной позиции на события Великой Отечественной и Второй мировой войны. Сегодня они работают в ведущих научных организациях страны: Институте военной истории МО РФ, ИВИ РАН, МГИМО МИД России, Российском военно-историческом обществе (РВИО) и др. В память об О.А. Ржешевском в Библиотеке военного историка РВИО создан специальный раздел, где собраны произведения и книги, находившиеся в его личной коллекции. Там же находится замечательный труд историка (написанный совместно с британскими авторами), который вышел в свет на английском языке уже после кончины Олега Александровича, — «Черчилль и Сталин: товарищи по оружию во время Второй мировой войны»⁷.

⁵ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М., 1974; Говард М. Большая стратегия. М., 1980; Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. М., 1980; Ширер У. Взлет и падение третьего рейха. М., 1991; Солсбери Г. 900 дней. Блокада Ленинграда. М., 1996; Робертс Дж. Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю. М., 2003; Его же. Сталинский маршал. Георгий Жуков. М., 2013; Его же. Вячеслав Молотов. Сталинский рыцарь холодной Войны. М., 2014.

⁶ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 539

⁷ Rzheshesky O., Folly M., Roberts G. Churchill and Stalin. Comrades-in-Arms during the Second World War. Barnsley, 2019.

О.А. Ржевский уделял большое внимание просветительской работе. Ему принадлежит несомненная заслуга в создании многосерийного документального телефильма «Великая Отечественная/The Unknown War (Неизвестная война)»⁸, который был показан отечественной и зарубежной аудитории. В США он вызвал невероятный успех. Подлинная кинохроника боевых действий на советско-германском фронте, воспоминания ветеранов, архивные свидетельства наглядно продемонстрировали решающую роль Советского Союза в разгроме гитлеровской Германии. Олег Александрович участвовал в подготовке и многих других документальных фильмов, посвященных событиям предвоенного политического кризиса, решающим битвам Великой Отечественной войны, итогам и урокам Второй мировой войны и др.

Олег Александрович Ржевский был большим другом Российского военно-исторического общества. При его участии готовились научные конференции, фундаментальные труды и энциклопедии, лекции и другие мероприятия.

О.А. Ржевский был награжден многими наградами: медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; орденом Трудового Красного Знамени; орденом Почета; знаком Министерства иностранных дел Российской Федерации «За вклад в международное сотрудничество» и др. Но его главное наследие — призыв к неустанному творчеству. Он не раз повторял, что как ученый-историк он ежедневно с большим удовольствием садился за свой рабочий стол в кабинете или шел изучать документы в архив. Труд и стремление к познанию — те императивы, которые имеют непреходящий характер. Такой стиль работы любого серьезного исследователя остается эталоном во все времена.

Библиография

- Говард М.* Большая стратегия. М., 1980.
Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М., 1974.
Ржевский О.А. Берлинская операция 1945 г. Дискуссия продолжается // Мир истории. 2002. № 4. URL: https://portalus.ru/modules/history/rus_readme.php?subaction-showfull&id-1096317329&archive-1447001994&start_from-&ucat-&
Ржевский О.А. Перед великим испытанием. К 65-летию начала Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2006. № 4. С. 5–6.

- Ржевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004.
Робертс Дж. Вячеслав Молотов. Сталинский рыцарь холодной войны. М., 2014.
Робертс Дж. Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю. М., 2003.
Робертс Дж. Сталинский маршал. Георгий Жуков. М., 2013.
Солсбери Г. 900 дней. Блокада Ленинграда. М., 1996.
Ширер У. Взлет и падение третьего рейха. М., 1991.
Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. М., 1980.
Rzheshevsky O., Folly M., Roberts G. Churchill and Stalin. Comrades-in-Arms during the Second World War. Barnsley, 2019.

References

- Eizenkhauer D.* Krestovyi pokhod v Evropu [The Crusade to Europe]. Moskva, 1980. (In Russ.)
Govard M. Bol'shaia strategiiia [Grand Strategy]. Moskva, 1980. (In Russ.)
Liddel Gart B. Vtoraia mirovaia voina [World War II]. Moskva, 1974. (In Russ.)
Roberts Dzh. Pobeda pod Stalingradom. Bitva, kotoraiia izmenila istoriiu [The victory at Stalingrad. The Battle that changed history]. Moskva, 2003. (In Russ.)
Roberts Dzh. Stalinskii marshal. Georgii Zhukov [Stalin's marshal. Georgy Zhukov]. Moskva, 2013. (In Russ.)
Roberts Dzh. Viacheslav Molotov. Stalinskii rytsar' kholodnoi Voiny [Vyacheslav Molotov. Stalin's Knight of the Cold War]. Moskva, 2014. (In Russ.)
Rzheshevskii O.A. Berlinskaiia operatsiia 1945 g. Diskussia prodolzhaetsia [Berlin operation 1945. The discussion continues] // Mir istorii [The world of history]. 2002. № 4. URL: https://portalus.ru/modules/history/rus_readme.php?subaction-showfull&id-1096317329&archive-1447001994&start_from-&ucat-& (In Russ.)
Rzheshevskii O.A. Pered velikim ispytaniem. K 65-letiiu nachala Velikoi Otechestvennoi voiny [Before the great test. To the 65th anniversary of the beginning of the Great Patriotic War] // Voennno-istoricheskii zhurnal [Military Historical Journal]. 2006. № 4. S. 5–6. (In Russ.)
Rzheshevskii O.A. Stalin i Cherrhill'. Vstrechi. Besedy. Diskussii. Dokumenty, kommentarii [Stalin and Churchill. Meetings. Conversations. Discussions. Documents, comments]. 1941–1945. Moskva, 2004. (In Russ.)
Shirer U. Vzlet i padenie tret'ego reikha [The Rise and Fall of the Third Reich]. Moskva, 1991. (In Russ.)
Solsberi G. 900 dnei. Blokada Leningrada [900 days. The Siege of Leningrad]. Moskva, 1996. (In Russ.)
Rzheshevsky O., Folly M., Roberts G. Churchill and Stalin. Comrades-in-Arms during the Second World War. Barnsley, 2019.

⁸ Документальный телевизионный сериал советско-американского производства, режиссер Р. Кармен (1978).

ДЛЯ АВТОРОВ

Любая подаваемая для рецензирования и возможной публикации статья должна являться оригинальным исследованием автора, которое не было опубликовано ранее, полностью или частично, ни в печатном, ни в электронном виде и которое не находится на рассмотрении в другом журнале.

1. Авторы подают рукопись, оформленную по установленным правилам, в электронном виде через сайт журнала: <https://nni.jes.su> (требуется регистрация на сайте).
2. Все рукописи проходят процесс двойного слепого рецензирования.
3. Решение о принятии статьи к публикации принимается в течение трех месяцев с момента поступления рукописи в редакцию. Автор будет извещен о результатах рецензирования. Рецензии (в анонимном виде) могут быть направлены автору по запросу.
4. При положительном заключении рецензентов статья передается редактору для подготовки к печати. При принятии решения о доработке статьи замечания и комментарии рецензентов передаются автору. Автору дается 1 месяц на устранение замечаний. Если в течение этого срока автор не уведомил редакцию о планируемых действиях, статья снимается с очереди публикации.
5. Объем текста рукописи статьи не должен превышать 1,2 п.л. (до 50 тыс. знаков), включая аннотацию, ключевые слова, сноски и библиографию/references. Объем рецензии не должен превышать 0,4 п.л. (16 тыс. знаков). Текст рукописи должен быть сохранен в форматах doc, docx, rtf.
6. Рукописи, отредактированные автором, должны быть напечатаны шрифтом Times New Roman (размер шрифта – 14) через полтора интервала.
7. Нумерация страниц должна быть сквозной, номер страницы проставляется вверху, посередине страницы.
8. Аннотация (200–230 слов) и ключевые слова (до 5–9) должны быть представлены на английском и русском языках.
9. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и основные выводы автора.
10. Ключевые слова необходимы для индексирования статьи в библиографических базах данных и на сайтах библиотек, поэтому они должны соответствовать общепринятым историческим терминам и понятиям, рубрикам предметных каталогов ведущих российских и иностранных библиотек.
11. Журнал «Новая и новейшая история» осуществляет процесс двойного слепого рецензирования. Поэтому вся информация об авторе (ФИО автора, ученая степень и звание, место работы, электронный адрес автора, а также идентификационный номер автора (ID) в базах Web of Science и/или Scopus на русском и английском языках) должна располагаться на отдельном листе и высылаться отдельным файлом.
12. Текст статьи должен начинаться с ее названия, текст присылается в редакцию отдельным файлом. В названии файла, содержащего текст рукописи, не следует указывать имя и фамилию автора. Названия статей должны быть приведены на русском и английском языках.
13. Сноски, по возможности, не должны превышать 10–15% текста и быть постраничными.
14. Мы просим авторов не использовать графики, таблицы, карты, иллюстрации и т.п. без крайней необходимости.
15. Библиография и References помещаются в конце статьи и оформляются по общепринятым правилам.

Подробная информация по требованиям к авторам и примеры оформления статей размещены в разделе «авторам» на сайте журнала: <https://nni.jes.su>

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

РЕДАКТОРЫ ОТДЕЛОВ:

Г.Г. Акимова, А.В. Короленков, Д.А. Саноян

Зав. редакцией *В.В. Лоскутова*

Подписано к печати xx.04.2024 г.
Дата выхода в свет: xx.04.2024 г.
Тираж экз.

70·100¹/₁₆
Зак.

Уч.-изд. л.
Цена свободная

18+

Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

Исполнитель ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.
Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.